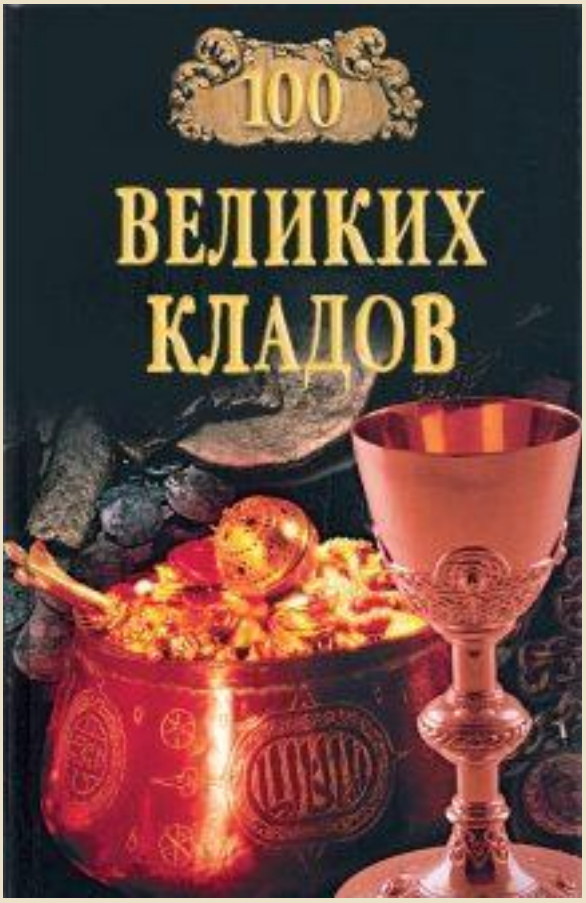

С глубокой древности тысячи людей мечтали найти настоящий клад, потрясающий воображение своей ценностью или общественной значимостью. В последние два столетия все больше кладов попадает в руки профессиональных археологов, но среди нашедших клады есть и авантюристы, и просто случайные люди. Для одних находка крупного клада является выдающимся научным открытием, для других — обретением национальной или религиозной реликвии, а кому-то важна лишь рыночная стоимость обнаруженных сокровищ. Кто знает, сколько еще нераскрытых загадок хранят недра земли, глубины морей и океанов? В историях о кладах подчас невозможно отличить правду от выдумки, а за отдельными еще не найденными сокровищами тянется длинный кровавый след… Эта книга рассказывает о ста великих кладах всех времен и народов — реальных, легендарных и фантастических — от сокровищ Ура и Трои, золота скифов и фракийцев до призрачных богатств ордена тамплиеров, пиратов Карибского моря и запорожских казаков.

100 великих кладов

Николай Непомнящий, Андрей Низовский
100 великих кладов
КЛАДЫ РЕАЛЬНЫЕ…
СОКРОВИЩА ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Золото из царских гробниц Ура

В Южной Месопотамии, приблизительно на полпути от Багдада к Персидскому заливу, посреди голой и бесплодной пустыни высятся нагромождения холмов. Арабы называют это место «Тал ал-Муккайир» («Смоляной холм»). Трудно даже поверить, что некогда эта пустыня была обитаема. И тем не менее здесь, под слоем выветренной породы, покоятся руины древнего города, известного как «Ур халдеев» или «Ур Халдейский». Но история Ура берет свое начало задолго до появлении в Двуречье халдейских племен.

Ур — один из древнейших городов мира. По преданию, его уроженцем был библейский праотец Авраам. Этот город начал играть важную роль уже в III тысячелетии до н. э. Однако около 2350 года до н. э. правитель города Аккад по имени Саргон (Саргон Великий) захватил цветущие города Южного Двуречья. Династия Саргона правила двести лет. Около 2200 года до н. э. Двуречье было покорено племенами кутиев. Но уже в конце III тысячелетия до н. э. кутии были побеждены, и Ур снова приобрел статус главного города Двуречья.

Цари III династии Ура правили Месопотамией более ста лет. При них впервые в мировой истории началось возведение протяженных укреплений на границах государства (наподобие Великой Китайской стены, Адрианова и Траянова валов и т. д.). Прославленный многочисленными храмами и дворцами, Ур в эти времена процветал. Многочисленные торговые пути вели к нему с гор и с моря, что доказывает благосостояние страны и безопасность торговцев. Эта эпоха стала временем расцвета шумерской культуры.

Последний царь III династии Ура Ибби-Суэн был побежден армией соседнего государства Элам и взят в плен. После этого Ур пришел в упадок. Проходили века, грандиозные сооружения ветшали, некогда неприступные стены превращались в пыль; слава новых народов затмевала старую, а порой совсем стирала ее. Лишь отголоски древних легенд, пробиваясь сквозь толщу веков, напоминали о величественных храмах и дворцах Ура.

Археологические исследования древней столицы шумеров начались в 1922 году и велись на протяжении двенадцати сезонов (1922–1934). Этими изысканиями, организованными совместно Университетским музеем в Пенсильвании и Британским музеем, бессменно руководил английский археолог Леонард Вулли, выпускник Оксфорда. К моменту начала раскопок ему было 42 года и он уже был известен своими раскопками в Египте, Нубии и Сирии.

В начале 1927 года экспедиция Вулли приступила к раскопкам городского кладбища. Археологи обнаружили здесь около двух тысяч могил. «Должен признаться, что научная обработка двух тысяч могил из-за

ее однообразия наскучила нам до крайности, — вспоминал Вулли. — Почти все могилы были одинаковыми, и, как правило, в них не оказывалось ничего особенно интересного».

Однако вскоре выяснилось, что в действительности здесь одно под другим лежат два кладбища разных периодов. Верхнее, судя по надписям на цилиндрических печатях, относилось ко временам правления Саргона, то есть возраст его составлял приблизительно 4200 лет. Но под ним оказались могилы второго кладбища! И именно здесь археологов ждали совершенно неожиданные находки.

Первым сигналом о близости чего-то необычного стали круглые колодцы, спускавшиеся вертикально на глубину погребения, а затем переходившие в горизонтальный лаз. Судя по найденным в одном из колодцев черепкам, он был прорыт во времена Саргона. Но кем и зачем?

Вулли предположил, что это — следы работы древних грабителей могил. В Месопотамии, как и в Египте, ограбление могил являлось одной из древнейших профессий, и те, кто ею занимался, никогда не действовали наугад: они точно знали, где что лежит, и стремились прибрать к рукам что подороже. К этому времени археологи уже нашли сотни разграбленных могил и были уверены, что обнаружить богатое и неразграбленное погребение можно только случайно, при стечении самых счастливых обстоятельств. И в один из дней это произошло.

Сначала кто-то из рабочих заметил торчащий из земли медный наконечник копья. Оказалось, что он насажен на золотую оправу древка. Под оправой было отверстие, оставшееся от истлевшего древка.

Это отверстие привело археологов к углу еще одной могилы. Она была чуть больше обычной, но такого же типа и представляла собой простую яму в земле, вырытую по размерам гроба с таким расчетом, чтобы с трех сторон от него осталось немного места для жертвенных приношений. В изголовье гроба стоял ряд копий, воткнутых остриями в землю, а между ними — алебастровые и глиняные вазы. Рядом с гробом, на остатках щита, лежали два отделанных золотом кинжала, медные резцы и другие инструменты. Тут же находилось около пятидесяти медных сосудов, серебряные чаши, медные кувшины, блюда и разнообразная посуда из камня и глины. В ногах гроба стояли копья и лежал набор стрел с кремневыми наконечниками.

Но по-настоящему археологи были поражены, когда очистили от земли гроб. Скелет в нем лежал в обычной позе спящего на правом боку. Кости настолько разрушились, что от них осталась лишь коричневая пыль, по которой можно было определить положение тела. И на этом фоне ярко сверкало золото — такое чистое, словно его сюда только что положили…

На уровне живота лежала целая куча золотых и лазуритовых бусин — их было несколько сотен. Золотой кинжал и оселок из лазурита на золотом кольце когда-то были подвешены к распавшемуся серебряному поясу. Между руками покойного стояла тяжелая золотая чаша, а рядом — еще одна, овальной формы и больших размеров. Возле локтя стоял золотой светильник в форме раковины, а за головой — третья золотая чаша. У правого плеча лежал двусторонний топор из электра (сплава золота и серебра), а у левого — обычный топор из того же металла. Позади тела в одной куче перепутались золотые головные украшения, браслеты, бусины,

амулеты, серьга в форме полумесяца и спиральные кольца из золотой проволоки.

Но это все археологи рассмотрели потом, а сперва им бросился в глаза сверкающий золотой шлем, покрывавший истлевший череп. Шлем глубоко надвигался на голову и прикрывал лицо щечными пластинами. Он был выкован из чистого золота и имел вид пышной прически. Чеканный рельеф на шлеме изображал завитки волос, а отдельные волоски были изображены тонкими линиями. От середины шлема волосы спускались вниз плоскими завитками, перехваченными плетеной тесьмой. На затылке они завязывались в небольшой пучок. Ниже тесьмы волосы ниспадали локонами вокруг вычеканенных ушей с отверстиями, чтобы шлем не мешал слышать. По нижнему краю были проделаны маленькие отверстия для ремешков, которыми закреплялся стеганый капюшон. От него сохранилось лишь несколько обрывков.

Этот шлем представляет собой самый прекрасный образец работы шумерских мастеров золотых дел. «Если бы даже от шумерского искусства ничего больше не осталось, достаточно одного этого шлема, чтобы отвести искусству древнего Шумера почетное место среди цивилизованных народов», — писал Леонард Вулли.

Кем был этот человек, пять тысяч лет назад погребенный с такой роскошью? На двух золотых сосудах и на светильнике повторяется надпись «Мескаламдуг, Герой Благодатной страны». Впоследствии то же имя было прочитано на цилиндрической печати, обнаруженной в другом погребении, причем здесь Мескаламдуг именовался «царем». Однако Вулли предположил, что Мескаламдуг был всего лишь принцем царского рода, так как отсутствие в его погребении символов царской власти указывает на то, что он никогда не занимал трона, а само погребение относилось к обычному типу частных могил. Но окончательно Вулли уверился в своей правоте лишь тогда, когда археологи нашли настоящие гробницы царей Ура.

«Если бы мы не видели царских гробниц, то, наверное, решили бы, что здесь похоронен царь», — писал Вулли впоследствии о погребении Мескаламдуга. А увидели они царские гробницы лишь в последние дни сезона 1926/27 года.

Всего здесь было шестнадцать царских захоронений, и ни одно из них не походило на другое. Жители Ура хоронили царей в гробницах из камня или из обожженного кирпича. Каждая такая гробница состояла из одного помещения или из анфилады тщательно отделанных комнат — настоящий подземный дворец! Но, к сожалению, почти все гробницы были разграблены еще в древности. В неприкосновенности уцелели только две.

Первая царская гробница, вскрытая Вулли, дала археологам очень мало материала — во-первых, потому, что она была безнадежно разрушена грабителями, а во-вторых, потому, что, как честно признавался потом сам Вулли, «мы только приступили к раскопкам такого рода и сами еще не знали, что нужно искать». Впрочем, здесь, среди массы бронзового оружия, археологи нашли ныне знаменитый золотой кинжал Ура. Его лезвие было выковано из чистого золота, рукоятка сделана из лазурита с золотыми заклепками, а великолепные золотые ножны украшал тонкий рисунок, воспроизводящий тростниковую плетенку. Здесь же был найден еще один не менее ценный предмет — золотой конусообразный стакан, украшенный

спиральным орнаментом. В нем оказался набор миниатюрных туалетных принадлежностей, изготовленных из золота.

До сих пор в Месопотамии не находили ничего, хотя бы отдаленно похожего на эти предметы. Они были так необычны, что один из лучших европейских экспертов той поры заявил, что это вещи арабской работы XIII века н. э. Никто и не подозревал, какое высокое искусство существовало уже в III тысячелетии до нашей эры!

Однако самые главные открытия были сделаны археологами в сезоне 1927/28 года.

Все началось с находки пяти скелетов, уложенных бок о бок на дне наклонной траншеи. У каждого из них на поясе был медный кинжал, рядом стояли маленькие глиняные чашки. Отсутствие привычной погребальной утвари и сам факт массового захоронения показались ученым весьма необычными.

Начав копать вдоль траншеи, Вулли и его коллеги наткнулись на вторую группу скелетов: десять женщин были уложены двумя ровными рядами. На всех были головные украшения из золота, лазурита и сердолика, изящные ожерелья из бусин, но обычной погребальной утвари при них тоже не оказалось. Зато здесь лежали остатки великолепной арфы: ее деревянные части истлели, однако украшения сохранились полностью, и по ним можно было восстановить весь инструмент. Верхний деревянный брус арфы был обшит золотом, в котором держались золотые гвозди — на них натягивали струны. Резонатор украшала мозаика из красного камня, лазурита и перламутра, а впереди выступала великолепная золотая голова быка с глазами и бородой из лазурита. Прямо на остатках арфы покоился скелет арфиста в золотой короне.

Следуя дальше по траншее, археологи натолкнулись на остатки костей, которые явно не были человеческими. Вскоре все разъяснилось. Неподалеку от входа в подземную гробницу стояли тяжелые деревянные салазки, рама которых была отделана красно-бело-синей мозаикой, а боковые панели — раковинами и золотыми львиными головами с гривами из лазурита на углах. Верхний брус украшали золотые львиные и бычьи головы меньшего размера, спереди были укреплены серебряные головы львиц. Ряд бело-синей инкрустации и две маленькие серебряные головки львиц отмечали положение истлевшего дышла. Перед салазками лежали скелеты двух ослов, а в их головах — скелеты конюхов. Сверху этой груды костей лежало некогда прикрепленное к дышлу двойное серебряное кольцо, сквозь которое проходили вожжи, а на нем золотой амулет в виде фигурки ослика.

Рядом с повозкой археологи нашли игральную доску. Тут же была целая коллекция оружия, утвари и инструментов — набор долот, большие серые горшки из мыльного камня, медная посуда, золотая пила, золотая трубка с лазуритовой отделкой — через такие трубки шумеры пили из сосудов разные напитки.

Дальше снова лежали человеческие скелеты. За ними — остатки большого деревянного сундука, украшенного мозаичным узором из перламутра и лазурита. Сундук был пуст. Наверное, в нем хранилась одежда, истлевшая без следа.

За сундуком стояли жертвенные приношения: множество медных, серебряных, золотых и каменных сосудов, причем среди последних оказались великолепные образчики, выточенные из лазурита, обсидиана, мрамора и алебастра. Один серебряный набор, по-видимому, служил для ритуальной трапезы. Он включал в себя узкий поднос или блюдо, кувшин с высоким горлышком и длинным носиком и несколько высоких стройных серебряных кубков, вставленных один в другой.

Среди сокровищ, обнаруженных в этой донельзя загроможденной могиле, оказался еще один кубок — золотой, с насечкой по верху и низу и коваными вертикальными желобами, а также похожий на него сосуд для воды, чаша, гладкий золотой сосуд и две великолепные серебряные головы львов, по-видимому, некогда украшавшие царский трон.

Предметов было много, костей тоже, но среди них археологи не находили главного — останков того, кому принадлежала эта гробница. Когда все предметы были извлечены на поверхность, Вулли и его коллеги приступили к разборке остатков деревянного сундука длиной 1,8 метра и 0,9 метра шириной. Под ним неожиданно обнаружились обожженные кирпичи. Кладка была разрушена, и лишь в одном месте уцелел фрагмент крутого свода над каменным покоем. Неужели это и есть гробница? Да, так оно, вероятно, и было. Однако эта гробница была ограблена еще в древности, и свод над нею не обрушился, а был пробит намеренно. Затем над проломом для маскировки поставили деревянный сундук.

Археологи расширили площадь раскопок и сразу же натолкнулись еще на одну шахту, отделенную от первой стеной и расположенную на 1,8 метра ниже. На площадке у входа в эту вторую гробницу лежали в две шеренги скелеты шестерых солдат в медных шлемах, совершенно расплющенных вместе с черепами. При каждом было копье с медным наконечником.

Ниже стояли две деревянные повозки, когда-то запряженные каждая тремя быками. Один из скелетов быков сохранился почти полностью. От повозок ничего не осталось, но отпечатки истлевшего дерева были настолько ясны, что можно было различить даже структуру дерева массивных колес и серовато-белый круг, оставшийся от кожаного обода или шины. Судя по всему, повозки были довольно просты, но упряжь украшали продолговатые серебряные и лазуритовые бусины. Вожжи пропускались сквозь серебряные кольца с амулетами, изображающими быков.

И снова — человеческие останки. Перед бычьей упряжкой лежали скелеты конюхов, на повозках — истлевшие костяки возниц, вдоль стен гробницы лежали останки девяти женщин. Они были чрезвычайно пышно облачены: на головах — парадные головные уборы из лазуритовых и сердоликовых бус с золотыми подвесками в форме буковых листьев, серебряные «гребни» в виде кисти руки с тремя пальцами, оканчивающимися цветами, лепестки которых инкрустированы лазуритом, золотом и перламутром; в ушах — большие золотые серьги полумесяцем, на груди — ожерелья из золота и лазурита.

На тела «придворных дам» была поставлена прислоненная к стене гробницы деревянная арфа. От нее сохранилась только медная бычья голова да перламутровые пластинки, украшавшие резонатор. У боковой

стены траншеи, также поверх скелетов, лежала вторая арфа с замечательно выполненной головой быка. Она была сделана из золота, а глаза, кончики рогов и борода — из лазурита. Тут же оказался не менее восхитительный набор перламутровых пластинок с искусной резьбой. На четырех из них изображены шуточные сценки, в которых роль людей играют животные. Самое поразительное в них — это чувство юмора, столь редкое для древнего искусства. А благодаря изяществу и гармоничности рисунка, тонкости резьбы они представляют собой один из самых выдающихся образцов шумерского искусства той эпохи.

Археологи нашли в гробнице и две прислоненные к стене модели лодок: одну — медную, совершенно разрушенную временем, а вторую — серебряную, прекрасно сохранившуюся, длиной около 60 см. У нее высокие нос и корма, пять сидений, а в середине — арка, поддерживавшая тент над пассажирами. В уключинах уцелели даже весла с листообразными лопастями.

Сама погребальная камера была, по-видимому, ограблена. Грабители не оставили почти ничего. Остались лишь человеческие скелеты без всяких украшений; среди них, вероятно, был и прах владельца гробницы. Судя по надписи на найденной здесь же цилиндрической печати, его звали Абарги.

Усыпальница царя располагалась в самом дальнем конце открытой археологами шахты. А за ней оказалась вторая комната, пристроенная к стене царской усыпальницы примерно в то же время или, возможно, немного позже. Эта комната также была перекрыта сводом из обожженного кирпича. Он тоже обвалился, но, к счастью, причиной тому была не алчность грабителей, а просто тяжесть земли. Само же погребение оказалось нетронутым!

Это была гробница царицы. Именно к ней вела верхняя траншея, в которой археологи нашли повозку, запряженную ослами. В заваленной шахте над самым сводом усыпальницы археологи нашли цилиндрическую печать из лазурита с именем царицы — Шубад. Очевидно, печать бросили сюда вместе с первыми горстями земли, когда засыпали гробницу.

Останки царицы покоились в углу усыпальницы на истлевших деревянных носилках. Рядом стоял массивный золотой кубок, в головах и в ногах лежали скелеты двух служанок. Вся верхняя часть тела царицы Шубад была совершенно скрыта под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых и халцедоновых бус. Ниспадая длинными нитями от широкого ожерелья-воротника, они образовали сплошной панцирь, доходящий до самого пояса. По низу их связывала кайма цилиндрических бусин из лазурита, сердолика и золота. На правом предплечье лежали три длинные золотые булавки с лазуритовыми головками и амулеты: один лазуритовый, два золотых в форме рыбок, а четвертый — тоже золотой в виде двух сидящих газелей.

Истлевший череп царицы покрывал чрезвычайно сложный головной убор, похожий на те, что носили «придворные дамы». Его основой служил широкий золотой обруч, который можно было надевать только на парик, причем огромного, почти карикатурного размера. Сверху лежали три венка. Первый, свисавший прямо на лоб, состоял из гладких золотых колец, второй — из золотых буковых листьев, а третий — из длинных золотых

листьев, собранных пучками по три, с золотыми цветами, лепестки которых отделаны синей и белой инкрустацией. И все это было перевязано тройной нитью сердоликовых и лазуритовых бусин. На затылке царицы был укреплен золотой гребень с пятью зубцами, украшенными сверху золотыми цветками с лазуритовой сердцевиной, с боков парика спускались спиралями тяжелые кольца золотой проволоки. Огромные золотые серьги в форме полумесяца свешивались до самых плеч. Очевидно, к низу того же парика были прикреплены нити больших прямоугольных каменных бусин. На конце каждой такой нити висели лазуритовые амулеты, один с изображением сидящего быка, второй — теленка. Несмотря на всю сложность этого головного убора, отдельные части лежали в такой четкой последовательности, что впоследствии его удалось полностью восстановить.

Рядом с телом царицы лежал еще один головной убор. Он представлял собой диадему, сшитую, по-видимому, из полоски мягкой белой кожи. Диадема была сплошь расшита тысячами крохотных лазуритовых бусинок, а по этому густо-синему фону шел ряд изящных золотых фигурок животных: оленей, газелей, быков и коз. Между фигурками были размещены гроздья гранатов, укрытые листьями, и веточки какого-то другого дерева с золотыми стебельками и плодами из золота и сердолика. В промежутках были нашиты золотые розетки, а внизу свешивались подвески в форме пальметок из крученой золотой проволоки.

По всей усыпальнице были расставлены всевозможные приношения: серебряные, медные, каменные и глиняные сосуды, посеребренная голова коровы, два серебряных алтаря для жертвоприношений, серебряные светильники и множество раковин с зеленой краской, в том числе две искусственные — одна золотая, другая серебряная. Подобные раковины попадались почти во всех женских погребениях Ура. В них археологи часто находили остатки белой, красной или черной краски, которая употреблялась как косметическое средство, однако наиболее популярной краской была зеленая.

Гробницы царя Абарги и царицы Шубад были совершенно одинаковы. Однако усыпальница царицы была вырыта ниже уровня шахты. Возможно, царь умер первым и был погребен здесь, а царица пожелала, чтобы ее похоронили как можно ближе к усыпальнице супруга. Чтобы выполнить ее волю, могильщики вновь раскопали шахту над усыпальницей царя, дошли до кирпичного свода, потом взяли чуть в сторону и вырыли колодец, где и была сооружена усыпальница царицы.

Царские гробницы Ура, уникальные по времени, по богатству, по архитектуре и по сложности связанного с ними ритуала, открыли миру не только погребальные обряды древних шумеров, но и многочисленные произведения шумерского искусства, которые сегодня украшают ведущие музеи мира. Большинство предметов, найденных в царских гробницах, было сделано из золота. Шумеры обладали достаточными познаниями в металлургии и столь высоким мастерством в обработке металлических изделий, что в этом с ними вряд ли сравнится хоть один народ древности. Такое мастерство приобреталось веками. При этом шумерские мастера старались следовать установившимся образцам, совершенство которых оттачивалось из поколения в поколение.

К сожалению, значительная часть золотых сокровищ из Ура (включая знаменитый шлем царя Мескаламдуга), хранившихся в Багдадском музее древностей, была разграблена иракскими мародерами в апреле 2003 года.

Сокровища Тутанхамона

Фараон Тутанхамон был весьма незначительным правителем и не прославился в истории абсолютно ничем. Известно только, что он умер очень молодым. И если бы не памятники из его гробницы, имя Тутанхамона упоминалось бы только в узком кругу ученых-египтологов. Но в ноябре 1922 года состоялось одно из крупнейших археологических открытий XX века — в «Долине царей» впервые была обнаружена неразграбленная царская гробница, содержавшая полный погребальный комплекс уникальных по сохранности и художественной ценности предметов.

Честь открытия гробницы Тутанхамона принадлежит английскому археологу Говарду Картеру и лорду Карнарвону, финансировавшему экспедицию. Богатый, независимый человек, спортсмен, собиратель произведений искусства и путешественник, совершивший кругосветное плавание на паруснике, лорд Карнарвон еще юношей увлекся древностями. Он был завсегдатаем антикварных магазинов, коллекционировал старые гравюры и рисунки. В археологии он увидел возможности сочетать две обуревавшие его страсти — к спорту и собирательству, и с 1906 года Карнарвон сначала самостоятельно, а затем в сотрудничестве с археологом-профессионалом Говардом Картером, вел раскопки в «Долине царей». Так в результате целеустремленных многолетних археологических поисков состоялось великое открытие.

Еще в начале XX века экспедиция американца Теодора Дэвиса обнаружила в «Долине царей», в тайнике под скалой, фаянсовый кубок, на котором значилось имя Тутанхамона. Неподалеку, в углублении скалы нашли запечатанные глиняные сосуды, в которых находились головные повязки плакальщиков и другие предметы, также с именем Тутанхамона, а в обнаруженной Дэвисом шахте-могиле отыскалась деревянная шкатулка. На обломках золотой пластинки, лежавшей в шкатулке, тоже значилось имя Тутанхамона.

Дэвис заключил, что открытая им могила-шахта и является местом погребения этого фараона. Но Говард Картер был убежден в другом: все эти предметы использовались во время погребения фараона, а после завершения обряда были собраны, уложены в сосуды и спрятаны недалеко от гробницы. Следовательно, гробница Тутанхамона находится где-то поблизости!

В феврале 1915 года Картер и Карнарвон приступили к планомерным поискам. Это был довольно смелый шаг: «Долина царей» к тому времени считалась хорошо изученной, здесь побывали десятки экспедиций, и весь ученый мир был убежден, что время великих открытий в «Долине царей» миновало. Тем не менее Картер и Карнарвон были твердо убеждены в успехе. «Рискуя быть обвиненным в том, что я проявляю прозорливость задним числом, я тем не менее считаю себя обязанным заявить, что мы твердо надеялись найти совершенно определенную гробницу, а именно: гробницу фараона Тутанхамона», —

писал впоследствии Картер.

Тщательно, метр за метром, его сотрудники обследовали «Долину царей». Всю территорию, на которой могла находиться гробница Тутанхамона, расчистили от грунта. Необследованным оказался лишь небольшой клочок земли, на котором стояли лачуги, где жили рабочие некрополя.

«Сезон проходил за сезоном, не принося результатов, — вспоминал Говард Картер. — Мы вели расколки месяцами, трудились с предельным напряжением и не находили ничего. Только археологу знакомо это чувство безнадежной подавленности. Мы уже начали смиряться со своим поражением и готовились оставить Долину, чтобы попытать счастья в другом месте».

В тот день, когда археологи приступили к сносу хижин рабочих и раскопкам последнего нерасчищенного участка территории, было сделано открытие. 3 ноября 1922 года под первой же сломанной хижиной была обнаружена высеченная в скале ступенька. Когда лестницу расчистили, на уровне двенадцатой ступеньки показался дверной проем, замурованный и запечатанный печатью. Археологи стояли на пороге тайны…

«Внезапность этой находки так ошеломила меня, а последующие месяцы были так наполнены событиями, что я едва нашел время собраться с мыслями и все это обдумать», — писал Картер. Он осмотрел печать: это была печать царского некрополя с изображением шакала и девяти пленных. Следовательно, там, в гробнице, покоился прах какой-то высокопоставленной особы. Дрожа от нетерпения, Картер пробил в двери отверстие такого размера, чтобы туда можно было просунуть электрическую лампочку, и обнаружил, что весь проход по ту сторону двери завален камнями и щебнем. Это лишний раз доказывало, что гробницу пытались максимально обезопасить от непрошеных гостей.

Утром 6 ноября Картер отправил Карнарвону телеграмму: «Наконец удалось сделать замечательное открытие в Долине. Великолепная гробница с нетронутыми печатями. До Вашего приезда все снова засыпано. Поздравляю».

Более двух недель провел Картер в томительном ожидании. 23 ноября лорд Карнарвон вместе со своей дочерью леди Эвелин прибыл в Луксор.

24 ноября дверь была полностью расчищена. В ее нижней части был обнаружен оттиск печати с ясно читаемым именем Тутанхамона. Сомнений не оставалось — это была гробница фараона.

Но радость открытия соединилась с большой тревогой: обнаружилось, что часть замурованного входа в гробницу оказалась дважды последовательно вскрытой, а затем вновь заделанной. Следовательно, грабители побывали в гробнице. Но успели ли они ее разорить? — вот что теперь волновало исследователей.

«Так как теперь была видна вся дверь, мы сумели увидеть то, что до этого было скрыто от наших взоров, а именно: часть замурованного прохода дважды вскрывали и вновь заделывали; ранее найденные нами печати — шакал и девять пленников — были приложены к той части стены, которую открывали, печати же Тутанхамона, которыми и была первоначально запечатана гробница, находились на другой, нижней части стены. Таким

образом, гробница вовсе не была, как мы надеялись, совершенно нетронутой. Грабители побывали в ней, и даже не раз», — пишет Картер. Но то обстоятельство, что гробница была вновь запечатана, говорило о том, что грабителям не удалось очистить ее полностью.

Расчистив галерею, археологи натолкнулись на вторую дверь, тоже опечатанную. Наступил решительный момент.

«Дрожащими руками, — вспоминает Картер, — я проделал небольшое отверстие в левом верхнем углу замурованной стены. Темнота и пустота, в которую щуп свободно уходил на всю длину, говорили о том, что за этой стеной уже не было завала, как в только что очищенной нами галерее. Опасаясь скопления газа, мы сначала зажгли свечу. Затем, расширив немного отверстие, я просунул в него свечу и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, леди Эвелин и Коллендер (египтолог, участник экспедиции. — *Авт.*), стоя позади меня, с тревогой ожидали приговора.

Сначала я ничего не увидел. Теплый воздух устремился из комнаты наружу, и пламя свечи замигало. Но постепенно, когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали медленно выплывать из темноты. Здесь были стройные фигуры зверей, статуи и золото — всюду мерцало золото! На какой-то миг — этот миг показался, наверное, вечностью тем, кто стоял позади меня, — я буквально опешил от изумления.

Не в силах более сдерживаться, лорд Карнарвон с волнением спросил меня: „Вы что-нибудь видите?“ Единственно, что я мог ему ответить, было: „Да, чудесные вещи“. Затем, расширив отверстие настолько, чтобы в него можно было заглянуть вдвоем, мы просунули внутрь электрический фонарь».

При свете фонаря из темноты возникли фантастические животные с горящими глазами, матово поблескивающие большие статуи, массивный золотой трон, алебастровые и золотые сосуды… Головы диковинных зверей отбрасывали на стены чудовищные тени. Словно часовые, стояли одна против другой две статуи из черного дерева, в широких золотых передниках, в золотых сандалиях, с палицами и жезлами. Их лбы обвивали золотые изображения священных змей. В темноте сияли инкрустированные белой пастой и алебастром глаза.

«Можно не сомневаться, что за всю историю археологических раскопок никому до сих пор не удавалось увидеть что-либо более великолепное, чем то, что вырвал из мрака наш фонарь», — сказал Картер, когда первое волнение улеглось.

Его слова подтвердились, когда открыли дверь и луч света от сильной электрической лампы заплясал на золотых носилках, на массивном золотом троне, на матово поблескивающих статуях, на алебастровых вазах… На пороге лежала гирлянда цветов — последняя дань усопшему.

Словно завороженные, стояли Карнарвон и Картер, глядя на всю эту мертвую роскошь и на сохранившиеся на протяжении стольких тысячелетий следы жизни. Прошло немало времени, прежде чем они очнулись и убедились, что в этом помещении не было ни саркофага, ни мумии…

Обойдя шаг за шагом все помещения, археологи обнаружили между статуями часовых еще одну, третью, запечатанную дверь. «В мыслях нам уже представилась целая анфилада комнат, похожих на ту, в которой мы

находились, тоже наполненных сокровищами, и у нас захватило дух», — вспоминал Картер.

27 ноября археологи обследовали дверь и убедились в том, что рядом с дверью, прямо на уровне пола, находится ход, тоже запечатанный, но позднее, чем сама дверь. Значит, и здесь успели побывать грабители? Но что могло скрываться за этой дверью? И почему грабители попытались проникнуть за третью дверь, не обратив никакого внимания на те богатства, которые находились перед ними? Какое же неслыханное сокровище они искали, если даже спокойно прошли мимо кучи золотых вещей, лежавших в первом помещении?

Картер и Карнарвон уже понимали, что за третьей дверью их ожидает нечто совершенно необычное. Но, несмотря на сжигавшее их нетерпение, они решили действовать методично и последовательно.

Всю осень и зиму археологи планомерно расчищали гробницу и вывозили из нее находки, сделанные в первой камере. Здесь оказалось около семисот различных предметов. От пристани на Ниле прямо к гробнице Тутанхамона была проложена узкоколейная железная дорога, по которой тяжелые ящики доставляли к специально зафрахтованному пароходу. Расстояние было небольшое — всего полтора километра, но так как рельсов не хватало, пришлось прибегнуть к хитрости: когда вагонетка проходила некоторое расстояние, путь позади нее разбирали, а снятые рельсы укладывали впереди вагонетки. Так драгоценные находки проделали обратный путь спустя три тысячелетия после того, как они были торжественно доставлены с берега Нила в гробницу усопшего царя. Еще через семь дней они были в Каире.

В пятницу, 17 февраля 1923 года, в 2 часа дня в передней комнате гробницы собралось примерно двадцать человек — ученые и члены правительства. Никто из них не подозревал, что именно суждено увидеть им через какие-нибудь два часа.

С величайшими предосторожностями Картер принялся разбирать замуровку, скрывающую вход во второе помещение. Работа была тяжелой и требовала много времени: кирпичи могли обрушиться и повредить то, что находится за дверью. Когда было проделано первое отверстие, «искушение сейчас же прервать работу и заглянуть в расширявшееся отверстие было так велико, что мне с трудом удавалось его побороть», — пишет Картер. Через десять минут он просунул в расширенное отверстие электрический фонарь.

То, что он увидел, было совершенно неожиданно, невероятно и непонятно: перед ним была… глухая стена! И только когда отверстие еще больше расширили, все присутствующие увидели, что это была стена из чистого золота…

То, что Картер первоначально принял за стену, на самом деле было всего лишь передней стенкой самого огромного и дорогого в мире саркофага.

Понадобилось два часа тяжелой работы для того, чтобы расширить отверстие настолько, чтобы в него можно было войти. Погребальная камера, как оказалось, находилась примерно на метр ниже, чем передняя комната. Картер вошел в нее первым. Перед ним возвышался сверху донизу покрытый листовым золотом саркофаг размерами 5,2 х 3,35 х 2,75

м, занимавший едва ли не все помещение. Только узкий проход, шириной около 65 см, весь заставленный погребальными приношениями, отделял ее от стены.

Расположенные с восточной стороны большие двустворчатые двери саркофага были хотя и закрыты на засов, но не запечатаны. Дрожащей рукой Картер отодвинул засов. Со скрипом раскрылись двери, и перед ним оказался еще один обитый золотом ящик. Как и первый, он был заперт. Но на этот раз печать была цела!

Это был поистине звездный час Картера и Карнарвона. Они обнаружили первое и пока единственное неразграбленное захоронение египетского фараона! Казалось, большего успеха невозможно было ожидать. Но тем не менее этот успех еще ждал их!

Дойдя до другого конца погребального покоя, они неожиданно обнаружили маленькую дверь, которая вела в третье — помещение сравнительно небольшую по размерам комнату. «Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что именно здесь находятся величайшие сокровища гробницы», — писал впоследствии Картер.

Посередине помещения возвышался покрытый золотом ларец. Его окружали изваяния четырех богинь-охранительниц. Их лица настолько исполнены сострадания и скорби, что «уже одно созерцание их казалось чуть ли не кощунством».

Исследование этой величайшей в истории археологии находки растянулась на несколько лет. Зимой 1926/27 гг. был вскрыт обитый золотом саркофаг. В нем находился второй, во втором — третий…

«Сдерживая волнение, приступил я к вскрытию третьего ящика, — писал Картер. — Я, наверное, никогда не забуду этот напряженнейший момент нашей кропотливой работы. Я разрезал веревку, удалил драгоценную печать, отодвинул засов, открыл дверцы и… перед нами оказался четвертый ящик. Он был точно такой же, как и остальные, но только еще роскошнее и красивее, чем третий. Впереди снова неизвестность…

Что скрывалось за незапечатанными дверями этого ящика? В страшном волнении я отодвинул засов. Медленно открылись дверцы. Перед нами, заполняя собой чуть ли не весь ящик, стоял огромный, совершенно целый саркофаг из желтого кристаллического песчаника. Казалось, чьи-то милосердные руки только что опустили его крышку. Какое незабываемое, великолепное зрелище! Золотое сияние ящика еще больше усиливало впечатление. По четырем углам саркофага распростерли крылья богини, словно защищая и охраняя того, кто спал здесь вечным сном».

84 дня понадобилось для того, чтобы убрать два верхних ящика и освободить погребальную камеру. Наконец, 3 февраля увидели царский саркофаг во всем его великолепии — высеченный из цельной желтой кварцитовой глыбы, 2,75 м длиной, полтора метра шириной и полтора метра высотой. Сверху он был прикрыт гранитной плитой.

В тот день, когда лебедки начали поднимать эту плиту, вес которой составлял около 1,5 тонны, в гробнице снова собралось множество народу. «Когда плита начала подниматься, наступила мертвая тишина. В первый момент всех охватило разочарование: ничего, кроме просмоленных полотняных бинтов. Но, когда бинты были размотаны, все увидели

мертвого фараона»…

Так показалось на первый взгляд. На свет появилась не мумия фараона, а его скульптурный портрет из золота. Золото ослепительно сверкало, и вся скульптура выглядела так, как будто ее только что принесли из мастерской. В скрещенных руках фараон держал знаки царского достоинства: жезл и инкрустированную лазуритом и синей пастой плеть. Синие лазуритовые полосы блестели на головной повязке царя. Лицо было сделано из чистого золота, глаза из арагонита и обсидиана, брови и веки из стекла цвета лазурита. Это лицо напоминало в своей неподвижности маску, и в то же время оно было словно живое. Рядом лежал скромный венок — последнее «прости» любимому супругу от молодой вдовы…

Археологи сняли золотую крышку. Под ней оказалась вторая, изображавшая лежащего в богатом убранстве фараона в образе бога Осириса. То же самое увидели и тогда, когда вскрыли третий гроб. В ходе этой работы ее участники обратили внимание на то, что гробы были очень тяжелы. Причина этой поразительной тяжести стала ясна с первого взгляда: третий гроб длиной в 1,85 м был сделан из чистого массивного золота толщиной в три миллиметра. Трудно было даже приблизительно назвать стоимость этого сокровища.

Семь саркофагов, помещенных один в другой, вскрыли археологи, прежде чем добрались до восьмого, в котором лежала мумия фараона. Наступил последний решающий момент. Было вынуто несколько золотых гвоздиков, затем крышку гроба приподняли за золотые скобы. Перед археологами лежал Тутанхамон…

«Сложные и противоречивые чувства, овладевающие человеком в такие моменты, невозможно выразить словами», — вспоминал Картер. Он увидел «…благородное, с правильными чертами, полное спокойствия, нежное юношеское лицо с четко очерченными губами». Оказалось, что Тутанхамон был небольшого роста и хилого сложения; в момент смерти ему было около 18–19 лет.

Мумию украшало просто невероятное количество драгоценностей. Лицо покрывала маска из кованого золота с портретными чертами фараона. Под каждым слоем бинтов обнаруживались все новые и новые сокровища. Фараон был буквально усыпан с ног до головы золотом и драгоценными камнями!

Но еще бóльшие сокровища были найдены в гробнице Тутанхамона. Здесь находились бесчисленные предметы материальной и духовной культуры древних египтян, и каждый из них мог послужить достаточным вознаграждением за зиму тяжелых археологических раскопок. Более того, египетское искусство целой эпохи было представлено здесь в таком многообразии и такими совершенными образцами, что Картеру было достаточно беглого взгляда, чтобы понять: тщательное изучение всех этих сокровищ «приведет к изменению, если не к полному перевороту во всех прежних воззрениях и теориях».

Мебель и посуда, ювелирные изделия, оружие, колесницы и модели кораблей — все поражает разнообразием формы и красотой.

Изумительна по своему совершенству золотая маска царя с инкрустацией из лазурита. Прекрасна герма — поколенная статуя

Тутанхамона, сделанная из дерева, покрытая грунтом и раскрашенная. Невысокая корона, оставляющая открытыми раковины ушей, надвинута на лоб. Нежное лицо озарено сиянием больших черных глаз. Замечательна золотая статуэтка Тутанхамона, стоящего на черном леопарде. Сильный мускулистый зверь легко несет хрупкую фигурку царя. Сочетание черного дерева с золотом удивительно красиво.

Самым оригинальным портретом Тутанхамона является маленькая головка, сделанная из дерева, покрытая тонким слоем гипса и раскрашенная. Подобно солнечному богу, фараон рождается из цветка лотоса. Тутанхамон здесь изображен совсем юным. Капризный рот тронут болезненной улыбкой, большие раскосые глаза внимательно смотрят вдаль. Это один из самых поэтичных образов, созданных в египетском искусстве.

В гробнице Тутанхамона было обнаружено несколько моделей судов, сделанных из дерева: длинные барки с носом и кормой, украшенными цветами лотоса, предназначались для переправы к «полям блаженных». Четыре барки такой же формы, но снабженные троном, должны были служить фараону во время ежесуточного следования за солнцем в его пути по небосводу. Из алебастра сделана барка, украшенная головами диких козлов. В центре ее возвышается легкий балдахин, покоящийся на колонках с двойными капителями в виде цветов лотоса и папируса.

Не менее важной находкой были три больших ложа, о существовании их было известно и ранее из росписей на стенах гробниц, но найти их, однако, до сих пор не удавалось. Это были удивительные сооружения, с возвышением не для головы, а для ног. На одном из них красовались изображения львиных голов, на втором — коровьих, на третьем можно было увидеть голову полукрокодила-полугиппопотама. На ложе были горой навалены драгоценности, оружие и одежда, а сверху лежал трон. Его спинка была так изумительно украшена, что Картер впоследствии утверждал: «Это самое красивое из всего, что до сих пор было найдено в Египте».

Роспись одного из ларцов изображает фараона на колеснице, охотящегося на львов. Эти сцены исполнены поразительного для египетского искусства динамизма: стремителен и неудержим бег царских коней…

А вот и сама парадная колесница царя. Она была слишком велика, чтобы ее можно было целиком внести в гробницу, и потому ее, как и три других колесницы, распилили. В нижней части ее кузов украшен вырезанными из дерева головами уродливого бога Беса. Головы позолочены, во рту виден ярко-красный язык, темно-красные глаза обведены полосами из фиолетовой пасты. На голове бога тиара из нежно-голубых и темно-фиолетовых перьев. Снаружи колесница украшена рельефным орнаментом, состоящим из растительного узора и спиралей. На внутренней стороне колесницы помещено изображение фараона в образе сфинкса, наступающего на пленных ливийцев, негров и азиатов. Очень выразительны лицо пожилого ливийца со своеобразной, украшенной перьями прической, курчавая голова негра и суровый профиль сирийца. И столь же типичны изображенные на посохе фараона азиат из слоновой

кости и негр из черного дерева, символизирующие северных и южных противников Египта.

На спинке кедрового кресла, покрытого ажурной резьбой, изображена эмблема вечности в виде застывшей на коленях фигуры с протянутыми в обе стороны руками. А вот — символы загробного мира: позолоченная голова священной коровы и змеиное божество. Вот позолоченные статуэтки богинь-охранительниц… Бог загробного мира Анубис в виде шакала, охраняющий вход в сокровищницу… Парадное оружие фараона — кинжалы, мечи, копья, украшенные золотом… Браслеты, перстни, нагрудные украшения… И еще многие и многие художественные предметы, дающие яркое представление о верованиях и искусстве древних египтян: сундуки и ларцы, наполненные драгоценностями, бесчисленные опахала, ожерелья, амулеты, скарабеи — изображения священного жука.

Все эти бесценные сокровища хранятся теперь в Каирском музее.

«Единственным примечательным событием жизни Тутанхамона было то, что он умер и был похоронен», — сказал Говард Картер. Но даже если этого незначительного правителя похоронили с такой роскошью, то какие сокровища находились в гробницах великих фараонов Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II? Можно не сомневаться, что в каждой из их погребальных камер было больше драгоценностей, чем во всей гробнице Тутанхамона. Но всем этим колоссальным богатствам суждено было на протяжении веков попасть в руки грабителей.

Золото Трои

Когда-то на южном берегу Геллеспонта (Дарданеллы) стоял древний город Троя, стены которого, по преданию, воздвиг сам бог Посейдон. Этот город, который греки называли Илионом (отсюда — название поэмы Гомера «Илиада»), лежал на морском торговом пути из Малой Азии к Понту Евксинскому (Черному морю) и славился своим могуществом и богатством. Последним правителем Трои был мудрый старец Приам.

Около 1225 года до н. э. воинственные греческие племена ахейцев объединились для большого военного похода в Малую Азию. Под предводительством царя Микен Агамемнона ахейцы, переплыв Эгейское море, осадили Трою. Только на десятый год, после ожесточенных битв, им удалось завладеть неприступным городом и разрушить его. Царь Трои Приам и множество горожан были убиты, царица Гекуба и прочие троянские женщины были проданы в рабство вместе со своими детьми. Только небольшому отряду троянцев во главе с младшим сыном Приама Энеем удалось вырваться из горящего города. Сев на корабли, они уплыли куда-то в море и их следы впоследствии находили в Карфагене, Бутринте, Италии. Потомком Энея считал себя Юлий Цезарь.

Никаких письменных документов или свидетельств о Троянской войне не сохранилось — только устные предания и песни бродячих певцов-аэдов, воспевавших подвиги неуязвимого Ахилла, хитроумного Одиссея, благородного Диомеда, славного Аякса и других греческих героев. Несколько столетий спустя великий поэт Гомер, взяв за основу сюжеты песен, ставших к тому времени поистине народными, сложил большую поэму под названием «Илиада». Войдя в жизнь множества поколений людей, эта поэма давным-давно стала частью мировой литературной

классики.

Литературной — и все? По крайней мере, никто никогда не рассматривал «Илиаду» как исторический источник. В восприятии «серьезных ученых» и не менее серьезных обывателей это была всего лишь древнегреческая мифология, эпос. И первым человеком, кто поверил «сказкам слепого Гомера», стал немец Генрих Шлиман (1822–1890).

Еще ребенком он слышал от отца рассказы о героях Гомера. Когда он подрос, то сам прочел «Илиаду». Тень Великого слепца смутила его душу и завладела им на всю жизнь. Несчастье множества людей состоит в том, что они не верят в сказки. Но юный Шлиман поверил Гомеру до конца. И еще в детстве Генрих Шлиман объявил отцу:

— Я не верю, что ничего не осталось от Трои. Я найду ее.

Так ариаднина нить легенд повела его в глубины тысячелетий…

Впрочем, есть все основания полагать, что вышеприведенный рассказ, взятый из автобиографии Шлимана, целиком выдуман им самим, и Троей и Гомером он увлекся гораздо позднее, уже в зрелом возрасте. Этого маленького ростом человека (1 м 56 см), по-ребячески любознательного и в то же время скрытного и сосредоточенного, постоянно терзала жажда знаний. Удачливый коммерсант и миллионер, полиглот, археолог-самоучка и мечтатель — все это Генрих Шлиман, жизненный путь которого настолько богат приключениями и бурными поворотами судьбы, что только одно их описание заняло бы целую книгу. Судьба его не просто удивительна — она уникальна!

С томиком Гомера в руках летом 1868 года Шлиман приехал в Грецию. На него огромное впечатление произвели руины Микен и Тиринфа — именно оттуда начался поход на Трою войска ахейцев во главе с царем Агамемноном. Но если Микены и Тиринф — реальность, то почему бы не быть реальностью Трое?

«Илиада» была для Шлимана путеводителем, который он всегда держал при себе. Приехав в Турцию, на берегах древнего Геллеспонта он долго искал описанные в поэме два источника — горячий и холодный:

До родников добежали, прекрасно струящихся. Два их
Бьет здесь ключа, образуя истоки пучинного Ксанфа,
Первый источник струится горячей водой. Постоянно
Паром густым он окутан, как будто бы дымом пожарным.
Что до второго, то даже и летом вода его схожа
Или со льдом водяным, иль со снегом холодным, иль с градом…

(«Илиада», XXII песнь)

Описанные Гомером источники Шлиман нашел у подножия холма Бунарбаши. Только оказалось их здесь не два, а 34. Тщательно осмотрев холм, Шлиман пришел к выводу, что это все же не Троя. Город Приама находится где-то поблизости, но это не он!

С томиком Гомера в руках Шлиман исходил все окрестности Бунарбаши, сверяя едва ли не каждый свой шаг по «Илиаде». Поиски привели его к холму 40-метровой высоты с многообещающим названием

Гиссарлык («крепость», «замок»), вершина которого представляла собой ровное квадратное плато со сторонами в 233 метра.

«…мы прибыли к огромному, высокому плато, покрытому черепками и кусочками обработанного мрамора, — писал Шлиман. — Четыре мраморные колонны сиротливо возвышались над землей. Они наполовину вросли в почву, указывая место, где в древности находился храм. Тот факт, что на большой площади виднелись остатки древних строений, не оставлял сомнений, что мы находились у стен некогда цветущего большого города. Осмотр холма и привязка местности к указаниям Гомера не оставили никаких сомнений — здесь скрыты развалины легендарной Трои…»

Раскопкам предшествовало томительное ожидание разрешения на их проведение. Когда же в апреле 1870 года работы в конце концов начались, стало ясно, что перед Шлиманом стоит очень нелегкая задача: чтобы добраться до руин «гомеровской» Трои, ему предстояло пробиться через несколько культурных слоев, относящихся к разным временам, — Гиссарлыкский холм, как, оказалось, был настоящим «слоеным пирогом». Уже много лет спустя было установлено, что всего на Гиссарлыке имеется девять обширных напластований, вобравших в себя около 50 фаз существования поселений различных эпох. Самые ранние из них относятся к III тысячелетию до н. э., а самые поздние — к 540 году н. э. Но, как и у всякого одержимого искателя, у Шлимана не хватало терпения. Если бы он вел раскопки постепенно, освобождая пласт за пластом, открытие «гомеровской» Трои отодвинулось бы на много лет. Он же хотел добраться до города царя Приама немедленно, и в этой спешке он снес культурные слои, лежащие над ним, и сильно разрушил слои нижние — по этому поводу он сожалел потом всю жизнь, а ученый мир так и не смог простить ему этой ошибки.

Наконец, перед глазами Шлимана предстали остатки огромных ворот и крепостных стен, опаленных сильнейшим пожаром. Несомненно, решил Шлиман, что это — остатки дворца Приама, разрушенного ахейцами. Миф обрел плоть: перед взором археолога лежали руины священнойТрои…

Впоследствии оказалось, что Шлиман ошибся: город Приама лежал выше того, который он принял за Трою. Но подлинную Трою, хоть и сильно попортив ее, он все же откопал, сам не ведая того, — подобно Колумбу, не знавшему, что он открыл Америку.

Как показали новейшие исследования, на Гиссарлыкском холме находилось девять различных «Трой». Самый верхний слой, разрушенный Шлиманом — Троя IX, — представлял собой остатки города римской эпохи, известного под именем Новый Илион, существовавшего, по крайней мере, до IV века н. э. Ниже лежала Троя VIII — греческий город Илион (Ила), заселенный около 1000 года до н. э. и разрушенный в 84 году до н. э. римским полководцем Флавием Фимбрием. Этот город славился своим храмом Афины Илийской, или Афины Троянской, который посещали многие знаменитые люди древности, в том числе Александр Македонский иКсеркс.

Троя VII, существовавшая около восьмисот лет, была довольно незначительным поселком. Зато Троя VI (1800–1240 гг. до н. э.) скорее всего и являлась городом царя Приама. Но Шлиман буквально пронесся сквозь него, стремясь докопаться до следующих слоев, так как был убежден, что его цель располагается гораздо глубже. В результате он

сильно повредил Трою VI, но наткнулся на обгорелые руины Трои V — города, погибшего в огне пожара приблизительно в 1800 году до н. э. Под ним лежали слои Трои IV (2050–1900 гг. до н. э.) и Трои III (2200–2050 гг. до н. э.) — сравнительно бедных поселений бронзового века. Зато Троя II (2600–2200 гг. до н. э.) была очень значительным центром. Именно здесь в мае 1873 года Шлиман сделал свое самое важное открытие…

В тот день, наблюдая за ходом работ на развалинах «дворца Приама», Шлиман случайно заметил некий предмет. Мгновенно сориентировавшись, он объявил перерыв, отослал рабочих в лагерь, а сам с женой Софьей остался в раскопе. В величайшей спешке, работая одним ножом, Шлиман извлек из земли сокровища неслыханной ценности.

Клад состоял из 8833 предметов — уникальные кубки из золота и электра, сосуды, домашняя медная и бронзовая утварь, две золотые диадемы, серебряные флаконы, бусины, цепи, пуговицы, застежки, обломки кинжалов, девять боевых топоров из меди. Эти предметы спеклись в аккуратный куб, из чего Шлиман заключил, что когда-то они были плотно уложены в деревянный ларь, который полностью истлел за прошедшие столетия.

Шлиман был убежден: он открыл сокровища легендарного троянского царя Приама. Однако позднее, уже после смерти первооткрывателя, ученые установили, что драгоценности принадлежали вовсе не этому царю, а другому, который жил за тысячу лет до гомеровского персонажа. Впрочем, это никак не умаляет ценности сделанной Шлиманом находки — «сокровища Приама» являются уникальным по своей полноте и сохранности комплексом украшений эпохи бронзы, настоящим чудом Древнего мира!

Сама история обнаружения клада не бесспорна, ибо, по некоторым данным, Софьи в тот период со Шлиманом просто не было. Это следует из одного письма, датировка которого, в свою очередь, тоже подозрительна, так что абсолютного свидетельства присутствия или отсутствия Софьи в момент обнаружения клада не существует.

По условиям договора с турецким правительством половина находки принадлежала Османской империи. Однако археолог наотрез отказался отдавать «сокровища Приама» — у него были основания полагать, что турки попросту переплавят ценности. Шлиман решил переправить находки за рубеж, невзирая на то что это грозило ему конфискацией всего клада и судебным преследованием.

План вывоза был проработан заранее и хранился в строжайшем секрете. «Сокровища Приама» были упакованы в шесть деревянных ящиков и тайно перевезены сперва в дом британского консула Фрэнка Калверта, а оттуда — в бухту Каранлык-Лимани, расположенную в пяти километрах севернее Гиссарлыка. Здесь уже стояло зафрахтованное с помощью греческого консула Докоса судно «Таксиархис». Сопровождал груз сотрудник Шлимана, афинянин Спиридон Деметриу, у которого имелось сопроводительное письмо к другу шлимановского тестя, жившему на острове Силос (Киклады). Затем другой корабль доставил бесценный груз в Афины. Все это было, увы, самой настоящей контрабандой…

Став полновластным обладателем клада, Шлиман пытался продать его во многие знаменитые музеи Европы. Он предлагал «сокровища

Приама» петербургскому Эрмитажу, Британскому музею, но всякий раз на пути вставали финансовые, дипломатические и разные другие затруднения. Неожиданный интерес к коллекции Шлимана проявили французы. Но во время его выступления перед членами Парижского географического общества последние вели себя довольно сдержанно, чем вызвали у Шлимана подозрение, что с ним обращаются как с «немецким шпионом». Шлиман был сильно задет таким приемом. Вероятно, эта обида и послужила причиной отказа Шлимана экспонировать коллекцию в Париже.

С 1877 по 1880 год «Золото Трои» — 4416 предметов — было выставлено в лондонском музее Виктории и Альберта. Но Великобритании не суждено было стать обладательницей «сокровищ Приама» — неожиданно Шлиман решил подарить свой клад Берлину. Это решение удивило многих, поскольку в Германии у него тогда было гораздо больше врагов, чем друзей. Однако в налаживании отношений с Берлином Шлиману помог Рудольф Вирхов, председатель берлинского Общества антропологии, этнографии и истории.

Оставался нерешенным еще один вопрос: как быть с той частью находок, которую Шлиман до 1879 года вынужден был уступить Турции. Ученый намеревался собрать всю коллекцию воедино, чтобы представить ее немецкой общественности полностью. С этой целью он обратился в германское министерство иностранных дел с предложением выкупить недостающую часть клада у Турции. Рейхсканцлер Отто Бисмарк лично поддержал предложение и поручил заняться этим ответственным делом немецкому послу в Стамбуле. Благодаря этому Шлиман в 1881 году смог посетить стамбульский музей, чтобы начать переговоры о выставленных там троянских древностях. К величайшему его ужасу оказалось, что самые ценные находки (большая нагрудная подвеска, золотой орел, несколько тысяч золотых бусин и т. д.) исчезли из музея. Шлиман был вне себя: его худшие опасения подтвердились. Но, увы, ему оставалось только смириться с этим…

7 февраля 1882 года в двух залах берлинского Музея художественных ремесел была торжественно открыта выставка «Золото Трои», которую в первый же день посетили император Вильгельм I и кронпринц Фридрих. В 1885 году троянская коллекция переехала в только что отстроенное здание Музея народоведения. Шлиман постоянно посылал музею новые пополнения не только из Трои и окрестностей, но и из Микен. Со временем его коллекция стала одной из богатейших в мире, представляя собой величайшую ценность для науки.

После смерти Шлиман оставил завещание, согласно которому Германия становилась наследницей его коллекции. В соответствии с этим осенью 1891 года из Пирея в Гамбург морем прибыли 58 больших ящиков с археологическими находками. Стамбул также передал берлинскому музею предметы из раскопок 1893 и 1894 годов. В итоге к 1896 году в коллекции Шлимана насчитывалось 8455 экспонатов из Трои, не считая «сокровищ Приама». После 1922 года вся коллекция оказалась в другом помещении музея, который с 1932 года стал называться Музеем древнейшей и древней истории, где троянские находки были открыты для публики вплоть до начала Второй мировой войны.

В 1939 году «золото Трои» по приказу Гитлера было перевезено в другое, более надежное место. А в конце 1941 года экспонаты из драгоценных металлов и другие наиболее ценные вещи, в том числе и троянские сокровища, упакованные в три больших ящика, перевезли в одну из башен, расположенную на территории берлинского зоопарка. В 1945 году почти все окрестные здания и сам зоопарк в результате непрерывных бомбежек превратились в руины, но башня продолжала стоять.

К маю 1945 года немцы успели вывезти бóльшую часть художественных ценностей берлинских музеев. Большое количество ящиков из Музея древнейшей и древней истории обнаружили в штольне возле Граслебена солдаты 1-й американской армии. Но троянского клада там не оказалось…

Эвакуацией «золота Трои» занимался Вильгельм Унферцагт, директор Музея древнейшей и древней истории. После войны его помощь потребовалась при начавшейся в 1950 году инвентаризации сохранившихся музейных фондов. Однако куда исчезло «золото Трои» так и осталось неизвестным. Ходили слухи, что Унферцагт замуровал золотые вещи троянской коллекции в одном из соляных рудников.

Унферцагт умер 17 марта 1971 года. Среди его вещей были найдены микрофильмы всех каталогов и инвентарных описей шлимановской коллекции. Естественно, Унферцагт не мог не знать об огромной их ценности. Но почему он не пожелал их отдавать? Что хотел скрыть?

В некоторых письмах Унферцагт упоминал, что сразу после окончания войны вынужден был передать три ящика с музейными ценностями авторитетной советской комиссии. Но этому никто не верил. И лишь когда в 1989 году вдова Унферцагта опубликовала материалы дневниковых записей мужа, стало ясно, что же на самом деле произошло с троянским золотом в апрельские дни 1945 года…

Как оказалось, Унферцагт на свой страх и риск решил не вывозить «сокровища Приама» из Берлина, несмотря на строгий приказ фюрера. Он оставил три драгоценных ящика в башне и днем и ночью следил за ними, не спуская глаз. Когда в Берлин вошли советские войска, Унферцагт, стремясь предотвратить расхищение исторических ценностей, передал ящики советским властям. Но куда они были вывезены потом, он не знал.

После падения Берлинской стены вопрос о местонахождении «золота Приама» встал особенно остро. В 1991 году в американской прессе появились публикации искусствоведа Константина Акинши и бывшего сотрудника Министерства культуры СССР Григория Козлова, который имел доступ к архивам и служебной переписке по поводу «клада Приама». Впоследствии они выпустили книгу «Трофейное искусство», в которой, в частности, утверждалось следующее:

«…1 мая 1945 года, на следующий день после самоубийства Гитлера, башню сдали русским… Вильгельму Унферцагту было объявлено, что он отвечает за сокровища, находящиеся в башне, вплоть до появления компетентной советской комиссии… 21 мая вывезли собрание Музея этнографии, и Унферцагту удалось наконец выяснить, что грузовики следуют в направлении Карлсхорста. Туда же позже отправили восемь шкафов с египетскими папирусами, доспехи французских королей

Франциска I и Генриха II, а также множество других ценных экспонатов… Выдать ящики с троянским золотом Унферцагт отказывался. Он ждал авторитетных советских представителей…

26 мая в музей приехала группа людей в военной форме. Унферцагт услышал, как один из них что-то объясняет своим спутникам, и по его уверенному тону заключил, что он-то и является среди них главным. Это был Серафим Дружинин, майор, член трофейной бригады в Берлине, занимавшийся отправкой троянского золота и других ценностей из зенитной башни у зоопарка. Именно он сопровождал первый „трофейный“ поезд № 176/2284 из Берлина. Унферцагт не мог не знать, что в числе этих людей был Андрей Константинов, заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств, который лично отвечал за вывоз трофейного искусства из Германии, а также Виктор Лазарев, знаменитый искусствовед, специалист по старому европейскому и византийскому искусству.

Константинов и Лазарев были в гражданском… В те дни только очень высокопоставленные лица могли появиться в Берлине в гражданской одежде… В конце концов ящики с золотой „диадемой Елены Прекрасной“, другими троянскими находками, а также сокровищами из Эберсвальде-Финов и Котбуса погрузили на „студебеккер“. Унферцагт смотрел грузовику вслед, пока он не скрылся за деревьями…

Поначалу вывоз трофеев из Германии никем не контролировался… С июля начались проблемы с таможней… Лишь после того как лейтенант Статуев, начальник контрольного пункта НКВД внуковского аэропорта, и начальник таможни узнали, что же находится в остальных шести ящиках, они разрешили их дальнейшую транспортировку. В ящиках лежало троянское золото, другие золотые и серебряные украшения, а также картины. Ирина Антонова, молодая сотрудница Музея имени Пушкина, ставшая впоследствии его директором, вместе со своими коллегами принимала ценный груз…

К концу 1945 года Музей имени Пушкина получил трофейных вещей больше, чем все остальные музеи страны: 2991 ящик, а также папку с рисунками…»

В 1992 году в Берлине нашли советские маршрутные листы без даты, в которых было указано, что ящики с пометкой «MVF» (немецкая аббревиатура Музея древнейшей и древней истории) и общим числом 3 перевозились на армейских грузовиках. У каждого ящика имелся свой шифр: S 69 425, S 69 398, S 69 393. Не было указано только место назначения. По всей вероятности, это происходило до 30 июня 1945 года, поскольку именно в тот день особо ценный груз спецрейсом на самолете был отправлен в Москву, как явствует из документов, отрывки которых опубликовали Акинша и Козлов.

12 июля 1945 года все находки из коллекции Шлимана прибыли в Москву. В первом ящике находились 259 предметов, в том числе одна из золотых диадем. Остальные 414 экспонатов (керамика и изделия из бронзы) передали в Эрмитаж. Согласно двум инвентарным листам за подписью главного хранителя Пушкинского музея Н. Элиасберга (от 1.09.56 г. и от 28.03.57 г.), «золото Трои» поместили в спецхранилище отдела нумизматики, приспособленное под хранение благородных металлов. От приемной посетителей хранилище отделяла стальная дверь, и никто не

подозревал, что За сокровища за ней скрыты.

Тогдашний директор Пушкинского музея скульптор Сергей Меркуров с гордостью демонстрировал ученым, политической элите и избранным членам ЦК КПСС картины из Дрезденской галереи. По словам старейших сотрудников музея, показывали и троянское золото. Но с 1949 года все, что было вывезено из Германии, ушло в секретные фонды. Их ненадолго открывали лишь в 1955 и 1958 годах, когда ГДР в два этапа передавались картины из Дрезденской галереи.

Вплоть до 1992 года коллекция оставалась засекреченной и ни разу не экспонировалась. Только в 1993 году министр культуры России Евгений Сидоров признал тот факт, что разыскиваемые во всем мире сокровища действительно были вывезены из Берлина в СССР.

Однако загадка троянских сокровищ этим не исчерпывается. Как утверждает в своей серьезной и очень интересной книге «Сокровища Трои и их история» («Der Schatz von Troja und seine Geschichte») немецкий археолог и историк Элли Г. Криш, в 1958 году Советский Союз передал ГДР 4434 предмета из коллекции Шлимана, среди которых были керамические сосуды и знаменитая метопа с изображением Гелиоса. Они были выставлены для показа в 1963 году во вновь открывшемся берлинском Музее древнейшей и древней истории. После объединения Германии эта часть коллекции была присоединена к другим шлимановским экспонатам из дворца Шарлоттенбург. Всего же из 9704 экспонатов, внесенных в инвентарный список 1902 года, в Берлине сейчас находится 6434. Отсутствует, следовательно, треть коллекции. Не нужно обладать большими познаниями в арифметике, чтобы подсчитать, сколько еще не хватает экспонатов, добавив сюда предметы московской и санкт-петербургской коллекций. А не хватает их — 2597! И даже если учесть немногие оригиналы троянских золотых вещей, которые и сейчас находятся в музеях Афин, Стамбула и Филадельфии, то общее количество экспонатов все равно не покроет эту цифру…

Где же остальное? В частных собраниях? Ответ на вопрос мы, возможно, когда-нибудь и получим. А может быть, не узнаем никогда.

Маска Агамемнона

«Златообильные» Микены… Легендарный город, где правил победитель троянцев, «владыка мужей» царь Агамемнон. Именно сюда, следуя указаниям Гомера, отправился Генрих Шлиман после того, как раскопал на Гиссарлыкском холме руины древней Трон. И снова ариаднина нить легенд не подвела его…

В 1876 году, 54 лет от роду, Шлиман приступает к раскопкам в Микенах. В 1880 году он открывает сокровищницу царя Минии в Орхомене. В 1884 году он начинает раскопки в Тиринфе… Так шаг за шагом из глубины времен стала проступать и приобретать очертания древняя цивилизация, которая до этого была известна только из «сказок» слепого Гомера. Эта цивилизация была распространена на всем восточном берегу Греции и на островах Эгейского моря, а ее центр, вероятно, находился на острове Крит. Шлиман обнаружил только ее первые следы, но открыть ее истинные масштабы было суждено Артуру Эвансу.

Троя, судя по описаниям Гомера, была очень богатым городом. Микены же были еще богаче. Именно сюда Агамемнон и его воины

доставили богатую троянскую добычу. И где-то здесь, по мнению некоторых античных писателей, находилась гробница Агамемнона и его друзей, убитых вместе с ним.

Память о «владыке мужей» Агамемноне, одном из самых могущественных и богатых правителей Древней Греции, никогда не угасала. Великий Эсхил посвятил ему свою знаменитую трагедию. Около 170 года до н. э. в Микенах побывал греческий географ Павсаний, который описал величественные руины города. Теперь у развалин дворца Агамемнона стоял Генрих Шлиман.

В отличие от Трои здесь его задача во многом облегчалась тем, что Микены не нужно было искать. Место, где находился древний город, было видно совершенно отчетливо: остатки огромных сооружений вырисовывались на вершине господствующего над окружающей местностью холма.

Шлиману удалось найти и исследовать девять купольных гробниц (в свое время их принимали за печи для выпечки хлеба). Самая известная из них носила название «Сокровищница Атрея» — по имени отца Агамемнона. Это было подземное куполообразное помещение высотой более тринадцати метров, своды которого были сложены из огромных камней, держащихся лишь силой собственной тяжести. Гробница глубоко врезана в склон холма, к ней ведет открытый коридор — «дромос» длиной 36 м и шириной 6 м. Десятиметровой высоты вход в гробницу когда-то украшали колонны из зеленого известняка и облицовка из красного порфира. Внутри — круглое помещение усыпальницы диаметром 14,5 м, перекрытое куполом диаметром 13,2 м. «Сокровищница Атрея» вплоть до сооружения римского Пантеона (II в. н. э.) являлась самым большим купольным сооружением древнего мира.

Греки верили, что эта гробница — хранилище несметных богатств микенских царей: Пелопса, Атрея и Агамемнона. Однако поиски Шлимана показали, что все девять гробниц в Микенах были разграблены еще в древние времена. Где же скрываются сокровища Агамемнона?

Найти эти сокровища Шлиману помог уже упоминавшийся древнегреческий географ Павсаний, автор «Описания Эллады». В его тексте Шлиман отыскал одно место, которое считал неверно переведенным и неверно интерпретированным. И именно это указание стало отправной точкой поисков.

«Я приступил к этой большой работе 7 августа 1876 года вместе с 63 рабочими, — писал Шлиман. — Начиная с 19 августа в моем распоряжении находились в среднем 125 человек и четыре телеги, и мне удалось добиться неплохих результатов».

«Неплохими результатами» Шлиман называет пять шахтовых гробниц, относящихся к XVI веку до н. э. и расположенных вне крепостных стен. Уже первые находки, сделанные здесь, намного превзошли своим изяществом и красотой аналогичные находки Шлимана в Трое: обломки скульптурных фризов, расписные вазы, терракотовые статуэтки богини Геры, формы для отливки украшений, глазурованная керамика, стеклянные бусы, геммы…

У Шлимана отпали последние сомнения. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых

Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники».

6 декабря 1876 года была вскрыта первая могила. В течение двадцати пяти дней жена Шлимана Софья, его неутомимая помощница, рыхлила землю ножом и просеивала ее руками. В могилах были найдены останки пятнадцати человек. Их останки были буквально засыпаны драгоценностями и золотом, дорогим оружием. В то же время имелись совершенно явные следы поспешного сожжения тел. Те, кто хоронили их, даже не дали себе труда дождаться, пока огонь полностью сделает свое дело: они просто забросали полусожженные трупы землей и галькой с поспешностью убийц, которые хотят замести свои следы. И хотя драгоценные украшения свидетельствовали о соблюдении погребального ритуала того времени, могилы имели такой откровенно неприличный вид, который мог уготовить своей жертве только ненавидящий ее убийца.

«Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто даже и не подозревал», — писал Шлиман. Клад, найденный им в гробницах микенских владык, был огромен. Лишь много позже, уже в XX столетии, его превзошла знаменитая находка гробницы Тутанхамона в Египте.

В первой могиле Шлиман насчитал пятнадцать золотых диадем — по пять на каждом из усопших; там же были обнаружены золотые лавровые венки. В другой могиле, где лежали останки трех женщин, Шлиман собрал более 700 золотых пластинок с великолепным орнаментом из изображений животных, медуз, осьминогов, золотые украшения с изображением львов и других зверей, сражающихся воинов, украшения в форме львов и грифов, лежащих оленей и женщин с голубями. На одном из скелетов была золотая корона с 36 золотыми листками. Рядом лежала еще одна великолепная диадема с приставшими к ней остатками черепа.

В открытых им гробницах Шлиман нашел бесчисленное множество золотых украшений, украшения из горного хрусталя и агата, геммы из сардоникса и аметиста, секиры из позолоченного серебра с рукоятками из горного хрусталя, кубки и ларцы из чистого золота, выполненную из золота модель храма, золотого осьминога, золотые перстни с печатями, браслеты, тиары и пояса, 110 золотых цветов, около трехсот золотых пуговиц. Но самое главное — он нашел золотые маски микенских царей и золотые нагрудные дощечки, которые должны были защищать усопших от врагов в потустороннем мире. Золотые маски запечатлели черты лиц древних владык Микен. Самая великолепная из этих масок впоследствии получила название «маска Агамемнона». Впрочем, как и в случае с «кладом Приама», шлимановская датировка находок оказалась неверна: не останки Агамемнона оказались в микенских гробницах — там были захоронены люди, жившие примерно на 400 лет раньше.

Сокровище Вильены

Муниципальный Археологический музей — главная достопримечательность небольшого испанского городка Вильена, расположенного в провинции Аликанте. Этот музей был открыт 3 ноября 1957 года, а основу его коллекции составили материалы, собранные неутомимым исследователем доном Хосе Мария Солер (1905–1996). Всю свою долгую жизнь он прожил в Вильене и всю ее посвятил изучению далекого прошлого своего родного города. Более сорока лет он вел

археологические раскопки в Вильене и окрестностях. Благодаря трудам Солера наука обогатилась многими новыми знаниями о древней истории Иберийского полуострова. А венцом его деятельности стало открытие знаменитого «Сокровища Вильены» — удача, похвастаться которой может мало кто из ученых.

Это событие, сразу ставшее сенсацией, произошло 1 декабря 1963 года. В то время в городе велись работы по реконструкции исторического центра, и Солер был приглашен наблюдать за их ходом: ведь древняя земля Вильены таит в себе множество неожиданностей!

Сняв дорожное покрытие на улице Рамбла дель Панадеро, рабочие начали копать траншею. В этот момент из земли вывалился железный браслет. Дав команду немедленно прекратить работы, Солер начал осторожно разгребать мягкий грунт. Неожиданно под ярким испанским солнцем засверкало золото…

Три тысячи лет назад чьи-то заботливые руки аккуратно сложили шестьдесят золотых и три серебряных предмета в большой овальной формы сосуд и поместили его в маленькую, вымытую ручьем пещерку. Удивительно, но это сокровище лежало на глубине… всего-навсего трех дюймов от уровня современной улицы! Несомненно, это был клад, «то есть зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право». «Собственник» этих предметов, как установили ученые, скончался около 1000 года до н. э. Но какие обстоятельства заставили его прятать свое драгоценное имущество в земле? И кем был владелец клада?

Несомненно, это был очень богатый человек. Возможно, это был вождь одного из иберийских племен, а возможно — крупный торговец, нажививший свое богатство на торговле с финикийцами. О богатствах далекой Испании в древние времена ходили легенды. Рассказывали, например, что однажды финикийцы получили в обмен на оливковое масло и всякий мелкий товар столько серебра, что выбросили свинцовые якоря своих кораблей и заменили их на серебряные. В составе клада из Вильены тоже есть серебро — три серебряные фляги, но основной металл здесь все же золото. Из чистого 24-каратного золота изготовлены шесть десятков массивных золотых сосудов общим весом десять килограммов. Собранные вместе, они представляют собой уникальный набор предметов декоративно-прикладного искусства древних иберов, не имеющий аналогов в числе любых других находок, относящихся к тому же историческому периоду.

Золотой человек кургана Иссык

В 1969 году казахские археологи под руководством К. А. Акишева приступили к раскопкам огромного кургана, расположенного в 50 километрах восточнее Алма-Аты. Археологи сами назвали курган Иссык, так как народные предания обошли его своим вниманием. В общем-то, это не было удивительным: рядом с Иссыком высились другие его собратья, составляя грандиозный курганный комплекс — сорок пять земляных пирамид, вытянувшихся цепочкой на расстояние трех километров. И рядом со своими соседями Иссык не выделялся ничем: высота его составляла всего лишь шесть с половиной метров, в то время как рядом стояли

исполины высотой до 15 метров. Как и другие курганы, Иссык был ограблен еще в древности. К счастью для науки, грабители не заметили одно — причем не главное — погребение, в котором лежали останки человека, вошедшего в историю науки под именем «золотого человека Иссыка»…

«Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами…» Геродот в своей девятитомной истории о саках пишет немного — лишь упоминая их рядом с другими племенами и народами. Но зачастую само это соседство уже говорит о многом.

…Случайно избегнув в младенчестве насильственной смерти и впоследствии вознесясь на гребне дворцовой интриги, Кир, сын знатного перса, сумел стать владыкой не только Персидской империи, но и всей Азии. Он начал бесконечные войны с эллинским миром. При этом, уточняет Геродот, на самих эллинов Кир вначале не обращал никакого внимания, считая их противником слишком ничтожным: «ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне». Объединение в этом отрывке таких могущественных держав древнего мира, как Вавилон и Египет, с саками — одним из многочисленных скифских племен, на первый взгляд кажется странным. Объяснение этому можно прочесть между строк у самого Геродота: он писал, что конница саков представляла собой серьезную военную силу, намного укреплявшую те армии, на стороне которых она сражалась. «В войске варваров наиболее отличились пешие персидские воины и конница саков», — подводит историк итог однойбитвы.

Древнеперсидские хроники, клинописные стелы, свидетельства античных авторов помогли исследователям очертить контуры истории саков. Согласно древним источникам, этот народ делился на три большие группы: саки, «носящие остроконечные шапки», саки, «варящие напиток Хаом», и заморские саки. Часть этих племен в конце концов была покорена персидскими царями. Во II веке до н. э. саки после длительной войны с могущественной Парфией были оттеснены на земли, входящие ныне в границы Ирана и Афганистана. Вскоре они были полностью ассимилированы местными народами и уже в первых веках нашей эры исчезают из исторических хроник.

В общем-то, к сакам историческая память оказалась куда менее милостива, нежели к их собратьям и современникам, — скифам Причерноморья. Восхищение Геродота исключительным мужеством и военной доблестью саков легло в основу традиционно сложившегося представления об их месте в историческом процессе — только как военной силы. А уникальные находки в скифских курганах Причерноморья, сделанные российскими и украинскими археологами, окончательно оттеснили саков к дальнему горизонту истории. Блеск золота причерноморских курганов был настолько ослепителен, что долгое время даже ведущие историки считали, что именно здесь, вблизи древнегреческих городов-колоний, находился центр всей скифской культуры.

Немалую роль в этом сыграло и другое обстоятельство. Европейские этнографы XVIII–XIX веков начали изучение кочевых и полукочевых народов Средней Азии, когда те находились в состоянии культурного и

социально-экономического застоя, а отдельные племена вообще были почти на грани голодного вымирания. И по сути дела, пишет доктор исторических наук К. А. Акишев, эта печальная картина была целиком перенесена и в историческую перспективу — без всякого учета катастрофических потрясений, испытываемых народами Средней Азии, начиная со вторжения орд Чингисхана, приведших в итоге к нарушению и гибели исторически сложившихся коммуникаций и взаимосвязей, резкого уменьшения поголовья скота — основы существования кочевых племен. На этом, видимом современниками социально-экономическом фоне, продолжает исследователь, «своеобразные формы общественной организации и государственного строя, материальной и духовной культуры, сложившейся в результате многовекового развития, возникшие в определенной среде и в определенной обстановке и приспособленные к своему образу жизни и быту, к своим традициям, вкусам и духовным запросам, считались низшими и варварскими…»

Но со временем новые исторические и археологические данные все больше и больше ставили под сомнение эти сложившиеся представления. «Археологи постепенно выявили, — пишет академик Б. Б. Пиотровский, — общность многих элементов культуры от Дуная на западе вплоть до Великой Китайской стены на востоке, на широкой полосе степей предгорий и горных пастбищ, между 40 и 50 параллелями». На обширнейших просторах — протяженностью свыше 7000 километров — сложился и около десяти веков существовал конгломерат схожих между собой скифских культур. Особенно отчетливо эта схожесть проявилась в так называемом «скифском зверином стиле» — золотых, серебряных, бронзовых изделиях и украшениях, вышивке на тканях. Мир скифского искусства был миром хищников, птиц, оленей, горных козлов, то фантастически преобразованных мифологической фантазией мастеров, то изображенных с предельным, даже натуралистическим, подобием. Но в этом мире вплоть до середины XX века исследователи не могли увидеть следов саков.

В 1947 году археологи начали раскопки курганов в Горном Алтае — в тех местах, где, по Геродоту, кочевали племена саков. Результаты этих раскопок оказались поистине сенсационными. Слой вечной мерзлоты сохранил буквально в первозданном виде не только вещи, но и тела погребенных — спустя тысячелетия исследователи смогли даже изучить редкостную по своей изощренности татуировку погребенного знатного воина (кстати, абсолютно соответствующую звериному стилю всего скифского искусства). Природа Алтая сохранила тончайшие шелковые ткани, войлочные одежды, ярчайшие краски ковров. «Мастерство исполнения, проявленное алтайскими художниками во всех областях творчества, поражает и по сей день, — пишет известный исследователь сибирских древностей М. П. Завитухина. — Оно отработано на протяжении нескольких поколений на основе подлинно народного творчества… До сих пор алтайское искусство является одной из вершин композиционного мастерства». Были сделаны открытия и в других курганах, свидетельствующие о развитой социальной структуре сакского общества Семиречья. И вот, наконец, науке открылось богатство кургана Иссык…

Захороненный в кургане воин действительно был золотой — в погребальной камере, тщательно срубленной из вековых стволов

тянь-шаньской ели, археологи нашли свыше четырех тысяч золотых изделий: предметы украшения одежды, головного убора и обуви, перстни, статуэтки, бляхи. На полу стояли сосуды из дерева, глины, бронзы и серебра. И расположение предметов, украшавших некогда парадный доспех погребенного воина, остатки железного меча и кинжала позволили исследователям в результате кропотливой работы воссоздать — впервые в науке — облик сакского воина. Именно сакского — и не только потому, что этот курган расположен на территории, которая согласно древним источникам им принадлежала, и насыпан был именно в «сакское» время: реконструкция полностью совпала с описанием одежды тех саков, которые, как свидетельствует Геродот, «носили на головах высокие островерхие тюрбаны».

А те произведения звериного стиля, что были найдены в кургане Иссык, не только окончательно «ввели» саков в великий мир скифского искусства, дав исследователям право говорить о существовании самостоятельной школы мастеров Семиречья, но и позволили сделать предположение, ранее казавшееся невозможным.

«Комплекс находок в кургане Иссык, — пишет К. А. Акишев, — дал дополнительные материалы, проливающие свет на уровень социальной истории саков Семиречья. Можно утверждать, что пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были рассчитаны не на один только внешний эффект — смысл этого богатства гораздо глубже, его надо рассматривать в плане социально-политическом. Главное назначение одежды было в возвеличивании личности вождя, возведении его в ранг солнцеподобного божества… По-видимому, сакское общество Семиречья стояло на более высокой ступени социальной организации, чем нам представлялось до раскопок иссыкского кургана…» И этот вывод исследователя подтверждается находкой, столь же пока загадочной, сколь и ошеломляющей: на одной из серебряных чаш, стоящих возле останков золотого воина, археологи обнаружили нацарапанные знаки — следы письменности! Следы самой древней письменности вообще на территории Средней Азии!..

Тщательный анализ показал, что надпись на чаше, состоявшая из двух строк, содержит в общей сложности 25 или 26 знаков, среди которых удалось распознать 16 или 17 различных, что свидетельствует об алфавитном характере надписи. И этот анализ, проведенный крупнейшими специалистами Института востоковедения АН СССР, заканчивается такой фразой: «Весьма возможно, что надпись на чаше написана неизвестным ранее алфавитом».

Скифы не оставили после себя письменности. Среди тысяч и тысяч археологических находок, сделанных в скифских курганах, не обнаружено даже следов ее существования. Сложилось убеждение, что в скифских обществах вообще не было письменности, так как уровень их развития позволял обходиться без нее. И вот так несправедливо обойденные историей саки, долгое время казавшиеся глубокой периферией скифской культуры, дарят надежду на то, что и это мнение не столь уж незыблемое…

Золото Бактрии

В 1964 году мир облетела сенсационная новость: в Северном Афганистане, на самой границе с Таджикистаном, у слияния рек Пянджа и

Кокчи французские археологи во главе с профессором Страсбургского университета Даниэлем Шлюмберже открыли… древнегреческий город!

Что же это была за странная находка?

Открытие Д. Шлюмберже возвращает нас в 20-е годы IV века до н. э., когда армия Александра Македонского, отправившаяся на завоевание Индии, захватила обширнейшие области Персии, Афганистана и Средней Азии. После смерти великого полководца эти области стали частью державы Селевкидов, которую создал Селевк I, один из соратников Александра Македонского. Это государство занимало огромную территорию — от Малой Азии до Афганистана. Просуществовав около ста пятидесяти лет, оно начало распадаться на мелкие царства и княжества, которые впоследствии одно за другим пали под ударами кочевников.

В состав державы Селевкидов входила и Бактрия — историческая область, занимавшая север современного Афганистана и южные районы Узбекистана и Таджикистана. Эта древняя земля некогда являлась одной из провинций могущественной Персидской державы. Позже на обломках державы Селевкидов возникло крайне своеобразное государственное образование — Греко-Бактрийское царство.

Антиох, сын и наследник Селевка, в 292 году до н. э. был назначен соправителем отца и наместником восточных провинций (сатрапий). Своей столицей Антиох избрал город Бактры (ныне Балх). Преемник Антиоха, бактрийский сатрап Диодот, около 250 года до н. э. объявил себя независимым правителем Бактрии. Это среднеазиатское государство с греческими царями во главе просуществовало более ста лет. Распространившись во время своего короткого расцвета (около 180 г. до н. э.) на север Индии, оно пало под ударами кочевников во второй половине II века до н. э.

Широкие археологические исследования территории Бактрии начались после того, как в Северном Афганистане, вблизи города Шибирган, были открыты богатые запасы природного газа. Начавшееся строительство газопровода потребовало проведения охранных раскопок в зоне будущей трассы. И тогда на землю Бактрии пришли ученые из совместной советско-афганской археологической экспедиции.

Эта экспедиция работала в Афганистане на протяжении десяти поисковых сезонов — с 1969 по 1978 год. Наряду с раскопками отдельных археологических памятников археологи проводили обследования совершенно не изученных районов Бактрийской равнины. И уже в первом сезоне экспедиционный отряд, возглавляемый молодым ташкентским археологом Зафаром Хакимовым, обнаружил неподалеку от Шибиргана, на холме Емши-Тепе, развалины древнего города с мощной цитаделью. Под толщей земли скрывались остатки многоколонного парадного зала, окруженного кирпичной стеной с круглыми оборонительными башнями. По всей видимости, это был храм. Вокруг было раскидано еще множество небольших холмов, среди которых один, по внешнему виду ничем не отличавшийся от других, имел интригующее название Тилля-Тепе, что в переводе означает «Золотой холм». В народе рассказывали, что в его недрах якобы скрыта могила «золотого человека», похороненного в золотом саркофаге. К раскопкам этого загадочного холма и приступил в 1978 году советский археолог В. И. Сарианиди.

Уже в одном из первых шурфов было обнаружено несколько золотых украшений. А когда археологи вскрыли первое погребение, перед их глазами предстала фантастическая картина: груда золотых украшений, которая почти целиком скрывала останки погребенного!

Всего в ходе раскопок ученым удалось исследовать шесть захоронений, причем абсолютно неразграбленных (седьмая могила так и осталась нераскопанной). Со времен открытия гробницы Тутанхамона мировая наука не знала подобного успеха. В каждом погребении насчитывалось около трех тысяч золотых изделий: золотые короны, украшенные фигурными цветами, инкрустированные жемчугом и бирюзой, стилизованными деревьями с птицами на ветках; массивные золотые браслеты, концам которых неведомые мастера придали форму животных — то хищников с оскаленной пастью, то стремительно мчащихся антилоп со зрачками из бирюзы и такими же копытцами, ушами, рогами; перстни и кольца тончайшей ювелирной работы; золотые пластины, нашивавшиеся на одежду, — то в виде человека, несущего дельфина, то музыкантов, то крылатых богинь; разнообразнейшие золотые подвески и пряжки, изображавшие то амуров, сидящих на рыбах с бирюзовыми глазами, то воина в шлеме со щитом и копьем, у ног которого лежат драконы, то какое-то фантастическое существо с львиной мордой; кинжал с золотой рукоятью в золотых ножнах с крылатыми грифонами и зубастыми хищниками… Можно бесконечно долго перечислять драгоценные находки — всего их было сделано более 20 тысяч!

Одна из найденных в Тилля-Тепе золотых монет не встречена ни в одном из нумизматических собраний мира. На ней изображен человек, опирающийся на колесо дхармы, а на обороте — лев с поднятой лапой. По мнению В. И. Сарианиди, эта монета отчеканена при греко-бактрийском царе Агафоклисе. Другая золотая монета с профилем римского императора Тиберия, отчеканенная в Лугдунуме (ныне Лион, Франция) между 16 и 21 годами — первая монета этого вида, найденная во всей Центральной Азии.

В пяти могилах Тилля-Тепе были похоронены женщины, а в одной — мужчина. Все погребения относились к I веку до н. э. — I веку н. э., в то время как обнаруженный ранее храм был почти на тысячу лет старше. Как это объяснить? Очевидно, поселившиеся на руинах древнего бактрийского поселения кочевники просто использовали древние развалины в качестве некрополя.

Многие вещи, найденные в погребениях — наиболее ценные, — были изготовлены еще в греко-бактрийский период. Другие принадлежат уже к тем временам, когда греко-бактрийское государство пало и ему на смену пришли кочевники-кушаны, вожди которых очень быстро впитали элементы греко-бактрийской культуры и стали заказывать своим мастерам изделия в традициях эллинистического искусства. По мнению В. И. Сарианиди, именно в этом и состоит значение «золота Бактрии» — впервые в истории археологии были обнаружены вещи, которые одновременно несут в себе греческие, иранские, индийские, римские и даже североалтайские мотивы.

Удивляло несоответствие между богатством погребальных приношений и чрезвычайно простым устройством могил: простые

прямоугольные ямы на глубине около одного метра перекрывались деревянным настилом и плетеными циновками, поверх которых насыпалась земля. Такое погребение можно было соорудить за один-два часа. Создавалось впечатление, что захоронения производились тайно, возможно, даже ночью. Очевидно, благодаря именно этому обстоятельству могилам удалось избежать разграбления.

Даже сегодня не существует даже приблизительной оценки стоимости «золота Бактрии», да и оценить стоимость этих предметов в деньгах сложно — их историческое значение многократно увеличивает цену. Однако с самого начала было ясно, что найдено настоящее сокровище. Для охраны раскопок были вызваны войска, за рабочими-землекопами установили неослабный контроль. Но, увы, эти меры несколько запоздали, часть находок все-таки ушла на сторону. Однако основная их часть была благополучно доставлена в Кабул.

Ученые успели сделать лишь предварительную инвентаризацию «золота Бактрии». Несколько месяцев спустя советские войска вторглись в Афганистан, началась война, и всем стало не до археологии. В. И. Сарианиди и его коллеги уехали, сокровища были сданы в Кабульский музей. В 1989 году, накануне ухода советских войск из Кабула, ценности предлагалось вывезти в СССР или в одну из нейтральных стран, чтобы уберечь их от войны, но режим Наджибуллы отказался от этого шага, заявив, что пребывание бактрийских ценностей на родине — символ стабильности Афганистана.

В феврале 1989 года Кабульский музей был закрыт, а его наиболее ценные экспонаты распределены по трем убежищам. Эта мера оказалась весьма предусмотрительной — в течение последующих семи лет музей был разрушен и разграблен, от него остались лишь одни развалины.

Шесть сейфов с золотом из Тилля-Тепе были спрятаны в подвалах президентского дворца — самом безопасном месте в столице. Последний раз сокровища видели в 1993 году. Затем к власти пришли талибы, и все следы «золота Бактрии» затерялись на долгие десять лет.

Время от времени в мировой печати появлялись самые различные слухи по поводу судьбы пропавших сокровищ. Одни утверждали, что золото тайно было вывезено в СССР. Другие говорили, что еще во время войны талибы начали обменивать сокровища на оружие. По третьей версии, вся коллекция была расхищена и распродана по частным коллекциям. Говорили, что золото из Тилля-Тепе продано через антикваров в Пакистане, а вырученные средства пошли на финансирование международной террористической сети. И лишь в августе 2003 года, после падения режима талибов, новый министр иностранных дел Афганистана Абдалла Абдалла на заседании генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже сообщил важную новость: «золото Бактрии» в целости и сохранности обнаружено в хранилищах президентского дворца в Кабуле. Талибы неоднократно пытались получить к нему доступ, однако благодаря мужеству хранителей все попытки закончились для них неудачей.

Сейфы с «золотом Бактрии» хранились в подвале, вырубленном в скале и защищенном стальными дверями за семью замками. Ключи от замков были у семи человек, большинство из которых к 1996 году, когда талибы захватили Кабул, отсутствовали или были мертвы. Один из

оставшихся хранителей, 50-летний Аскерзаи, вспоминает, как делегация из десяти мулл явилась, чтобы осмотреть подвалы. Под дулами пистолетов Аскерзаи открыл кодовый замок хранилища, где покоились активы центрального банка — золотые слитки на сумму около 50 миллионов долларов. Муллы очень оживились. Вероятно, они оживились бы еще больше, если бы знали, что настоящее сокровище лежит в другом хранилище — буквально у них над головами. По мнению Аскерзаи, они не стали искать «золото Бактрии» по одной простой причине — для этой полуграмотной деревенщины слова «Бактрия» и «археологическое наследие Афганистана» были не более чем пустым звуком. Тем не менее муллы, очевидно, что-то слышали о сокровищах, скрытых в подвалах президентского дворца, так как начали допрашивать хранителя: есть ли здесь еще какое-нибудь золото? Аскерзаи молчал. Его бросили в тюрьму, где он провел три месяца и 17 дней. Хранителя неоднократно допрашивали и подвергали издевательствам и пыткам, но он не сказал ни слова.

В мировых СМИ прошли сообщения о том, что афганские власти планируют организовать показ «золота Бактрии» за рубежом — в США, Франции, Германии, Японии и Греции. К этой акции подключились ЮНЕСКО и ряд крупнейших средств массовой информации. Кроме того, существует соглашение между правительствами Афганистана и США о том, что на период, пока в Афганистане сохраняется нестабильность, ценности будут временно перевезены в США.

Амударьинский клад

Амударьинским кладом называют крупную находку золотых и серебряных предметов, сделанную в 1877 году в долине Амударьи при не вполне ясных обстоятельствах.

История этого клада романтична, как восточная сказка. Рассказывают, что весной 1880 года в Индию отправился караван бухарских купцов. На одну из ночевок он остановился возле пограничного города Кобадиан. Дальше за Амударьей лежали владения афганского эмира Абдеррахмана. И тут купцов ждала неприятная новость: соседний правитель издал указ — конфисковывать на границе у проезжающих все деньги.

Посовещавшись, удрученные торговцы решили истратить деньги на драгоценности, которые конфискации не подлежали. На такой шаг их подтолкнул рассказ местного ювелира: по его словам, жители Кобадиана тайком совершают вылазки куда-то к развалинам древнего города и приносят оттуда редкостные по красоте золотые изделия. Их-то в итоге и накупили бухарцы, рассовав по тюкам с шелком и парчой.

Караван благополучно миновал афганскую границу и продолжил свой неторопливый путь. Однако вскоре его настигла беда: невесть откуда взявшиеся разбойники схватили купцов и отвели в пещеру, где стали потрошить вьюки с товарами. Одному из погонщиков чудом удалось бежать. Утром он привел к разбойничьему логову британского капитана Бэртона с несколькими солдатами. Увидев их, разбойники бросили бóльшую часть добычи и пустились наутек.

Капитан Бэртон собрал на базарной площади всех жителей соседнего городка Сех Баба и объявил, что похищенные драгоценности он все равно найдет, так что лучше добровольно их вернуть. И через

несколько часов свою долю вернули почти все грабители — остальные, видимо, были из других селений… Бесследно пропало около четверти похищенного золота. Счастливые негоцианты подарили Бэртону самый красивый браслет и поспешили покинуть негостеприимные места.

Злоключения купцов на этом кончились, а приключения драгоценностей только начинались. Золотые изделия попали в руки сперва индийца-менялы в Равалпинди, а затем еще несколько раз переходили из рук в руки. Понятно, что какая-то часть клада (и, видимо, немалая) была утрачена на этом долгом и сложном пути, а кое-какие предметы, происходившие совсем из других мест, могли к нему добавиться.

В конце концов, решив «содрать две шкуры с одного тигра», перекупщики сделали с предметов золотые копии — весом, конечно, поменьше — и попытались продать их британскому генералу Канингему, коллекционировавшему предметы старины. Но тот сразу уличил мошенников. Опасаясь нежелательных последствий, торговцы были вынуждены выложить подлинники. В конечном итоге почти 180 золотых изделий, получивших название Амударьинского клада, очутились в Британском музее, буквально ошеломив всех знатоков древностей. И, естественно, породив массу вопросов: где именно был найден клад? Кому принадлежал? Кто изготовил эти бесценные украшения?

Обстоятельства находки клада долгое время оставались неопределенными и вызывали и продолжают вызывать разнотолки, вплоть до утверждения, что Амударьинского клада вообще не существовало, а составившие его вещи были собраны в разное время и в разных местах и случайно попали к одним и тем же купцам. Однако благодаря исследованиям последних лет удалось установить, что клад все-таки был: в 1877 году его случайно найти местные жители на городище Тахти-Кувад у слияния рек Вахш и Пяндж (верхнее течение Амударьи), на юге современного Таджикистана.

Хранитель и издатель клада О. М. Дальтон включает в него 16 объемных фигурок, 5 сосудов, 26 рельефных изделий, 53 пластинки с оттиснутыми изображениями, 16 перстней и печатей, 30 браслетов, 31 мелкое украшение и 1 золотую персидскую монету — всего 176 предметов. При публикации клада все изделия были классифицированы; оказалось, в их числе имеются предметы, принадлежащие к греческому, скифскому или так называемому «варварскому» стилю. Однако основную долю клада составляют изделия персидского стиля. Некоторые из них изготовлены еще во времена великой империи Ахеменидов, павшей под ударами армий Александра Македонского. Некоторые из них, несомненно, привезены из центральных областей Персидской державы. К числу последних относятся золотая персидская монета дарик с изображением царя в характерной зубчатой короне — и халцедоновая цилиндрическая печать с батальными сценами, в которых персы побеждают врагов, а над полем битвы парит верховное божество Ахура Мазда. Часть других изделий изготовлена уже позже, но по всем канонам древнеперсидского искусства.

Но кто изготовил эти удивительные вещи и кто был их владельцем?

Для ответа на последний вопрос надо отправиться в овеянную легендами Бактрию. Эта древняя страна, территория которой распространялась на юг Таджикистана и Узбекистана и Северный

Афганистан, в середине V века до н. э. входила в состав империи Ахеменидов. В 329 году до н. э. ее завоевал Александр Македонский, а после его смерти здесь образовалось Греко-Бактрийское царство, которое просуществовало почти двести лет и пало под натиском кочевников.

Как установили ученые, бóльшая часть предметов Амударьинского клада является продукцией местных ремесленников, поддерживавших в период греческого господства в Бактрии традиции предшествующей эпохи. К числу этих предметов относятся многочисленные и разнообразные изделия с изображениями людей и животных: объемная серебряная статуэтка, изображающая ахеменидского царя, миниатюрная золотая колесница с фигурками вельможи и возницы и четверкой лошадей… К этой же группе изделий принадлежат и золотой кувшин с ручкой, заканчивающейся головой льва, и золотой, инкрустированный лазуритом, массивный браслет с фигурками двух крылатых грифонов. В эту же группу находок входят золотые перстни-печати с изображенными на щитках божествами в зубчатых коронах, фантастическим Гопатшахом — крылатым существом с телом быка и головой бородатого человека, протомами быков — характерной деталью древнеперсидских капителей колонн.

Были среди сокровищ Амударьинского клада и золотые перстни-печати работы греческих мастеров с фигурками женщин, играющих в кости, и стоящим Гераклом, и статуэтки, изготовленные под влиянием эллинской скульптуры. К сожалению, пока невозможно определить, были ли эти статуэтки привезены в Бактрию из других областей обширного Ахеменидского царства, или же они вышли из рук местных бактрийских мастеров.

Наряду с первоклассными образцами древневосточного (в первую очередь древнеперсидского) искусства в Амударьинском кладе представлены произведения и совсем иного художественного направления. Таковы, например, небольшая золотая бляха в виде фигуры львиного грифона с гнездами для инкрустации драгоценными камнями, золотой перстень с фигуркой льва на щитке. Передача животных в изделиях этой группы характерна для знаменитого скифского «звериного» стиля: художник, опуская второстепенные детали, подчеркивает типичные особенности зверя или птицы, придает им сложные позы, нередко отмечает их мышцы или отдельные части тела геометрическими или растительными мотивами. В целом же находку можно рассматривать как сокровищницу какого-то северобактрийского аристократа или целого аристократического рода.

Когда был зарыт клад? Полторы тысячи серебряных греческих монет, входящих в него, хронологически располагаются от начала V века до начала II века до н. э. Среди этой массы монет, однако, очень мало монет, относящихся ко времени до Александра Македонского. Основная часть монет принадлежит к III — началу II века до н. э., причем в кладе нет ни одной монеты бактрийских царей Евкратида и Гелиокла, правивших в середине II века до н. э., хотя они являются очень распространенными. Учитывая это обстоятельство, зарытие клада датируется самое позднее 170 годом до н. э.

Сокровища Монте-Альбана

«Есть ли на земле какой-нибудь другой клочок земли, история которого была бы столь же темна? Где еще все ваши вопросы так неизменно оставались бы без ответа? Какое чувство берет в нас верх: восхищение или замешательство? Что вызывает эти чувства — комплекс строений, устремившихся в бесконечность, или, быть может, пирамиды, похожие на роскошные лестницы, ведущие во внутренние покои неба? А быть может, двор храма, который наше воображение наполняет тысячами индейцев, погруженных в неистовые молитвы? Может быть, обсерватория, в которой имеется наблюдательный пост с кругом меридиана и углом азимута, или гигантский амфитеатр, каких Европа не знала ни в древнейшие времена, ни в двадцатом веке, — здесь было сто двадцать каменных наклонно подымающихся рядов!

Быть может, чувства эти вызваны расположением склепов: они размещались так, что занимаемая ими площадь не превращалась в кладбище и в то же время одна могила не мешала другой. А может быть, их вызывает пестрая мозаика, фрески, изображающие различные сцены жизни, самые разнообразные фигуры людей, символы, иероглифы?» — писал о руинах Монте-Альбана немецкий журналист Эгон Эрвин Киш.

Монте-Альбан — археологический заповедник, расположенный в южной части Мексики, близ города Оахака. На протяжении почти двух тысячелетий здесь находился один из крупнейших центров доколумбовой Америки — древний город индейцев-сапотеков, имя которого история не сохранила. Сегодня он носит название Монте-Альбан — по имени поросшего лесом холма, на протяжении многих веков скрывавшего развалины огромного индейского поселения. В 1931 году оно было раскопано мексиканским археологом Альфонсо Каso, и это открытие многие приравнивают к открытию Трои Генрихом Шлиманом.

«Мексиканская Троя» оказалась городом, в котором жили люди удивительно высокой культуры. Они строили великолепные храмы, они умели обрабатывать горный хрусталь и изготавливать золотые вещи и другие драгоценности необыкновенной красоты. Этот талантливый народ назывался сапотеками.

Основание Монте-Альбана относится приблизительно к IV веку до н. э. В пору своего расцвета (в 200–700 гг. н. э.) город занимал площадь 40 кв. км, а его население превышало 20 тыс. чел. На искусственно выровненной гигантской площади на вершине холма возвышаются ступенчатые пирамиды с площадкой для игры в мяч. На спускающихся террасами склонах сохранились остатки дворцов, стелы с надписями, каменная лестница шириной 40 м и другие сооружения. Стены зданий были украшены мозаиками, фресками, рельефами.

Главным богом сапотеков был бог дождя Косихо. В знак особого почитания к его имени присоединяли титул Питао («Великий»). Ему была посвящена главная пирамида города, венчающая вершину холма. Но гораздо больший интерес, чем храмы, дворцы и стелы, представляют знаменитые гробницы Монте-Альбана.

Эти гробницы построены из камня и каждая из них накрыта сверху большой каменной плитой. Подобная конструкция воспроизводила образ тех пещер, в которых в более древние времена индейские народности южной Мексики погребали своих вождей и жрецов. Сапотеки верили, что

их предки на заре истории появились на свет из больших пещер. Следовательно, тем же путем им и следовало возвращаться в мир усопших.

Открытие гробниц Монте-Альбана стало настоящим потрясением. Во-первых, оказалось, что сапотеки — что совершенно необычно для индейцев — украшали свои «искусственные пещеры» мертвых богатой настенной росписью. А во-вторых, эти «пещеры» оказались битком набитыми неслыханными по красоте и ценности золотыми изделиями!

Нигде в Америке ничего подобного больше не было. Эту находку позднее сравнивали с открытием гробницы фараона Тутанхамона, со знаменитым «золотом Трои», с находками в «царских гробницах» в Уре.

Первую гробницу Монте-Альбана археологи обнаружили осенью 1931 года. А 9 января следующего года, в 16 часов 30 минут, Альфонсо Касо и его ассистент Хуан Валенсуэло увидели настоящее чудо. Когда Валенсуэло пробрался через узкое отверстие во вновь обнаруженную гробницу (она получила порядковый номер семь) и включил электрический фонарик, то подумал, что теряет рассудок: он увидел огромный клад, пролежавший под землей нетронутым более восьмисот лет…

Семь суток потребовалось для того, чтобы вынести из «гробницы № 7» хранившиеся здесь сокровища. Всего здесь было найдено около пятисот предметов, и в их числе — великолепная золотая маска бога Шипе Тотека, нос и щеки которой были обтянуты человеческой кожей; ожерелья из необычайно крупных жемчужин, серьги из нефрита и обсидиана, золотые чеканные браслеты с выпуклым орнаментом, золотые ожерелья, состоящие да 900 звеньев, табакерка из позолоченных тыквенных листьев, застежки и пряжки из нефрита, бирюзы, жемчуга, янтаря, кораллов, обсидиана, зубов ягуара, костей и раковин.

Более полутора сотен гробниц обнаружили археологи в Монте-Альбане. Но ни одна из них по своему богатству уже не превосходила знаменитой «гробницы № 7».

Богатства вождей Малаганы

С 1987 по 1992 год в долине реки Каука в юго-западной Колумбии не выпало ни одного дождя. Уровень грунтовых вод понизился до такой степени, что местами в русле реки обнажилась земля. В конце октября 1992 года, когда некий сельскохозяйственный рабочий выравнивал почву для посадки сахарного тростника, его орудие труда за что-то зацепилось. Человек наклонился к земле и вдруг увидел сверкавшее золото…

Как оказалось, эта находка была связана с могилой, входившей в состав обширного древнего некрополя, занимающего территорию в 25 квадратных километров. «Это самое крупное археологическое открытие, связанное с доколумбовой эпохой, за последние десять лет», — рассказывает Клеменсия Пласас, директор Музея золота в Боготе. Озеро, которое занимало эти земли в четвертичную эпоху, оставило после себя очень плодородные наносные почвы, с низкими затопляемыми зонами и террасами, пригодными для развития древних поселений. «В окрестных горах уже были обнаружены следы наиболее крупных доколумбовых цивилизаций, — продолжает Клеменсия Пласас, — Сан Августин и Тьеррадентро, или Калима. Но долина до сих пор хранила свои тайны».

В этих обнаруженных при случайных обстоятельствах могилах были погребены представители военной аристократии, может быть, даже вожди

древнего народа. Эти «вожди Малаганы» (названные так по имени деревни, около которой были найдены сокровища) сразу стали жертвами золотой лихорадки. От систематических грабежей, в которых участвовали как профессиональные грабители, так и жители окрестных деревень и торговцы предметами искусства, практически не было никаких средств защиты. За несколько дней место древнего кладбища стало похожим на взрытый кротами пригорок. Когда в конце 1993 года специалисты Колумбийского института антропологии прибыли на место, чтобы организовать программу его спасения, было разрыто уже более 500 могил. При этом, конечно же, полностью была нарушена структура археологических слоев.

Прибыв сюда 8 февраля, археологи не смогли проработать на месте больше десяти дней. Ни полиция, ни армия не могли обеспечить им безопасность от грабителей, угрожавших расправой. Каждую ночь вся работа, проделанная за день, разрушалась грабителями. Несмотря на это археологи успели собрать некоторую информацию о структуре некрополя, размерах и содержимом могил. В прямоугольных, глубиной от 1,5 до 3 метров, захоронениях зачастую попадались камни для дробления маиса, которые употреблялись, по-видимому, в качестве настила для «пола». Вокруг вытянутых в длину скелетов лежали многочисленные дары: антропоморфные керамические вазы, раковины и бусы из горного хрусталя. Встречались также отдельные бусины, различные по размеру и форме, помещенные в небольшие сосуды, а иногда даже вставленные между челюстями захороненного человека. Нередко в могилах можно было найти и останки животных, чаще всего это были змеи или кошки. И, конечно, здесь лежали многочисленные предметы из золота — самого ценного металла в древних доколумбовых культурах, поскольку оно символизировало Солнце, которому поклонялись индейцы.

Извлеченные археологами предметы, различного предназначения и ценности, свидетельствовали об обществе с высокоразвитой иерархической системой и четкой социальной структурой. Так, найденные в захоронениях нагрудные латы и маски предназначались лишь для знатных членов сообщества и вождей и использовались во время исполнения особо значимых ритуалов и церемоний.

Из первых раскопок археологи не смогли почерпнуть большей информации о культуре Малаганы. Слои были перепутаны, связи между объектами и различными археологическими уровнями нарушены. Но в конце марта 1993 года на место вновь прибыла археологическая экспедиция, поддержанная на этот раз Фондом археологических исследований Республиканского банка — самым крупным меценатом в Колумбии, владельцем Музея золота. В течение восьми месяцев археологи тщательно исследовали зону площадью 5000 квадратных метров, расположенную на северо-востоке от деревни, куда еще не успели добраться грабители. Результаты исследований, прежде всего серия датировок радиоуглеродным методом, позволили наконец восстановить историю этого места. Оно было заселено людьми с 1500 года до н. э. Культуре Малаганы, возраст которой датирован между 150 годом до н. э. и 70 годом н. э., по-видимому, предшествовали еще две, более ранние культуры.

В течение двух лет эксперты работали над собранными данными, пытаясь установить связи, объединявшие древние культуры долины Кауки. Им в помощь была предоставлена и коллекция, хранящаяся в Музее золота в Боготе. В то время как археологи копали, хранители музея старались выкупить то, что было разграблено. «Мы думаем, что получили обратно 30 процентов пропавших предметов погребального имущества — то есть 114 предметов из золота и лишь незначительную часть керамики, — объясняет Клеменсия Пласас. — Бóльшая часть была приобретена частными коллекционерами. Но я надеюсь, что в течение ближайших лет мы сможем увидеть их в музее».

Сравнивая стили и элементы иконографии, специалисты пришли к выводу: даже если существовали точки соприкосновения с другими культурами, а именно — с культурой Калима, расположенной на самом западном хребте Андских Кордильеров, и с современной ей культурой Сан-Аугустин, то предметы, найденные в Малагане, тем не менее относятся к абсолютно новой, ранее неизвестной доколумбовой культуре. В Музее золота в Боготе сокровищам вождей Малаганы ныне отведен постоянный зал экспозиции.

Котел из Копенгагена

Ни одна из реликвий древней Европы не вызвала в свое время столько споров, как знаменитый серебряный котел, хранящийся ныне в Национальном музее Копенгагена (Дания). Его иногда называют кельтским «котлом изобилия». Он был найден разобранным на отдельные части в 1891 году в торфяном болоте близ небольшого датского селения Гундеструп в Ютландии.

На протяжении многих лет считалось, что этот котел, изготовленный кельтскими мастерами, был привезен из Галлии в III веке до н. э. Однако в последнее время в среде ученых возобладало мнение, что он был создан в начале I века до н. э. Некоторые относят его даже к более позднему времени и считают, что он изготовлен уже в начале нашей эры. Мастерство, с которым выполнен котел, поистине замечательно. Этот огромный (одна только ручка его весит около килограмма!) сосуд — одно из самых поразительных произведений кельтских литейщиков — снаружи и внутри покрыт орнаментированными серебряными пластинами. Чеканщики обильно украсили его фигурами людей, животных и мифологических чудищ. Сюжеты изображений посвящены религиозным темам. На внешней стороне котла помещены изображения различных богов и богинь, на внутренней — сцены из мифов, связанных с соответствующими культами. С внутренней стороны на дне котла изображена сцена заклания быка — главного культового животного кельтской религии. Вся композиция иллюстрирует некое событие, смысл которого пока неясен. Ученые пытаются истолковать отдельные сцены и идентифицировать отдельных персонажей — например, человека в рогатом шлеме. Некоторые видят в нем изображение прославленного кельтского героя Кухулина.

Хотя мотивы изображений являются, несомненно, кельтскими, в них присутствует элемент, чуждый галльской традиции. Поэтому исследователи пришли к выводу, что котел был создан где-то в восточных областях кельтского мира, скорее всего — в Венгрии или Моравии, а может

быть, и в Дакии. Здесь были распространены те же религиозные концепции, что и у западных кельтов. В Данию котел скорее всего попал как военный трофей, а в торфяное болото был брошен в качестве благодарственного жертвоприношения богам. Факт его обнаружения в Скандинавии, куда кельты не доходили, служит одним из многочисленных примеров широкого распространения кельтского искусства в Европе.

Клад из Милденхолла

В январе 1943 года сельскохозяйственный рабочий Гордон Батчер, распахивавший поде близ Милденхолла (Суффолк, Англия), неожиданно наткнулся на большой, почерневший от времени металлический предмет, оказавшийся огромным блюдом. Немедленно прекратив работу, Батчер позвал хозяина, Сиднея Форда. Последний, агротехник по образованию, был собирателем старины и неплохо разбирался в античном искусстве. Короткий январский день уже клонился к вечеру, смеркалось, начинал порошить снег, но несмотря на это Форду и Батчеру все же удалось извлечь из земли ни много ни мало — 34 предмета. Их изумлению не было предела: оказалось, что кто-то спрятал в яме на поле большой столовый сервиз — чаши, кубки, блюда, ложки… Черные от времени, эти вещи, казалось, были сделаны не то из олова, не то из свинца. Богатый орнамент на чашах и блюдах полностью закрывала образовавшаяся на протяжении веков твердая корка, и разглядеть его можно было только после тщательной расчистки.

Форд сложил находки в мешок и отнес их домой. Некоторые предметы оказались погнутыми. По поручению Форда деревенский слесарь исправил их, и любитель старины торжественно расставил сосуды на каминной полке. Около двух с половиной лет «оловянный» сервиз украшал деревенский дом Сиднея Форда, пока один из случайных гостей не опознал в этой находке… римское серебро!

В 1946 году специальная комиссия, изучив все обстоятельства находки, заключила, что она представляет собой сокровище, то есть «объект иной, чем одиночная монета, содержащий по крайней мере 10 % золота или серебра и имеющий возраст по крайней мере на 300 лет старше той даты, когда был найден», а потому по английским законам является собственностью государства. С 1 июля 1946 года драгоценная находка официально стала собственностью короны и была передана в Британский музей. По оценкам газетчиков, стоимость клада составила 50 тыс. фунтов (в ценах 1946 года). Форду и Батчеру полагалось вознаграждение в размере 2000 фунтов на двоих, но так как Форд не сообщил о находке сразу, то полная сумма вознаграждения ему выплачена не была.

Специалисты Британского музея, занявшись изучением клада из Милденхолла, были поражены: эта находка оказалась крупнейшим и лучшим собранием римского художественного серебра, когда-либо находимого на территории Великобритании. Восточная часть Англии, где было найдено сокровище, изобилует кладами римской эпохи, преимущественно относящихся к концу IV века. Это было время, когда римское господство над Британией клонилось к закату, на остров все чаще стали нападать с моря — ирландцы и саксы, а с севера — скотты (шотландцы) и пикты. В эти же годы произошел религиозный конфликт, когда император Юлиан Отступник (360–363) попытался отречься от

христианства и вновь обратиться к язычеству. Тревожная обстановка этих лет, по всей видимости, заставляла многих богатых людей прятать свои сокровища в земле. К их числу относится и клад из Милденхолла.

Как установили ученые, он был захоронен между 350 и 400 годом. Состав клада включает в себя 34 серебряных предмета, тарелки, ложки, кубки и чаши. Большинство из них выполнено с незаурядным мастерством, но подлинным шедевром является огромное круглое серебряное блюдо диаметром более метра (60,5 см) и весом 8,256 кг. Скорее всего, оно было изготовлено в Риме или в Северной Африке. Искусный ювелир отлил блюдо в технике «потерянного воска», затем тщательно прочеканил многочисленные рельефные фигуры, а самые тонкие детали проработал безупречным гравированным рисунком.

В центре композиции расположен медальон с головой Морского божества — Океана. Его вдохновенное лицо со сверкающими глазами обрамлено бородой из листьев морской травы и вздыбившимися волосами, в которых резвятся четыре дельфина. Владыку подводного царства окружает хоровод фантастических чудовищ с торсами человека, оленя, коня (или рогатого кабана), с извивающимися чешуйчатыми хвостами, на которых возлежат обитающие в глубинах моря нереиды — дочери морского царя Нерея. Вокруг Океана располагаются два концентрических фриза, которые разделяются своеобразным ожерельем, выложенным раковинами морского гребешка.

В первом фризе изображена процессия, сопровождающая Диониса-Вакха, бога виноделия. Обнаженный Дионис с тирсом в левой руке и виноградной гроздью в правой стоит, опираясь ногой на спину пантеры. К нему спешит лысый Силен, протягивая богу полную чашу вина. Во втором фризе вокруг Диониса в стремительном танце несутся его постоянные спутники — юные сатиры и грациозные менады в развевающихся одеждах. Среди них выделяются могучая фигура опьяневшего Геркулеса, которого с трудом поддерживают два сатира — один поддерживает богатыря спереди, а другой обхватил поперек груди сзади — и пляшущий козлоногий Пан — бог гор, лесов и пастбищ.

Вся композиция блюда выражает идею поклонения Дионису-Вакху и на земле, и на море. Вполне возможно, что это изделие имело ритуальный характер и использовалось в дионисийских мистериях.

Кому могли принадлежать вещи Милденхоллского клада? Высокий художественный уровень этих изделий не оставляет сомнений в том, что их владельцем был довольно богатый человек, возможно, даже занимавший какие-то посты в местной администрации. Исследователи обратили внимание на то, что ряд предметов несет на себе раннехристианские символы. Означает ли это, что владельцем сокровища был христианин? Или эти изделия достались ему после того, как император Юлиан Отступник развязал новую кампанию преследований христиан, сопровождавшуюся конфискациями имущества? На правоту последней версии указывает тот факт, что большинство предметов из клада имеют явно языческий характер, а блюдо с Дионисом-Вакхом имело, несомненно, культовое значение.

О том, что некоторые из этих вещей меняли своих владельцев или принадлежали разным людям, говорят имена, вырезанные на трех

предметах Милденхоллского клада. На одной ложке можно прочитать «PAPITTEDO VIVAS» («долгой жизни Папиттедусу»), на другой «PASCENTIA VIVAS» («долгой жизни Пасценции»). Возможно, они когда-то с пожеланиями долголетия были подарены людям, носившим эти имена. А на одной из чаш вырезана краткая надпись «Эутериуса», т. е. принадлежащая Эутериусу. Интересно, что именно так звали высокопоставленного чиновника из Армении, служившего Юлиану Отступнику и в 355–361 годах выполнявшему ответственную миссию в северных районах Британии! Не ему ли принадлежало найденное в Милденхолле сокровище?

Согласно другой версии, серебро из Милденхолла могло принадлежать римскому военачальнику по имени Лупицинус, которого Юлиан Отступник отправил в 360 году отражать нападения варваров на Британию. Позднее Лупицинус попал в опалу, был отозван в Рим и там арестован. Тогда можно понять, почему сокровище — если оно действительно принадлежало опальному полководцу — осталось лежать в земле: его владелец попросту не смог вернуться в Британию и забрать его.

В настоящее время клад римского серебра из Милденхолла хранится в Британском музее, а его точные копии — в городском музее Ипсуича.

Пьетроасский клад

В один из жарких августовских дней 1956 года станция Могошоайя на окраине Бухареста была оцеплена плотным кольцом румынских солдат. Вскоре издалека донеслись гудки. Из горячего марева вырисовывался тяжело пыхтящий паровоз, за ним — дюжина бронированных вагонов, нагруженных тоннами ценнейших произведений искусства. Среди тысяч картин, скульптур, ювелирных изделий и предметов старины, которые предстояло со всей предосторожностью выгрузить, а потом в сопровождении вооруженной охраны доставить в Бухарест, находился драгоценный клад золотых вещей — знаменитое «сокровище Пьетроасы»…

Началась эта история в 1837 году. Два крестьянина из румынской деревни Пьетроаса (префектура Бузэу), Ион Лемнару и Стан Аврам, ломали камень на склоне холма Истрица. Много позже эту гору высотой 754 метра, одиноко высящуюся посреди Валашской равнины, назовут «раем для археологов» — здесь будут найдены десятки памятников, относящихся к самым разным эпохам и культурам, но в ту пору археология и во всем мире, и тем более в Придунайских княжествах — Молдавии и Валахии — еще только-только делала свои первые шаги, так что два простых валашских крестьянина слыхом не слыхали о таком мудреном слове. Зато они хорошо знали, что такое клад, — истории о найденных и ненайденных сокровищах рассказывали в каждом селе. И когда под вывороченной из земли глыбой известняка засверкало золото, они поняли только одно — вон оно, подфартило…

Клад, состоявший из 22 золотых предметов — сосудов и украшений, — был зарыт даже не очень глубоко. Вопрос о сдаче находки властям не рассматривался. В глазах крестьян это была ценность, причем истинной стоимости сокровища они не представляли, так что в итоге клад за очень смешные деньги перешел к албанскому торговцу по имени Анастасе Веруши. Не менее прагматичный, чем крестьяне-находчики, торговец

постарался побыстрее превратить золотые изделия просто в золото — с помощью молотка и зубила — и сбыть это золото на вес. Поэтому когда в 1838 году слухи о найденном кладе все-таки докатились до властей и полицейские чиновники заявились к Анастасе Веруши, в их распоряжении оказалось только 12 предметов. Многие из украшавших эти предметы драгоценных камней пропали, огромное золотое блюдо — весом более 7 кг! — было разрублено на четыре части и уже подготовлено к продаже.

В конце 1842 года эта золотые изделия, получившие название Пьетроасского клада, были выставлены в Национальном музее в Бухаресте. После публикации материалов Пьетроасского клада о нем узнал весь мир, и стало ясно, что этот клад — одно из самых значительных археологических открытий того времени. Сокровище из Пьетроасы выставлялось в крупнейших музеях Европы — в Париже, Лондоне и Вене, везде вызывая неподдельный интерес: эта находка проливала свет на историю так называемых «темных веков» и неоспоримо свидетельствовала о том, что в IV веке вестготы прошли через территорию теперешней Румынии…

Во II столетии группы восточногерманских племен, оставив побережье Балтийского моря (север современной Польши), двинулись на юго-восток. Эта миграция, растянувшаяся на многие годы, завершилась тем, что готы осели на землях к востоку от Карпат, создав здесь так называемую черняховскую культуру, ареал которой распространяется на западную часть современной Украины, Молдавию и Валахию. В Румынии она известна как культура Сантана-де-Муреш — по имени города, где был обнаружен обширный готский некрополь. Многочисленные погребения германцев найдены и окрестностях Пьетроасы. По всей видимости, здесь в III–V веках располагался один из крупных племенных центров готов (наряду с этим археологи выявили пять других черняховских участков, которые, вероятно, являлись политическими центрами готских племен в области, расположенной к северу от Дуная).

Александру Одобеску, один из основоположников румынской археологии, издал в конце XIX столетия обширный 650-страничный труд, посвященный Пьетроасскому кладу (Tresor Petrossa. Paris, 1889–1900), в котором высказал предположение, что это сокровище следует датировать IV столетием. Оно могло принадлежать Атанариху — вождю готского племени тервингов (вестготов). Это мнение сегодня разделяет большинство серьезных ученых, в частности профессор Мирча Бабеш, директор института археологии при Бухарестском университете. По его мнению, крепость на холме Истрица, остатки которой были обнаружены и исследованы археологами, служила резиденцией Атанариха, и именно Атанариха следует считать владельцем Пьетроасского сокровища. «Сокровище, крепость, остатки дворца и некрополь черняховского стиля — все это датируется IV столетием, что следует из находок здесь керамики и римских монет, относящихся к этому периоду, — говорит Бабеш, ведущий раскопки в Пьетроасе начиная с 1960-х годов. — В IV столетии экономическая революция захватила германские народы Европы, в их среде процветали производство и торговля. По мере накопления богатства социальная структура племен тоже начала изменяться: появились доминирующие социальные слои, элиты, что подтверждается богатым

погребальным инвентарем в могилах вождей и появлением сильных племенных центров, подобных крепости в Пьетроасе. Это, по-видимому, означает, что Атанарих был лидером мощной, независимой политической единицы и контролировал крупный центр производства и потребления». Не исключено, что в строительстве крепости в Пьетроасе приняли участие римляне, стремясь привлечь Атанариха и его вестготов к защите северо-восточных рубежей Римской империи. По-видимому, часть изделий Пьетроасского клада тоже могла быть изготовлена римскими (точнее, восточно-римскими, т. е. византийскими) ювелирами, однако основная их часть все-таки создана готскими ремесленниками, перенявшими ряд техник и приемов от скифов и сарматов, населявших причерноморские степи.

Ценнейшей частью Пьетроасского клада считается набор из четырех фибул — одной большой и трех маленьких, которые благодаря некоторому сходству с птичьим клювом получили название «Наседка с цыплятами». Эти фибулы сделаны из чистого золота и украшены драгоценными камнями. В состав сохранившейся части клада входят также два золотых ожерелья, кольца, браслеты, кувшин, 12-гранный кубок, разрубленное на четыре части блюдо, по-видимому, служившее для ритуальных целей: его украшают фигуры германских богов, облаченных в греческое платье, окружающие богиню изобилия, выполненную в технике высокого рельефа.

Судьба Пьетроасского клада оказалась тесно связанной с трагическими страницами в истории Европы в XX столетии. В 1916 году Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. В несколько дней слабая румынская армия была разбита, немецкие войска заняли Бухарест. Сокровища Национального музея, включая вещи из Пьетроасского клада, а также произведения искусства из других музеев и частных коллекций были спешно вывезены в Яссы, а оттуда Переправлены в Россию. После большевистского переворота отношения между Румынией и СССР стали враждебными, так что вопрос о возврате отданных на хранение сокровищ был отложен в долгий ящик. Лишь спустя четыре десятилетия, в 1956 году, эти коллекции, насчитывавшие около сорока тысяч предметов, были возвращены румынскому народу. В их числе находился и Пьетроасский клад. Ныне золотая казна готских вождей хранится в сокровищнице Национального музея в Бухаресте.

Сокровища вестготских Королей

…Арабский полководец Тарик с вершины одинокой скалы наблюдал за тем, как к берегу один за другим причаливают корабли, наполненные сотнями воинов. Все новые и новые отряды подобно штурму накатывались на побережье Испании. Ни Тарик, ни его воины, переправившиеся в 711 году через Геркулесовы столбы, не знали, да и не могли знать, что это событие на долгие столетия определит судьбу всей Европы, а гора, с которой арабский полководец наблюдал за высадкой своей армии, отныне будет именоваться Джебель-аль-Тарик — «гора Тарика» или, на европейский лад, Гибралтар…

Арабское нашествие стремительно разливалось по всему Пиренейскому полуострову. Мавры покоряли город за городом. Они стремились к столице вестготов Толедо, куда после поражения бежала

часть разбитого войска короля Родриго. Всюду царила растерянность и паника. Вестготская знать поспешно покидала Толедо. Одни, надеясь на скорое возвращение, прятали свои сокровища, другие спасались бегством. Солдаты столичного гарнизона грабили покинутые дома…

…В 1858 году в Гуаррасаре — небольшом местечке вблизи Толедо — был обнаружен большой клад золотых и серебряных предметов, представлявший собой, без сомнения, часть сокровищницы вестготских королей, укрытую в дни арабского нашествия. Здесь хранились диадемы, короны, кресты, кубки, предметы культа, пряжки, разнообразная посуда, украшенные алмазами, изумрудами, рубинами, альмандинами, гранатами и другими драгоценными камнями. В их числе были вотивные, т. е. пожертвованные в церковь, короны вестготских королей Свинтилы и Рецесвинта. Обилие драгоценных предметов указывает на пышность вестготского дворцового церемониала, напоминавшего, по-видимому, церемониал византийских императоров. Характерно, что большинство этих изделий было изготовлено местными, вестготскими мастерами.

Переселившись во II веке до н. э. с берегов Балтики в Причерноморье, готы стали первым германским народом, которые переняли у греков и римлян искусство оправы камней и технику перегородчатой эмали. Это искусство они принесли с собой в Испанию и Южную Францию. В 419 году вестготы создали собственное королевство на юге Франции, которое затем распространилось на Пиренейский полуостров. Первой столицей вестготов стала Тулуза, где они построили легендарную «Золотую» церковь — La Daurade. Это десятиугольное в плане здание, посвященное Деве Марии, увенчивалось куполом и было украшено великолепными мозаиками на золотом фоне, напоминавшими знаменитые мозаики Равенны. К сожалению, эта церковь не дошла до наших дней — она была уничтожена в конце XVIII века, в годы кровавой французской революции.

С середины VI века столицей обширного королевства вестготов стал Толедо. Вестготские короли приложили немало усилий, чтобы украсить свою резиденцию. А средства у них для этого имелись, и весьма немалые — в 410 году вождь вестготов Аларих захватил Рим и вывез оттуда неслыханные трофеи. Предание рассказывает, что, когда Аларих умер, готы постарались сделать недоступным место захоронения своего вождя. Для этого они перегородили плотиной течение реки и, когда русло обнажилось, вырыли на дне глубокую могилу. В нее опустили золотой гроб с телом Алариха и его сокровища. Потом плотину разрушили, и река вернулась в свое русло. Многометровый слой воды и быстрое течение стали надежными стражами могилы…

Однако далеко не все сокровища римских императоров отправились на дно реки вместе с телом Алариха. Бóльшая часть их, хранилась в казне вестготских королей, и по их заказам мастера изготавливали из римского золота и серебра удивительные по красоте изделия так называемого полихромного стиля, извлекая художественный эффект из первозданных свойств материала — мягкого блеска золота и таинственного сияния камней. Произведения вестготских ремесленников фибулы, поясные бляшки, драгоценные ювелирные изделия — археологи сегодня в большом количестве находят в ранних вестготских некрополях Лангедока и

Руссильона, их можно увидеть в нескольких музеях юга Франции — в Нарбонне, Тулузе, Каркассоне, но главным образом — в музеях Испании, в частности в Сеговии.

Часть сокровищ вестготских королей, найденных в Гуаррасаре, сегодня хранится в Национальном археологическом музее в Мадриде, другая часть — в музее Клюни в Париже. Однако основная их часть исчезла после арабского завоевания — и, по-видимому, бесследно. Существует предание, что сокровища вестготов были укрыты неподалеку от Каркассона, в небольшом городке Ренн-ле-Шато, расположенном у подножия Восточных Пиренеев, в подземельях тамошней церкви, которая, как гласит легенда, существовала уже в VIII веке…

Клад из Надьсентмиклоша

3 июля 1799 года крестьянин из венгерского села Надьсентмиклош (ныне Сынниколау-Маре, Румыния), расположенного на севере исторической области Банат, работая на винограднике, обнаружил на глубине 1,5 м проржавевший железный сундук. В присутствии владельца виноградника таинственная находка была извлечена из земли, крышка откинута, и… перед глазами собравшихся людей предстало удивительное собрание старинной золотой посуды: чаш, кувшинов, блюд, кубков, общим числом 23 и общим весом 9,945 кг. Драгоценные сосуды украшали изображения людей, зверей, птиц, крылатых чудовищ, растительный и геометрический орнамент. На одном из кувшинов в круглых медальонах были помещены изображения конного воина в кольчуге, ведущего пленного врага; охотника, стреляющего из лука; оленя, терзаемого грифоном; обнаженной женщины, танцующей с цветами в руках…

Торговец шерстью из Вены, оказавшийся по делам в Надьсентмиклоше, вызвался доставить драгоценную находку в столицу. Австрийский император Франц пришел в восхищение. По его распоряжению сокровище было приобретено императорским собранием нумизматики и антиквариата. С той поры сотни ученых и любителей истории изучали золотой клад из Надьсентмиклоша. Все они пытались найти ответы на одни и те же вопросы: когда были изготовлены драгоценные сосуды? Кем? Кому они принадлежали? Кто и почему скрыл их в земле? Было высказано множество гипотез, но и сегодня, спустя двести лет, следует признать, что до сих пор нет убедительного ответа ни на один из этих вопросов.

Сегодня все непредвзятые исследователи согласны в том, что предметы, найденные в составе Надьсентмиклошского клада, не имеют никаких прямых признаков для датировки и определения этнической принадлежности их создателей и владельцев. Разрешить загадку можно только на основе косвенных признаков, путем поисков аналогий и сравнительного анализа стилистических особенностей. Идя этим путем, ученые заключили, что изделия из Надьсентмиклошского клада принадлежат к культуре кочевых народов широкого пояса степей, простирающегося от Китая до Карпат. Золотые сосуды из Надьсентмиклоша несут на себе признаки самых разнообразных культурных, стилистических и религиозных влияний: центральноазиатские и персидские (сасанидские) мотивы соседствуют с эллинистическо-римскими и византийскими, языческие элементы — с

изображениями христианского креста. Тщательный анализ стилистических особенностей и технологических приемов показал, что сосуды изготовлены как минимум в двух различных производственных мастерских, или, говоря шире — принадлежат к двум различным художественным школам, и созданы в разное время. Тем не менее эти разнотипные и разновременные сосуды были совершенно преднамеренно собраны в одном месте. Что это может означать?

Чрезвычайно высокое качество изделий, тщательность, с какой они изготовлены, позволяет говорить о том, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой казну какого-то очень знатного человека, скорее всего — правителя некоего степного народа. До появления в Карпатском бассейне этот народ, по-видимому, долгое время кочевал в степях и, возможно, проделал весьма далекий путь. По обычаям кочевников (и не только кочевников) послы, отправлявшиеся от правителя одного народа к другому, приносили с собой ценные дары. Таким образом, клад из Надьсентмиклоша может представлять собой собрание подобного рода даров, сокровищницу, пополнявшуюся на протяжении десятилетий. Подобное объяснение позволяет понять, почему клад из Надьсентмиклоша является таким «космополитическим».

Но правитель какого именно народа обладал этим сокровищем? Существует целый список претендентов на эту роль. Земли Баната, где был найден клад, в эпоху Великого переселения народов служили своеобразным «проходным двором», где не побывал, кажется, только ленивый. Здесь проходили гунны, готы, гепиды, сарматы, авары, болгары, мадьяры (венгры), печенеги, наконец, в XII столетии сюда переселились половцы (куманы). При этом следует иметь в виду, что многие из этих раннесредневековых этносов в действительности представляли собой конгломераты различных народов, исторгнутых из глубин азиатского континента, говоривших на самых разных — германских, тюркских, иранских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских — языках. С учетом неопределенности, а точнее — широты стилистических характеристик предметов из Надьсентмиклошского клада, это сокровище могло принадлежать практически любому из правителей вышеназванныхнародов.

А когда был зарыт клад? Тут мнения ученых сильно расходятся. Разброс дат колеблется от V до X столетия. Согласно одной версии, клад из Надьсентмиклоша был схоронен в конце IV — начале V века и представляет собой не что иное, как сокровищницу знаменитого предводителя гуннов Аттилы. Однако большинство специалистов сегодня сходится во мнении, что клад относится ко второй половине VIII — первой половине IX столетия, а искать его владельца следует в «аваро-болгаро-мадьярском» треугольнике: теоретически сокровище могло принадлежать аварам, болгарам или венграм.

В этом пункте беспристрастные исследователи порой вынуждены сталкиваться с различного рода политическими спекуляциями, не имеющими никакого отношения к науке. В современной Болгарии можно услышать совершенно безапелляционные заявления, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой казну одного из протоболгарских (протоболгары — группа племен, преимущественно тюркских, ставших одним из компонентов современной болгарской нации) правителей и

принадлежит к сфере раннесредневековой болгарской культуры. С другой стороны, еще в первые годы после открытия клада из Надьсентмиклоша утверждалось, что этим сокровищем владел легендарный мадьярский вождь Арпад (IX в.), и следовательно, оно представляет собой собрание реликвий венгерского народа. Что же касается третьей стороны — аваров, то этот народ, как известно, давным-давно сошел с исторической сцены, так что заступиться за него на политическом уровне сегодня некому. Но тем не менее большинство серьезных ученых связывает происхождение клада из Надьсентмиклоша именно с аварами.

Авары пришли в Карпатский бассейн из Центральной Азии во второй половине VI века. К VII столетию они создали обширную империю — каганат, ядро которого располагалось на землях современной Венгрии, между реками Дунаем и Тисой. Отсюда авары совершали нападения на византийские владения. В этническом отношении Аварский каганат не был однородным. Еще во время своего движения через Причерноморье авары присоединили к себе остатки гуннов и некоторые протоболгарские племена. На землях, подвластных каганату, жили также гепиды и славяне. Основные кочевья аваров располагались в центральной части Среднедунайской низменности, где ими была создана система хрингов — оборонительных сооружений, состоявших из системы концентрических валов. Главный из этих хрингов, служивший резиденцией кагана и его окружения, располагался на месте современного города Тимишоары (венг. Темешвар) — в 60 км к юго-востоку от Надьсентмиклоша. Может быть, именно аварскому кагану и принадлежало найденное в 1799 году сокровище?

Интересно, что многие золотые изделия, обнаруженные археологами в аварских погребениях, по своим стилистическим особенностям чрезвычайно близки к предметам из Надьсентмиклошского клада. Существует даже гипотеза, что большая часть аварских золотых изделий имеет общее происхождение и изготовлена из тех самых нескольких тонн золота, которые авары захватили у византийцев во времена войн, происходивших в период между 567 и 626 годами. Характерно, что на двух сосудах из Надьсентмиклошского клада вырезаны надписи на греческом языке, что также позволяет отнести их к эпохе тесных аваро-византийских контактов.

Загадкой остаются надписи двух других типов, обнаруженные на сосудах из Надьсентмиклоша. Одна из них представляет собой надпись греческими буквами, но на неизвестном языке. Другие тринадцать коротких надписей выполнены знаками, напоминающими руны. Тщательный анализ позволил заключить, что эти надписи сделаны на разных языках и различаются между собой наборами знаков. Они исполнены руками разных людей, в разное время и, по-видимому, даже в разных географических пунктах — собственно говоря, так же, как и сами золотые сосуды. Все попытки дешифровки этих надписей пока не дали удовлетворительных результатов. Подавляющее большинство ученых считает, что язык надьсентмиклошских надписей — тюркский, однако даже на этой основе пока никому не удалось адекватно перевести хотя бы один из текстов. По другой версии, язык надьсентмиклошских надписей может относиться к угро-финской (то есть являться языком древних мадьяр), а согласно

третьей версии — к тунгусо-маньчжурской группе. Существует и компромиссная точка зрения: в современном венгерском языке достоверно выявлен ряд тунгусо-маньчжурских заимствований, так что можно полагать, что в древности их было гораздо больше. Кстати, сам факт присутствия тунгусо-маньчжурских языков в Карпатском бассейне в эпоху Аварского каганата не должен вызывать удивления. Во-первых, тюркское или монгольское происхождение авар до сих пор не доказано; во-вторых, все согласны в том, что аварская племенная конфедерация представляла собой конгломерат различных народов, говорящих на разных языках. Интересно, что то же самое можно сказать и о протоболгарах: как пишет современный болгарский публицист Божидар Димитров, «нам ничего не известно о расовом типе „болгар“. Кстати, само название „болгар“ означает „смесь“. Вероятно, оно было дано современниками именно чтобы подчеркнуть, что этот народ представляет собой смесь самых разных народов».

Крах Аварского каганата наступил в конце VIII столетия. В 791 году франки, поддержанные отрядами славян-карантанцев (современные словенцы), двумя армиями вторглись в пределы аварских владений. В 796 году фриульский маркграф Эрих нанес аварам решающий удар и захватил их главный хринг — «столицу» каганата. Возможно, именно в это время казна аварских правителей была укрыта в земле близ Надьсентмиклоша. Оставшись невостребованным — остатки аваров были переселены завоевателями в западную часть современной Венгрии, — драгоценный клад пролежал в земле ровно тысячу лет, пока, наконец, крестьянский заступ при случайных обстоятельствах не явил его миру. Сегодня даже те ученые, кто оспаривают аварское происхождение сокровища, согласны в том, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой уникальный, не имеющий никаких аналогов памятник эпохи Великого переселениянародов.

В настоящее время клад из Надьсентмиклоша хранится в музее истории искусств в Вене.

Перещепинский клад

На состоявшийся в августе 2001 года Первый собор болгар Украины прибыли не только представители 300-тысячной общины живущих в Украине болгар, но и многочисленные гости из Болгарии, Молдовы, России и Румынии. Этот многолюдный конгресс собрался не в столице, как можно было бы ожидать, а на Полтавщине — в селе Малое Перещепино, в месте, теснейшим образом связанном с историей болгарского народа…

…29 мая 1912 года близ села Малое Перещепино Константиноградского уезда Полтавской губернии (ныне Новосанжарский район Полтавской области) была сделана одна из самых сенсационных находок XX века. Несколько пастушков пасли скот на берегу реки Ворсклы. Неожиданно нога одного из мальчиков провалилась в… широкое горло скрытого под землей позолоченного серебряного сосуда!

Разгребая песок, пастушки извлекли из земли несколько золотых и серебряных вещей и отнесли их в село. Крестьяне, прихватив лопаты, немедленно явились на место и начали раскопки. Огромный клад — более 800 предметов! — залегал в песчаной дюне на глубине 0,2–1 м, в окружности около 1,5 м. Между золотыми и серебряными предметами были найдены фрагменты сгнивших досок.

Извлеченные из земли драгоценности были немедленно поделены между находчиками. Однако вскоре весть о сокровище достигла губернских властей. В Малое Перещепино отправились полицейские и археологи. Ученым удалось собрать большую часть находок. Остальные предметы позже также были переданы археологам.

Сокровище было огромно; общий вес золотых изделий — античных, византийских, персидских, кавказских — составил 25 кг, серебряных — 50 кг. В числе драгоценностей были амфоры, кубки, блюда, 11 золотых и 10 серебряных чаш; золотой ритон *1 Ритон — сосуд для питья в виде рога. Часто завершался скульптурой и украшался рельефами.* и золотые украшения второго, несохранившегося ритона; посох в золотой оковке; ожерелье из золотых византийских солидов; две пары золотых гривен; наколенники, меч в золотых ножнах, стремена, седло; более 250 золотых пластинок, нашивавшихся на одежду; массивная золотая пряжка (около 500 г); семь браслетов и семь перстней со вставками из драгоценных камней — аметистов, сапфиров, тигрового глаза, гранатов, горного хрусталя и изумрудов; 69 золотых византийских монет императоров Тиберия, Маврикия, Фоки, Ираклия и Константа II. Особую художественную ценность имеют блюдо с надписью, в которой упоминается имя епископа города Томи (ныне Констанца, Румыния) Патерна (в надписи сказано, что по распоряжению епископа в начале VI в. эта вещь реставрировалась) и серебряное сасанидское блюдо с изображением царя Шапура II (310–363).

Перещепинский клад — самое обширное собрание драгоценностей, когда-либо находимое на земле Украины, и одно из крупнейших в Европе. Но каким образом попали в землю эти неслыханные сокровища? Кому они принадлежали?

Несомненно, что найденные драгоценности являлись частью богатого погребения. Об этом свидетельствуют обнаруженные фрагменты деревянного сооружения (предположительно, саркофага), некогда обитого шелковой, прошитой золотом тканью и украшенного квадратными золотыми пластинами. Но человеческих останков в нем почему-то не оказалось! Лишь обнаруженные на месте находки в 1963 году археологом А. Т. Смиленко черные, похожие на угли, комки и слой золы позволили ученым предположить, что умерший был сожжен, а в деревянный саркофаг с сокровищами ссыпали пепел и остатки пережженных костей. Отсутствие над могилой каких-либо опознавательных знаков — кургана, надгробия или иного сооружения — говорит о том, что погребение совершалось втайне. Во многом благодаря этой предосторожности могила осталась неразграбленной.

А вот кому принадлежали Перещепинские сокровища? Ответ на этот вопрос был особенно важен. Долгое время вокруг находки продолжались горячие споры.

Время укрытия клада благодаря найденным в нем монетам можно было определить довольно точно: VII век нашей эры. Большинство исследователей сходилось во мнении, что сокровище принадлежало некоему предводителю степных кочевников. В этот период на юге Восточной Европы существовало два государственных объединения, вожди которых могли располагать подобными богатствами: Великая Болгария и

Хазарский каганат. Соответственно, высказывались две версии о происхождении клада — хазарская и болгарская.

В советской науке долгое время господствовала хазарская версия, опиравшаяся в основном на теоретические соображения и догадки, хотя сам клад был в распоряжении советских ученых — он хранился и до сих пор хранится в Петербурге, в Государственном Эрмитаже — и возможности для его тщательного исследования имелись. Однако серьезное изучение клада началось лишь в 1980-х годах, и занялся им немецкий профессор Йоахим Вернер. Позднее к нему присоединились австрийский ученый Вернер Зайбт и болгарские историки и археологи. Исследователи изучили хранящиеся в Эрмитаже предметы Перещепинского клада, прочитали надписи на древнегреческом языке на перстнях-печатках. И уже в своей вышедшей в 1984 году монографии Й. Вернер мог авторитетно заявить: Перещепинский клад представляет собой комплекс погребальных вещей, связанных с захоронением хана Кубрата, правителя Великой Болгарии, скончавшегося в 660 году…

Группа кочевых тюркоязычных племен, известных под общим собирательным наименованием болгары, впервые появляется на страницах исторических хроник в конце V века. В состав этого племенного объединения входила, как считают ученые, и часть народов, в свое время пришедших из Центральной Азии вместе с гуннами, и тюрки, и, возможно, древнемадьярские (венгерские) племена.

Болгарские племена (кутригуры, утигуры, барсилы, сарагуры, уроги (огоры), савиры, баланджары) кочевали на пространстве от нижнего Дуная до Прикаспия и Северного Кавказа. В 630-х годах часть болгар — оногуры и кутригуры — образовали государственное объединение, именуемое Великая Болгария. Правителем ее стал хан Кубрат.

Византийские, арабские, средневековые болгарские исторические источники с большим уважением отзываются об этом человеке. Его отец Албури Аскал, погибший в 602 году, был правителем причерноморского Болгарского княжества и другом и союзником Византийской империи. Кубрат с детских лет воспитывался при византийском дворе и еще в 619 году был крещен. В 620 году он признал власть Аварского каганата, но позже порвал с аварами и заключил союз с императором Ираклием. В середине 620-х годов Кубрат послал в помощь Ираклию 40-тысячный отряд своей кавалерии, который очень пригодился императору в его войне с Персией. После победы над персами на Кавказе, когда были взяты огромные трофеи, Ираклий прислал в дар Кубрату часть захваченной добычи и выдал за него замуж свою дочь Евдокию. В эти же годы Кубрат присоединяет к своим исконным землям на Днепре часть бывших владений распавшегося Западнотюркского каганата в Прикубанье и Приазовье, после чего его степное царство стало именоваться Великой Болгарией. Любопытно, что в числе предметов, найденных в составе Перещепинского клада, среди поясных подвесок оказался и личный знак Кубрата — тамга-трезубец («тризуб»), который позже стал родовой эмблемой великих князей киевских, а ныне, с небольшими видоизменениями, принят в качестве государственного герба Украины.

В 629 году Кубрат принял сан кагана, а в 660 году он в возрасте 60 лет скончался. После смерти этого просвещенного степного

правителя-христианина его родичи развязали междоусобную борьбу. Не просуществовав и полувека, Великая Болгария пала под ударами хазар, и составлявшие ее народы рассеялись по разным направлениям.

Часть болгар (барсилы, баланджары и часть кутригуров) откочевали на север, образовав здесь впоследствии государство, известное под именем Волжская Болгария (Булгария). Предводитель оногуров Аспарух повел свой народ на запад. Именно болгары-оногуры явились впоследствии одной из составных элементов будущей болгарской народности, смешавшись со славянами и создав государство, известное сегодня под названием Болгария.

Золотое сокровище из Преслава

«Когда бедный селянин приходит издалека, предстает пред царским дворцом и глядит на него, он озадачен. Когда же приблизится к вратам, вступает во двор и видит по обе стороны постройки, расцвеченные камнем и украшенные деревянной резьбой, он поражен. Вступивши во дворец (то есть во внутреннюю часть города) и лицезрея высокие чертоги и церкви, богато разукрашенные каменьями, деревом, краской, а внутри мрамором, медью, серебром, золотом, он не знает, с чем это сравнить, ибо в своей земле не видывал подобное, но лишь соломенные хижины. Тут можно повредиться разумом от изумления», — писал о Преславе средневековый болгарский ученый и просветитель Иоанн Экзарх в своем знаменитом трактате «Шестоднев».

Великий Преслав — вторая по времени столица средневекового Болгарского царства. Первые камни в его основание были заложены в 821 году. Под защитой толстых каменных стен в виде двух концентрических кругов находились царский дворец, Тронный зал, знаменитая Золотая церковь и множество других великолепных построек. Восторженные описания Преслава встречаются у арабских, византийских, европейских летописцев и путешественников. Увы, процветание города оказалось недолгим. В 972 году он был захвачен и полностью разрушен войсками византийского императора Иоанна Цимисхия.

Сегодня на месте второй столицы Первого Болгарского царства ведутся археологические раскопки. Остатки средневекового города в значительной мере освобождены от грунта, и перед взорами многочисленных экскурсантов предстают частично восстановленные фрагменты каменных стен, ворот, некогда великолепных дворцов. Среди руин Преслава сделано немало важных открытий, наиболее выдающимся из которых стала находка так называемого «Золотого сокровища из Преслава».

Это открытие было сделано в 1978 году, и, как это часть бывает, совершенно случайно — при сельскохозяйственных работах близ селения Кастана, расположенного в 3 км от бывшей болгарской столицы. Археологи, немедленно прибывшие на место находки, установили, что некогда здесь существовало средневековое селище, являвшееся пригородом Преслава. Обстоятельства находки не оставляли сомнений в том, что укрытие клада происходило в каких-то тревожных условиях: более 170 золотых, серебряных и бронзовых предметов, украшенных перегородчатой эмалью, изумрудами, рубинами, жемчугом, аметистами, горным хрусталем и жемчугом, оказались спрятаны в… разрушенной каменной печи в бедной

крестьянской хижине.

Внимательное изучение найденных предметов показало, что сокровище имеет сборный характер: наряду с изделиями, изготовленными в X столетии мастерами из Константинополя и Преслава, в него входили украшения, относящиеся к гораздо более ранним временам — III–VII векам. Явное преобладание женских украшений в составе клада не оставляло сомнений в том, что их владелицей была какая-то знатная женщина, возможно — царского рода, а разновременность предметов позволила ученым предположить, что клад, вероятно, представляет собой фамильное сокровище. Несомненно, что клад был укрыт в связи с нашествием византийцев в 971 году — об этом свидетельствуют найденные в составе клада 15 серебряных византийских монет времен императоров Константина VII и Романа II (945–969 гг.), а также следы пожара, уничтожившего небольшое селение в окрестностях Преслава, на месте которого и была сделана уникальная находка. Спрятала ли его сама хозяйка драгоценностей, спешно убегавшая от надвигавшейся военной грозы, или это сделал по ее поручению слуга или просто какой-то верный человек — об этом мы можем только гадать.

В числе изделий, входящих в состав Преславского клада, выделяется удивительной красоты ожерелье (конец IX — начало X в.), выполненное из золота и украшенное многоцветной перегородчатой эмалью. Существует предположение, что это ожерелье — подарок болгарского царя Петра своей невесте — византийской принцессе Марии-Ирине, с которой он обвенчался в Константинополе в 927 году. На это, в частности, указывают эмалевые изображения водоплавающих птиц — символы семейного очага и супружеской верности. Сцена «Вознесение Александра Македонского», которая традиционно связывается с культом императора, изображения сенмурвов — орлиноглавых и львиноглавых грифонов, символизирующих идею сильной власти, бесспорно свидетельствуют в пользу «царской» версии происхождения Преславского клада.

Единый ансамбль составляет комплект из пары подвесок — височных колец и трех медальонов X века. С подобными украшениями изображены на старинных мозаиках византийские императрицы Феодора и Зоя. Подвески — одно из наиболее желанных украшений, а иногда и обязательная принадлежность парадного облечения знатных дам эпохи Средневековья. Порой чересчур массивные из-за своей пышности, они прикреплялись к нижней части головного убора или подвешивались на жемчужном обнизье или цепочке. Входящие в состав комплекта золотые медальоны украшены аметистами и изумрудами — согласно поверьям, эти камни помогали обрести владелице украшений смирение, спокойствие, богобоязненность, способствовали сохранению молодости и долголетию.

К V — началу VII века относится изготовленная из горного хрусталя печать-гемма с изображением «Благовещения». Подобного рода печатями скрепляли личную корреспонденцию и т. п. Характерные для античного и раннехристианского искусства, они почти не встречаются в Средние века. В эту эпоху отдельные геммы вставлялись в оправу и использовались как украшение. Точно так же поступил и владелец (или владелица) Преславского сокровища: изготовленную раннехристианскими (на это

указывают иконографические признаки) мастерами гемму он оправил в золотую рамку с ушком для подвешивания.

Благодаря исключительной красоте и изяществу предметы Преславского клада вошли в золотой фонд болгарской культуры. Они представляют исключительный интерес с точки зрения изучения средневекового ювелирного искусства. Преславское сокровище экспонировалось во многих крупнейших музеях мира, а постоянным местом «прописки» большинства предметов из этого уникального собрания служит Археологический музей, расположенный на территории древней болгарской столицы.

Сокровища Будды

В 871 году И Цзун, восемнадцатый император династии Тан, правившей в Китае в 618–906 годах, повелел перенести святые останки Будды Шакьямуни из храма Фамэнь в Чаньань, тогдашнюю столицу страны. Император следовал примеру своих предшественников, которые каждые тридцать лет переносили святые мощи для поклонения в императорскую резиденцию. Считалось, что таким образом монархи могут добиться благословения Будды, что, в свою очередь, сулило богатый урожай, спокойствие стране и долголетие им самим.

Подготовка к перенесению реликвий длилась два года. Были изготовлены парадные колесницы, украшенные золотом, нефритом, жемчугом и яркими лентами. Жители ближних и дальних мест стремились увидеть священную процессию; бесконечный поток пешеходов, повозок и всадников день и ночь двигался по направлению к столице.

Останки Будды сперва поместили во дворце, а затем перенесли в дворцовый храм. Министры и придворные сановники стремились превзойти друг друга богатством подношений, жертвуя святыне сделанные искусными мастерами изделия из золота, серебра, нефрита и фарфора, шелка с тончайшей вышивкой. Но, несмотря на пышную церемонию и щедрые дары, император И Цзун не сумел вымолить благословения Будды. Он умер в том же 873 году, не успев вернуть святые останки Великого Учителя на прежнее место. Взошедший на престол Си Цзун, пятый сын императора, перенес мощи в храм Фамэнь в январе 874 года и приказал замуровать их в подземном хранилище. С тех пор местонахождение их держалось в строжайшем секрете…

В 1987 году китайские археологи сделали сенсационное открытие. Утром 2 апреля рабочие, расчищавшие основание давно разрушенной пагоды храма Фамэнь, наткнулись на каменные плиты. Заглянув в щель между ними, они увидели какие-то блестящие предметы. Посветив фонарями, рабочие убедились, что некоторые из них сделаны из золота и серебра…

На следующий день к месту находки приехал археолог Хань Вэй. В южной части основания пагоды ему удалось отыскать вход в подземное хранилище. Дальнейшие раскопки явили миру настоящую подъемную сокровищницу, располагавшуюся на глубине 20 метров.

Оказалось, что каменные плиты скрывали под собой тайник — крупнейший из всех, которые когда-либо были обнаружены на территории Китая. Площадь его составляла более 30 квадратных метров. Спустившись по каменной лестнице, Хань Вэй и его коллеги увидели по обе стороны

прохода две каменные плиты, высотой около 1,2 м. На одной плите была высечена сцена перенесения останков Будды, на другой — список предметов, которые были пожертвованы храму императорами танской династии и их министрами.

Спустя неделю рабочие расчистили и открыли первую каменную дверь. За ней располагались одно за другим три помещения, где было найдено более 120 предметов из золота и серебра, 400 изделий из нефрита и драгоценных камней, вещи из камня, фарфора, шелковые ткани и множество других бесценных сокровищ. Количество предметов полностью совпало с перечнем, высеченным на каменной плите.

Столько древних сокровищ за один раз в Китае еще не находили. Кроме того, большинство из них представляло собой «лучшие из лучших в национальной сокровищнице». Но помимо сокровищ, на плите было указано, что в хранилище покоятся еще и святые останки Будды Шакьямуни.

Тщательные поиски в дальнем углу хранилища привели археологов к сундуку из сандалового дерева, обитому по углам серебром и охраняемому двумя каменными изваяниями. Внутри сундука находился ларец меньшего размера, оправленный в золото.

Археолог Хань Вэй впоследствии рассказывал: «Всего, я открыл семь сундуков, вложенных один в другой, пока не добрался до миниатюрной золотой пагоды с одноярусной крышей, увенчанной жемчужиной. В основании этой пагоды находилась серебряная подставка, а на ней лежал кусочек кости. Как гласила надпись на плите, эта косточка (длиной 4,03 сантиметра и весом 16 граммов) является частью пальца Будды Шакьямуни».

Другой фрагмент кости ученые нашли в небольшом мраморном саркофаге, находившемся во втором помещении. А в последнем зале они обнаружили железный ящик, покрытый тканью, расшитой золотыми нитями. Внутри этого ящика находился серебряный ларец, поверхность которого украшали 45 позолоченных статуэток, изображающих бодхисатв. На крышке ларца читалась надпись: «Это высокочтимый ларец, сделанный с благоговением по приказу императора для святых останков Будды Шакьямуни».

Внутри серебряного ларца находилась коробка из сандала, а в ней — маленькая хрустальная шкатулка, углы которой были украшены драгоценными камнями и жемчугом. В ней лежал нефритовый футляр, в котором хранился третий фрагмент святых мощей. А четвертый фрагмент (последний) был найден в миниатюрной четырехъярусной пагоде-реликварии, покрытой яркими многоцветными рисунками.

Но каким образом эти реликвии — единственные известные в мире останки пальцев Будды — оказались в Китае, в храме Фамэнь?

В III веке до н. э., при императоре Ашоке, буддизм стал официальной религией Индии. Ашока всячески способствовал распространению буддизма. К этому времени относится строительство множества ступ (дагоб) — буддийских святилищ. Легенда рассказывает, что Ашока поделил святые останки Великого Учителя на 84 000 частей и распорядился построить во всем мире 84 000 ступ, поместив в каждую из них по одному фрагменту останков Будды.

В правление Ашоки в Индии было построено более 8 тысяч ступ. В Китае успели построить девятнадцать таких святилищ, и храм в Фамэне стал пятым в этом списке. Правда, китайские исторические хроники утверждают, что пагода храма Фамэнь существовала уже во времена династии Хань (206 г. до н. э. — 207 г. н. э.), то есть еще до постройки самого святилища. И с самого начала было известно, что кости пальца Будды захоронены под пагодой.

Кроме мощей Будды, ученые обнаружили жезл длиной около двух метров, содержащий 1,74 кг серебра и 60 г золота, с выгравированными на нем изображениями двенадцати бодхисатв. Среди найденных сокровищ выделяются серебряная купель диаметром 54 см и весом более 6 кг, с двумя ручками в форме золотого цветка и утки-мандаринки, и серебряная курильница весом 19 кг. В верхней ее части расположены пять позолоченных черепашек, спящих на цветках лотоса: символ благоденствия и долголетия. Поразили ученых и найденные в сокровищнице шелковые ткани с вплетенными в них золотыми крученными нитями сечением тоньше человеческого волоса. На фрагменте ткани длиной в один метр исследователи насчитали до 3000 витков золотой нити.

Хотя сведения об останках Будды, хранящихся в пагоде Фамэнь, имелись в исторических хрониках, открытие их стало неожиданностью для археологов, и прежде всего потому, что размеры найденного сокровища превысили все сделанные до той поры находки, относящиеся к периоду династии Тан.

«Пот божественного солнца»

Золото — «пот божественного Солнца». В этом были убеждены инки — индейский народ, в XII столетии создавший самую могущественную доколумбову империю, простиравшуюся от Колумбии до центрального Чили. Это государство называлось Тауантинсуйу — «Земля четырех частей [света]». С инками древнеперуанская культура, прошедшая путь чрезвычайно сложного развития, достигла своей блестящей вершины.

Словом «инка» именовался верховный правитель страны. Первый инка, по преданию, был сыном самого бога солнца Инти, поэтому его потомки именовали себя «сыновьями солнца». А символом солнца у инков служило золото, и из этого металла, как рассказывают, и была построена столица империи — город Куско, о котором испанский хронист Сьеса де Леон написал: «Если бы я захотел описать и перечислить все чудеса Куско, то не смог бы закончить свой рассказ до конца дней своих».

Но, конечно, Куско возводили не столько из золота, сколько из камня. В 1534 году, в год прихода конкистадоров, Куско уже был одним из пяти крупнейших городов тогдашнего мира — в нем насчитывалось около 200 тысяч жителей и 20–25 тысяч домов. Это был настоящий «Рим» древней Америки, причем «Рим» высокогорный: Куско располагается на высоте 3400 метров над уровнем моря.

Главную гордость Куско составлял великолепный ансамбль храмов, носивший название Кориканча — «Золотой двор». Центральным его сооружением являлся храм бога солнца — Инти Уаси, «золотое изумленье», как называли его испанские хронисты. Он был сооружен в XV веке. Это было чудо, равного которому не было в веках, «самое большое и

величественное здание, выказывавшее доблесть и могущество инков», как писал в 1609 году испанский хронист Гарсиласо де ла Вега. Перуанский археолог Луис Лумбрерас, посвятивший много лет изучению Куско, так описывает храм Инти:

«Храм состоял из шести святилищ, каждое из которых было посвящено одному из небесных божеств. Поэтому он и включал в себя шесть частей, в которых ныне расположены христианская Церковь и монастырь ордена доминиканцев. Длина его внешних стен составляет примерно 68 на 59 м. Со стороны его юго-восточного крыла на 34 м отходила закругленная апсида. Внешняя сторона стены в ее центральной части была украшена фризом, состоявшим из золотой пластины почти метровой ширины. Пространство перед входом в храм также было покрыто золотом. В просторном центральном дворе, если верить преданиям, находился сад — наполовину естественный, наполовину искусственный. Вода в него поступала по желобам, выложенным золотом, в центре сада находился каменный фонтан восьмиугольной формы, полностью покрытый этим же драгоценным металлом».

В храме был устроен алтарь с изображением Солнца-Инти. Это был огромный, диаметром в несколько метров, диск из чистого золота, украшенный крупными изумрудами, от которого во всех направлениях исходили золотые лучи. Диск был установлен в западной части храма с таким расчетом, чтобы на него падали первые лучи восходящего солнца, отчего золото в полумраке храма вспыхивало тысячами огней.

Вдоль стен храма на золотых тронах восседали мумии «сынов солнца» — инкских правителей. Их троны стояли на возвышении, которое было покрыто ковром, сотканным из золотых нитей. Рядом с каждой мумией возвышалась статуя почившего инки в натуральную величину.

Доступ в храм Инти имел только сам инка — «сын солнца». Окна и двери святилища были усыпаны драгоценными камнями, стены внутри облицованы листовым золотом, и даже снаружи портал храма украшала полоса из чистого золота. Потолок святилища был покрыт искусной резьбой по дереву, пол устилали прошитые золотыми нитями ковры. Вся утварь в храме Инти тоже была из чистого золота. Испанские конкистадоры, увидав в первый раз эти сокровища, долго не могли поверить собственным глазам.

Всего на строительстве храма работало около двадцати тысяч человек. Работы длились почти полвека. Однако это чудо света простояло недолго. После падения империи Тауантинсуйу испанцы использовали храм как огромную каменоломню и постепенно разобрали его до основания.

К храму Солнца-Инти примыкал дворец верховного жреца — Вильяка Уму. Этот дворец и пять других великолепных построек, в которых жили помощники верховного жреца, были покрыты белой соломой с вплетенной в нее золотой проволокой.

Второй по значению храм Кориканчи был посвящен Мама Килье — Луне. Лунный металл — это серебро, поэтому в отличие от храма Солнца, где все было из золота, в храме Луны все убранство было из серебра. Подобно тому как золотой диск украшал алтарь храма Солнца, на алтаре храма Луны сверкал массивный серебряный диск.

Образ луны в империи инков, как и у всех древних народов, был связан с представлением о женщине. Поэтому храм Луны был предназначен для койи — жены инки. Здесь покоились и мумии умерших жен инков. Ни одна женщина, кроме койи, не имела доступа в этот храм.

Храм Инти, храм Луны и другие святилища обрамляли внутренний двор, называвшийся Интипампа — «Солнечное поле». Европейские авторы чаще именуют его «Золотой сад». Это было величайшим чудом из всех чудес, когда-либо созданных индейцами доколумбовой Южной Америки, и, вероятно, самым фантастическим произведением, когда-либо созданным человеческой культурой. «Золотой сад» представлял собой модель империи Тауантинсуйу, выполненную… целиком из чистого золота.

Здесь были отражены все стороны жизни огромной страны. По золотому полю бродили золотые олени, ползали золотые змеи, на ветвях золотых деревьев сидели золотые птички и бабочки, сновали золотые жуки. Ветер раскачивал золотые стебли кукурузы, росшей на золотых полях. Двадцать золотых лам с детенышами, поедая золотые стебли травы, паслись под присмотром золотых пастухов, изваянных в натуральный рост. Золотые девушки срывали золотые плоды с золотых яблонь…

Стоимость золота, пошедшего на создание этого волшебного сада, была неслыханна. А выдающееся художественное мастерство его творцов делала «Золотой сад» просто бесценным. Конкистадоры увидели в нем, однако, прежде всего большое количество драгоценного металла, который можно было обратить в слитки…

Справедливости ради надо сказать, что слухи о высоком качестве индейского золота были сильно преувеличены. Украшения чаще делались из низкопробного сплава золота и меди, и в зависимости от соотношения частей этих металлов в сплаве индейские мастера умели придавать своим изделиям различные оттенки, чередуя их таким образом, что цвета плавно переходили из одного в другой, без заметных изменений или явных различий. Этот прием, чрезвычайно эффектный, сослужил, однако, плохую службу многим прекрасным творениям ювелирного искусства доколумбовой эпохи: в 1519 году испанский король Карл V издал указ, предписывающий отправлять их на переплавку. В нем, в частности, говорилось: «…Признавая, что много золотых изделий индейцев продолжает переходить к испанцам в счет уплаты податей, вознаграждений и доходов от торговли в различных изделиях и украшениях в форме медальонов, ожерелий, канителей, узких полосок, браслетов, нагрудных и других украшений, а сплавы, из которых они сделаны, в былые времена называли не иначе как низкопробным золотом, и поскольку содержание его в этих изделиях очень низкое, а меди — высокое и без того, чтобы их расплавить, нельзя ни узнать пробу золота, ни определить его стоимость, повелеваем, чтобы это золото и изделия из него были очищены, переплавлены и пятая часть их поступала в казну».

В перечне золотых и серебряных изделий, свезенных инками со всех концов страны в Кахамарку в качестве выкупа за плененного конкистадорами императора Атауальпу, фигурируют удивительные предметы: гигантский золотой фонтан, статуи лам в натуральную величину, сосуды в виде кондоров и орлов, золотые барабаны… Вся эта уникальная коллекция индейского ювелирного и декоративно-прикладного искусства

была обращена в 5,5 тонны золота и 12 тонн серебра в слитках.

Сокровища Биармии

«Биармия!

Названия этой страны нет ни на одной карте мира — не только современной, но и самой что ни на есть древней. Кажется, что Биармия вообще не географическое, а только мифическое понятие, что страны с таким названием никогда и не было. И, несмотря на это, существование Биармии оказывается все же менее проблематичным, нежели загадочной Атлантиды», — писал о Биармии известный историк и искусствовед В. В. Косточкин.

Да, Биармия действительно существовала. Викинги называли ее Бьярмаланд, на Руси ее знали под именем Великая Пермь — настолько обширны были ее пространства. Земли Биармии простирались от Камы до Северного Ледовитого океана и от Северной Двины до Печоры. Биармию покрывали бесконечные леса, непроходимые болотные топи, недоступные горные кряжи. Пути через земли Великой Перми лежали по рекам, через волоки, из одной в другую, и именно этими путями в Биармию пробирались предприимчивые арабские купцы, скандинавские викинги, новгородские ушкуйники. Их упорно манили несметные сокровища Биармии, известные более как «закамское серебро»…

«Плыли они летом, чаще всего так, как позволяли их корабли, — повествует Снорри Стурлусон. — И когда они приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте. Началась там торговля. Все те люди, у кого было для этого имущество, приобрели там огромное богатство. Торир приобрел там много беличьего меха, и бобрового, и собольего. И у Карли было огромное богатство, так что он купил много мехов. А когда там закончилась торговля, тогда поплыли они прочь по реке Вине (Двине). Было тогда объявлено, что мир с местными жителями закончился. Викинги решают напасть на бьярмов, но Торир предлагает воспользоваться обычаем бьярмов выносить в лес и засыпать землей часть наследства богатого человека. Торир приводит отряд к капищу бьярмов. Они вышли на большую поляну, и на той поляне был высокий деревянный забор, с воротами в нем, которые были заперты. Шесть человек местных жителей должны были охранять каждую ночь этот забор. На дворе капища был насыпан курган, в нем перемешаны золото, серебро и земля. А еще внутри ограды стоит бог бьярмов, который зовется Йомали… В руках статуи Йомали была серебряная чаша, полная серебряных монет, а на шее драгоценное ожерелье». Торир и его спутники заметили, что стража ушла, а новая смена еще не заняла своих постов. Тогда Торир и викинги бросились к кургану из золота, серебра и земли и собрали «сколько можно больше денег, сложив их в свое платье». Трогать бога бьярмов Торир воинам запретил и отправил их на корабли, но, когда они ушли, он вернулся к Йомалю, похитил серебряную чашу, наполненную монетами, срубил драгоценное ожерелье и бросился к своим кораблям, преследуемый разбуженными стражниками-бьярмами…

Долгое время этот рассказ средневекового автора считался вымыслом. Но в XVII и XVIII столетиях одно за другим стали появляться сообщения русских путешественников о святилищах угро-финских племен в бассейнах Верхней Камы, Северной Двины и Печоры. Подобно тому,

которое ограбил Торир, они были обнесены высокими заборами с воротами, охраняемыми стражей, а внутри стояли деревянные идолы, державшие чаши и блюда, наполненные серебряными монетами. А несколько десятилетий спустя несметные сокровища Биармии, казавшиеся легендарными, неожиданно стали обретать плоть и кровь…

…В середине мая 1853 года крестьянин Егор Зубов нахал свое поле на низком пойменном берегу реки Иновы. Ему помогали двое ребятишек-племянников. Один из них шел за бороной и вдруг возбужденно закричал: борона зацепила какое-то колечко, приделанное к крышке из светлого металла, и волочила ее по пробороненной земле. Идя по следу, Зубов нашел место, откуда борона выворотила эту странную штуку, и разгреб землю руками. На свет появилось серебряное ведро «средних размеров». В нем лежало несколько серебряных сосудов. Сверху — узкогорлый граненый кувшин, под ним — восемь серебряных кружек, на дне — большой серебряный ковш с длинной ручкой. Пространство между ведром и сосудами заполняли семь серебряных шейных гривен.

Скупкой древнего серебра в Прикамье занимались тогда люди именитых торговых людей Строгановых, негласно контролировавших местных кладоискателей. Узнав о кладе, они вынудили Зубова продать его фактически за бесценок.

Впервые Строгановы — некоронованные короли Великой Перми — заинтересовались древним серебром в середине XVIII века. Как-то весной 1750 года некий крепостной Строгановых пахал поле близ деревни Слудки на берегу Камы. Неожиданно соха вывернула из земли большой кувшин. На кувшине было вычеканено изображение молодой женщины в полный рост, в прозрачной одежде. У ее ног были изображены маленькие фигуркидетей.

Эта находка вызвала большой интерес. Между тем на протяжении нескольких последующих лет сведения о находках старинных серебряных предметов в Пермской губернии начали выплывать то тут, то там. В 1780 году на берегу Камы во время половодья близ той же деревни Слудки деревенские ребята нашли в размытом берегу большое серебряное блюдо. Вскоре около Слудки нашли еще пять серебряных сосудов.

С той поры Строгановы начали скупку древнего серебра у крестьян. Была создана целая сеть скупщиков серебра, охватившая всю Пермскую губернию. Скупщики разъезжали по деревням под видом мелких торговцев. Собранное серебро переправлялось на Нижегородскую ярмарку. Отсюда драгоценные древние сосуды поступали либо в коллекции богатых любителей старины, либо продавались ювелирам как серебряный лом.

С середины XIX века клады «закамского серебра» стали почти ежегодно находить в Прикамье и Приуралье. Чердынский купец В. Н. Алин составил на покупке и переливке древних серебряных вещей целое состояние. От него не отставали и другие скупщики, превращавшие бесценные предметы древнего искусства в серебряные слитки.

…Летом 1896 года к земскому начальнику в Кудымкаре А. И. Бронскому явилась какая-то женщина с жалобой на торговку, которая отказалась заплатить часть условленной суммы за большой клад золотых и серебряных вещей. По ее словам, весь клад весил чуть менее пуда (около 15 кг) и торговка обещала заплатить ей за него 270 рублей серебром. Назначенное властями следствие ни к чему не привело: клад разыскать не

удалось. На запрос Археологической комиссии об исчезнувшем кладе пермский губернатор сообщил, что слух о находке клада в 9-м участке Соликамского уезда не подтвердился…

В результате деятельности скупщиков большая часть произведений погибла, но все же многие предметы появились в столичных музеях и попали в руки специалистов. В основном это были серебряные блюда восточного происхождения с великолепной художественной чеканкой, кувшины с изображениями диковинных зверей, правителей с клиновидными бородами, чаши с чеканными сценами охоты на львов и пантер и мифологическими сюжетами, кубки, покрытые затейливыми узорами и сказочными цветами. Большинство этих изделий, как установили исследователи, изготовлены в Иране в эпоху могущественной династии Сасанидов (220–651) и частично — в Византии, Бактрии и Хорезме.

На одном из блюд, хранящихся в Государственном Эрмитаже (это блюдо вместе с двумя другими было найдено в 1936 году у деревни Больше-Лашковская), изображен шахиншах Ирана Пероз (правил в 457–484 гг.). Диаметр блюда — около 30 см. На другом блюде, найденном в 1957 году в деревне Аниковской, изображен шахиншах Хосров I — в пышном одеянии, с короной на голове, преследующий медведя…

Сасанидское серебро в глухих пермских лесах! Это стало сенсацией. Как, каким образом и зачем из роскошных дворцов персидских вельмож эти великолепные блюда и кувшины попали в стойбища лесных охотников, да еще в таком огромном количестве?

После падения Сасанидской империи под ударами арабов (около 650 г.) несметные богатства шахиншахов, накопленные за пять столетий, перешли в руки завоевателей. Огромное количество серебряных изделий наводнило восточные рынки. Арабские и среднеазиатские купцы были частыми гостями на Волге. Поток серебра на протяжении пяти столетий шел через Хазарский каганат и Волжскую Булгарию в Верхнее Прикамье — в Биармию. А из лесов Биармии купцы везли добытые лесными охотниками меха — соболь, бобр, куница, горностай, белка, лисица…

Летом 1967 года в Прикамье было найдено серебряное блюдо, изготовленное в Константинополе при императоре Константе II (651–668). На этом блюде среди выгравированных и отчеканенных греческих надписей имеется надпись, сделанная арамейским письмом в Хорезме. Выходит, это блюдо, прежде чем попасть в пермские леса, проделало путь из Византии в Хорезм, а уж оттуда, вероятно, по Волге, попало на Каму. Эта география как нельзя лучше показывает, какие торговые пути связывали Византию, Восток и Биармию.

Основной приток серебра в Верхнее Прикамье имел место в VII–X веках. С начала XI века начался спад. Импорт серебра в Биармию продолжался и в XI–XII веках, но уже в меньшем количестве и худшего качества. А приблизительно с X века начался постепенно набиравший обороты отток серебра из Биармии — в направлении Скандинавии и Новгорода, а затем и Московской Руси.

Сведения о Бьярмаланде начали поступать в Скандинавию со второй половины IX века. В конце этого столетия о походе в Бьярмаланд рассказывал английскому королю Альфреду Великому норвежец Оттар. В X–XI веках плавания викингов в Бьярмаланд участились. «Сага о Хаконе

Хаконарсоне» повествует о поездке норвежского купца из Бьярмаланда на Русь — в Суздаль и Новгород. В ряде скандинавских саг рассказывается о походах викингов в Бьярмаланд, об обычаях и религии жителей Бьярмаланда — бьярмов. В древней истории Швеции Олафа Далина говорится, что Биармия управлялась собственными князьями. Бьярмы, как утверждают саги, владели огромным количеством серебра и драгоценных украшений. Корабли викингов ходили в Бьярмаланд северным морским путем через Гандвик (Белое море) и Финнмарк (страну финнов).

Закамское серебро было главной целью походов новгородских ушкуйников в XI–XV веках — на Каму и в Югру, «за Камень» — в Приуралье. В 1193 году, когда новгородская рать подступила к стенам небольшого пермского городка, местные угры — «югра» — предложила новгородцам откуп: «сребро, и соболи, и ино узорочье». Московский князь Иван Калита, завидуя новгородцам, страстно желал отхватить свою долю сокровищ Биармии, именем золотоордынского хана требуя от Новгорода «серебра закамского». Стараниями Калиты на реке Мологе (приток Волги) было устроено обширное торжище, где обращалось «закамское серебро» — Холопий городок. С начала XIV века здесь ежегодно собиралось обширное торжище, на которое приезжали московские и новгородские торговые гости, шведы, ливонцы, жители Великого Булгака, литовцы, поляки и даже греки и итальянцы. Из Великой Перми на торжище Холопьего городка на протяжении трех сотен лет текла река древнего сасанидского серебра — блюда, кувшины, сосуды, монеты… Одних только торговых пошлин здесь собиралось до 180 пудов серебра ежегодно!

Сокровища Биармии казались неисчерпаемыми. Между тем вполне резонным будет вопрос: а зачем лесным охотникам Биармии требовалось такое огромное количество серебра?

Исследователи нового времени обратили внимание на то, что в бортиках по крайней мере 40 серебряных блюд, найденных в Верхнем Прикамье, пробиты небольшие отверстия, с помощью которых эти блюда подвешивались для совершения обрядов. Каких? На этот вопрос дали ответ этнографы. Оказывается, западносибирские угры («югра») использовали серебряную иранскую и византийскую посуду при совершении обрядов, посвященных духу Мир Сусне Хум — буквально переводится как «Смотрящий-За-Людьми-Человек». Этот дух, по верованиям угров, — самый младший, седьмой сын верховного божества Нуми Торума, покровитель охотников, посылающий им дичь. Его отождествляли с солнцем, поэтому во время совершения обрядов сверкающие диски серебряных блюд символизировали небесное светило. Во время молений о ниспослании богатой добычи лесные охотники поклонялись серебряным блюдам, изготовленным ремесленниками в далеких Иране и Византии…

Считается, что богатые клады серебряных сосудов принадлежали шаманам, которые по совместительству являлись и племенными вождями (в родовом обществе эти функции обычно совпадают). При этом они зарывали клады, скорее всего, не в расчете воспользоваться им в будущем при жизни, а в уверенности, что оно понадобится им в загробном мире. Такие взгляды на драгоценные металлы и вообще на сокровища были широко распространены у древних народов Севера, в том числе — и у

скандинавов эпохи викингов. Вспомним: Снорри Стурлусон в своем рассказе о походе викингов в Бьярмаланд выделяет обычай бьярмов «выносить в лес и засыпать землей часть наследства богатого человека». Считалось, что в золоте и серебре материализуются счастье и благополучие человека, его семьи и рода.

Клады восточного серебра в прикамских лесах продолжают находить до сих пор. И как знать, может быть, главные сокровища Биармии еще не найдены?

Клады княжеского Киева

Древний Киев, столица бывшей Киевской Руси, богат на клады. На протяжении последних полутора столетий их было найдено здесь — и во время археологических раскопок, и случайно, при земляных работах, — великое множество. Многие из ювелирных изделий, найденных в этих кладах, попросту уникальны. Они украсили бы собой экспозицию любого из крупнейших музеев мира.

Сегодня клады великокняжеской эпохи, обнаруженные на территории Киева, составляют почти треть от общего количества кладов, найденных на территории Киевской Руси. В их состав входят монеты (чаще всего арабские дирхемы), серебряные денежные слитки-гривны, но преобладают в основном женские золотые и серебряные украшения, «узорочье» — диадемы, колты, серьги, шейные гривны, ожерелья, браслеты, перстни.

Топография этих находок связана с расположением богатых городских усадеб. Преобладающее большинство кладов было спрятано во время осады Киева ордами Батыя в 1240 году. Много людей погибло при штурме города монголо-татарами, другие угнаны в рабство, третьи разбежались, и в результате большинство владельцев кладов так и не вернулись к своим пепелищам, а их драгоценности пролежали в земле на протяжении нескольких столетий. Ежегодно археологи находят все новые и новые клады. Так, в 1986 году на Кудрявской улице был обнаружен клад золотых и серебряных женских украшений XI–XII веков, украшенных эмалью и позолотой. А в 1998 году в Михайловском Златоверхом монастыре нашли 23 серебряные гривны «киевского типа» и золотые украшения. Интересно, что это не единственный клад, найденный на территории монастыря: до этого здесь уже дважды — в 1887 и 1903 годах — находили богатые клады золотых и серебряных изделий. Так, клад, найденный в 1903 году, содержал 40 серебряных украшений, две серебряные гривны и другие предметы.

В некоторых кладах, зарытых в 1240 году, содержалось огромное количество золотых изделий. Самый богатый из них был найден в 1842 году в усадьбе Десятинной церкви. Он включал в себя несколько сотен женских украшений-колтов из золота с перегородчатой эмалью. Чрезвычайно интересные предметы — ювелирные изделия киевских мастеров, драгоценности иноземного происхождения — были найдены в 1876 году в кладе на Рейтарской улице. Ученым удалось даже проследить историю некоторых из этих вещей. Так, по надписям на серебряной чаше исследователи смогли установить, что сперва она принадлежала какому-то князю, а потом стала собственностью Спасской церкви на Берестове. Другая серебряная чаша была изготовлена в Южной Италии. Ею владела

Евфимия — дочь киевского князя Владимира Мономаха, в 1112 году вышедшая замуж за венгерского короля Коломана. Брак этот был очень кратковременным: уже через год после свадьбы Евфимия вернулась в Киев. Вместе с другим имуществом она привезла с собой и эту чашу. Возможно, после смерти Евфимии в 1139 году чашу пожертвовали церкви Спаса на Берестове. А в 1240 году ее, спасая от татар, вместе с другим имуществом Спасской церкви перенесли в Киев и закопали на одном из боярских дворов…

Раннюю группу предметов, входящих в состав киевских кладов (2-я пол. XI — сер. XII в.), составляют в основном изделия из золота с перегородчатой эмалью; более поздние (2-я пол. XII — нач. XIII в.) вещи изготовлены в основном из серебра чернью. Наличие в составе кладов предметов разновременного происхождения не должно вызывать удивления: по всей видимости, это были фамильные драгоценности, годами хранившиеся в семьях и передававшиеся по наследству.

К числу ценнейших находок принадлежат княжеские регалии — диадемы. В своей основе они восходят к византийским диадемам, к числу которых принадлежит и так называемая шапка Константина Мономаха, и венгерская корона Святого Стефана. Всего на территории бывшей Киевской Руси найдено 11 целиком или частично сохранившихся диадем, среди которых наибольшей полнотой отличаются золотые уборы из Киева (клад 1898 г.) и с. Сахновки Киевской губернии (клад 1900 г.). В последнем кладе найдены еще и бармы — то есть полный набор княжеских регалий.

Золотая диадема из Сахновки, украшенная перегородчатой эмалью, представляет собой уникальное произведение киевских ювелиров XII столетия. Она состоит из семи килевидных зубцов-киотцев общей длиной 35 см; по бокам находятся небольшие трапециевидные пластинки с петлями, к которым, по-видимому, когда-то подвешивались цепочки-рясна. В центральном киоте изображена сцена вознесения Александра Македонского на небо в корзине с грифонами, навеянная сюжетом очень популярного в Средневековье романа «Александрия». Остальные киотцы заполнены растительным орнаментом, повторяющимся с небольшими изменениями. Вместе с диадемой в сахновском кладе 1900 года были найдены и княжеские бармы — четыре медальона со вставками-щитками из многоцветной эмали в богатой оправе с драгоценными камнями, жемчужинами и каймою из золотых полусфер. На вставных щитках — поясные изображения Христа Вседержителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и архангела. Диадема и бармы стилистически едины и, по-видимому, изготовлены в одной мастерской.

Вторая диадема (нач. XIII в.) найдена в самом Киеве на территории бывшего княжеского двора. Как и сахновская, она состоит из семи килевидных киотцев, завершающихся жемчужинами; снизу — подвески из квадрифолийных бляшек с эмалью и каплеподобными золотыми пронизями. Диадема украшена изображением «деисусного чина»: в центральном киотце — Иисус Христос, слева от Христа — Богоматерь, архангел Гавриил и апостол Петр, справа — Иоанн Предтеча, архангел Михаил и апостол Павел. С большим мастерством подобраны тона эмали — синей, пепельно-серой, бирюзовой, красной, пурпурной, белой, цвета слоновой кости. На боковых трапециевидных пластинках изображена

человеческая голова в короне с подвесками, подобная изображениям на колтах. Вероятно, это упрощенный вариант сцены вознесения Александра Македонского на небо.

На протяжении всей домонгольской эпохи существовали две группы украшений княжеско-боярской верхушки. К первой относятся шейные гривны, браслеты, височные кольца, изготовленные из серебра и золота. Эти традиционные украшения на рубеже X–XI веков сменяют подвески-колты, браслеты-наручи, очелья. Во второй половине XI века в Киевской земле складывается стилистически единый парадный женский убор из золотых предметов, богато украшенных перегородчатой эмалью, драгоценными камнями, жемчугом, сканью. Этот убор почти без изменений сохранился до времен татаро-монгольского нашествия.

Качество продукции киевских золотых и серебряных дел мастеров было очень высоким; оно не уступало ни изделиям Византии, ни стран Востока и Запада. На развитие киевского прикладного искусства значительное влияние имело знакомство местных мастеров с художественными традициями других стран, которые приносили в Киев ремесленники — выходцы из других стран: Хазарии, Волжской Болгарии, Византии, Хорезма, Великой Моравии. Появляются новые типы украшений: колты, медальоны, цепочки из круглых золотых бляшек на шарнирах. Постепенно меняется и технология — от перегородчатой эмали на золоте киевские мастера переходят к украшениям из серебра, декорированного чернью.

Наиболее характерным изделием киевских мастеров эмальерного дела являются колты — типовая деталь женского головного убора. Золотые колты с многоцветной перегородчатой эмалью чаще всего находят в аристократической части старого города, располагавшегося вокруг княжеского Теремного двора.

В кладах колты обычно встречаются парными; иногда они имеют жемчужную обнизь. На лицевой стороне неизменно помещаются изображения птиц, сиринов, грифонов, святых, а на оборотной — различные растительно-геометрические мотивы.

Византийское влияние на киевских мастеров видят в колтах из клада, найденного в 1896 году на Княжеской горе. На одной стороже изображена птица в геральдической позе, а на другой — павлин с распростертыми крыльями. Проработка всех деталей, даже мельчайших, выполнена очень тщательно, что выдает руку мастера-грека. Очень интересны колты из клада, найденного в 1887 году в Михайловском монастыре. На золотом фоне здесь изображены сирины — птицы с женскими головками. Крылья и хвосты сиринов разделены полосками красной и синей эмали, а вся цветовая гамма построена на сочетании красного, синего, светло-зеленого и белого тонов, дополненных черными и розовыми тонами. Почти идентичная пара колтов (по-видимому, изготовленных в той же ювелирной мастерской) обнаружена в кладе, найденном в 1880 году на Большой Житомирской улице. Близки к ним и колты из киевского клада 1885 года и клада 1900 года из Сахновки.

Помимо птиц, на колтах можно встретить изображение человеческой головы в венце-стемме, подобном тому, что украшали голову византийских императоров, в том числе и в сцене вознесения Александра

Македонского на небо. Голова человека в стемме изображена на многоцветных колтах из киевского клада 1949 года. В кладе, найденном в 1909 году возле Десятинной церкви, был колт с ажурным ободком с изображением на лицевой стороне грифона, а в кладе, найденном в 1903 году в Михайловском Златоверхом монастыре, имелась пара серебряных колтов с ажурным ободком. На щитках этих колтов на черненом фоне также были помещены изображения грифонов.

Стилистически к колтам примыкают рясны — парные длинные декоративные цепочки из круглых или квадрифолийных бляшек. Иногда они завершались колтами различных типов. Праздничные рясны княгинь и боярынь делались из золота и украшались перегородчатой эмалью. Свисая с углов головного убора, рясны доходили до плеч женщины, а колты достигали груди.

На рясна обычно изображались птицы, процветшие кресты-крины, деревья, розетки и геометрические мотивы — так называемые городки. Именно так украшена пара рясен — каждая из десяти бляшек — из сахновского клада 1900 года.

Широкие двустворчатые серебряные браслеты-наручи, украшенные гравированными изображениями, связанными большей частью с языческими обрядами, появляются во второй половине XII века. За исключением этих изображений, эти браслеты никак не связаны с местной традицией, и их корни выявляются при сопоставлении с византийскими браслетами подобного рода, хранящимися в Лувре, галерее Уолтерс в Балтиморе (США), музеях Лондона. Особенный интерес представляют браслеты с так называемыми «русальными» сюжетами. К их числу принадлежит браслет из клада 1903 года, найденного на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Каждая его створка разделена тремя арками. На одной створке под аркой изображена танцовщица в вышитой рубашке с длинными рукавами. В центральной арке — распластанный орел, символ власти, характерный для византийского искусства. Рядом — перебирающий струны гусляр в высоком колпаке. На другой створке слева помещено изображение фантастического существа — дракона с птичьей головой, справа воин с мечом и щитом. Посередине в арке — геральдический орел. В сходной традиции выполнен и киевский браслет из коллекции Британского музея.

Браслет из киевского клада 1893 года относят к числу шедевров средневекового ювелирного искусства: изысканная форма киотцев, рифленые шарниры, утонченные и совершенные живописные изображения птиц и грифонов… Головки птиц обращены назад, что придает им динамичность, фон заполнен растительным орнаментом. Очень интересно использована чернь: серебряные грифоны изображены на темном фоне, а тела птиц заштрихованы черненными полосками. Сложная гравировка создает тонкую игру света и тени.

Сегодня обширная коллекция драгоценных предметов великокняжеской эпохи из золота и серебра, найденных в составе киевских кладов, хранится в собрании Музея исторических драгоценностей Украины в Киеве. Эта коллекция уникальна и не имеет аналогов в мире. Пестрящие многоцветной эмалью украшения времен Киевской Руси — гривны, браслеты, колты, медальоны, диадемы — поражают своим

богатством и искусством исполнения.

Клады Старой Рязани

Зимой 1237 года к стенам Рязани подошла орда Батыя. Неделю длилась осада, после чего татары ворвались в город и предали его страшному погрому — «не осталось во граде ни единого живого». От этого погрома Рязань, некогда один из крупнейших городов Киевской Руси, уже не оправилась никогда, в конце концов и имя свое отдав соседнему Переславлю-Рязанскому, а сама став Старой Рязанью…

Но осталось другое — рязанские клады, зарытые в ту последнюю неделю, пока войско Батыя стояло у стен города. И эти находки, в основном женские украшения из кладов княжеских, боярских и богатых горожан — «узорочье нарочитое, богатство рязанское», — продолжают удивлять мастерством и филигранностью исполнения.

Начиная с 1822 года в Старой Рязани найдено девять подобных кладов, состоящих из золотых и серебряных изделий. А еще один рязанский клад был найден триста с лишним лет назад — в 1673 году. Описанный в терминах XVII столетия, он состоял из «золота плетеного с перст толщиною», «свертков волоченого золота», «серебряных карасей», «лемешков серебряных» и «серебра литого брусками». Что это был за клад? Судя по описаниям серебряных «брусков», которые называли еще «карасями» и «лемешками», это были слитки серебра весом около 200 г (полфунта), «мерою в длину два вершка, шириною в вершок, а в толщину в полвершка» (9 х 4,5 х 2,25 сантиметра). Это описание полностью соответствует «гривне серебра» — главной денежно-весовой единице Киевской Руси. Гораздо интереснее изделия из «волоченого» и «свитого» золота, украшенного «лазоревыми камушками», — но тут, увы, можно только гадать, что за «узорочье нарочитое» попало в руки находчиков…

К сожалению, ни один из кладов, найденных в Старой Рязани до XIX столетия, до нас не дошел. Между тем именно клады привлекли внимание исследователей к Старо-Рязанскому городищу.

Исключительное значение Старой Рязани, позволившее ей выделиться в самостоятельное и могущественное княжество, определялось прежде всего значением Оки как крупнейшего в Восточной Европе — наряду с Волгой и Днепром — торгового пути. На рынок Рязани стекались предметы искусства, пестрые ткани и благовония, парча и золототканые одежды, жемчуг и драгоценные камни, янтарь, знаменитые франкские мечи, олово, воск, мед; здесь продавали ловчих соколов, меха соболей и горностаев; здесь торговали скотом и невольниками.

Но Старая Рязань славилась и своими собственными мастерами. Здесь создавались замечательные произведения ювелирного искусства. Многие из них подражали византийским или сасанидским образцам — как, например, в кованной из серебра чаше с тиснением, на дне которой изображено стилизованное животное: козерог или олень (найдена в 1888 г.). В других случаях местные мастера достигали большей самостоятельности.

На протяжении многих столетий окрестные жители, распахивая Старо-Рязанское городище, находили здесь различные древности. А в 1822 году крестьянин Ермолаев, опахивая края дороги неподалеку от того места, где позднее был раскопан Спасский собор, наткнулся на золотые предметы

исключительной ценности. Их общий вес составлял 6 фунтов 83 золотника (2,807 кг). Первые специалисты, описывавшие этот клад, дали ему название «рязанских барм», но до сих пор назначение этих предметов остается спорным. По мнению одних исследователей, они входили в состав женского убора, по мнению других — являлись частью княжеского наряда. Как бы то ни было, «рязанские бармы» представляют собой признанный шедевр древнерусского ювелирного искусства.

В состав клада входят три небольших золотых медальона с изображениями Богоматери, св. Ирины и св. Варвары; два крупных колта с изображениями святых князей Бориса и Глеба на одной стороне и драгоценными камнями на другой; шесть золотых колтов, покрытых драгоценными камнями и сканью; две цепи из золотых ажурных бусин со сканью, зернью, жемчугом и самоцветами. Ныне этот клад хранится в Оружейной палате в Москве.

Конечно, главным сокровищем клада являются медальоны. Особенно замечателен медальон с образом «Богоматерь Оранта», безусловно византийской работы, выполненной в технике перегородчатой эмали. Лик Богоматери исполнен с такой одухотворенностью, что невольно приходит мысль о живописи. Кажется невероятным, что подобный эффект достигнут средствами эмали. Вероятно, активные связи с Византией обусловили появление этого образка в Рязанском княжестве — скорее всего в конце XI — начале XII века, и возможно, в качестве почетного дара. Исключительные художественные достоинства образка, а возможно, и какая-то связанная с ним история или его религиозное значение стали причиной того, что уже в Рязани местные мастера сделали для него еще два медальона со вставными иконами — «Св. Ирина» и «Св. Варвара».

Назначение входящих в состав клада колтов не вполне ясно; возможно, что они носились на груди, и в таком случае основной была сторона, покрытая камнями: крупным белым яхонтом в центре, окруженным жемчугом, с сапфирами, рубинами, аметистами, топазами вокруг него. Поверхность между камнями покрыта рельефной сканью из толстых золотых жгутов. Замечателен и рисунок скани, и оригинальная, исключительная по совершенству техника ее наложения.

Изображения святых на оборотной стороне выполнены в технике перегородчатой эмали. Пролежав в земле шестьсот лет, эмаль несколько выветрилась и потускнела, но все же сохранила яркость красок. Фигуры Бориса и Глеба окружены жемчужной обнизью и широкой каймой из скани с драгоценными камнями. По краям с обеих сторон колты окружены еще одной жемчужной обнизью.

Создание ювелирного ансамбля «рязанских барм» специалисты связывают с образом «Богоматерь Оранта». Безусловно, «бармы» не являются рядовой продукцией и были изготовлены по особому — скорее всего княжескому — заказу.

Сенсационное открытие «рязанских барм» вызвало большой интерес к древностям Старой Рязани. С раскопками 2-й половины XIX века связаны новые находки замечательных произведений ювелирного искусства. Чрезвычайно интересны, например, две серебряные позолоченные подвески (XIII в.), усыпанные зернью, с девятью цепями, на которых в середине помещены круглые бляхи, а на концах — ромбовидные

грузила, украшенные художественно выполненной сканью и зернью. Они входят в состав клада, найденного в Старой Рязани в 1868 году (ныне хранятся в Государственном Эрмитаже). В состав того же клада входило серебряное ожерелье, состоящее из штампованных бляшек с изображением на них так называемых процветших крестов.

На сегодняшний день число кладов, обнаруженных на территории Старой Рязани, достигло тринадцати. Найденные предметы отличаются необыкновенным разнообразием и богатством отделки. Это бусы и серьги со сканью, зернью и жемчужной обнизью, иногда и с мелкими камнями; нательные кресты из яшмы, мрамора, змеевика, в серебряной и золотой оправе с зернью или с выемчатой эмалью: зеленой, голубой и желтой; семилучевые и восьмилучевые подвески-колты, обильно украшенные зернью. Концы их обычно завершались одним или несколькими серебряными полушариями, в то время как в центре звезды большое полушарие окружалось мелкими узорами из зерни и скани.

В 1950 году при раскопках жилища, сгоревшего во время татарского погрома, археологи обнаружили в развале глинобитной печи завернутый в истлевшее полотно клад из 26 предметов. В его состав входили серебряный с чернью медальон с образком Богоматери, серебряная цепь из полусферических бляшек, три серебряных восьмилучевых колта, четыре нательных крестика с оправленными в серебро концами, бронзовая позолоченная булавка в виде лилии, украшенная красной и зеленой эмалью.

Замечательные образцы нивелирного искусства были найдены в кладе 1966 года. Этот клад, также завернутый в холщовую тряпочку, археологи нашли на месте большой деревянной постройки, уничтоженной пожаром в 1237 году. В его состав входили шесть предметов: два серебряных денежных слитка-гривны, два витых из серебряной приволоки браслета и уникальные по художественному исполнению браслеты-наручи, сделанные из широких серебряных пластинчатых створок. На них на черненом фоне выгравированы птицы, грифоны и танцовщица с двумя музыкантами. Края браслетов украшены позолотой и рубчатой проволокой; такой же проволокой разделены изображения. Стиль и общие особенности рисунка позволяют отнести эти браслеты к числу изделий киевских мастеров XII–XIII веков.

До нас дошла лишь небольшая часть художественных сокровищ Старой Рязани. Но и то, что сохранилось, неопровержимо свидетельствует о высочайшем уровне мастеров рязанской школы, изделия которых распространялись далеко за пределами Рязанского княжества. С гибелью Рязани погибло и это уникальное самобытное искусство, не имевшее себе подобных ни в одной из других русских областей.

СОКРОВИЩА ДРЕВНЕЙ ФРАКИИ

Древнейшее золото Европы

В I тысячелетии до н. э. большую часть Балканского полуострова населяли фракийцы — многочисленный народ индоевропейского происхождения. Наука пока не дала окончательного ответа на вопрос, откуда и когда именно фракийцы пришли на эти земли. Известно, что фракийские племена жили оседло, занимались земледелием, скотоводством и ремеслами. В знаменитой «Илиаде» Гомера этот народ

упоминается главным образом как воины, коневоды и земледельцы, имевшие укрепленные города. На многих страницах этого эпического повествования говорится о высокой художественной культуре древних фракийцев:

Рядом, отдельно от всех, спали фракийцы, недавно
К Трое пришедшие. С ними их царь, Резос, сын Энея.
Кони их были прекрасны и равных себе не имели:
Белее снега и быстрого ветра быстрее.
Колесница царя серебром и златом сверкала.
Золотые доспехи — высокое чудо искусства —
Украшали царя. Казалось, не смертные люди,
Нет! а бессмертные боги носить это чудо достойны!..

Греческие историки Геродот, Фукидид, Ксенофонт и другие также писали о фракийских племенах — мезах, трибалах, гетах, одрисах и других.

Своего расцвета фракийская культура достигла в VIII–VII веках до н. э. Благодаря интенсивным торговым связям и активным контактам с греческими колонистами при дворах фракийских правителей возникали настоящие центры художественных ремесел. Большое распространение получили живопись и скульптура, особенно производство золотых и серебряных изделий. Сегодня болгарские археологи при раскопках погребений фракийской знати находят бесценные сосуды из золота и серебра, украшенные изящными орнаментами и изображениями на религиозные и мифологические сюжеты. Интересно, что некоторые из этих сокровищ были зарыты в землю еще до прихода на Балканы фракийцев! Нигде в Европе не обнаружено такого большого количества золотых и серебряных кладов, хронология которых свидетельствует о непрерывности цивилизационных процессов на территории современной Болгарии.

Клады находили здесь всегда. И не только монетные — их количество исчисляется сотнями, — но и клады, состоящие из драгоценной золотой и серебряной утвари, предметов снаряжения коня и всадника, регалий царей и племенных вождей… В своей книге «Путешествие по Болгарии» академик Константин Иречек, чех по происхождению, писал:

«Серебро и золото в римские времена были главными произведениями этой земли… О древних традициях добычи и обработки золота свидетельствует открытие, вызвавшее в 1880 году настоящую сенсацию: на обочине дороге близ Чуклено был найден старинный глиняный кувшин, содержащий девять фунтов чистого речного золота… В 1878 году русские военные раскопали курган возле села Дылбоки, к северо-востоку от Стара-Загоры, и нашли в нем в каменном склепе золотой лавровый венец, три серебряные чаши, античные вазы, оружие и сосуды». А по сообщению другого чешского ученого и путешественника XIX столетия, Карела Шкорпила, в 1851 году житель Калофера Стоян Далевски во время пахоты нашел прямо в поле золотую диадему…

В музеях Болгарии сегодня хранятся уникальные, единственные в своем роде произведения фракийского искусства — изделия из золота, серебра, бронзы и различных сплавов. Они представляют собой своеобразное переплетение местных традиций с греко-римским

искусством. В нем также присутствуют черты еще более древних искусств — крито-микенского и иранского.

Одна из самых сенсационных находок была сделана в 1971 году. Во время земляных работ близ знаменитого варненского курорта Золотые пески ковш экскаватора поднял на поверхность несколько золотых предметов замысловатой формы. Специалисты были категоричны: это — самые древние в Европе золотые изделия. Они были изготовлены еще в 3200–3000 годах до н. э.!

Оказалось, что экскаватор зацепил край обширного некрополя, датируемого IV тысячелетием до н. э. В его 80 погребениях, исследованных археологами, было найдено около 2300 изделий из чистого золота общим весом более 6 кг, изготовленных с большим вкусом и изяществом. Все они попали в землю не позднее 3000 года до н. э.

Одна из гробниц оказалась особенно богата — вес найденных здесь золотых предметов составил более полутора килограммов! В этой могиле был похоронен рослый мужчина лет 45, атлетического телосложения. На обеих его руках сверкали массивные золотые браслеты, шею и грудь украшала увесистая золотая гривна, осыпанная драгоценными камнями. Золотые пластинки и бляшки были нашиты и на одежду, и на головной убор. Ныне все эти предметы выставлены в одном из залов Археологического музея в Варне.

Эпоха раннего железа оставила немного драгоценных находок. Самой известной из них является большой золотой сосуд полусферической формы, найденный в символическом погребении-кенотафе в окрестностях села Казичене, неподалеку от Софии. Существует интересное предположение, что этот золотой сосуд символизирует вождя, погибшего или умершего где-то далеко от дома.

К числу наиболее драгоценных находок, сделанных на земле Болгарии, относятся массивные амфоры-ритоны с фигурными ручками, изображающими фигурки животных — коней, козлов, быков. Они выполнены в традициях древнеперсидского искусства эпохи Ахеменидов. Почти все известные экземпляры происходят из иранского Азербайджана и датируются началом I тысячелетия до н. э. Эти замечательные произведения древних ювелиров выполнены из позолоченного серебра; их прототипами, по-видимому, послужили формы древней иранской керамики.

К числу лучших образцов этого искусства относится серебряная ваза из Куковой могилы (рубеж VI–V век до н. э.), найденная во время археологических исследований некрополя близ села Дуванли, проводившихся в 1929–1931 годах. Судя по обилию золота и серебра, найденного в древних курганах, в древности здесь располагалось фамильное кладбище какого-то очень знатного рода. Наиболее богатым на находки стал курган Кукова могила, достигавший 15 м в высоту и 100 м в диаметре. В скрытом под его насыпью каменном склепе археологи нашли более тридцати золотых и серебряных предметов. В их числе была и массивная серебряная ваза, с ручками в виде крылатых грифонов. Устрашающе разинув пасти, они оглядываются назад; рисунок напряженных мускулов плавно перетекает в прихотливый растительный орнамент; богатая позолота подчеркивает основные конструктивные части фигур. Верхнюю часть вазы украшают два зеркально отображенных фриза

из переплетенных листьев пальмы и лотоса.

Разнообразные золотые и серебряные сосуды — одна из самых частых находок на фракийских землях. Их конструктивный тип почти одинаков, а вот формы отличаются необыкновенным разнообразием. Искусные мастера не жалели сил на выдумки, разукрашивая устья этих схожих с рогом кубков, придавая верхней части обличье мифологических существ или голов животных, вырезая на кубках различные сценки. Из поколения в поколение передавались секреты и умение, накапливался опыт, вырабатывались приемы. Но в итоге все решали талант и вдохновение. И конечно, фантазия и вкус.

Ученые насчитали уже более тридцати различных форм драгоценных сосудов, но это число, конечно, не окончательное: новые находки появляются из-под земли едва ли не каждый год. А один из самых красивых фракийских серебряных сосудов был найден в 1929 году. Он входил в состав так называемого Буковского клада, содержавшего 9 серебряных предметов, относящихся к рубежу V–IV век до н. э.

Очень часто на сосудах помещалось изображение фракийского героя-царя. У мастеров даже выработался его своеобразней «канонический» стиль. По-видимому, такие чаши служили своеобразными знаками царской милости — могущественные фракийские правители жаловали их своим соратникам и вассалам. Так, надпись на одной из чаш сообщает, что одрисский царь Котис I пожаловал ее одному из племенных вождей в знак своего расположения. А на небольшом серебряном фиале из Врацы греческими буквами выгравированы имена царя Котиса и мастера-ювелира Этбео; по-видимому, эта чаша также предназначалась в качестве подарка. Другим примером подобного рода может служить массивный серебряный фиал из Браничево. В украшающий ее ромбовидный орнамент вплетается греческая надпись, содержащая имена царя Аматока и его мастера Тереса.

Но серебро, пусть даже и высокохудожественное, — не самое главное сокровище древней Фракии. Гораздо больше известны знаменитые золотые клады, которые прославили фракийских нивелиров на весь мир…

Вылчетринский клад

К знаменитому кладу золотых изделий из Вылчетрина определение «самый-самый» можно применить многократно: это — самое древнее фракийское золото, найденное на территории Болгарии. Это и самый большой золотой клад Фракии. Наконец, это и самая таинственная находка, относящаяся к фракийской эпохе: действительно, что можно сказать о назначении загадочного сосуда, состоящего из трех соединенных друг с другом золотых ковшей, явно не предназначавшихся для черпания жидкостей, ибо в каждом из них имеется сквозное отверстие?

Эти удивительные предметы были найдены при случайных обстоятельствах в 1924 году в урочище Долгите лозя, к северо-востоку от села Вылчетрин в Плевенском округе. В тот день, 28 декабря, местные жители братья Тодор и Никола Цветановы, собрав человек пятнадцать батраков, отправились на виноградник — укрывать лозы на зиму — и во время работ неожиданно наткнулись на скрытые в земле сосуды из желтого металла. Они лежали совсем неглубоко, всего в каких-то 30 см от поверхности, и возле них не было следов истлевшей ткани или деревянного

короба, где они первоначально могли находиться. В большой сосуд, по форме напоминающий суповую миску, просто были сложены несколько сосудов поменьше, а сверху его накрывали несколько плоских не то крышек, не то тарелок…

«Где-то рядом должен быть клад!» — решили крестьяне. О том, что клад уже находится в их руках, они и не подозревали — в их глазах «супница с крышками» не представляла собой большой ценности. Оставив сосуды на пашне, они принялись перекапывать все вокруг на большую глубину в поисках спрятанных денег. Наконец, убедившись, что больше здесь ничего нет, крестьяне поделили найденные предметы. Большая их часть попала, в руки собственников земли — братьев Цветановых.

В попытке продать находку братья обратились к местному ювелиру Косте Златареву. Рассмотрев находки, тот был весьма удивлен: это было золото! Золото очень высокопробное и, несомненно, очень древнее…

В начале 1925 года клад поступил в Археологический музей в Софии. Он состоит из 13 золотых предметов общим весом 12,425 кг. Некоторые из них имеют настолько необычную форму, что даже трудно определить их назначение. В состав клада входят большой круглый сосуд с двумя ручками («супница»), один большой и три малых ковша, два больших (диаметром 0,37 м) и пять малых диска и один совершенно необыкновенный трехчастный сосуд в виде трех соединенных друг с другом ковшей эллиптической формы. Когда находчики извлекли эти предметы из земли, они находились в полной сохранности; позже при дележе добычи часть их была серьезно повреждена.

Металл, из которого изготовлены сосуды, содержит приблизительно одинаковый процент золота, серебра, меди и железа. В их обработке и украшении использовались электрон (сплав золота и серебра), никель и олово. Все изделия выполнены в едином стиле и с использованием одной и той же техники, часть их (малые ковши и диски) даже имеют почти одинаковую массу; они просты по форме и разительно отличаются от подобных изделий, созданных древнегреческими мастерами. Что-то иранское неуловимо присутствует в их декоративном убранстве. А мастерство, с которым изготовлены сосуды, просто поражает: лишь с помощью микроанализа удалось установить, что верхние части некоторых из них не представляют собой одно целое с нижними, но искусно спаяны с ними серебряным припоем.

Ряд исследователей Вылчетринского клада считает, что комплект драгоценных сосудов неполон — в нем не хватает подставки к трехчастному сосуду (возможно, она была изготовлена в виде колесницы) и других явно «напрашивающихся» предметов. Неясно, присвоили ли их находчики клада (хотя крестьяне клялись, что сдали все предметы полностью), либо они были утрачены еще до того, как сокровище попало в землю. Неясно и то, когда были пробиты отверстия в ковшах трехчастного сосуда, — ведь их наличие полностью исключает использование этих ковшей по их прямому назначению!

Кстати — а для чего вообще предназначались предметы Вылчетринского клада? Здесь ученые практически единодушны: все эти сосуды, несомненно, имели ритуальный характер. Возможно, ими пользовались фракийские жрецы, о которых упоминает Гомер в «Илиаде» и

«Одиссее», а возможно — фракийские цари. Вообще говоря, во многих обществах древности функции царя и жреца совмещались в одном человеке. Но означает ли это, что в окрестностях села Вылчетрин в 1400–1300 годах до н. э. — а именно этим возрастом датируется клад — существовало древнее святилище или резиденция фракийских царей?

Археологи тщательно исследовали место находки и всю прилегающую территорию. Увы, никаких следов древних построек найдено не было, а при расспросе местных жителей выяснилось, что землю здесь начали обрабатывать сравнительно недавно. Еще в 1860–1870-х годах на этом месте простирались густые леса. Под одним из деревьев — наверное, оно было чем-то приметно и служило опознавательным признаком — и был зарыт удивительный клад. По всей видимости, сокровище попало в землю при случайных обстоятельствах (об этом свидетельствует и небольшая глубина, на которой лежали драгоценные сосуды). Может быть, его владелец спасался от неприятелей и у него не было времени зарыть золото поглубже, или эти сосуды были похищены и укрыты в надежде их скорого возвращения… Как бы то ни было, клад не был востребован обратно — очевидно, тот, кто его укрывал, погиб.

Сегодня золотые сосуды Вылчетринского клада хранятся в Национальном Археологическом музее в Софии и принадлежат к числу ценнейших и наиболее интересных экспонатов в его коллекции.

Клад из Панагюриште

Из Софии в Пловдив можно попасть и поездом, и самолетом, но интереснее — автобусом. Или, если есть машина — на машине.

Две с половиной тысячи лет назад Пловдив был главным городом фракийского племени одрисов. Тогда он назывался Эвмольпией. А примерно в сорока километрах к северу от Пловдива находится Панагюриште — небольшой, окруженный садами, городок. Говорят, что археологам здесь достаточно лишь тронуть заступом землю — и находка следует за находкой. Но самое главное открытие здесь сделали все же не ученые, а простые крестьяне — братья Павел и Мишо Дейковы, 8 декабря 1949 года отправившиеся заготовлять глину для кирпичей.

«Лопата ударилась во что-то твердое, — рассказывал позже старший из братьев, Павел. — Нагнулся я, разгреб немного руками — вижу круг в земле. Мне показалось, медный. Я было подумал, что кто-то здесь трубу потерял. Разгреб еще — опять что-то желтое. Крикнул братьев…» Склонившись над влажной землей, трое мужчин один за другим извлекли из нее девять тяжелых, изготовленных из листового золота античных сосудов. Потом стало известно, что все вместе они весили более шести килограммов…

«Они были как солнце, — вспоминал Павел Дейков. — Завернули мы их в пальто от лишнего глаза, а потом осмотрели землю. В ямку они были поставлены, а не просто брошены. Для них специально вырытую…»

«А я знал, что в наших местах лежит огромный клад. Старые люди говорили», — уточняет рассказ Павла младший брат, Мишо. Но это уже, конечно, легенда, которая просто опоздала родиться. Как выяснилось позднее, на месте, где был найден клад, да и поблизости, никогда не было какого-либо древнего поселения. И нет здесь старинных развалин, которые могли бы дать приют легенде…

Но кто же тогда закопал в этом безлюдном месте такое сокровище? Ведь сосуды — семь ритонов, амфора и блюдо, изготовленные методом холодной ковки, представляют собой не случайный набор драгоценной посуды, а тщательно подобранный сервиз, принадлежавший, по всей видимости, одному из фракийских царей. И по богатству — общий вес золотых предметов составляет более 6 кг — и по красоте и изяществу отделки эти предметы уникальны. А входящий в состав клада огромный сосуд-фиал весом 846 г чистого золота и диаметром 25 см вообще является рекордсменом во всем античном мире.

Чеканные рельефы, покрывающие сосуды, кажется, вобрали в себя всех богов и героев античности. Улыбаясь, сидит в легком хитоне Афина, подняв одной рукой боевой шлем и опираясь другой на круглый узорчатый щит. Чуть поодаль стоит Афродита и восседает на троне Гера. Рядом — Парис. В левой руке он держит скипетр, правая немного поднята — такое впечатление, будто он что-то объясняет богиням… Второй ритон посвящен подвигам Геракла и Тесея. Геракл побеждает керинейскую лань, борется с марафонским быком Тесей — силач с детским лицом. На других сосудах можно видеть Диониса в окружении неистовых вакханок, Артемиду и Аполлона с луками в руках, крылатую Нике с печально склоненной головой. Три ритона выполнены в виде женских голов — судя по всему, это амазонки. Еще один сюжет посвящен неизвестному нам событию, но, по всей видимости, хорошо известному в древности: из-за двустворчатых дверей дворца с колоннами видны руки и голова испуганного старика. Он с ужасом смотрит на бегущих ко дворцу воинов, размахивающих мечами. Воины жестоки и сильны, и нет спасения немощному старику даже за окованными дверями… Напряженное душевное состояние героев находит свое выражение в позах, жестах, взглядах.

Известие о находке клада из Панагюриште буквально взбудоражило научную общественность: открывалась новая страница древней истории Болгарии. Высокая художественная ценность найденного в Панагюриште клада не вызывала сомнений. Однако долгое время среди специалистов шли споры: где изготовлены эти роскошные сосуды? К какой эпохе их следует отнести? То, что это не древнефракийское искусство, ученые разобрались довольно быстро, но нельзя было и утверждать, что эти сосуды изготовлены в «коренных» греческих областях. Скорее всего, кубки появились на свет в греческом центре, находящемся за пределами материковой Греции.

Болгарский исследователь Иван Венедиков, основываясь на тщательном и разностороннем анализе, пришел к выводу, что этот сервиз вышел из ювелирных мастерских малоазийского города Лампсака. Ученый пришел к этому выводу, изучая весовые системы различных греческих городов. Ему удалось определить, что в основе соотношения между весом панагюриштенских сосудов и содержанием в них золота лежала персидская весовая система, а точнее: вес персидских монет — статеров, которые чеканились и в греческих городах Малой Азии. Ближе всех к искомому (по весу и по содержанию золота) оказался статер, чеканившийся в Лампсаке: в этом городе персидский статер в IV веке до н. э. был чуть полновеснее обычного. Вот такая сложная родословная у

панагюриштенских сосудов; их изготовили греческие ювелиры в малоазийском городе Лампсаке, стоявшем на фракийской земле и испытавшем влияние ахеменидской Персии…

Датой изготовления сосудов считается рубеж IV–III веков до н. э. В ту пору Фракия была вовлечена в орбиту важных политических событий, сотрясавших античный мир. В 370 году до н. э. эта область стала плацдармом, с которого Александр Македонский начал свой поход в Персию. В 323 году до н. э., после смерти Александра, правителем Фракии стал Лисимах, сподвижник великого полководца. Бесконечные войны, непрекращающиеся восстания фракийцев, стремившихся сбросить с себя чужеземное иго, истощали страну. А в 278 году до н. э., спустя два года после смерти Лисимаха, на Фракию нахлынула волна кельтского нашествия… Организованного отпора фракийцы дать не смогли. Люди бежали в неприступные горы. Видимо, именно тогда и оказались в земле Панагюриштенские ритоны.

Сегодня клад из Панагюриште хранится в Археологическом музее в Пловдиве.

Рогозенский клад

В 1986 году небольшое болгарское селение Рогозен, расположенное в 43 км к северу от города Враца, в центре обширной Дунайской равнины, стало местом рождения исторической сенсации: здесь был обнаружен самый большой клад из всех, когда-либо найденных на фракийских землях. Он состоит из 165 сосудов из позолоченного серебра, датируемых концом V — началом IV века до н. э. Общий вес клада составляет ни много ни мало — 20 килограммов! Это сокровище оказалось столь велико, что даже отыскивать его пришлось в два этапа…

В один из дней 1985 года тракторист Иван Димитров начал копать канаву, чтобы подвести воду к своему огороду. Она должна была пролечь через пустырь, расположенный почти в центре села, который местные жители издавна использовали для посадки разной зелени и овощей. И именно на этом многократно копаном-перекопанном клочке земли Иван Димитров неожиданно наткнулся на настоящее сокровище!

В большой яме, на глубине 0,4–0,5 м лежало 65 серебряных, покрытых позолотой сосудов необыкновенной красоты — 42 кувшина, 22 фиала и одна чаша. Тракторист отнес их в общинный совет, а оттуда драгоценные сосуды поступили в музей города Враца.

На место находки немедленно приехали археологи. И 6 января 1986 года им удалось сделать вторую, не менее сенсационную находку: всего в 5 м к северо-западу от места первой находки ученые открыли вторую захоронку, где на глубине 0,5 м было укрыто целых 100 серебряных с позолотой сосудов — 86 фиалов, 12 кувшинов и 2 чаши!

Это было исключительное, из ряда вон выходящее открытие. Никогда еще на земле древней Фракии не находили такого огромного клада, исключительного по размерам и ценности. Ясно, что это не могло быть имуществом одного-единственного человека. По всей видимости, Рогозенский клад представляет собой собрание фамильных драгоценностей аристократического рода из местного фракийского племени трибаллов, а может быть, это имущество культового центра трибаллов, располагавшегося где-то в окрестностях Врацы. Коллекция эта

составлялась на протяжении многих лет: с V века до н. э. до 40-х годов IV века до н. э. Вероятно, сокровище было зарыто в землю при каких-то экстремальных обстоятельствах — нашествии врагов, междоусобице и т. п.

На шестнадцати сосудах Рогозенского клада выгравированы греческие надписи, в которых упоминаются имена царей Котиса I и Керсиблепта и фракийских мастеров, по-видимому, изготовивших эти драгоценные изделия; некоторые надписи носят дарственный характер. Девять сосудов отличаются особенно богатым исполнением, их украшают сцены из фракийской и греческой мифологии. Одна из чаш посвящена эпизодам борьбы Геракла с амазонками. Фракийский мастер изобразил знаменитого героя еще совсем юным, безбородым и обнаженным. В правой руке он держит меч, а левой рукой протягивает царице амазонок Ипполите пояс; настороженная Ипполита направляет на героя копье. За человеческими фигурами виднеются передние части (протомы) животных — коня и фантастического полульва-полугрифона…

И эти драгоценные чащи, и другие предметы Рогозенского клада сегодня выставлены в залах Национального Исторического музея в Софии.

Сокровище из Борово

…Судя по сохранившимся греческим надписям, эти серебряные, покрытые позолотой сосуды относились ко временам одрисского царя Котиса I (383/5–359 гг. до н. э.). Уже потом, несколько лет спустя, кто-то из ученых предположил, что эти сосуды и Рогозенский клад представляют собой две части большого царского сокровища. По каким-то причинам его владелец (или владельцы) был вынужден укрыть свое достояние. Большую часть сокровища он закопал возле современного села Рогозен, но сохранил набор драгоценных ритонов — роскошных царских сосудов. Однако позже обстоятельства заставили его расстаться и с ними. Он закопал ритоны на Беленском холме, там, где много лет спустя выросло болгарское селение Борово. А в декабре 1974 года, при совершенно случайных обстоятельствах — тракторист пахал поле и наткнулся на скрытый в земле клад — эти драгоценные сосуды вновь увидели свет…

На место события приехали археологи. Они тщательно исследовали окрестности Борово, но больше ничего не нашли. Раскопки показали, что поблизости нет ни остатков древних построек, ни погребальных сооружений. Сокровище явно представляло собой клад, укрытый при чрезвычайных обстоятельствах.

Клад состоял из пяти предметов: трех ритонов, кубка с двумя ручками и небольшого кувшина, изготовленных из серебра с позолотой. На двух ритонах и на кувшине были вырезаны надписи греческими буквами. По этим надписям ученым удалось установить, что сосуды изготовлены около 380–360 годов до н. э., в период расцвета фракийской художественной культуры, в городе Беос, находившемся в юго-восточной Фракии, на побережье Мраморного моря. Позже, когда в 1986 году в руки ученых попал знаменитый Рогозенский клад, стилистические особенности драгоценных изделий и их синхронность заставили специалистов задуматься: а не попала ли в их руки казна одрисских царей?

Центральное место в Боровском кладе занимают три ритона, завершающиеся протомами *2 Протома — передняя часть тела.* коня, сфинкса и быка. Ритон традиционно занимал центральное место среди фракийских сосудов.

Этот украшенный затейливым декором рог сочетал в себе функции культового сосуда и атрибута власти. По всей вероятности, ритон воплощал в себе жреческий аспект царской власти. Эта традиция уходит корнями в глубокую древность, во времена, когда верховный жрец одновременно являлся и политическим руководителем народа. Во многих фракийских памятниках герой-царь получает ритон из рук Великой Богини-матери или демонстративно воздевает его в момент своего апофеоза. Эта функция ритона как культового сосуда и одновременно атрибута политической власти известна и среди других древних народов: хеттов, персов, скифов.

Среди сосудов Боровского клада выделяется серебряный позолоченный ритон с длинным, изгибающимся вверх почти под прямым углом туловом, покрытым вертикальными каннелюрами, и протомой галопирующего коня в основании. Устье ритона обрамлено рядом круглых и овальных зерен (жемчужин и овули) и украшено тонко гравированным орнаментальным фризом. Возможно, существовал еще какой-то пластический декор, но, будучи плохо прикрепленным, он отвалился. Полуфигура коня моделирована очень пластично, с не вполне правильным обозначением мускулов на груди и шее и тремя врезавшимися складками возле опущенной головы. Уши коня повернуты вперед, глаза выпуклые, косо подстриженная грива завязана в высокий пучок между ушами и тремя долгими прядями ниспадает на спину. Интересно, что мускулы на ногах стилизованы как цветы лотоса — это типично иранский прием.

Этот сосуд воспроизводит один из наиболее характерных типов фракийских ритонов. Конь играл большую роль в религии и идеологии фракийцев. Легендарный царь фракийского народа эдонов Резос славился тем, что имел многочисленные табуны коней, другой мифологический царь фракийцев — Диомед — владел конями, которых кормил человеческим мясом; исторический царь Котис I подарил своему зятю два стада белых коней и т. п. Конь был посвящен двум главным божествам фракийцев — солнца и войны. Этим божествам по традиции приносили в жертвулошадей.

В состав клада из Борово входит и большой серебряный кубок, позолоченный по верхней грани и по основанию ручки. На дне кубка изображена покрытая позолотой сцена, в которой грифон нападает на лань. Особое место среди предметов Боровского клада занимает кувшинчик-ритон. Он выделяется как своей специфической формой, так и многофигурными сценами, изображенными на стенках сосуда. Превращение кувшина в ритон отмечено учеными-историками только во Фракии, и это еще раз подчеркивает особую роль ритона в религиозных верованиях и культовых обрядах фракийцев.

Своей остродонной формой кувшинчик приближается к амфоре. Отверстие на дне окружено лентой шнуровидного орнамента, а в поле между ним изображены три водяных птицы, ловящие рыбу. Шейка кувшина отделена от яйцевидного тулова лентой овулов, которыми украшен и край устья.

Изображения на стенках сосуда разделены на два фриза. Легкая позолота играет на одежде и в волосах представленных здесь божеств и героев. В нижней части фигуры крупнее, что говорит о том, что именно здесь следует искать основной смысл всей композиции. Тут изображен эпизод из мифов о Дионисе-Вакхе, а именно — его свадьба с Ариадной,

дочерью критского царя Миноса. На торжестве присутствует силен, восседающий на львиной шкуре с ритоном и фиалом в руках. Другой силен играет на двойной флейте, под ее звуки танцует крылатый Эрос, а третий силен наливает в фиал вино, которое он черпает остроконечным кувшинчиком из огромного кратера, наполняющегося из источника, оформленного в виде львиной маски. Бородатый Дионис изображен с ритоном и фиалом в руках. Критская принцесса облачена в длинный хитон, в руках держит ленту — вероятно, свой девичий пояс.

В верхнем фризе мастер представил сцену Дионисийских мистерий. Сатиры и силены экзальтированно танцуют, размахивая зелеными ветвями и тирсами *3 Тирс — палка, обвитая плющом или виноградом, с кедровой шишкой на конце.* . Старый силен несет мех с вином, впавшие в экстаз менады держат в руках ножи и расчлененных на части жертвенных животных. В этом возбужденном шествии выделяется своим спокойным, лирическим настроением пара влюбленных. Трудно сказать, что это за юноша и девушка. Юноша несет на плече тирс, что характеризует его как участника мистерий, хотя мы знаем, что Дионисийские мистерии были открыты только для женщин. Может быть, это сам Дионис, изображенный в момент, когда находит Ариадну на острове Наксос?

Возможно, кувшинчик-ритон из Боровского клада был предназначен для исполнения обрядов культа Диониса. Судя по надписи на шейке, он был изготовлен придворным мастером одрисского царя Котиса I и вместе с другими ритонами подарен некоему гетскому владетелю. Наши скудные знания о царской идеологии у древних фракийцев не позволяют до конца постичь весь смысл изображений на священных сосудах, понять их назначение и воссоздать обряды, для которых они предназначались, но, вглядываясь в эти шедевры древних мастеров, мы вполне способны постичь всю глубину и силу фракийского искусства.

Сокровище из Летницы

Мало кто из болгарских крестьян, отправляясь на работу, не даст полной гарантии, что не вернется с поля или виноградника со связкой увесистых фракийских золотых сосудов или с пригоршней римских или византийских монет — ведь разговоры о найденных или ненайденных кладах велись и ведутся почти что в каждом болгарском селении. Вот и жители села Летница, начиная в 1963 году постройку новой кошары для овец, наверное, были готовы ко многому. Но разве не екнет сердце, когда именно твоя лопата неожиданно стукнет о край большого металлического предмета!

Этим предметом оказался бронзовый котел, наполненный какими-то пластинками и монистами. Он лежал на глубине 0,5–0,6 м — на том самом месте, где селяне затеяли копать яму для столба. С усилием вытащив котел из земли, счастливые находчики разделили между собой серебряную с позолотой мелочь и разнесли ее по домам. Однако о находке клада стало известно сотрудникам музея в городе Ловеч. Приехавшие в Летницу ученые провели исследование места находки, подобрав здесь еще несколько серебряных бляшек, а потом пошли по домам, убеждая крестьян сдать найденные предметы, которые могут представлять большую ценность для науки!

Так, хотя и не целиком, сокровище попало в руки ученых. Оказалось, что клад из Летницы содержал большое количество золотых и серебряных предметов конской сбруи — налобники, наузники, нашивные бляшки и т. д. В числе находок были и хорошо сохранившиеся железные удила. Практически все предметы богато украшены. Несколько бляшек даже образуют целый иллюстративный цикл, посвященный подвигам некоего фракийского героя. Он изображен в виде всадника, бросающего копье, сражающегося с дикими хищниками — медведями и волками… Часть изделий клада из Летницы, несомненно, является делом рук греческого мастера, в то время как другие изготовлены местными фракийскими мастерами. Специалисты датируют эти предметы IV веком до н. э. и считают их весьма ценной находкой, проливающей свет на мифологию фракийцев и их верования, что позволяет лучше понять культуру и мировоззрение этого древнего народа.

Предметы Клада из Летницы экспонируются в залах Национального Археологического музея в Софии.

Клад из могиланского кургана

Этот клад, в отличие от многих других, был найден не случайными людьми, а учеными. В 1965–1966 годах они вели охранные раскопки Могиланского кургана в городе Враца. Его полуразрушенная насыпь долгие годы возвышалась во дворе одного из домов, почти в центре старой части города. Наконец, ее решили снести, но перед этим во Врацу приехали археологи. Под древней насыпью им удалось обнаружить целых три погребения, в каждом из которых были похоронены по два человека — мужчина и женщина (по-видимому, муж и жена). Первая гробница была полностью ограблена еще в древности, зато две другие сохранились сравнительно хорошо. В одной из них — погребении номер 3 — среди разбросанных костей лежали два кувшина — золотой и серебряный — и несколько золотых украшений. Но наиболее богатым оказалось погребение номер 2, расположенное в южной части кургана. Здесь археологи нашли остатки колесницы, запряженной двумя конями. Скелеты коней были буквально усыпаны серебряными бляшками и пластинками, украшавшими истлевшую кожаную сбрую. Возле останков похороненного здесь пожилого мужчины лежали два серебряных кувшина, четыре серебряных фиала, богато украшенный серебряный наколенник (кнемида) с позолотой, бронзовый шлем и четыре бронзовых сосуда; рядом с останками молодой женщины были найдены лавровый венок из чистого золота — он весил 205 г! — и многочисленные золотые предметы: массивные серьги, украшенные фигурками сфинксов и растительным орнаментом, пуговицы, булавка, ложечка, нашивные бляшки.

Богатые находки наводили ученых на мысль о том, что в этой гробнице могли быть похоронены знатные представители фракийского племени трибаллов, обитавших на землях нынешнего Врачанского края. Может быть, даже среди них была фракийская принцесса — именно ее голову украшал золотой лавровый венок… Датой погребения считается IV век до н. э.

Один из найденных в Могиланском кургане серебряных сосудов-фиалов отличался особенно богатым декором. От днища к вершине радиусами расходятся полосы орнамента; к центру с внутренней

стороны прикреплена круглая позолоченная серебряная пластинка, обрамленная концентрическими рядами полосами круглых бусин. Эта широкая рамка окружает центральное круглое поле, в котором отчеканен образ Афродиты в профиль.

Другая находка в Могиланском кургане — золотой кувшин — принадлежит к числу шедевров фракийской торевтики. Создавший его мастер вложил в это выдающееся творение не только свои незаурядные способности, но и воплотил в нем религиозно-мифологические представления своего народа. Фриз из пальметок отделяет вытянутое горло кувшина от его округлой центральной части; ручки оформлены в виде «гераклова узла», а венчик и донце украшены насечкой. Две крылатые колесницы-квадриги симметрично расположены по обе стороны пальметты, их изображения повторены зеркально точно. Обращенные в профиль лица в колесницах возничих переданы с почти портретной точностью.

Трудно однозначно объяснить смысл этой сцены. Некоторые авторы считают, что здесь изображен бог Аполлон на своей крылатой колеснице. Другие убеждены, что в образе возницы изображен какой-то фракийский царь. Возможно, образы двух колесниц символизируют своеобразную двойственную природу солнечного божества: в религиозном сознании фракийцев оно одновременно представляло собой день и ночь, лето и зиму, свет и тьму. Таким образом получала свое образное выражение идея вечного круговорота, чередования противоположных начал в природе.

С другой стороны, колесница — хорошо известный в Древнем мире атрибут царской власти. Состязания колесниц нередко служили способом испытания достоинств будущего царя. Особенно красноречив в этом отношении известный греческий миф о Пелопсе, который выиграл состязание на колесницах с Эномаем, царем города Писы; позже он стал основателем знаменитой микенской династии Пелопидов. И в древней Фракии колесница, несомненно, служила символом царского достоинства — достаточно вспомнить восторженные эпитеты, с помощью которых Гомер и Еврипид описывают коней и колесницы легендарного царя Резоса, или обычай погребать царей вместе с их парадными колесницами, хорошо известный по раскопкам фракийских погребений.

Луковитский клад

Из всех найденных сокровищ древней Фракии последним по хронологии является Луковитский клад серебряных изделий и украшений. Ученые датируют его второй половиной IV — началом III века до н. э. Подобно многим другим фракийским кладам, он был найден при абсолютно случайных обстоятельствах: в 1953 году крестьяне, пахавшие поле в урочище Балана, к востоку от городка Луковит (Северная Болгария), зацепили плугом и вывернули на поверхность большой глиняный горшок, в котором находилось 15 серебряных сосудов и три комплекта конского снаряжения, общим числом более 200 предметов.

Клад быстро разошелся по рукам, и лишь часть его успела попасть в руки приехавших в Луковит ученых. Раскопки на месте находки дали еще несколько десятков штук разной серебряной мелочи. Остальную часть клада удалось найти и конфисковать у недобросовестных приобретателей только спустя два года. Однако отдельные вещи из Луковитского комплекса продолжали поступать в Археологический музей в Софии

вплоть до 1986 года.

В своем современном виде клад из Луковита включает в себя 6 серебряных чаш, 5 фиалов, 4 ковша и около двух сотен всевозможных декоративных предметов из серебра — бляшек, пластинок, подвесок, колец и т. д., — служивших украшением конской сбруи. Несомненно, что это был намеренно скрытый в земле клад — на месте, где была сделана находка, археологи не нашли следов ни древнего поселения, ни курганов. Скорее всего, это было личное имущество какого-то местного князька или видного представителя племенной аристократии. Во время тревожных событий цервой половины III столетия до н. э., связанных с кельтский нашествием, владелец серебра сложил свои драгоценности в большой глиняный горшок и закопал в землю — до лучших времен, а как оказалось — аж до середины XX столетия…

Луковитский клад особенно интересен тем, что в нем ярче всего отразились особенности позднего фракийского искусства IV — начала III века до н. э. Изделия из этого клада исполнены в духе так называемого скифского звериного стиля и напоминают, в частности, клады, найденные в разное время в курганах Украины (Мартыновский клад на Киевщине, Перещепинский на Полтавщине и т. д.). Сбруйные пластинки и бляшки украшены изображениями сидящих сфинксов, человеческих голов, разнообразных животных: львов, оленей, собак. Встречаются и образы всадников, столь характерные для фракийского искусства. На двух серебряных пластинках из Луковитского клада изображен лев, терзающий оленя; несчастная жертва упала на колени под тяжестью хищника. На другой пластинке два всадника преследуют льва — уже почти настигнутый, он падает под копыта коней… Эти образы во фракийском искусстве имеют определенный социальный смысл и связаны с прославлением царской власти.

Один из самых больших и наиболее пышно украшенных фиалов Луковитского клада, к сожалению, дошел до нас в плохом состоянии — от него фактически уцелело одно днище, большая часть венчика отсутствует. Однако даже сохранившаяся часть наглядно демонстрирует, сколь сложен и богат был декоративный замысел мастера. А покрывающий сосуд орнамент из равнобедренных треугольников имеет очень древнюю историю и уходит корнями еще в эпоху раннего железа. Считается, что он связан с какими-то магическими традициями. Сосуд украшают и два концентрических ряда орнамента, составленного из женских головок, чередующихся с пальметками-трилистниками, — вероятно, это многократно повторенный образ Великой богини-матери — главного божества фракийцев.

Изображения на входивших в состав Луковитского клада сосудах наводят на мысль об их ритуальном использовании. Один из ковшиков, вероятно, предназначался для обрядов, связанных с культом воды и небесной влаги: в украшающих его трех горизонтальных фризах представлены образы рыб, водяных птиц и быка. Водяная птица — одно из самых распространенных образов в искусстве Центральной Европы, Фракии, Греции и Ирана XI–VI веков до н. э. Этот древний образ продолжал сохраняться и во фракийском искусстве IV века до н. э. А образ быка, на первый взгляд далекий от темы водной стихии, на поверку оказывается

тесно связанным с ней: на Древнем Востоке бык являлся атрибутом бога бурь и дождей. На одной из иранских чаш само божество изображено в образе быка, изливающего из уст благодатный дождь, напояющий землю.

Предметы из Луковитского клада хранятся в Национальном Археологическом музее в Софии, а их копии в музее города Ловеч.

ЗОЛОТО СКИФОВ

Золото скифских «могил»

…В первых числах февраля 1902 года в Мелитопольском уездном полицейском управлении можно было видеть сваленную на полу присутственной комнаты кучу, из которой виднелись куски разбитых больших амфор, ржавое железо, солома и различные мелкие предметы. За столом, в жарко натопленной комнате, тяжело вздыхая и поминутно утирая лысину большим клетчатым платком, восседал пристав 2-го стана и, аккуратно выводя буквы, писал рапорт на имя уездного исправника:

«29 января с. г. крестьяне села Нижних-Серогоз, в числе 33 человек, по своему почину, занялись раскопками кургана, что возле с. Нижних-Серогоз, под названием „Агузки“. Этот курган разрыт был членом Археологической комиссии Веселовским в 1893 г., который и закончил раскопки. В настоящее же время вышесказанными крестьянами открыт совершенно новый туннель и найдено во время раскопок несколько предметов, которые от них мною отобраны и представляются Вашему высокоблагородию. При этом имею честь доложить, что мною дальнейшее разрытие этой могилы было воспрещено еще 12 сего января, сейчас же, как было обнаружено, что производятся раскопки; за сохранением этого кургана учрежден надзор, сделанные отверстия в кургане зарыты и виновные в числе 33 душ привлечены к законной ответственности». В описи отобранных у кладоискателей находок, приложенных к рапорту приставом, значатся 19 золотых предметов общим весом 261,85 грамма…

Пока пристав писал свой рапорт и взвешивал конфискованное золото, в симферопольской газете «Салгир» в номере от 1 февраля появилась следующая заметка:

«По поводу раскопок древней могилы (от корреспондента Салгира). Сегодня мне пришлось видеть у крестьян Василия Чумака и Тимофея Мелешки с товарищами добытые ими из скифской могилы „Агузки“ разные древние вещи: собачку из литого золота, пуговку с двумя ушками с изображением лица мифологической богини, кружок, величиной с копейку, с выпуклой пчелкой, пластинку величиною в две коп., с изображением цветка, 141 золотую пуговку с ушками, 123 таких же, но золота на них более, 15 обломков золота, кольцо с уздечки на манер наперстка… Все эти вещи золотые. Нашли они все эти вещи в подземной галерее, сделанной, вероятно, вскорости после того, как была насыпана могила скифами. Подземный ход этот профессором Веселовским, по разрытии могилы, был исследован на расстоянии 16 сажен, но теперь земля осела и крестьяне раскопали еще на девять сажен в другую сторону и тут-то нашли этивещи».

Удивленное начальство немедленно послало приставу по телеграфу предписание немедленно провести повторное расследование и отыскать названные в заметке предметы. Проведенное дознание выяснило, что крестьяне, предводительствуемые Василием Чумаком, утаили бóльшую часть находок. В результате полиция конфисковала в совокупности более

700 различных золотых предметов. Уже по стоимости одного металла серьезность находки не вызывала никаких сомнений. Но эта находка — лишь один из многих эпизодов кладоискательской лихорадки, связанной с поисками сокровищ в древних курганах, которые на Украине называют могилами.

…Старый солевозный чумацкий шлях, идущий от Никополя на юг, к Перекопу, тянется по бескрайним степям Таврии. И повсюду, аж до самого Мелитополя и далее, раскиданы по степи высокие, издалека видные «могылы» — курганы, оставленные неведомыми древними народами и таящие, по преданию, несметные сокровища.

Что за люди оставили эти курганы в степи? Бывалые люди рассказывали всякое. Неспешно плетутся по пыльной дороге волы, поскрипывает подвешенное к задку воза ведерко с дегтем для смазки колес, неторопливо льется рассказ о минувших временах…

«Сначала на ций земли, де мы жывемо, жылы туркы, це була туречщына. Туркы булы сыльни багачи. Як народа в русскому царстви стало багато, то тоди сталы зганяты туркив с своеи земли. Як покорылы туркив, тоди воны — де худобу диваты? Везты нельзя, та й началы йийи ховаты в землю. Дралы шкуру з коней и зашывалы в неи гро́шы, насыпалы бочонкы золота и закопувалы в землю, або опускалы в воду. Воны ховалы в землю и орудие, разни ружья, пицталеты, пушкы, щоб руськи не воспользовалысь цым добром. Воны ховалы його куда попавшы: в землю, в воду, в писок. Як зарывають гро́ши, або як пускають у воду, то заклынають их: „будь вы трыжды прокляти, прокляти, прокляти! Хто ци гро́ши возьме, той и сам проклятый, тому голова долой!“ В степи под Екатеринославом однажды выкопали чоловичий шкелет, а в йому висимнадцять мидних стрилок. Стрилки ти булы миж кистками. От цими мидними стрилками и воевалы туркы».

А на другом возу другой бывалый человек рассказывает молодым чумакам другую историю:

«Годив пятьсот тому назад була Украина, саме де мы тепер жывем. В тий Украини жылы розбойныкы чычиньци; хатами у их булы могылы. Як стала Россия размножатьця и прытисняты чичинцив, то воны взялы и пишлы геть, хто куды попав. У йих багато було гро́шей, так шо йих невозможно й понесты с собою, то воны взялы и позакопувалы йих в землю скризь по могылах. Одни из йих думалы прыйти в мырне время и одкопаты свои гроши, други закопувалы з заклятиямы на викы, шоб нихто йих и не выкопав, а хочь и выкопа, всэ одне нымы не пожыве, умре; а инши закопувалы на стико-то годив, и як пройдуть ти годы, то гро́ши сами выйдуть из земли в разних выдах. А зарывание в землю кладов сопровожалось от яким образом: як здумае якый-небудь чичинець закопаты в землю клад, то зараз объявляе о том своим сусидам, шоб воны шлы до його зарываты клад. Сусиды прыйдуть до його; вин зараз начынае копаты яму, и як выкопае яму, то в неи кладуть зараз дошку, на тии досци напысана крейдою (мелом. — *Авт.*) заклята молытва; на дошку кладуть клад и загортають землею, а хазяин клада в те время тры разы обходе крутом зарывающых клад».

Нет, ну вы скажите — у кого от таких рассказов руки не зачешутся взять лопату и попытать счастья в «могыле»? И перевидали старинные

курганы таких искателей счастья тьмы и тьмы…

…Около двух тысяч лет назад верстах в двадцати от нынешнего Никополя был погребен скифский царь. С ним, по обычаю, зарыли жену, рабов, лошадей и имущество, а над могилой насыпали высокий курган, столетия спустя получивший название Чертомлыцкого. Вскоре после похорон в курган, прорыв подземный ход, проникли грабители. Едва они подступились к царским сокровищам, как обвалилась земля, и грабители вынуждены были бежать, оставив одного своего товарища под завалом. А в 1863 году археолог и историк И. Е. Забелин, раскапывая Чертомлыцкий курган, натолкнулся на следы этой древней трагедии. Он обнаружил следы грабительских подкопов, скелеты царя, царицы и челяди. Под грудой обвалившейся земли стояло ведерко с собранными грабителями золотыми украшениями, а рядом лежал скелет неудачливого грабителя, двадцать веков пролежавшего на месте преступления.

За два тысячелетия в причерноморских степях сменилось множество народов, оставивших после себя высокие курганы с каменными идолами на вершинах. И два тысячелетия в этих курганах рылись кладоискатели, соблазненные «даровым» золотом мертвецов…

Первые исторические сведения о «гулящих копачах», грабящих курганное золото, появились еще в Средние века. В одном из документов XVI века говорится: «По городищам и селищам ходячи, могилы роскопуют, ищучи там оброчей и перстней». А к концу XIX столетия только в Херсонской губернии более половины «степных пирамид» были уже перекопаны и разграблены.

Сокровища скифских «могыл» казались неисчерпаемыми. Знаменитый на Украине курган Сороку грабили несколько столетий, таская оттуда старинные доспехи, которые считали польскими или казацкими. Тем не менее и на долю археологов там кое-что осталось. Большой Рыжановский курган в Звенигородском уезде (под Киевом) раскапывал в 1884 году археолог Ю. Гринцевич. Через три года после его раскопок, в траншее, размытой дождем, местный крестьянин нашел амфору и множество золотых украшений, которые он тайно выкапывал на протяжении нескольких дней. А уже после этого крестьянина другой археолог, Г. Оссовский, нашел еще 446 золотых предметов!

Вскрывая древние захоронения, кладоискатели, конечно, не особо затрудняли себя в определении значения найденных сокровищ. По их убеждению, эти золотые «треугольники», «пластинки» и «кольца» — клады, зарытые турками, татарами, запорожцами, гайдамаками или разбойниками. Поэтому легенды о разбойниках или запорожцах, зарывших золото в очередной «могыле», уверенно считались надежным указателем пути к сокровищам…

В степи за Мариуполем, близ сел Амвросиевки, Голодаевки и Савуровских хуторов, находится курган Савур-могила. Величественный курган был виден за 40–60 верст. Некогда на «могыле» стояла половецкая каменная баба — «каменный чоловик», но к середине XIX столетия ее уже не было.

В старину мимо курганов Савур и Медведь пролегали большие дороги — Чумацкий шлях и Великий (Почтовый) шлях. У чумаков бытовала пословица — «Савур-могыла, Теплынский лис — де бере чумакив бис».

Место это считалось заклятым — где-то близ могилы был зарыт зачарованный клад («багато сховано гро́шей»). Клад этот, по преданию, закопал легендарный разбойник Савва, который «с товариством» в старину жил на Савур-могиле. Следами пребывания разбойников долгое время оставались глубокие ямы — остатки землянок. Одна из ям, отмеченная кустом бузины, была остатками землянки Саввы.

Скрываясь днем в подземельях, разбойники в ночное время выходили на добычу и собирали дань со всех обозов, шедших по Великому шляху. В одном из подземелий жил у них старик глубоких лет, который по временам смотрел в книгу и по ней определял, возможно ли еще жить этим разбойникам в данном месте или уже пора скорее уходить, перебираться на другое. Переселяясь на другое место, разбойники из награбленных ими богатств брали лишь небольшую часть, а остальные сокровища зарывали в окрестных местах с заклятиями в землю.

Рассказывают, что однажды Савва принял в свою шайку одного хлопчика, бывшего с чумаками. Спустя несколько лет он отправил его вместе с другими своими «гайдамаками» в Киевскую губернию, где их «половылы и забралы в москали» (т. е. в солдаты). Много лет спустя пас чабан овец близ Савур-могилы. Видит — идет «москаль». «Здорово, человече!» — «Здоров, служивый». — «А кто это выкопал ту канаву, что сбоку могилы?» — «Да вот, такой-то человек», — «И что, он богатый?» — «Да разжился, говорят, здорово». — «Эх, плохо дело: всего один казанок денег и был, да и того не стало». И стал солдат рассказывать чабану, что тут раньше творилось — на могиле и на Великом шляхе… Оказалось, что этот «москаль» и есть тот самый хлопчик…

Поиски золота в курганах были связаны с большим риском для жизни. Речь идет не только о «страхах», насылаемых нечистой силой и привидениями, но и о реальных опасностях, подстерегающих кладоискателя в подземных ходах и древних склепах.

Верстах в пяти от города Купянска, по дороге в слободу Маночиновку, возвышался большой курган, известный под названием Острой могилы. Курган, вероятно, был остатками древнего городища. Он долгое время служил местом паломничества окрестных кладоискателей, и искать клад в Острой могиле приезжали кладоискатели аж из Воронежской губернии. Следы раскопок были видны повсюду. Говорили, что будто одному из кладоискателей удалось докопаться до дверей, запертых большим висячим замком. Но лишь только дотронулся он до замка, как услышал из-за двери голос: «Не трогай, пропадешь! А прежде откопай на 80-саженной цепи ключ, тогда отопрешь им все двери и все будет твое». Дверь внезапно засыпал обвал земли, а сам кладоискатель едва живой вылез из вырытого им в кургане хода и отказался от дальнейших работ.

Смертью кладоискателя закончились поиски сокровищ легендарного разбойника Саввы Самодриги в курганах близ деревни Шамовка Херсонской губернии. Прорыв подземный ход в курган, кладоискатели в одну из ночей проникли в склеп, где обнаружили обугленный скелет. Ночь, душное подземелье, мысли о подстерегающих кладоискателя «страхах», внезапное зрелище человеческих останков — все это так повлияло на кладоискателей, что один из них умер от страха, а

другой навсегда зарекся лазить по ночам в «могылы».

Справедливости ради надо сказать, что иногда игра со смертью все же стоила свеч и находка курганного золота многократно превышала все неудобства, риск и издержки, связанные с кладоискательством. Но чаще всего грабителям курганов после нескольких дней или даже недель упорных раскопок доставалась ни на что не годная рухлядь. Вместо желанных денег кладоискателям доставались целые возы человеческих костей, битой глиняной посуды, ржавого железа, угольков.

В 1876 году в окрестностях села Андрусовка кладоискатели раскопали несколько курганов. Единственными сто́ящими вещами, найденными в них, оказались древнегреческая чернолаковая вазочка и серебряный проволочный браслет — да и то их отобрал у кладоискателей уездный исправник и доставил в Херсонский Археологический музей. А остальными находками стали медный котелок, бронзовые наконечники стрел и глиняные горшки, которые кладоискатели с досады перебили. Еще печальней закончились поиски клада в селе Вершац, где в течение зимы 1898/99 года местными крестьянами были раскопаны несколько курганов. Мало того что в них, кроме битых черепков, ничего не оказалось, так кладоискателей вдобавок арестовала уездная полиция и десятерых из них привлекла к суду.

Верстах в семи к востоку от села Заселья близ Херсона до сих пор сохраняются следы обнесенного небольшим валом городища, покрытого следами кладоискательских ям. Называют его Шарманским городищем. Окрестные жители были убеждены, что в том городище есть подвал, а в нем запрятанные запорожцами 12 бочонков золота. В течение 18 лет около пятидесяти местных крестьян под предводительством кладоискателя Дия Холодулькина разрывали городище. Всю осень до больших морозов кладоискатели жили в степи в наскоро сделанных землянках, нанимали для раскопок рабочих и сами неустанно копали. Они добрались до каменной камеры, вероятно, погребальной, от которой шли в разные стороны подземные ходы; вверху камера была заложена толстыми бревнами, а в них проделаны два отверстия. Целая армия всевозможных колдунов, ворожей и баб-шептух уверяла, что они, колдуны, «видят», побуждала кладоискателей продолжать раскопки, и те ежегодно, затрачивая большие деньги на доски, бревна и «струмент», с наступлением свободного от сельскохозяйственных работ осеннего времени принимались за раскопки. Слух об этом предприятии дошел до Херсона, и по распоряжению губернатора полиция прекратила раскопки.

Но, невзирая на явную убыточность кладоискательства, ежегодно толпы искателей сокровищ уходили в степь и проводили там недели и месяцы, раскапывая «могылы». Стимул к этому был прост: вон, в Кучугуровке Грицко нашел «шкарб» в «могыле» — а мы чем хуже? Ведь есть же они, клады!

Да есть, конечно…

Клад из Куль-Обы

В последних числах декабря 1820 года некий грек — житель Керчи, добывая в окрестностях города камень для постройки, неожиданно наткнулся на древний склеп, построенный из тесаных камней. Пробравшись в него, грек был буквально ослеплен массой находившихся в нем золотых

предметов. Свод склепа, однако, был очень ненадежен и грозил вот-вот рухнуть. Поспешно захватив один или два листка золота, несколько золотых пуговиц и глиняный сосуд, грек поспешил ретироваться.

Спустя несколько дней слухи о таинственном кладе наполнили Керчь. Через некоторое время, 12 января 1821 года, в склеп проникли матросы гребной флотилии, работавшие на добыче камня. Они захватили все, что там находилось, и отнесли своему командиру капитан-лейтенанту Н. Ю. Патиниоти, по имени которого в историю вошли и находка, и сам древний курган, в котором она была обнаружена.

Патиниоти отослал золото графу де Ланжерону, тогдашнему генерал-губернатору Новороссийского края, от которого они позднее якобы поступили в Одесский музей. Далее все следы загадочной находки теряются. Сохранились лишь описания и рисунки вещей, в числе которых были массивный шейный обруч-гривна из электра (сплав золота и серебра), украшенный на концах львиными головками, два золотых браслета, небольшая электровая «статуйка» скифа с ритоном (рогом для питья вина) в руке и множество золотых нашивных бляшек. В склепе были также найдены медные котлы, большое количество бронзовых наконечников стрел и две глиняные амфоры. Судя по этим находкам, в склепе кургана Патиниоти было похоронено весьма знатное лицо, скорее всего — представитель высшей скифской знати. Клеймо на одной из амфор позволило довольно точно датировать захоронение: приблизительно середина IV века до н. э.

Находка сокровищ в кургане Патиниоти прошла совершенно незамеченной. Лишь значительно позже ею заинтересовались в связи с другой замечательной находкой, сделанной тоже случайно. Это открытие поразило современников невероятным богатством и огромным количеством драгоценных, дотоле невиданных вещей.

В марте 1830 года Главный штаб военных поселений принял решение переселить 108 семей отставных матросов из Севастополя в Керчь. За счет казны для них предполагалось построить небольшие дешевые дома. Поспешность, с какой следовало провести строительство, и стремление сократить расходы до минимума привели местное начальство к решению отрядить двести солдат резервного батальона Воронежского пехотного полка, расквартированного в крепости Еникале под Керчью, собирать камень на большом холме, расположенном в шести верстах от города по дороге на Феодосию и носившем название Куль-Оба, что по-татарски означает «холм пепла».

Местные жители уже давно использовали этот холм для добычи камня. Особенно широкие масштабы ломка камня на Куль-Обе приобрела в начале XIX века, когда в Керчи развернулось широкое строительство. Но несмотря на разрушения, Куль-Оба продолжала величественно возвышаться посреди окружающей степи.

Для постройки матросских домов требовалось добыть от трехсот до четырехсот кубических саженей камня. Работа началась в первых числах сентября, и, ввиду того что к наступлению зимы домики должны были быть готовы, офицеры торопили своих подчиненных. Вскоре, заготовив достаточное количество камня, солдаты прекратили работу. Лишь несколько человек было оставлено на холме для сбора щебня. При них в

качестве наблюдателя состоял смотритель керченских соляных озер Павел Дюбрюкс — большой любитель древностей, на свой страх и риск исследовавший множество древних курганов в окрестностях Керчи.

Интуиция и накопленный опыт подсказывали Дюбрюксу, что Куль-Оба представляет собой не естественное образование, а является искусственно насыпанным курганом. В таком случае под насыпью должна была находиться древняя гробница. «Занимаясь более четырнадцати лет раскапыванием курганов в окрестностях Керчи, — писал впоследствии Дюбрюкс, — я был уверен, что не ошибся».

Дюбрюкс сообщил о своих наблюдениях керченскому градоначальнику Стемпковскому. Заинтересовавшись, тот приказал увеличить количество солдат на северной стороне кургана, где Дюбрюкс предполагал отыскать вход в гробницу. Это распоряжение было выполнено, и 19 сентября из-под земли выступил угол строения из тесаного камня…

Градоначальник Стемпковский в сопровождении целой свиты немедленно выехал на место раскопок. Здесь взору прибывших открылся узкий проход в склеп и в конце его вход, заложенный камнями. Никто не отваживался спуститься в коридор: над ним нависал тройной рад огромных камней. Подпертые полуистлевшими бревнами, эти камни едва держались и грозили вот-вот рухнуть.

По приказу Стемпковского свод за три дня был разобран, 22 сентября в 4 часа пополудни коридор (дромос), ведший в камеру, был расчищен, и через отверстие, проделанное в верхней части заложенного камнями входа, рабочие проникли в склеп. Он представлял собой квадратную камеру площадью около 20 кв. м, сложенную из огромных, прекрасно отесанных и тщательно пригнанных друг к другу известняковых блоков. Свод камеры поднимайся в виде ступенчатой пирамиды: каждый верхний ряд камней несколько выступал над нижним, образуя ступеньку.

Спустившиеся в склеп исследователи были сперва разочарованы: при тусклом свете свечей их взору открылась ужасающая картина полного разгрома. «Разрушенные доски и бревна, изломанный катафалк, вероятно служивший ложем трупу погребенной здесь женщины, повреждение стен, частью уже обрушившихся, частью угрожавших падением, — все это заставило меня сказать г. Стемпковскому, оставшемуся наверху, тогда как я с работниками вошел в склеп, что он уже обыскан», — вспоминал Дюбрюкс. Однако этот вывод оказался преждевременным. Едва рабочие начали расчищать погребальную камеру, как тотчас, словно из рога изобилия, посыпались находки — одна богаче другой.

Погребение оказалось совершенно нетронутым. Все здесь лежало в таком же состоянии, как и сотни лет назад. Лишь дерево, ткани и кости частично истлели и рассыпались. В склепе были похоронены три человека. Одним из них был знатный воин, останки которого лежали на деревянном катафалке. Он был облачен в роскошный праздничный наряд. На голове — остроконечная войлочная шапка, богато украшенная золотыми бляшками; золотыми тиснеными бляшками была расшита и вся одежда погребенного. Шею украшала массивная золотая гривна весом 461 г, свитая из шести толстых проволок, скрученных в виде жгута; концы ее украшали скульптурные фигурки всадников-скифов. На руках и ногах — золотые браслеты тончайшей ювелирной работы.

Рядом лежало оружие: меч, лук и стрелы, поножи. Рукоять и ножны меча, а также горит — футляр для лука и стрел — были обложены золотыми пластинами с изображениями борющихся зверей и фантастических животных; бронзовые поножи покрыты позолотой. Рядом с оружием лежали рукоятка кожаной нагайки, оплетенная золотой лентой, точильный камень в золотой оправе и роскошная золотая чаша весом 698 г, сплошь украшенная чеканными изображениями многократно повторяющихся бородатой головы скифа и маски мифической медузы Горгоны. Все свидетельствовало о том, что погребенный здесь воин был лицом самого знатного происхождения, возможно даже скифским царем.

Рядом с ним, на полу, лежал скелет женщины — очевидно, его жены или наложницы. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева с росписью, украшенном пластинами из слоновой кости. Часть этих пластин была орнаментирована поразительными по тонкости и изысканности исполнения гравированными рисунками с изображениями сцен из греческой мифологии («Суд Париса» и др.), охоты скифов на зайцев и т. д. Как и «царь», «царица» была похоронена в роскошном праздничном наряде, расшитом множеством золотых бляшек, число которых достигало нескольких сотен. Голову ее украшала электровая диадема, а у пояса лежали тяжелые золотые подвески в виде медальонов. Позже эти великолепные произведения древнегреческих мастеров получили всемирную известность. На каждом медальоне изображена голова богини Афины Девы (Парфенос) в шлеме, воспроизводящая голову знаменитой хризоэлефантинной (сделанной из золота и слоновой кости) статуй богини, изваянной великим скульптором Фидием в 40-х годах V века до н. э. для храма Парфенон в Афинах.

Здесь же были обнаружены еще две пары золотых подвесок — подлинные шедевры античного ювелирного искусства. Они сделаны настолько тонко, что детали изображений на них можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло. В медальонах одной пары между лепестками розеток размещено по четыре миниатюрных женских фигурки, иллюстрирующих сцену из «Илиады» Гомера: морская богиня Фетида и морские божества Нереиды приносят сыну Фетиды, одному из величайших греческих героев Ахиллу оружие, выкованное для него богом огня и кузнечного ремесла Гефестом. Изображения оружия — шлема с перьями, щита и лат — столь миниатюрны, что их едва можно различить. Вместе с тем фигурки богинь и все предметы переданы необыкновенно точно и реалистично. Эти поистине изумительные ювелирные изделия, как и некоторые другие произведения античного ювелирного искусства, найденные в Северном Причерноморье, заставляют вспомнить рассказ римского писателя Плиния о знаменитом мастере Феодоре с острова Самос, который будто бы изобразил в статуэтке самого себя, держащим в руке колесницу, запряженную четверкой коней столь малых размеров, что и колесница, и ее возница целиком прикрывались крылышком им же изваянной мухи.

Шею «царицы» украшали ожерелье и тяжелая золотая гривна весом 473 г. Возле погребенной лежали два широких золотых браслета и бронзовое зеркало с ручкой, обложенной золотым листом. Они, подобно

оружию царя, были украшены изображениями в скифском «зверином» стиле.

У ног «царицы» лежала самая выдающаяся находка Куль-Обы — ныне всемирно известный круглый электровый сосуд, украшенный четырьмя сценами, изображающими скифов: тремя парными и одной одиночной. Первая сцена изображает величественную фигуру сидящего скифского царя или военачальника с диадемой на голове, опершегося обеими руками на копье и беседующего с сидящим на коленях воином в остроконечной шапке — башлыке, держащим копье и опершимся на щит. Следующая сцена — воин, натягивающий тетиву на лук. Остальные два парных изображения — сцены врачевания. На одной стоящий на коленях скиф лечит другому больной зуб. На лице пациента выражение боли и страдания, правой рукой он схватил руку лекаря. В последней сцене стоящий на коленях воин перевязывает ногу другому, сидящему на земле и помогающему ему.

С поразительным реализмом и этнографической точностью художник передал внешний облик скифов, их костюм, предметы вооружения. Изображения на куль-обском сосуде впервые дали реальное представление о скифах, об их облике, одежде, вооружении и т. д.

Но что представляют собой сцены, изображенные на куль-обском сосуде? Как их истолковывать?

Долгое время было широко распространено мнение, что на чаше изображены сцены скифского военного быта, а точнее — эпизоды из жизни скифского лагеря после только что закончившейся битвы. Первую можно толковать как донесение царю о результатах боя, две другие — как оказание помощи раненным в сражении, а одиночную — как починку лука, испорченного в бою.

Существовало и другое толкование, высказанное еще Павлом Дюбрюксом, одним из первых исследователей кургана. «Замечательнее всего то, — пишет Дюбрюкс, — что на сосуде из электрума в одной группе изображен человек, которому, кажется, рвут зуб, и что в нижней челюсти царя недоставало двух коренных зубов, а третий, возле них, был больной, отчего челюсть в этом месте напухла; этот последний зуб лежит гораздо глубже остальных, которые очень хороши, совершенно здоровы и принадлежали человеку от тридцати до сорока лет». Отсюда невольно напрашивался вывод, что сцена на вазе передавала реальный эпизод из жизни царя, страдавшего болезнью зубов. Это заключение, естественно, приводило к другому: на куль-обском сосуде все сцены связаны с жизнью самого царя, какими-то запомнившимися ему эпизодами — своеобразная «биография в картинках». Правда, некоторое удивление вызывает то, что царь мог счесть свой зубной недуг столь ярким и важным событием своей жизни, которое достойно увековечения…

Некоторые ученые полагают, что на ритуальном сосуде — а куль-обская чаша, несомненно, является таковым — скорее следовало бы ожидать изображений, связанных со скифским эпосом. Эта точка зрения ныне разделяется подавляющим большинством специалистов. К сожалению, скифский эпос нам почти неизвестен, и поэтому истолкование сцен на сосудах очень затруднительно.

Но кто же был похоронен в Куль-Обе с такой поистине царской пышностью? Исследователи высказывали по этому поводу самые различные, взаимоисключающие и порою фантастические предположения. Некоторые полагали, что в кургане был похоронен боспорский царь. Такое предположение казалось естественным, поскольку курган был сооружен в непосредственной близости от столицы Боспорского царства — Пантикапея. Называли даже имя этого царя — Перисад. Однако здесь во всем присутствуют обряды и черты, свойственные не грекам, а скифам. Царь похоронен вместе с супругой или наложницей и слугой, которого умертвили, чтобы он сопровождал своего властелина в потусторонний мир. Скифские черты преобладают и в погребальном инвентаре. Вместе с тем ряд черт куль-обского погребения — греческие: само сооружение каменного склепа, часть предметов погребального инвентаря.

Сокровища, найденные в 1830 году в кургане Куль-Оба, стали первой находкой золота скифов. Никогда ранее мир не видел таких несметных богатств, извлеченных из глубины веков. Современники были попросту ошеломлены.

18 февраля 1831 года сокровища Куль-Обы были доставлены в Петербург и представлены царю Николаю I. Древнее золото произвело на него большое впечатление: ведь это была первая столь богатая находка не только в России, но и во всем мире! Она сразу же стала жемчужиной собрания императорского Эрмитажа…

Сорок пять лет простояла Куль-Оба, забытая археологами, но овеянная многочисленным легендами. Керченские жители дали древней могиле новое название — «Золотой курган». И лишь в 1875 году тогдашний директор Керченского музея А. Е. Люценко решил предпринять новые раскопки Куль-Обы. На это предприятие его толкнуло прежде всего содержавшееся в опубликованном к тому времени отчете Павла Дюбрюкса упоминание о том, что тот видел нетронутую насыпь из мелких камней, под которой могло находиться еще одно захоронение. Однако Люценко удалось обнаружить лишь несколько ям в скалистом материке, но никаких следов погребений там не оказалось. Было найдено лишь несколько мелких золотых бляшек, таких же, как в 1830 году. Неудача Люценко окончательно отбила интерес к Куль-Обе. Курган и до сих пор остается неисследованным до конца и, возможно, таит в себе еще не одну загадку.

Золото Чертомлыка

После драгоценных находок в кургане Куль-Оба царский двор уже не жалел денег на новые археологические исследования в Керчи. Начался период настоящей «золотой лихорадки». А. Е. Люценко, директор Керченского музея, позже писал, что «из сотни раскопанных курганов едва ли найдется десять разрытых порядочно; производили раскопки без всякой системы, беспрестанно переходя с одного места на другое. В описаниях раскопок редко определяли с точностью положение разрытых курганов и даже самих местностей, так что, обозревая их теперь на пространстве более 100 квадратных верст, невозможно судить, когда и кем они были раскопаны, что найдено было в них замечательного и все ли они расследованы как должно».

Новые золотые сокровища практически ежегодно пополняли коллекцию Эрмитажа. Но это были не скифские, а греческие предметы —

ведь Керченский полуостров в древности принадлежал не скифам, а Боспорскому царству. Золото скифов следовало искать среди необъятных причерноморских степей, там, где кочевали скифские орды, и прежде всего так называемые царские скифы…

Примерно в 20 км от Никополя, у днепровских порогов, на речке Чертомлык, возвышался огромный курган, позднее получивший всемирную известность как Чертомлыцкий курган, или просто Чертомлык.

Долгое время за ним сохранялось и другое название — Толстая могила. Это была настоящая «степная пирамида», равная по высоте современному шести-семиэтажному дому: его высота достигала почти 20 м, а окружность — около 350 м. Академик Василий Зуев, в XVIII столетии проезжавший через эти места, был потрясен его размерами: «Выехав из Чертомлыка верст через пять, увидели мы превеликий круглый курган, какого я ни прежде, ни после не видывал. Его называют здесь Толстою могилою. Вокруг, видно, он также был окладен известковым каменьем, потому что сколь много по степи подъезжая к нему его валялось, больше того на сей художественной горе его было. Взошед на оный, довольно круто посреди самого верха представляется ямина, которая, однако, не от чего иного есть, как что земля осела, и в оной ямине стоит каменный болван увеличенного росту».

В народе издавна ходили легенды о схороненных в Толстой могиле сокровищах. Говорили, будто здесь на глубине трех саженей лежит «золота сорок мешков» и будто этот клад охраняет икона Богородицы, украшенная золотом и драгоценными камнями. Многие энтузиасты не раз пытались отыскать сокровища, таившиеся в недрах кургана, и не все эти попытки были бесплодными. По рассказу одного из окрестных помещиков, лет за 30 до описываемых ниже событий, когда он случайно проезжал мимо Толстой могилы, чабан, живший подле кургана, предложил ему купить «седло с серебряными стременами, будто бы выкопанное им в нем». Кроме того, пастух якобы нашел в кургане и клад старинных монет.

В 1853 году Археографическая комиссия обратилась к генерал-майору Зейфарту — помещику, на земле которого находился курган, с просьбой разрешить его раскопки. Однако Крымская война прервала начавшиеся было работы.

К идее раскопок Толстой могилы вернулись лишь в 1862 году. После того как были улажены все формальности, в насыпь кургана впервые вонзился заступ археолога. Руководство раскопками было поручено И. Е. Забелину (1820–1908), исследователю-самоучке, одному из крупнейших представителей русской археологии XIX века.

Работа на кургане началась 26 мая 1862 года. За полтора месяца было извлечено 2178 кубических саженей грунта, однако, несмотря на успешный ход раскопок, вскоре стало ясно, что за предусмотренный сметой год тут не управиться — слишком велика была громада кургана. Забелин предложил прервать работы не доходя до материка, так как оставлять неисследованную могилу на зиму «опасно ввиду посторонних исследователей». В середине июля работы были прекращены.

В начале 1863 года казна отпустила Забелину еще 5000 рублей с тем условием, чтобы он непременно закончил раскопки в этом сезоне. В июне работы на кургане возобновилась; в них были заняты 116 землекопов

с подводами. Вскоре дошли до могильной ямы. Она была огромной: глубина ее достигала почти 12 м от уровня материка. Легко представить, каких трудов стоило извлечь с такой глубины сотни кубометров грунта!

Наконец, дно погребения было очищено. Но могила оказалась… совершенно пустой — она была ограблена начисто еще в древности! Забелин обнаружил лаз, по которому грабители проникли в погребальную камеру почти сразу же после похорон. Можно было определенно утверждать, что это были люди, знавшие, зачем и куда они идут. Возможно, что они даже участвовали в похоронах и сооружении кургана. Судьба, однако, помешала им безнаказанно совершить преступление: во время ограбления кургана произошел обвал земли и один из злоумышленников был засыпан — Забелин наткнулся на его скелет. Этот обвал помешал грабителям вынести все вещи из могилы, так что, расчищая лаз, археологи нашли, помимо множества золотых нашивных бляшек, шесть мечей с обложенными золотыми листами рукоятями и золотую обкладку деревянных ножен меча с чеканными изображениями битвы греков со скифами. Нетрудно представить себе, какие несметные богатства находились в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным!

Самой значительной и богатой находкой стала золотая обкладка горита. Эта тонкая золотая пластина украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе представлены сцены борьбы животных: львицы и быка, вепря и льва; пантера терзает дикого козла, а в другой сцене пантера и лев — оленя. Наибольший интерес представляют два средних фриза, заполненные сценами из жизни величайшего из греческих героев — легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и царя мирмидонян Пелея.

Наверху слева изображено обучение еще совсем юного героя стрельбе из лука. Центральное место занимает драматическая сцена обнаружения Ахилла на острове Скирос среди дочерей царя Ликомеда. Сюжет сцены заимствован из легенды, по которой мать героя, богиня Фетида, желая уберечь его от участия в Троянской войне, где, по предсказанию, ему суждено было погибнуть, скрыла Ахилла у царя острова Скирос. Там он проводил время среди царских дочерей, облаченный в женскую одежду. У одной из них, Дидамии, от Ахилла родился сын Неоптолем.

Между тем война с троянцами складывалась для греков неудачно. Тогда они решили во что бы то ни стало разыскать храбрейшего из героев и привлечь его к участию в войне. На поиски был отправлен хитроумный Одиссей, придумавший такую уловку для разоблачения Ахилла: он явился во дворец Ликомеда под видом торговца, разложил перед дочерьми царя женские украшения и, подложив к ним оружие, неожиданно издал боевой клич, Ахилл, охваченный воинственным душевным порывом, схватил меч и сбросил женское платье. Разоблачив себя таким образом, он был вынужден примкнуть к походу греков.

Сцена на горите изображает Ахилла, сбрасывающего женские одежды и хватающего меч. Слева от него сидит Одиссей со своими товарами. Справа — женщина, удерживающая за развевающиеся одежды испуганную Дидамию. Слева от Одиссея сидит жена царя Ликомеда и

утешает приникшего к ней испуганного мальчика — Неоптолема.

Следующая сцена занимает правую часть верхнего фриза и левую нижнего. Здесь изображены проводы Ахилла семьей царя Ликомеда. Почти вся остальная часть нижнего фриза занята изображением другого эпизода из жизни Ахилла — примирения его с царем Агамемноном, вождем греков под Троей. Ссора между ними произошла из-за пленницы Ахилла, прекрасной Бризеиды, на обладание которой заявил притязания Агамемнон. Разгневанный Ахилл отказался от дальнейшего участия в войне, а Фетида, желая отомстить Агамемнону за обиду, нанесенную ее сыну, умолила Зевса даровать победу троянцам. Ни поражения греков, ни мольбы Агамемнона не смогли смягчить гнева героя. Только когда троянцы вторглись в лагерь греков, Ахилл разрешил своему другу Патроклу повести на помощь грекам войско мирмидонян, а для устрашения врагов приказал ему облачиться в свои доспехи. Патрокл пал в бою. Тело его было отбито греками, но доспехи героя достались победителю — Гектору, сыну троянского царя Приама. Тогда безоружный Ахилл в сопровождении богини Афины появился на поле брани, и один его грозный вид обратил врагов в бегство. Смерть друга и привела Ахилла к примирению с Агамемноном. Фетида принесла своему сыну новые доспехи, выкованные для него самим Гефестом, богом кузнечного ремесла.

Художник изобразил на обивке чертомлыцкого горита момент, когда Ахилл, сидя на табурете, начинает облачаться в доспехи, принесенные ему матерью. В руках он держит кнемиды — поножи. Слева на троне восседает Агамемнон. Заключает фриз поникшая фигура Фетиды со скорбно склоненной головой, уносящая урну с прахом своего сына Ахилла: предсказание сбылось, и он в конце концов погиб, пораженный в единственное свое уязвимое место — пятку — стрелой Париса…

Мастер, создававший горит, был прекрасно осведомлен в греческой мифологии. Ясно, что этот выдающийся художник был греком, работавшим в Северном Причерноморье. Как полагают, его мастерская находилась в Пантикапее. Возникает, правда, вопрос: а почему на предмете, предназначенном для скифа, были изображены сцены из жизни греческого героя? Вероятно, это объясняется тем, что культ Ахилла был весьма популярен в северо-западном Причерноморье и мог проникнуть оттуда и в скифскую среду.

…Терпение археологов, продолжавших изучать разграбленный курган, было вскоре щедро вознаграждено. Погребальная камера представляла собой сложное подземное сооружение: от каждого из углов центральной могильной ямы отходили большие боковые ниши, которые оказались нетронутыми. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были засыпаны землей, или же неожиданный обвал помешал грабителям довести задуманное до конца. В трех боковых нишах археологи обнаружили захоронения, и в каждом — множество золотых и серебряных украшений: шейных гривен, перстней, браслетов, бляшек, украшавших одежду (их было найдено около 2500), бронзовых наконечников стрел, ножей и т. д.

Особенно богатым оказалось погребение, где были похоронены женщина и мужчина — по-видимому, наложница царя и его виночерпий. Тело «царицы» было украшено золотой гривной, браслетами, серьгами. На каждом пальце — по золотому перстню. Но самой выдающейся находкой

стала большая серебряная с позолотой ваза, известная теперь под названием «чертомлыцкой амфоры». Она, как и куль-обская электровая ваза, украшена сценами из скифской жизни, но куль-обский сосуд рисует военный быт скифов, а чертомлыцкий — их мирные занятия.

Вся поверхность амфоры покрыта чеканными позолоченными рельефными изображениями. На ее туловище изображены цветы и побеги с сидящими на них птицами. В нижней части — три слива, украшенные скульптурными головками львов и мифического крылатого коня Пегаса. Разинутые пасти животных, через которые вытекало вино, затыкались пробками на серебряных цепочках. В сливах и горле сосуда устроены серебряные ситечки для процеживания вина.

Плечи амфоры украшены двумя поясами изображений. В верхнем фантастические чудовища — грифоны с львиными телами — терзают оленя. Во втором поясе удивительно живо показаны сцены ловли скифами диких коней. Животные пытаются высвободиться, но поймавшие их скифы туго натянули аркан… Вот три скифа с усилием сдерживают особенно норовистого скакуна. А вот, наконец, кони покорены и взнузданы. Художник с удивительным мастерством и прекрасным знанием дела изобразил все этапы процесса ловли и приручения лошадей — одного из важнейших занятий в жизни степных кочевников-скифов. По всему видно, что мастер был прекрасно знаком со скифами, с их жизнью и бытом.

Можно предполагать, что на чертомлыцкой вазе изображен какой-то мифологический или эпический сюжет. Если это так, то истолкование его весьма сложно и нет пока достаточно четкого и ясного объяснения.

По времени Чертомлыцкий курган близок Куль-Обе: он относится к концу IV века до н. э. Но кто был здесь похоронен?

Несомненно, что Чертомлык являлся усыпальницей могущественного скифского вождя, похороненного со всей пышностью царского погребального обряда. И хотя главное погребение оказалось разграбленным, находки в Чертомлыцком кургане превзошли самые смелые ожидания. Они представляют огромную ценность не только как замечательные произведения искусства, но и как единый археологический комплекс (хотя значительная часть предметов была потеряна для науки).

Находки из Чертомлыка заняли свое место в залах Эрмитажа рядом со своими предшественниками из Куль-Обы.

Сокровища кургана Солоха

Вдоль всего нижнего течения Днепра протянулись сотни курганов; некоторые из них по величине немногим уступали Чертомлыку. Особое внимание ученых привлекал огромный курган, стоящий на левом берегу Днепра, неподалеку от Никополя, вблизи села Большая Знаменка. Окрестные жители окрестили его Солохой, и под этим именем он вошел в историю.

Еще летом 1882 года Археологическая комиссия сообщала таврическому губернатору о своем намерении в следующем году приступить к раскопкам кургана. Однако в действительности исследования Солохи начались лишь в 1912 году. Раскопки кургана связаны с именем профессора Петербургского университета Николая Ивановича Веселовского (1848–1918).

Курган был грандиозным — его высота превышала 18 м, и исследовать его за один год оказалось археологам не под силу. Раскопки растянулись на два сезона — 1912 и 1913 годы. Уже первый внешний осмотр Солохи показал, что и этот курган не избежал участи других: на склонах насыпи были заметны ямы и западины — остатки грабительских ям и лазов. Это, однако, не смутило Н. И. Веселовского: опыт подсказывал, что грабителям редко удавалось ограбить могилу начисто. Кроме того, под столь могучей насыпью могло скрываться не одно, а несколько захоронений, и маловероятно, чтобы ворам, орудовавшим в спешке из-за боязни быть застигнутыми на месте преступления или оказаться погребенными в завале, удалось найти и опустошить сразу все могилы.

Когда после долгого и изнурительного труда была снята часть насыпи кургана, открылись очертания огромной могильной ямы площадью около 27 м. Глубина ее достигала 6 м. Как и следовало ожидать, могила была ограблена. О былом ее богатстве давали представление оброненные грабителями золотые нашивные бляшки, золотая иголка, серебряный килик (чаша для вина) с греческой надписью на нем. Рядом с центральной могилой археологи обнаружили захоронения двух коней в богатом уборе — с золотыми налобниками в виде рыб, нащечниками в виде крыльев и т. д.

Многие признаки, однако, подсказывали, что этим тайны Солохи не исчерпывались. Веселовский был уверен, что под курганом должна скрываться по меньшей мере еще одна могила. Но в 1912 году нехватка средств и времени не позволили продолжить раскопки, и их возобновили лишь в следующем году.

Второй год исследований Солохи принес сенсационные открытия. Раскопки показали, что через некоторое время спустя после насыпки кургана (его высота тогда составляла 15 м) часть насыпи сбоку была снесена до основания и вырыта новая, не менее грандиозная могила. После совершения в ней погребения курган был досыпан — уже над обеими могилами — и еще более увеличен в размерах. В этой второй, боковой могиле и был похоронен скифский царь.

Длинный — более 10 м — подземный коридор вел из глубокой шахты в обширную погребальную камеру с тремя боковыми нишами. В самую большую из этих ниш были помещены останки царя, а две другие предназначались для погребального инвентаря. Кроме того, в боковой стенке главной ниши был устроен тайник, в который были спрятаны особо ценные вещи. И все это лежало в том самом порядке, в каком было положено две с половиной тысячи лет тому назад!

Исследователи были ослеплены обилием золота и серебра. Царский горит, в котором, помимо лука, хранилось 180 стрел (они, как и лук, полностью истлели; археологи нашли только 180 бронзовых наконечников), был обложен серебряной пластиной, украшенной рельефными изображениями, идущими в несколько поясов. В верхнем поясе — уже знакомая по другим памятникам сцена: лев и грифон терзают оленя. В среднем изображена схватка конных и пеших воинов. Судя по одежде и вооружению, и те и другие являются скифами: у них длинные, ниспадающие на плечи волосы, короткие, типично скифские мечи-акинаки, боевые секиры; одеты они в подпоясанные кафтаны, отороченные мехом и

длинные штаны. Однако если всадники бородаты, то пешие воины безбороды. Вероятно, художник изобразил здесь сцену битвы между воинами двух различных скифских племен.

Юные пешие воины могучи и красивы, в то время как их конные противники изображены нарочито безобразными: у них выпученные глаза, толстые губы, носы «картошкой». Победа явно на стороне пеших воинов. Один из них замахнулся боевым топором на преследуемого им всадника, прикрываясь от его занесенного копья щитом. Юный воин оголен до пояса — то ли он в пылу схватки сбросил кафтан, то ли не успел одеться, застигнутый врасплох внезапным налетом неприятельских всадников. Другой пеший скиф стаскивает за волосы второго всадника, раненый конь которого падает. Тот силится вытащить свой меч из ножен, но судьба его предрешена, хотя на помощь ему и спешит его спешенный соплеменник с обнаженным акинаком в руке…

У изголовья царя лежал греческий бронзовый шлем, а по правую руку — меч с золотым эфесом в обложенных золотом ножнах, украшенных изображениями зверей. На руках — пять золотых браслетов, на шее — золотая гривна, с украшенными цветной эмалью львиными головками на концах. Одежда расшита золотыми бляшками с рельефными украшениями. Здесь же стояла и парадная посуда — шесть серебряных сосудов и большой деревянный, обитый золотыми рельефными пластинками.

Особенно большой интерес представляет один из серебряных сосудов, украшенный изображением сцены охоты конных скифов на львов. Греческий художник, создавший этот сосуд, был превосходно знаком с обликом скифов, их одеждой и вооружением. Перед нами две пары всадников, охотящихся на льва и львицу. Лев нападает на одного из охотников, который занес копье, готовый поразить разъяренного зверя, а сзади на помощь ему спешит другой всадник, изготовившийся для выстрела из лука… Вторая сцена изображает львицу — почему-то рогатую, — готовую наброситься на охотника, который занес короткое копье над зверем. Его вздыбившийся конь храпит, отвернув в испуге голову. А сзади львицы другой верховой скиф на полном скаку стреляет в нее из лука. В охоте принимают участие и собаки, которые присутствуют в обеих сценах.

Но самой выдающейся находкой в кургане, прославившейся на весь мир, стал золотой гребень, лежавший у изголовья царя.

Массивный гребень весит 294 г. Его высота составляет 12,3, а ширина — 10,2 см. Девятнадцать длинных четырехгранных зубьев соединены фризом из фигур лежащих львов. Под ним — изумительная скульптурная группа трех сражающихся воинов.

С первого же взгляда не остается сомнения в том, что это скифы. Они длинноволосы и бородаты, одеты в характерные скифские одежды — кафтаны, длинные шаровары, обуты в мягкие сапоги. Но у двоих из них поверх кафтанов надеты панцири, а у верхового скифа — по-видимому, царя — на голове греческий шлем, а на голенях поножи-кнемиды. С большой точностью переданы предметы вооружения скифов — щиты разной формы и конструкции, гориты-налучья с луками и стрелами, короткие скифские мечи-акинаки и их ножны, копье.

С живой непосредственностью изображена сцена боя двух всадников и пешего воина. Один из всадников уже вынужден продолжать

сражение пешим — раненый конь его лежит на земле, истекая кровью. Прикрываясь щитом, воин пытается защищаться от всадника, который занес над ним копье. А тому на помощь спешит пеший воин с обнаженным акинаком. Таким же коротким мечом вооружен и их противник. Ясно, что воин, потерявший коня, обречен, он не в состоянии дать отпор двум своим врагам, и гибель его неминуема…

С поразительным реализмом исполнены фигуры людей и животных. Лицо всадника сосредоточенно и сурово — он уверен в победе и спокоен за исход схватки. Между тем на лице его врага, а также и помощника — гнев и ярость. Мы видим предсмертные судороги поверженного коня, видим кровь, струящуюся из его открытых ран, вздувшиеся вены на ногах вздыбленного коня — настолько тонко передал художник мельчайшие детали. Отдельные фигуры — воины, кони, а также предметы вооружения и т. д. — отчеканены из кусочков золота, а затем спаяны. После этого весь гребень был отполирован и дополнительно отделан при помощи острого резца.

Солохинский гребень — уникальный шедевр древнегреческого искусства, не имеющий себе равных во всем мире. Он, как и другие золотые изделия из скифских царских курганов, является произведением выдающегося греческого мастера, работавшего в Северном Причерноморье, прекрасно знакомого с жизнью и бытом скифов и выполнявшего заказы окруженной неимоверным богатством и роскошью аристократической верхушки скифского общества.

Сокровища Солохи вызвали огромный интерес во всем мире. Этими непревзойденными произведениями античного искусства восхищались и продолжают восхищаться миллионы людей, имевших возможность видеть их в экспозиции Эрмитажа и на выставках в городах разных стран и континентов.

Тайны Пяти Братьев

Группа курганов Пять братьев возвышалась на берегу Дона, в его дельте, возле хутора Колузаево. Своими размерами — их высота достигала 7–12 м, а диаметр 60–70 м — эти курганы выделялись среди окружающего их множества более мелких насыпей, придавая неповторимый колорит простирающейся вокруг плоской равнине. Плывущему по широкому извилистому Дону на протяжении многих километров, за каждым поворотом реки, эти огромные курганы открывались с разных сторон, постоянно меняя ракурс и неизменно вызывая восхищение своей суровой красотой.

Пять братьев издавна привлекали к себе внимание путешественников и исследователей. О них высказывались самые различные, порою фантастические, мнения. Английский путешественник Кларк, видевший эти курганы в начале XIX столетия, полагал, что они представляют собой алтари Александра Македонского, устроенные великим полководцем древности для жертвоприношений. Интерес к Пяти братьям возрос во второй половине XIX века в связи с поисками в низовьях Дона древнего города Танаиса. Некоторые ученые полагали, что эти курганы принадлежат некрополю Танаиса.

В 1871 году к раскопкам Пятибратних курганов приступил сотрудник Археологической комиссии П. И. Хицунов, уже имевший опыт раскопок курганов в Крыму и на Таманском полуострове. Своей целью он избрал два

больших кургана в группе и четыре маленьких. На глубине 4,5 саженей (9,6 м) от поверхности кургана Хицунову удалось обнаружить обширную каменную гробницу, сложенную из дикого камня без применения скрепляющего раствора. Она была частично разрушена, и внутри ее не оказалось ничего, кроме песка и глины, перемешанных с истлевшим деревом и камышом. Решив, что гробница давным-давно разграблена, Хицунов прекратил раскопки.

В 1954 году в дельте Дона начала работать экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и Ростовского областного краеведческого музея, которую возглавил археолог В. П. Шилов. В первом сезоне экспедиция Шилова раскопала семь небольших курганов в Пятибратней группе, не трогая пока больших. В их число входили и четыре кургана, раскапывавшиеся некогда П. И. Хицуновым. При этом Шилову бросилось в глаза чрезвычайно важное обстоятельство: все курганы, которые копал Хицунов, содержали значительное число находок — раздавленные винные амфоры, железные и бронзовые наконечники стрел, обломки медных котлов и т. д. Стало очевидным, что Хицунов ни в одном случае не довел исследования раскапывавшихся им курганов до конца — все они требовалидоследования.

Внимательно осмотрев большие курганы и сопоставив увиденное с архивными данными, В. П. Шилов смог определить те два, которые начинал копать Хицунов. Особенное его внимание привлек курган, в котором Хицунов обнаружил каменную гробницу. Осенью 1959 года Шилов начал его раскопки.

Когда была снята насыпь толщиной 6,75 м, показался верхний край каменного склепа. Он представлял собой большую квадратную камеру, к которой примыкал длинный коридор — дромос. Стены, сложенные из необработанных камней известняка, имели высоту до 2 м. Пол был выложен такими же необработанными плитами, а сверху все сооружение некогда перекрывал накат из толстых дубовых бревен. Одно из сохранившихся бревен в диаметре достигало 60 см.

Когда камера была расчищена, археологи нашли в нем лишь фрагменты скелета пожилого мужчины. Вся южная часть склепа была начисто ограблена. Однако грабители орудовали в склепе уже после того, как перекрытие из бревен рухнуло внутрь камеры, и это спасло ее от полного ограбления.

После полной расчистки погребальной камеры оказалось, что в ее северной части располагалось второе, совершенно не потревоженное захоронение: здесь лежали останки молодого воина в роскошном царском убранстве. От его парадной одежды сохранились многочисленные золотые нашивные бляшки — в одном лишь головном уборе их было 78. На шее погребенного сверкала массивная золотая гривна, украшенная на концах фигурками лежащих барсов, и, кроме того, золотое ожерелье; на пальцах — золотые перстни.

Возле погребенного лежало его оружие: у левого бедра — золотая обкладка горита и железный меч в деревянных ножнах, обложенных золотым листом; так же была украшена и рукоять меча. Вся поверхность золотой обкладки ножен была покрыта рельефными изображениями сцен битвы скифов с греками.

…Сражение в самом разгаре и складывается, судя по всему, не в пользу греков: их военачальник в шлеме и панцире обернулся назад с вытянутой рукой и, очевидно, призывает на помощь подкрепление. Он не замечает опасности, грозящей ему со стороны предводителя скифов, который уже занес над ним свой короткий меч — акинак.

Следующая группа изображает схватку двух греков со скифом. Безбородый грек лежит на земле. Он еще жив, поддерживаемый бородатым товарищем, который пытается копьем отразить удар скифа, стремящегося добить копьем раненого юношу…

На третьей сцене показан бой пешего грека с двумя скифами — пехотинцем и всадником. Пеший юноша-скиф ранен и упал на колени. Греческий воин пытается его добить, а раненый готовится к отражению удара своим боевым топором. На помощь ему спешит скиф на коне с длинным копьем в руке, но лошадь его споткнулась и упала на передние ноги. Всадник натянул поводья, пытаясь поднять коня, но безуспешно. Юный скиф, по-видимому, обречен…

В четвертой сцене изображены два грека, один из которых ранен и полулежит облокотившись, другой, склонившийся над ним, зубами пытается вытащить из колена раненого вонзившуюся стрелу.

Наконец, последняя сцена изображает мчащегося во весь опор коня, волокущего раненого молодого скифа, который крепко держит в руке повод. Перед конем на земле лежит греческий шлем…

Все изображения на ножнах очень реалистичны. Детально переданы особенности скифского и греческого вооружения, одежды и т. д.

Весьма вероятно, что греческий художник, создавший это замечательное произведение прикладного искусства, сам участвовал в военных столкновениях со скифами и воспроизвел боевые эпизоды, виденные им воочию.

В могилу были также положены драгоценные серебряные сосуды: ваза, схожая по форме со знаменитой вазой из Куль-Обы, и килик. Около входа в камеру на небольшом пространстве пола в беспорядке лежала целая куча драгоценных предметов: золотых пластинок и бляшек с различными рельефными изображениями, разнообразных бус и т. д. общим счетом 1273 золотых предмета. По мнению В. П. Шилова, здесь стоял деревянный ларец, в который были уложены парадная одежда, головные уборы и украшения.

Как и в других скифских курганах, в могилу были положены запасы пищи и вина. Вино было привезено из южночерноморских городов Гераклеи и Синопы. На большинстве амфор имеются клейма мастерских, в которых они были изготовлены, позволяющие достаточно точно определить дату захоронения: оно было совершено в последней трети IV века до н. э. Очевидно, что и в этом случае мы имеем дело с погребением высших представителей скифской аристократии, которых вслед за Геродотом принято называть царями. Поэтому и Пятибратний курган с полным основанием причисляют к скифским царским курганам, но он принадлежит царю иного племени или объединения племен, чем Чертомлык и Солоха.

Чаша из Гайманової могилы

В 1960-е годы, в связи с началом сооружения гигантских мелиоративных систем на юге Украины, перед археологами встала задача охранных раскопок в зонах будущего обводнения. Среди памятников археологии, которыми предстояло уйти под воду, были и сотни скифских курганов. Некоторые из них, судя по размерам, могли быть «царскими». Для этих работ Институт археологии Академии наук Украины создал несколько экспедиций, объединивших специалистов разного профиля. Одной из таких экспедиций была Северо-Рогачикская. Ей было поручено исследование курганов в Запорожской области. Здесь, у села Балки, насчитывалось около 20 курганных групп. Особое внимание привлекла одна, состоявшая из 46 небольших насыпей, среди которых одиноко возвышался восьмиметровый исполин с загадочным названием Гайманова могила.

К лету 1969 года экспедиция, которой руководил киевский археолог В. И. Бидзиля, раскопала 22 малых кургана. Все они оказались ограбленными. Это не вселяло больших надежд и по отношению к Гаймановой могиле: опыт показывал, что главной приманкой для грабителей всегда были именно большие курганы. Ну а здесь, где даже малые курганы не были обойдены их вниманием, вообще не стоило надеяться на то, что стоявший рядом исполин окажется нетронутым. Правда, до тех пор, пока курган не раскопан полностью, любые заключения были бы преждевременными…

Рассудив таким образом, В. И. Бидзиля приступил к исследованию Гаймановой могилы. Курган представлял собой огромную насыпь высотой более 8 м; диаметр его превышал 70 м. Слой за слоем снимали бульдозеры землю с огромной шапки кургана. На глубине 4 м от вершины открылась кольцевая стенка из огромных, вертикально вкопанных в землю известняковых плит, сооруженная для предотвращения оползания насыпи. Ниже, на уровне поверхности, были найдены следы заупокойной тризны: лошадиные и бараньи кости, раздавленные амфоры, остатки уздечных наборов, наконечники стрел… Обнаружился и грабительский лаз — он вел прямиком в погребальную камеру. Она располагалась на глубине 8 м от уровня материка, и как и следовало ожидать, была полностью обчищена еще в древности. Лишь несколько десятков разбросанных мелких золотых украшений да золотой перстень, в спешке оброненный грабителями, свидетельствовали об огромных богатствах, некогда находившихся в камере. По всей видимости, здесь были похоронены четыре знатные особы, вероятнее всего, двое мужчин и две женщины. Больше ничего определенного сказать было невозможно.

Казалось, что работы завершены. Но уже перед самым отъездом археологов ждал сюрприз. Один из сотрудников экспедиции, Борис Мозолевский, зачищал земляную стенку камеры, как вдруг глина под его ножом неожиданно, легко поддалась. «Здесь что-то есть!» — воскликнул Мозолевский. В стене обнаружился тайник с абсолютно нетронутым драгоценным содержимым…

Сокровища лежали горизонтальными рядами: наверху — деревянная чаша с золотой обивкой, ниже — серебряный килик и чашечка, под ними — еще две деревянные чаши, обитые золотыми пластинами, под чашами — серебряный ритон с золотым раструбом и наконечником в виде головы барана. Самые ценные вещи лежали на дне тайника: большой

серебряный ритон с широким золотым орнаментированным раструбом и золотым наконечником, серебряная ритуальная чаша, в которую был помещен серебряный же кубок, и, наконец, самая замечательная находка, прославившая Гайманову могилу: серебряная с позолотой чаша ритуального назначения, украшенная широким фризом с рельефными изображениями шести фигур скифов.

Основу композиции составляют парные сцены (одиночные фигуры, очевидно, выполняют вспомогательную роль в сюжете). На одной стороне чаши изображены два сидящих бородатых скифских воина, занятых мирной беседой. Роскошная одежда, парадное оружие, атрибуты высшей власти — плетка в руке одного из них и булава в руке другого — все указывает на то, что перед нами представители высшей власти, скифские «цари». Фигуры, выполненные в технике высокого рельефа, позолочены; в серебре оставлены лишь лица и кисти рук.

На противоположной стороне чаши — другая парная сцена. К сожалению, именно эта часть чаши сильнее всего пострадала от времени, поэтому изображения здесь не столь четки и некоторые важные детали утеряны. Здесь также сидят два знатных скифских воина — пожилой и молодой, одетые в такие же роскошные костюмы и при парадном вооружении. У молодого на шее гривна, в правой руке он держит чашу — символ верховной власти, левая рука его вытянута в сторону собеседника. Пожилой воин протянул правую руку в сторону молодого, как будто передавая ему что-то.

Под одной ручкой чаши изображен стоящий на коленях молодой скиф, припавший ртом к бурдюку с вином, под другой помещен пожилой воин, также стоящий на коленях; одной рукой он держится за лоб, а другой сжимает что-то на земле…

Может быть, на чаше из Гайматовой могилы изображен какой-то сюжет из скифского эпоса. Истолкование его весьма затруднительно. Высказывалось предположение, что на чаше, возможно, изображены могущественные степные владыки, съехавшиеся для заключения вечного мира между враждующими племенами. Однако как бы ни истолковывать сцены на чаше из Гайматовой могилы, они, несомненно, являются выдающимся произведением греческой, или «греко-скифской», торевтики. Очень реалистичные и индивидуальные, этнографически точные, они и обнаруживают глубокое и детальное знакомство художника с представителями различных слоев скифского общества, скифским бытом.

Пектораль из Толстой могилы

Киевский археолог Б. Н. Мозолевский, нашедший знаменитую чашу из Гайматовой могилы, вскоре стал автором еще одного выдающегося открытия.

Еще в 1964 году, при раскопках курганов неподалеку от Никополя, в 10 км от знаменитого Чертомлыка, его внимание привлек огромный, высотой 9 и диаметром 70 м курган, именовавшийся местными жителями Толстой могилой (под таким же названием в свое время был известен и Чертомлыцкий курган). Он весьма заинтересовал Мозолевского, но заняться им долгое время не удавалось, отвлекали другие дела. Имелись и сомнения: а скифский ли это курган? Ведь еще в 1964 году археолог А. И. Тереножкин, использовавший метод ручного бурения курганов для

определения их возраста, пробил на Толстой могиле две скважины. В них не оказалось следов глины — верного признака скифской могилы.

Наконец, Мозолевский решил попытать счастья. В феврале 1971 года он пробурил на Толстой могиле две повторные скважины. Результат — тот же, что и семь лет назад: глины не было. Но, как позже вспоминал сам Мозолевский, «вопреки всякому здравому смыслу, несмотря на каторжную усталость», он решил пробить еще одну скважину — последнюю. И на глубине 7 м появилась глина! Повторное бурение окончательно подтвердило, что Толстая могила — скифский курган.

Мозолевский приступил к подготовке экспедиции. Начальный этап раскопок был невероятно напряженным — громада кургана состояла из 15 тысяч кубометров земли. Когда насыпь была удалена, выяснилось, что под ней находились две гробницы в виде глубоких катакомб: центральная и боковая. Курган был окружен широким рвом, в котором после частичной расчистки были обнаружены следы грандиозной заупокойной тризны: множество костей животных — лошадей, диких свиней, оленей, десятки разбитых винных амфор. По этим остаткам удалось установить, что общий вес съеденного на поминках мяса составлял около 6500 кг, а если принять очень вероятное допущение, что в нераскопанную часть рва были сброшены кости примерно такого же числа животных, что и в исследованную, — то целых 13 тонн. Такого количества мяса должно было хватить примерно на 3 тысячи человек. Возможно, поминки на Толстой могиле продолжались не один день.

Исследование погребений начали с боковой гробницы. Вскоре открылся заполненный черноземом ход. Неужели могила ограблена? Ведь именно так обычно выглядели грабительские ходы… Но на этот раз опасения оказались напрасными: обнаруженный ход был входом в гробницу, выкопанную уже после насыпки кургана над центральным захоронением. Однако пока это выяснилось, археологам пришлось немало поволноваться.

Дальнейший ход событий Б. Н. Мозолевский описывает так: «Когда экспедиция уехала отдыхать, я снова спустился в гробницу и тыкался по ней до тех пор, пока в одной из стен не обнаружил вход в хозяйственную нишу, в глубине которой лежали явно не потревоженные никем кости от жертвенной пищи и бронзовая посуда. Конечно, это еще не могло быть свидетельством целости склепа, но вера моя окрепла».

На следующий день на курган приехал директор Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината. «Он долго подшучивал над нашей незадачливостью, уверяя, что могила разграблена. Тогда я не выдержал, — рассказывает Б. Н. Мозолевский. — Пожалуйста, копайте здесь, и сейчас вы найдете золото… Григорий Лукич отмахнулся от меня, как от сумасшедшего, и копать не стал. Вскоре он снова принялся за свое. Тогда я взял нож и начал копать в указанном им месте. Через несколько секунд в моей руке была золотая бляха. Рядом с ней лежали вторая, третья…»

В склепе оказалось совершенно не потревоженное погребение молодой скифской «царицы». Наряд ее был самым богатым из всех, когда-либо открытых в скифских курганах. Все здесь блестело золотом: головной убор был расшит крупными золотыми пластинами, золотые бляхи

украшали и всю ее одежду, и башмачки. Не менее богатыми были и украшения: на шее — массивная золотая гривна весом в 478 г, украшенная на концах семью фигурками львов, крадущихся за молодым оленем. На висках — крупные золотые подвески с изображением сидящей с поднятыми руками богини; на руках — три широких золотых браслета. Каждый палец рук «царицы» был унизан золотым перстнем, а на одном пальце их было даже два.

Рядом с «царицей» был погребен ребенок, которому в момент смерти едва ли было больше двух лет. По-видимому, это был малолетний наследник престола. Он умер и был погребен позже матери, для чего в гробницу был прокопан второй вход. Похоронен царевич был в отделанном алебастром деревянном саркофаге. В изголовье стояли три драгоценных миниатюрных серебряных сосуда для питья вина: килик, ритон и кубок. В руке ребенка был зажат большой золотой браслет — символ власти. В саркофаг был также положен пояс, расшитый золотыми пуговками, тоже символизировавший знатность погребенного. На шее — золотая гривна, в ушах — золотые сережки, на безымянном пальце правой руки — маленький золотой перстенек. Весь скелет малолетнего царевича был усеян золотыми бляшками, украшавшими одежду.

Вместе с царицей и царевичем были похоронены их убитые слуги: девочка-служанка, «кухарка», воин-«охранник» и «возничий» (так они названы по сопровождавшим их атрибутам). Картина их расположения в могиле ужасна: руки — неестественно вывернуты, словно выкручены, ноги — неестественно раскинуты. Особенно потрясает рука воина: пальцы судорожно сжаты и впились в землю — очевидно, он был еще жив, когда его бросили в могилу, и агония продолжалась в уже засыпанном подземелье.

Когда исследование боковой гробницы было завершено, археологи приступили к раскрытию центрального погребения, где, по-видимому, был похоронен царь. То, что в нем уже успели побывать грабители, было ясно с самого начала: туда вел лаз протяженностью 22 м. Грабители точно рассчитали направление и вышли как раз на угол погребальной камеры. Но к тому времени свод камеры и коридора-дромоса, ведшего в нее, уже частично обвалился, и грабителям пришлось выбирать сокровища из-под осыпавшейся земли.

В погребальной камере царило полное разорение. Хотя здесь оставалось еще немало золотых нашивных бляшек и пуговок от парадной одежды царя, все самое ценное — парадная утварь, украшения, оружие и т. д. — было унесено грабителями. И тем не менее самые сенсационные находки, принесшие Толстой могиле всемирную славу, были сделаны именно здесь, в центральной гробнице! (Забегая вперед, скажем, что Толстая могила оказалась богатейшим из всех известных в настоящее время скифских царских курганов. Вес золотых изделий, найденных в нем — 4,5 кг, — намного превышает вес золота, найденного в Куль-Обе, до того считавшемся самым богатым курганом.)

По всей видимости, грабители очень хорошо, даже слишком хорошо знали все детали скифского царского погребального обряда. Им было известно традиционное расположение всех ценных вещей в могилах: парадное оружие должно было лежать рядом с покойным, шейные

украшения — на шее, сосуды — в головах и т. д. И они искали их именно там, где им надлежало быть.

Свод камеры и ведшего в нее коридора-дромоса к тому времени уже частично рухнули. Обвалившуюся землю в погребальной камере грабители перерыли, а вот землю в дромосе ворошить не стали — по регламенту похорон ценных вещей там быть не должно. Но они ошиблись!

В дромосе, совсем рядом со входом в погребальную камеру, в 30 см от нее, лежал меч с обложенной золотом рукоятью, в ножнах, также покрытых золотой обкладкой с рельефными украшениями. Обкладка ножен меча украшена изображениями в скифском «зверином стиле»: сценами борьбы животных. Под перекрестьем меча в геральдической позе стоят дерущиеся петухи — совершенно новый и необычный сюжет в скифо-античном искусстве. Ниже фантастический грифон, раздирающий оленя, лошадь, на которую сзади напал лев, а спереди грифон, еще ниже — напавший на оленя леопард, и, наконец, поединок льва и леопарда… На выступе для подвешивания меча к портупее изображен фантастический рогатый львиноголовый грифон, хвост которого оканчивается змеиной головой. Изображения животных очень реалистичны, полны динамики, они очень четки: проработаны мельчайшие детали.

Еще ближе к камере, у самого входа Б. Н. Мозолевский нашел неслыханное сокровище: золотую пектораль — царское парадное нагрудное украшение. Грабители не докопали до нее всего каких-нибудь десять сантиметров! Это поистине гениальное творение античной торевтики ныне получило мировую известность.

Вес пекторали составляет 1150 г, диаметр — 30,6 см. Она состоит из четырех жгутообразных трубок, скрепленных на концах обоймами, к которым при помощи штифтов прикреплены изящные плетенки, также заправленные в орнаментированные обоймы с наконечниками в виде львиных голов. Трубки делят пектораль на три полукруглых яруса. Средний заполнен растительным орнаментом, нижний и верхний — многочисленными скульптурными изображениями.

В нижнем ярусе — сцены борьбы животных: в центре — три сцены терзания коней грифонами, по бокам — лев и леопард, нападающие на оленя и на дикого кабана, погоня собак за зайцами и, наконец, по два сидящих друг против друга кузнечика.

Наибольший интерес представляет верхний ярус. Здесь помещены изумительные тонкости исполнения сцены мирной жизни скифов. В центре — два обнаженных по пояс скифа, снявшие свои гориты с луками, шьют меховую рубаху. Лица и прически их настолько отличны, что можно предполагать в них представителей разных этнических групп. Гордые лица и повязка на голове одного из них выдают племенных вождей, «царей». Не символизируют ли совместное шитье одной рубахи, безоружность и весь окружающий фон союз двух прежде враждовавших племен? По обе стороны этой сцены — мирно стоящие животные с детенышами, жеребенок, сосущий кобылу, теленок — корову, юный скиф, доящий овцу, и другой, сидящий. Одной рукой он держит амфору, в другой что-то зажато. Возможно, он намеревается заткнуть амфору со слитым в нее надоенным молоком. Картина завершается летящими в разные стороны птицами.

Композиция, заполняющая верхний ярус, безусловно имеет сложное символическое значение, пока неразгаданное. Но в основе ее несомненно лежат реальные образы, переданные с удивительным мастерством и изяществом, образы людей, занятых повседневными привычными делами, и животных, характерных для скифского стада. Каждая из миниатюрных скульптур пекторали является подлинным шедевром, а вся она в целом — непревзойденным творением выдающегося греческого мастера, жившего в одном из городов Северного Причерноморья в первой половине — середине IV века до н. э.

«Развернутой симфонией о жизни в представлениях скифского общества» назвал пектораль ее первооткрыватель Б. Н. Мозолевский. За короткое время своей второй жизни она уже совершила триумфальное шествие по многим странам и континентам, не оставив равнодушным никого, кому посчастливилось любоваться ею. Ныне пектораль из Толстой могилы хранится в Музее исторических драгоценностей Украины в Киеве.

Сокровища курганов Меотиды

Скифская культура распространялась не только на Северное Причерноморье. Это была культура огромного мира кочевых и полукочевых племен, в I тысячелетии до н. э. обитавших на Кубани, на Алтае и в Южной Сибири — словом, на территории, простирающейся от Дуная до Великой Китайской стены. На юге и юго-западе эта культура соприкасалась с античной, на западе — с культурой кельтов, а на востоке — с культурами Средней Азии и Китая.

В сферу культурного влияния скифов входили и их ближайшие соседи — племена меотов, относившиеся к иберо-кавказской языковой семье. В I тысячелетии до н. э. они обитали на территории Прикубанья и Восточного Приазовья. Античные авторы впервые упоминают об этом народе в VI веке до н. э.

Остатками обширного скифо-меотского наследия являются сегодня многочисленные курганы, разбросанные по всему Северному Кавказу. Их раскопки дали археологам богатейший материал. Здесь были найдены многие выдающиеся произведения искусства, ныне хранящиеся в Государственном Эрмитаже и других российских музеях.

В недрах громадного — высотой более десяти метров — Майкопского кургана археологи обнаружили богатейшее погребение конца III — начала II тысячелетия до н. э. Это погребение содержало множество художественных произведений, в том числе бусы из сердолика и бирюзы, происходящие из Передней Азии. Над прахом покойника был водружен балдахин (ныне хранящийся в Эрмитаже), украшенный нашивными бляшками в виде львов и бычков, полотнище которого держалось на серебряных столбиках с литыми из золота фигурками бычков. Эти удивительно реалистические фигурки, вероятно, выполнены талантливым местным мастером и свидетельствуют о высоком художественном уровне скифо-меотской культуры. В то же время нашивные бляшки явно исполнены либо в самой Месопотамии, либо под влиянием месопотамского искусства.

Один из прославленнейших шедевров, найденных на земле древней Меотиды — небольшая (35,1 х 22,5 см) золотая фигура оленя из кургана у станицы Костромская (VI в. до н. э.). Это рельефная пластина некогда

украшала круглый железный щит, найденный в погребении вождя. Образ оленя был связан у скифов с представлением о солнце, свете. Вся фигура оленя подчинена особенному, напряженному ритму. В ней нет ничего случайного, лишнего; трудно представить себе более законченную, продуманную композицию. Зверь словно застыл, настороженно прислушиваясь к малейшему шороху, но в нем такой порыв, такое стремление вперед, что кажется, будто его подняло с земли и он летит как стрела, рассекая воздух. Все в этой фигуре условно и в то же время предельно реалистично. Мы даже не замечаем, что у оленя не четыре ноги, а две, так плотно поджатые друг к другу, что создают впечатлениечетырех.

Еще одна знаменитая находка — золотая пантера из кургана близ станицы Келермесской. Как и ее «современник», олень из Костромского кургана, эта пантера служила украшением щита. Фигура зверя стилизована, причем условность доходит до того, что хвост и лапы, в свою очередь, украшены фигурами свернувшихся хищников. И, однако, выразительность звериного образа такова, что эту бляху следует признать произведением не только декоративного, но и изобразительного искусства.

Очень интересные находки были сделаны близ адыгейского аула Уляп, где археологическая экспедиция под руководством А. М. Лескова исследовала комплекс меотских курганов и святилищ IV века до н. э. Одно из святилищ оказалось особенно богатым: помимо многочисленных костей, здесь были найдены бронзовые котлы, античные амфоры, орудия труда, детали конского убора, предметы вооружения, разнообразные золотые украшения. Среди последних особенно выделяются две крупные золотые пластины, изображающие шагающих оленей. Уляпские олени — один из лучших образцов скифо-меотского звериного стиля. Голова, гордо посаженная на могучей шее, увенчана ветвистыми рогами, удивительно пропорциональное тело зверя на длинных стройных ногах как бы устремлено вперед. Реалистическая трактовка фигур животных сочетается с условно переданными рогами в виде стилизованных головок грифонов.

Самыми значительными находками из этого святилища стали два скульптурных навершия, когда-то, вероятно, увенчивавших древки штандартов или бунчуков. Одно из них изображает лежащего кабана с вытянутым вперед рылом. Фигура сделана из двух массивных штампованных серебряных пластин, соединявшихся с помощью серебряных гвоздиков с золотыми шляпками. Пластины с изображениями кабана в скифском искусстве не редкость, однако навершия в виде кабана ранее известны не были. Точно так же до сих пор археологам не встречалась круглая скифская скульптура, причем созданная с применением разных материалов и технических приемов — штамповки, гравировки, пайки. Поэтому находку в Уляпе следует считать уникальной.

Второе навершие изображает оленя — уже известный скифский символ солнца. Голову оленя, посаженную на стройную длинную шею, увенчивают массивные ветвистые рога. Эта скульптура, созданная без всякой условности и стилизации, отличается редкой выразительностью и представляет собой один из лучших образцов скифо-меотского искусства.

На ритуальной площадке, расположенной на вершине одного из уляпских курганов, был обнаружен целый комплекс находок: три бронзовых античных сосуда, серебряная чаша, золотые гривна и бляшки, два богато

украшенных ритона — золотой и серебряный. Золотой ритон, основание которого украшает скульптурное изображение головы пантеры, судя по ряду деталей, был привезен из Ирана или Малой Азии. Второй ритон, серебряный, увенчивает крылатый конь Пегас. Его крылья, грива, ремни оголовья и ряд других деталей щедро позолочены, глаза некогда были инкрустированы янтарем. Среднюю часть сосуда опоясывает позолоченный фриз, на котором неизвестный художник изобразил в технике рельефа сцены из древнегреческого мифа о борьбе богов и гигантов. В числе противоборствующих персонажей легко узнаются Зевс-громовержец, Гермес с кадуцеем в левой руке, бог-кузнец Гефест. Судя по всему, ритон был создан не позднее середины V века до н. э., в эпоху расцвета античной культуры. Эта находка принадлежит к числу уникальных произведений древнего искусства, обнаруженных на территории России.

Скифы оставили в истории мировой культуры заметный и самобытный след. Но ни один из народов не уходит с исторической сцены бесследно. Его культурное наследие переходит к его преемникам, в конечном счете становясь достоянием всего человечества. Отголоски скифо-меотской культуры сегодня можно встретить у разных народов Северного Кавказа, среди которых в первую очередь следует назвать осетин — ираноязычный народ, родственный если не самим скифам, то близким к ним племенам.

СОКРОВИЩА ИЗ МОРСКИХ ГЛУБИН

Клад с «Ле Шамо»

В начале июля 1725 года французский фрегат «Ле Шамо» вышел в море из порта Рошфор и взял курс к берегам Канады. Рейс этот был не вполне обычен: на борту фрегата находился новый губернатор Квебека Труа-Ривьер, направлявшийся к месту службы. Его сопровождала группа чиновников колониальной администрации, а в трюме, помимо обычного груза — скота, овощей, одежды, оружия и т. п., находилась весьма солидная сумма: 116 тысяч ливров золотом.

Из-за встречных ветров переход через Атлантику продолжался значительно дольше, чем намечалось, и только в конце августа моряки увидели землю. Это был остров Кап-Бретон. 25 августа начался невиданной силы ураган. Но опытному капитану Сен-Жаме удалось увести судно из эпицентра шторма, и к утру следующего дня от надежной бухты островка Порта-Нова его отделяло всего десять миль. Однако пройти эти десять миль «Ле Шамо» так и не удалось: маневрируя, корабль налетел на подводные камни (которые по сей день называются рифами Шамо). Жители прибрежных деревушек Бален и Пти-Лоррен нашли на берегу лишь обломок мачты с обрывками французского флага…

Вечером того же дня губернатор и комендант крепости Луибур, прибывшие на место катастрофы, стали очевидцами последнего акта трагедии — в бухте Кельпи всплыли десятки тел. А вот малейших следов груза, ради которого и были, собственно, затеяны поисковые работы, обнаружить не удалось, хотя корабль погиб в двух шагах от берега и затонул на небольшой глубине. Все были уверены, что для опытных ныряльщиков обнаружить сундуки с золотом не составит особого труда. Стихия, однако, внесла свои поправки: штормовая погода надолго задержала поиски, а когда они возобновились, с морского дна удалось

поднять лишь несколько пушек и якорей. Золото исчезло бесследно.

Так закончилась первая и последняя попытка французских властей спасти сокровища «Ле Шамо». В последующие 200 лет о них вообще не вспоминали. Лишь с начала XX века на место крушения фрегата пришли первые экспедиции. В 1961 году ныряльщику-любителю Алексу Сторму, голландцу по происхождению и художнику по профессии, повезло сразу: в первый же день он обнаружил кучи заржавевших ядер и несколько пушек. В следующее погружение Сторм нашел под кучей пушечных ядер французскую серебряную монету. Третья попытка увенчалась обнаружением бюста Людовика XV с датой «1724». Но на этом все и закончилось. Сколько ни ныряли Сторм и его товарищи, море не вознаградило их больше ничем.

Сторм вернулся в бухту Кельпи спустя четыре года. На сей раз его сопровождали два опытных специалиста: картограф Дэвид Макичерн и штурман Харви Маклеод. В их распоряжении был неведомо откуда взявшийся чертеж фрегата (французские архивы долго и безуспешно требовали его возвращения) и специально оборудованная яхта «Мэрилин-Б11». Бухта была разделена на условные квадраты, каждый из которых последовательно обшаривали ныряльщики. К июню 1965 года им удалось поднять со дна новые детали корпуса фрегата. Изучение этих обломков показало, что искать надо совсем в другом месте! У рифа Шамо было обнаружено 26 пушек — все с верхней палубы. Остальных 22, располагавшихся на нижней палубе, не было и в помине. Было решено, что они, равно как и золото, лежат на значительно большей глубине. И первое же обследование более глубоководной части бухты подтвердило правоту исследователей: теперь в их распоряжении были все 48 орудий «Ле Шамо».

Казалось, путь к вожделенным сокровищам открыт. Но взятый было след сразу же оборвался. Тогда спасатели обратили свое внимание на побережье, где искать сокровища до сих пор еще никому не приходило в голову. Их усилия были вознаграждены: именно здесь, среди острых как бритва камней, были обнаружены новые следы крушения «Ле Шамо», в том числе несколько золотых луидоров с профилем Людовика XV. Единичные находки вскоре сменились целыми россыпями. Сторм и Макичерн с огромным трудом втаскивали в шлюпку рюкзаки, полные золотых монет… Общая стоимость найденного была определена по самым скромным меркам в 300 тысяч долларов.

Океан раскрывает тайны

Сокровища затонувших кораблей… Скольким поколениям кладоискателей тревожили они воображение, сколько легенд рассказывают о них! Наверное, если сложить в уме все легендарные сокровища, якобы таящиеся в океанских безднах, то их общий вес намного превысит вес золота, добытого на Земле за всю историю человечества. Но, несмотря на фантастичность многих свидетельств о подводных кладах, их продолжают искать. И — находят. Наверное, самой громкой находкой XX века стали сокровища испанского галеона «Нуэстра Сеньора де Аточа», затонувшего в 1622 году у побережья Флориды.

Однажды Мэлу Фишеру — известнейшему американскому искателю сокровищ, получившему титул «короля кладоискателей», — несказанно повезло. Во главе группы подводников из компании «Трэжерс Сэлворз

инкорпорейтед» он в 1963 году нашел ценности с затонувшего около полуострова Флорида испанского корабля. Поднятые со дня моря ценности потянули на несколько миллионов долларов. Но кладоискатели не успокоились. Внимание Мэла Фишера привлекла судьба другого испанского галеона — «Нуэстра Сеньора де Аточа».

Последнее плавание «Аточи» трагически завершилось 6 сентября 1622 года. Огромный корабль разбился на рифах у побережья Флориды, унеся с собой 264 человеческих жизни. Спастись удалось лишь пятерым. Из распоротого брюха галеона высыпалось 47 тонн золотых и серебряных монет и слитков. Они усеяли морское дно на протяжении более 50 миль…

Странное совпадение: Мэл Фишер тоже родился 6 сентября. Только спустя почти 300 лет после гибели «Аточи». Позже будут говорить о некоей мистической связи, соединившей легендарного ныряльщика и не менее легендарный корабль. Как бы то ни было, Мэл Фишер на протяжении почти двух десятилетий был обуреваем мечтой отыскать сокровища «золотого галеона». Все его предыдущие погружения, поиски, удачи и неудачи служили лишь этапами на пути к заветной цели. Все свои находки, включая сокровища «Санта-Маргариты», он обращал в капитал и вкладывал этот капитал в мечту…

На пути к цели его ждали не только чувствительные неудачи, ной настоящие трагедии. Самым большим ударом для Мэла Фишера стала гибель его сына Дирка. Вместе с ним погибла жена Дирка и еще один член команды. Это произошло 20 июля 1975 года, во время поисковых работ на месте гибели «Аточи».

Возможно, кто-то на месте Фишера опустил бы руки. Но неутомимый искатель упрямо продолжал верить в свою звезду. В сущности, ему уже не оставалось ничего другого: все мосты были сожжены, и впереди его ждали либо трагическая судьба Дирка, либо… «Аточа»!

Знаменитый Генеральный архив Индии в Севилье — Настоящий кладезь сокровищ (для тех, кто понимает, конечно). Сорок тысяч связок старинных документов, миллион единиц хранения в мельчайших подробностях рассказывают об истории открытия и освоения испанцами Нового Света, об их 400-летнем колониальном правлении обширными территориями за океаном. В этом море информации, каждая крупица которой имеет самостоятельную ценность, Мэлу Фишеру предстояло отыскать одну-единственную крохотную каплю: документы, повествующие о последнем рейсе галеона «Нуэстра Сеньора де Аточа»…

…В XVII столетии Испания продолжала владеть почти половиной планеты, однако экономика огромной империи испытывала большие трудности. Метрополия все более и более становилась зависимой от налогов на товары из Центральной и Южной Америки, а заокеанские колонии остро нуждались в товарах, произведенных в Испании. Хотя тяжелогруженые корабли ежегодно пересекали Атлантику с запада на восток, привозя в Испанию золото, серебро, драгоценные камни и сельскохозяйственное сырье, те, кто добывал эти сокровища, фактически прозябали в нищете — взамен они получали лишь жалкие крохи. Бóльшая часть населения метрополии жила не лучше: в то время как королевский двор в Мадриде ослеплял своей роскошью, окраины испанской столицы и других городов были переполнены безработными нищими и бродягами.

Практически монопольно распоряжаясь сокровищами огромного Американского континента, испанское правительство сумело довести государство фактически до банкротства. Непомерный рост материального богатства не только не укрепил экономику Испании, но наоборот — ускорил ее экономический крах. Поразительно, но эта самая богатая страна мира в XVII веке одновременно сумела стать и самой нищей страной!

Чтобы удержать империю на плаву, Испания наложила 20 %-ный налог на доходы от заокеанской торговли. Это, однако, мало помогло. Между тем соседние державы, как стервятники, почуявшие падаль, закружили над быстро дряхлеющей империей. В годы Тридцатилетней войны (1618–1648) к традиционным противникам Испании — Англии и Франции — присоединилась еще и Голландия. Иностранные каперы нападали на возвращавшиеся из заокеанских колоний суда. Ущерб от действия пиратов был более чем чувствителен для королевской казны. Испания все чаще была вынуждена прибегать к иностранным займам, а заемщики — крупнейшие европейские банки — все чаще выдвигали права на поступающее из Мексики и Перу серебро. Между тем поток драгоценного металла все более и более превращался в тонкий ручеек…

Одиночные корабли уже давно не рисковали пересекать Атлантику. Вместо этого ежегодно ранней весной от берегов Испании отчаливали многочисленные конвои. Сбившись в плотную группу, торговые суда шли под охраной больших военных кораблей, получивших название галеонов.

Появившийся в XVI столетии (первое упоминание о нем относится к 1535 г.) галеон представлял собой наиболее совершенный тип парусного судна. Форштевень, сильно изогнутый и вытянутый вперед, имел резные украшения и по форме напоминал форштевень галер. На самых крупных галеонах иногда ставили четыре мачты, но большинство галеонов имело три мачты, с квадратными парусами на передней мачте, треугольным парусом на бизань-мачте и небольшим квадратным парусом на высоко поднятом бушприте. Носовая надстройка была отодвинута назад и не нависала над форштевнем. Кормовая надстройка, высокая и узкая, размещалась на срезанной корме и имела несколько ярусов, где размещались жилые помещения офицеров и пассажиров. Длина испанских галеонов составляла около 100–150 футов, а ширина 40–50 футов. Грузоподъемность галеонов, ходивших через Атлантический океан, составляла примерно 600 тонн. Манильские галеоны, ходившие из Манилы (Филиппины) в Акапулько (Мексика), были крупнее, шире, грузоподъемность некоторых достигала 2000 тонн.

Через некоторое время в конструкцию корабля ввели бак, что увеличило высоту тщательно разработанной декоративной кормовой надстройки. Из-за этого, а также из-за небольшой осадки, более поздние галеоны стали довольно неустойчивыми и громоздкими. В зависимости от водоизмещения галеоны строились с числом палуб от двух до семи. Борт судна от киля к грузовой ватерлинии имел большой развал, а к верхней палубе — завал. Тем самым увеличивалась грузоподъемность, затруднялся переход с судна на судно во время абордажа, смягчалась сила удара волн о борт, поскольку волна отражалась вверх и корпус не испытывал ее прямого удара, и, наконец, повышалась остойчивость, так как орудия перемещались ближе к диаметральной плоскости судна и тем самым уменьшался

кренящий момент.

Среди недостатков галеона следует отметить низкую скорость, трудность управления и неспособность идти прямо против ветра или крутым бейдевиндом. Эти корабли были более медленны и неповоротливы, чем бригантины и шлюпы, используемые врагами Испании, но зато несли чрезвычайно мощное артиллерийское вооружение. Большие размеры галеона и наличие тяжелых пушек делали довольно трудной прямую атаку на него. Мало кому из морских разбойников посчастливилось захватить подобный корабль.

На вооружении ранних галеонов имелось до 30 орудий калибра от 3-фунтовых (6 см) до 50-фунтовых (19 см) и значительное количество (до 100) переносных мушкетонов для стрельбы через бойницы с галереи кормовой надстройки и верхних этажей носовой надстройки. Именно на галеоне впервые орудия были установлены и над, и под главной палубой, что привело к появлению батарейных палуб: орудия стояли по бортам и стреляли через порты. На поздних галеонах количество артиллерии было увеличено до 50–80 орудий. Сконцентрированная бортовая батарея давала возможность направить мощный залп по неприятелю.

Испанцы использовали тяжеловооруженные галеоны для перевозки больших грузов на дальние расстояния. Каждый год один или два манильских галеона перевозили ценные товары с Филиппин в Акапулько. Ежегодно Казначейский флот вывозил перуанские и мексиканские ценности из Карибского моря в Испанию. Во главе конвоя шел галеон-«капитано», который вел всю группу, а замыкал строй кораблей, галеон-«альмиранте», защищавший конвой с тыла.

В Карибском море флот разделялся на несколько отдельных групп. Одни корабли шли в Портобельо и Картахену, чтобы принять на борт золото и серебро из Перу, Эквадора, Венесуэлы и Колумбии. Другие шли в Гавану за медью, третьи — за грузом индиго в Трухильо. Местом сбора всего флота служила Гавана. К июлю сюда со всех карибских портов стекались тяжелогруженые корабли. Здесь они вновь выстраивались в боевой порядок и, предводительствуемые галеоном-«капитано», брали курс на Испанию. По традиции, драгоценные металлы грузились только на большие и хорошо вооруженные галеоны; более мелкие торговые суда несли на борту грузы менее ценные.

В то лето 1622 года все было так же, как и всегда. Испанский флот благополучно пересек океан и разделился на несколько отрядов. Семь галеонов, охранявших конвой, включая «Санта-Маргариту», остались в Порто-Доминго (о. Гаити). Другой отряд, во главе с «Нуэстра Сеньора де Аточа», отправился к Панамскому перешейку и 24 мая бросил якорь в гавани Портобельо. Шестнадцать меньших судов разошлись на погрузку в различные карибские порты, а третий отряд галеонов двинулся к Картахене (Колумбия). Здесь корабли приняли на борт большой груз золота и серебра и 21 июля встретились со вторым отрядом в Портобельо. 27 июля галеоны подняли якоря и взяли курс на Кубу. К 22 августа вся флотилия собралась в Гаванском порту. Сюда же от берегов Мексики пришел так называемый «флот Новой Испании», доставивший в Гавану груз мексиканского серебра.

Испанские адмиралы были встревожены: до Гаваны дошли слухи о том, что в водах Карибского моря появился большой голландский флот. Командующий «флотом Новой Испании» обратился к главному начальнику маркизу Кардерейте с просьбой разрешить ему немедленно идти в Испанию. Маркиз такое разрешение дал, но при условии, что бóльшая часть слитков и монет останется в Гаване; их перегрузят на галеоны, и таким образом сокровища окажутся под более надежной защитой.

«Флот Новой Испании» ушел, а маркиз Кардерейта остался в Гаване, дожидаясь прихода последних судов. Вскоре вся флотилия была налицо, и утром 4 сентября 28 тяжелогруженых кораблей выстроились на гаванском рейде, готовясь отправиться в далекое и опасное плавание. Маркиз Кардерейта поднял свой флаг на ведущем судне, галеоне-«капитано» «Нуэстра Сеньора Канделария». Основная часть мексиканского серебра и золота была погружена на галеоны «Санта-Маргарита» и «Нуэстра Сеньора де Аточа». Вооруженная 20 огромными бронзовыми пушками «Аточа» шла в качестве замыкающего — галеона-«альмиранте», следуя в хвосте медлительных торговых судов.

На следующий день, 5 сентября, погода заметно испортилась, небо затянули низкие тучи. К середине дня разыгрался настоящий шторм. По морю катились огромные валы. Марсовые сквозь пелену дождя с трудом могли разглядеть впереди идущие корабли. Волны бросали неповоротливые галеоны из стороны в сторону, как щепки. На глазах у всей команды и пассажиров «Аточи» идущий впереди «Нуэстра Сеньора де Консолясьон» неожиданно опрокинулся и исчез в морской пучине…

Ночью ветер переменил направление и отнес испанский флот на север, к берегам Флориды. Перед рассветом «Канделария» и 20 других судов конвоя прошли мимо западного побережья островов Драй-Тортугас. Четыре корабля, оторвавшиеся от основной группы, включая «Аточу» и «Санта-Маргариту», буря забросила восточнее, к цепочке островов Флорида-Кис. Рассвет застал их у какого-то низкого кораллового атолла, заросшего мангровыми деревьями. Огромные волны 5-метровой высоты, как игрушку, перебросили «Санта-Маргариту» через коралловый риф. С борта «Маргариты» капитан дон Бернардино Луго с бессильным отчаянием наблюдал, как команда «Аточи» борется за спасение корабля. Моряки бросили якорь, надеясь зацепиться за риф, однако огромная волна неожиданно приподняла корабль и со всего маху бросила его прямо на риф. Раздался ужасающий треск, рухнула грот-мачта. В этот же момент другая волна легко сняла полуразбитый корабль с рифа и понесла его на глубину. Вода хлынула в огромные пробоины, и «Аточа» в мгновение ока пошла ко дну. С борта «Маргариты» было видно, как три испанских моряка и два черных раба, судорожно вцепившись в болтающийся на волнах обломок грот-мачты, пытаются вырваться из объятий смерти… Их подобрало только наутро следующего дня судно «Санта-Крус». Ураган, разметавший испанский флот, причинил немало бед: 8 из 28 кораблей трансатлантического конвоя пошли на дно, погибло 550 человек, потерян бесценный груз на сумму более двух миллионов песо. Для сравнения отметим, что за весь период 1503–1660 годов Испания вывезла из Америки драгоценных металлов на сумму 448 миллионов песо, то есть около 2,8 млн. песо в год. Таким образом, речь шла о потере почти всего годового дохода

королевства!

Уцелевшие корабли поспешили вернуться в Гавану. Когда волнение на море утихло, маркиз Кардерейта отправил капитана Гаспара Варгаса с пятью кораблями на спасение «Аточи» и «Санта-Маргариты». «Аточа» была найдена быстро: галеон затонул на глубине 55 футов, и ее бизань-мачта все еще торчала из воды. С затонувшего корабля испанцы сумели снять только две маленьких железных пушки, стоявшие на верхней палубе. Могучие бронзовые орудия остались на батарейной палубе. Орудийные порты были закрыты, а сами пушки прочно закреплены в предвидении шторма… От «Санта-Маргариты» вообще не осталось никаких следов. Впрочем, с этого корабля сумела спастись небольшая группа моряков — их Варгас подобрал на берегу залива Логгерхед. Здесь же стоял сильно потрепанный штормом галеон «Нуэстра Сеньора де Росарио». Сняв с него груз, Варгас распорядился сжечь бесполезный корабль.

В начале октября Варгас вновь вернулся во Флоридский залив в надежде спасти сокровища «Аточи». Однако на этот раз испанцы даже не смогли отыскать место гибели корабля — по всей видимости, пронесшийся незадолго до этого очередной ураган окончательно похоронил корабль на дне морском. Варгас и его люди тщетно обшаривали дно баграми…

В феврале следующего года к поискам «Аточи» и «Маргариты» присоединился сам маркиз Кардерейта. Он отлично понимал, какую ярость вызовет в Мадриде известие о потере всей годовой добычи мексиканских серебряных рудников и что ожидает в этой связи его самого. Ценой больших усилий со дна были подняты несколько серебряных слитков, но куда исчезли корпуса обоих погибших судов, так и осталось загадкой. В августе бесплодные поиски были прекращены. Кардерейта и Варгас вернулись в Испанию. Перед их отъездом географ Николас Кардона начертил подробную карту района гибели кораблей.

Гибель «золотых галеонов» в 1622 году стала настоящей катастрофой для королевской казны. Для того чтобы финансировать продолжающиеся военные действия, Испания была вынуждена увеличить внешние займы. Были проданы несколько боевых галеонов, чтобы компенсировать хотя бы часть потерь, но и этого было недостаточно. Король распорядился: сокровища «Маргариты» и «Аточи» во что бы то ни стало должны быть найдены!

В 1624 году на место крушения «золотых галеонов» прибыла поисковая партия во главе с капитаном Франсиско Нуньесом Мелианом. На протяжении двух лет она, используя медный 680-фунтовый водолазный колокол, пыталась отыскать пропавшие сокровища. Удача улыбнулась поисковикам лишь в июне 1626 года: ныряльщик, раб по имени Хуан Баньон, впервые поднял со дна слиток серебра с «Санта-Маргариты».

В программу поиска то и дело вносили свои коррективы то ураганы, то набеги английских и голландских пиратов. Тем не менее за следующие четыре года команда Нуньеса Мелиана сумела извлечь из морской пучины 380 слитков серебра, 67 тысяч серебряных монет и 8 бронзовых пушек с «Санта-Маргариты». Но никаких следов «Аточи» так и не было найдено.

За свои заслуги Мелиан был назначен губернатором Венесуэлы. Дальнейшие работы по поиску подводных сокровищ спорадически велись вплоть до 1641 года, однако никаких существенных результатов они так и

не принесли. События последующих лет ознаменовали закат былой мощи Испании. Голландцы, англичане, французы постепенно вытеснили ее с лидирующих позиций в Европе и взяли под свой контроль ряд бывших карибских владений Испании. В 1819 году Флориду купили Соединенные Штаты Америки. Тайна пропавших сокровищ «Аточи» и многих других «золотых галеонов» на долгие годы была забыта. Вновь вернулся к этой волнующей загадке лишь неутомимый искатель Мэл Фишер.

— У меня оказалось больше терпения, методичности и… везения, — позже рассказывал Фишер. — Когда я слышу о всяких там тайнах, за которые с простаков дерут бешеные деньги, мне до слез жалко этих наивных людей. Хочу предупредить всех, кто мечтает быстро разбогатеть, отправившись с аквалангом в теплые моря. Жизнь охотника за сокровищами не имеет ничего общего с ореолом таинственности, романтики и прочей чепухи. Взять хотя бы меня. В общей сложности я провел под водой не один месяц. Часы там тянутся бесконечно, работа однообразна и скучна, а тридцать пять ныряльщиков вечно недовольны нищенским жалованьем и моими бесконечными обещаниями. После долгих месяцев безрезультатных поисков в лучшем случае убеждаешься, что золото вовсе не светится соблазнительным колдовским огнем на дне моря. Сокровище раскатилось и разлетелось на мили. Если бы самописец вычерчивал на ленте жизнь подводного кладоискателя, получилась бы бесконечная, чуть волнистая линия с редкими всплесками. Ну а высокие пики на ней можно сосчитать на пальцах одной руки.

Будущий «король кладоискателей» родился на Среднем Западе, окончил технический колледж и обосновался в Калифорнии, где открыл школу для аквалангистов, а при ней магазин снаряжения для подводного плавания. Но этот бизнес, хотя и прибыльный, не мог удовлетворить романтическую натуру Мэла, жаждавшую приключений. Для начала он принял участие в подводной экспедиции, которая отправилась к побережью Центральной Америки на поиски кладов. Эта экспедиция, хотя и не увенчавшаяся особым успехом, определила дальнейшую судьбу Фишера: он решил посвятить себя поиску подводных сокровищ.

В 1963 году Фишер продал принадлежавшую ему собственность в Калифорнии и вместе с женой Долорес и четырьмя сыновьями перебрался на восточное побережье. На вырученные деньги он основал фирму «Трэжерс Сэлворз инкорпорейтед», штаб-квартира которой разместилась в городе Ки-Уэст на южной оконечности архипелага Флорида-Кис. Его компаньоном стал Кип Вагнер, такой же одержимый страстью кладоискательства романтик, как и Фишер. Они договорились, что тот будет работать бесплатно в течение года или до тех пор, пока не найдут сокровища.

Увы, сделать это оказалось куда труднее, чем они рассчитывали. Главным препятствием стал песок. Покрытое им ровное дно было бы идеальным, если бы речь шла о поиске остовов затонувших галеонов. Но за столетия штормы и бури бесследно разметали их обломки. Поэтому ныряльщики решили сделать ставку на ценности, которые находились на испанских судах. И тут их ожидал неприятный сюрприз: добраться до твердого дна, где могли лежать тяжелые предметы, было практически невозможно. Толстый слой подвижного песка за ночь засыпал траншеи,

выкопанные днем.

Выручила техническая смекалка Фишера. Он придумал оригинальное устройство, названное им «почтовым ящиком», которое позволяло сравнительно легко вести подводные раскопки на значительной площадки. Это был изогнутый цилиндр, крепившийся под гребными винтами катера и направлявший струю воды вертикально вниз. С помощью такого водомета за девять минут вымывалась яма в тридцать футов шириной и десять футов глубиной. Там, где слой песка был тоньше, «почтовый ящик», словно гигантский веник, сметал его с выбранного участка дна. После его осмотра катер передвигался немного дальше, и операция повторялась.

Первый год поисков был уже на исходе, когда упорство Фишера наконец-то дало результат. В мае 1964 года на очередном «подметенном» участке неподалеку от Форт-Пирс открылся настоящий ковер из драгоценностей. Золотые и серебряные монеты устилали дно. За два дня Фишер поднял 1933 золотых дублона. Всего же в этот сезон спасатели собрали 2500 дублонов, стоивших целое состояние. Больше года «Трэжерс Сэлворз» вела работы возле Форт-Пирс. Когда же поток поступавших со дна монет превратился в жалкий ручеек, спасатели не без сожаления покинули счастливое место.

Теперь Фишер решил заняться поисками легендарных галеонов «Нуэстра Сеньора де Аточа» и «Санта-Маргарита». На помощь ему пришел историк Юджин Лайонз, проделавший гигантскую работу в севильском Генеральном архиве Индии. Он разыскал отчеты о последнем плавании «Аточи», о подводных работах Франсиско Нуньеса Мелиана и о сокровищах, спасенных им с затонувших галернов, изучил множество старинных карт Флорида-Кис начиная с XVI века. Впрочем, эти поиски отнюдь не решили всех проблем. Главная из них — как прочесать сотни тысяч квадратных миль морского дна? Хотя в штате «Трэжерс Сэлворз» числилось 35 ныряльщиков-аквалангистов, даже для такой многочисленной команды это было нереально. Единственный выход — использовать катера, буксирующие на тросе магнитометры. Но галеоны затонули в открытом море, где нет неподвижных ориентиров. Значит, не исключено, что во время поисков какие-то участки могут остаться необследованными. Чтобы этого не произошло, Фишер предложил оригинальный метод: ставить в море по две навигационные вышки на расстоянии трех миль одна от другой. Возвышаясь на 10–15 футов над водой, они посылали микроволновые сигналы, по которым катера точно определяли свое местоположение. Таким образом можно было гарантировать, что будет охвачен каждый дюйм морского дна.

Фишер даже рискнул пойти на дополнительные, весьма значительные расходы, заказав снимки района поисков из космоса, аппаратуру для молекулярного анализа проб воды и даже подумывал о приобретении дельфинов, чтобы обучить их находить на дне золотые и серебряные предметы. По завершении всех подготовительных работ в 1970 году Мэл Фишер и его команда прибыли к месту крушения «Аточи» и «Санта-Маргариты». Увы, несмотря на прекрасное оснащение, долгие месяцы добыча кладоискателей ограничивалась лишь ржавыми консервными банками, бочками и обрывками металлических снастей. Но

Мэл Фишер продолжал твердо верить в успех: «Чем большую площадь мы избороздим впустую, тем ближе наш час!»

К лету 1971 года размеры обследованной зоны составили 120 тысяч квадратных миль. И в это время появились первые находки. Началось с того, что магнитометр на одном из поисковых катеров зарегистрировал слабый всплеск. Немного поколебавшись, дежурный аквалангист вернулся на это место и прыгнул в воду. Видимость на шестиметровой глубине была отличной, и он сразу увидел лежащий на песке ствол старинного мушкета. Чуть дальше — абордажная сабля и второй мушкет. Поставив буй над этим местом, ныряльщик решил осмотреть соседние участки дна, и, как оказалось, не зря: метрах в тридцати из песка торчал большой якорь.

Вернувшись на катер, аквалангист выпустил сигнальную ракету. С «Бесстрашного» — штабного судна экспедиции — немедленно примчался фотограф Дон Кинкайд, которому было поручено снимать все находки. Запечатлев на пленку саблю и мушкеты, он опустился на дно, чтобы выбрать наиболее удачный ракурс для съемки якоря. И… от удивления чуть было не выронил бокс с фотокамерой: прямо перед ним на песке отчетливо виднелись несколько колец массивной золотой цепочки… Еще не веря в удачу, Кинкайд потянул за конец из песка всю цепь целиком. Да какую цепь — два с половиной метра длиной!

В последующие недели команда Фишера обнаружила много серебряных монет, инкрустированные ложки и тарелки, боцманский свисток, исправную бронзовую астролябию, а также дюжину небольших золотых слитков. Не было сомнений, что они напали на след испанского корабля. Но какого? Фишер терялся в догадках. Ни одна из находок не могла пролить на это свет. На грубо отлитых слитках не было ни клейма испанского налогового ведомства, ни цифр, указывающих их вес. К тому же слитки подобного рода не числились в грузовом манифесте ни одного из затонувших галеонов. Следовательно, это была контрабанда, которая с равным успехом могла находиться и на борту «Аточи», и на борту «Санта-Маргариты». Впрочем, Фишер полагал, что, в конце концов, нет большой разницы, следы какого именно галеона они обнаружили. Куда важнее, что теперь появилась возможность восстановить общую картину кораблекрушения.

Судно, по-видимому, наскочило на риф, возле которого Фишер и его товарищи нашли якорь. Причем, повредив корпус, оно затонуло не сразу, а некоторое время дрейфовало по ветру, постепенно разваливаясь и теряя груз на площади в несколько квадратных миль. Следовательно, основные обломки судна находятся дальше к юго-востоку на большей глубине.

Сезон 1972 года не принес ничего нового. С приходом следующей весны аквалангисты возобновили поиски. Сначала тоненькой струйкой потекли серебряные монеты, потом эта струйка превратилась в поток, и, наконец, ныряльщики открыли целые залежи серебра. Монет было так много, что поисковики в шутку окрестили это место «Испанским банком».

4 июля младший сын Фишера, 14-летний Кейн увидел на дне какой-то странный предмет, похожий, по его словам, на «буханку хлеба». Когда «буханку» достали, она оказалась слитком серебра, на котором стояли цифры 569. Сопровождавший экспедицию историк Юджин Лайонз взялся за копии документов из севильского архива: в грузовом манифесте

«Аточи» действительно значился слиток с таким номером! Там же был указан и его вес — 28 килограммов. Как раз столько и весила находка. Итак, все стало на свои места: «Аточа» найдена!

Но извлечь со дна морского сокровища, разбросанные на большой площади да и к тому же занесенные толстым слоем донных осадков, оказалось далеко не просто. В конце концов Фишер пришел к выводу: нужно изготовить большие по размеру «почтовые ящики», которые подавали бы сильные струи для размыва грунта. Для этой цели он приобрел два мощных буксира с огромными гребными винтами. (Они назывались «Северный ветер» и «Южный ветер».) Используя эти буксиры с усовершенствованными «почтовыми ящиками», которые не только перемещали тонны песка, но и намного улучшали видимость под водой, спасатели пошли по следу находок к юго-востоку от места обнаружения якоря галеона. Сначала им попадались обросшие ракушками мушкеты, сабли, свинцовые пушечные ядра. Потом пошли россыпи серебряных монет.

Однажды Дирк Фишер вынырнул на поверхность рядом с «Южным ветром», сжимая в руках круглый предмет. Это была штурманская астролябия, несколько веков пролежавшая на дне. Тем не менее она сохранилась так хорошо, что ею вполне можно было пользоваться и сейчас. Последующие исследования показали, что астролябия сделана в Лиссабоне неким Лопу Оменом около 1560 года. На следующий день аквалангисты подняли два золотых слитка и золотой диск весом четыре с половиной фунта. А 4 июля водолаз Блеф Мак-Хейли, обследовавший края «Испанского банка», наткнулся на маленькие четки из кораллов и золота.

Поиски сокровищ «Аточи» были сопряжены с немалыми трудностями: финансовые проблемы, опасности, неминуемые в подводной охоте, огромная площадь поисков… Однажды, пока «Южный ветер» занимался расчисткой дна, в море со стороны кормы неожиданно появился непрошеный гость. Десятилетний мальчишка попал под винты, прежде чем кто-нибудь успел остановить его. На вертолете его срочно доставили в Ки-Уэст, но в больнице он умер.

Найденные сокровища являлись основным источником средств для текущих расходов: «Аточа» уже дала богатый «урожай». Со дна моря были подняты 11 золотых и 6240 серебряных монет, десять золотых цепей, два кольца, несколько золотых слитков и дисков, золотая чаша для умывания и редкой красоты серебряный кувшин. Кроме того, аквалангисты собрали целый музей старинных вещей: оловянные тарелки и навигационные инструменты, мушкеты, аркебузы, сабли, кинжалы. Археолог Дункан Мэтьюсон фиксировал место находки каждого предмета. Это пролило новый свет на обстоятельства кораблекрушения. Исходя из собранных фактов Мэтьюсон выдвинул новую гипотезу о том, где лежит основной груз «золотого галеона».

С наступлением 1975 года судьба, казалось, наконец-то повернулась лицом к Мэлу Фишеру. Для него это был уже шестой сезон поисков «Аточи». На этот раз «золотой галеон» подарил аквалангистам множество 8-реаловых монет и три золотых слитка. Затем Дирк Фишер, руководствуясь предположениями Мэтьюсона, повел «Северный ветер» на глубину — за островок Квиксэндс, 13 июля 1975 года он в одиночку плавал под водой, осматривая скалистое дно океана. Неожиданно перед Дирком

открылась фантастическая картина — груда позеленевших, похожих на бревна предметов, открыто лежавших на дне, словно кто-то заранее очистил их от наносов. Это были… пять бронзовых пушек с галеона «Нуэстра Сеньора де Аточа»!

— Он вылетел на поверхность с таким отчаянным, как нам показалось, воплем, что мы подумали: на него напала акула, — позже вспоминала жена Дирка Фишера Анхель. — Затем мы услышали слово «пушки!» и тоже дружно завопили от радости.

В тридцати метрах от первой находки были обнаружены еще четыре бронзовые пушки. Все были безмерно счастливы: сокровища «золотого галеона» где-то рядом. Но вместо торжества их ждала впереди самая горестная из потерь…

19 июля Дирк Фишер повел «Северный ветер» назад к Маркесас-Кис, к месту кораблекрушения. На ночь они встали на якорь к юго-западу от островов. Перед самым рассветом буксир вдруг дал течь, накренился и внезапно опрокинулся. Восемь человек команды были сброшены в море, но трое — Дирк и Анхель Фишеры, аквалангист Рик Гейдж — остались в подпалубном отсеке и погибли. Причину трагедии установить не удалось…

Этот страшный удар не сломил Мэла Фишера. Прежде всего он распорядился об охране пушек, которые извлек из глубин веков его сын. «Дирк очень хотел, чтобы они попали в музеи», — впоследствии объяснял он журналистам. Затем Фишер подготовил к работе еще более мощное судно: 180-футовый тендер, который сразу же доказал свою эффективность. Благодаря его винтам, мало чем уступавшим самолетным пропеллерам, расчистка дна пошла намного быстрее.

Лишь начавшиеся зимние штормы заставили Мэла Фишера объявить очередной перерыв в поисках. Это уже стало привычным графиком: три-четыре месяца зимнего отдыха, а с приходом весны возобновление работ по подъему драгоценного груза «Аточи». Впрочем, выпадали недели и даже месяцы, когда стрелки магнитометров не подавали признаков жизни, а ныряльщики возвращались с пустыми руками. И если бы не настойчивость Фишера, «Трэжерс Сэлворз» наверняка свернула бы свои операции. Тем более что компания вступила в очередную полосу финансовых трудностей. Миллионы, которые Фишер поднял со дна моря, ушли на погашение кредитов и уплату налогов. Порой у него не было денег даже на то, чтобы купить горючее для поисковой флотилии.

Долгожданное событие произошло летом 1980 года, когда аквалангисты напали на многообещающий след в нескольких милях к востоку от предполагаемого места гибели «Аточи». Сильный всплеск магнитометра показал наличие на дне крупных металлических предметов. Ими оказались еще один якорь и медный котел. Затем поблизости была обнаружена груда балластных камней, а также изделия из керамики и россыпь монет. А дальше… Дальше перед ныряльщиками открылось просто фантастическое зрелище: полоса морского дна длиной четыре тысячи футов была буквально устлана золотом и серебром. Но — какая ирония судьбы — судя по номерам на слитках, это был груз не с «Аточи», а… с другого погибшего в тот день галеона, «Санта-Маргариты». Сокровища «Аточи» еще предстояло найти…

Стоимость найденных сокровищ составила около 20 миллионов долларов, и это позволило Фишеру на следующий год вновь вернуться к поискам «Аточи». Археолог Мэтьюсон, фиксировавший в своих записях каждую, даже самую мельчайшую находку, подсчитав поднятые со дна моря трофеи и сопоставив их с грузовым манифестом «Аточи», пришел к однозначному заключению, что основная часть ценностей пока не обнаружена.

Минуло еще пять дет. И вот, наконец, весной 1985 года ныряльщики подняли со дна моря 414 серебряных дублонов, 16 брошей с изумрудами и несколько золотых слитков. Восторгам не было предела. Но в течение следующих полутора месяцев не было сделано вообще ни одной находки! Мэл Фишер терялся в сомнениях: может быть, они опять не там ищут? Может быть, линия дрейфа «Аточи» выглядела совсем по-другому и они отклонились от нее в сторону?

Утром 20 июля магнитометр поискового катера зарегистрировал наличие под водой значительной кассы металла. Дежурившие в тот день аквалангисты Энди Матроски и Грег Уэрхем не мешкая отправились под воду. На глубине восемнадцати метров Энди заметил на песке тусклые светлые пятнышки. Рядом высилась обросшая водорослями глыба — прямо-таки подводная скала в миниатюре. «Откуда она взялась на ровном дне?» — удивился Матроски. Знаками он подозвал товарища, у которого был ручной металлоискатель. Стоило Уэрхему поднести щуп к загадочной глыбе, как в наушниках раздался пронзительный вой. По выражению его лица Матроски догадался, что загадочный объект таит в себе какой-то сюрприз. На всякий случай он осторожно поскреб «камень» ножом. На коричнево-зеленом фоне заблестела, узкая серебряная полоска. То, что казалось обломком скалы, в действительности было нагромождением спекшихся серебряных слитков…

От восторга Матроски и Уэрхем заключили друг друга в объятия прямо под водой. «Мы напали на коренную жилу!» — в один голос прокричали они, вынырнув у борта «Южного ветра». Это известие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все, кто находился на судне, расхватав маски и акваланги, посыпались в воду.

На этот раз сомнений не было: здесь, в сорока милях от Ки-Уэста и в десяти от архипелага маленьких коралловых островков Маркесас-Кис, лежала главная часть груза галеона «Нуэстра Сеньора де Аточа». Причем судьба распорядилась так, чтобы его нашли ровно через десять лет — день в день — после трагической гибели Дирка Фишера…

— В тот день больше никто не стал опускаться под воду. Мы еще раз помолились за близких всем нам людей, которые отдали жизни, чтобы приблизить этот успей. Ну а потом началась обычная рутинная работа, — вспоминает Мэл Фишер. — С утра до вечера мы поднимали слитки серебра. Их оказалось так много, что пришлось приспособить для этого проволочные корзины, позаимствованные в одном из универсамов Ки-Уэста. Когда позднее, уже в штаб-квартире нашей фирмы «Трэжерс Сэлворз», мы подсчитали «улов», то сами с трудом поверили результатам: 3200 изумрудов, сто пятьдесят тысяч серебряных монет и свыше тысячи слитков серебра весом в среднем около сорока килограммов каждый.

В результате многолетних работ экспедиция Фишера подняла с морского дна драгоценностей на сумму 250 млн. долларов. Приблизительная сумма еще остающихся под водой сокровищ «Аточи» оценивается не менее чем в 100 млн. долларов. Находка «Нуэстра Сеньоры де Аточа» подхлестнула интерес к поискам подводных кладов. В мировой печати замелькали новые сообщения о найденных и ненайденных «золотых кораблях». Сегодня подсчитано, что общее число судов, затонувших с сокровищами на борту, превышает тысячу. А по оценке американского бизнесмена Гарри Ризберга, общая стоимость сокровищ, покоящихся на дне морей и океанов, составляет около 600 миллиардов долларов США. На поверхность поднято всего 10–15 процентов этих несметных богатств.

Золото манильского галеона

К концу XVI века испанские капитаны открыли и обозначили на картах Филиппинские, Марианские, Каролинские и Маркизские острова, остров Новая Гвинея, острова Санта-Крус и Соломоновы, Гавайи, острова Уэйк и Гуам, Иво-Шима, Новые Гебриды и остров Гуадалканал, острова Гилберта и Маршалловы, Галапагосские, Хуан-Фернандес, Флорес и Бикини, Торресов пролив. В XVII веке могущество Испании стало угасать, но она все еще продолжала удерживать за собой пальму первенства в тихоокеанском регионе. Этому не могли помешать отдельные экспедиции английских и голландских моряков. Несмотря на их пиратские набеги, на всей обширной акватории Тихого океана доминировали испанцы.

Испанская эпоха на Тихом океане длилась целых 250 лет и ознаменовалась, помимо прочего, созданием первого в истории регулярного морского сообщения, соединившего берега величайшего океана, которое обеспечивалось знаменитыми «манильскими галеонами».

Между 1565 и 1569 годами испанский первопроходец Мигель де Легаспи завоевал обширный тихоокеанский архипелаг, назвав его Филиппинами — в честь испанского монарха Филиппа II. Острова стали главным владением Испании в Тихом океане. Этот архипелаг более трех столетий — до 1898 года — принадлежал Испании. Главный город Филиппин — Манила — служил базой для испанских галеонов, курсировавших через Тихий океан в мексиканский порт Акапулько.

Первый рейс в Мексику был совершен в 1573 году, последний — в 1811-м. Галеоны, водоизмещение которых иногда достигало двух тысяч тонн, проектировались в Испании, а строились на Кавитских верфях к юго-западу от Манилы из твердых тропических пород древесины, способной выдержать тяжелые условия перехода через океан. Маршрут из Акапулько в Манилу, который проходил по курсу движения пассатов, занимал два месяца. Обратный путь из Манилы в Акапулько был дольше и опаснее. Для того чтобы совершить этот переход, необходимо было идти на север почти до широты Японии, чтобы поймать западные ветры, а затем повернуть в направлении Мексики и идти через океан с его штормами и тайфунами. Путь в оба конца составлял около 18 тысяч морских миль.

Почти два с половиной столетия галеоны курсировали в обоих направлениях с завидной регулярностью. Манильские галеоны обеспечивали сообщение не только с Азией и Латинской Америкой, но и с Европой, так как их движение было скоординировано с движением

кораблей испанского флота в Атлантическом океане, курсировавших между Испанией и Центральной Америкой. Сотни кораблей, бороздивших воды трех океанов, создавали уникальную транспортную сеть, которая связывала три континента.

Манила стала одним из центров мировой торговли. Через нее проходили грузы, идущие транзитом либо в Китай, либо через Китай из Японии, с островов Борнео и Ява, с Молуккских островов, из Индии, Цейлона, Сиама, Камбоджи и Малайзии. Галеоны приходили в Манилу, чтобы заполнить свои трюмы товарами, приводившими в восхищение европейцев: золотом, жемчугом, сапфирами из Сиама, слоновой костью, лаковой посудой, китайским шелком и фарфором, янтарем, сандаловым деревом, камфорой и нефритом, мускусом, корицей, гвоздикой, перцем и карри.

Частые рейсы галеонов не обходились без потерь. По мнению сотрудников Национального музея Филиппин, много кораблей нашли конец в коварных проливах центральной части архипелага и более 40 — у других островов. Например, в 1750 году галеон «Пилар» пошел ко дну близ берегов Филиппин вместе с двумя миллионами песо на борту. В 1802 году погиб галеон «Ферролена» с грузом золота и серебра…

Первой поисково-исследовательской группой, приступившей к поиску мест гибели галеонов, стала компания «Тихоокеанские морские ресурсы». Началу работ в море предшествовала двухгодичная предварительная работа в архивах Испании, Италии, Мексики, США и Филиппин. Были просмотрены тысячи страниц донесений, отчетов, записок и воспоминаний, судовых деклараций. Так из старинных документов выплыла на свет история гибели галеона «Нуэстра Сеньора де ля Консепсьон» — на то время самого большого испанского корабля с грузом в четыре миллиона песо…

Галеон потерпел крушение 20 сентября 1638 года, направляясь из Манилы в Акапулько с грузом шелка, фарфора, изделий из слоновой кости и драгоценностями, среди которых были блюдо и набор кувшинов из чистого золота, подаренные испанским королем японскому императору. Трагедия произошла спустя месяц после отплытия из Манилы, у южного берега острова Сайпан — второго до величине среди Марианских островов.

Подробности гибели галеона стали известны из судебного дела, возбужденного торговцами Манилы против коррумпированного губернатора Коркуэра и представителей таможни.

В 1636 году только что назначенный таможенный агент по имени Кирога с особой тщательностью проверял манильские галеоны с целью выяснить, перевозят ли торговцы Манилы какие-либо грузы помимо зарегистрированных. Недовольные торговцы, нарушавшие правила, отплатили тем, что отказались предоставлять декларации о перевозимых грузах. Между тем известно, что хронической болезнью манильских галеонов являлась перегрузка. Поскольку благосостояние всей колонии часто зависело от успешного рейса корабля, снаряжаемого всего лишь раз в году, соблазн перегрузить его был непреодолим. Галеон «Нуэстра Сеньора де ля Консепсьон» не являлся исключением: он был забит до отказа. Товары были искусно спрессованы, упакованы и буквально втиснуты на предназначенные места. Даже многотонные пушки были

убраны в трюмы, чтобы освободить место для товаров на палубах. Сотни кувшинов с пресной водой висели над головами моряков и пассажиров, плотно привязанные к такелажу.

Документы подтверждают наличие на корабле и некоего тайного груза. Среди 59 обвинений, выдвинутых против губернатора Коркуэра во время официального расследования в 1644 году, было и такое, что губернатор отправил на «Консепсьоне» изделия из золота и драгоценных камней, полученные в качестве взяток. Коркуэр также обвинялся в том, что назначил своего племянника Хуана Франсиско капитаном корабля, чтобы он присматривал за добром губернатора.

По словам обвинителя, именно последнее обстоятельство привело к потере корабля. Уже через несколько дней после выхода в рейс команда потеряла всякое уважение к капитану и перестала ему подчиняться. На галеоне поднялся мятеж, во время которого многие были убиты и ранены. Кораблем никто не управлял, а между тем поднялся шторм. Поскольку паруса не были убраны, сильный ветер сломал мачты и вместе с порванным такелажем сбросил их за борт. Ветер и течение сбили корабль с курса и выбросили его на рифы Сайпана. Спаслось лишь несколько человек. Часть груза была извлечена из прибрежных вод островитянами. В 1684 году испанская поисковая экспедиция обнаружила и подняла 35 из 36 пушек и 7 из 8 якорей. Оставшиеся части галеона и груз разбросало вдоль подножия рифов или вынесло на большие глубины…

Поисковый корабль «Тенгар» подошел к Сайпану в марте 1987 года и бросил якорь в ста метрах от его юго-западного берега. В течение двух лет на месте гибели галеона велись работы, во время которых было обследовано все южное и юго-западное прибрежное дно острова Сайпан на глубине от одного до ста двадцати метров. Команда исследователей состояла из 30 человек семи национальностей — китайцев, малайзийцев, сингапурцев, филиппинцев, австрийцев, англичан и американцев. За время поисков остатков галеона команда совершила более 10 тысяч погружений — при этом без единой серьезной неудачи. Для обследования дна на глубинах, недоступных аквалангистам, «Тенгар» имел двухместный водолазный колокол. Также использовался робот с видеокамерой, управляемой с поискового корабля. А там, куда не могли спустить колокол, применяли обитаемый подводный аппарат, вмещавший двух пилотов и наблюдателя. Данные глубоководных исследований удостоверили, что обломки крушения сбросило с рифа до глубины 80 метров.

Первые три недели погружений принесли исследователям лишь черепки и разбросанные в разных местах на большом расстоянии друг от друга скопления балластных камней, да и те в небольшом количестве. Около 350 лет тайфуны разрушали остатки затонувшего корабля, но аквалангисты, набравшись терпения, почти шестым чувством угадывали, где покоились перевозимые галеоном предметы. Угроза тайфунов препятствовала проведению работ с июля по декабрь, но уже в течение первый шести месяцев было обнаружено практически все, что осталось от галеона.

Первые золотые находки стали попадаться ныряльщикам в начале второго сезона работ. Сперва был найден фрагмент золотого блюда ручной работы. На нем была изображена женщина в струящемся платье с вазой с

цветами. В левой руке она держала букет роз. Маленькая собачка прыгала у ее ног. Цветочный орнамент украшал изделие по краям.

Впоследствии были найдены и другие осколки этого блюда. Согласно документам Севильского архива по делам Индии, галеон перевозил на своем борту блюдо из чистого золота и набор кувшинов — подарок короля Испании японскому императору. Во время официального расследования гибели галеона испанские власти обвинили губернатора Манилы Коркуэра в незаконном присвоении этих предметов и их возвращении в Испанию в качестве личного груза губернатора.

Золотое блюдо с женщиной было важной находкой, но были и другие, которые впечатляли гораздо сильнее. Так, ныряльщик Энт Навин нашел маленькую золотую туфельку, инкрустированную алмазами и бриллиантами. В туфельке могли храниться духи или другая парфюмерия. Повезло и Майклу Флэкеру, который поднял 32 золотые цепи, каждая из которых была по полтора метра длиной. Все цепи лежали вместе и были скручены золотой проволокой. Они были погребены под двумя метрами осадков под узким выступом так, что его руки с трудом смогли до них дотянуться. Всего же аквалангисты подняли со дна морского более 1300 золотых ювелирных изделий: цепи, кресты, четки, пряжки, филигранные пуговицы, кольца и броши с драгоценными камнями. Некоторые из менее ценных находок с галеона также были очень интересны — например, 156 кувшинов для хранения пищевых продуктов, найденных на глубинах от 45 до 60 метров. Реставраторы тщательно исследовали содержимое кувшинов. В двух из них была застывшая ароматическая смола, в других лежали мелкие кости. На кувшинах были выгравированы имена владельцев или испанские и китайские символы, указывающие на их содержимое: соль, уксус, селитра, вино. Но большинство кувшинов содержало питьевую воду, так как манильские галеоны на своем пути не делали остановок по пять — восемь месяцев.

За долгие века пребывания на морском дне многие предметы обросли кораллами. Так, например, один кусок коралла в действительности содержал 564 изделия — стеклянные бусины китайского происхождения, керамические черепки, фрагменты листового золота, две серебряных рукоятки от шпаг и бронзовые китайские весы, использовавшиеся, вероятно, для взвешивания драгоценных камней. Некоторые предметы были сугубо личными. Так, на поверхности маленького золотого гребня можно было разобрать надпись «год 1618» и имя «Донья Каталина де Гусман». Архивные поиски выявили, что эта женщина в 1634 году была вдовой и жила в Маниле. Находилась ли она на борту затонувшего корабля? Никто этого уже не скажет…

Находки, нанесенные на археологические карты, позволили воссоздать картину гибели корабля. По-видимому, галеон несколько раз ударился о риф и, распоров днище, потерял балласт, а затем постепенно распадался на части и терял свое содержимое вдоль всего рифового барьера. Кормовую надстройку корабля вынесло на мелководье, а центральная часть корпуса с ахтердеком была подхвачена течением и отнесена на глубоководье, где они, заливаемые водой, опустились на дно, унеся несколько десятков человеческих жизней…

Сокровища «золотого корабля»

…Это был необычный рейс. В 1512 году флагман португальской эскадры «Флор де ла мар» отплыл из султаната Малакка, находившегося на юго-западном побережье Малаккского полуострова. На борту «Флор де ла мар», входившего в состав португальской эскадры под командованием завоевателя Малакки адмирала Альфонсу д'Албукерки, находились сокровища султанов Малакки, а также богатства, захваченные конкистадорами в Африке и на Аравийском полуострове, в Индии и Сиаме.

Последний рейс «Флор де ла мар» продолжался недолго. Почти сразу после отплытия, попав в сильный шторм, судно наскочило на риф и затонуло, на многие столетия став манящей легендой для кладоискателей. Отлитые из золота скульптурные изображения слонов, тигров, обезьян, украшения из драгоценных камней, китайский фарфор и другие сокровища с португальского корабля, стоимость которых, по оценкам специалистов, может составить миллиарды долларов, до сих пор лежат на дне Малаккского пролива у берегов Индонезии.

Легенды о сокровищах, потерянных в этом районе земного шара, столетиями будоражат воображение искателей сокровищ. Только вблизи берегов Индонезии, по мнению историков, воды скрывают богатства сотен потерпевших крушение судов. Они везли из Китая и бывших колоний пряности, фарфор, ткани, изделия из драгоценных металлов и многое другое. Корабли тонули во время штормов, разбивались о рифы, становились добычей пиратов.

А в 1991 году весь мир облетело сенсационное сообщение о том, что на дне Малаккского пролива в 8 км от северо-восточного побережья острова Суматра под 18-метровым слоем песка и ила обнаружены останки затонувшего почти 500 лет назад португальского корабля с несметными сокровищами на борту. Сообщения о найденном месте крушения «Флор де ла мар» не сходили со страниц печати Индонезии и ряда соседних стран.

В районе предполагаемой находки, куда немедленно устремились местные охотники за подводными кладами, корабли ВМС Индонезии вели круглосуточное патрулирование с целью пресечь несанкционированные попытки поднять с морского дна сокровища, аукционная стоимость которых, по некоторым оценкам, может составить около 9 миллиардов долларов, что составляет почти треть годового бюджета Индонезии.

Поиски «Флор де ла мар» вела в течение двух лет индонезийская компания «Джаятама истикачипта» с разрешения правительства этой страны. Эти поиски обошлись компании в 10 миллионов долларов. Однако ее владельцы были готовы вложить еще столько же в подъем сокровищ с морского дна, рассчитывая, что выручка от продажи ценностей с аукциона составит 7–9 млрд. долларов. По условиям контракта, половина добытых сокровищ должна была достаться правительству Индонезии, при этом предметы, представляющие историческую ценность, должны были быть возвращены правительству Малайзии.

Между тем до сих пор еще нет полной уверенности в том, что старинные монеты, нож, балластовые камни и другие находки, поднятые поисковой группой с морского дна у берегов Суматры, которые послужили основанием для сенсационных заявлений об обнаружении останков «Флор де ла мар», действительно были частью драгоценного груза «золотого

корабля». Не исключено, что они находились на борту других кораблей португальской эскадры, которые, как полагают, напоролись во время шторма на рифы у берегов Суматры и пошли на дно вместе с «Флор де ла мар». Да и сам владелец «Джаятама истикачипта» признал, что представитель компании в Сингапуре явно поторопился с сенсационным заявлением, которое было тут же подхвачено информационными агентствами.

Сообщения об обнаружении места гибели «Флор де ла мар» вызвали новую волну интереса к поиску подводных сокровищ. В министерство иностранных дел Индонезии со всего мира посыпались предложения о сотрудничестве в поисках этих богатств, а полиция и береговая охрана с досадой отметили небывалый наплыв в эти места любителей подводных видов спорта.

В дележе сокровищ «Флор де ла мар» поспешили принять участие и кладоискатели из других стран. Одна из австралийских археологических экспедиций объявила, что завершила переговоры с представителями правительств Индонезии и Малайзии о подъеме груза с португальского корабля. А в Гонконге некий итальянец Бруно де Винсентис, в свою очередь, заявил, что его переговоры с индонезийскими и малайзийскими властями находятся на завершающей стадии. «Мы надеемся отыскать сокровища, хотя это будет довольно дорогостоящее предприятие, — сказал Бруно де Винсентис. — Нас вдохновляет то, что среди обломков „Флор де ла мар“ находится, возможно, самый большой клад в мире».

Но индонезийские власти не спешат идти навстречу кладоискателям. «Мы пока никому не давали разрешений на подводные исследования», — заявили представители правительства. В соответствии с международным правом, найденные ценности должны быть поделены между тремя сторонами: страной, которой принадлежал корабль, страной, в чьих территориальных водах найдены сокровища, и теми, кто их нашел. Глава индонезийского Управления археологических исследований отметил в этой связи, что его стране не хватает опыта для проведения таких работ.

Озабоченность индонезийцев можно понять, если вспомнить события относительно недавнего прошлого, когда группа авантюристов нелегально подняла с затонувшего в районе Молуккских островов корабля множество антикварных предметов, которые затем были проданы на европейских аукционах за миллионы долларов. То, что им не удалось поднять, было варварски уничтожено. А в 1990 году в районе острова Бинтан, где, как полагают, находятся обломки пяти затонувших кораблей, были задержаны одиннадцать иностранцев. По мнению полиции, эта группа, в которую входили американцы, австралийцы и англичане, занималась незаконными поисками сокровищ.

Подводные сокровища у берегов Индонезии не дают покоя многим. При этом одни озабочены, как ими завладеть, другие тем, как их сохранить. Борьба идет с переменным успехом. Да и можно ли вообще говорить о надежной охране мест кораблекрушений, если в водах Малаккского пролива до сих пор действуют пираты? Так что история «Флор де ла мар» может иметь самый неожиданный конец.

Счастливчик Уэббер, нашедший «Консепсьон»

В длинном перечне находок, извлеченных из глубин морей и океанов, одну из верхних строчек занимают сокровища испанского галеона «Консепсьон», потерпевшего кораблекрушение у острова Гаити (Эспаньолы). Об их исключительной художественной ценности свидетельствует хотя бы то, что большая часть ожерелий, подвесок, браслетов, изготовленных безвестными индейскими мастерами в Новом Свете, была выставлена на продажу у «Тиффани», в самом дорогом ювелирном магазине на Пятой авеню в Нью-Йорке.

На протяжении трех веков галеон «Нуэстра Сеньора де ла Пура и Лампиа Консепсьон» был легендой, неудержимо манившей искателей подводных кладов: ведь на нем находился, если верить архивам, «самый богатый груз, когда-либо отправлявшийся из Вест-Индии». Построенный в 1620 году, «Консепсьон» много раз пересекал Атлантику в составе «золотого» и «серебряного» флотов, перевозивших в Испанию сокровища Нового Света. В 1641 году он отправился в свое последнее плавание. Его трагический финал был предрешен заранее, ибо явился результатом цепи роковых ошибок.

Все началось с того, что в Веракрусе испанской эскадре пришлось долго ждать, пока будет доставлено серебро, добытое в колониях за истекший год, и отчеканенные из него монеты. Поскольку трюмы «Консепсьона» не смогли вместить весь груз, часть сундуков разместили на верхней палубе. Капитан галеона пробовал возражать — из-за увеличившейся осадки корабль стал плохо слушаться руля, к тому же пушечные портики опустились к самой воде и даже при небольшом волнении могли послужить причиной катастрофы. Но руководивший отправкой «серебряного» флота наместник испанского короля просто-напросто отмахнулся от протестов капитана.

Месячная задержка в Веракрусе осложнила предстоящий переход через океан: были пропущены все сроки относительно безопасного плавания в Западной Атлантике, где с приходом осени нередки свирепые штормы и ураганы. Тем не менее в начале сентября эскадра из 26 галеонов под командованием адмирала Хуана де Вилья Винсенсио, державшего свой вымпел на «Консепсьоне», вышла в Мексиканский залив.

Первый этап плавания прошел без особых происшествий, если не считать порванных парусов. После непродолжительной стоянки в Гаване для ремонта такелажа, эскадра покинула Кубу и вскоре у побережья Флориды попала в жестокий шторм, выбросивший несколько галеонов на отмели и рассеявший остальные. «Консепсьон», изрядно потрепанный гигантскими волнами, перекатывавшимися даже через его пятнадцатиметровой высоты корму, отделался потерей почти всех мачт. О том, чтобы следовать через Атлантику, не могло быть и речи. Поэтому адмирал Хуан де Вилья Винсенсио принял решение идти в Пуэрто-Рико. Однако отвечавшие за прокладку курса штурманы ошиблись. К исходу третьей недели плавания они потеряли представление о том, где находится их корабль. Одни полагали, что на траверзе восточной оконечности Кубы, другие утверждали, что галеон уже неподалеку от Пуэрто-Рико. Вопреки предложению адмирала двигаться дальше на восток штурманы настояли на том, чтобы повернуть на юг. Это привело к трагическим последствиям: в конце концов «Консепсьон» очутился в изобиловавших рифами и банками

прибрежных водах Эспаньолы. Увы, адмирал был бессилен что-либо изменить. По существовавшим в те времена на испанском флоте правилам навигаторы, относившиеся к торговому ведомству, не подчинялись флагману.

Спустя неделю галеон наскочил на риф. Его корма застряла между двумя огромными коралловыми массивами, а нос погрузился под воду. И все же адмирал попробовал спасти «Консепсьон». Он приказал сбросить в море закрепленные на верхней палубе сундуки с серебром. Когда нос корабля обрел плавучесть, на воду спустили единственную большую шлюпку, чтобы попытаться снять галеон с рифа. Возможно, с помощью буксира он вырвался бы из коралловой западни, если бы не налетевший в ночь на 1 декабря тропический ураган, «Консепсьон» затонул, а из 514 членов экипажа и пассажиров спаслись лишь 190. Остальные захлебнулись в бушующем прибое или были разбиты волнами о коралловые рифы.

Гибель флагманского корабля «серебряного» флота явилась для испанской казны, пожалуй, самой крупной потерей на море в XVII веке. Оставшийся в живых адмирал Хуан де Вилья Винсенсио предстал перед судом, на котором в качестве свидетелей выступили уцелевшие члены экипажа. Их показания, занявшие 2000 листов, спасли адмирала от сурового наказания. Все свидетели были настолько единодушны в положительной оценке действий дона Хуана, что суд вынес ему оправдательный приговор.

Но вот судьба драгоценного груза «Консепсьон» сложилась неудачно. Многочисленные экспедиции, посылавшиеся королем Испании для его подъема, оказались безрезультатными. Лишь в 1687 году, через 45 лет после катастрофы, молодой массачусетский корабел Уильям Фипс, страстный кладоискатель, сумел найти место кораблекрушения. С помощью индейцев племени лукейя, промышлявших ловлей жемчуга, ему удалось достать со дна почти тридцать тонн серебра. Судя по сохранившимся в Веракрусе документам, это составляло чуть больше десятой части груза «Консепсьон».

Несмотря на заманчивые предложения — а в них не было недостатка, — Фипс хранил в тайне координаты рифа, возле которого затонул испанский галеон. Во время своих экспедиций он сам прокладывал курс судна, так что ни команда, ни ловцы-индейцы не знали, где именно оно бросало якорь. Поэтому после его смерти Серебряная отмель, как стало именоваться это место, вновь оказалась потерянной.

Почти два столетия «Консепсьон» оставался недосягаемым для многочисленных охотников за сокровищами. В экспедициях, снаряжавшихся на его поиски, участвовали английский автогонщик Малкольм Кэмпбелл и археолог-маринист Эдвин Линк, известный французский специалист-подводник князь Александр Корганов и «король морских глубин» Жак-Ив Кусто. Вполне возможно, что кто-то из них проходил над Серебряной отмелью — островерхим коралловым рифом, предательски прячущимся под самой поверхностью моря в 85 милях от Гаити. Но рассеянные по большой площади обломки галеона, к тому же погребенные под толстым слоем песка и обросшие кораллами, упорно ускользали от поисков.

Со временем «серебряный» галеон стал считаться чем-то вроде своеобразного «подводного Эвереста»: найти «Консепсьон» значило доказать свое высочайшее мастерство. Однако, хотя приз оценивался цифрой со многими нулями, новички-любители даже не пытались вступать в борьбу за него, оставляя это труднее дело профессионалам. Впрочем, и среди последних находилось все меньше желающих тратить время и деньги на поиски призрачного клада. В числе немногих, рискнувших отправиться в кишевшие акулами тропические воды, был американец Берт Уэббер.

В детстве он зачитывался книгами о подводных сокровищах, а для закалки часами нырял в холодной речке, протекавшей возле его дома в Эннвилле, штат Пенсильвания. Затем, когда отец купил Берту акваланг, подросток перебрался в затопленные каменоломни. В шестнадцать лет вместо колледжа он поступил в школу подводного плавания в Майами. «После окончания мне предлагали работу в компании, занимавшейся разведкой нефти на шельфе, но я предпочел отправиться в экспедицию, которую организовал Артур Макки из Музея морской археологии во Флориде, — рассказывает Уэббер. — Конечно, я мечтал о том, как буду находить затонувшие корабли с трюмами, набитыми золотом и драгоценностями. Но когда дело дошло до практики, я понял, что этому едва ли суждено когда-нибудь сбыться. По крайней мере у Макки. Главная причина неудач заключалась в никудышной предварительной подготовке, а точнее в ее отсутствии. Фактически мы ныряли наобум. Поэтому и результаты были невелики. Зато сам процесс поисков увлек меня, хотя приходилось переворачивать тонны песка и камней, прежде чем попадалось что-нибудь стоящее. В конце концов, несмотря на возражения родителей, я все же решил остаться профессиональным морским кладоискателем».

Нельзя сказать, чтобы избранная Уэббером профессия сделала его богачом. Поэтому в промежутках он брался за любую работу на суше, чтобы прокормить жену и четырех детей. Так продолжалось не один год, пока его друг и сподвижник Джим Хаскинс не подал мысль заняться поисками «Консепсьона». Причем решающим доводом явилось то, что их предшественник Фипс, судя по дошедшим свидетельствам, не обнаружил корму судна, в которой должны были находиться основные ценности.

Предложение выглядело заманчиво, и Уэббер всерьез занялся им. В течение четырех лет он вместе с Хаскинсом прочесывал один архив за другим в поисках следов «Консепсьона»: морской музей в Мадриде, Британский музей, наконец, Генеральные архивы Индии в Севилье, где хранились отчеты о всех плаваниях и кораблекрушениях судов, перевозивших слитки золота и серебра из испанских колоний. «Чем больше я анализировал записи, тем больше убеждался, что успех возможен, — вспоминает Уэббер. — Деньги на экспедицию удалось занять у одного чикагского банкира. После этого я добился у правительства Доминиканской республики исключительного права на поиски „серебряного“ галеона в обмен на половину сокровищ, если они будут найдены. И все-таки самым важным было то, что мне достали листы аэрофотосъемки прибрежных акваторий Гаити. Море там прозрачное, и поэтому хорошо просматриваются подводные рифы и банки. Покорпев месяц над дешифровкой аэрофотоснимков, я нанес на карту „подозрительные“ места,

где скорее всего мог лежать остов „Консепсьона“. Оставался сущий пустяк — разыскать его».

В 1977 году Уэббер отправился к берегам Гаити. В течение пяти месяцев тщательно подобранная им группа аквалангистов квадрат за квадратом обследовала акваторию. Они встретили обломки тринадцати судов, нанесли их местонахождение на карту и передали доминиканским властям. Но вот никаких следов галеона так и не обнаружили. Тем не менее это не обескуражило Уэббера: главное, что его команда доказала свое профессиональное мастерство. По возвращении в Чикаго он основал фирму «Сиквест интернэшнл» для продолжения поисков «Консепсьона».

Если под водой кладоискатели не могли похвастаться большими успехами, то на суше дело сдвинулось с мертвой точки. Выехавший в Испанию Хаскинс познакомился там с канадской исследовательницей Викторией Степплз-Джонсон, которая по заданию профессора Питера Эрла из Лондонской школы экономики собирала материалы для монографии о «серебряном» флоте 1641 года.

«Я сразу же связался с Эрлом. Как знать, вдруг у него найдется какая-нибудь зацепка, которой недостает нам, — рассказывает Уэббер. — И надо же, оказалось, что у профессора есть ключ к тайне „Консепсьона“, о котором он и не подозревал — вахтенный журнал судна „Генри“, участвовавшего в экспедиции Фипса. Я тут же вылетел в Англию. Представьте мое волнение, когда профессор Эрл вручил мне копию этого документа и я с трудом прочитал написанный старинными буквами текст:

„Журнал нашего путешествия начинается с Божьей помощью в 1686 году на борту корабля „Генри“ под командованием Френсиса Роджерса, направляющегося к банке Амброзия, что к северу от острова Эспаньола, в компании с „Джеймсом и Мери“ под командованием капитана Уильяма Фипса на поиски затонувшего испанского галеона, в чем да поможет нам Бог“.

Дело в том, что Фипс отправил „Генри“ первым к месту кораблекрушения. Судно „Джеймс и Мери“, которым командовал он сам, прибыло туда позже, и его вахтенный журнал описывает не само обнаружение обломков, а операцию по извлечению груза „Консепсьона“. Но и это еще не все. Этот документ, писавшийся Фипсом, стал настольной книгой для кладоискателей. Журнал же „Генри“ остался неизвестным, поскольку вскоре после смерти Фипса таинственно исчез. Профессор Эрл случайно наткнулся на него в частной библиотеке лорда Рамни. Кто-то из его предков собирал раритеты и купил у слуги покойного капитана „никому не нужную“, как тот думал, рукопись. Так она и пролежала в имении лорда больше двухсот лет.

Когда я дочитал вахтенный журнал „Генри“ до конца, то понял, что в 1977 году мы крейсировали над тем самым местом, где затонул „Консепсьон“. Но поскольку он был слабой мишенью для нашей магнитометрической аппаратуры, мы его не обнаружили», — поясняет Уэббер.

По счастливому совпадению, в это же время канадская фирма «Вэриан ассошиэйтс» сконструировала портативный магнитометр на цезии. Берт Уэббер несколько лет состоял в ней консультантом, и ему предложили испытать новый прибор «в поле». Его главное достоинство, помимо

небольших габаритов, заключалось в высокой чувствительности. Он регистрировал наличие металла даже под трехметровым слоем песка.

Хотя «Сиквест интернэшнл» числилась в безнадежных должниках, Уэбберу всеми правдами и неправдами удалось поручить кредит на 450 тысяч долларов. «Теперь уже действительно в последний раз», — было категорически сказано ему.

«У меня просто не было другого выхода, как найти „Консепсьон“, — вспоминает Уэббер. — Может быть, именно безвыходность сыграла решающую роль. Во всяком случае, на пятый день по прибытии в район поисков мы могли праздновать победу: „серебряный“ галеон сдался на милость моей команды. Правда, перед этим нам пришлось изрядно поволноваться. Наш предшественник Фипс считал, что кораллы поглотили кормовую часть судна, закрыв доступ к основным сокровищам. Когда же мы обследовали риф с помощью магнитометра, то поняли, что ее здесь вообще нет.

Но это не повергло нас в отчаяние. Взяв за исходную точку злополучный риф, мы стали описывать вокруг него расширяющиеся концентрические круги, — продолжает Берт. — В подобных случаях нужна особая зоркость, чтобы не пропустить даже самые малозаметные следы. Это может быть железная скоба или шкив от снасти, какой-нибудь предмет обихода, например, винная бутылка, обросшая кораллами и поэтому утратившая свою привычную форму. Вот по таким мелочам мы и вышли на главный объект поисков.

Видимо, во время катастрофы шторм разломил „Консепсьон“ на две части. Волны перебросили корму и протащили примерно на 120 метров, прежде чем она опустилась на дно кораллового каньона. Даже вблизи ее совершенно не было видно, и я обнаружил останки галеона только благодаря магнитометру. После этого каждый последующий день напоминал рождественские праздники. „Консепсьон“ преподносил нам все новые и новые подарки: серебряные монеты, датированные 1640 годом; две уникальные золотые цепи, сделанные скорее всего в Китае; фарфоровые чашки в поразительно хорошем состоянии, изготовленные в эпоху династии Мин, пересекшие Тихий океан через Филиппины и вывезенные через Мексику на спинах мулов; всевозможные золотые украшения, посуда из майолики и многое, многое другое, — рассказывает Уэббер. — Но и попотеть, если это возможно под водой, пришлось изрядно. Ведь только кораллов мы сняли больше 300 тонн»…

Между прочим, подводные работы, продолжавшиеся 11 месяцев, позволили раскрыть любопытную тайну испанских негоциантов XVII века. Из глубокой расселины аквалангисты извлекли остатки старинного сундука с двойным дном, под которым лежал толстый слой серебряных монет. Это было наглядным свидетельством тогдашней контрабанды. Кстати, позднее среди трофеев обнаружились и фальшивые монеты, отчеканенные в Новом Свете. Но, конечно, главной добычей экспедиции Берта Уэббера было серебро, и в слитках, и в монетах. Его удалось поднять со дна около 32 тонн стоимостью примерно в 14 миллионов долларов. Вкупе с тем, что когда-то достал Фипс, это составляет лишь пятую часть груза «серебряного» галеона. Остальные сокровища еще ждут своего часа.

Золото «Непобедимой армады»

…Гонимый холодным северным ветром галеас, идущий вдоль восточной оконечности Ирландии, отчаянно борется со стихией. Огромные волны разбили его руль, и теперь он рыскает и крутится в провалах между валами, дрейфуя в сторону скрывающихся во мраке скал по правому борту. Впереди, не далее чем в тридцати милях, лежит западное побережье Шотландии. Еще немного — и «Хирона» будет в безопасности. Гребцы борются с ветром, непрестанно взмахивая веслами, тщетно пытаясь удержать корабль дальше от берега… Однако ветер победил. Вопль впередсмотрящего заставил моряков немедленно отдать якорь, но слишком поздно: выступающий из моря клык подводной скалы пропорол борт «Хироны», и галеас прочно засел на скале. Корма разбита, правый борт разломан, содержимое трюмов вываливается наружу. Бешено крутящаяся вода поглотила пушки, ядра, оружие, личное имущество, сундуки с грузом и 1300 несчастных людей, изнемогших в борьбе со стихией…

Лишь пятерым удалось достичь берега живыми. Среди тех, кому не повезло, был молодой испанский дворянин. Возможно, в этот последний миг своей жизни он вспоминал о том, как несколько недель назад его суженая надела ему на палец прекрасное золотое кольцо, сделанное специально по ее заказу… Мысль растаяла вместе е жизнью молодого человека. Его тело погрузилось в заросли бурых водорослей, покрывающих морское дно. Кольцо упало с руки и закатилось в расселину. По прошествии времени штормы, один за другим, нанесли песок и камни на место, где лежало кольцо. Сверху постепенно образовалась прочная корка из ракушек и фрагментов корабельного рангоута…

Четыре столетия спустя французский исследователь Робер Стенюи, копаясь в архивах, сумел буквально по кусочкам воссоздать историю гибели галеаса «Хирона». Вскоре он со своими компаньонами обнаружил и само место крушения. На глубине тридцати футов, среди массивных валунов, на самом дне глубокой расселины подводные археологи нашли изящное золотое кольцо, лежавшее между одной золотой и несколькими серебряными монетами. Поднятое на борт поискового судна кольцо — холодное, в капельках воды — переходило из рук в руки, мягко сияя под бледным ирландским солнцем. На этом произведении ювелирного искусства были вырезаны изображение ладони, протягивающей сердце, и слова: «Большего я дать тебе не могу»…

«Наконец-то я прикоснулся к этой истории, здесь, где она вершилась, после многих, многих часов, проведенных в поисках документов в библиотеках Англии, Испании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга», — позже писал Робер Стенюи.

22 июля 1588 года огромный испанский флот, насчитывавший 130 вымпелов, вышел из порта Ла-Корунья на северном побережье Испании. В его составе находилось 65 боевых галеонов и вооруженных торговых судов, 25 транспортов, перевозивших лошадей, мулов и провиант, 32 вспомогательных корабля, четыре галеры и четыре галеаса, одним из которых был «Хирона». Галеасы похожи на галеры, но гораздо меньшего размера. Эти корабли использовались в качестве маневренных, приводимых в движение веслами канонерских лодок.

Всего на борту кораблей, входивших в состав «Непобедимой армады», находилось 27 500 человек: 1500 дворян, 8 тысяч моряков, 16 тысяч солдат, 2 тысячи каторжников и галерных рабов. Возглавлял экспедицию дон Алонсо Перес де Гусман эль Буэно, герцог Медина-Сидония, выходец из очень знатного рода и, увы, более чем посредственный адмирал. Правда, в числе высших офицеров Армады находился дон Алонсо Мартинес де Лейва, один из храбрейших и способнейших испанских капитанов того времени. Но бездарность и трусость герцога Медина-Сидония заведомо обрекали эскадру на поражение.

Было условлено, что герцог Фарнезе, наместник Южных Нидерландов, будет ждать Армаду в Дюнкирхене с готовой армией с тем, чтобы под прикрытием эскадры произвести высадку в устье Темзы. Однако этот план рухнул в самом начале. Войска Фарнезе, не получавшие жалованья, страдавшие от голода, болезней и лишений, тщетно ждали прибытия кораблей и были уже деморализованы. Армада появилась у берегов Фландрии, растрепанная штормами, и вместо того чтобы помочь сухопутной армии, сама нуждалась в помощи. Между тем английская эскадра, гораздо меньшая по численности, но лучше подготовленная, со спаянными, крепкими экипажами и умелыми командирами, спокойно поджидала неприятельский флот. В проливе Ла-Манш произошел ряд стычек, а затем поднялась буря, приведшая Армаду в полное расстройство. Герцог Сидония отдал приказ возвращаться в Испанию, держа курс, как записал один из офицеров, «вокруг Англии, Шотландии и Ирландии, через 750 лиг штормящего, почти неизвестного нам моря…»

Не более половины кораблей Армады вновь увидели Испанию. Осенние бури разметали испанские корабли, выбросили на берега Шотландии и Ирландии двадцать или тридцать судов. «Ла Рата» дона Мартинеса де Лейвы лишилась мачт и грозила вот-вот отправиться на дно. После двух ужасных недель одиночного плавания в Северной Атлантике она пришла в бухту Блэксол-бей на западном побережье Ирландии. Здесь капитан Мартинес де Лейва высадил своих людей, выгрузил сокровища и сжег судно. По счастью, в бухту зашел другой корабль Армады, «Герцогиня Анна», и де Лейва смог погрузить на него своих людей и грузы. «Герцогиня» вышла в море, но села на мель, и на этот раз уже целых два экипажа с грузами двух кораблей оказались на берегу…

Вскоре разведчики принесли сообщение о том, что несколько испанских кораблей стоят близ города Киллибегз, в одиннадцати милях от места высадки. Мартинес де Лейва поспешил туда вместе с командами и сокровищами потерпевших крушение «Раты» и «Герцогини». Он обнаружил три корабля: один поврежденный и два разрушенных. Среди моряков было много больных, люди голодали. Собрав из всех пяти экипажей наиболее сильных людей, де Лейва восстановил единственное способное держаться на плаву судно — галеас «Хирону». На его борт были погружены 1300 человек — экипажи пяти судов — и наиболее ценное имущество. Корабль был так перегружен, что де Лейва даже не рассчитывал достичь берегов Испании. Он намеревался идти к берегам Шотландии, где король Яков VII, сын королевы-католички Марии Стюарт, без сомнения, предоставил бы убежище ее испанским единоверцам.

В ночь на 26 октября «Хирона» налетела на скалу и разбилась вкуски…

На протяжении нескольких лет Робер Стенюи занимался поисками погибшего галеаса. Документы содержали точную информацию о том, как она затонула, но не о том, где это произошло. Упоминания о «Хироне» в документах того времени были многократными, но порой противоречивыми. Через десять дней после того как галеас погиб, лорду-депутату в Дублинский замок пришло известие о том, что «упомянутая галера, отплывшая из упомянутой гавани (Киллибегз) с таким количеством испанцев, какое она только могла нести, и шедшая вдоль берега к шотландским Оркнейским островам, разбилась, налетев на скалу Банбойе; корабль и люди погибли, спаслись только пятеро, едва добравшиеся до берега… Эта скала Банбойе находится недалеко от дома Сорли Боя». Упомянутый «Сорли Бой» — это Сорли Бой Макдоннелл, местный лорд, непримиримый враг англичан. Его «домом» был замок Данлюс, чьи молчаливые, изъеденные непогодой стены все еще виднеются на верхушке крутых скал около Портбаллантрэ. «Банбойе» — устье реки Буа, или Баш, лежит в двух милях к востоку от него…

В декабре 1588 года лорд-депутат информировал Лондон, что слышал о «трех слитках латуни, лежащих в пределах видимости между скалами у Банбойе», и что лучший капитан Армады, дон Мартинес де Лейва, утонул. В августе следующего года он доложил, что со дна моря подняты пушки «Хироны». В письме, содержащем эту информацию, также говорилось: «Сообщают, что там находится большое количество золота и серебра… те монеты, которые были под водой, по моему предположению, все еще там». Позднее английский губернатор Джон Чичестер писал: «Джеймс Макдоннелл поднял три сундука с сокровищами, которые были доставлены в замок Данлюс». И далее: «Макдоннеллы… установили три орудия, снятые с одного из испанских кораблей… Я потребовал упомянутые пушки… но они категорически отказались вернуть их».

Робер Стенюи резонно предположил, что Сорли Бой и сын не смогли достать все сокровища «Хироны», и потому решил отправиться в Ирландию. Он рассуждал следующим образом: именно люди Сорли Боя обнаружили место кораблекрушения. Стали бы они рассказывать англичанам, где оно произошло, если бы намеревались забрать с корабля пушки и золото? Нет! Они не рассказали бы об этом ни англичанам, ни кому бы то ни было еще. Стенюи был уверен, что Банбойе было названо только для отвода глаз. В пользу этого обстоятельства говорило и то, что все предыдущие экспедиции, отправлявшиеся на поиски сокровищ «Хироны», заканчивались ничем.

«Я изучил карты Ирландии XVI века, — писал Стенюи. — Только два места этого участка побережья названы на них: Данлюс и река Буа. Таким образом, только эти названия английские шпионы могли использовать в своих донесениях. Искатели сокровищ послушно ныряли в каждом из указанных мест… Между тем на подробной карте Северной Ирландии, изданной военно-геодезическим управлением, в районе к северо-востоку от Портбаллантрэ значились „Испанская скала“, „Испанская пещера“, „Испанский порт“ („Порт-на-Спанья“). Эти названия не появляются на более старых картах. Почему же мы нашли их на этой, современной? Потому, что,

когда она была составлена, больше не было причины скрывать сведения о крушении „Хироны“. И, таким образом, эти старые названия, сохранившиеся в памяти десяти поколений рыбаков, были сообщены топографам, которые расспрашивали о том, как называются каждый пункт и пещера».

В июне 1967 года Стенюи уже стоял на берегу моря в «Испанском порту» — Порт-на-Спанья, представляющем собой амфитеатр бушующей воды, ограниченный полукругом черных вертикальных утесов высотой более 100 метров. 27 июня волнение успокоилось настолько, что поисковики смогли выйти в море на надувной лодке с подвесным мотором. «Мы встали на якорь в Порт-на-Спанья, и я скользнул за борт, чтобы осмотреться, — вспоминал Робер Стенюи. — Ничего. Я направился к Лакада-пойнт, осматривая дно сквозь колышущиеся водоросли, поднимающиеся повсюду, покрывающие скалы и выглядывающие из расщелин. Опять ничего. Я нашел скрытый под водой риф Лакада-пойнт и поплыл вдоль него к северу. Внезапно открылся ровный участок, нечто вроде эспланады, простирающейся перед огромной каменной глыбой. Мое внимание привлек какой-то белый предмет, лежащий почти в центре площадки. Я устремился к нему, схватил и поднял… Свинец! Трехфунтовая свинцовая болванка. Мое сердце учащенно забилось, когда я вспомнил слова из одного документа, который изучал в Британском музее. В нем говорилось о „человеке по имени Бойль“, который обнаружил еще одно место гибели корабля из Армады в Донегале в конце XVIII века. Среди его находок был „кусок свинца длиною в ярд, треугольный… утолщенный посередине и более тонкий по концам“. Точное описание моей болванки! Я перевернул ее и увидел пять иерусалимских крестов, выбитых на поверхности слитка. Я обнаружил место кораблекрушения! Меня наполнило чувство радости… „Хирона“ скрывалась здесь. Наверняка тут было нечто большее, чем свинцовая болванка».

Интуиция не подвела ныряльщика: там, где морское дно плавно уходило в глубину, он обнаружил сперва одну, а чуть дальше — вторую бронзовую пушку-фальконет. Все дно вокруг было усыпано пушечными ядрами…

Начался период штормов. Тем не менее Стенюи и его компаньон Марк Жасински продолжали нырять. Сначала им попался серебряный пиастр, а затем — якорь «Хироны» и еще несколько восьмиреаловых монет. «Тогда, впервые за все годы охоты за сокровищами, я увидел мерцание золота на морском дне. После пятнадцати лет бесплодных усилий и повторяющихся неудач в моих руках наконец-то был чистый, светлый металл: сначала маленькое кольцо, затем часть изящной цепочки…» — писал Стенюи.

Но что делать теперь? Их было только двое, без команды, без оборудования, без средств… Стенюи и Жасински решили вернуться на место гибели «Хироны» в следующем году, более основательно подготовившись к работе.

В апреле 1968 года они вернулись в Портбаллантрэ, хорошо экипированные, с двумя французскими профессиональными водолазами — Морисом Видалем и Луи Горсом. «С самого начала удача сопутствовала нам. Мы нашли золотые монеты с арагонской короной, отчеканенные в Севилье, золотые пуговицы, серебряные вилки и множество серебряных и

медных монет. Однажды утром, меньше чем за час, я наполнил банки из-под варенья и горчицы и коробку от аптечки золотыми и серебряными монетами». Находки следовали одна за другой. Луи Горс поднял со дна моря рыцарский мальтийский крест, возможно, принадлежавший дону Фабрисио Спиноле, капитану «Хироны». Робер Стенюи нашел золотую саламандру, украшенную рубинами. «Каждый вечер, обозревая собранные за день трофеи, я дивился чрезвычайным усилиям и находкам моих коллег, — пишет Стенюи. — Например, ловкости Франсиса: он залез в дыру, из которой торчали только ступни его ног, а когда выбрался оттуда, в его мешке лежали два сабельных эфеса и три звена золотой цепи». В числе находок, сделанных подводными археологами, были золотые и серебряные монеты Испании, Неаполя, Португалии и Нидерландов, золотые медальоны с изображениями святых, серебряное распятие, золотые броши, украшенные жемчугом…

Много позже Робер Стенюи вспоминал: «Мы гордились 2800 часами работы под водой. Мы пахали около пяти месяцев; потревоженная территория стала неузнаваемой. Дно было в глубоких ранах — следах наших раскопок. То, что прячет море, оно прячет хорошо. Но мы изучили один за другим его трюки и отобрали у него сокровища и те скромные предметы, которые оно охраняло почти четыре столетия».

Затонувшие сокровища «Витте Лиува»

Неожиданная встреча не сулила ничего хорошего португальскому капитану дону Жерониму ди Алмейде: четыре хорошо вооруженных голландца против двух его карак — вооруженных торговых судов. Спасти португальцев могли только хитрость и отвага. Поэтому, пока голландские корабли перестраивались, чтобы отрезать португальцам путь к отступлению, Алмейда направил свои суда в маленькую бухту у побережья острова Святой Елены, приказав пушкарям приготовить орудия к бою и подняв на мачте штандарт с изображением Девы Марии из Назарета, вручив тем самым свою судьбу Царице Небес.

Голландцы не спеша приближались, заранее торжествуя победу. Однако их триумф был недолог. Когда они подошли на расстояние пушечного выстрела, португальские канониры открыли бешеный огонь. Почти каждое ядро попадало в цель! Позднее португальский хронист писал об этой баталии: «Наши люди бились так, что один из самых больших вражеских кораблей был отправлен на дно, другой оказался великолепным образом потрепан и вынужден выйти из боя, ибо его полубак был разбит вдребезги, а остальные корабли так повредили, что им пришлось улепетывать, оставив нашим людям полную победу в этом сражении».

Шел 1613 год, и описанный бой стал лишь мелким эпизодом в ожесточенной борьбе Нидерландов и Португалии за приносившую огромные барыши торговлю с Ост-Индией. Голландский корабль, пошедший на дно в том сражении, назывался «Витте Лиув» — «Белый лев». Он так и не вернулся домой…

«Мое знакомство с „Витте Лиувом“ началось, когда я занимался исследованием другого старого кораблекрушения, — начинает свой рассказ Робер Стенюи. — Время от времени я наталкивался на упоминания о нем в записках голландской Ост-Индской компании, старой корреспонденции и рассказах о морских сражениях и бедствиях.

Постепенно моя папка с документами о „Витте Лиув“ росла, пока я не почувствовал, что знаю его настолько хорошо, насколько позволяли собранные сведения. Наконец я решил отправиться на его поиски».

Финансовую поддержку экспедиции предложили Национальное географическое общество и Генри Делоз, президент марсельской фирмы «Комекс». Но прежде чем отправиться на остров Святой Елены, Стенюи связался со своими партнерами: Луи Горсом, Мишелем Ганглоффом, Аленом Финком и Мишелем Таверньe. Они обещали присоединиться к искателю сокровищ, если тому удастся найти «Витте Лиув» и добраться до него. А задача эта, судя по всему, была непростой.

«Во время трехдневного путешествия из Кейптауна к Святой Елене я перечитал подборку документов о „Витте Лиув“, — пишет Робер Стенюи. — Мое внимание привлекли несколько фактов, в частности то, что корабль погиб на обратном пути из Ост-Индии. Все другие суда Ост-Индской компании, некогда затонувшие, а потом найденные, следовали из Европы. Они везли продукцию европейских мануфактур и серебряные слитки, тогда как „Витте Лиув“ возвращался с экзотическими сокровищами Востока. Я знал, что это были за сокровища. В голландском Национальном архиве в Гааге я нашел копию грузовой декларации „Витте Лиув“, очевидно доставленную одним из шедших вместе с ним судов. Так вот он пошел на дно с грузом звонкой монеты и бриллиантов, а также с драгоценностями, принадлежавшими офицерам и пассажирам корабля. По современным оценкам, его груз тянул на огромную сумму, и я совершенно точно знал, что сделаю с ней в случае удачи: верну ее обратно в океан для дальнейших подводных исследований».

Стенюи занимался не только поисками и подъемом сокровищ. Его стараниями была создана Группа подводных археологических исследований эпохи нового времени. Она вела научное изучение затонувших судов Ост-Индской компании XVII и XVIII веков, что позволило пролить свет на период, когда две совершенно разные культуры, европейская и азиатская, начали обмениваться не только материальными ценностями, но и идеями, оказавшими влияние на ход истории. Неслучайно сэр Томас Оутс, английский губернатор колонии, включающей острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья, радушно встретил Стенюи и обещал всяческую поддержку его экспедиции.

Отправной точкой для поисков стал любопытный факт, который Стенюи обнаружил во время работы в архивах. О том памятном сражении хронист написал, что «Витте Лиув» сблизился с одним из кораблей португальцев, намереваясь взять его на абордаж, но после пушечного залпа всем бортом со стороны противника получил несколько пробоин и «немедленно затонул на месте». Поскольку бухта Джеймс-бей, где разыгралось сражение, исторически являлась местом якорной стоянки, затонувший корабль должен лежать на дне где-то внутри ее. У него просто не было времени и возможности выйти в открытое море. К тому же современные английские гидрографические карты предупреждали о двух «неблагоприятных для якорной стоянки местах» в бухте. Одним из них вполне могли быть останки «Витте Лиув».

Предварительная разведка, которую Стенюи провел с аквалангом, не дала ответа на этот вопрос. Зато он выяснил, что морское дно в бухте

благоприятствует поискам: по большей части оно было покрыто восьмидесятифутовым слоем ила, а течение почти отсутствовало. Вернувшись в Европу, Стенюи обзвонил свою команду. Его старый друг Эд Уорвелл, сотрудник американской фирмы «Сиуорд инкорпорейтед», предложил испробовать для поиска гидролокатор, способный давать профиль обширной площади прямо с поверхности, и пообещал, что он будет доставлен на остров вскоре после их приезда.

Стенюи снова отправился на остров Святой Елены.

«Июньским утром мы вошли в Джеймс-бей на борту местного рейсового судна, и поиски начались, — рассказывает Стенюи. — В течение трех дней они дали первые результаты в виде увлекательной головоломки. Стартовав с одной из „неблагоприятных для якорной стоянки“ точек, мы разбили дно на квадраты. Поиск осуществлялся парами водолазов, связанных друг с другом восьмидесятифутовым нейлоновым шнуром. Настала очередь моя и Майкла Ганглоффа. Я плыл на глубине 110 футов на юг, когда он неожиданно дернул за шнур три раза — условный сигнал, означавший: „Я что-то нашел, плыви сюда“. Находкой оказалась большая пушка, отлитая из железа. Частично она ушла в грунт и так обросла ракушками, что ее было невозможно идентифицировать. В течение нескольких минут мы нашли еще три пушки, затем еще две, все обросшие ракушками. Но тут истекло время нашего с Майклом погружения, и мы поднялись на поверхность с новостями, когда Луи Горс и Ален Финк как раз собирались нырять.

— Ищите другие предметы, — сказал я Луи, прежде чем он отправился вниз. — Там должны быть якорь, шпангоуты, свинцовая обшивка, возможно, керамика — что-нибудь такое, что мы сможем точно датировать. Я не уверен, того ли года эти пушки, или они с корабля другого времени, чем „Витте Лиув“. Мы обязаны это выяснить».

Однако сделать это не удалось. Последующие погружения приносили кувшины и бутылки XVIII века, лежавшие на поверхности дна или около пушек, но они явно относились к более позднему периоду. Не нашлось ничего, что помогло бы идентифицировать пушки или выяснить, нет ли ниже их, под слоем ила, останков затонувшего корабля. Как раз в это время на остров приехал инженер Дик Бишоп, доставивший обещанный гидролокатор. Члены экспедиции приступили к тщательному обследованию дна Джеймс-бей.

Сгорбившись в крошечной каюте поискового суденышка, Бишоп просиживал перед гидролокатором по десять часов в день, пытаясь нарисовать детальный электронный портрет дна и всего, что лежит на нем. Картина получилась впечатляющей, но, увы, бесполезной: несколько погибших судов, якоря, бочки из-под бензина, затонувшая барка и разнообразный мусор, оставленный многими поколениями жителей острова. Но ничего, даже отдаленно связанного с «Витте Лиув», кроме шести пушек, не было.

«Чтобы ничего не упустить, мы ныряли за всем мало-мальски интересным, что отмечал локатор Дика, но результат был всегда один и тот же — не то судно, не тот век, — пишет Стенюи. — В конце концов перед нами встал вопрос: а относятся ли вообще эти шесть пушек к „Витте Лиув“?

— Давайте поднимем одну и спросим это у нее, — предложил я.

Работа с вакуумным устройством под названием „воздушный лифт“ заняла два дня, но в итоге мы ухитрились завести строп вокруг одной из пушек, которая при ближайшем рассмотрении оказалась скорее бронзовой, чем железной. Луи опустился с тремя большими неопреновыми мешками и несколькими баллонами со сжатым воздухом, которым наполнили мешки-понтоны, прикрепленные к стропу. Резким толчком пушка оторвалась от грунта и всплыла к поверхности. Мы отбуксировали к берегу наш приз, удерживаемый на плаву воздушными мешками, и с помощью подъемного крана вытащили его на набережную. Пушка была покрыта каким-то странным налетом, не похожим на ржавчину. Это оказался… перец. Я был в восторге: ведь грузовая декларация „Витте Лиув“ включала 15 171 мешок этой пряности, размолотой и в зернах. В отличие от других специй, находившихся на судне, таких, как мускатный орех и гвоздика, перец выдержал многовековое пребывание в морской воде и оказался превосходным консервирующим материалом. Я медленно очищал пушку, пока наконец не появилась часть надписи „Витте Лиув“. Таким образом, наши поиски можно было считать законченными: останки корабля лежали где-то под пушками».

Впрочем, дальше дело застопорилось. Последующие погружения показали, что только первые шесть орудий находились поблизости друг от друга. Седьмую пушку нашли в ста семидесяти футах от них, восьмую — в восьмидесяти, но совершенно в другом направлении. На «Витте Лиув» было тридцать орудий. Значит, останки корабля были разбросаны на более обширной площади, чем можно было предположить. Тогда поисковики решили сконцентрировать свои усилия на том месте, где обнаружили первые пушки.

Из пустых бочек, обшив их досками, соорудили платформу, поставили ее на якорь в этом месте и стали выяснять, что же погребено в иле? Оказалось, все что угодно: пивные бутылки, консервные банки, старые башмаки, столовая посуда и даже кости диких коз.

«Затем в один знаменательный день среди мусора начали попадаться фрагменты прекрасного фарфора, — рассказывает Стенюи. — А когда мы добрались до глубины десяти футов ниже поверхности дна бухты, то наткнулись на обломки деревянного корабельного набора, лежавшие под массой свинцовых слитков, кирпичей и речных окатышей, которые явно были балластом „Витте Лиув“. Следовательно, другие сохранившиеся сокровища покоились где-то недалеко. Мы нашли их погребенными среди тонн перца, рассыпанного слоем толщиной в два ярда. Используя „воздушный лифт“ для расчистки места поисков, мы буквально „проперчили“ дно бухты. Ниже, как будто специально заботливо спрятанные от воздействия времени и бурного моря, мы нашли осколки, а потом и целые прекрасные фарфоровые изделия эпохи Мин… Ну а что же 1310 бриллиантов, которые пошли ко дну вместе с фарфором? Очевидно, они лежат где-то среди останков „Витте Лиув“, хотя, конечно, отдельно от остального груза. Такие ценности обычно хранились наверху, в капитанской каюте. Если мы сможем найти остатки квартердека, то прибавим еще бóльшие сокровища к уже обнаруженным. Однако для меня уникальное произведение искусства, поднятое со дна моря, значило гораздо больше,

чем находка обычных драгоценностей, пусть даже это будут бриллианты. Представьте, что вы осторожно разгребаете ил, и из черной грязи вдруг показывается край прекрасной миски или блюда, словно бы внезапно сотворенного прикосновением волшебной палочки. Разве может не забиться ваше сердце!»

Помимо фарфора кладоискатели подняли со дна моря и другие предметы: серебряную боцманскую дудку, бронзовую масляную лампу, отлично сохранившиеся куриные яйца, коллекцию экзотических морских раковин и простую оловянную посуду, которой команда «Витте Лиув», возможно, пользовалась во время последнего обеда в тот роковой день. Прошло семь месяцев. Аквалангисты сделали все, что могли. Теперь дело было за магнитометром, который мог бы обнаружить пушки, ядра и другие металлические предметы.

«Упаковав снаряжение, мы сказали Святой Елене „до свидания“ и вернулись в Европу, чтобы составить планы на следующий водолазный сезон и оценить наши находки», — пишет Робер Стенюи. Однако ему не суждено было вернуться на остров. Он получил письмо от одного южноафриканского историка, интересующегося английской Ост-Индской компанией. К нему был приложен рапорт английского офицера, который оказался очевидцем баталии 1613 года. Каждая деталь рапорта совпадала с португальскими и голландскими отчетами, за одним весьма важным исключением — как погиб «Витте Лиув». Тогда как остальные просто писали, что корабль затонул, англичанин давал более подробные сведения о его гибели: «…один из выстрелов попал в пороховой погреб корабля и его кормовую часть, он разлетелся на куски, и они сразу же затонули».

«Сразу стало ясно, почему нам не удалось найти ахтерштевень „Витте Лиув“: его больше не существовало, — говорит Стенюи. — А бриллианты и драгоценности, очевидно, были разбросаны взрывом. Даже если мы потратим на поиски годы, то найдем не более щепотки драгоценных камней. Поэтому поиски сокровищ с „Витте Лиув“ можно считать законченными».

В заключение остается добавить, что большая часть коллекции китайского фарфора эпохи Мин выставлена в Амстердамском королевском музее, где специалисты со всего мира могут изучать ее, а посетители просто любоваться прекрасными произведениями искусства.

«Флот 1715 года»: сто миллионов долларов на дне морском

Одна из наиболее громких историй с затонувшими сокровищами связана с гибелью испанского «серебряного флота» 1715 года.

Началась эта история в 1714 году. Только-только завершилась многолетняя Война за испанское наследство. Согласно условиям Утрехтского мирного договора, королем Испании был признан Филипп V Бурбон — внук французского короля Людовика XIV. Однако наследство новому монарху досталось тяжелейшее: экономика страны лежала в руинах. В течение всего военного периода оказалось невозможным обеспечивать устойчивые поставки сокровищ из Нового Света, чтобы возместить долги Испании, и ситуация становилась все более и более отчаянной.

В том же 1714 году Филипп V задумал жениться. Его избранницей стала Елизавета Фарнезе, герцогиня Пармская. Однако для королевской

свадьбы требовались немалые деньги, а их в опустевшей испанской казне не было совсем. В этих условиях прибытие драгоценного груза из Америки стало ожидаться подобно манне небесной…

В тот злосчастный 1715 год все начиналось как всегда. Из Севильи и Кадиса к берегам Нового Света отправились два отдельных флота: Казначейский, он же «Золотой», и флот Новой Испании («Серебряный»). «Золотым» флотом командовал адмирал дон Антонио Эчеверрия-и-Субиса. Он направлялся в Картахену, где галеонам предстояло принять на борт золото из рудников Перу и Колумбии, изумруды со знаменитых колумбийских копей Мусо. Тем временем «Серебряный» флот под командой адмирала дона Хуана Эстебана Убильи взял курс на мексиканский порт Веракрус, где ему предстояло загрузиться серебряными и золотыми слитками из шахт Мексики и дорогими восточными товарами, доставленными с Филиппин в Акапулько, включая шелка, слоновую кость и китайский фарфор. Затем оба флота должны были встретиться в Гаване, а оттуда единым строем отправиться назад, к берегам Испании.

Армада «золотых галеонов» пришла в Гавану первой, в то время как «Серебряный флот» вынужден был задержаться в Веракрусе, ожидая прибытия каравана мулов с грузами из Акапулько. Наконец, в первую неделю мая корабли Убильи появились на рейде Гаваны. Частные торговцы буквально осаждали капитанов испанских кораблей. Используя все доступные им меры (включая взятки), они стремились во что бы то ни стало воспользоваться приходом долгожданной эскадры и погрузить свои товары на корабли. Не остался в стороне и губернатор Гаваны: доставить свой собственный груз в Испанию он поручил Антуану Дару, капитану французского военного корабля «Грифон», входившего в состав эскадры адмирала Убильи.

Выход объединенного флота в море был отсрочен в последнюю минуту приказом Филиппа V: в Гавану должны были доставить драгоценности, предназначавшиеся в качестве подарков для герцогини Пармской. Но вот, наконец, восемь сундуков с золотом, серебром и драгоценными камнями погружены на флагманский корабль адмирала Убильи. 24 июля флот оставил Гавану и при спокойном море и устойчивом ветре двинулся к берегам Испании.

К полудню 29 июля испанские корабли оказались в полосе мертвого штиля. Ветер стих, и даже морские птицы куда-то исчезли. Эта зловещая тишина не сулила морякам ничего хорошего. А на следующий день началось…

В этот день многим показалось, что солнце так и не взошло. На море царил мрак, густые черные тучи закрыли горизонт. К полудню всем судам был отдан приказ лечь в дрейф. Видимость стала настолько плохой, что пришлось зажечь кормовые огни. Поднялся сильный ветер, и к вечеру его скорость достигла 100 узлов. Завывание ветра перекрывал лишь грохот волн, обрушивавшихся на рифы Флориды. На некоторых кораблях испуганные люди уже начали готовить к спуску спасательные шлюпки…

Тем временем капитан Антуан Дар, вполне уверенный в своем корабле и нимало не опасаясь пиратов и англичан, отделился от остальной части флота и взял курс на восток. У берегов Флориды между тем бушевал сильнейший шторм. К рассвету 31 июля «Грифон» оставался единственным

кораблем, уцелевшим от всей эскадры адмирала Убильи…

Одиннадцать судов затонуло той ночью. Из 2500 моряков погибла почти половина. Обломки кораблей и мертвые тела были рассеяны вдоль восточного побережья Флориды более чем на 30 миль. Два уцелевших испанских моряка на спасательной шлюпке сумели пройти 120 миль, отделявших место катастрофы от ближайшего населенного пункта, Форта-Августин, и отсюда на поиски спасшихся членов команды было немедленно отправлено спасательное судно. Одновременно, как только море утихло, испанцы предприняли первые попытки отыскать хотя бы часть погибших сокровищ. Эти поиски продолжались и в последующие месяцы. Испанцы согнали на берег местных индейцев и под угрозой смерти заставляли их, привязав к ногам тяжелый камень, нырять к остовам лежавших на дне галеонов. Однако постоянные нападения акул и барракуд под водой, пиратов на воде и индейцев на суше в итоге вынудили спасателей отказаться от всех надежд на возвращение сокровищ. Спустя четыре года поиски были прекращены. Правда, они оказались не напрасными: согласно документам, хранящимся в Генеральном архиве Индии в Севилье, приблизительно 30 % драгоценного груза все-таки удалось поднять наверх…

…В 1963 году Кип Вагнер, в прошлом строитель, а в будущем — друг и компаньон прославленного Мэла Фишера, нашел на песчаном берегу Флориды испанскую серебряную монету. Не особенно надеясь на успех — едва ли можно что-то установить по единственной монете, — Вагнер послал запрос в «Генеральный архив». Каково же было его удивление, когда из Севильи пришел объемистый пакет с копиями документов и старинных карт. Из них явствовало, что монета оказалась на берегу Флориды совсем не случайно. В 1715 году именно в этом районе во время страшного шторма затонули десять из одиннадцати судов «серебряного флота» адмирала Убильи. Причем после 1719 года больше никто не предпринимал попыток достать лежавшие на дне сокровища!

Кип Вагнер собрал группу охотников за сокровищами, раздобыл деньги для покупки необходимого снаряжения и отправился на побережье Флориды. На дне океана и в песке на берегу кладоискателям удалось обнаружить свыше шестидесяти тысяч серебряных и золотых монет, а также другие ценности, включая золотой свисток в виде дракона вместе с золотой цепью, принадлежавшие погибшему адмиралу Убилье, сорок два диска из сплава золота, серебра и платины весом от 40 до 105 фунтов; часть дорогого серебряного сервиза, нагрудные кресты из благородных металлов и многое другое. Общая стоимость драгоценностей, поднятых со дна морского, составила около миллиона долларов. Однако это была лишь маленькая толика сокровищ «флота 1715 года». Их поиски продолжаются по сей день, и практически ежегодно этот «подводный Клондайк» одаряет искателей новыми находками.

Черный Сэм и сокровища «Виддаха»

О ранних годах жизни известного пирата по кличке Черный Сэм известно немного. По-настоящему звали его Сэмюэлем Беллами. Он родился в Девоншире (юго-западная Англия) в 1689 году и ни в детстве, ни в юности не был замечен в чем-то предосудительном. Однако в 1715 году он, оставив в Англии жену и ребенка, неожиданно объявляется в

Кейп-Коде (Массачусетс). Там он повстречал 15-летнюю девушку по имени Мария Хэллет и собрался жениться на ней…

Как раз в это время до Массачусетса дошли слухи о том, что у восточного побережья Флориды сильнейший ураган потопил почти целую дюжину испанских галеонов с сокровищами. Беллами убедил своего друга, Пэлгрова Уильямса, отправиться во Флориду на поиски испанского золота. Отправляясь в путь, он пообещал Марии вернуться к ней на корабле, доверху наполненном золотом и серебром. Вот тогда-то они наконец поженятся!

Впрочем, отыскать сокровища погибшего испанского «флота 1715 года» оказалось задачей не из легких. Гораздо легче и выгодней оказалось заняться пиратством. Не желая возвращаться к Марии с пустыми руками, Беллами, а с ним и Уильямс, в 1716 году присоединились к шайке Бенджамина Хорниголда. Хорниголд, однако, отказывался грабить английские корабли, и тогда его команда, недовольная такой щепетильностью, подняла мятеж и выбрала своим новым капитаном Сэмюэля Беллами.

В течение следующих полутора лет Беллами сумел снискать себе громкую славу. Предводительствуемые Черным Сэмом, пираты сумели захватить более 50 судов, включая трехмачтовую галеру «Виддах». Она принадлежала работорговцам, перевозившим черных невольников из Африки на острова Карибского моря. «Виддах» стал флагманским судном Беллами.

Отличавшийся необычным для пиратов благородством по отношению к своим жертвам, Черный Сэм получил еще и второе прозвище — Принц пиратов. Современники описывали его как франтоватого мужчину с длинными темными волосами, перевязанными черной лентой. За поясом своего бархатного кафтана он неизменно держал четыре пистолета.

В апреле 1717 года Черный Сэм решил, что стал достаточно богат и пришло время возвратиться в Кейп-Код во главе собственного флота из пяти кораблей. По пути на север от эскадры отделился корабль Уильямса — пирату не терпелось повидать свою мать и сестер, живших на побережье Блэк-Айленда. Беллами продолжал свой путь, мечтая о том, какой фурор вызовет его появление в Кейп-Коде и как будет удивлена и восхищена Мария Хэллет.

26 апреля 1717 года, на самом подходе к Кейп-Коду, эскадра Черного Сэма попала в сильный шторм. Буря выбросила «Виддах» на мелководье, приблизительно в ста метрах от берега, где он разбился и затонул. Почти вся команда погибла вместе с кораблем: из 146 человек до берега добрались только двое. Черный Сэм разделил судьбу своего флагманского корабля…

История экспедиции, спустя без малого три столетия отправившейся на поиски «Виддаха», пожалуй, не менее романтична, чем история самого Черного Сэма. Ее организатор и руководитель Барри Клиффорд мечтал о сокровищах «Виддаха» еще с детских лет, когда его дядя Билл рассказывал ему одиссею этого пиратского корабля, захороненного в морских водах неподалеку от Кейп-Кода. Он говорил, что отыскать пиратские сокровища может лишь человек с огромной волей, верящий в свою удачу. Но не сразу Барри Клиффорд приступил к поиску

затонувших кораблей. Поначалу он занялся страховым бизнесом и лишь спустя несколько лет стал искать деньги для своей будущей экспедиции.

В 1982 году Клиффорд нашел спонсора, собрал команду и начал поиски сокровищ. В 1984 году, когда средства уже были на исходе, одному из водолазов удалось, наконец, отыскать пушку и почерневшую монету, датированную 1684 годом. Но лишь после того как через год экспедиция подняла со дна моря корабельный колокол с надписью «Whydah Catty 1716», отпали последние сомнения. В том же году было найдено множество других предметов с затонувшего корабля: монеты, пушки, различные инструменты. Но команда Клиффорда никак не могла найти сам корабль!

Так продолжалось вплоть до лета 1997 года. В середине июля, исследуя дно на глубине около восьми метров, в четверти мили от берега, водолазы обнаружили деревянную балку. Когда они разгребли песок, то увидели корпус старого корабля. Это означало, что сокровища находятся совсем близко.

Если учесть, что груз «Виддаха» состоял в основном из золотых и серебряных монет (согласно легендам, на его борту было 5 тонн серебра и золота), его сокровища, по мнению специалистов, можно оценить в сотни миллионов долларов. Клиффорду удалось собрать весьма внушительную коллекцию: более двух тысяч испанских золотых и серебряных монет, пушки, предметы снаряжения, пистолеты, мушкеты, серебряная и оловянная посуда…

В 1998 году Клиффорд занялся поисками погибшей в XVII веке у берегов Венесуэлы французской эскадры. Из тринадцати кораблей он нашел девять. Однако затем Клиффорд снова вернулся к поискам сокровищ «Виддаха». На сегодняшний день это — единственная в мире находка подлинного пиратского судна. И секреты последнего плавания Черного Сэма раскрыты еще не полностью…

Сокровища «Лютина» ждут своего часа

Фрегат «Ла Лютин» был одним из самых быстроходных судов французского военного флота. В одном из морских сражений он был захвачен англичанами и в качестве приза приведен в Лондон. Свою дальнейшую службу фрегат продолжил уже под британским флагом. В английском флоте за ним закрепилось имя «Лютин», без французского артикля «Ла».

В свое последнее плавание «Лютин» вышел 9 октября 1799 года из Ярмута. Корабль держал курс к берегам Голландии. Спустя восемнадцать часов, когда «Лютин» находился у входа в залив Зейдер-Зе, начался сильный шторм. Стараясь избежать грозившей судну опасности быть выброшенным на прибрежные отмели голландского берега, капитал фрегата решил держаться в открытом море. Но все попытки отойти от берега оказались напрасны, и фрегат сел на мель между островами Тершеллинг и Влиланд. Северо-восточный ветер ураганной силы опрокинул судно, и оно затонуло на небольшой глубине. Из 200 человек экипажа до берега добрался один матрос. Позже он умер по пути в Англию.

Гибель фрегата явилась тяжелым ударом для страховщиков «Ллойда»: «Лютин» должен был доставить в Гамбург принадлежавшее группе лондонских купцов золото в слитках и монетах, общая стоимость которого оценивалась в 1 миллион 175 тысяч фунтов стерлингов. Пока в

Англии обсуждалась планы подъема золота с погибшего фрегата, слухи о затонувшем кладе распространились по всему побережью Голландии. Во время сильных отливов борт судна был виден под водой и проникнуть в его трюмы не представлялось особенно трудным. В течение полутора лет местные жители и рыбаки добывали сокровища из недр погибшего корабля. За восемнадцать месяцев с «Лютина» было поднято золота на сумму более 70 тысяч фунтов стерлингов. Однако с каждым месяцем проникать на затонувшее судно становилось труднее: «Лютин» все глубже засасывало в илистый мягкий грунт, а сильное течение заносило его корпус песком. Вскоре попасть внутрь корабля стало невозможным.

О сокровищах фрегата вспомнили лишь спустя два десятилетия. В 1821 году король Нидерландов Вильгельм I выдал жителям острова Тершеллинг концессию на право заниматься поисками и подъемом золота «Лютина», оставляя себе половину найденного. Спустя два года эта концессия была переуступлена английскому королю Георгу, который в дальнейшем передал ее «Ллойду». С этого времени поисками клада занимались англичане. За пять лет, с 1855 по 1861 год, они подняли с борта «Лютина» около 40 тысяч фунтов стерлингов. В 1859 году, помимо золотых монет и слитков, был найден судовой колокол «Лютина». В 1896 году его подвесили в центральном зале «Ллойда», и с тех пор родилась традиция: каждому важному сообщению здесь предшествует удар колокола, снятого с затонувшего фрегата.

До начала XX века было предпринято несколько попыток найти золото «Лютина». Создавались акционерные общества, организовывались экспедиции, тратились огромные состояния. Иногда после месяцев упорного труда поисковикам удавалось откопать уже совсем развалившийся корпус фрегата, но в течение нескольких часов его снова заносило песком. В 1895 году англичане даже попытались возвести стену «Лютина», которая препятствовала бы заносам. Для этого на дно было уложено более семи тысяч мешков с песком весом по сто пятьдесят килограммов каждый. Но и это не помогло. За полвека поисков с затонувшего корабля удалось поднять всего тысячу фунтов стерлингов.

В мае 1911 года на месте гибели «Лютина» работала экспедиция английского капитана Гарднера. В ее распоряжении имелось специально оборудованное судно «Лайонс», на борту которого были установлены мощные насосы. С их помощью под двенадцатиметровым слоем песка был обнаружен остов «Лютина». К концу лета корпус фрегата был полностью освобожден из плена наносов, и водолазы обнаружили, что пороховой погреб, где хранилось золото, от времени разрушился. Сотни железных ядер, спаянных ржавчиной, образовали толстую корку. Это был огромный сейф, созданный природой. Капитану Гарднеру удалось взорвать образовавшуюся броню. Но наступившие осенние штормы заставили экспедицию прекратить работу. За зиму «Лютин» снова занесло песком. На возобновление работ денег у капитана Гарднера не было. Всего им было поднято несколько золотых и серебряных монет.

В дальнейшем еще не раз предпринимались попытки достать золото со злополучного фрегата, однако ни одна из них не увенчалась успехом. И лишь поднятый с него колокол, который висит в штаб-квартире компании «Ллойд» в Лондоне, напоминает о том, что сокровища «Лютина»

по-прежнему ждут своего часа.

Операция «Эдинбург»

28 апреля 1942 года из Мурманска на запад отправился конвой QP-11: тринадцать транспортов под охраной шести эсминцев, четырех сторожевиков и тральщика. Возглавлял конвой британский крейсер «Эдинбург», на котором держал флаг контр-адмирал Бонхем-Картер. Первый день плавания прошел спокойно, но с утра 29 апреля над кораблями появились вражеские авиаразведчики. Немецкое командование бросило на перехват конвоя несколько подводных лодок с приказом в первую очередь выбить корабли эскорта, обладавшие сильным зенитным вооружением. После этого на беззащитные транспорты должны были обрушиться самолеты-торпедоносцы.

Одна из субмарин — U-456 — обнаружила «Эдинбург» 30 апреля. В 16 ч 18 мин корпус крейсера содрогнулся от сильного взрыва по правому борту под кормовой башней. Спустя несколько секунд второй столб воды и дыма поднялся над кормой. Это попадание торпеды решило судьбу «Эдинбурга» — он лишился двух винтов, руля и мог передвигаться только со скоростью 3,5 узла, с трудом управляясь машинами. Бонхем-Картер решил вернуться в Мурманск, вызвав на помощь эсминцы «Форсайт» и «Форстер».

За 30 часов, миновавшие после встречи с U-456, небольшой отряд британских кораблей прошел всего 60 миль. Утром 2 мая, когда он находился в 185 милях от Кольского полуострова, сигнальщики заметили в дымке на горизонте три низких силуэта. Это были немецкие эсминцы. Завязался бой. Развернувшись носом к противнику, «Эдинбург» успел огнем носовых башен потопить эсминец «Z-7», но при этом сам получил торпеду — и опять под кормовую башню, только в левый борт. Другая немецкая торпеда попала в «Форстер», на время потерявший ход. Остановился и «Форсайт», в машинном отделении которого разорвался крупнокалиберный снаряд.

Идти своим ходом крейсер уже не мог. Больше того: его корпус начал разламываться. К вечеру на место боя из Мурманска пришли четыре английских тральщика, но и они, и оба сильно поврежденных эсминца не могли помочь крейсеру. Адмирал Бонхем-Картер прекрасно знал, что в портах оккупированной гитлеровцами Норвегии стоит фашистская эскадра, которой ничего не стоит захватить «Эдинбург». Между тем на борту крейсера находилось несколько тонн советского золота — плата за военные поставки союзников. И адмирал принял единственно верное в этой обстановке решение — 800 моряков перешли с крейсера на эсминцы и тральщики, после чего «Форсайт» и «Форстер» выпустили в обреченный корабль по торпеде. Через несколько минут «Эдинбург» затонул…

О «золотом крейсере» вспомнили вскоре после войны, когда несколько судоподъемных компаний, в том числе норвежская, изъявили готовность извлечь драгоценный груз. Ситуация изменилась лишь в 1965 году, когда «Эдинбургом» занялся водолазный специалист К. Джессоп. По архивным материалам он установил точные координаты последнего боя «Эдинбурга», выяснил, где лежали слитки. В мае 1981 года в Баренцево море вышло судно, обычно обслуживающее буровые установки в открытом море. На сей раз оно буксировало подводный аппарат, оснащенный

широкополосным гидролокатором, который «прочесывал» морское дно на 500 м по сторонам от излучателя. После того как прибор обнаружил объект, по размерам напоминающий крейсер, другой локатор узконаправленного действия обрисовал его очертания, затем под воду спустили телевизионную установку и сняли видеофильм. На его кадрах отчетливо виднелись корпус военного корабля, лежащего на правом борту, огромные пробоины. По спасательному боту, применявшемуся на крейсерах типа «Белфаст», и характерной форме надстройки англичане сделали вывод, что «Эдинбург» найден.

На смену первому судну пришел «Стефанитурм», также обслуживающий морские нефтепромыслы. Достигнув заданной точки, моряки поставили вокруг крейсера три акустических буя-ответчика. Их сигналы вместе с информацией о силе и направлении ветра и волн поступали в бортовой компьютер, а тот автоматически включал разом или поодиночке два гребных винта, подруливающее устройство и три выдвижные поворотные рулевые колонки так, что судно удерживалось на месте либо по просьбе водолазов смещалось на метр (и даже меньше) в сторону.

Под водой работали профессионалы-водолазы. Их было 12 — англичане, австралийцы и новозеландцы. За неделю до начала операции их поместили в барокамеры. Долгие часы давление в камерах поднималось до 22 атмосфер, а воздух заменялся гелиевой смесью, которой подводники дышат на больших глубинах. Когда же «Стефанитурм» зафиксировался над крейсером, водолазы через шлюз перебрались в водолазный колокол, который через сквозную шахту опустили деррик-краном на 270-метровую глубину.

Медленно опускался колокол в мир безмолвия. Каждая пара водолазов, отработав на дне 4 часа, поднималась на судно и переходила в барокамеру, а ее место занимала очередная смена. Джессоп знал, что слитки лежат в погребе боезапаса зенитной артиллерии, под носовой надстройкой. Сначала туда хотели проникнуть через пролом, возникший в борту после взрыва торпеды, но выяснилось, что сделать это невозможно — на пути водолазов встало хаотическое нагромождение искореженного металла. Поэтому пришлось прорубить лаз в 16-мм обшивке под броневым поясом.

Оказавшись в погребе, подводники увидели прогнутую палубу, куски арматуры, обломки снарядных ящиков, тросы, снаряды, патроны, и все это покрывала вязкая смесь мазута с илом. Водолазам пришлось поодиночке, подсвечивая переноской, резать и выносить куски металла, отсасывать ил, извлекать неразорвавшиеся снаряды. И все это на огромной глубине, под большим давлением, почти в полном мраке. Только 16 сентября австралиец Д. Росси передал на поверхность первый слиток золота. Потом их было поднято еще 430 — каждый весом от 11 до 13 кг…

С грузом золота на борту судно отправилось в Мурманск, где его ждали советские и британские представители. После того как Джессоп и его команда получила причитающееся им вознаграждение, слитки разделили между СССР и Англией в пропорции 3:1 — таковы были доли страховки за золотой груз, выплаченные обеими странами в 1942 году. Участники экспедиции намеревались в следующем сезоне продолжить

поиски, но в реальности им удалось вернуться у месту гибели «Эдинбурга» лишь спустя пять лет. По новому советско-английскому соглашению право ведения глубоководных работ было передано английской фирме «Вартон Уильямс», которая участвовала в качестве фирмы-партнера в предыдущей экспедиции.

Условия работы были очень тяжелыми. Сильный ветер постоянно сносил судно в сторону от места затопления крейсера. Вылившийся из топливных танков мазут ограничивал видимость. В непосредственной близости от золотого груза располагались боеприпасы. Правда, как считали специалисты, они не могли взорваться, но все равно соседство было не очень приятным. Наконец оставшееся золото было поднято на поверхность. Его вес составил 345 кг, а стоимость, по предварительной оценке, — около трех миллионов фунтов стерлингов. Всего же в ходе двух экспедиций на поверхность водолазы извлекли около пяти с половиной тонн драгоценного металла — 95 % золотого груза «Эдинбурга». Это была одна из самых удачных крупномасштабных операций по поиску затонувших сокровищ.

КЛАДЫ ЛЕГЕНДАРНЫЕ… ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

«Золотая баба»

Легенды о сказочных богатствах Севера стали проникать на Русь еще в XI столетии. Побывавшие в Югре, «за Камнем» — за Уральским хребтом — рассказывали про обилие в тамошних краях серебра и пушнины, о том, что там даже «тучи разряжаются не дождем или снегом, а веверицами (белками) и оленцами». И еще рассказывали о том, что в приуральских лесах люди поклоняются «Золотой бабе» — статуе Великой богини Севера, отлитой из чистого золота…

Слухи об этом «великом кумире» проникли на Русь еще в конце XIV века. В 1398 году русский летописец, сообщая о кончине Стефана Пермского, писал, что святитель жил среди язычников, молящихся «идолам, огню и воде, камню и Золотой бабе». В послании митрополита Симона пермякам в 1510 году снова упоминалось о поклонении местных племен «Золотой бабе».

В конце XV века сведения о «Золотой бабе» достигли Западной Европы. Польский географ Матвей Меховский в 1517 году сообщал: «За землею, называемою Вяткою, при проникновении в Скифию… находится большой идол Zlota baba, что в переводе означает золотая женщина, или старуха. Окрестные народы чтут ее и поклоняются ей. Никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений. Даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстинку и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Австрийский посол С. Герберштейн, посетивший Московию в 1520-х годах, записал, что за Уралом стоит идол «Золотая баба» в виде старухи, которая «держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук». Сам Герберштейн «Золотую бабу» не видел и видеть не мог — ее вообще вряд ли видел кто-либо из европейцев, — но подробно записал рассказ о ней. В частности, он упомянул о таинственных трубах, окружающих изваяние «Золотой бабы» в ее

святилище: «Будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб».

Англичанин Дженкинсон в XVI веке писал: «Золотая старуха пользуется почитанием у обдорцев и югры. Жрец спрашивает у этого идола о том, что им следует делать, и сам (удивительно!) дает вопрошающим верные ответы, и его предсказания сбываются». Итальянец Александр Гваньини в своем «Описании европейской Сарматии» (1578 год) сообщает, что идол находится в низовьях Оби, и ему поклоняются не только обдорцы (ненцы), но и народы Югры, и другие соседние племена. «Рассказывают даже, — пишет Гваньини, — что в горах, по соседству с этим истуканом, слышали какой-то звук и громкий рев, наподобие трубного. Об этом нельзя сказать ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты, или там есть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рев и трубный звук».

Знаменитого уральского идола пытались разыскать еще Новгородцы, которые во время своих походов на Югру охотно грабили языческие святилища. Интересовались «Золотой бабой» и казаки Ермака. Они впервые узнали о «Золотом идоле» от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде одного из татарских городищ. Чуваш, попавший в Сибирь как татарский пленник, немного говорил по-русски, и с его слов Ермак узнал о том, что в осажденном им урочище остяки молятся идолу — «богу золотому литому, в чаше сидит, а поставлен на стол и кругом горит жир и курится сера, аки в ковше». Однако казаки, взяв приступом городок, не смогли найти драгоценного идола.

Вторично казаки услышали о «Золотой бабе», когда попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое остяками капище и где регулярно совершалось «жрение» и был «съезд великий». Здесь же находилась тогда главная святыня сибирских народов — «паче всех настоящий кумир зде бо», однако ермаковцам не довелось его увидеть — при их приближении жители спрятали «болвана», как и всю прочую сокровищницу — «многое собрание кумирное». Казаки расспрашивали остяков о «Золотой бабе» и выяснили, что здесь, на Белогорье, «у них молбище болшее богине древней — нага с сыном на стуле седящая». Сюда, в Белогорское святилище, принесли и положили к ногам «Золотой бабы» снятый с погибшего Ермака панцирь — подарок царя, по преданию, ставший причиной его гибели…

Никто из русских или европейских путешественников воочию таинственного идола не видел, поэтому неудивительно, что рассказы о «Золотой бабе» обрастали слухами и домыслами в зависимости от фантазий рассказчиков. В разных источниках она описывается неодинаково: размеры варьируются от 30 см до величины в человеческий рост, изображается одетой в свободные одежды или обнаженной, сидящей или стоящей, с младенцем на руках или без такового. Все исследователи загадки «Золотой бабы» неизменно обращают внимание на перемещения ее святилища: северные народы опасались, что идол попадет в руки христиан, и маршрут «Золотой бабы» полностью совпадает с направлениями распространения русской колонизации. Первоначально, во времена Стефана Пермского (конец XIV в.) «Золотая баба» находилась в

святилищах к западу от Урала. После похода русских войск в Пермь Великую в 1472 году, когда пермские земли официально были присоединены к Москве, лесные волхвы вынуждены были прятать кумира то в пещере на реке Сосьве, то в дремучем лесу на берегах Ковды. Затем она очутилась уже за Каменным поясом, в обском лукоморье. После прихода Ермака священный кумир тщательно скрывали в неведомых тайниках близ низовьев Оби. А дальнейший маршрут, по которому на протяжении столетий «перемещался» идол, по одной из версий, лежит от берега реки Кызым к Тазовской губе, а оттуда — на горное плато Путорана на Таймыре. Этнограф К. Д. Носиков, в 1883–1884 годах много плававший по рекам Конде и Северной Сосьве, пишет, что в селе Арентур на реке Конде он повстречался с дряхлым стариком-вогулом (манси), который рассказал ему об идоле: «Она не здесь, но мы ее знаем. Она через наши леса была перенесена верными людьми на Обь. Где она теперь, у остяков ли где в Казыме, у самоедов ли где в Тазе, я точно не знаю». До сих пор в печати время от времени появляются «совершенно достоверные сведения» очевидцев, точно знающих, где хранится «Золотая баба», а некоторые даже видели ее «своими глазами».

Кого из языческих богов олицетворяла «Золотая баба»? По одной из версий, речь идет об угро-финской богине Юмала. Английский историк Д. Бэддли отождествлял «Золотую бабу» с китайской богиней Гуаньинь. А в начале XX века Н. С. Трубецкой связал образ «Золотой бабы» с обско-угорской богиней Калтащ (Калтащ-анки у хантов, Калтащ-эква у манси) — «божественной женщиной», «божественной матерью», богиней, дающей человеку душу, покровительницей жизни, деторождения, продолжения рода. В руках Калтащ продолжительность жизни и предназначение человека, она покровительствует женщинам во время беременности и при родах. «В небе главные — Калтащ-анки и Мир-ванты-ху», — считали ханты и манси.

Таинственная «Золотая баба» до сих пор составляет одну из неразгаданных загадок истории. Рассказывают, что она надежно спрятана в подземной сокровищнице и секрет ее местонахождения передается из поколения в поколения хантскими шаманами вместе с древними тайными знаниями их народа. А вместе с идолом хранится и стальная, окованная золоченой медью кольчуга покорителя Сибири…

Тайна ордена тамплиеров

Первый крестовый поход завершился в 1099 году взятием Иерусалима и образованием на Святой земле христианского Иерусалимского королевства. Большинство рыцарей-крестоносцев, посчитав свою задачу выполненной, вернулись на родину. Однако завоевания в Палестине требовалось защищать. Так в 1118 году, при короле Балдуине II в Иерусалиме возник монашеско-рыцарский орден, ставший впоследствии известным как орден тамплиеров (храмовников).

Основатели ордена и первые его члены — Гуго де Пайен, рыцарь из Шампани, и восемь его товарищей — в присутствии короля Балдуина и патриарха Иерусалимского дали клятву защищать христианское королевство в Палестине. Король принял их услуги и отвел рыцарям ту часть своего дворца, которая непосредственно примыкала к иерусалимскому храму. Отсюда и родилось название ордена: «Pauvres

chevaliers du temple» — «Бедные рыцари храма».

В первые годы своего существования орден действительно был очень бедным. Девять рыцарей жили исключительно милостыней, а единственной их службой являлась охрана паломников, отправлявшихся из Иерусалима к берегам Иордана.

Первое время тамплиеры не имели ни устава, ни отличительных одежд. И основатель ордена Гуго де Пайен отправился в Европу, чтобы заручиться помощью церкви. На соборе в Труа (1128 г.) тамплиеры, получившие горячую поддержку аббата Бернара Клервоского (1090–1153) — крупнейшего в ту пору церковного авторитета — приняли устав Св. Бенедикта, предусматривавший строгие правила монашеского общежития, и облачились в белые одежды цистерцианцев, добавив к ним красный крест — символ крестоносцев.

Становление нового ордена было стремительным. Несмотря на строгость устава, в ряды тамплиеров вливались все новые и новые добровольцы. С самого начала орден прочно обосновался на землях Западной Европы. К началу XIV века храмовники располагали почти десятью тысячами землевладений, из которых около тысячи находились во Франции. Орденские замки густой сетью покрыли Европу.

Орден охотно брал под свое покровительство сеньоров, выказывавших по отношению к нему верноподданнические чувства; торговцев, пользовавшихся его коммерческими услугами; ремесленников, обосновавшихся на его землях. В самом низу этой иерархической пирамиды находились крестьяне, прикрепленные к земле феодальной зависимостью, и рабы, вывезенные из Палестины, а на вершине царил великий магистр, избираемый собранием представителей девяти орденских провинций Западной Европы. Великий магистр обладал абсолютной властью, за исключением вопросов, связанных с приемом новых рыцарей, продажей имущества ордена и назначением высших руководителей провинций, — этим ведало собрание.

Тамплиеры не признавали над собой никакой другой власти. Орден пользовался правом экстерриториальности и не подпадал под юрисдикцию властей тех стран, на территории которых находились его владения, не платил никаких налогов, в том числе и церковную десятину, а также таможенных пошлин. У него была своя полиция и свой трибунал. Формально великий магистр подчинялся только папе, в реальности же — никому.

Военная мощь ордена была значительна. В его рядах было около 15 тысяч рыцарей и 45 тысяч сержантов, не считая вассалов. Эта армия была рассеяна по всей Европе и не могла вести масштабные военные действия, но зато могла контролировать ценности ордена, разбросанные на огромных территориях. Свои богатства тамплиеры собирали с невероятной алчностью, используя методы, до тех пор неизвестные в средневековой Европе. Очень быстро религиозно-рыцарский дух ордена был вытеснен духом низменного стяжательства, корысти, ростовщичества…

Как все монахи, тамплиеры давали обеты личной бедности. Но сам орден, как организация, мог иметь имущество. Его устав прямо обязывал накапливать ценности и запрещал продавать имущество без разрешения высшего совета. Скупость храмовников доходила до того, что они

отказывались выкупать своих братьев из плена, как это было принято повсюду в то время.

Орден имел собственный флот. Его корабли перевозили войска крестоносцев, паломников, отправлявшихся в Святую землю. Торговцы также использовали флот тамплиеров для перевозки своих товаров. Из Европы на Ближний Восток везли оружие, лошадей, продовольствие, в Европу — вино из Палестины, пряности и сахар из Индии, ткани из Дамаска, ковры из Персии, шелк из Китая… Участие в этой торговле приносило ордену немалые прибыли. Еще бóльшие богатства храмовники аккумулировали в самой Европе. Чтобы заручиться поддержкой могущественного ордена, монархи и богатые феодалы дарили тамплиерам земли. Так в руках ордена оказались целые графства с их землями, реками, лесами, полями и крестьянами.

Одной из самых прибыльных статей доходов ордена являлось ростовщичество. Тамплиеры создали свой банк с отделениями во многих европейских странах. Коммерсанты помещали в банк золото и другие драгоценные металлы, а взамен получали обменные векселя. Банк тамплиеров принимал на хранение сокровища монархов, сеньоров и епископов. Орден пускал это золото в оборот, предлагая его под большой процент королям, феодалам, городским коммунам и торговцам. Вскоре орден стал крупнейшим ростовщиком в Европе.

Тамплиеры чеканили свою собственную монету. В течение XII–XIII веков ими было произведено такое количество серебряных денег, что они стали обычным платежным средством. Но откуда появился металл? Все серебряные рудники в Европе находились под контролем, а из Палестины храмовники сумели вывезти лишь небольшое количество серебра. Те, кто знал этот секрет, молчали. Тамплиеры вообще о многом молчали. Так, устав ордена был известен только рыцарям, но и те не могли его хранить у себя, чтобы он не попал в руки непосвященных, даже из числа членов ордена.

На протяжении 200 лет тамплиеры не боялись никого и ничего. Могущество ордена росло. Но одновременно росло и недовольство этим транснациональным спрутом, пользовавшимся непомерными привилегиями и намертво присосавшимся к финансам всех европейских стран. Та цель, ради которой создавался орден, давно ушла в прошлое. Осталась лишь замкнувшаяся на себе, обслуживающая лишь свои собственные интересы корпорация, существование которой не имело смысла ни с моральной, ни с политической, ни с экономической, ни с военной точек зрения.

В 1307 года папа римский издал указ о роспуске ордена. Французский король Филипп Красивый осуществил внезапную и хорошо подготовленную операцию против руководителей тамплиеров. Рыцари-ростовщики были обвинены в ереси, их владения разгромлены, имущество конфисковано. Многие из арестованных «братьев» были казнены. С этого времени появляются слухи о том, что главные богатства ордена ускользнули из рук французского короля и до сих пор остаются скрытыми в тайниках, рассеянных по всей Европе, а возможно, и по всему миру.

В 1745 году немецкий архивариус Шитман опубликовал найденный им документ, в котором утверждалось, что великий магистр ордена Жак де

Моле накануне казни сумел передать юному графу Гишару де Боже следующее послание: «В могиле твоего дяди, бывшего великого магистра ордена де Боже, нет его останков. В ней находятся тайные архивы ордена. Вместе с архивами хранятся реликвии: корона иерусалимских царей и четыре золотые фигуры евангелистов, которые украшали Гроб Господень в Иерусалиме и не достались мусульманам. Остальные драгоценности находятся внутри двух колонн, против входа в крипту. Капители этих колонн вращаются вокруг своей оси и открывают отверстия тайника». Жак де Моле требовал от графа де Боже спасти сокровища и архивы ордена и «сохранить их до конца света».

После того как Жак де Моле был сожжен, граф де Боже испросил у короля Филиппа Красивого разрешение увезти из Тампля прах своего родственника. Он якобы вынул из колонн золото и драгоценные камни и вместе с гробом перенес архивы и ценности в новый тайник…

Вскоре версия Шитмана получила косвенное подтверждение: одна из колонн в церкви тамплиеров в Париже оказалась… полой. Куда же переправил сокровище Гишар де Боже? Одни полагали, что золото было вывезено на Кипр — единственное место, где суд над тамплиерами окончился их оправданием, — и ныне хранится в старом орденском замке в Лимасоле (его безуспешно ищут здесь уже два столетия). Другие уверяли, что клад должен находиться в бывших владениях графов де Боже: естественнее всего было бы перенести гроб с мнимыми останками великого магистра в фамильный склеп его семьи! Последнее предположение считалось настолько вероятным, что во времена революции 1789 года замок де Боже был разобран и перекопан. Но ни в склепе, ни в подвалах сокровищ не оказалось…

В 1870-х годах при реконструкции Парижа церковь тамплиеров была снесена. Оказалось, что одна из могил в подземелье пуста. Не исключено, что это и есть та самая мнимая могила магистра де Боже, в которой Жак де Моле хранил архив и сокровища ордена…

Это открытие дало толчок новым поискам. В конце XIX века были найдены документы, гласящие, что графам де Боже, кроме родового поместья, принадлежал и замок Аржиньи в департаменте Рона. Эта средневековая крепость с башнями, сводчатыми воротами и глубокими рвами, заполненными водой, прекрасно сохранилась до наших дней. Особенно хороша башня, сложенная из хорошо отесанных глыб местного камня. Она имеет наверху восемь амбразур и называется башней Восьми Блаженств.

В 1952 году французская исследовательница де Грация, долгое время занимавшаяся изучением тайнописи тамплиеров, заявила: «Я обнаружила в Аржиньи „знаки-ключи“. Эти знаки фигурируют и на гербе у входа, и на стенах, всюду. Я узнала „египетский знак“, указывающий на существование здесь сокровища мирского и одновременно духовного». Действительно, замок Аржиньи весь испещрен странными знаками. Ключ ли это к сокровищам или магические заклинания — неизвестно. Во всяком случае, пока никому не удалось приподнять завесу таинственности, окутывающую клад тамплиеров, возможно, хранящийся в Аржиньи…

В истории ордена существует множество пока еще не объясненных фактов. Некоторые из них касаются флота тамплиеров. Так, для связи с

Англией и Португалией у них имелись порты на побережье Атлантического океана. Расположение портов нельзя логически объяснить, исходя из потребностей тамплиеров в Европе. Главной базой орденского флота был Ла-Рошель, расположенный в 150 километрах к югу от Нанта в устье реки Жиронды, на побережье глубокой бухты. Он был хорошо укреплен и неприступен как с моря, так и с суши. С этой точки зрения выбор тамплиеров нас не удивляет. Непонятно другое: зачем нужен был ордену порт, находящийся далеко к югу от Англии и далеко к северу от Португалии, дорога в которую была более безопасна и удобна по суше? Однако Ла-Рошель отнюдь не был для ордена второстепенным пунктом. Со всех сторон к нему сходились семь «дорог тамплиеров».

Среди множества признаний, сделанных арестованными тамплиерами на следствии, интересен протокол показаний рыцаря Жана де Шалона. Он утверждал, что в ночь перед арестами из Парижа вышли три крытые повозки, груженные сундуками с сокровищами ордена. Повозки сопровождал конвой из сорока двух рыцарей во главе с Гуго де Шалоном и Жераром де Вилье. Рыцари и груз должны были прибыть в один из портов на атлантическом побережье, где их ждали семнадцать кораблей ордена…

Бросается в глаза непропорциональность количества кораблей и содержимого трех повозок. Но, может быть, существовали и другие обозы, направлявшиеся в этот порт? Мы не знаем и того, что в действительности было в сундуках. Слово «сокровища» может быть обманчивым. Сегодня оно означает «собрание золота, серебра и других драгоценностей». В Средние века его применяли и для обозначения тайных архивов. Вполне возможно, что сокровища, вывезенные из Парижа, это секретные архивы ордена, которые надо было спрятать в надежном месте.

В какой порт могли направиться рыцари в ту тревожную ночь? Конечно, в порт, принадлежавший тамплиерам, то есть в Ла-Рошель. К нему вела охраняемая тамплиерами дорога, на которой можно было найти сменных лошадей. Мы не знаем, достиг ли груз пункта назначения. Известно только, что архивы ордена не значатся в списках экспроприированного людьми короля имущества, а имена рыцарей, сопровождавших груз, названы в числе тех, кто скрылся от ареста. В то же время среди кораблей храмовников, нашедших убежище в Португалии, не было кораблей из Ла-Рошели. Они исчезли…

Логично будет связать все сказанное выше в единую цепочку. Тогда перед исследователем неизбежно встают три вопроса:

1. Откуда тамплиеры брали серебро — металл, которым они в какой-то момент буквально наводнили Европу?

2. Зачем им был нужен порт Ла-Рошель?

3. Куда ушли корабли, груженные «сокровищами» ордена, которые удалось спасти в 1307 году?

Французский историк Жан де ля Варанд отвечает на эти вопросы так: тамплиеры вывозили серебро из… Америки! Главным пунктом их трансатлантической торговли был Ла-Рошель, откуда корабли храмовников уходили к берегам Нового Света. Туда же, в Америку, уцелевшие рыцари переправили сундуки с сокровищами ордена…

К сожалению, Варанд не называет источников своих сведений. Поэтому попытаемся сами найти подтверждения этой гипотезе.

Одно из свидетельств можно найти, внимательно рассмотрев роспись фронтона церкви, построенной тамплиерами в городе Везле в Бургундии, которая датируется XII веком. Среди людей, окружающих Христа, можно ясно видеть мужчину, женщину и ребенка с непропорциональными длинными ушными раковинами. Мужчина одет в убранство из перьев, похожее на одежду североамериканских индейцев. Женщина — с обнаженной грудью и в длинной юбке. Сегодня нам известно, что доколумбовы жители Перу имели обычай оттягивать уши, вставляя в мочки кольца из золота, меди или камня.

Еще одним доказательством того, что тамплиеры могли знать о существовании Америки, служат печати ордена, хранящиеся в Национальном архиве Франции. На одной из них, приложенных к документу, относившемуся к личному ведению великого магистра, видна надпись «тайна Храма». В центре изображена фигура человека, похожего на американского индейца. Он одет в набедренную повязку, на голове у него убор из перьев, такой же, какой носили индейцы Северной Америки, Мексики и Бразилии, в правой руке он держит лук.

Тамплиеры, возможно, действительно знали о существовании Нового Света. И это была их великая тайна — настолько важная, что ее сохранение было поручено лишь высшим иерархам ордена и самому великому магистру. Это была тайна тайн, в которую не были посвящены даже рыцари 1-го ранга.

Но действительно ли тамплиеры добывали свое серебро на американских рудниках? Известно, что мексиканские индейцы, особенно тольтеки, были мастерами золотых и серебряных дел. В Перу металлургия была еще более развита, чем в Центральной Америке. Здесь обрабатывали золото, серебро, шампи — сплав золота и меди, бронзу и даже платину. Индейцы умели плавить, ковать, сваривать металлы, отливать их в формы. К сожалению, от великолепных изделий доколумбовых обитателей Нового Света мало что осталось, так как конкистадоры переплавляли в слитки все драгоценные металлы, которые попадали им в руки.

Медь была самым редким и ценным металлом. И серебро считалось более ценным металлом, чем золото. Однако индейцы не знали железа и не пользовались им. В то же время в языках некоторых индейских народов — инков, кечуа, гуарани — имелись слова, обозначавшие сталь и железо! Можно предположить — но не более того, — что какие-то выходцы из Европы (тамплиеры?) принесли с собой железные инструменты, но за время своего пребывания в Новом Свете так и не смогли научить индейцев искусству получения и обработки железа — ремеслу более сложному, чем обработка цветных металлов. К моменту прибытия испанцев в Перу, как и в Мексике, не могло остаться стальных инструментов. Но название железа сохранилось.

На протяжении по крайней мере ста пятидесяти лет слитки серебра доставлялись тамплиерами из Южной Америки в Европу. Правда, совершенно непонятно, почему вместе с серебром не вывозилось и золото? Ведь после открытий Колумба именно золото на первых порах стало главной статьей испанского вывоза из Америки в Европу! Нет, похоже все-таки, что в гипотезе Варанда слишком много натяжек и выдумок…

Попытаемся ответить и еще на один вопрос. Допустим, что серебро, которым пользовались тамплиеры, добывалось в Южной Америке и порт Ла-Рошель на берегу Атлантического побережья Франции был построен специально для ввоза американского серебра. Но куда ушли корабли, на которые были погружены секретные архивы ордена, таинственно исчезнувшие в 1307 году?

Корабли с тамплиерами, избежавшими ареста в 1307 году, и, возможно, с секретными архивами ордена, тоже могли найти убежище в Новом Свете. Одним из адресов их убежища называется Мексика, другим, более вероятным — атлантическое побережье Северной Америки. Именно здесь, на острове Оук, расположенном у побережья Ньюфаундленда, в начале XIX века была найдена таинственная шахта, сооруженная, по всей видимости, опытными строителями, хорошо разбиравшимися в гидротехнике. Известно, что тамплиеры строили замки, оборудованные всевозможными хитроумными тайниками и системами защиты. Еще один аргумент в пользу этой гипотезы: остров Оук, как уже говорилось, находится у побережья Ньюфаундленда. Именно здесь современные историки помещают легендарную страну Винланд, открытую Лейфом Эрикссоном, страну, на протяжении X–XII веков неоднократно посещавшуюся норманнскими мореплавателями. И именно от норманнов тамплиеры могли узнать о существовании Нового Света, но, в отличие от своих предшественников, они подошли к этой теме более практично…

Среди многих индейских племен Северной Америки исследователи отмечают различные следы присутствия тех или иных форм христианских верований, которые не могли быть привнесены после европейской колонизации Нового Света и имеют гораздо более раннее, доколумбово происхождение. Для объяснения этих религиозных и этнографических аномалий обычно привлекаются самые разные версии. Но по крайней мере в некоторых случаях речь может идти о миссионерской деятельности тамплиеров.

Возможно, что, отправляясь в Америку, храмовники полагали, что речь идет о временном убежище. Но их расчеты не оправдались. Орден исчез навсегда. Оставшись в изоляции за океаном, тамплиеры могли насаждать свою веру, которая граничила с ересью, среди диких индейских племен. Но шло время, и никто не занимал место ушедших из жизни. Через пятьдесят лет после прибытия храмовников в Новый Свет в живых не осталось ни одного белого человека…

Таинственное сокровище Ренн-Ле-Шато

1 июня 1885 года в маленький приход в деревушке Ренн-ле-Шато приехал новый священник, 33-летний Беранже Соньер. Это был красивый, крепкого сложения мужчина, энергичный и очень неглупый. Казалось, ему уготована блестящая карьера — в семинарии он считался одним из первых. Однокашники прочили Соньеру место где-нибудь в Париже или, на худой конец, Марселе. Однако молодой кюре настоял на приходе в маленькой, забытой Богом деревушке, затерянной у подножия Восточных Пиренеев с населением всего-то 200 человек, в сорока километрах от ближайшего города — Каркассона. На пирушке, устроенной молодыми людьми по случаю выхода из стен семинарии, Соньер так объяснил свою

добровольную ссылку: «Хочется отдохнуть от суеты, удалившись в приход скромный и нравственно здоровый. К тому же я вырос в соседней деревне. Ренн-ле-Шато для меня — второй дом».

Церковь Святой Марии Магдалины, вверенная заботам новоиспеченного священника, от времени и непогоды превратилась в руины; крыша протекала, да так, что потоки дождевой воды обрушивались прямо на совершающего службу кюре и прихожан. Дом священника совсем развалился, и потому Соньер был вынужден поселиться у одной из своих прихожанок, Александрины Марро.

В ту пору жалованье священнослужителям платило государство. Случилось так, что Соньер однажды во время какой-то избирательный кампании произнес проповедь, которую власти сочли вольнодумной, за что внесли его в «черный список» и лишили денежного содержания. Теперь он стал не просто бедным, а нищим в прямом смысле этого слова. Беспросветная нужда вынудила кюре отказаться от услуг госпожи Марро и с грехом пополам устроиться в полуразрушенном домике у церкви. Он влез в долги и с трудом добывал себе пропитание, охотясь и ловя рыбу. Однако прошло время, и Беранже Соньер неизвестно на какие деньги нанял служанку — работницу шляпной мастерской по имени Мари Денарно, которая верно служила ему до последнего вздоха. Все последующие годы эти двое, столь разные по характеру и образованию, были связаны какой-то неведомой загадочной силой, которая сделала их верными союзниками. И даже когда Беранже Соньер уже добился потрясающего успеха и жил в роскоши, он даже не подумал расстаться с Мари. А она, в свою очередь, на склоне лет, измученная болезнями и одиночеством, не поддалась ни на какие уговоры и щедрые посулы и не раскрыла тайну, которой владели только Соньер и она…

…Кюре стойко переносил лишения, но, к счастью, некий аббат Понс завещал приходу Ренн-ле-Шато 600 франков. В 1888 году благодаря этому скромному пожертвованию Соньер смог начать в храме самые необходимые ремонтные работы. Немного позже он обратился в муниципалитет с просьбой выделить средства на реставрацию церкви. Деньги в сумме 1400 франков ему дали, но в долг, и кюре абсолютно не знал, когда и каким образом он сумеет погасить задолженность.

В конце 1891 года был начат ремонт центрального алтаря, который покоился на двух очень древних столбах, оставшихся, предположительно, еще со времен владычества вестготов и украшенных тонкой резьбой в виде крестов и загадочных букв. С помощью рабочих с алтаря была снята плита, и тут реставраторов ждал сюрприз: один из столбов оказался полым. Соньер сунул руку в сероватую труху, которая заполняла столб, и извлек на свет четыре деревянные трубки, залепленные с двух концов воском. На воске виднелись оттиски каких-то странных печатей. Трубки тут же распечатали, и из них выпали пергаментные свитки. Как оказалось, они были спрятаны здесь около 1790 года аббатом Антуаном Бигу, предшественником Соньера, и содержали в себе текст, написанный латинскими буквами, и изображения трех генеалогических древ.

Текст, на первый взгляд, казался бессмысленным, и только очень внимательный читатель мог заметить, что одни буквы в тексте чуть выше других. Если читать их подряд, то выходило довольно связное послание: «А

DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET IL EST LA MORT» («Это сокровище принадлежит королю Дагоберту и Сиону, и оно — смерть»). Кроме этой фразы, в тексте значились какие-то цифры.

Слухи о странной находке взбудоражили маленькое селение. На совет мэра сдать найденные древности в муниципальный архив Соньер ответил, что лучше продать эту диковинку за кругленькую сумму, например Парижу. Туда муниципалитет и отрядил предприимчивого кюре, оплатив ему все расходы.

Прибыв в Париж, Беранже Соньер отправился к руководителю семинарии в Сен-Сюльписе аббату Бьелю, специалисту в области лингвистики, тайнописи и палеографии. Парижский свет знал его также как не последнего человека в эзотерических группах, сектах и тайных обществах, занимавшихся оккультизмом. Кюре провел в столице три недели, во время которых посетил Лувр и заказал копии трех картин: «Аркадские пастухи» Пуссена, «Святой Антоний-отшельник» кисти Тенирса и портрет папы Целестина V неизвестного художника. Довольно странный набор!

По неизвестной причине Бьель не вернул Соньеру древние манускрипты (впрочем, кюре на всякий случай их скопировал). В Каркассоне Соньер навестил епископа и после разговора с ним получил «за труды» 2000 франков, которые позволили ему расплатиться с муниципалитетом и продолжить реставрационные работы. Вскоре он извлек из земли интересную резную плиту, относящуюся к VII–VIII векам и, возможно, закрывавшую вход в старинный склеп. А дальше начали происходить и вовсе странные вещи: на местном кладбище кюре нашел могилу маркизы Марии д'Отпуль де Бланшфор, скончавшейся около 100 лет назад. На ее надгробном камне была вырезана… точная копия послания, содержавшегося в одном из найденных свитков! И Соньер… уничтожает эту надпись (не зная, впрочем, что она незадолго до этого была скопирована членами археологической экспедиции из числа местных любителей истории).

В сопровождении верной Мари Денарно Соньер обошел окрестности в поисках других надгробных камней. Каких именно — знал только он. А еще сельский кюре вступил в активную переписку со всей Европой; затем начал какие-то неясные дела с различными банками и, наконец, инкогнито начал выезжать в путешествия, не разглашая своих маршрутов, после чего на имя Мари Денарно вдруг стали поступать крупные денежные переводы из разных стран…

Дальше — больше. Кюре вдруг совершает какие-то необъяснимые траты, которые, как окажется после его смерти, исчислялись миллионами франков! То, что у священника и его подруги завелись немалые деньги, Соньер объяснял просто: наследство. Но никто в округе в него не поверил: уж больно подозрительны были те подарки, которые он раздавал своим друзьям. Так, одному достался старинный кубок тончайшей работы, другому — драгоценное собрание монет VI–VII веков…

По деревне ходили слухи, что Соньер нашел клад пастуха Игнаса Пари. Историю этого пастуха знал каждый мальчишка в округе. Местная легенда рассказывала, что в 1645 году тот возвратился домой с карманами, полными золотых монет. Объяснил он свою находку так: разыскивая

заблудившуюся овцу, набрел в горах на пещеру, внутри которой и обнаружил сундуки, ломившиеся от сокровищ. Отвести односельчан к этой пещере пастух отказался, и те, сочтя Игнаса лгуном, просто повесили его как вора.

Соньер щедро делился своим богатством: часть его денег была направлена на благоустройство деревни (строительство дороги, водопровод) и материальную помощь ее наиболее бедным жителям. А вот что касается церкви, то над ее портиком была выгравирована надпись на латинском языке: «TERRIBILIS EST LOCUS ISTE» («Ужасно это место»), а сама церковь полностью перестроена. По завершении основных работ кюре Соньер пригласил группу искусных резчиков по камню и художников, чтобы они занялись внутренним убранством храма. Соньер лично следил за воплощением всех своих планов в жизнь, сам составлял тексты надписей, трижды заставлял мастеров переписывать сцену распятия. Одна эта роспись обошлась ему в 11 000 франков!

Все работы были завершены в 1897 году, и одному Богу известно, почему церковь все-таки была освящена епископом Каркассонским Бийаром: результат «ремонта», мягко говоря, удивлял. Судите сами: стоило войти внутрь храма, как у посетителя тотчас возникала какая-то непонятная тревога. Кропильницу у входа поддерживал донельзя безобразный бесенок, а когда глаза привыкали в полумраку, то можно было различить уже целую толпу невообразимо уродливых созданий, гримасничающих, словно клоуны, застывших в непристойных позах, раскрашенных в яркие цвета и уставившихся на гостей ужасными стеклянными глазами. Непонятно почему, но в храме было множество надписей на иврите.

Между тем кюре продолжал пускать деньги на ветер. Возвел, например, на вершине горы трехэтажную зубчатую башню, которую нарек башней Магдалины. Он лично следил за тем, как она будет сориентирована, и требовал от строителей буквально математической точности. На другом конце своих владений Соньер построил огромную виллу, назвав ее Вифанией в честь библейского селения; затем обустроил здесь прекрасную оранжерею и разбил чудесный парк с водоемом. Кюре кидал деньги направо и налево, покупая редкие китайские вещи, дорогие ткани, античные мраморы, собрал великолепную библиотеку. Он даже устраивал банкеты для прихожан, делал им дорогие подарки. Высшие церковные власти закрывали на все это глаза, но после смерти епископа Бийара новый епископ Каркассона потребовал от Соньера объяснений. Он отстранил кюре от должности и выдвинул против него ряд обвинений. Однако неожиданно за Соньера заступился кто-то в Ватикане, куда Соньер подал апелляцию в свою защиту.

17 января 1917 года с Соньером случился удар. К нему пригласили священника из соседнего прихода. Тот заперся в комнате с больным, и после исповеди вышел оттуда, как свидетельствуют очевидцы, в большом смятении. По его словам, он отказал умирающему в последнем причастии, так что Соньер умер, так и не получив отпущения грехов.

В своем завещании Соньер объявил, что у него за душой нет и сантима. Однако его верная Мари продолжала жить на вилле хозяина вплоть до 1946 года, ни в чем не нуждаясь, и только обмен купюр,

проведенный по приказу правительства Рамадье, разорил бывшую служанку. Целый день она жгла у себя в саду множество толстенных пачек обесценившихся бумажек. В 1953 году с ней, как и с Беранже Соньером, случился удар, и вскоре она умерла, унеся свою тайну в могилу. Впрочем, кое о чем она все-таки проболталась своему близкому другу Ноэлю Корбю. По ее словам, старинный пергамент, найденный под алтарем, содержал зашифрованные сведения о местонахождении огромного клада, а ключом к тайне явилась картина Пуссена «Аркадские пастухи» (ее копию и приобрел Соньер во время поездки в Париж).

На картине изображены трое пастухов и пастушка, которые, окружив старинную могилу, созерцают на ней надпись: «ETINARCADIAEGO» а на заднем плане изображен какой-то безликий горный пейзаж, якобы выдуманный художником. В 1970 году в десяти километрах от Ренн-ле-Шато, у деревни Арк, была найдена могила, совершенно идентичная той, которую рассматривали пастухи на картине: форма, размеры, расположение, растительность вокруг, даже кусок скалы, на которую опирается ногой один из пастухов, — все совпадало. Когда могилу вскрыли, она оказалась пустой…

Несомненно, что Соньер нашел какое-то сокровище, но оно не объясняет ни особого интереса церкви к этому делу, ни снисходительности Ватикана по отношению к непослушному священнику, ни негласного разрешения на строительство странной церкви, ни отказа в последнем причастии. А может быть, богатство Соньера имеет другой источник — нематериальный? Может быть, оно является неким таинственным знанием, и в данной случае одно обменивается на другое: богатство на знание, и первое является платой за второе?

Что за сокровища могли попасть в руки Соньера? Согласно одной версии, эти богатства принадлежали вестготским королям. Разграбив Рим, они вывезли оттуда несметную добычу. Когда на них напали франки, вестготы спрятали награбленное, но так никогда и не вернулись за сокровищами. Другая версия гласит, что клад, напротив, принадлежал франкским королям, которые заняли место вестготов. По третьей версии, во время крестьянского восстания 1250 года королева Бланш спрятала близ Ренн-ле-Шато фамильные драгоценности и золото, а сама вместе с семьей бежала в Испанию.

В 1956 году Рене Декадейа, хранитель библиотеки Каркассона, с несколькими энтузиастами предприняли раскопки в церкви Ренн-ле-Шато перед главным алтарем, где нашли немало любопытного. Например, череп мужчины с ритуальной зарубкой, а в саду дома Соньера — скелеты трех мужчин со следами огнестрельных ранений. В 1960 году специальная комиссия из Парижа предприняла в храме новые раскопки. Что они нашли — осталось в тайне…

Загадка замка Жизор

Это произошло в 1944 году. В ту пору в замке Жизор, расположенном в Нормандии, в 63 км от Парижа, служил сторожем (и попутно — гидом) некто Ломуа. Привлеченный слухами о каком-то таинственном кладе, скрытом в недрах холма, на котором стоит замок, в одну из ночей он отправился раскапывать старый колодец, засыпанный землей. Прокопав вглубь около 3 м, Ломуа обнаружил боковую галерею,

ответвлявшуюся от ствола колодца и уходившую куда-то в глубь холма. Попытку пробраться в нее едва не закончилась трагедией: произошел обвал, и Ломуа со сломанной ногой с большим трудом выбрался наверх. Впрочем, это не остановило его, и, едва оправившись от травмы, Ломуа вместе со своим другом вновь отправился на поиски загадочного подземного хода. После нескольких дней непрерывных работ они на глубине 16 м нашли пустую камеру размерами 4 х 4 м, потом — еще одну горизонтальную галерею, проложенную в толще холма. Ни одно из этих сооружений не было связано с какими-либо другими подземельями. История становилась все более загадочной. Было ясно лишь, что весь холм под замком Жизор пронизан какими-то подземными ходами и камерами. Но кто и с какой целью их построил?

В марте 1946 года Ломуа возобновил раскопки. Идя от конца обнаруженной им боковой галереи, ему удалось углубиться под землю на 21 м. Здесь путь ему преградила каменная стена. Пробив в ней отверстие, Ломуа оказался в обширном подземелье. При свете фонаря он увидел, что это была настоящая старинная капелла романской архитектуры, длиной около 30 м, шириной 9 м и высотой 4,5 м. В дальнем конце зала располагался каменный алтарь с балдахином над ним. Вдоль стен стояли статуи Христа и двенадцати апостолов. Ломуа насчитал в часовне 19 каменных саркофагов длиной около 2 м каждый и не менее 30 старинных сундуков, скорее даже комодов, лежащих на полу. Каждый из них имел длину около 2,5 м, высоту 1,8 м и ширину 1,6 м. Вскрыть их Ломуа, по его словам, не сумел.

Поднявшись на поверхность, кладоискатель явился в мэрию и рассказал о своей необыкновенной находке, но никто ему не поверил. Никто из чиновников не решился спуститься под землю, чтобы удостовериться в правдивости рассказа Ломуа. Лишь два человека — родной брат Ломуа и один армейский офицер — отправились по следам кладоискателя, но достичь капеллы они не сумели.

Между тем городские власти обвинили Ломуа в том, что своими самодеятельными раскопками он мог повредить фундаменты замка и нанести тем самым ущерб историческому памятнику. Ломуа был уволен. Однако он не оставлял своей мечты добраться до таинственной капеллы и в 1952 году сумел убедить двух богатых людей вложить деньги в это предприятие. Однако власти Жизора в обмен на разрешение вести поиски пожелали получить 80 % сокровищ, если таковые удастся найти. При таких условиях предприятие не принесло бы никакой прибыли, и инвесторы отказались финансировать его. Потом загадочную капеллу искали еще не раз. И хотя существование подземных галерей под замком Жизор подтвердилось, найти таинственный зал со статуями, саркофагами и сундуками не удалось пока никому. А между тем кто-то, говорят, даже нашел в старых архивах рукописный рисунок этой капеллы, относящейся ко временам Средневековья. Легенды утверждают, что именно здесь, под замком Жизор, с XIV века хранятся наиболее важные тайны и сокровища знаменитого ордена тамплиеров…

Замок Жизор действительно некоторое время находился в руках тамплиеров. Впрочем, история его начинается гораздо раньше — в IX столетии. Река Эпт, на которой стоит замок, на протяжении нескольких

столетий служила рубежом между французскими и английскими владениями в Нормандии. По обеим ее сторонам было выстроено множество замков, наиболее важным из которых был Жизор. Он занимает стратегически важный пункт на вершине холма, господствующего над долиной Эпта. Через Жизор пролегали две дороги из Парижа в Руан: по реке и по суше.

Столь выгодно расположенный пункт вплоть до XV столетия оставался яблоком раздора. В 945 году французский король Людовик IV был вынужден отдать Жизор англичанам. В 1066 году другой французский король, Филипп I, отбил его у Вильгельма Завоевателя, но, увы, ненадолго. В 1087 году преемник Вильгельма Завоевателя, английский король Вильгельм II Рыжий полностью перестраивает Жизор; насыпает искусственный холм высотой 14 м и возводит на его вершине деревянные укрепления. В 1090 году новым владельцем замка становится рыцарь Тибо де Пайен — племянник Гуго де Пайена, основателя ордена тамплиеров. Так в первый раз судьба Жизора пересекается с судьбой знаменитого ордена…

При Тибо де Пайене замок начал перестраиваться в камне. Холм был подсыпан и увеличен; на его вершине выросла внушительная, октагональная в плане цитадель. Перестройкой руководил архитектор Роберт Беллем, которому помогал другой зодчий, Лефруа, много работавший по заказам тамплиеров (в частности, он построил орденские замки в Беллеме и Ноже-ле-Ротруа, оба — с подземными капеллами, подобными той, что якобы видел в Жизоре кладоискатель Ломуа). А в 1128 году, когда замок уже был готов, в нем побывал и сам основатель ордена тамплиеров Гуго де Пайен. Рассказывают, что именно здесь, в Жизоре, знаменитый аббат Бернард Клервоский (1090–1153), сидя под сенью старинного вяза, собственноручно написал устав ордена тамплиеров.

В 1119 году в Жизоре в присутствии папы римского Каликста II состоялась встреча королей Англии и Франции Генриха I и Людовика VI. На обратном пути в Англию корабль, на борту которого находились английская королева и единственный сын Генриха I, затонул. Сам король Генрих погиб у стен Жизора в 1135 году, убитый выстрелом из лука.

В 1144 году Жизором овладел французский король Людовик VII. Желая прекратить многолетнюю вражду между Англией и Францией, архиепископ Кентерберийский Томас Бекетт начал в 1155 году переговоры на предмет заключения династического брака: принцу Генриху, сыну английского короля Генриха II Плантагенета, и принцессе Маргарите, дочери Людовика VII, предстояло, войдя в пору совершеннолетия, стать мужем и женой. В приданое за невестой Людовик VII отдавал замок Жизор, а пока будущие супруги не достигли совершеннолетия, замок переходил в попечение рыцарей ордена тамплиеров.

В 1161 году бракосочетание юных принца и принцессы наконец состоялось, и Жизор перешел в собственность английской короны. Король Генрих II завершил строительство замка. В том же 1161 году Людовик VII и Генрих II подписали в стенах Жизора договор о союзе, оказавшийся — как часто бывало в те времена — весьма кратковременным. В 1180 году новым королем Франции стал Филипп II Август, и давняя вражда двух стран возобновилась.

В окрестностях Жизора король Филипп-Август и английский принц Ричард (будущий король Ричард Львиное Сердце) устраивали тайные встречи, интригуя против Генриха II (овладев троном, Ричард Львиное Сердце первое время сохранял добрые отношения с Филиппом-Августом). В 1188 году в Жизоре архиепископ Гийом Тирский в присутствии Филиппа-Августа и английского короля Генриха II призвал европейских монархов к Третьему крестовому походу. Этот поход начался в 1188 году, но английских рыцарей повел в поход уже новый король — Ричард Львиное Сердце.

Филипп-Август вернулся из крестового похода гораздо раньше Ричарда (в 1192 году, на обратном пути из Святой земли, английский король попал в плен к германскому императору) и, ссылаясь на заключенный на Сицилии договор между двумя монархами, потребовал передать Жизор под власть французской короны. Комендант замка отказался выполнить это требование в отсутствие короля. 20 июля 1193 года французская армия штурмом взяла Жизор.

Вернувшись из плена, Ричард Львиное Сердце начал военные действия против своего бывшего друга и союзника. Англичанам удалось быстро отвоевать ряд замков в Нормандии. Ричард Львиное Сердце укрылся в Жизоре в ожидании решающей схватки. Однако в 1199 году король Ричард был смертельно ранен под стенами замка Шалю. В том же году Жизор и его окрестности окончательно были присоединены кФранции.

В 1307 году начался разгром ордена тамплиеров. Французский король Филипп Красивый осуществил внезапную и хорошо подготовленную операцию против руководителей ордена. 29 ноября 1308 года в Жизор были привезены несколько тамплиеров высоких рангов. Они оставались здесь в заключении до 1314 года. Об этом напоминает сегодня название входной башни замка: башня Узников. Хотя она и была серьезно повреждена в годы Второй мировой войны, на стенах помещений второго и третьего яруса до сих пор сохранились надписи, оставленные заточенными здесь тамплиерами.

В 1419 году, во время Столетней войны, Жизор после трехнедельной осады был захвачен войсками герцога Кларенса. Англичане существенно перестроили замок. Реконструкция была главным образом направлена на то, чтобы средневековые укрепления могли устоять перед лицом нового грозного оружия: артиллерии. В 1449 году Карл VII вернул себе Нормандию вместе с Жизором, и с той поры замок уже не видел у своих стен чужих солдат. Впрочем, военное значение Жизора быстро сошло на нет: развитие артиллерии не оставило никаких шансов старинным твердыням. В 1599 году замок был исключен из списка французских крепостей.

А что же клад тамплиеров? Действительно ли в недрах холма под Жизором скрывается таинственная капелла со скульптурами, саркофагами и загадочными сундуками? Ответ на этот вопрос, возможно, когда-нибудь будет найден. Пока же можно сказать одно: если эта капелла и существует, то она вряд ли может быть связана с орденом тамплиеров. Вспомним: ведь, строго говоря, замок находился во временном управлении рыцарей-храмовников лишь три года: с 1158 по 1161 год, и им не было никакого смысла укрывать что-либо в крепости, которая им не

принадлежит. Но средневековая история Жизора и без тамплиеров была довольно бурной, и кто знает: может быть, действительно кто-нибудь из его владельцев пожелал скрыть некую тайну в глубоких подземельях замка?

Сокровища Монтесумы

С именем легендарного конкистадора Эрнана Кортеса (1485–1547) связано не только покорение империи ацтеков, но и множество легенд о несметных сокровищах, бесследно пропавших или спрятанных в тайниках. Одна из наиболее известных историй подобного рода — легенда о сокровищах Монтесумы. Что лежит в основе этого предания?

…8 ноября 1519 года отряд Эрнана Кортеса, насчитывавший около 250 человек, вступил в столицу ацтеков Теночтитлан. Ацтекский правитель Монтесума — все без исключения источники, и испанские, и индейские, характеризуют его резко отрицательно, подчеркивая такие черты характера, как трусость, суеверность и чудовищную жестокость (ежегодно по приказу Монтесумы умерщвлялось до пятидесяти тысяч человек, включая детей), — официально пригласил испанцев в свою резиденцию в качестве гостей и устроил им небывало помпезную встречу. Сразу же после торжественного въезда Кортеса в Теночтитлан Монтесума нанес конкистадору визит и предоставил в его распоряжение дворец своего предшественника, Ашайакатля.

На третий день пребывания во дворце испанцы обнаружили в одной из комнат свежую кирпичную кладку. Не долго думая, они проломили стену и оказались в обширном зале, буквально набитом несметными богатствами! Здесь лежали тысячи золотых и серебряных предметов, слитки, золота, дорогие ткани, драгоценные камни, золотые столовые приборы… Все эти сокровища некогда принадлежали императору Ашайакатлю.

Кортес благоразумно сделал вид, что ему ничего не известно об этом тайнике. Он приказал своим солдатам вновь замуровать «золотую комнату» и хранить молчание. Его расчет оказался верен: втайне стремясь поскорее избавиться от пришельцев, Монтесума сам подарил всю эту сокровищницу испанскому королю Карлу V, предложив Кортесу как можно скорее доставить драгоценный дар в Испанию (то есть, говоря недипломатическим языком, — убраться побыстрее).

Но Кортес вовсе не спешил в Испанию. Он прекрасно видел, что помимо «золотой комнаты» в Теночтитлане есть еще немало другой добычи и нет никакого резона оставлять это золото и серебро дикарям. Правда, до того как овладеть этими богатствами, ему предстояло гораздо более сложное и неприятное дело: разрешить давний спор с губернатором Кубы Диего Веласкесом. Завидуя успехам Кортеса, Веласкес отправил в Мексику военную экспедицию, которая должна была захватить знаменитого конкистадора и доставить его в Гавану. Оставив в Теночтитлане большую часть своих солдат во главе с Педро де Альварадо, Кортес выступил в поход против людей Веласкеса.

В мае ацтеки отмечали большой праздник, посвященный божеству Уицилопочтли. Они обратились к Альварадо с просьбой разрешить им совершить торжественное богослужение. Альварадо дал согласие, но с условием: в главный храм все должны явиться безоружными. Индейцы приняли это условие. Со всех концов страны на праздник в Теночтитлан собрались знатные ацтеки, с головы до пят увешанные золотыми

украшениями. Пришли на празднество и испанцы. Но, в противоположность ацтекам, — не безоружные…

По знаку Альварадо испанцы обнажили мечи и обрушили их на головы ацтеков. Почти все участники ритуала были перебиты. В руки конкистадоров попали множество золотых украшений и драгоценных камней. Однако вероломство испанцев вызвало возмущение индейцев, и весь Теночтитлан восстал. Положение спасло лишь возвращение Кортеса.

Сражение, как повествуют хроники индейцев, началось в тот момент, когда Кортес вступал во дворец. Штурм следовал за штурмом, силы испанцев таяли. В этой критической ситуации на помощь конкистадорам пришел трусливый Монтесума. В торжественном облачении он вышел на крышу дворца, и ацтеки мгновенно пали ниц перед своим повелителем. Монтесума призвал индейцев сложить оружие, обещая, что испанцы сами, без боя покинут Теночтитлан. Это вызвало волну возмущения. «Ты баба, ты позорище ацтеков, Монтесума!» — кричали индейцы. В ничтожного императора полетели камни и стрелы. Монтесума был тяжело ранен и вскоре умер.

Ацтеки продолжали атаковать испанцев. Кортес понял, что ему не устоять. В полночь 1 июля 1520 года он отдал приказ отступать. Наступила ночь — несомненно, самая тяжкая в жизни Кортеса. Позже испанский хронист и участник этих событий Берналь Диас назовет ее «ночью печали». Единственным путем отступления для испанцев служила дамба через искусственное озеро, которую ацтеки успели разрушить в нескольких местах. Солдатам Кортеса приходилось переправляться вплавь. С кровель дворцов, с берегов озера, с дамбы на испанцев сыпался град стрел и камней. Десятки испанцев пошли ко дну. Та же судьба постигла и караван мулов, нагруженных сокровищами Монтесумы. Выбравшись на берег, Кортес понял, что вся его добыча лежит на дне…

После того как конкистадоры оставили Теночтитлан, ацтеки подняли драгоценный груз со дна озера, присовокупили к нему сокровища столичных дворцов и храмов и отправили все это золото и серебро на север Мексики. Где-то там, в горах Сьерра-Мадре, а возможно, и еще дальше — в Аризоне или в Юте, «сокровища Монтесумы» были тщательно укрыты в хорошо замаскированных тайниках.

В первых числах июня 1521 года отряд Кортеса, пополнившийся новыми бойцами, снова подступил к Теночтитлану. Осада столицы ацтеков продолжалась около двух месяцев. 13 августа 1521 года, когда силы оборонявшихся были уже истощены, испанцы захватили на озере спасавшийся бегством челн, в котором оказались предводитель обороны Теночтитлана — последний ацтекский правитель Куаутемок, его жена — она же младшая дочь Монтесумы, и несколько знатных вельмож. С пленением Куаутемока завершилось сражение за Теночтитлан. Город лежал в развалинах, десятки тысяч его жителей были убиты. Кортес пытался выведать у Куаутемока тайну сокровищ Монтесумы, но индейский вождь наотрез отказался сообщить, где спрятано золото. Его жестоко пытали, но и под пытками Куаутемок ничего не сказал.

Сокровища Монтесумы искали многие годы. На территории Мексики их не нашли. Многие годы спустя индейцы Аризоны рассказывали легенду о том, как однажды большой караван бронзоволицых носильщиков с

тяжелым грузом на плечах проследовал через горные перевалы на север, к реке Колорадо. Его сопровождали воины, украшенные перьями, с кожаными щитами и копьями в руках. Обратно не вернулся ни один человек…

Золото инков

Сколько крокодиловых слез было пролито разного рода авторами по поводу горькой судьбы «миролюбивых индейцев», в одночасье ставших жертвами «алчных конкистадоров»! Как только не клеймили они Кортеса и Писарро в порывах «благородного» гнева! Между тем за этой бурей искусственно нагнетаемых эмоций совсем скрылся из виду простой вопрос: а откуда взялось такое изобилие золота, к примеру, у могущественных вождей империи инков? Плоскогорья Южного Перу — историческая родина инков — сравнительно небогаты этим металлом. Каким же образом достались «миролюбивым» инкам их сказочные богатства?

Империю инков называли не только «империей Солнца», но и «империей золота». Согласно представлениям инков, между золотом и ними, «сыновьями Солнца», существовала особая, мистическая связь. Золото было своеобразным тотемом владык империи Тауантинсуйу. Именно поэтому правители этой империи — Великие Инки — объявили золото своей собственностью. Все золото, независимо от того, находилось ли оно еще в земле или же было из нее извлечено, принадлежало только одному человеку — императору.

Золото украшало храмы Солнца и дворцы всесильных владык огромного государства. «Миролюбивые» инки так же рвались обладать золотом, как рвались к нему «алчные» испанские конкистадоры. Ведя непрерывные захватнические войны, инки расширили пределы своей империи до невероятных пределов и повсюду на захваченных ими территориях взимали с покоренных племен дань золотом. Самую большую добычу «сыновья Солнца» получили после захвата государства индейцев чиму, занимавшего прибрежные территории Северного Перу. Награбленное в городах и храмах чиму золото инки вывезли в Кахамарку: по иронии судьбы, именно в этот город Франсиско Писарро будет свозить захваченные им сокровища инков…

Столица инков, город Куско, являлась настоящим городом золота: здесь в прямом смысле слова сосредоточивалось все золото Южной Америки. Инки под страхом смертной казни запрещали выносить из города желтый металл, хоть раз побывавший в Куско. Ежегодно со всех концов империи в Куско поступало 15 тысяч арроб золота (1 арроба — 11,4 кг). Таким образом, можно подсчитать, что во время правления инков в столицу их империи было доставлено совершенно невообразимое количество золото: от 50 до 100 тысяч тонн!

На заре истории инков золото имело в их глазах сакральный характер и служило доказательством исключительности инков и символом их сверхъестественной связи с Солнцем — небесным отцом. В последующие века золото стало символом головокружительного богатства «сыновей Солнца», самовластно объявивших себя воплощением солнечного божества, владыками всего мира. С помощью золота они демонстрировали свою мощь, безграничное богатство и… столь же безграничную спесь, алчность и жестокость.

Испанцы, ступившие на землю Перу, в глазах тринадцатого Великого Инки Атауальпы были ничтожествами, чем-то вроде блох. Сын и наместник божественного Солнца вряд ли бы снизошел до встречи с этими жалкими червяками, если бы не настойчивость Франсиско Писарро и дипломатический талант и опыт Эрнандо де Сото. Долгожданная для испанцев встреча началась с того, что перед Атауальпой предстал монах-доминиканец Винсенте де Вальверде. Слова, с которыми он обратился к инкскому вождю, были темны и непонятны: монах говорил о Боге-отце, сотворившем мир, о его единородном сыне Иисусе Христе, который страдал за людей и умер на кресте…

Атауальпа слушал пришельца с недоумением, постепенно сменявшимся яростью: о каком Боге толкует этот странный человек, когда он, Атауальпа, и есть бог? Что это за Бог такой, который мог воплотиться в человека, пожертвовать собой и умереть мученической смертью ради спасения людей? Это он, Атауальпа, одним мановением руки отправляет на смерть тысячи людей! Только что по его приказу были зверски умерщвлены тысячи жителей Куско, поддержавших его мятежного брата Уаскара. 35 братьев Уаскара (бывших вместе с тем и сводными братьями самого Атауальпы), 80 детей ненавистного соперника, его многочисленные жены и наложницы, включая беременных, были посажены на колья или живьем забиты камнями. Палачи Атауальпы сдирали кожу с живых людей, еще не родившихся детей вырывали из чрева матерей…

Самого Уаскара милосердный бог Солнца пощадил: он просто посадил его, связанного по рукам и ногам, смотреть на то, в каких страшных муках умирают его дети. Уаскар молча наблюдал за этим кошмаром, и лишь запекшиеся уста пленника еле слышно шептали молитву: «О Виракоча, творец вселенной! Пусть так же воздастся тому, кто так со мной поступает. И пусть когда-нибудь ему самому придется увидеть своими глазами то, на что я должен теперь смотреть…»

И вот этот час, о котором молил Уаскар, наступил. 177 испанцев стояли перед 50-тысячной ордой «сыновей Солнца», в то время как само «божество» с нарастающим гневом слушало речи Вальверде. Конфликт цивилизаций был неизбежен: эти люди жили в разных мирах и в прямом, и в переносном смысле слова. Пожалуй, их роднило только одно: неутолимая жажда золота…

Первые же выстрелы двух испанских пушек вызвали панику в рядах армии Атауальпы. Поражение «сыновей Солнца» было полным. «Божество», восседавшее на носилках из чистого золота, в мгновение ока было свергнуто с пьедестала своего величия, превратившись в жалкого пленника.

Атауальпа предложил за себя выкуп: в обмен на жизнь и свободу он обещал наполнить золотом на высоту поднятой вверх руки весь огромный зал, в котором содержали пленника. Писарро дал «богу Солнца» два месяца сроку. Во все концы страны были разосланы гонцы с узелковыми письмами-кипу: узлы разной формы и размера говорили, сколько золота должна доставить в Кахамарку та или иная провинция. Выкуп был собран, однако принц Уаскар, содержавшийся по повелению императора под стражей, сумел отправить к Писарро своего посла с предложением: он

заплатит испанцам еще больший выкуп, если те помогут ему вернуть престол. Атауальпа заволновался: жестокий и малодушный трус, он боялся Уаскара больше, чем всех испанцев, вместе взятых. Он отдал своим подчиненным приказ немедленно убить Уаскара.

Приказ императора инки выполнили без промедления: Уаскар был утоплен. Легкость, с которой «божество» отправило на смерть своего сводного брата, покоробила даже видавших виды испанцев, среди которых отнюдь не было смирных овечек. Атауальпу предали суду трибунала, который приговорил императора к смертной казни. В числе выдвинутых против него обвинений на первом месте стояло убийство Уаскара. 29 августа 1533 года Атауальпа был задушен. Новым императором при поддержке испанцев стал Манко II, брат убитого Уаскара.

Эти события послужили питательной почвой, на которой выросли и буйно расцвели десятки слухов о несметных сокровищах инков, якобы спрятанных ими от конкистадоров. Рассказывают, например, что накануне казни обреченный Атауальпа передал верным людям узелковое письмо-кипу: тринадцать узелков были привязаны к слитку золота. Что это могло значить? Будто бы сразу после этого многие сокровища из храмов инков бесследно исчезли. Легенда гласит, что караваны носильщиков унесли и спрятали их где-то высоко в горах, в глубоких пещерах на склонах Анд. Там они и пребывают до сего дня…

Взяв в плен Атауальпу, Писарро направил в Куско трех своих людей, которые в первый же день захватили в святилищах инков около 100 центнеров золота. Потом в столицу Тауантинсуйу прибыл весь отряд Писарро. Общая сумма захваченной здесь испанцами добычи составила 588 226 песо золота и 164 558 марок серебра (одно песо соответствовало 46 граммам золота и стоило 450 марок. Серебряная марка была в несколько раз тяжелее золотого песо). Доля каждого из рядовых участников похода составила 4 тысячи песо золота и 70 марок серебра. Однако испанцам было этого мало: ходили слухи, что все добытые ими сокровища представляют собой лишь часть истинного богатства Куско.

Особенно охотно подхватили эти слухи новые пришельцы из Старого Света, опоздавшие к дележу сказочных богатств империи Тауантинсуйу. Сразу же после похода Писарро было предпринято бессчетное количество попыток отыскать недостающую часть «золота Куско». До сих пор искатели сокровищ не оставили попыток отыскать спрятанное золото инков в подземных лабиринтах, якобы находящихся под крепостью Саксауаман — цитадели столицы инков. Версия о том, что золото инков сокрыто именно под Саксауаманом, опирается на многочисленные слухи и легенды. Рассказывают, например, о случае с двумя индейскими мальчиками, произошедшем уже в XX столетии: они будто бы заблудились в подземелье могучей крепости и целых три дня о них не было ни слуху ни духу. Потом они все-таки выбрались на свет Божий, причем вышли на поверхность уже на территории самого города — в районе монастыря Санто-Доминго. Из этого продолжительного путешествия по подземельям Саксауамана, а затем по каким-то загадочным переходам под самим городом Куско, мальчики принесли золотой початок кукурузы, изготовленный древними инкскими ювелирами. По словам мальчиков, они нашли его в подземельях…

Впрочем, помимо случайных мелких находок, золотые сокровища Куско так до сих пор и не обнаружены. Между тем, по подсчетам энтузиастов, они должны составлять десятки, если не сотни тонн! Рассказывают, что когда Великий Инка Манко II встретился с испанским послом Руисом Диасом, он высыпал на стол бокал кукурузных зернышек. Одно из этих зернышек Манко взял в руки и сказал: «Это все, что вам досталось из золота инков». Затем показал на оставшиеся зернышки и сказал: «А это то золото, которое осталось у нас». Манко II предложил послу следующее: он отдаст ему все золото инков, если белые навсегда покинут Тауантинсуйу. Но испанцы не согласились на это заманчивое предложение. Так что сокровища инков до сих пор лежат где-то в тайниках и ожидают своего счастливого первооткрывателя…

Испанским конкистадорам, возможно, не удалось завладеть и личными сокровищами инкских императоров. Эти сокровища хранились не в Куско, а в других местах империи, куда белые проникли гораздо позже. Так, к примеру, известно, что большой клад могущественного Великого Инки Пачакути хранился в неприступном, возвышающемся на скале городе Писаке, в трех больших пещерах неподалеку от вершины горы Писак. Сокровища Инки Уайна Капака, который был, по словам хроник, «большим любителем золота», хранились в перуанском городе Юкай. В городе Чинчеро, по слухам, хранятся сокровища Великого Инки Тупака Юпанки. Известно также, что множество сокровищ находилось в труднодоступном городе Мачу-Пикчу, который был открыт Хайремом Бингемом только в 1911 году. Испанские завоеватели не могли завладеть этими сокровищами хотя бы потому, что в Мачу-Пикчу вплоть до XX века не ступала нога белого человека. Наконец, существует предание о том, что где-то под непроницаемой завесой джунглей таятся затерянные города инков Вилькабамба, Виткос, Пайтити. В этих загадочных городах также, должно быть, хранится золото, спрятанное инками от ненасытных завоевателей…

Сокровища Андрея Старицкого

Редкий путешественник доберется до старинного села Микулина — находится оно вдалеке от больших дорог, на самой границе Московской и Тверской областей. Над поймой тихой и светлой речки Шоши, окруженный оплывшими, но все еще внушительными валами, среди вековых берез стоит древний собор Михаила Архангела — усыпальница последнего князя Микулинского Семена Ивановича, «мужа, известного умом и храбростию», участника взятия Казани и Ливонской войны. Только собор и эти заросшие травой валы, усеянные белыми цветами земляники, напоминают о тех давних годах, когда Микулин был одним из важнейших тверских городов и центром удельного княжества.

Микулин был построен тверичами для защиты Твери с юго-запада, со стороны Волоколамска, а первым микулинским князем в 1363 году стал Михаил Александрович — «бе муж страшен, и сердце его яко сердце льву». При нем в Микулине и был возведен этот сохранившийся до нашего времени вал, и построена деревянная крепость — детинец. А много лет спустя, в 1398 году, уже на склоне лет своих, князь Михаил — великий князь Тверской, — проживший тяжелую, полную борьбы, сражений, изгнаний жизнь, построил в Микулине каменный собор во имя своего

небесного патрона — Михаила Архангела. Видимо, помнил хорошо князь годы юности, проведенные в Микулине, и хотел, чтобы и город помнил о нем. Но тот собор не сохранился — вместо него, на фундаментах и подклете старого, князья Микулинские построили в 1559 году новый собор — пятиглавый, стройный, высоко вознесшийся над поймой Шоши. Но закладную доску перенесли из старого — еще и сегодня можно прочитать полустертые буквы: «В лето 6906 построен собор сей Архистратига Михаила Великим Князем Тферскым Михаилом Олександровичем…»

Своего расцвета Микулин достиг в XV веке, когда город стал одним из крупнейших в Тверской земле. Князь Михаил завещал Микулин своему сыну Федору, ставшему родоначальником самостоятельной ветви Тверского княжеского дома — князей Микулинских. Город начал застраиваться по обоим берегам Шоши, вокруг детинца разросся обширный посад, где велся значительный торг. В городе имелось 18 деревянных церквей, следы которых сохранялись и в XIX веке. Микулинские князья чеканили свою монету — не только серебряную, но и разменную, медную, и находки старинных «денег» и «пул» и сейчас нередки в Микулине.

А в один из дней 1850 года в осыпи микулинского вала был найден удивительный клад — массивная серебряная чаша, покрытая чеканным орнаментом, с изображением Святого Георгия, поражающего копьем дракона. На дне чаши вилась загадочная надпись: «кпвлкгно ргна».

Уникальная находка прошла через множество рук, пока не оказалась в Историческом музее, где ею заинтересовался известный русский нумизмат А. В. Орешников. Исследовав ее, он пришел к выводу, что владельцем чаши мог быть князь Юрий Дмитриевич Звенигородский, второй сын Дмитрия Донского. А укрыл ее в Микулине, по мнению Орешникова, не кто иной, как сын князя Юрия — Василий Косой, и случилось это во время очередной княжеской усобицы за московский великокняжеский стол.

Эту гипотезу, хотя и доказательную, все же нельзя считать до конца достоверной. Чаша на самом деле могла сменить не одного владельца — ведь такими предметами дорожат и передают из поколения в поколение. Да и был ли Василий Косой в Микулине? Его маршруты лежали гораздо севернее и восточнее — Дмитров, Галич, Вятка, Новгород, Бежецк, Вологда. И с чего бы вдруг князь из Московского княжеского дома стал прятать свои сокровища в крупном городе чужого княжества? Микулин в те годы прочно находился в руках сильной Твери, и вряд ли тверичи не следили за передвижениями беглого князя, чей беспокойный нрав был им к тому же хорошо известен.

А вот другой изгнанник в Микулине был наверняка — через этот город лежала дорога из Москвы в его владения. Звали этого изгнанника князь Андрей Старицкий.

Младший сын Ивана III, Андрей Старицкий был родоначальником ветви последних удельных князей в России. С гибелью в 1563 году его сына, Владимира Старицкого, убитого в московской темнице, род князей Старицких пресекся.

Став в 1505 году старицким князем, Андрей Иванович носил этот титул до 1537 года, больше бывая в Москве, чем в Старице. «Будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, — пишет

Карамзин, — пользовался наружными знаками уважения при дворе и в совете бояр, но в самом деле он нимало не участвовал в правлении… то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем». После смерти Василия III Андрей Старицкий бил челом вдове великого князя Елене Глинской о прибавлении новых областей к его уделу. Ему отказали, но, по древнему обычаю, в память об усопшем дали щедрые дары из московской великокняжеской казны, в том числе «множество драгоценных сосудов». Не тогда ли попала к Андрею Старицкому старинная чаша Юрия Звенигородского?

Но «драгоценных сосудов» Андрею Старицкому показалось мало, и произошло у него с Еленой Глинской «несогласие». Сочтя себя обделенным, князь Андрей уехал в Старицу. Дорога же из Москвы в Старицу лежала через Микулин…

Отъезд князя «в обоих сторонах произвел подозрение». Елена Глинская видела в Андрее Старицком соперника, реального претендента на московский стол. Отношения Москвы и Старицы начали обостряться. После серии интриг, сопровождаемых дипломатической перепиской, терпение Москвы лопнуло и на арену выступили войска. Дружины князей Оболенских и боярина Никиты Хромого тайно начали стягиваться к Волоколамску. Андрей немедленно выехал из Старицы с женою и сыном и остановился в селе Берново…

Старинное село Берново на реке Тьме имеет богатую историю. Оно известно еще с XIV века, когда являлось одним из пограничных пунктов между владениями Твери и Новгорода. Село принадлежало новоторжским боярам Берновым, здесь проходил оживленный торговый тракт. После 1569 года Берново поступило в опричнину, а в начале XVII века было отдано стольнику Калитину. За его потомками оно сохранялось до середины XVIII столетия, составляя одно огромное владение, и вся окрестная местность вплоть до начала XX века сохраняла название Калитинщины. При Калитиных в 1699 году в Бернове была построена дошедшая до наших дней Успенская церковь.

Вот в этом-то селе и разбил свой лагерь мятежный князь. Отсюда он планировал двинуться на Новгород, «потому что новгородцы к его принятию были склонны». Стоя лагерем в Бернове, мятежный князь рассылал грамоты дворянам и детям боярским, призывая их под свои знамена, чтобы «овладеть Новгородом и всею Россиею, буде возможно».

Вот тут-то, в Бернове, говорят, и остались лежать в земле главные сокровища Андрея Старицкого. Местное предание рассказывает, что, «не зная, будет ли ему успех, а либо смерть от меча, схоронил тайно князь Андрей Иванович в Бернове часть своего кошта». Заметьте — часть! А остальное? Какая-то часть, вероятно, оставалась в княжеском обозе. А отголоском судьбы других пропавших «драгоценных сосудов», вероятно, стала серебряная чаша из Микулина.

Судьба Андрея Старицкого завершилась трагически: не получив нигде поддержки, он доверился честному слову Москвы и явился к Елене Глинской с покаянием. Но по прибытии в Москву его схватили и «посадили в заточение на смерть». Через полгода князя не стало. Были казнены все его ближние бояре, участники похода в Берново — князь И. А. Пенинский-Оболенский, князь Г. А. Пенинский-Оболенский Большой, князь

Г. А. Пенинский-Оболенский Меньшой, князь И. Б. Палецкий, князь И. А. Хованский, боярин И. И. Лобанов-Колычев. Были повешены и около 30 новгородских дворян, явившихся на призыв старицкого князя. Никого из посвященных в тайну берновского клада в живых не осталось.

А «драгоценные сосуды» и другие сокровища Андрея Старицкого до сих пор ждут своего находчика. Если они существуют, конечно…

Легендарное золото ускоков

В Морском архиве Венеции, одном из крупнейших в мире хранилищ древних документов, нередко можно встретить молодых парней спортивного вида, погруженных в изучение старинных фолиантов в кожаных переплетах с медными застежками. Это посетители особого рода, их цель — выяснить, где, когда и при каких обстоятельствах, а главное, с каким грузом на борту затонули за прошедшие столетия в Адриатическом море различные суда. Они делают зарисовки, сникают копии с планов расположения погибших судов, уточняют местоположение населенных пунктов, которые за минувшие годы изменили названия или вообще перестали существовать. Затем, запасшись аквалангами, гидрокостюмами, подводными съемочными камерами и прочим снаряжением, необходимым для поисков, они поселяются где-нибудь на побережье Адриатики, например, в Задаре, Улцине или в какой-либо из прибрежных деревень, и наводят справки у местных жителей: «Нет ли здесь поблизости укромной бухты? А где находится пиратский залив?»

Иногда вместо вопросов поступают предложения такого рода: «Мы точно знаем, что у острова Корнат в 1673 году затонул корабль пиратского капитана Рамадана с сокровищами на борту. Помогите нам отыскать это место. Все, что найдем, поделим между собой поровну».

Устремления предприимчивых молодых людей имеют под собой реальную почву. Бумаги Морского архива дают точные сведения о местах и причинах гибели судов. Из них известно, например, что у берегов полуострова Истрия, вблизи Ровиня, лежит на морском дне под толстым слоем песка богатый клад, который с давних пор будоражит умы искателей приключений. А история его такова.

В конце марта 1579 года в гавани этого приморского городка, который был в те времена военно-морской базой Венецианской республики, стояло несколько венецианских и турецких кораблей, нагруженных сказочными сокровищами: ларцами с ювелирными изделиями и произведениями искусства, предназначавшимися для подарков влиятельным особам из заморских стран. В то время венецианцы торговали со всем миром. Турки тоже достигли вершины своего могущества, но Адриатическое море было им неподвластно. Здесь хозяйничали ускоки — беглецы из захваченной турками Боснии, в основном бывшие крепостные, совершавшие с территории Далмации набеги на турецких угнетателей. Венецианцы и турки заключили союз против ускоков. Жестокие бои между противниками велись с переменным успехом.

Однажды капитан венецианского корабля приказал отрубить головы всем членам команды захваченного в плен ускокского судна. Узнав об этом, ускоки поклялись жестоко отомстить за гибель своих соратников. Семнадцать кораблей, на борту, которых находилось пятьсот вооруженных с ног до головы ускоков, под командованием самого бесстрашного —

капитана Милоша Славича, — перед наступлением сумерек подошли к Ровиньской гавани. План нападения был разработан до мельчайших подробностей. Стремительно ринулись они к стоящим на якоре торговым судам и с обнаженными саблями ворвались на палубы. Спустя несколько минут большинство неприятельских судов уже было в их руках. Если какое-либо из них оказывало сопротивление или, выбросив за борт груз, пыталось вырваться из окружения, то такое судно поджигали.

Перед рассветом ускоки на двадцати четырех доверху нагруженных судах — семнадцати своих и семи захваченных — покинули гавань. Половина драгоценного груза досталась ускокам, вторая оказалась в ту ночь выброшенной за борт. С тех пор она лежит на дне моря.

В другой раз венецианско-турецкой флотилии удалось загнать несколько ускокских судов в бухту на западном побережье далматинского острова Ист. С наступлением ночи нападающие соорудили у выхода из бухты заграждение и стали ждать рассвета. На заре корабли союзников после основательной артиллерийской подготовки вошли в бухту, чтобы завершить уничтожение ускокских судов вместе с командой. Но те бесследно исчезли. Лишь из-за прибрежных скал высовывались длинные ружья ускоков и виднелись их шапки. Но почему-то никто не стрелял. Не встречая сопротивления, нападающие стали высаживаться на берег. И только там они поняли, в чем дело. На остроконечные камни были нахлобучены шапки, а из-за них торчали сухие жерди, издали похожие на ружейные стволы. Ускоков же и их судов нигде не было видно. Присмотревшись, одураченные венецианцы и турки заметили на камнях расплющенные куски мяса. Свои суда и часть добычи ускоки протащили через неширокий остров по подстилке из свежей говядины. На другой стороне они снова спустили суда на воду и спокойно отплыли. Но часть ценного груза — добычу, захваченную на венецианских и турецких кораблях, — они вынуждены были бросить в море. Эти сокровища по сей день ждут своего нового обладателя.

Легендарный предводитель ускоков Улук Алуйя и четыреста человек команды его кораблей отыскали для себя убежище на южном побережье Адриатического моря — маленький городок Улцинь. Здесь они оборудовали гавань, возведи укрепления и сторожевые башни, установили береговые батареи. Отсюда ускоки совершали набеги на суда венецианцев и турок, здесь хранили захваченные сокровища. В конце концов турецкий султан Сулейман-паша принял решение разгромить это разбойничьегнездо.

Однажды отлично вооруженные корабли Сулеймана с отборной командой на борту появились в Адриатическом море. Они шли под чужим флагом и беспрепятственно проникли в гавань Улциня, введя в заблуждение караул. Нападение застало ускоков врасплох. Однако оправившись от внезапного удара, они быстро сосредоточились и открыли ответный огонь. Наступил момент, когда показалось, что турецкий флот будет вынужден отступить. Но затем туркам удалось поджечь несколько ускокских судов, и вскоре пламя охватило весь флот Улука Алуйи. Горящие суда тонули одно за другим, и вместе с ними уходили на дно богатые сокровища. Местные рыбаки утверждают, что обломки тех судов до сих пор лежат на морском дне и мешают нынешним судам становиться в бухте на якорь.

Немало кладоискателей пытались поднять со дна бухты Улциня золото и драгоценности, ставшие в свое время добычей ускоков, но все их попытки до сих пор оказывались безуспешными. Так что несметные богатства, рассыпанные ускоками, а также венецианцами и турками по дну Адриатического моря почти четыре с половиной столетия тому назад, все еще ждут своих новых владельцев.

Клады острова Хортица

«Пройдя Карийский перевоз, русы причаливают к острову, который носит имя Святого Георгия. На этом острове они приносят свои жертвоприношения. Там стоит огромный дуб…»

Так писал о Хортице византийский император Константин Багрянородный (945–959). Легендарный остров Хортица на Днепре, близ современного Запорожья, издревле находился на одной из главных дорог истории. Здесь в древние времена велся торг славян с греками. Здесь находилось языческое святилище, а тот самый священный дуб, о котором пишет Константин Багрянородный, достоял аж до 1871 года и засох от старости — ему было около двух тысяч лет! И где-то здесь, на Хортице, окруженный на Черной скале печенегами, пал в бою легендарный князь Святослав…

Расположенный там, где Днепр делится на зону порогов и зону плавней, остров с глубокой древности являлся естественным местом отдыха для путников, преодолевших опасную зону днепровских порогов. Остров нередко служил пристанищем княжеским дружинам. В 1103 году князья Давид Всеславич, Мстислав Игоревич, Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович «поидоша на коних и в лодьях, и приидоша ниже порог и сташа в протолчех и Хортичьем острове». Летописные известия о том, что Хортицу часто посещали русские дружины, подтверждаются археологическими находками. В X–XIV веках на острове существовала небольшая русская крепость, известная из летописей под названием Протолче. Археологическими раскопками на месте поселения выявлены остатки просторных «дружинных» жилищ, землянок, найдено множество предметов X–XII и XIII–XIV веков.

Остров Хортица протянулся в длину на 12 километров, в ширину в среднем на 2,5 километра. Высота прибрежных скал кое-где достигает 30 метров. В этих скалах имеется множество пещер, самая известная из которых — Змиева. В ней, по преданию, в древности жил «змий» о двенадцати головах.

Свидетельства давней истории Хортицы находят и под водой, и под землей. В 1995 году неподалеку от балки Генералки на глубине 9,5 метра был обнаружен остов большого дубового долбленого судна. По мнению археологов, это — остатки ладьи времен Киевской Руси. А на северо-восточном побережье острова было обнаружено несколько землянок времен Киевской Руси, были найдены амфора, фрагменты керамики, наконечники стрел.

Но самая главная легенда Хортицы — это Запорожская Сечь и клады запорожских казаков…

Начало Сечи относится к 1552–1557 годам, когда Дмитрий Вишневецкий основал первый укрепленный городок на Хортице. Позднее

казачьи городки распространились на правый берег Днепра и на южную половину острова. В 1577–1578 годах здесь устроил свой лагерь предводитель казацкого отряда Яков Шах, откуда он совершал набеги на турок и татар. Новые укрепления построил в 1617 году Петр Конашевич-Сагайдачный, а еще в XIX веке в западной части острова можно было видеть следы валов, куреней и церкви. Постепенно владения Сечи распространились не только на Хортицу, но и на окрестные небольшие острова на Днепре и на часть земель по обе стороны Днепра, включая Великий Луг — примыкающий к Днепру огромный участок степи в Александровском уезде (Александровск — название до 1921 года современного Запорожья).

О том, что в Запорожской Сечи скапливалось немало сокровищ, по преимуществу добычи, отбитой у турок и татар, имеется множество свидетельств. Часть добычи шла на формирование «Войсковой Скарбницы» — казны войска Запорожского, а другая часть делилась «товариществом». Французский военный инженер на польской службе Боплан, находившийся на Украине в 1630–1640-х годах, писал, что казаки привозят из своих набегов на турок «богатую добычу: испанские реалы, арабские цехины, ковры, парчу… Каждый казак имеет на островах свой тайный уголок. Возвратясь с поисков над турками, они делят в Скарбнице добычу и все, что ни получат, скрывают под водой, исключая вещи, повреждаемые оною». По свидетельству Боплана, казаки «скрывают под водой не только пушки, отбиваемые у турков, но и деньги, которые берут только в случае необходимости». Если казак возвращался из очередного похода, то брал спрятанное назад. А если погиб в бою — клад так и оставался в земле.

Запорожская Сечь была ликвидирована в 1775 году, а казаки насильно переселены на Кубань. Есть свидетельства, что во время разгрома Сечи у многих казаков «була така думка, шо як помрет „Потемка“ (т. е. князь Потемкин-Таврический), то воны вернуться назад». Поэтому, покидая Сечь, многие запорожцы «ничого не бралы с собою, а ховалы добро — хто в землю, хто в скелю, а инчи в Днипро». Тогда же, по преданию, где-то на Хортице или в ее окрестностях была спрятана «Войсковая Скарбница» запорожцев. Еще в конце XIX века были живы многочисленные свидетели, которые помнили от своих родителей приметы запорожских кладов:

«На Хортивском острови, в Высчей Годови, був камень в рост чоловика, весь до низу попысаный. Теперь его або нема, або мхом порос — не пизнаешь. Пид тым камнем есть запорожский клад. Цей камень бачив я лит двадцять назад, як чабанував».

«Нызче головы острова Хортивского, над Старым Днипром, есть урочище Лазни. Там, поверх скели, клад. Прымита така: лежыть камень, а на ему слова: „Есть и како, хто визьме — буде кай“. Годив трыдцять тому назад слова булы замитни, а теперь камень зарис мохом».

Рассказывали, что в урочище Сагайдачном, где-то «пид каминнямы», «допропасты» зарыто казацких «грошей», но «не всякому воны судылысь». Справедливости ради надо сказать, что здесь действительно находили золотые и серебряные монеты и изделия. В 1900-х годах близ Совутиной скалы был случайно найден массивный золотой

крест с рельефным изображением распятия. О находках знали, но помалкивали: как признался на склоне лет один 69-летний кладоискатель, «на свому вику я найшов п'ять золотих, та никому й не сказав». Деньги и находки потихоньку сбывали шинкарям.

Ходила и другая «балачка», что на Стрелецком острове незадолго до ликвидации Сечи были «закопаны гроши» — золото, серебро и оружие. Спустя несколько десятилетий на остров наведывался какой-то «дид», который знал приметы клада: «На тим боци супротив остривка стояв дуб; на дубови була товста гылка, котра показувала на остривок, де сховано клад». Еще один неведомо откуда взявшийся «дид» пытался отыскать клад на острове Канцерском: «В устье Хортицы, что впадает в Днепр, есть Канцирский островок, а на нем крепость. Это против большого острова Хортицы. На том островку, говорят, есть пещера, а в ней спрятаны три бочонка золота. Вход закрыт дверями, забит камнями и землей. Перед входом поставлен деревянный крест». В 1846 году этот клад попытался отыскать какой-то «дид» с Херсонщины, но на третий день поисков «дид» внезапно умер. С тех пор уже никто не пытался отыскать вход в таинственную пещеру…

Эти «диды», появившиеся на Хортице спустя несколько десятилетий после ликвидации Сечи, очевидно, были запорожскими казаками, некогда «сховавшими» свое имущество или знавшими о кладах, укрытых их товарищами. Их появление на Хортице только подхлестнуло интерес к хортицким кладам, легенды о которых уже давно ходили среди новопоселенцев бывших земель Запорожской Сечи.

В 1789 году на острове была основана колония немцев-меноннитов, а опустевшие запорожские земли стали заселяться крестьянами. И пошли гулять среди новых насельников многочисленные легенды о таинственных запорожских кладах…

«В голови острива Хортыци, шо вид Кичкаса, есть велыченька могылка, вся обкладена каминнями, — повествует одно из преданий о запорожских кладах на Хортице. — Лит трыдцять тому назад, там, темнои ночи, було часто показуется клад: оце выскоче на могылу козак с шаблею, та так огнем и засяе! Козак золотый, а пид ним кинь срибный! То, кажуть, золоти и срибни гроши. Ти гроши або взято, або показуються, та не всякому».

Кладоискательство и вообще сбор всех материальных остатков Запорожской Сечи на Хортице имели массовое распространение у окрестных жителей. Как писал Д. И. Эварницкий (Яворницкий), «теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреям, которые каждодневно навещают для этого наш остров. Медных и чугунных вещей, особенно пуль, много пошло на завод, где их плавят и потом из них выливают разные новые вещи. Ядра и бомбы подбирают русские бабы: они идут у них для разных домашних надобностей».

Днепровские рыбаки говорили, что на Хортице и вообще на землях Запорожской Сечи клады «сами в руки просятся», «В старину, бывало, как пойдешь по разным балкам на острове, то чего только не увидишь, — рассказывали местные жители. — Там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы вместе с широкими челюстями, там повывернулись из песка ребра, поросшие высокой травой и от времени и

воздуха сделавшиеся, как воск, желтыми. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы сварить что-нибудь или спечь, — наткнешься на гвоздь или кусок железа; захочешь сорвать себе цветок, наклоняешься, смотришь — череп человеческий, прогнивший, с дырками, сквозь которые трава повыросла, а на траве цветы закраснелись; нужно тебе спрятаться в пещере, бежишь туда и натыкаешься на большой медный казан или черепяную чашку, или еще что-нибудь в этом же роде». Один из кладоискателей рассказывал исследователю Хортицы Д. Яворницкому: «На о. Канцеровке я как-то натолкнулся на человеческую кость, стал копать, прокопав с пол-аршина земли, вижу — широкая яма, а в ней семь человеческих костяков. На груди каждого лежит по несколько небольших медных пустых в середине пуговиц, видно было, что покойники одеты в какие-то суконные кафтаны, сукно было тонкое, пожелтевшее, все скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа, на одном лишь я заметил дырку от удара в голову чем-то острым».

Кроме черепов и костей на месте бывшей Запорожской Сечи находили множество различных предметов: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, кувшины, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перстни, пряжки, мониста, монеты, трубки. В водах Днепра близ острова в прошлом столетии было найдено семнадцать челнов и два больших корабля (по-видимому, казачьи «чайки»). На одном из них стояла уцелевшая пушка, а в остатках другого была найдена сабля с посеребренной рукоятью.

«Много находили вещей в Днепре, а на самой Хортице еще больше, — вспоминал другой кладоискатель. — Как-то я нашел в балке Большой Вербовой кривой кинжал, длинное ружье и стальную кольчугу; все было покрыто ржавчиной… Однажды я нашел в балке Куцой несколько монет; одна из них была так тяжела, как 6 серебряных рублей вместе, другие — точно рыбья луска (чешуя), а третьи такие же, как теперь пятачки. Случалось находить и другого рода монеты… Да что только не находили на Хортице! прежде на Хортице можно было всякой всячины найти… Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой». Можно добавить, что многое смыто рекой за прошедшие столетия. Под действием паводковых вод частично изменилась береговая линия Хортицы, а небольшой остров Дубовый попросту смыло.

Археологические исследования Хортицы ведутся до сих пор. Исследуются не только остров, но и дно Днепра в окрестностях острова. В 1995 году во время подводных археологических работ у острова Канцеровского была найдена сабля XVI — начала XVII века, изготовленная на Кавказе или в Передней Азии (возможно в Иране). Однако большая часть Хортицы, в том числе плавневая зона, до сих пор остается неисследованной.

По преданиям, особенно изобиловал запорожскими кладами Великий Луг. В многочисленных балках и «могылах» Великого Луга практически ежегодно находили выносимые вешними водами «старынни мидни и срибни гроши». Одна из речек Великого Луга, впадающая в Днепр, даже носила название Скарбной (т. е. Кладовой — от украинского «скарб» — клад, сокровище). Предание рассказывает, что возле ее устья, «биля Скарбной, де стара Сичь, есть стрилыця, а в тий стрилыци схована вся

запорозька казна». О том, что река Скарбная была освоена запорожцами, подтверждается реальными находками — еще в прошлом веке в устье реки были найдены две затопленных запорожских «чайки».

В окрестностях Сечи, по берегам Днепра, было разбросано множество старинных запорожских кладбищ. Многие из них постепенно распахивались, занимались под огороды или использовались под другие хозяйственные нужды, и нередко случалось так, что посреди огорода или крестьянского двора возвышались старинный каменный крест или надгробная плита.

Несколько таких могил запорожцев находились в деревне Капуливка на реке Чертомлык. В одной из них был погребен знаменитый кошевой атаман Запорожского войска И. Д. Сирко (ум. в 1680 г.). После смерти Богдана Хмельницкого Иван Сирко в течение двадцати лет был кошевым атаманом запорожцев. Это он подписал знаменитый «Ответ турецкому султану»: «Ты — шайтан турецький, проклятого чорта брат і товарищ і самого люципера секретар!.. Свиняча морда, кобиляча срака, різницька собака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт! Отак тобі казаки відказали, плюгавче! Кошовий отаман Іван Сірко зо всім кошом запорізьским».

Иван Дмитриевич Сирко был погребен «знаменито, 2 августа, со многою арматною и мушкетною стрельбою и с великою от всего низового войска жалостью». А с могилой этого, кошевого атамана связана история с «седлом атамана Сирко».

…Крестьянин Прусенко, житель Капуливки, копал яму под столб. Вдруг в земле что-то блеснуло. Копнув еще несколько раз, крестьянин наткнулся на лошадиный костяк, на котором лежало полуистлевшее седло, украшенное блестящими «гайками». Набрав целый «подситок» странных «гаек», Прусенко принялся их разглядывать: «Что оно такое? Блестит, точно золото, но золото ли? Дай-ка пойду в Никополь к корчмарю Оське — он должен знать, что оно такое, золото или медь».

Ссыпав «гайки» в старый рукав от женского платья, Прусенко отправился в Никополь. Корчмарь Оська, повертев в руках предъявленную ему «гайку», попробовал ее на зуб и, внимательно изучив, спросил:

— А много ты нашел таких штучек?

— Да целый рукав!

— Давай-ка их все сюда, я сейчас схожу к Ицыку, он точно скажет, золото это или медь. А ты пока посиди в корчме вместо меня за стойкой, а если кто зайдет — отпусти ему горилки.

Прусенко охотно перебрался за стойку и, как только Оська вышел из корчмы, немедленно нализался. Пропьянствовав беспробудно три дня, он наконец очнулся и вспомнил про Оську. Пошел к Ицыку:

— Был у тебя Оська?

— Давно уж не было. Да он ко мне почти не заходит — мы и знакомы с ним едва-едва.

Оська исчез вместе с «гайками» (несколько лет спустя, говорят, его видели в Одессе). Тут только до мужика стало кое-что доходить. Но ищи ветра в поле! Отправился Прусенко к себе в деревню. Дома у него оставалось еще две «гайки», и он решил показать их управляющему экономией в селе Покровском.

— Да это же чистейшее золото! — воскликнул управляющий. — Хочешь, дам тебе за эти две штучки пару самых лучших в экономии волов?

— Эх! — с досадой крякнул мужик и поскреб затылок…

Тайна лубенского замка

«Начиналось его государство сразу же за Чигирином, а кончалось — гей! — у самого у Конотопа и Ромен. Но не одно оно составляло княжеское богатство, ибо, начиная от воеводства Сандомирского, князь владел землею в воеводствах Волынском, Русском и Киевском; однако же приднепровская вотчина была всего любезнее…»

Так писал Генрик Сенкевич о владениях князя Иеремии Вишневецкого — польского магната, владевшего в первой половине XVII столетия целым «государством» с населением в 228 тысяч человек на Левобережье Днепра. Столицей этого государства был город Лубны.

Род Вишневецких вел свое начало от Новгород-Северского князя Корибута, внука Гедимина и сына Ольгерда, великого князя Литовского. Несмотря на свою службу польскому королю, Вишневецкие долгое время исповедовали православие. Выходец из их рода, Дмитрий Вишневецкий в 1552–1557 годах основал укрепленный городок на острове Хортица — будущую Запорожскую Сечь. А в 1571 году Михаил Вишневецкий, староста черкасский и каневский, получил от польского короля наказ «оберегать и боронить» земли на левом берегу Днепра, по рекам Суле и Пселу.

С этого и началась история «Заднепровской державы». В 1590 году Сейм Речи Посполитой утвердил за сыном Михаила Вишневецкого, Александром, право на пустынные земли Посулья. Здесь, на реке Суле, в 1589 году Александр Вишневецкий основал на старом городище — месте, где во времена Киевской Руси некогда стоял известный с 1107 года городок Лубно, — новый город, назвав его Александровом. Но старое название, Лубны, прижилось как-то больше…

К концу XVI века владения Вишневецких распространялись практически на все Левобережье Днепра. Сын Александра, князь Михаил Вишневецкий, женившись на Раине, дочери молдавского господаря Иеремии Могилы, избрал Лубны своей резиденцией и начал активно осваивать этот обширный край, лежавший в то время в полном запустении. Привлеченные тридцатилетними налоговыми льготами и защитой сильного княжеского войска, в Заднепровье потянулись переселенцы…

«И все расцвело, и закипела жизнь. По следам древних шляхов были проложены дороги; реки укротились плотинами… Более четырехсот водяных мельниц, не считая всюду, где можно, поставленных ветряков, смалывали хлеб в одном только Заднепровье. Сорок тысяч оброчных вносили оброк в княжескую казну, в лесах появились пасеки, по рубежам возникали все новые деревни, хутора, слободы. В степях бок о бок с дикими табунами паслись огромные стада домашнего скота и лошадей. Неоглядный однообразный вид степей и лесов оживился дымами хат, золотыми верхами церквей и костелов — пустыня превратилась в край, вполне заселенный». А столицей этого края были Лубны — город на реке Суле, получивший в 1691 году магдебургское право, с населением почти в двадцать тысяч жителей, с замком, ратушей, костелом Святого Михаила, монастырем бернардинцев — «кляштором», православной Троицкой

церковью, с двумя с половиной тысячью домов и с ежегодной ярмаркой, на которую приезжали купцы даже из Москвы, Крыма и Астрахани…

Такой была Левобережная Украина в ту пору, когда на троне лубенского замка гордо восседал князь Иеремия Вишневецкий. На Украине его считали вероотступником и изменником — в девятнадцатилетнем возрасте Иеремия, после обучения у иезуитов во Львове, Италии и Испании, принял католичество, тем самым изменив вере отцов. Но у польской шляхты Иеремия Вишневецкий, воевода и сенатор Речи Посполитой, пользовался огромной популярностью благодаря своей воинской доблести, проявленной в многочисленных войнах с татарами, турками, казаками и Россией.

За столетие в Лубенском замке Вишневецких накопились огромные фамильные богатства — доходы от заднепровских латифундий, военная добыча, дары татарского хана и молдавских господарей. На эти деньги Иеремия содержал собственное шеститысячное войско, многочисленный аппарат чиновников, управлявших его Заднепровской державой, строил костелы, крепости, дороги… Денег хватало в избытке — только на свою свадьбу Иеремия Вишневецкий истратил 250 тысяч злотых.

Все рухнуло весной 1648 года. Вся Украина восстала буквально в один миг. Армия Богдана Хмельницкого разбила коронные войска под Желтыми Водами и Корсунем и вышла к Умани, Белой Церкви и Киеву. Восстание захватило все Правобережье. На левом берегу Днепра стали появляться казацкие отряды. Местные жители, боясь солдат Иеремии Вишневецкого, пока выжидали, потихоньку перебегая в стан Хмельницкого. А сам владетель Заднепровья меж тем совещался в Лубенском замке со своими приближенными.

Тема созванного Вишневецким совета была одна: что делать? Дальнейшее пребывание в Лубнах грозило полностью отрезать владения Вишневецкого от Польши. Крестьяне Левобережья готовы были вот-вот восстать. Надо было уходить за Днепр, но все переправочные средства были уничтожены или угнаны казаками, а за Днепром стоял с двухсоттысячной армией Хмельницкий, противостоять которому с шестью тысячами, пусть и отборного, войска было невозможно.

На совете в Лубенском замке было решено уходить на Волынь по долгому и сложному маршруту: двинуться на север через густые леса к Чернигову, оттуда свернуть к Любечу и там, переправившись через Днепр, идти через припятские болота к Ровно. Это был единственный путь к спасению, но он грозил многими осложнениями. Предстояло преодолеть около шестисот верст, переправиться через Десну, Днепр и Припять, преодолеть непролазные трясины. И это — с княжеским двором, многочисленными беженцами, обозом, артиллерией…

Тем не менее решение было принято. Однако, ввиду предстоящего тяжелого и долгого пути, в дорогу взяли только самое необходимое, оставив многое из княжеского имущества в надежных тайниках лубенского замка — все равно коронные войска вскорости одержат верх над казаками, и ненавистный Хмель сгинет, как сгинули до него другие казацкие вожаки — Косинский, Наливайко, Лобода, Тарас Трясыло, Павлюк, Гуня… Тогда, рассчитывал Вишневецкий, он вновь вернется в свою отеческую «державу», на лубенский трон. Поэтому, как свидетельствует летописец

Самуил Величко, Вишневецкий «выехал, як могл… в легце (т. е. налегке)».

Вернуться, однако, не пришлось. Левобережье Днепра в результате освободительной войны украинского народа навсегда вышло из-под власти польского короля, а «Заднепровская держава» Вишневецких прекратила свое существование. Сам Иеремия Вишневецкий скончался в 1651 году. А к оставленным им Лубнам в конце июня 1648 года подступило около 15 тысяч «своевольников» — восставших крестьян, поддержанных небольшим отрядом казаков, которые «Лубны штурмом взяли и разорили, отцов бернардинов поумерщвляли, а вместе с ними и много шляхты». На могилы погибших в ходе штурма жителей города случайно наткнулись в 1860-х годах. При реконструкции мостовой, на спуске к Суле, было обнаружено несколько ям, наполненных человеческими костяками. Среди них нашли ржавые обломки мечей и сабель, пуговицы, застежки, коралловые и янтарные бусы, шпоры, куски золотой и серебряной парчи.

Город был жестоко разграблен и сожжен, стража и замковая челядь перебита, а замок Вишневецких повстанцы буквально сровняли с землей. И спустя много лет, вплоть до конца XIX столетия, развалины замка исправно служили для лубенских жителей источником бесплатного строительного материала, прежде всего щебня, камня и кирпича.

Немало попользовались от лубенского погрома и «своевольники». Богатства, захваченные у ограбленных и вырезанных лубенских жителей, легли в основу фамильного благосостояния нескольких малороссийских дворянских фамилий, ведущих свое происхождение от казацких старшин времен Хмельницкого, бравших штурмом Лубны в 1648 году, — Кулябко, Ореховских и других. Награбленного хватило всем — в городе укрывалось от войны много шляхты и купцов, да и горожане были люди не бедные. Однако главные сокровища Лубен, сокровища Вишневецкого, остались недосягаемыми, надежно укрытые в подземных галереях лубенского замка. Правда, вспомнили об этом только много десятилетий спустя, когда обветшавшие городские укрепления начали проваливаться, подмытые вешними водами, и открывать таинственные, уходящие глубоко под землю, сооружения…

…В 1850-х годах внезапный обвал открыл глубокий подземный коридор, уходящий в недра замковой горы. Несколько любопытных горожан рискнули спуститься в него и, пройдя небольшое расстояние, наткнулись на железную дверь, запертую на висячий замок. Ржавый замок можно было сломать, но обстановка явно грозила обвалом, и смельчаки поспешили вернуться. И вовремя: рухнувшая земля засыпала и ход, и загадочную дверь…

Этот случай был для лубенцев, можно сказать, рядовым — подобное случалось в городе едва ли не каждую весну. Вешние воды с завидной регулярностью обнажали подземные ходы и пустоты, фундаменты старых построек, выносили на поверхность старинные изразцы, монеты, черепки, человеческие кости. Главным местом находок, конечно же, была замковая гора, известная под названием Вал, на которой некогда стоял замок Вишневецких.

В одной из недавних публикаций утверждается, что якобы «место, где некогда горделиво возвышалась крепость надменного магната, заросло бурьяном и уже никто не мог вспомнить, где же стоял замок. В XIX веке

археологи безуспешно пытались локализовать его местоположение». Читая подобное, поневоле вспоминаешь, что «мы ленивы и нелюбопытны». К этому можно добавить — «…и оттого склонны выдумывать небылицы». На самом деле местоположение лубенского замка на протяжении трех столетий было известно каждому ребенку в Лубнах, не говоря уж об археологах, которые еще в XIX веке опубликовали подробный план города, на котором обозначена территория бывшего замка.

Лубенский замок находился на высоком холме над Сулой, господствуя над всей долиной реки. Отсюда открывалась панорама степи на 25 километров окрест. С востока замок защищала речка Ольшанка, приток Сулы, а с севера — ручей Каменный Поток. С запада замок был отгорожен валом и глубоким рвом.

Первоначальный неказистый городок, построенный Александром Вишневецким, сменили в 1619 году мощные укрепления, а при Иеремии Вишневецком, в 1639 году, замок был отделан с европейской роскошью. Над внутренней обстановкой дворца работали лучшие мастера. Особенным великолепием блистала «тронная зала» с куполообразным потолком, расписанным под небесный свод со звездами. Дворец был щедро отделан мрамором и гранитом. Обломки этой роскоши можно было встретить вплоть до начала нынешнего столетия, а кусок мраморной колонны с резной капителью долго валялся в городском саду. Разбирая развалины замка на щебень, горожане находили наконечники стрел, чугунные ядра, подковы, серебряные монеты времен польских королей Сигизмунда III (1587–1632) и Владислава IV (1632–1648).

В самом городе можно было натолкнуться на остатки загадочных старинных сооружений. В одном из парков долгое время сохранялись развалины каменной постройки с массивными дверями и решетками в отверстиях стен. Толщина стен составляла 1,5 аршина (более 1 м). Возможно, это были остатки кляштора бернардинцев. Это место пользовалось у горожан дурной славой — его почему-то традиционно избирали городские самоубийцы для сведения счетов с жизнью. Очевидцы утверждали, что по вечерам и ночью в липовых аллеях парка видели блуждающие огни, слышались стоны.

Но главной загадкой Лубен были и остаются таинственные подземные галереи — расположенные на глубине около 3 метров, тщательно сработанные, со сглаженными стенами, сводом и многочисленными замаскированными отдушинами…

…В 1899 году очередной обвал открыл подземный ход, пролегавший на глубине 4 аршин (2,8 м). Ширина хода составляла 3 аршина (2,1 м), высота — 4,5 аршина (3,2 м). Его попытались исследовать. Через несколько десятков шагов ход разделился: одна галерея пошла к соборной площади, другая — к замку. Исследователи направились по первому пути, но через 10,5 м наткнулись на обвал. Вернулись, двинулись по направлению к замку. Здесь повезло больше: через 20 шагов они уперлись в полусгнившую дубовую дверь, подпертую балками. Дверь аккуратно разобрали, двинулись дальше. Но тут дала знать о себе нехватка воздуха: факелы стали гаснуть, люди задыхаться. Пришлось вернуться назад…

В результате этого похода в подземных галереях были найдены старинные изразцы, несколько серебряных монет, обломок меча и какие-то

полуистлевшие печатные бумаги. Прослышав о находках, к провалу сбежалось множество желающих искать клад Вишневецкого. Пришлось полиции завалить вход в галереи «во избежание несчастного случая».

Летом 1916 года поиски клада Вишневецкого впервые начал вести профессионал — «Колумб подземной России», выдающийся ученый-археолог Игнатий Стеллецкий. В 1922 году он опять приехал в Лубны и еще два года вел раскопки Лубенского замка. Стеллецкому удалось обнаружить подземелье ратуши, из которого подземный ход выводил прямо к реке Суле. Раскапывая замок Вишневецкого, Стеллецкий обнаружил плиточный пол и сгоревший подземный ход со множеством скелетов солдат Вишневецкого, погибших во время штурма замка казаками. Подземный ход вел в овраг к Суле. В нем было найдено множество предметов — сабли, перстни, курительные трубки. Необходимо было дальше расчищать развалины замка в поисках тайников с сокровищами, но против этой работы неожиданно выступили местные власти. Осенью 1923 году Стеллецкий вернулся в Москву, и раскопки лубенского замка были прекращены.

Может быть, когда-нибудь тайна старого замка все же будет разгадана. А пока фамильные сокровища князей Вишневецких таятся где-то в недрах древнего городища, на котором некогда возвышалась столица «Заднепровской державы»…

Ненайденные клады Мазепы

…27 июня 1709 года, в первом часу пополудни, раненый король, наконец, добрался до своей главной квартиры в Великих Будищах. Спустя несколько часов сюда стали подходить остатки разбитой возле Полтавы шведской армии. Русские войска висели на плечах беглецов, и после короткого совета решено было бросить все тяжести, артиллерию, обоз, раздать лошадей пехоте и отступать к Днепру.

С армией было покончено, но походную казну еще можно было попытаться спасти. По приказу короля несколько подвод, сопровождаемых надежными людьми, оторвавшись от отступавших к Переволочне шведов, двинулись кружным путем на северо-запад, к литовской границе.

Через несколько дней, добравшись до села Варвы близ города Прилуки, шведы убедились в безнадежности дальнейшего пути. Русские отряды занимали дороги и все сколько-нибудь значимые населенные пункты. Рассчитывать на помощь украинского населения после полтавского поражения и бегства гетмана Мазепы не приходилось. Тогда на горе у села Варвы шведы выкопали погреб, перенесли в него содержимое подвод и завалили тайник камнями…

Шведский клад у села Варвы пытались искать множество раз. Перед Первой мировой войной с этой целью в село приезжали какие-то «генералы», которые имели при себе «планы и документы». Но и этим «официальным» кладоискателям не посчастливилось. Так и лежит где-то казна шведского короля целехонькой.

Рассказ о тайнике у села Варвы — лишь одна из множества легенд о кладах, зарытых во времена шведского нашествия. О том, что шведы действительно зарывали в украинскую землю не только деньги, но и орудие, свидетельствуют документы тех лет. Например, в 1706 году, во время похода на Волынь, «король свейский, будучи в Дубно, услышал о

приходе московских войск, так скоро затревожась, побежал, что все тяжести бросил: и двадцать осмь пушек медных… в Дубне в землю зарыл, о которых накрепко под смертию запретил сказывать». Эти пушки были позднее найдены.

А главное место среди ненайденных кладов той поры занимают клады, связанные с именем украинского гетмана Ивана Степановича Мазепы, перешедшего в 1708 году на сторону шведского короля.

Генеральный есаул Иван Степанович Мазепа был избран гетманом Левобережной Украины в 1687 году. Всеми правдами и неправдами скопив огромное состояние, он стал одним из богатейших людей своего времени. Часть его имущества составляли многочисленные царские пожалования: в 1689 году, будучи в Москве, «злой и прелестный» Мазепа сумел понравиться молодому царю Петру и с тех пор неизменно пользовался его щедротами. Другая часть составилась за время его двадцатилетнего гетманства. В доносе на Мазепу, который в начале 1708 года подали царю Петру недруги гетмана, генеральный судья Кочубей и полтавский полковник Искра, об этом говорилось так: «Гетман распоряжается самовольно войсковою казною, берет, сколько хочет… С десяти городов гадяцкого полка идут ему все доходы, кроме того, у него во власти есть волости и села значительные, а он берет себе доходы с порукавичных и арендовых с большим умножением… За полковничьи места берет взятки… После смерти генерального обозного Борковского Мазепа отнял у жены его и у малолетних детей имение и присвоил себе».

На богатства Мазепы очень рассчитывал шведский король Карл XII, который постоянно нуждался в деньгах. Есть легенда, будто собираясь пристать к шведам, Мазепа послал к королю Карлу 30 возов с серебряными и золотыми монетами. Это, конечно, преувеличение, но финансовая подпитка Карла со стороны Мазепы действительно имела место.

Как сложилась судьба гетмана — известно. А какова судьба сокровищ Мазепы? Известно, что гетманская «скарбница» находилась в Батурине, бывшем с 1669 года столицей малороссийских гетманов. В октябре 1708 года Мазепа, сказавшись царю Петру «больным», уехал в Борзну, тайно отправив посольство к шведскому королю. 21 октября к нему прискакал его доверенный, Быстрицкий, с вестью о том, что шведская армия подходит к реке Десне. Одновременно Мазепу уведомили, что в Борзну от Петра едет Александр Данилович Меншиков, извещенный о загадочной «хирагрической и подагрической» болезни гетмана и желающий навестить мнимого больного. Мазепа поздно вечером «порвался, как вихорь», из Борзны в Батурин. Всю ночь гетман отдавал последние приказы и распоряжения, а утром на другой день отправился из Батурина в Короб. На третий день, 24 октября, рано утром Мазепа переправился через Десну и прибыл к королю Карлу с отрядом в 1500 человек. С той поры гетман находился при шведском короле.

А где в это время находилась гетманская «скарбница»? Несомненно, что очень значительная часть денег оставалась при Мазепе, в гетманском обозе, первоначально нашедшем убежище в Прилуках. В конце января 1709 года обоз с гетманской казной отправили из Прилук в Лохвицу, а в феврале — в Хорол. Часть телег с «пожитками» Мазепы отбили русские войска, преследуя отступавшего из Лохвицы шведского генерала Крейца. В марте

гетманская «скарбница» была перевезена в Великие Будищи, где располагалась главная квартира Карла XII. Здесь казна Мазепы оставалась до самого Полтавского сражения (27 июня).

Достоверно известно, что уже после Полтавы Мазепа, переправляясь через Днепр у Переволочны, захватил с собой 2 бочонка с золотыми монетами, несколько мешков серебра и множество другого «добра». Предание утверждает, что во время переправы гетман приказал бросить часть сокровищ в Днепр, не имея возможности их спасти: «Июня 27 числа в 4 часа дня Мазепа с несколькими единомышленниками своими сел в лодки и стал переправляться с левого на правый берег реки, но так как с ним было много казны, то люди его начали тонуть, и Мазепа приказал бросать деньги за борт, и так почти три доли того богатства очутились на дне Днепра», — пишет известный исследователь запорожской старины Д. И. Яворницкий.

В конце прошлого столетия крестьяне показывали Д. И. Яворницкому близ приднепровского села Мишурин Рог камень с выбитой на нем буквой «М», уверяя, что это инициал Мазепы и что именно в этом месте гетман, спасаясь после Полтавского поражения, приказал бросить сундуки с деньгами и драгоценностями в Днепр.

О том, что Мазепа успел взять с собой большую денежную сумму, свидетельствует тот факт, что даже находясь в изгнании, Мазепа имел возможность дать Карлу XII взаймы 240 тысяч талеров. А после смерти Мазепы в его казне осталось только деньгами 160 тысяч червонцев, не говоря о серебряной утвари и различных украшениях. Существует легенда, что на самом деле Мазепа не умер 22 сентября 1709 года в Бендерах, а тайно пробрался в Киев, в Лавру, принял иночество, затем схиму и окончил свои дни в покаянии.

После измены Мазепы русское правительство приложило огромные усилия к отысканию и конфискации имущества бывшего гетмана. Немалая часть мазепинских сокровищ хранилась в Киево-Печерской лавре и в Белой Церкви; они были конфискованы. Были взяты в казну и обширные поместья Мазепы. Среди казачьей верхушки и населения активно велся розыск, правительство обещало отдать каждому, кто укажет на след достояния гетмана, половину от найденной суммы или стоимости имущества. Вот тогда-то возникли и по сей день не утихают слухи о сокровищах Мазепы, спрятанных им во время бегства с Украины…

Эти слухи, по всей видимости, не лишены основания. Известен факт, когда в конце октября 1708 года, за несколько дней до своего отъезда к Карлу, Мазепа, собрав старшин, объявил им: «Пусть бы всяк зарывал в землю все, что есть дорогого, потому что царь, не надеясь от Украины постоянства в случае неприятельского вторжения, хочет устроить что-то недоброе над гетманом и над всем народом». Интересно, сам гетман последовал своему же совету?

Легендарных «местонахождений» кладов Мазепы известно немало. Но одним из главных мест, где, возможно, до сих пор таится часть ненайденных сокровищ гетмана, неизменно назывался Батурин, столица Мазепы, где хранилась гетманская «скарбница».

Как мы помним, Мазепа последний раз побывал в Батурине в ночь с 22 на 23 октября 1708 года. А уже через несколько дней к Батурину

подошел с войсками А. Д. Меншиков. В городе заперлись верные сторонники Мазепы полковник Чечел и «арматный эсаул» (начальник артиллерии) Кенигсек. Мазепинцы завели было «лукавые» переговоры, рассчитывая, что им на помощь придут шведы, но Меншиков отдал приказ начать штурм и «истребить в замке всех без различия, не исключая и младенцев, но оставлять в живых начальников для предания их казни». Штурм батуринского замка начался в 6 утра 1 ноября 1708 года, и уже через два часа все было кончено. Гетманский дворец, службы, дворы старшин были обращены в пепел, все живое истреблено. Город на долгие годы запустел. Последствия жестокого разорения были заметны даже спустя 17 лет, в 1726 году: «Ныне, по разорении, город Батурин ввесь пуст, и около его болварки и стены все поразвалились, и ввесь зарос. И в обоих замках никакого строения старого и нового нет, только две церкви каменные пустые… Да бывших гетманов и изменника Мазепы бывал войсковой каменной малой дом, три полати, ввесь поразвалился; да изменника Мазепы… каменные две полатки кладовые пустые, все разбиты». Жизнь теплилась только в городских предместьях, которые заселялись по преимуществу батуринцами, спасшимися от меншиковского разорения. Описание Батурина, сделанное в 1726 году, свидетельствует, что среди этих поселенцев было немало бывших мазепинцев. И, вероятно, именно из их среды начали распространяться слухи о кладе гетмана, укрытом где-то в развалинах бывшего гетманского дворца…

…В 1716 году некто Михайловский в городе Глухове в пьяном виде «господ офицеров бил и ругал матерно». Пытаясь унять буяна, ему пригрозили тем, что дело дойдет до царя Петра. В ответ Михайловский заявил: «Если я пропаду, то и государь пропадет». За такие «поносные слова» его арестовали и доставили в Петербург, где под пыткой Михайловский сообщил, в частности, следующее: некий челядинец бывшего гетмана Мазепы несколько лет назад поведал ему, Михайловскому, о том, что в Батурине, в западной стене гетманского дворца Мазепа замуровал часть своих сокровищ. Эти показания были немедленно доведены до сведения царя, который приказал отправить в Батурин для поиска сокровищ воинскую команду. Четыре дня солдаты искали тайник в развалинах дворца, но так ничего не нашли.

В истории поисков батуринского клада есть один факт, который, на наш взгляд, сильно снижает вероятность его существования. Дело в том, что 12 ноября 1708 года Мазепа еще раз побывал в Батурине вместе с переправившимися через Десну шведскими войсками. Страшное зрелище предстало перед его глазами: «Все превратилось в безобразную кучу угля и щебня; воздух был испорчен испарениями от гниющих и полуобгорелых человеческих и скотских трупов, так что от смрада дышать было невозможно». Но тем не менее во время этого короткого пребывания ничто не мешало Мазепе извлечь свой клад из укрытия — если этот клад, конечно, был.

Между тем неподалеку от Батурина, в полуверсте от города, находится еще один вероятный «адрес» кладов опального гетмана — замок («подворок») Мазепы Гончаровка. В последние годы гетманства Мазепа особенно заботился об укреплении Гончаровки, избрав его своей загородной резиденцией. По свидетельству недруга Мазепы Кочубей,

Гончаровку в начале 1708 года гетман «обнести велел знатным валом для якоись неведомой причины».

Замок Мазепы находился в версте от Батурина, у дороги на Конотоп, на обрывистом берегу реки Сейм. С напольной стороны его защищал тот самый «знатный вал». После меншиковского погрома место, где находилась Гончаровка, получила название Мазепинский Городок, или просто Городок. Спустя 17 лет после разгрома здесь еще можно было видеть остатки гетманских построек: «Двор с садом, где Мазера сам жил, в оном дворе каменные палаты пустые и разбитые; там же церковь деревянная цела, с некоторою частью иконостаса».

Был у Мазепы и еще один загородный дворец — на хуторе Поросючка под Бахмачем. Именно в Поросючке в ноябре 1708 года все старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи принесли присягу на верность Мазепе и подтвердили готовность «надеяться на протекцию шведского короля».

Остатки мазепинского замка находятся неподалеку от современной железнодорожной станции Бахмач, в так называемом Поросюцком лесу, на искусственном острове, образованном широкими копаными рвами, соединенными с протекающей вблизи небольшой речкой Бахмач. На острове до сих пор заметны следы каких-то старых строений.

Но, впрочем, вряд ли Мазепа стал бы прятать сокровища на месте своих замков — уж слишком очевидный это ход. Нет, скорее уж они лежат где-то на дне Днепра, или таятся в безвестных урочищах, или… Да мало ли потайных мест в Украине!

Сокровища Нефритовой горы

Летом 1993 года мировую печать облетели сообщения о том, что в северной вьетнамской провинции Ниньбинь найдено подземное хранилище ценностей, спрятанных более двухсот лет назад, когда императорская династия Ле пала под ударами наступавших с юга армий крестьян-повстанцев. Тогда, спасая императорскую казну, группа приближенных укрыла в подземельях огромное количество изделий из бронзы, нефрита и драгоценных металлов — всего общим весом 27 тонн…

Сообщения о находке клада с подозрительным единодушием были опровергнуты официальными средствами массовой информации. Вьетнамское информационное агентство ВИА распространило слова Хоанг Суан Кхюена, заместителя председателя народного комитета провинции Ниньбинь, заявившего, что слухи о найденных сокровищах не соответствуют действительности.

Между тем в уезде Тамдиеп давно бытовали легенды о том, что Нинь Тон, казначей династии Ле и уроженец здешних мест, спрятал императорские сокровища вблизи Нефритовой горы. Поиски клада велись здесь давно, но до сих пор удалось обнаружить только шесть каменных стел с иероглифическими надписями и две хорошо замаскированные пещеры в отрогах Нефритовой горы. Из Ханоя был приглашен 80-летний знаток иероглифики, который перевел тексты на найденных стелах и установил, что они связаны с семьей Нинь Тона. В надписях говорилось о существовании клада, однако его точное местонахождение было указано на седьмой, до сих пор не найденной стеле. Вход в одну из обнаруженных пещер в горе закрывала искусственная кладка, в другой — «пещере духов»

— были найдены человеческие кости. По этому поводу было высказано предположение, что Нинь Тон приказал убить участников работ по сокрытию клада.

В 1992 году предприниматель Буй Ван Кыонг взял в аренду этот участок земли якобы для создания птицеводческой фермы. Одновременно он начал прокладывать штольню внутрь горы. Он заявлял, что имеет старинный манускрипт с планом хранилища. Провинциальными властями ему было дано разрешение вести поиски, но ничего ценного найдено не было.

Тогда поисковые работы перешли к частям специального назначения вьетнамской армии и были взяты на контроль командующим войск специального назначения генерал-майором Май Нангом. Летом 1993 года, почти синхронно с появлением слухов о находке сокровищ, военные заявили, что в связи с отсутствием результатов проводившиеся в районе Нефритовой горы поисковые работы были приостановлены.

По мнению наблюдателей, сам факт привлечения к кладоискательским работам войск спецназа — элитных, наиболее боеспособных частей вьетнамской армии свидетельствует, что власти весьма серьезно отнеслись к поискам сокровищ. К тому же в официальном опровержении недвусмысленно говорилось о необходимости сохранения государственной тайны при проведении такого рода поисковых экспедиций. После этого местные средства массовой информации о сокровищах Нефритовой горы внезапно как в рот воды набрали — ни одной публикации на эту тему больше не последовало.

Между тем сообщения о «многотонных» хранилищах старинных ценностей и золота вызывают у специалистов резонный скептицизм. Конечно, за тысячелетнюю историю вьетнамского государства бывало всякое, и эта земля хранит немало кладов. Однако Вьетнам — не Эльдорадо и крупных золотоносных месторождений здесь нет и никогда не было. К тому же в XVIII веке страна переживала глубокий кризис, и казна династии Ле в канун падения была практически пуста.

Тем не менее загадка Нефритовой горы пока остается неразгаданной. Или разгаданной — но сокрытой, в видах «необходимости сохранения государственной тайны»?

Легенда острова Оук

На восточном побережье Канады, у полуострова Новая Шотландия, лежит небольшой островок Оук-Айленд — «Дубовый остров». В его недрах скрывается некая тайна, которую вот уже более двухсот лет безуспешно пытаются разгадать энтузиасты. Здесь, под защитой довольно простых, но умело устроенных гидротехнических сооружений, как считают, скрывается бесценный клад, стоящий миллионы долларов. История поисков сокровищ началась в 1795 году, когда на острове Оук появились трое подростков, мечтавших разыскать клад знаменитого пирата Кидда, — Дэниел Макгиннис, Джон Смит и Энтони Воган. Обнаружив подозрительные впадины, они приступили к раскопкам. К их бесконечному изумлению, буквально через полметра лопаты уткнулись в плоские камни! Под ними на глубине 3 м лежала широкая дубовая доска. Энтузиасты продолжили копать. Оказалось, что через каждые три метра шахты устроены горизонтальные перегородки из дубовых бревен толщиной от 15 до 20 см!

Рыть дальше молодые люди не смогли и покинули остров, решив вскоре вернуться.

Слух о находке быстро распространился по окрестностям. Спустя несколько лет большая группа новых копателей во всеоружии прибыла на остров. Кладоискатели пробили еще несколько дубовых перекрытий и наткнулись на плоский камень с зашифрованной надписью. Специалисты до сих пор ломают голову над ее прочтением, хотя вариантов дешифровки предлагалось несчитанное множество. Куда девался этот камень впоследствии — неизвестно.

Искателям пришлось также пробиваться сквозь слой смолы, слой древесного угля и слой стружек кокосовой пальмы, вызвавший особое удивление: у берегов Канады кокосы не растут! По мере углубления шахта стала заполняться морской водой. Ее пытались откачать, но безуспешно. По-видимому, неорганизованные и поспешные действия кладоискателей нарушили систему дренажа, в результате чего в шахту открылся доступ морским водам. Столкнувшимся с этим неожиданным препятствием копателям ничего не оставалось, как отказаться от своих дальнейших попыток.

Во время раскопок 1849–1850 годов было установлено, что колодец напрямую сообщается с морем через один или даже два искусственных канала. Именно по ним вода проникала в колодец и затопляла его до уровня, соответствовавшего уровню воды в океане. Искатели пытались зондировать колодец и в результате открыли так называемую «камеру-сокровищницу», из которой были извлечены три звена золотой цепочки — неопровержимое доказательство того, что в тайнике действительно имеется драгоценный металл. К сожалению, никто не знает, куда потом делись эти звенья. Сегодня многие исследователи склонны полагать, что они были попросту подброшены самими копателями — с целью привлечения инвесторов…

Как бы то ни было, инвесторы нашлись. В последующие годы на острове Оук побывали десятки экспедиций. Они привозили с собой мощные насосы, драги, землечерпалки, буровые механизмы. Но никакие ухищрения не смогли остановить приток воды, и никакие приспособления не позволили добраться до дна шахты. На поиск были затрачены миллионы долларов, в ходе изнурительных работ погибли пять человек. Наградой за все эти усилия стали упоминавшийся выше фрагмент золотой цепочки, железные ножницы и кусок пергамента с двумя латинскими буквами: то ли «ui», то ли «vi», то ли «wi»… Этот фрагмент исследовали специалисты по палеографии из Бостона, которые заключили, что он выделан из овечьей кожи, а значки написаны тушью и гусиным пером. Кроме того, был найден плоский камень, испещренный «неразборчивыми значками». А телекамеры, опущенные на дно заполненной водой шахты, показали наличие на ее дне каких-то ящиков или сундуков. Здесь же плавала… отрубленная человеческая рука, а в глубине этой мизансцены кто-то даже углядел человеческий труп! Правда, специалисты, смотревшие это видео, в один голос заявили, что ничего не могут на нем разобрать: слишком все темно, невнятно и неопределенно.

За истекшие два столетия шесть жизней и миллионы долларов были брошены в ненасытную глотку «Денежной шахты», но ее тайна так и

осталась нераскрытой. В 1967 году поисковикам, обшаривавшим остров, удалось найти пару железных ножниц. Эксперты установили, что ножницы — испано-американские, сделаны, по всей вероятности, в Мексике, и их возраст составляет 300 лет. В другом месте кладоискатели наткнулись на остатки плотины, входящей, по-видимому, в состав таинственных гидротехнических сооружений острова Оук. От нее уцелели лишь несколько бревен толщиной 2 фута и длиной 65 футов. Через каждые 4 фута бревна были размечены вырезанными в них римскими цифрами. Как показал радиоуглеродный анализ, эта древесина была срублена 250 лет назад.

Вообще же находок в «Денежной шахте» и на всем острове за все время поисков было сделано на удивление мало, чего нельзя сказать о гипотезах, объясняющих происхождение гипотетических сокровищ острова Оук (если, конечно, они там есть). Самая популярная версия приписывает клад знаменитому пирату — капитану Кидду. Другие утверждают, что клад на острове Оук действительно пиратский, только укрыл его в «денежной шахте» не Кидд, а другой не менее знаменитый пират — Эдвард Тич. Говорили также, что на остров некогда штормом занесло испанский корабль с сокровищами, и моряки спрятали золото в «Денежной шахте». Предполагаемыми «хозяевами» клада назывались викинги, ацтеки, беглые гугеноты, британские солдаты времен Войны за независимость североамериканских штатов и, наконец, французские короли династии Бурбонов — не исключено, что в «Денежной шахте» острова Оук накануне или в первые годы кровавой революции 1789 года были спрятаны ценности французской короны.

В 1954 году кто-то пустил слух, что сокровища острова Оук — вовсе не пиратское богатство, а нечто более дорогостоящее, чем золото: священные реликвии из Иерусалимского храма, манускрипты и документы, некогда принадлежавшие ордену тамплиеров. Может быть, на дне «Денежной шахты» хранится даже чаша Святого Грааля! А находки на островке бутылок с остатками ртути заставили кое-кого вспомнить интригующую запись сэра Френсиса Бэкона о том, что «надежнее всего хранить важные документы именно в ртути»! Сторонники последней версии утверждают, что в «Денежной шахте» хранятся… документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что истинным автором пьес Шекспира является Френсис Бэкон!

Согласно другой, менее оригинальной, версии, клад острова Оук — не что иное, как сокровище собора Святого Эндрю из Шотландии. В монастыре, являвшем собой нечто вроде государственной сокровищницы, веками копились драгоценные предметы богослужения, золотые и серебряные монеты, украшения и драгоценные камни. В 1560 году сокровище таинственно и бесследно исчезло, и не исключено, что из Старой Шотландии оно могло быть переправлено в Новую. Наконец, «Денежная шахта» может и вообще ничего не содержать, может быть, это просто гидротехническое сооружение, и все… Кто сказал, что на дне шахты обязательно должны быть сокровища?

Какие бы предположения ни выдвигались относительно происхождения сооружений на острове Оук, несомненным остается одно: кто-то, обладавший инженерными знаниями и имевший возможность

привлечь соответствующие средства и рабочую силу, соорудил на глубине 40-метровой шахты (диаметр которой равен 12 футам или около 3,65 м) подземное хранилище. Завершилось строительство (вероятно, с участием множества людей с применением мощных землеройных механизмов), конечно, ранее 1795 года. Радиоуглеродная датировка отодвигает этот срок до 1660 года, а проведенный канадскими экспертами-лесоводами анализ бревен, из которых сооружены стенки шахты, позволяет утверждать, что тайник был построен между 1700 и 1750 годами. «Авторов» загадочных сооружений на острове Оук пытались искать, в частности, среди известных пиратов XVI–XVIII веков, но могли ли пираты, многие из которых были элементарно неграмотны, создавать такие сложные конструкции? Во всяком случае, нигде в мире они неизвестны.

Те, кто строил колодец, проделали гигантскую работу. Но вот вопрос: для чего? Наверное, не ради собственного удовольствия. Может быть, сооружение действительно предназначалось для того, чтобы укрыть нечто невероятно ценное. На страже этой тайны стояла и продолжает стоять хитроумная система защиты, бросающая вызов даже современной технике. Во всяком случае, после того как незадачливые кладоискатели XIX столетия нарушили систему дренажа, колодец наполнился водой и ее до сих пор не удается откачать.

«Остров сокровищ» уже давно перешел в частные руки, различные кладоискательские компании его много раз продавали, покупали, делили на доли. В 1969 году большую часть острова приобрела компания «Тритон», созданная двумя неистовыми искателями сокровищ — Дэниелом К. Бленкеншипом и Дэвидом Тобиасом. В 2005 году часть острова была выставлена на продажу с аукциона, стартовая цена была определена в 7 миллионов долларов. «Общество туризма острова Оук» (существует и такое) надеялось, что остров приобретет правительство Канады, однако в итоге его совладельцем стала группа американских бизнесменов, работающих в промышленности бурения (так называемая «Мичиганская группа»). В апреле 2006 года было объявлено, что «Мичиганской группе» отныне принадлежат 50 % острова Оук (остальная часть по-прежнему остается за Бленкеншипом и Тобиасом) и что поиски сокровищ будут продолжены.

По следам «московской добычи» Наполеона

Вот уже более ста восьмидесяти лет не дают покоя кладоискателям так называемые «клады Наполеона». Слухи о них появились уже в первые месяцы после изгнания французов из России, но плоть и кровь легенда обрела в последующие годы, когда то тут, то там в поисках сокровищ стали появляться различные загадочные личности, в том числе из числа бывших солдат и офицеров наполеоновской армии.

Практически сразу после окончания войны в министерства иностранных дел некоторых европейских государств и посольства России за границей стали обращаться отдельные лица с просьбой допустить их на территорию России для отыскания драгоценностей, спрятанных ими самими или их родственниками во время отступления армии Наполеона осенью — зимой 1812 года. Некоторые просьбы русским правительством были удовлетворены, а некоторым кладоискателям были даже предоставлены дополнительные средства для отыскания запрятанных

сокровищ. Но все попытки отыскать их оказались тщетными.

Поиск «московской добычи» велся и ведется до сих пор на всем протяжении пути отступления наполеоновской армии. При этом в качестве возможных местонахождений сокровищ зачастую указываются совершенно фантастические места, типа пресловутого Семлевского озера. Исследованием вопроса о сокровищах Наполеона занимался даже Оноре де Бальзак, написавший знаменитый рассказ «Березина».

Что же легло в основу многочисленных легенд о «московской добыче» Наполеона?

Начнем с того, что после Бородинского сражения генерал-губернатор Москвы граф Ф. В. Ростопчин принимал активные меры к эвакуации сокровищ Кремля. Все обстоятельства, связанные с этими событиями, достаточно полно изложены в работе С. Н. Цветкова «Вывоз из Москвы государственных сокровищ в 1812 году» (М., 1912).

Судьба государственных сокровищ была доверена начальнику Дворцовой экспедиции, действительному тайному советнику, сенатору и обер-церемониймейстеру П. С. Валуеву и чиновнику той же экспедиции Поливанову. Последний непосредственно готовил ценности к эвакуации в Нижний Новгород. Для этой цели Валуев затребовал у Ростопчина сто двадцать пять пар лошадей. Валуев и Поливанов понимали, что времени на решение поставленной перед ними задачи у них мало. В силу этого они были вынуждены многое оставить — ни сил, ни средств, ни времени для укладки уже не было. В первую очередь были брошены старинное громоздкое оружие, старые материи и костюмы, массивные серебряные рамы и оклады.

Дни и ночи работая над упаковкой сокровищ, энергичный Поливанов находил время прятать остававшиеся ценные вещи в потайные места. Не ограничившись эвакуацией предметов из Оружейной палаты, Патриаршей ризницы, Большого кремлевского дворца и Грановитой палаты, Поливанов вывез некоторые реликвии кремлевских соборов и древней церкви Спаса на Бору. Тем временем французская армия быстро приближалась…

Большой обоз с сокровищами, около 150 повозок, наконец двинулся по Владимирской дороге. Его сопровождали Поливанов, чиновники и служащие Дворцовой экспедиции. Меж тем в Кремле продолжалась лихорадочная работа: пытались спасти все, что не успели вывезти, что еще можно было укрыть от врага. Ценности замуровывали в тайники, зарывали в землю, прятали под полы.

Часть ценностей была замурована в подземельях Троицкой башни Кремля, вход в которые были замурованы. Настоятель Чудова монастыря иеромонах Константин, из-за невозможности вывезти целиком монастырское достояние, закопал часть его в землю на территории монастыря. Он продолжал свой труд даже тогда, когда неприятель был уже «на стенах высот кремлевских». Монахини московского Рождественского монастыря закопали монастырское добро под трапезной Рождественского собора и под усыпальницей князей Лобановых-Ростовских.

Несколько служащих Дворцовой экспедиции, собирая и пряча ценные предметы, оставались в Кремле даже 2 сентября, когда в город вошли французские войска…

Через три месяца после того как «Великая армия» оставила Москву, частично разрушенный маршалом Мортье Кремль был открыт для обозрения всем желающим. Одним из первых сюда приехал П. С. Валуев. Среди руин и груд битого камня он искал вещи из кремлевских дворцов. Повсюду валялись обломки дворцовой мебели, иконы с сорванными ризами. Нашлись бронзовые двуглавые орлы с кремлевских башен, бюст императора Петра I, который стоял на крыше Сената. Отыскался и большой крест с колокольни Ивана Великого. (Гораздо позже родился миф о том, что французы якобы вывезли его — об этом см. ниже.) Крест стоял, прислоненный к стене собора, — правда, золоченое серебро с него было содрано грабителями. Валуев обнаружил, что многие устроенные во время эвакуации тайники были разграблены — часть замуровок была разломана, а ценности расхищены.

По официальной справке русского Министерства внутренних дел, «московская добыча» Наполеона составила 18 пудов золота, 325 пудов серебра и неустановленное количество церковной утвари, драгоценных камней, старинного оружия, посуды, мехов и др. Все это было вывезено из Москвы и частично осталось в тайниках на Смоленской дороге. По мнению известного советского военного историка П. А. Жилина, «по всей вероятности, отступая, противник „разгружался“ и прятал награбленные ценности. Но где именно спрятана „московская добыча“ сказать трудно».

Главная часть «московской добычи» Наполеона составила несколько десятков подвод (по одним источникам — двадцать пять, по другим — около сорока) и состояла из утвари соборов Кремля, старинного оружия, предметов искусства и драгоценностей. Часть изделий из драгоценных металлов была перелита в слитки. Для этого в Успенском соборе Кремля были оборудованы плавильные печи. Адъютант генерала Нарбонна де Костелан вспоминает, как французы «забрали и расплавили серебряную утварь кремлевских церквей, пополнив этим кассу армии». Плавильные горны работали и в других местах города.

Упоминания о «московской добыче» можно встретить в мемуарах многих французских участников кампании 1812 года.

Офицер Маренгоне: «Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквах. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили 25 телег».

Собственные обозы с добычей имели наполеоновские маршалы Богарне, Даву, Ней, Мортье, Мюрат.

Помимо этого, уходившие из Москвы французские солдаты и офицеры были нагружены своим личным достоянием. О том, как оно было приобретено, вспоминал казначей московского Данилова монастыря иеромонах Антоний: «Артиллерийские солдаты, вступив тогда же в монастырь, тотчас и начали в церкви с образов, и местных, и мелких, и раку обдирать, и даже в самой гробнице рыться, но не нашедши там ничего, кроме мощей Святых, бросили верхнюю доску поперек гроба… Поколику же возглавие на гробнице очень вызолочено жарко, то сколько ни было уверения, что оно медное, сорвали… Один только на Спасителе большой серебряной оклад со стразами и дорогими каменьями, разбивши саблею стекло, сорвали. Что же касается ризницы, то не только одежды с

престолов снимали, но самые срачицы раздирали, и даже святыми антиминсами опоясывались, а как находили их короткими, то бросали на пол. Словом, причинили убытку тысяч до десяти».

По свидетельству британского военного агента при русской армии Роберта Вильсона, французская армия была просто перегружена награбленным добром: «На протяжении целых переходов тянулись в три-четыре ряда артиллерийские орудия, зарядные фуры, госпитальные и провиантские повозки, экипажи всевозможных родов и даже дрожки, нагруженные различными вещами (в основном предметами роскоши), пехотинцы изнемогали под тяжестью ранцев, маркитантки везли добычу, награбленную в Москве, которою также были наполнены артиллерийские повозки и госпитальные фуры». Французский сержант Адриен-Жан-Батист-Франсуа Бургонь писал в своих мемуарах, что нес в своем ранце «несколько серебряных и золотых изделий, между прочим, обломок креста с Ивана Великого, то есть кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки». Даже французский писатель-классик Стендаль, бывший в ту пору интендантом наполеоновской армии Анри Бейлем, уходя из Москвы, не побрезговал зашить в подкладку своей шинели награбленные им золотые монеты: что поделаешь, европейская культура обязывает…

По подсчетам верейского краеведа Ю. Лискина, даже если предположить, что каждый солдат стотысячной армии нес в своем ранце хотя бы полкило драгоценностей (монет, слитков, ювелирных изделий и т. д.), то общий вес награбленного, без учета обозной клади, составил около пятидесяти тонн. Но, по словам Вильсона, «пехотинцы изнемогали под тяжестью ранцев». От полукилограмма, понятно, изнемогать никто не будет. Значит, награбленной добычи было во много раз больше.

Вывоз французами основных ценностей из Москвы происходил с 15 по 27 октября. Французский офицер Сезар Лотье позднее вспоминал: «13 октября в Москве выпал первый снег. Мы задавали себе вопрос: как же перевозить ту драгоценную добычу, которую уже нагрузили на телеги, если только император не отдаст приказания оставить ее здесь». Император, однако, отдал другое приказание…

Главная часть «московской добычи» вывозилась двумя обозами. Первый отправился из Москвы с сильной кавалерийской охраной в середине октября, еще до оставления Наполеоном Москвы, и направился по главной контролируемой французами коммуникации — Смоленской дороге. Предусматривалось, что в случае удачного прорыва армии к Калуге этот обоз присоединится к главным силам армии, проследовав под охраной частей корпуса Понятовского через Верею и Боровск.

Второй обоз (французские источники называют его «трофейный») неотлучно следовал за императором до Малоярославца, где состоялся неудачный для французов бой. Прорваться к Калуге не удалось, и армия повернула к Боровску и Верее. 27 или 28 октября она встретила в районе Вереи первый «золотой обоз». С этого момента конвой с «московской добычей» шел до самой Вильны единым транспортом, постепенно тая по дороге.

О том, что Наполеон по дороге от Вязьмы к Дорогобужу вынужден был бросить часть трофеев, вывезенных им из Москвы, историкам известно

давно. В стычках и боях на пути отступления французской армии в руки русских не раз попадали обозы с награбленными вещами и ценностями.

Армия Наполеона вышла из Москвы 6 (19) октября. Уже через два дня на обочинах дороги стали появляться брошенные обозные телеги. «Лошадей пало много», — отмечает 8 (21) октября Арман де Коленкур. А после сражения под Малоярославцем император отдал приказ о подготовке армии к долгому и быстрому маршу. Часть обозов велено было бросить. Но это не помогло: когда сопровождаемая тяжело груженным обозом наполеоновская армия двинулась через Боровск и Верею к Можайску вопреки приказу Наполеона об ускорении марша, войска и обозы сильно растянулись. Так, 28 октября штаб императора уже двигался через Можайск, в то время как арьергардные части Даву еще тащились где-то в грязи под Боровском.

По воспоминаниям сержанта Бургоня, во время движения от Малоярославца к Можайску французами было оставлено значительное количество снаряжения и награбленной добычи: «Дороги окончательно испортились, повозки, нагруженные добычей, тащились с трудом, многие из них оказались сломанными. С других возницы, опасаясь поломки, сбрасывали кладь. Вся дорога была усеяна ценными предметами: картинами, канделябрами, множеством книг…» Дивизия Жерара, шедшая в арьергарде армии, имела приказ уничтожать брошенное добро, сбрасывая его в реки, озера, болота, заполненные водой канавы. Чаще всего заторы случались на мостах через многочисленные реки и речушки, и тогда в воду летели целые повозки с добычей. Только на пути от Малоярославца до Вереи французам не менее пяти раз приходилось прибегать к этой «процедуре».

Как раз в эти дни М. И. Кутузове одном из приказов отмечал: «Неприятель в бегстве своем оставляет обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает сокровища, из храмов Божиих похищенные».

По словам П. А. Жилина, при отступлении от Малоярославца, на участке между Боровском и Можайском командовавший арьергардом генерал Жерар потребовал от колонны отстающих, сдерживавших темп марша солдат разгрузить ранцы, выкинув их содержимое в реку Протву. В возможности отдания такого приказа сомневаться не приходится: на плечах Жерара, подгонявшего отступающих, уже висели полки донских казаков.

Сегодня старая дорога, превратившаяся в проселок, упирается в песчаный брод на Протве, который местные жители называют «брод на Верею». Ничто не напоминает о том, что именно на этом месте в середине октября 1812 года и произошла первая крупная «разгрузка» московской добычи. А сколько еще таких мест таится по пути отступления «Великой армии»…

Армия Наполеона вступила в пределы Смоленской губернии. Русские войска преследовали ее по пятам. Многочисленные арьергардные бои и стычки следовали едва ли не каждый день, и множество французских солдат осталось лежать в безвестных могилах, затерянных на Смоленщине. Эти «французские могилы» прочно вошли в местный фольклор. Нередко «французскими могилами» называют славянские курганы IX–XII веков. Но иногда кладоискатели действительно

наталкивались на захоронения наполеоновских солдат. Например, в сентябре 1874 года в версте от деревни Соколово Гжатского уезда кладоискатели обнаружили братскую могилу французских солдат, в которой среди костей оказался полусгнивший пояс из красной кожи. Когда его стали извлекать из земли, пояс разорвался и из него посыпались серебряные монеты — русские и иностранные. Всего было найдено семнадцать монет.

«Французская могила» была известна на речке Сорогоща в деревне Иваново, что в 20 верстах к востоку от Вязьмы. «Година та лихая была! — вспоминали местные жители. — Ух, лихая! Все из деревень повыехали, да в лесах хоронились. Кто свое худобишко с собой забрал, а кто тут позарывал. Много по здешним местам добра всякого зарыто. Ух, много! Вот, к примеру, под Кочетовым ровок есть, Шильонским прозывается, и струбы там дубовые — два, да еще погреб каменный, а в погребе там икона Божьей Матери Одигитрии скрыта».

«Французские могилы» — ряд небольших холмиков — указывали между деревнями Литвиновым и Кувшиновым в окрестностях Вязьмы. Другое предполагаемое захоронение находится у деревни Ямново, в ста метрах от дороги из Вязьмы в Белый. В конце XIX века его раскопали и нашли человеческие кости и оружие.

Неподалеку от уже упоминавшейся деревни Литвиново известно «Кладовое озеро» — небольшой водоем, который уже в начале XX века сильно зарос. Здесь, по преданию, французы бросили в воду орудие и — народная фантазия неистощима — «три воловьих шкуры с золотом».

В самой Вязьме перед приходом французов лихорадочно прятались церковные и монастырские сокровища. Причт церкви Рождества Богородицы укрыл церковную утварь, образа и имущество в яме, вырытой на огороде и тщательно замаскированной. Этот клад французы не нашли, и после их изгнания он был благополучно извлечен из земли. А вот где находится часть сокровищ Вяземского Иоанно-Предтеченского монастыря, неизвестно до сих пор. Они были зарыты в монастырском саду. Часть из них — золотые и серебряные слитки — были найдены и растащены французами. А другую часть не нашли даже сами монахи, хотя поиски этого клада велись на протяжении нескольких десятилетий… *4 Подробнее см.: Клетнова Е. Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда Смоленской губернии. Смоленск, 1911.*

…На пути от Дорогобужа к Смоленску французская армия получила приказ Наполеона: сжечь все трофеи. И снова в огонь полетело только наименее ценное и компактное: рухлядь, одежда, антиквариат… Но с золотом и серебром никто расставаться не спешил — пока.

5 ноября в бою под Красным лейб-гвардии Уланский полк захватил обоз 1-го корпуса маршала Даву с московскими трофеями, среди которых была «золотая казна» — золото и серебро всего на сумму 31 тысяча рублей ассигнациями. Эта добыча стала достоянием полка и поступила в полковую артель. В дальнейшем из этих средств был составлен так называемый «Красненский капитал», и каждый солдат — участник дела 5 ноября, — выбывая из полка, награждался пятьюдесятью рублями из «Красненского капитала».

С этой точки слухи об укрытых сокровищах Наполеона начинают лавинообразно нарастать…

В качестве места, где хранится какая-то часть французских сокровищ, указывали на озеро вблизи местечка Бобр Сенненского уезда Могилевской губернии. «Существуют свидетельства многих „военных лиц“, что в этом озере на дне хранятся трофеи 1812 года и великого бегства французов», — писала в 1911 году газета «Новое время». В этой местности начиная с 1870-х годов заговорили о том, что в озере французами во время бегства были затоплены награбленные сокровища московских церквей. В 1870-х годах один местный помещик занялся розыском легендарных сокровищ, причем пользовался таким примитивным средством, как выгребание воды. Ясно, что из этой затеи ничего не вышло, несмотря на то что он предпринимал неоднократные попытки. К сокровищам на дне Бобровского озера проявлял интерес «Кружок ревнителей памяти 1812 года», но по ряду причин (нехватка средств, начавшаяся Первая мировая война и др.) не смог заняться исследованием озера.

Следы «золота Наполеона» известны и в окрестностях Могилева. Заняв город и учредив в нем свою администрацию, французы обложили население налогами и реквизировали церковные ценности. В частности, 21 июля на архиерейский двор явилась рота французских солдат, обшарила всю церковь в поисках сокровищ, взломала полы топорами, вырыла под полами ямы и подвергла все тщательному обыску. Но ничего найти не удалось.

8 ноября 1812 года на базарной площади Могилева французы сожгли все лишние вещи из обоза, а 11 ноября ночью покинули город…

А 18 июля 1851 года дворянин Адам Щепковский донес виленскому губернатору о том, что ему известны некоторые места, где «ретировавшиеся в 1812 году французские войска зарыли в землю ящики с деньгами». Показания Щепковского были доложены шефу Корпуса жандармов, который, в свою очередь, доложил об этом императору Николаю I. Император «высочайше соизволил разрешить для отыскания сих мест отправить Щепковского с одним из чиновников виленского военного губернатора с тем, что таковые поиски могут быть проведены и в других губерниях».

Щепковский избрал для своих поисков Копысский уезд Могилевской губернии, где, по его словам, «на могильнике» в 1812 году отступающие французские войска закопали «два ящика в золоте денег». Могилевский вице-губернатор предписал всем властям оказывать Щепковскому всевозможное содействие «и о том, что будет открыто, немедля донести». Работы на «означенном могильнике» начались 30 июля, а уже 2 августа копысский исправник отписал в Могилев: «Работы окончены, и ничего не оказалось».

Во время трагической переправы через Березину часть «московской добычи» была, по слухам, зарыта и затоплена — вероятно, в нескольких местах. Известно, что в течение нескольких послевоенных лет окрестные помещики заставляли своих крепостных нырять в воды Березины и отыскивать на дне реки брошенные французами драгоценности. Все, что удавалось найти — в основном золотые и серебряные вещи, — продавалось за бесценок. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что сведения о кладах французов, оставленных на территории Белоруссии, — там, где

оставшиеся в живых солдаты Наполеона думали уже не о сохранении награбленных сокровищ, но единственно о сохранении собственной жизни, — принадлежат к числу наиболее достоверных версий о местонахождении «московской добычи».

Несомненно, что до самой Вильны значительная часть «золотого обоза» еще была цела. Обоз шел под охраной единственной части наполеоновской армии, сохранившей боеспособность и дисциплину, — Старой гвардии. С транспортировкой сокровищ от Борисова до Вильно связан эпизод, известный по делам русского Министерства иностранных дел.

Зимой 1838 года в Венеции к находившемуся там по делам службы русскому послу в Австрии Татищеву обратилась супруга генерал-адъютанта П. Д. Киселева. По ее словам, ей в силу стечения обстоятельств стало известно о том, что где-то в Минской губернии зарыт многомиллионный клад. Осенью 1812 года по приказу Наполеона батальон Старой гвардии эскортировал повозку, нагруженную тяжелыми дубовыми бочками. Груз был очень тяжел, и усталые лошади пали одна за другой. Тем временем распространился слух: «Казаки близко!» Одну бочку конвоиры разбили и золото растащили по карманам. А оставшиеся семь закопали в большой яме, выдолбив ее в мерзлой земле ломами и кирками.

Киселева рассказала Татищеву, что ее муж не придает значения ее словам, но она уверена в достоверности этих сведений и берется отыскать их. По распоряжению вице-канцлера Нессельроде виленскому генерал-губернатору князю Долгорукову было направлено указание, «чтобы со стороны местного начальства оказано было генеральше Киселевой всякое содействие к отысканию помянутого клада». Но, насколько можно судить, ничего найдено не было.

В 1910 году нынешнего столетия виленские газеты опубликовали слухи о возможном кладе французов в местечке Селище на северо-западе Белоруссии.

По рассказам старожилов тех мест, во время отступления французов в 1812 году часть армии Наполеона двинулась по дороге из Борисова в Молодечно. Эти пункты соединяла тогда широкая столбовая дорога. Как раз в это время наступили особенно жестокие морозы. Истощенные недостатком фуража, обозные и артиллерийские лошади устилали дорогу своими трупами, на протяжении всего пути можно было видеть бесконечные вереницы брошенных фур и мертвых человеческихтел.

По этой дороге на Молодечно и далее на Вильно, бросив остатки голодной и замерзающей армии, ехал Наполеон. При нем находилась довольно значительная казна: несколько фургонов везли бочонки с золотом. У селения Мотыголь совершенно измученный император и его штаб заехали на ночлег в имение Селище, расположенное в нескольких сотнях шагов от большой дороги. Император поместился в старом господском доме. Здесь приближенные доложили ему, что дальше везти бочонки нельзя: почти все лошади пали, а достать свежих невозможно. Тогда Наполеон приказал зарыть золото в землю. Под покровом ночной темноты несколько штабных офицеров исполнили приказаниеимператора…

Про клад ничего не было известно до 1840 года. Около этого времени в имении начали строить новый господский дом. Под его

фундамент крестьяне свозили с поля камни.

Через некоторое время после постройки дома из Франции приехал какой-то человек с планом и объявил о цели своего прибытия — отыскание зарытых в 1812 году нескольких бочонков золота. Но спустя 28 лет местность уже не соответствовала плану, так как проселочная дорога, ведущая от большой дороги к имению, была уже запахана, а вместо нее проложена другая. Кроме того, не оказалось и главной приметы — «острого камня», который точнее определял местность, где был зарыт клад. Таким образом, весь предполагаемый район поисков площадью в несколько гектаров остался без упомянутых в плане примет и ориентиров. Искатель клада поневоле вынужден был ограничиться расспросами у местных жителей: куда делся «острый камень»? Оказалось, его свезли под фундамент. После долгих поисков камень все-таки нашли с правой стороны от крыльца в угловом фундаменте дома. На нем оказался высеченный знак в форме подковы. Однако настойчивые расспросы о том, откуда взят камень, ни к чему не привели — никто уже этого не помнил. Француз ни с чем вернулся в свое отечество…

Один из авторов публикаций 1910 года, некто Л. С., долгое время жил в этой местности и ему удалось собрать множество свидетельств о пребывании здесь французов. Так, на поле имения Селище им были найдены пуговица от французского мундира с изображением скрещенных пушек, стальной шомпол и «отделка от штуцера». Кроме того, местные жители рассказали, что близ деревни в небольшом озере французами был затоплен «денежный ящик». Но попытки отыскать заветное сокровище так ни к чему и не привели.

Реальна ли история о кладе в Селищах? Разрешить эту загадку могут только поиски.

Территория бывших Виленской и Ковенской губерний — юг и запад Литвы — район, наиболее плотно насыщенный следами событий 1812 года. Именно здесь разыгралась самая ужасная трагедия наполеоновской армии, трагедия, которая затмила в памяти уцелевших все предыдущие испытания. Об этих событиях писалось довольно мало. Впрочем, это правильно — даже в наш жестокий век не хочется описывать те неслыханные сцены человеческих страданий, которые разыгрывались здесь в конце ноября — декабре 1812 года…

В начале XX века местные жители указывали сотни братских могил солдат французской армии. Вот как выглядела, например, одна из них, у деревни Покальнишки: «Могила представляет из себя два рядом стоящие холма… Часть могилы немного обнажилась и на песке видна масса костей: черепов, челюстей, больших и малых берцовых костей, лопаток… Судя по костям, здесь погребено не менее 500 человек». А всего в литовской земле нашли свое последнее пристанище не менее 60 тысяч наполеоновских солдат и офицеров.

На протяжении десятков лет крестьяне находили здесь ружья, сабли, тесаки, фрагменты обмундирования и амуниции, пуговицы, пряжки, металлические предметы, монеты. И — кости, кости, кости… А среди этих находок было немало следов «московской добычи» и «золота Наполеона».

Золотые 20-франковые монеты неоднократно находили на Ковенской дороге. Нашли поблизости и золотое кольцо с французским

гербом. А местные предания указывают на несколько мест, где находится и добыча «покрупнее». Так, у местечка Евье, на Старо-Виленской дороге, в болоте затоплена французская фура с деньгами и документами. В Закрете — предместье Вильно — указывали озеро, к началу XX века уже заросшее, в которое французы бросили золото. Этот клад в середине XIX столетия пытался отыскать немец Миллер, но неудачно. Ему удалось найти только сабли, ружья и другое брошенное в озеро оружие. Впрочем, говорили, что этот клад был все же кем-то «вынут».

А в середине мая 1826 года в российскую миссию в Карлсруэ явился слесарь Жан Пти и объявил, что ему известен клад, зарытый французами в окрестностях Вильно, просил паспорт и содействие в отыскании этого сокровища. Жан Пти утверждал, что ему известно и о других кладах, укрытых французами в «дуплах деревьев и пещерах».

К тому времени русское правительство, уже многократно обжегшееся на подобных кладоискателях, очень неохотно выдавало разрешение на поиски. Предложение Жана Пти было сочтено не заслуживающим внимания, так как он «не в состоянии дать более точных сведений о сокровищах, о существовании которых ему якобы известно».

Клад французов указывали и на 5-й версте дороги Вильно — Полоцк — тут якобы находилась стоянка Наполеона. Память о зарытых здесь сокровищах более ста лет не давала покоя жителям местечка Михалишки.

Не следует относить все эти предания только к области легенд. Достоверно известен, например, следующий полуфантастический, но реальный случай. В ноябре 1812 года на 14-й версте Полоцкого шоссе, под мостом через реку Вилейку, прятался крестьянин деревни Мицкуны Юрий Маковский. По мосту шла отступающая французская часть. Маковский увидел, как несколько французов бросили с моста в реку какой-то увесистый предмет. Когда французы прошли, любопытный крестьянин не побоялся слазить в ледяную воду, и его старания были вознаграждены — он вытащил на берег… бочонок с золотом!

Этого золота Маковскому (он умер около 1850 года) и его семье хватило на 30 лет!

7–9 декабря остатки французской армии проходили через Вильно. Морозы усилились до –25–27°. «Ночь с 7 на 8 и день 8 были еще тяжелее для армии, чем предыдущие, — писал Наполеону утром 9 декабря из Вильны маршал Бертье. — Одна из повозок, на которых везли казну, разграблена возчиками; удалось спасти всего 12 000 франков. Делается все, что в пределах человеческой власти, чтобы спасти остальные повозки».

Судьба похищенных московских сокровищ и казны Главной квартиры была окончательно решена только за Вильной. По показаниям многочисленных очевидцев, последние остатки «золотого обоза» были дотла разграблены совсем потерявшими человеческий облик солдатами и офицерами «Великой армии» 10 декабря 1812 года на дороге между Вильно и Ковно, когда подводы, влекомые измученными лошадьми, беспомощно остановились перед покрытым льдом подъемом на Понарскую гору. Из-за гололедицы на нее не могла въехать ни одна повозка и ни один экипаж, не говоря уже о тяжело нагруженных фургонах. Именно здесь, у подножия этой горы, погибли и «золотой обоз», и казна Главной квартиры

«Великой армии».

«Ваше величество, знаете, что в полутора лье от Вильны есть ущелье и очень крутая гора, — писал 12 декабря (30 ноября по старому стилю) из Ковно маршал Бертье. — Прибыв туда к 5 часам утра, вся артиллерия, Ваши экипажи, наши экипажи, войсковой обоз представляли собой ужасное зрелище. Ни одна повозка не могла проехать, ущелье было загромождено орудиями, а повозки опрокинуты…»

Это был момент окончательной гибели всей артиллерии, фур и обоза. Скопившиеся у подножия обледенелой горы деморализованные и утратившие всякое подобие армии люди начали тащить с повозок все, что можно унести на себе.

Свидетельств очевидцев этих событий более чем достаточно. Предоставим же слово авторам мемуаров:

«Мы на рассвете 10 декабря оставили город [Вильно] и пошли по дороге на Ковно. Часа через два мы пришли к подошве холма, обледеневшего и настолько крутого, что на него невозможно было взобраться. Кругом были разбросаны остатки экипажей Наполеона, оставленный в Вильне при отступлении обоз, походная касса армии и еще много повозок с грузными московскими трофеями: они не могли подняться в гору…» (Штейнмюллер).

«Через два часа мы подошли к подошве горы… Вокруг были остатки наполеоновских экипажей, войсковая казна и ящики с несчастными московскими трофеями…» (Лабом).

«Здесь, у подножия холма, собрались дезертиры, фургоны, экипажи, артиллерия, всякого рода багаж и, наконец, императорские фургоны с 10 миллионами и остатками московских трофеев» (граф Хохберг).

«Фургоны с казной, трофеи, взятые в Москве, русские знамена, столовая посуда маршалов — все это было брошено. Трудно представить себе, какие богатства были покинуты у подножия этой горы» (анонимный бельгийский солдат).

«— Ко мне, друзья! Разграбим обоз!

Тотчас толпы беглецов присоединяются к этому крику и бросаются на драгоценные фургоны. В одно мгновенье они окружены стаей хищных птиц. Кидаются к замкам и взламывают их посредством всего, что находится под рукой.

Они разбиты вдребезги и открыты. Солдаты всех родов оружия, лакеи, чиновники, даже офицеры полными пригоршнями черпают в них золото и бесчестие… Пренебрегают монетами в пять франков — их выбрасывают далеко на снег» (Лемонье).

«Все бросились к повозкам: взломали кассы, в которых было еще около пяти миллионов франков, деньги вынули и поделили…» (Штейнмюллер).

«Многие, кто пришли потом, приняли участие в этом грабеже. Люди, умирающие с голоду, в то же время сгибались под тяжестью богатств, которых они не могли нести. Со всех сторон говорили лишь о слитках золота да о драгоценностях. Каждый солдат был нагружен серебром, но ни один не имел ружья» (Лабом).

«Здесь валялись раскрытые сундуки, там — разграбленные фургоны с золотом. Я видел, как люди падали под тяжестью мешков с золотом»

(граф Хохберг).

«Мешки с деньгами, слишком тяжелые для переноса, оставлялись на земле с пренебрежением. Стрелок из моего полка по имени Фулон захватил таким образом мешок, содержащий 20 тысяч франков золотом» (Комб).

«На мою долю я мог бы иметь мешок с золотом, содержащий 50 000 в наполеондорах, но я нашел его вес слишком тяжелым и удовольствовался несколькими пригоршнями этого золота, которые я положил в карманы моих панталон» (анонимный бельгийский солдат).

«Крик „Казаки!“ послышался снова, но теперь на него никто не обращает внимания. Жажда золота пересилила страх, и фургоны покидаются только совершенно пустыми, разбитыми и опрокинутыми» (Лемонье).

«Наши собственные солдаты разграбили часть армейской казны при появлении казаков, одно время даже работали с ними в полном согласии. Ночью многие французы и союзники предлагали мне купить награбленные вещи, серебряные чаши, приборы и т. п.» (де Кастеллан).

«Наши солдаты бились на кулачках с врагами из-за золота» (Комб).

«Все трофеи, которые вез император из Москвы, его кареты, фургоны с золотом — все было потеряно или разграблено казаками и даже нашими собственными солдатами, хотя, я думаю, очень немногие из них привезли свою добычу во Францию» (Гриуа).

По словам самого Наполеона, «в Вильно мои войска разграбили двенадцать миллионов». Разгром «золотого обоза» довершили казаки Платова, отбившие часть «московской добычи» у французов. Часть трофеев, захваченных у Понарской горы, была отправлена в Новочеркасск. «Казаки разграбили все, что оставалось на противоположном берегу реки, где было много повозок, нагруженных огромными ценностями», — свидетельствует участник событий Серрюрье.

Итак, «золотой обоз» погиб?

Нет!

Действительно, огромное количество ценностей было разграблено или попало в руки казаков. Но уцелевшие солдаты и офицеры императорской гвардии, всего 400–500 человек, во главе с маршалом Бертье ухитрились спасти значительную часть казны Наполеона — главным образом вещи, лично принадлежавшие императору, — золото и столовое серебро.

Попав в безвыходное положение у подножия Понарской горы, Бертье и его люди не потеряли присутствия духа и «занялись тем, что оттаскивали в сторону опрокинутые экипажи, сжигали те, которые загромождали проход, — писал Бертье Наполеону из Ковно 12 декабря. — Ваше серебро и деньги казначея Вашего кабинета были сложены в мешки и перевезены на наших лошадях, ничего не было потеряно… Мы могли достичь вершины горы, только проложив себе путь справа и слева через лес. Почти все экипажи были ввезены в гору, после того как в каждый было запряжено по 20 лошадей».

«Пришла мысль с помощью конвойных перенести деньги, принадлежащие казне, — пишет уже упоминавшийся участник событий французский офицер Лабом. — Их было около пяти миллионов, из коих

большая часть в серебряных монетах».

На долю артиллерийского подразделения под командованием офицера Ноеля непосредственно выпало перевозить часть императорских сокровищ;

«Обоз с казной был оставлен прямо посередине пути. Маршал издал приказ, чтобы мой отряд остановился и нагрузил наши повозки бочонками с золотом. Нам гораздо важнее были наши пушки, чем золото, но ничего не помогло…»

Итак, усилиями Бертье и гвардейцев большая часть «золотого обоза» была спасена и прибыла в Ковно. Но по дороге часть с таким трудом спасенных сокровищ была расхищена. «Приманка была слишком соблазнительной! — пишет Ноель. — Скоро стали обнаруживаться потери повозок с бочонками». Одна из фур с золотом была разграблена прямо у ворот Ковно. Много солдат и офицеров тут же дезертировало вместе с награбленным.

Оставшиеся несколько фургонов с золотом вошли в Ковно и были сданы на хранение.

В Ковно собралось около трех-четырех тысяч усталых и замерзших солдат — все, что осталось от 1-го и 4-го пехотных корпусов и от всей армейской кавалерии. Здесь же находился маршал Мюрат, принявший командование армией после отъезда императора. Кроме того, еще до прибытия «золотого обоза» в Ковно хранилось около двух с половиной миллионов франков.

Перед тем как отправиться в дальнейший путь, снова перешерстили все имевшиеся в наличии повозки, высвободили лошадей для перевозки двенадцати еще остававшихся в распоряжении армии орудий и для повозок с казной. Остальные припасы и имущество раздавались солдатам и офицерам. «Припасы раздаются на 8 дней, а также дают вещей и оружия, по сколько возможно, — писал Бертье. — Но солдаты не хотят брать… Я приказал генералу Эбле принять все необходимые меры, чтобы сжечь и уничтожить все, чего нельзя будет забрать. Я велел забрать всех лошадей, каких можно было найти, чтобы сменить уставших лошадей у повозок, на которых везли казну».

С обстоятельствами оставления французами Ковно связано самое раннее послевоенное известие о спрятанных французами сокровищах. Как свидетельствуют документы архивов русского МИДа, 11 февраля 1814 года бывший премьер-министр Пруссии Энгельгард сообщил императору Александру I о том, что ему известно о кладе, укрытом французами в одной из ковенских церквей. В марте 1813 года у Энгельгарда остановились два возвращавшихся из России французских офицера, Альбер и Беллегрин. Альбер рассказал, что в Ковно один его товарищ, зайдя в одну из церквей, своими глазами видел, как несколько артиллерийских солдат возятся с церковными плитами. На вопрос, что они делают, солдаты ответили, что прячут ящик с деньгами на сумму около 800 тысяч франков, так как дальше они его тащить не в состоянии. Альбер уточнил, что эта церковь находится в Виленском предместье, неподалеку от старого замка.

Неизвестно, предпринимались какие-то меры по поиску этого клада или нет, но в рассказе Альбера имеется одна характерная деталь: клад укрывали артиллерийские солдаты. Но именно артиллеристы, как мы

помним, перевезли золото через Понарскую гору и доставили его в Ковно…

Но отправимся дальше по следам «золотого обоза». За Ковно, во время переправы через Неман, обоз снова попал в ситуацию, схожую с той, что была у Понарской горы: сразу за переправой дорога уперлась в крутой обледенелый холм. Несколько повозок снова были растащены. «Холм, на который нам нужно было взобраться сейчас же после перехода через мост, весь был загромождён экипажами, между которыми находились разграбленные фургоны с золотом», — вспоминал французский офицер Булар.

Грабежи фур с золотом продолжались и после перехода французами Немана. Многие из повозок с деньгами были брошены.

«13-го мы перешли Неман, и тут наткнулись в полях на несколько фургонов с золотом, покинутых своими проводниками. Солдаты их сейчас же разбили и черпали полными горстями золото и серебро из разбитых бочек», — писал участник событий, французский офицер Пьон-де-Лош.

Таким образом, за Неман французы перешли, имея на руках значительные средства. «Разграбленная казна» никуда не делась — она просто сменила хозяев. По словам академика Е. В. Тарле, в январе 1813 года в Гумбинене (Восточная Пруссия), куда постепенно подходили группы спасшихся из России французов, «вся площадь была покрыта крестьянскими повозками, стекавшимися со всех сторон возить французов за деньги». «Сразу в Пруссии для французов явилось решительно все, что можно купить за деньги, — пишет Е. В. Тарле. — А денег — монеты золотой и серебряной — в спасшейся казне Наполеона было еще сколько угодно».

Следы сокровищ Наполеона прослеживаются и южнее маршрута Березина — Вильно — Ковно — Восточная Пруссия. Существует несколько свидетельств о кладах, укрытых французами в окрестностях Гродно и Белостока. В этих местах также в течение длительного времени находили следы отступления наполеоновской армии. Например, в селе Волковичи близ Новогрудка в конце XIX столетия в спущенном пруду была найдена брошенная французами пушка.

О нескольких бочках золота, зарытых в окрестностях Гродно, сообщал в декабре 1835 года житель баварского города Вюрцбурга Георг Йозеф Михель. Он обращался к русскому императору с просьбой о содействии в отыскании этого клада, но его просьба была «оставлена без уважения по неимению в виду никаких доказательств о справедливости заключающихся в оной показаний». В магистрате Вюрцбурга Михель показал, что о сокровищах он узнал от одного «с давних времен мне преданного» баварца, человека «честного поведения и к тому же в здравом рассудке», участника походов 1812–1813 годов. В 1812 году этот баварец был прикомандирован к двум казначеям в качестве «смотрителя амуничных по армии вещей». В пути, опасаясь, что их настигнет неприятель, казначеи «зарыли в одном месте Гродненской губернии, где они уже несколько дней находились, в присутствии и в глазах его, все при них находившиеся деньги, кои были укладены в пяти бочонках и имели весу 15 центнеров. Притом взяли они с слово хранить глубокое молчание о сем происшествии, обещав в сем случае дать ему некоторую долю из зарытых денег… Деньги сии, состоящие в одних наполеондорах, простираются до многих миллионов франков». Оба казначея были смертельно ранены в

сражений под Финстервальдом и «испустили дух еще на поле сражения».

По словам Михеля, этот его товарищ несколько лет назад побывал в России и «узнал опять то место, где деньги зарыты, и убедился в том, что оные деньги не могут без соизволения правительства быть вырыты и взяты».

Показания Михеля, данные им вюрцбургскому магистрату, рассматривало баварское правительство. Они были признаны заслуживающими внимания, и в январе 1836 года баварские представители обратились в русский МИД с просьбой оказать Михелю помощь в поисках клада. МИД России ответил, что «прошение не может быть удовлетворено по тем же причинам, по коим и в первом случае ему было отказано. Но господину Михелю не возбраняется выполнить свое намерение на удачу собственными издержками». Своих средств на поездку в Россию у Михеля не было. Зато они были у некоего кавалера де Бре, который, узнав о показаниях Михеля, решил отыскать клад самостоятельно и отправился в Россию. Чем закончилась его поездка, неизвестно.

На этот же район как на возможное местонахождение наполеоновских сокровищ указывала прусская подданная Йоппих, урожденная Ярих, сообщившая в июне 1875 года русскому послу в Берлине Убри о том, что ее отец много лет хранил тайну клада, зарытого его товарищем во время войны 1812 года в окрестностях Белостока. По словам ее отца, этот товарищ имел задание доставить в Белосток семь бочек с золотом. Ночью, находясь на старой мельнице, он услышал отдаленный конский топот. Решив, что это русские казаки, немец быстро выкопал во рву под мельничной плотиной яму глубиной 3 фута и скатил в нее все семь бочек с ценностями. Впоследствии долгие годы он мечтал вернуться на это место и, умирая, доверил тайну своему другу — отцу г-жи Йоппих. По словам самой Йоппих, место, где зарыты бочки, находится «у самой плотины, которая между старой мельницей и старым монастырем ведет к Белостоку. Плотина заросла тополями, и драгоценный клад находится влево от монастыря, у тополей…»

Итак, подведем итоги.

Как мы могли видеть, основная часть казны «Великой армии», преимущественно в золотой и серебряной монете, была сохранена и благополучно была вывезена из России.

Другая часть казны и «московской добычи» разграблена солдатами армии Наполеона и отбита русскими авангардными частями.

Третья часть… Вот судьба третьей части и легла в основу легенд о «московской добыче» и «золоте французов». Не исключено, что разбросанные по многочисленным тайникам на всем пути отступления французской армии, эти сокровища до сих пор дожидаются своего часа. Очевидно, что таких тайников может быть не один и не два. И также очевидно, что их содержимое составляет не казна «Великой армии», а часть личной добычи ее солдат, офицеров, генералов и маршалов — тех самых, что «изнемогали» под тяжестью награбленного. Время только прибавляет к списку тайников новые и новые «адреса», не давая, впрочем, ответа на главный вопрос: а где же они, эти сокровища? И поневоле на ум приходит старинное русское присловье:

«— Пресвятая Богородица, почто рыбка не ловится?
— Либо невод худ, либо нет ее тут».

Исчезнувшие сокровища Лобенгулы

Это поистине странная история. Только Африка может породить таких действующих лиц и фон, на котором она разворачивалась…

Начать со старого Лобенгулы, которого некоторые почитатели описывали как «благородного дикаря». В действительности он был столь же жесток, как и его отец Мзиликази. Зулусы, которые могли оказывать теплый прием белым миссионерам, при этом проявляли кровожадность и отдавали приказы убивать людей тысячами. Неудивительно, что крааль вождя зулусов Лобенгулы назывался Булавайо, что означает «место убийств».

За высоким, толстым, с кожей бронзового цвета королем стоит неприметная и зловещая фигура Джона Джекобса, королевского секретаря и переводчика. Джекобс описывался разными историками и как готтентот, и как мулат-полукровка, но на самом деле он был выходцем из племени абедунгу — обитателей Вомваналенда в Транскее, которые унаследовали немного «белой» крови от потерпевших там много лет тому назад кораблекрушение европейцев. Джекобс стоит того, чтобы заняться им поподробнее, потому что именно у него был ключ к тайным сокровищам Лобенгулы…

Джекобса бросила мать, когда он был еще совсем ребенком. Он учился у миссионеров в Капской колонии. Юный Джекобс подавал такие надежды, что преподобный Л. Ф. Эсселен даже взял его с собой в Эдинбург для продолжения образования. Видимо, его собирались выучить на священника. Неизвестно, был ли Джекобс посвящен в духовный сан, но тем не менее в более поздние годы он часто выдавал себя за священника эфиопской церкви.

Вскоре после возвращения в Южную Африку Джекобс был пойман в Кимберли за нелегальную скупку алмазов и приговорен к принудительным работам. После освобождения Джекобс снова попал в тюрьму за попытку изнасилования. После отбытия второго заключения он продолжил свою преступную карьеру, а когда за ним начала охотиться полиция, бежал в Булавайо. Там он втерся в доверие к Лобенгуле. Джекобс говорил по-английски, по-голландски и на нескольких африканских языках. Он произвел на Лобенгулу большое впечатление. «Ты можешь заставить бумагу разговаривать», — говорил он Джекобсу.

Лобенгула не мог представить, что Джекобс будет плести интриги с его «главной женой» Лосикейи. Это была опасная игра, но коварный Джекобс вел ее так умело, что оставался в милости у Лобенгулы вплоть до последних дней его жизни. Джекобс знал все секреты королевского крааля. Он часто занимался тем, что усыпал тело Лобенгулы золотыми соверенами, — такова была королевская прихоть, из-за которой Джекобс ощущал близость к сокровищам и которая еще больше разжигала его алчность.

В восьмидесятые и девяностые годы XIX века Лобенгулу стали донимать европейцы, стремившиеся получить у него концессии. На него сыпались богатые дары, причем большая часть оплаты шла золотом. Каждый месяц он получал сто золотых соверенов от «Привилегированной

компании», и только ее выплаты к концу его жизни составили в общей сложности шесть тысяч фунтов. Африканские монархи до того, как белые люди ввели в оборот деньги, исчисляли свои богатства слоновой костью. Лобенгула унаследовал от своего отца огромные запасы слоновой кости и значительно увеличил их в годы собственного правления (1870–1893). Сотни подданных Лобенгулы трудились на алмазных шахтах Кимберли. В те дни не было еще электронных приборов, и кражи очень часто оставались незамеченными. Рассказывали, что каждый зулус или матабеле, возвращающийся с шахт на родину, должен был принести с собой алмаз для своего короля. Никто никогда не сомневался в том, что Лобенгула был богат. Он много тратил на своих жен, на шампанское, на украшения и роскошные одежды, но он не мог растратить все свои богатства, которые буквально стекались в королевский крааль в Булавайо. Фирма Джона Орра из Кимберли продала Лобенгуле сейф. Предполагали, что он наполнил его необработанными алмазами, а в другом сейфе держал золото из старых родезийских разработок. Лобенгула также вел добычу золота из собственной шахты и приобрел специальное оборудование для его обработки. «Все отрывочные свидетельства, сложенные вместе, приводят к однозначному выводу: огромные сокровища действительно существовали, и они не были растрачены», — писал полковник Хью Маршалл Хоул, который стал британским специальным уполномоченным в Булавайо после захвата Родезии.

Лобенгула полностью отдавал себе отчет в том, что столкновение с белыми неизбежно. Он был достаточно умен, чтобы попытаться избежать его; но его военачальников возмущало вторжение в их страну белых людей, и с ними нельзя было не считаться. Лобенгула также должен был знать, что рано или поздно его царствованию придет конец…

И вот здесь оканчиваются факты и начинаются легенды.

В начале 1893 года Лобенгула отправился в путь в сопровождении импи (военный отряд у зулусов и матабеле) из 1200 человек, которые охраняли дюжину фургонов, нагруженных сокровищами. Как говорят, караван направился в дикую местность, лежащую к северо-западу от Булавайо. Укрытием сокровищ, как говорит предание, руководил Джон Джекобс. Основная часть импи не приближалась к тому месту, где были зарыты сокровища. Из их числа выбрали надежных людей, чтобы копать ямы, заниматься взрывными работами и засыпать камнями сокровища. Деревья вокруг сожжены, в качестве примет были установлены тайные ориентиры, а затем все это место засеяли кукурузой.

Когда люди, прятавшие сокровища, вернулись к ожидавшим их импи, Джекобс приказал воинам перебить всех, кто участвовал в захоронении клада. Есть свидетельства, что Лобенгула выслал большое войско, чтобы встретить импи и уничтожить всех, кроме брата Лобенгулы и Джекобса. Вскоре после этого Джекобс застрелил брата Лобенгулы. Так остался лишь один человек, который знал секрет сокровищ…

В ноябре 1893 года две колонны белых двинулись на Булавайо, разбили отряды негров-матабеле и вошли в горящий крааль. Как только сражение закончилось, начались поиски сокровищ. Среди пожарища был найден серебряный слоник, которого подарили Лобенгуле белые торговцы. Искатели сокровищ прочесывали развалины, рыли землю в поисках

слоновой кости и под конец решили, что сокровища исчезли. За Лобенгулой была организована погоня в надежде на то, что сокровища окажутся вместе с ним.

Тем временем Лобенгула с некоторыми из своих жен, тремя сыновьями, Джекобсом, большим числом рабов и несколькими верными сторонниками двигался к Замбези. Был сезон дождей. Им пришлось бросить фургоны в болотах и продолжить путь верхом. Лобенгула был сломлен морально и физически. Когда в его лагере вспыхнула эпидемия оспы, он умер одним из первых. Подробности его смерти неизвестны, но считалось, что Лобенгулу похоронили там, где он умер, — на берегу ручья Млинди, в сорока милях к югу от Замбези.

Сокровища Лобенгулы долгое время не давали покоя тем, кто знал о богатствах королевского крааля в Булавайо. Единственный оставшийся в живых очевидец того, как эти сокровища прятали, Джон Джекобс, сдался британским властям вскоре после смерти Лобенгулы. У него нашли необработанные алмазы, но британцы не возбудили против него уголовного дела. Его переправили через границу в Трансвааль, едва ли представляя себе, что выслали единственного человека, который знал тайну сокровищ Лобенгулы…

Прошли годы, отгремела англо-бурская война, и Джекобс решил, что власти Родезии забыли о нем. В конце 1903 года на отдаленный пост колониальной администрации в Баловале, расположенный в Северной Родезии, неподалеку от ангольской границы, прибыло трое белых людей на трех фургонах. Прибывшие сообщили представителю колониальных властей в Баловале Дж. Х. Веннингу, что они занимаются поисками сокровищ Лобенгулы. Веннинг записал их слова в свой официальный дневник. Он взял показания и у проводника, который оказался… Джекобсом. Джекобс утверждал, что сокровища были зарыты не в Южной Родезии, как полагали многие, а за границей, в Анголе. Клад состоял из двух сейфов, набитых золотыми соверенами, двух ящиков с золотом, ящика с необработанными алмазами и большого количества слоновой кости. Везли этот груз в тринадцати фургонах.

Веннинг подверг Джекобса тщательному допросу, так как хотел понять: почему человек, который собственными глазами видел, как закапывают сокровища, не смог их обнаружить. Джекобс отвечал: «Я случайно услышал, что белые собирались меня убить, как только я покажу им место. Они собирались забрать сокровища и смыться с ними в португальскую колонию, поэтому я сделал вид, что не смог их найти».

На этот раз Джекобса оштрафовали и выслали из страны. Но восемь лет спустя он вновь проскользнул незамеченным через родезийскую границу с еще одной экспедицией и добрался до Леалуи в Баротселенде. На этот раз Джекобс, кажется, заблудился и вернулся с пустыми руками. Его вновь опознали, арестовали, посадили на месяц в тюрьму и, наконец, выслали. Однако после Первой мировой войны Джекобс предпринял еще одну экспедицию, на этот раз замаскированную под охотничье сафари. Бдительная полиция не забыла Джекобса, и после еще одного короткого срока в тюрьме он был переправлен через границу в последний раз.

Джон Джекобс умер 28 июня 1937 года. В одной газете его возраст определили в 105 лет! «Он присутствовал при захоронении сокровищ

Лобенгулы и был единственным человеком, который остался в живых после того, как их зарыли. Все остальные были убиты», — утверждала газета «Кейп Аргус».

…Майор Лейпольдт заинтересовался сокровищами Лобенгулы задолго до того, как встретил Джекобса. Это было во время его службы в качестве офицера разведки в Германской Юго-Западной Африке. В 1915 году ему в руки попало секретное немецкое досье, кратко помеченное «Лобенгула». Из материалов досье складывалось впечатление, что немецкий синдикат по добыче алмазов знал о том, что сокровища зулусского вождя скрыты где-то в дебрях Анголы. Немецкие предприниматели были настолько уверены, что найдут их, что даже планировали обратиться к своему правительству с просьбой выделить военный корабль для перевозки сокровищ в Германию. Однако начавшаяся в 1914 году Первая мировая война спутала их планы…

Когда майор Лейпольдт изучил всю имевшуюся в его распоряжении информацию, у него сложилось мнение, что горные районы в глубине Анголы вполне могли подходить для осуществления планов Лобенгулы. Первую попытку найти сокровища Лейпольдт предпринял в 1920 году. Он проник на территорию Анголы и двинулся на восток. Но португальские власти что-то заподозрили в намерениях приезжего южноафриканца и вернули его обратно. Неизвестно, знали ли португальцы в то время что-нибудь о сокровищах Лобенгулы; очевидно, что цель экспедиции стала им вполне понятна несколькими годами позже.

Во время следующей экспедиции, в 1921 году, Лейпольдт прошел через Южную и Северную Родезию, следуя маршруту несчастных импи, охранявших повозки с сокровищами. Многие местные жители помнили еще этот поход, так как свирепые воины Лобенгулы опустошили их страну, как стая саранчи. Лейпольдт и его спутники вступили на территорию Анголы, не афишируя свои действия. Впрочем, районы, прилегающие к границе, были настолько глухими, что местные власти не тревожили их. Экспедиции удалось сделать невероятное открытие: Лейпольдт и его люди натолкнулись на… остатки нескольких сожженных фургонов!

Они стояли у края большой прогалины в джунглях, площадью примерно в квадратную милю. В центре прогалины высился большой камень. Он выглядел явным ориентиром, но, по-видимому, сам непосредственно не служил указателем. Деревья вокруг прогалины, похоже, были помечены тайными знаками. Лейпольдт без успеха перекапывал землю вокруг камня: сокровищ не было…

Вновь и вновь Лейпольдт возвращался к этому уединенному месту посреди глухого леса. В 1923 году он ушел в отставку со своего поста в вооруженных силах Южноафриканского Союза, чтобы иметь возможность посвятить все свое время поискам. И вновь и вновь он ломал голову над тем, как подобрать верный ключ к разгадке…

Лейпольдт побывал на прогалине с камнем в 1924, 1925 и 1928 годах. Все его поиски оказались безуспешными. Тогда он решил зайти с другой стороны: после долгих поисков ему удалось отыскать Джона Джекобса. Бывший секретарь Лобенгулы жил в то время в гостинице «Апельсиновая роща» в Йоханнесбурге. Чтобы вызвать доверие к себе, майор выдал себя за внука миссионера Эсселена. Джекобс вряд ли

испытывал какое-то чувство благодарности по отношению к тем, кто дал ему образование, но разговаривал он охотно, и Лейпольдт смог получить от него подробную схему расположения тайника с драгоценностями.

В 1930 году, полагаясь на инструкции, данные Джекобсом, Лейпольдт предпринял последнюю и самую основательную попытку отыскать сокровища Лобенгулы. У него было больше денег для оплаты рабочих, чем когда-либо раньше. Они копали настолько глубоко, что траншея осыпалась, и несколько туземцев погибли под завалом. Начался сезон дождей. Лейпольдта свалила малярия. Он едва не умер в этом диком лесу, но все-таки выбрался оттуда в цивилизованный мир, полностью уверенный, что стоял буквально в одном метре от сокровищ…

В заметках Лейпольдта, помеченных 1935 годом, есть такие строки:

«Джон Джекобс доверился мне. Он зарыл сокровища, включающие два фургона золота (примерно четыре тонны), несколько возов слоновой кости и два ведра алмазов. Затем Джекобс предусмотрительно убил всех, кто помогал ему, так что теперь он единственный, кто знает об этом. Я нашел место, но точное местонахождение известно только в радиусе пятидесяти ярдов. Отметки на деревьях были уничтожены разрушительным действием времени и лесными пожарами. Таким образом, ничего не оставалось, как перекопать все это место. За время моих экспедиций, начиная с 1920 года, я проделал три четверти работы. Мне приходилось нанимать от восьмидесяти до ста рабочих, так как грунт очень твердый. Джекобс утверждает, что они рыли на двадцать футов вглубь до коренной скальной породы, а затем проделали в ней углубление с помощью взрыва. Скальный грунт был затем уложен обратно так, чтобы напоминал коренную породу, поэтому это место трудно заметить. Нами были использованы электрические и магнитные приборы, но они ничего не дали из-за наличия в глине и коренной породе железа. Работы возможно вести только в течение августа, сентября и октября, так как в другое время грунт очень сырой. Джекобс утверждает, что вместе с зарытым грузом находится и завещание, согласно которому Лобенгула назначает его (Джекобса) своим наследником».

Больше Лейпольдт ни разу не возвращался на это место. Он обосновался в городке Спрингбок в Намаквaленде, служил землемером, охотно поддерживал контакты с другими людьми, жаждавшими найти сокровища Лобенгулы, но сам уже никогда не занимался поисками клада. Между тем к сокровищам Лобенгулы проявила большой интерес Британская Южно-африканская компания. Ее директора рассматривали компанию в качестве наследницы Лобенгулы и давал и понять, что, если сокровища будут найдены, она претендует на значительную их долю. «Де Бирс», компания по добыче алмазов из Кимберли, также заявляла о своих правах на алмазы, украденные с ее шахт… Между тем, если посмотреть на всю историю поисков сокровищ Лобенгулы, то почти везде можно заметить руку Джона Джекобса. Несомненно, что это он дал соответствующие указания немцам в 1914 году, ибо именно в немецком досье Лейпольдт и нашел первый ключ к разгадке тайны. Но почему указания Джекобса так и не привели к находке сокровищ? Вполне возможно, что он слишком понадеялся на собственную память, а оставленные ориентиры оказались ложными…

А вот еще одна удивительная история: однажды Лосикейи, «великая жена» Лобенгулы, вызвала настоящий переполох в Булавайо, появившись там несколько лет спустя после смерти короля и истратив в торговых лавках большое количество золотых соверенов. Это были старые соверены, на которых изображены профили монархов, правивших еще до королевы Виктории. Кое-кто уверял, что эти деньги представляют собой часть сокровищ Лобенгулы…

Многие люди были убеждены, что королевские миллионы похоронены вместе с самим королем. Но место его захоронения долгое время оставалось в глубокой тайне. Лишь в ноябре 1943 года комиссар правительства Родезии по делам туземцев А. Дж. Хакстейбл получил волнующее послание: гробница Лобенгулы найдена!

Наутро Хакстейбл отправился из Булавайо в 230-мильное путешествие. С ним были несколько африканцев — члены клана Кумало (потомки Лобенгулы), родезийский чиновник и двое туземных полицейских с ружьями. Свернув с главной дороги, они поехали по тропе среди буша через долину Лубимби. Оставив здесь автомобиль, Хакстейбл со своей группой пустился в путь по слоновьим тропам через джунгли, пересек несколько раз реку Маньянда и наконец пришел к пещере на берегу реки. По словам 70-летнего негра-матабеле по имени Гиньилитше, именно здесь был погребен великий вождь Лобенгула.

«Королевская могила найдена, — заявил Гиньилитше. — Теперь я открою вам свое сердце. Зачем хранить молчание? Великой тайны больше не существует. Я участвовал в битве при Шангани. Король уехал перед сражением. Он был на лошади. Мы сражались, чтобы не дать врагу возможности преследовать короля. Его фургоны остались сзади. Нам не велели следовать за королем, так как по нашим следам могли определить, куда он направился. Все спутники короля, кроме вождя Магвегве, вернулись обратно и сказали нам, что король умер и его похоронили». По словам Гиньилитше, король умер от оспы. Другие говорили, что король и вождь Магвегве приняли яд. Был убит черный бык, короля завернули в его шкуру и оставили в пещере. Магвегве предали земле снаружи, так как только король мог быть похоронен в пещере.

Хакстейбл обратил внимание, что камни у главного входа в пещеру вдвинуты. Он также заметил еще три входа — небольших, но достаточно широких, чтобы туда мог проникнуть шакал или гиена. Внутри пещеры Хакстейбл обнаружил череп и голенную кость Лобенгулы. Видимо, животные, питающиеся падалью, проникли в пещеру через небольшие входы и растащили остальные части скелета. Было также ясно, что какие-то люди уже побывали в пещере и тщательно обшарили ее…

Когда секрет могилы Лобенгулы был раскрыт, появились очевидцы тех давних событий. Какой-то старик, явившись к Хакстейблу, рассказал о тех предметах, которые были оставлены вместе с телом короля: по его словам, это были два стула, трубка, золотые монеты и куски необработанного золота, королевское седло, латунный подсвечник, два ружья, глиняная посуда, серебряные кувшины, ваза из белого металла, сковороды и форма для литья пуль. Однако ничего из этих предметов найдено не было. Лишь много позже из документов, хранящихся в архивах

Британской Южноафриканской компании стало известно, что власти впервые узнали о могиле Лобенгулы еще в 1912 году, но скрыли находку по соображениям безопасности, боясь роста враждебных настроений среди африканцев в случае, если эта новость будет опубликована. Королева Лосикейи несколько раз тайком посещала пещеру для совершения священных обрядов, «Сокровища пещеры, если они вообще существовали, забрали оттуда много лет назад, — говорилось в одном официальном отчете. — Но как это было на самом деле, мы, может, никогда и не узнаем». Вероятнее всего, что тайна миллионов Лобенгулы умерла вместе с Джоном Джекобсом, человеком, который когда-то знал точное место клада, но так и не смог добраться до сокровищ…

Миллионы президента Крюгера

До сих пор некоторые люди верят в огромное богатство, составленное из слитков золота, якобы спрятанное бурами где-то в Южной Африке в последние дни существования Трансваальской республики. Из-за давности событий многие посчитали эту историю выдумкой. Однако эта легенда продолжает волновать умы…

11 октября 1899 года правительства Трансваальской республики и Свободного Оранжевого государства объявили Великобритании войну. Эта война, продлившаяся до 1902 года, известна под именем Англо-бурской. Несмотря на то, что англичане надеялись на завершение военных действий к Рождеству, лидеры буров заявили о затяжном характере войны и стали искать средства на ее финансирование. Для решения этой проблемы на правительственном совете, куда был вызван государственный смотритель шахт, было решено направить огромные массы рабочих в золотодобывающую промышленность. Что привело бы к увеличению столь необходимого золотого запаса.

Это был разумный шаг. Еще за год до начала войны добыча золота в Трансваале возросла до такой степени, что перекрыла продукцию России, Америки и Австралии, вместе взятых. Таким образом, Южная Африка стала крупнейшей золотой державой в мире. Эксперты ожидали увеличения продукции золотых приисков до суммы, равной двадцати миллионам фунтов стерлингов.

Работа на приисках успешно продвигалась. Чего нельзя было сказать об успехах на фронте. Войска буров отступали, теряя города и территории. К концу мая 1900 года англичане, одержавшие ряд побед, уже угрожали Претории. Это вынудило правительство президента Крюгера покинуть столицу и переехать в местечко Машадодорп. Там было организовано так называемое «правительство на колесах» — все государственные учреждения находились в железнодорожных вагонах. Несмотря на то что золотые прииски были покинуты еще в начале мая, когда англичане начали операции по окружению Претории, монетный двор продолжал работать до тех пор, пока английские войска не вступили в город.

И тут начинаются события поистине странные… Вот что рассказывает об этом в своей статье «Правда о миллионах Крюгера» Густав Преллер, артиллерист, отозванный с фронта для службы в администрации Трансвааля:

«28 мая начальник департамента горнодобывающей промышленности попросил меня выделить ему повозку для кое-каких перевозок. Я согласился. Вечером в 11 часов я, прогуливаясь по городу, забрел на станцию, где, к своему удивлению, увидел правительственного чиновника, управляющего погрузкой и отправкой по железной дороге золотых монет и слитков золота. Для этих-то целей и была использована повозка. Золото вывозилось из банков, а затем — из города на поезде генерала-аудитора.

Золото хранилось в городе в трех местах: в Нидерландском банке, откуда господин де Брааль, управляющий, уже начал вывозить его, на монетном дворе, а также в огнеупорном подвале Дворца юстиции. Вначале мы опустошили сейфы Нидерландского банка, затем — монетного двора, и наконец подвалы Дворца юстиции. К тому времени, как дело было сделано, в Претории не осталось ни грамма золота, принадлежавшего Трансваалю. Стоимость же всего золота, вместе с уже вывезенным в Машадодорп, составляла порядка полутора миллионов фунтов. В основном эта сумма состояла из слитков золота высокой пробы, но были еще и монеты чеканки монетного двора Претории и не очень чистое, еще не прошедшее подготовку для чеканки, золото, стоившее на двадцать шиллингов за унцию дешевле, и еще не отштампованные заготовки для монет, прокатанные листы золота…»

В августе 1900 года полковник Денис Райц, прибывший с фронта в Машадодорп навестить своего отца, обратил внимание на то, что дворы и склады вокруг железнодорожной станции охраняются день и ночь с огромным усердием. «И вдруг я понял, что здесь, на этой станции, сложены огромные суммы, — пишет в своих воспоминаниях Райц. — Я хорошо помню свое изумление от осознания того несчетного богатства, которое лежало здесь. Я сам видел, как по ночам к вагонам подъезжали повозки, загружались и уезжали обратно в темноту. Я абсолютно уверен теперь, что золото не покидало Машадодорп, что он зарыто где-то там…»

После войны южноафриканский журналист Джеймс Грей, редактор «Новостей Претории», провел детальное изучение баланса золотого запаса Трансваальской республики в годы Англо-бурской войны. Известно, что за неделю до начала войны Рандские рудники переслали в Преторию груз золота на сумму в 462 853 фунта. К этому надо также добавить, во-первых, золото, добытое с ноября 1899 по май 1900 года, стоимость которого, согласно правительственным документам, составляла около двух миллионов фунтов, и во-вторых, еще 300 000 фунтов, взятых в Нидерландском банке (вспомним рассказ Преллера!). Так что к началу военных действий золотой запас правительства Крюгера составлял как минимум свыше трех миллионов фунтов. Если же вычесть военные расходы, получится, что к августу 1900 года в казне еще имелось около полутора миллионов неистраченных денег! Интересно, что ту же сумму упоминает и Преллер, участвовавший в погрузке золота на поезд, отправлявшийся из Претории.

В августе 1900 года хроническая нехватка денег вынудила правительство Трансвааля продать часть золотого запаса. Покупатель был найден: им стала немецкая фирма «Вилькен и Акерман». А 11 сентября 1900 года, когда англичане вступили в Машадодорп, Крюгер пересек границу с Мозамбиком, взяв с собой тридцать ящиков монет, и отправился к морю. Здесь золото было погружено на немецкий корабль «Бундесрат» и

в конце октября отправлено в Гамбург.

В 1925 году в газете «Саут Африкен нейшн» (номер от 10 октября) появилась статья, в которой говорилось, что к августу 1900 года весь объем золотого запаса Трансвааля составлял лишь 20 000 фунтов и что именно эта доля была вывезена Крюгером в Мозамбик. Но куда в таком случае пропали еще без малого полтора миллиона фунтов? Ведь золото на такую сумму никак не могло уместиться в тридцати ящиках, якобы увезенных Крюгером в Мозамбик!

«Точно определить, сколько слитков золота оставалось в Республике после президента Крюгера, сколько необработанного золота было продано „Вилькену и Акерману“, и хранилось ли что-либо помимо официально зарегистрированного количества золота в подвалах казначейства? — вот те вопросы, на которые еще предстоит дать ответ…»

Какова же истинная судьба «золота Крюгера» стоимостью полтора миллиона фунтов стерлингов (в ценах 1900 года)? Большинство исследователей этого вопроса склоняются к мысли, что оно закопано где-то на территории Трансвааля. Несмотря на постоянные заявления правительства о беспочвенности слухов о пресловутых «миллионах Крюгера», эта история все больше и больше обрастала сплетнями и легендами…

***Легенда первая* — «Доротея»** *В то время как бежавший из Трансвааля Крюгер находился в столице Мозамбика Лоренсу-Маркише (ныне Мапуту) и обговаривал условия продажи золота в Германию, из провинции Наталь в Голландию отправился парусник «Доротея» с грузом цемента на борту. Ходили слухи о том, что именно этим кораблем и было вывезено золото Трансвааля. Эта история выглядела бы вполне правдоподобно, если бы «Доротея» не потерпела крушение еще в… 1898 году, то есть за год до начала войны, что делает эту историю совершенно невероятной.*

***Легенда вторая* — Филипп Шварц** *В книге известного южноафриканского журналиста Лоуренса Грина «Странное богатство» рассказывается о том, что тайну пропавших «миллионов Крюгера» знал некто Филипп Шварц, бывший офицер армии Трансвааля. В августе 1900 года он лично участвовал в их захоронении, а после войны вместе с тремя своими компаньонами, одного из которых звали Ван Никерк, отправился в местечко Лоувельд для того, чтобы отыскать тайник. Однако вскоре после прибытия группы на место Ван Никерк загадочно исчез, и экспедиция вернулась, практически не начав раскопок. Шварц рассказал вдове Ван Никерка свою версию смерти ее мужа, но не убедил ее, и женщина обратилась в полицию. Вскоре один из патрулей обнаружил изгрызенный шакалами труп с перстнем-печаткой «CvN». Шварца заподозрили в убийстве, арестовали, но так как он был болен малярией, его отправили в Питерсбургский госпиталь, где он и провел свои последние дни. В госпитале его посетил один высокопоставленный английский офицер, пытавшийся выяснить правду о золоте Крюгера, но Шварц ничего ему не сказал. Через несколько дней он был осужден Йоханнесбургским судом за убийство Ван Никерка и повешен. Секрет золота умер вместе с ним.*

Впрочем, говорят, что Шварц рассказал кое-что о сокровищах Крюгера охранникам, приставленным к нему в госпитале. Возможно, что это

всего лишь выдумка, но вот другая сторона этой истории: по словам адвоката Шварца, задаток за его защиту был вручен ему в виде крупной суммы золотыми монетами. Эти монеты производили впечатление… пролежавших многие годы в земле!

***Легенда третья* — «Победитель»** *Ходили слухи, что через двадцать лет после окончания Англо-бурской войны некий неизвестный наследник трансваальского президента выкопал «золото Крюгера» и вывез его из Африки в Европу. Называлось даже название корабля — «Победитель». Ходило это судно якобы под французским флагом. Однако американские журналисты сумели выяснить, что в списках «Регистра Ллойда» «Победитель» не значился. Такого судна вообще не было в природе!*

Нельзя обойти молчанием и мнение скептиков. Так, американский историк Джоуи Кейдж полагает, что никакого клада не существует. По его расчетам, все полтора миллиона были истрачены бурским правительством на выплаты военным и партизанам, на закупку оружия и провизии. Но легенды, как известно, быстро не умирают…

Легенды Первой мировой

…Шла Первая мировая война. В январе 1915 года русская 10-я армия под командованием генерала А. М. Сиверса начала наступление на позиции германцев. После нескольких дней боев на фронте наступило затишье. Воспользовавшись этим, германцы перегруппировали войска и внезапно, в метель и вьюгу, ударили во фланг и тыл 10-й армии. Русские войска оказались в очень тяжелом положении. Почти окруженные, они с тяжелыми боями пробивались на восток.

В окрестностях города Каунаса (Ковно), когда положение стало совсем критическим, несколько офицеров штаба 10-й армии получили приказ закопать армейскую кассу, в которой хранилось большое количество золотых монет. Выполнив это секретное поручение, офицеры возвращались в штаб и внезапно наткнулись на германский отряд. В неравном бою русские офицеры погибли, и вместе с ними ушла в небытие тайна кассы 10-й армии. Точное место, где спрятан этот клад, неизвестно. Говорят только, что он зарыт на опушке леса около какого-то костела…

Это предание — не единственное из числа тех, что связывают судьбу золотых сокровищ с событиями Первой мировой войны. Рассказывают, например, что на Кавказском фронте, в горах Армении, казачий полковник Икатуров сумел отбить у турок бесценное церковное имущество, награбленное ими в армянских и греческих храмах и монастырях: золотые кресты, чаши и оклады икон, монеты, бриллианты — некоторые от 70 до 80 карат! Однако спустя несколько дней посланные в погоню турецкие войска окружили отряд Икатурова в одном из горных ущелий. В ходе ожесточенного боя почти весь отряд погиб. Чтобы сокровища не достались туркам, полковник сложил их в два больших тюка и зарыл на склоне безымянной горы. «Клад Икатурова» пытались найти не раз. Так, в начале 1930-х годов в этом районе побывала английская экспедиция, которая провела рекогносцировку и топографическую съемку местности. Повторная экспедиция должна была состояться в 1939 году, но начавшаяся Вторая мировая война помешала этому.

Одно из наиболее известных преданий, связанных с событиями Первой мировой, — легенда о кладе генерала Самсонова.

…Русские войска вступили в Восточную Пруссию 4 августа 1914 года. Они наступали прямо на Кенигсберг, но на их пути лежали огромные Мазурские болота. Первая армия под командованием генерала Ренненкампфа должна была обойти их с севера, а с юга двигалась Вторая армия под командованием генерала Самсонова.

Оторвавшись от тылов, оставшись без обозов с продовольствием и боеприпасами, армия Самсонова все больше углублялась в заболоченные леса. Железная дорога проходила неподалеку, но узкая немецкая колея не могла принять российские вагоны со снарядами и пополнением. Эшелоны так и стояли на границе, прочно заблокировав все пути на станции Млава. Без боеприпасов и пополнения, без продовольствия войска генерала Самсонова оказались в окружении, но продолжали сражаться. Были предприняты отчаянные попытки прорваться к своим, однако немногим это удалось. Из 80-тысячной армии сквозь вражеское кольцо пробилась лишь четверть солдат и офицеров. Остальные попали в плен, погибли или пропали без вести.

В группе, с которой выходил из окружения командующий армией, находились генерал Лебедев, полковник Вялов, несколько офицеров штаба армии и солдаты взвода охраны. Все шли пешком. На одной-единственной повозке, укрытый брезентом, лежал тяжелый металлический ящик — касса Второй армии, составлявшая почти триста тысяч рублей золотом.

Группа Самсонова вышла из окружения 31 августа в районе Остроленки. Однако самого командующего уже не было в живых. Очевидцы по-разному описывают его смерть. Согласно одной версии, генерал погиб от разрыва снаряда, согласно другой — мучимый приступом астмы, Самсонов ночью отделился от своих спутников и застрелился. С вышедшими из окружения не оказалось и металлического ящика с деньгами…

В реляции о разгроме армии Самсонова кайзеровское командование среди захваченных трофеев упомянуло 22 знамени и 32 тысячи рублей золотом. Однако казна Второй армии была ровно в десять раз больше. Куда же она девалась?

Первые поиски начались в 1916 году. Все следы указывали на болотистую местность близ города Вельбарк, где 29 августа останавливалась на дневку выходившая из окружения группа Самсонова. Еще шла война, а в Вельбарке уже появились агенты немецкого Генерального штаба, расспрашивавшие местных жителей о золотых монетах российской чеканки. Спустя несколько лет один из местных жителей, отправившись в лес за грибами, вернулся с пригоршней золотых монет. Однако когда его попросили показать место находки, сделать этого он не смог… Занимался поисками и бывший царский генерал Носков, эмигрировавший после революции в Германию. Ему тоже ничего не удалось найти.

После Второй мировой войны территория, где мог находиться клад, отошла к Польше. В окрестностях Вельбарка был создан военный полигон. На какое-то время о «золоте Самсонова» забыли. Но в 1960-х годах в этих местах появились оснащенные металлоискателями польские офицеры-саперы. Их сопровождал пожилой человек — по его словам,

возница той самой брички, на которой везли металлический сундук с золотом. Он утверждал, что генерал Самсонов якобы лично приказал ему вывезти из окружения ценный груз. При переезде через какой-то ручей повозка увязла, и усталые лошади никак не могли сдвинуть ее с места. Тогда возница и сопровождавшие его солдаты решили выкопать яму и спрятать в ней сокровище…

Поиски золота продолжались более недели, но, кроме осколков снарядов и исковерканного оружия, ничего найдено не было. Офицеры уехали, а местные жители, вдохновленные легендой, зачастили в лес. Вооружившись заостренными металлическими прутьями, они прощупывали каждый бугорок. К слову, золото в этих местах все же находят. Оно попадалось польским солдатам, копавшим окопы на полигоне, несколько раз плуг крестьян выворачивал из борозды пару золотых монет, а однажды был найден сверток, в котором находился золотой Георгиевский крест. Но это все же не касса Второй армии…

Один из офицеров, сопровождавших повозку с казной, писал в своих мемуарах, что сундук был зарыт в тени большого старого дуба. Легенда гласит, что 30 августа, ровно в полдень, тень от самой большой ветви огромного дерева покажет место, где надо искать клад…

СОКРОВИЩА ПИРАТОВ

Код Дрейка

Сэр Фрэнсис Дрейк, «пират на службе Ее величества», был во многих отношениях личностью незаурядной. Он выделялся не только отвагой, дерзостью, энергией и военным талантом, но и вместе с тем был одним из наиболее блестящих первопроходцев XVI столетия. За свою сравнительно недолгую жизнь — адмирал скончался в возрасте 56 лет — Дрейк сумел сделать гораздо больше, чем мечтал. Его имя осталось навсегда запечатленным на географических картах и вошло в легенды. Многие из них связаны с таинственным «сокровищем Дрейка», по слухам, состоящим из не менее чем 40 тонн серебра…

В свой знаменитый поход к тихоокеанскому побережью Южной Америки Дрейк отправился в 1577 году во главе флотилии из пяти небольших кораблей. К заветной цели, однако, дошли только два корабля, а вскоре у Дрейка вообще осталась одна «Золотая лань». Но и с этими крохотными силами он сумел вызвать настоящий переполох в испанских колониях. Двигаясь на север вдоль тихоокеанского побережья, Дрейк нигде не встречал сопротивления: испанцы не ждали здесь нападений ни на суше, ни на море. «Золотая лань» высаживала десанты и грабила прибрежные города дочиста. Дрейку удалось захватить и несколько груженных драгоценными металлами галеонов. 1 марта 1579 года пираты взяли на абордаж настоящую «плавучую сокровищницу»: испанский галеон, на борту которого оказалось 14 сундуков с серебряными монетами, 80 фунтов золота и 1300 серебряных слитков. Захваченный груз в сто раз превышал затраты на снаряжение экспедиции Дрейка.

Но как теперь достичь Британии? Испанские военные корабли уже искали пиратов вдоль всего побережья, Магелланов пролив был заперт. Дрейк был готов обогнуть Северную Америку, пройдя северо-западным проходом из Тихого океана в Атлантический, чего еще не делал ни один человек (это удалось только Р. Амундсену в 1903–1906 гг.). Пока же он

повел «Золотую лань» вдоль тихоокеанского побережья Центральной, а затем Северной Америки, стремясь оторваться от преследователей.

В какой-то бухте, расположенной на широте 38°, «Золотая лань» встала на якорь. Дрейк намеревался привести в порядок корабль и решить, что делать дальше. Бухту, где стояла «Золотая лань», он окрестил Новым Альбионом в надежде, что когда-нибудь эта земля станет владением Англии. Отсюда корабль Дрейка двинулся на север.

Идя вдоль Американского континента, Дрейк непрерывно картографировал побережье. Эта работа стала неоценимым вкладом в дело расширения географических знаний. Пределом продвижения «Золотой лани» стало устье реки Колумбия (ныне штат Орегон, США). Здесь вконец уставшая команда настоятельно потребовала от неугомонного капитана взять, наконец, курс к родным берегам: «Англия или смерть, Дрейк»! И Дрейк был вынужден повернуть «Золотую лань» на Юг…

Англичане снова бросили якорь в Новом Альбионе и простояли здесь 36 дней, готовясь к дальнему и сложному плаванию через Тихий океан. На борту судна находилось огромное количество захваченной у испанцев добычи, но в море она скорее была обузой: золото нельзя есть, серебро нельзя пить, а перегруженный корабль вдобавок мог легко отправиться на дно. Поэтому было решено взять с собой только самое ценное, чтобы освободить трюмы для запасов питьевой воды и провианта. Наиболее ценным в глазах Дрейка были золото и драгоценные камни, наименее ценным — серебро. А на борту «Золотой лани» его было ни много ни мало — почти 40 тонн! Однако, когда корабль Дрейка вышел, наконец, в плавание, серебра в его трюмах уже не было.

Один из участников плавания «Золотой лани», Флетчер, пишет в своем дневнике, что во время 36-дневной якорной стоянки Дрейк закопал 40 тонн серебра на побережье Нового Альбиона, у 38-й параллели. Но что это за Новый Альбион и где именно спрятаны сокровища Дрейка? Несомненно, что знаменитый корсар преднамеренно не оставил никаких письменных свидетельств относительно местоположения Нового Альбиона и тайника с серебром…

Загадке «серебра Дрейка» посвящено огромное количество литературы. Сотни кладоискателей посвятили свою жизнь поискам сокровищ знаменитого корсара. Сегодня все согласны в том, что Новый Альбион — это современная бухта Сан-Франциско. Однако предполагаемая площадь поисков здесь составляет не менее 10 тыс. кв. миль (а по другим подсчетам — до 40 тыс. кв. миль). На то, чтобы просеять тонны земли на этой огромной территории, не хватит и человеческой жизни!

Однако насколько верно утверждение о том, что сэр Фрэнсис Дрейк не оставил никаких записей, никаких намеков на возможное местонахождение клада? Этот вопрос задал себе американский исследователь Ричард Уилборн. «Из опыта прошлого я знаю, что те, кто скрывали сокровища, почти всегда оставляли записи об этом, — позже говорил Уилборн. — Вся штука в том, чтобы понять, в каком виде оставлены эти записи или как расшифровать их содержание».

Первым делом Уилборн занялся исследованиями на местности. С аппаратами магниторазведки он и его команда прошли вдоль 38-й параллели на участке бухты Сан-Франциско, отклоняясь на 100 миль к

северу и к югу. В пределах этого 200-мильного коридора им встретились только две аномалии: одна, довольно мощная — на острове Ангела, лежащем в середине залива Сан-Франциско, и вторая, очень слабая — в графстве Мерайн. Может быть, одна из этих аномалий и представляет собой искомый клад?

Эта гипотеза нуждалась в документальном подтверждении, хотя бы в намеке. Уилборн отправился в библиотеку Бэнкрофта при Калифорнийском университете в Беркли. Уже новыми глазами, с новым отношением он вновь и вновь просматривал старые книги и документы, над которыми в свое время корпели десятки исследователей. Особое внимание Уилборн уделил старым морским картам, которые были изготовлены по результатам плавания Дрейка. Их имелось несколько, но карта 1595 года оказалась наиболее точной и удобочитаемой. Открытие было сделано лишь спустя шесть недель напряженной работы…

Интуиция подсказывала исследователю, что Дрейк не мог не оставить вообще никаких намеков на местоположение тайника с серебром. С другой стороны, он не мог оставить и прямых свидетельств: если бы «Золотая лань» попала в руки испанцев, такое свидетельство стало бы готовой накладной на получение драгоценного груза. Между тем Дрейк вовсе не собирался возвращать свою добычу испанцам! Из этого следует, что у корсара оставался один-единственный выход: зашифровать указания на местонахождение клада. Так родился «код Дрейка»…

«Хитроумный код Дрейка точно сообщает нам, где расположен Новый Альбион, — пишет Ричард Уилборн. — Он точно показывает, на какой глубине закопано серебро, сколько тонн серебра содержатся в тайнике и, наконец, где именно расположен этот тайник». Эта драгоценная информация находилась буквально перед глазами исследователей на протяжении всех 400 лет, истекших со времени плавания «Золотой лани»!

Ключ к разгадке таился… в рисунках, сопровождавших навигационную карту. По углам большого листа были помещены четыре рисунка, изображавших четыре ландшафта исследованных Дрейком земель, — по всей видимости, они представляли собой панорамы, распахивающиеся перед наблюдателем, сидящим в «вороньем гнезде» на верхушке мачты. Верхняя левая картинка представляет собой Новый Альбион. На ней изображен остров рядом с остроконечным мысом, далеко вытянувшимся в море с берега какого-то залива, Уилборн определил это место как остров Бельведер, расположенный поблизости от мыса Тибурон в бухте Сан-Франциско. А острие мыса Тибурон на карте Дрейка служит… указательной стрелкой, направленной на бухту Айяла на острове Ангела. Здесь неизвестный художник поместил изображение корабля. Так вот где «Золотая лань» простояла на якоре в течение 36 дней!

Интересно, что в подтверждение своих выводов Уилборн отыскал пусть и несколько сомнительный, но удивительно совпадающий с его выводами документ. Еще в 1952 году в Сан-Франциско появился некий английский моряк, занимавшийся поисками сокровищ знаменитого корсара. В его распоряжении имелась страница из личного дневника Дрейка. Между тем считается, что дневник Дрейка был конфискован королевой, когда корсар возвратился в Англию! Таинственная страница была куплена Калифорнийским Историческим обществом в том же 1952 году, но

опубликован ее текст был только в 1988 году. В нем, в частности, говорилось: «В этот день, 25 августа 1579 года, я, чтобы облегчить бремя моего судна, приказал удалить из моей каюты серебряные слитки. Я захоронил их на поросшем редкими деревьями холме на полпути между морем и большим внутренним озером». По мнению Уилборна, «большое внутреннее озеро» — это одна из бухт залива Сан-Франциско, глубоко врезающаяся в сушу. «Море» — это открытое море, то есть Тихий океан. А на полпути между ними находится остров Ангела!

Любопытно, что верхняя часть рисунка на карте Дрейка, изображающего Новый Альбион, как бы резко отрезана. За пределами рисунка осталась вершина горы Ливермор — самого высокого пункта острова Ангела. Уилборн полагает, что это не случайно: именно на горе Ливермор захоронены 40 тонн серебра, захваченного Дрейком у испанцев. Серебряные слитки передавались из рук в руки вдоль цепочки людей, выстроившихся от побережья бухты Айяла, где стояла «Золотая лань», до вершины горы Ливермор, «поросшей редкими деревьями». После этого Дрейк навсегда покинул Калифорнию. Его мечтам о «Новом Альбионе», английской колонии на тихоокеанском побережье Северной Америки, так и не суждено было сбыться. Серебро (его современная стоимость оценивается в девяносто миллионов долларов) навеки осталось лежать в земле…

Ричард Уилборн уверен, что сумел разгадать еще одну подсказку Дрейка: серебро зарыто на глубине 6 футов, или 72 дюйма. Об этом, по его мнению, свидетельствует цифра «72», изображенная на носу судна, стоящего в бухте Айяла. Чтобы ни у кого не возникало в этом сомнений, Дрейк дает еще одну подсказку: на рисунке изображены шесть домов, стоящих на берегу. Долгое время считалось, что это — жилища команды Дрейка, построенные моряками во время 36-дневной стоянки в Новом Альбионе. Однако исследователь полагает, что Дрейку и его людям не было нужды так капитально обосновываться на острове во время такой короткой стоянки. Легче предположить, что шесть домов означают «шесть футов». Шесть английских футов составляют ровно 72 дюйма!

Выводы Уилборна могли бы подтвердить только поиски на вершине горы Ливермор. Однако пока это сопряжено с большими трудностями: остров Ангела имеет статус заповедника федерального значения и входит в состав Калифорнийского национального парка. Перспектива проведения масштабных земляных работ, неизбежных при поиске большого клада, не вызывает восторга у чиновников природоохранного ведомства: клада на острове может и не оказаться, зато ландшафт острова будет непоправимо изгажен. Кстати, известно, что в годы Первой и Второй мировых войн американские военные инженеры вели на острове земляные работы, и при этом никаких находок сделано не было. Даже случайных…

Будет ли найден «сундук мертвеца»?

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца…» Эта пиратская песенка из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» мгновенно переносит нас в Карибское море, где в белом песке голубых лагун под зеленью пальм таятся золотые сокровища пиратов. Детская мечта звала и зовет многих любителей приключений в Богом забытые уголки Карибского моря, где с помощью самых современных технических средств они упорно годами ищут

пиратские клады.

В 1996 году у побережья американского штата Северная Каролина подводные археологи обнаружили остатки старинного корабля, который, по мнению исследователей, является не чем иным, как парусником «Месть королеве Анне», на котором плавал знаменитый пират Черная Борода, Эдвард Тич — таким было настоящее имя этого морского разбойника. Он был человеком огромного роста, густо обросший черной бородой, заплетенной в многочисленные косички. Рассказывают, что перед очередным боем он вплетал в бороду длинные фитили и поджигал их. Оскаленное лицо Тича в ореоле пламени наводило ужас на жертв пиратских набегов.

У Тича был целый флот. Его флагманский корабль «Месть королеве Анне» погиб в 1718 году. Сейчас его останки, обнаруженные американскими подводными археологами, покоятся на глубине шесть метров в трех милях от побережья. Со дна моря уже подняты старинные бутыли с джином и ромом, судовая рында, небольшая пушка. И хотя пресловутая «бутылка рома» была найдена, следов «сундука мертвеца» с пиратским сокровищем, которое, как полагают, находилось на борту погибшего корабля, пока не обнаружено. Как считают кладоискатели, исследование отмели, на которой найден пиратский корабль, займет еще около трех лет.

Имя Эдварда Тича теснее всего связано с Британскими Виргинскими островами. Именно здесь, среди сотен укромных бухт, маленьких островков и обломков скал уже третье столетие идет поиск главных сокровищ легендарного пирата. Его базой являлся остров Горда. Сегодня Черная Борода стал здесь местной туристской достопримечательностью, а его портреты, вышитые разноцветными нитками, можно купить на любом углу любого из поселков острова. Где-то здесь, на «Острове мертвеца», Черная Борода, по преданию, спрятал огромный клад. После того как сокровище было надежно укрыто, Черная Борода щедро угостил ромом двенадцатерых закапывавших клад пиратов, а когда те совсем опьянели от угощения, предводитель пиратов собственноручно отрубил всем им головы, чтобы надежно сохранить тайну сокровища. Эта легенда отчасти подтвердилась впоследствии, когда в разных местах острова были найдены несколько обезглавленных скелетов.

Черная Борода неслучайно избрал Горду своей базой. Прибрежные воды острова усеяны коралловыми и вулканическими рифами, поэтому к берегу мог пристать только моряк, хорошо знакомый с фарватером. В то же время рядом проходил главный путь испанских «золотых галеонов», доставлявших в Испанию золото и серебро из Америки. Их путь в Атлантический океан лежал через гряду Антильских островов, и именно здесь-то, в узких проливах, их подкарауливали быстроходные пиратские корабли…

Согласно современным данным, в окрестностях острова Горда на дне моря покоятся останки, по крайней мере, четырехсот испанских галеонов. Местные историки-краеведы называют другую цифру — более пятисот. Им точно известно местонахождение 138 погибших кораблей в водах близ острова. А само сокровище Тича, стоимостью в несколько сот миллионов долларов, как считают островитяне, укрыто в одном из

подводных гротов. Известен случай, когда один местный рыбак случайно обнаружил отверстие, ведущее в подводную пещеру, в глубине которой оказался… сундук с золотыми монетами и украшениями! Эта весть мгновенно вызвала новую волну кладоискателей, хлынувших на остров. Было открыто еще несколько подводных пещер. Сокровищ в них, правда, не оказалось, и теперь эти пещеры служат предметом паломничества туристов. А искатели кладов продолжают свои сопряженные с риском для жизни поиски — ведь на Горде уверенно рассказывают о том, что свирепый дух легендарного пирата до сих пор бродит по острову, охраняя свое сокровище…

По следам героев Стивенсона

Когда в 1883 году английский писатель Роберт Льюис Стивенсон издал свой всемирно известный «Остров сокровищ», книга моментально стала бестселлером. Сидя в уютном кресле у камина, читатель становился участником захватывающих приключений на тропических островах в Карибском коре, служивших прибежищем флибустьерам; не на жизнь, а на смерть сразиться с «джентльменами удачи»; затаив дыхание, приподнимать крышку сундука, полного золота и драгоценностей… Успеху романа в немалой степени способствовало то обстоятельство, что повествование в нем строилось на реальных фактах. У писателя имелась подлинная карта острова и рукопись, повествующая о том, как знаменитый предводитель морских разбойников грабил торговые суда и прятал сокровища.

Долгое время кладоискатели не хотели верить в достоверность «вымышленного» острова и даже не пытались сравнить его описание с реальной географией карибских островов. Между тем если бы они сделали это, то без труда убедились бы в поразительном сходстве «Острова сокровищ» с островом Пинос (Хувентуд) у южного побережья Кубы: та же округлая форма, напоминающая «жирного дракона, стоящего на своем хвосте», глубокая, кривая бухта, узкий мыс, закрывающий ее, и даже три характерных холма — «Фок-мачта», «Бизань-мачта» и «Грот-мачта»…

На протяжении более чем трех столетий — с 1520 по 1830 год — остров Пинос был главной базой пиратов в Карибском море. На его песчаных берегах высаживались шайки Джона Хоккинса, Ван Хорна и де Граафа, Черной Бороды, Ларита, Олинуа и многих других. Всех их привлекало то, что остров располагался близ оживленных морских путей, на нем в изобилии имелась пресная вода и бродили дикие животные, за счет которых можно было пополнить запасы провизии. Ну и, конечно, здесь имелась возможность припрятать добычу.

Место зарытого клада пираты обычно отмечали пушечными ядрами, якорными цепями или медными гвоздями, вбитыми в ствол приметного дерева. В дополнение к этому чертились карты и писались пояснительные грамоты, хотя они мало что могли сказать непосвященным. Ведь в качестве ориентиров указывалась приметная скала или устье ручья, от которых нужно было отмерить столько-то шагов на восход или заход солнца. А потом, как написано в одной из таких грамот, «…копать с пол-ярда. Там найдешь кувшин с шестью тысячами золотых монет, сундук с золотыми брусьями, шкатулку с драгоценностями, на которых выгравированы инициалы принцессы из Кастель-Бела и которые ценнее всего золота. Там

же восемь рукояток от мечей, усыпанных брильянтами, одно распятие, три пары тяжелых золотых подсвечников, 23 кремневых мушкета и пистоля».

Впрочем, имелось немало фальшивых карт и грамот, заставлявших с подозрением относиться к подлинным старинным документам. Американец Гордон оказался одним из немногих, кто всерьез интересовался ими. Причем не последнюю роль тут сыграла книга Стивенсона, точнее, бросавшееся в глаза совпадение деталей с подробностями из дошедших до наших дней рукописей. Гордон, пожалуй, первый задался вопросом: а что если описанное в ней правда и «Остров сокровищ» действительно существует? Тогда имевшиеся в его распоряжении пиратские грамоты, в которых, судя по всему, речь шла об одних и тех же местах, можно дополнить тем, что сообщено писателем, и в итоге получить более или менее достоверные указания, где вести поиски!

После консультаций с географами Гордон пришел к выводу, что загадочный «остров сокровищ» скорее всего и есть Пинос. Но подтвердить или опровергнуть догадку можно было только отправившись туда. В начале 1940-х годов Гордон снарядил небольшую экспедицию на собственной прогулочной яхте. Он отправился к Пиносу тем же маршрутом, каким шла у Стивенсона «Испаньола». Герой романа, юный Джим Хокинс, сидя в бочке из-под яблок на палубе «Испаньолы», подслушал разговор одноногого Джона Сильвера, из которого явствовало, что состоящая из бывших пиратов команда намеревается убить капитана и его друзей, чтобы завладеть кладом. И вот полтора века спустя на палубе своей яхты Гордон случайно услыхал, как двое матросов сговаривались проделать то же самое с ним самим… Спасая свою жизнь, он привел яхту не к Пиносу, а к одному из островов Сан-Фелипе. Несколько дней американец делал вид, будто ищет клад, но, естественно, безрезультатно. Затем поспешил вернуться обратно, заявив, что документы оказались подделкой.

Можно лишь гадать, насколько правдива рассказанная Гордоном история, поскольку слишком уж много в ней от Стивенсона. Не исключено, что кладоискатель просто-напросто выдумал ее, чтобы оправдать свое фиаско. Однако на следующий год Гордон снарядил новую экспедицию к мысу Сан-Антонио на побережье Кубы, неподалеку от Пиноса. По его данным, здесь когда-то налетел на рифы испанский галеон с грузом золота и серебра, которые после кораблекрушения были укрыты в одной из прибрежных пещер.

На этот раз Гордона сопровождали четыре надежных компаньона. Но счастье опять отвернулось от него. Правда, на сей раз виноваты были местные жители. Они весьма неприветливо встретили приезжих американцев, следили за каждым их шагом и даже бросались камнями. Чтобы не рисковать, Гордон покинул негостеприимный берег, пробыв на мысе Сан-Антонио всего несколько часов. Когда его катер отчалил, американцы ясно увидели у подножия одного утеса наваленные грудой камни, скорее всего скрывавшие вход в пещеру с сокровищами. Впрочем, Гордон особенно не переживал, поскольку был уверен, что его удача не уйдет от него. Тем более из пиратских грамот он знал еще одно заветное место в тридцати милях западнее…

Это была небольшая бухточка, окруженная густым лесом, стеной спускавшимся к воде. Ориентиром должно было служить дерево-исполин,

под корнями которого якобы захоронен пиратский клад. Но сколько американцы ни вглядывались в берег, обнаружить ориентир никак не удавалось. За прошедшие двести лет здесь появилось столько гигантских деревьев, что определить, какое из них имели в виду авторы грамоты, было невозможно. Вероятнее всего, решил Гордон, оно давно засохло и упало. Единственная надежда — разыскать его пень, если он вообще сохранился.

Несколько дней кладоискатели, чертыхаясь, лазили по колючему кустарнику, которым заросло побережье бухты, пока не нашли у самой кромки уходившие в воду толстенные корни когда-то росшего тут дерева. Гордон предложил проверить дно бухты в этом месте. Через полчаса один из спутников наткнулся на бронзовую цепь. Восторгу кладоискателей не было предела: пиратская грамота не обманула!

Зайдя по пояс в воду и ухватившись за цепь, американцы попытались вытащить ее. Но из этого ничего не получилось: чем сильнее они тянули, тем глубже увязали в песке и иле. Тогда кладоискатели соорудили на берегу импровизированный ворот, привязали к концу цепи трос и стали накручивать его на обрубок бревна. Медленно, буквально по сантиметру, что-то тяжелое неохотно высвобождалось из трясины. И вот, когда во взбаламученной воде уже можно было нащупать какой-то большой прямоугольный предмет — не иначе сундук с золотом! — цепь лопнула. Прежде чем охотники за сокровищами пришли в себя и сообразили, что делать, таинственный предмет опять погрузился глубоко в ил. Нечего было и пытаться обнаружить его без специальных приспособлений.

Впоследствии Гордон еще не раз возвращался в эту бухту, но так и не смог вторично разыскать лежащий на дне клад. А преждевременная смерть помешала ему снарядить новую экспедицию за сокровищами в пещере на мысе Сан-Антонио…

Почти одновременно с Гордоном другой богатый американец, Стефенс, также веривший в пиратские грамоты, направился к острову Пинос. За исходную точку он выбрал узкий пролив между Пиносом и островком, прозванным флибустьерами «островом Скелета», где, если судить по роману Стивенсона, однажды бросила якорь «Испаньола». Исследовав южное побережье острова, Стефенс обнаружил в зарослях остатки старинного бревенчатого форта и чугунные ядра. Не исключено, что как раз этот форт герои Стивенсона — капитан Смолетт, доктор Ливси и Джим Хокинс — защищали от шайки одноногого Джона Сильвера, а найденные пушечные ядра были выпущены с «Испаньолы». Но вот приметных ориентиров, о которых говорилось в пиратских грамотах, нигде не было.

Идя дальше на запад, Стефенс обследовал три бухты, прозванные флибустьерами Раем, Чистилищем и Преисподней, и, не обнаружив в них ничего интересного, направился к главной цели своего путешествия — мысу Пуэнто-дель-Эсте на южном побережье Пиноса. Здесь он рассчитывал найти драгоценный груз испанского фрегата «Дон Карлос III». В 1828 году этот корабль вез жалованье испанскому войску в Мексике на сумму в пять миллионов долларов. Фрегат благополучно достиг Кубы, затем повернул к Юкатанскому проливу. После этого он пропал без вести.

Спустя несколько месяцев на поиски был послан военный корабль, который наткнулся на следы «Дона Карлоса» на мысе Пуэнто-дель-Эсте.

Испанцы встретили на берегу несколько моряков с потерпевшего кораблекрушение фрегата. Поскольку ни одного офицера среди них не было, это показалось подозрительным. Всем уцелевшим учинили допрос с пристрастием. Выяснилось, что лоцман, вступивший в сговор с командой, направил судно на подводный риф. Матросы перебили офицеров, а золото перевезли на берег. Первое время они питались корабельными припасами, потом тем, что удавалось найти на берегу или поймать в море. Многие умерли от голода. Однако даже самые страшные пытки не смогли заставить оставшихся в живых признаться, где спрятаны деньги. Бóльшую часть преступников испанцы расстреляли там же, на мысе Пуэнто-дель-Эсте, главарей отвезли в тюрьму в Гавану. Оттуда им удалось переправить на волю карту участка побережья с небольшим пояснением: «…на берегу три дерева, в середине самое большое. В его корне медный гвоздь; от него под землей протянута цепь — 20 шагов на север. Четверть на запад. Маленькое озерцо. Десять шагов назад от восходящего солнца. Небольшой холм. С него видно два берега в одну линию на запад и на восток. Рядом родник. В тени холма, противоположного роднику, зарыто три бочонка с золотыми монетами».

Возможно, преступники надеялись, что кто-то из сообщников разыщет клад и выкупит их у властей или что богатства, по крайней мере, достанутся их родственникам. Во всяком случае, карта каким-то непостижимым образом попала в Испанию к жене одного из заключенных. Карта бережно хранилась в семье, пока правнуки, не верившие в пиратские клады, не продали ее какому-то искателю приключений. Тот, в свою очередь, уступил старинный документ антиквару, в лавке которого на него случайно наткнулся Стефенс.

Его судно подошло к мысу Пуэнто-дель-Эсте спустя 120 лет после крушения «Дона Карлоса». Однако следы трагедии все еще были заметны на коралловом рифе в виде глубокого пролома. Ближе к берегу во время отлива нашлись и другие свидетельства — выступавшие из песка корабельные обломки. После долгих поисков Стефенс установил место, где на мысу когда-то росли три дерева, и даже разыскал высохшее русло родника у подножия небольшого холма. Но вот дальше возникло неожиданное препятствие: склоны холма были покрыты таким густым кустарником, что применить металлоискатель оказалось невозможно. Чтобы расчистить заросли, требовались не дни, а недели. И потом, не исключено, что металлоискатель вообще не покажет наличие клада, поскольку неизвестно, на какой глубине он находится. Значит, придется рыть шурфы. А на это тоже уйдет немало времени. В довершение всего в округе не оказалось пресной воды. Взятый же с собой небольшой запас быстро таял. Скрепя сердце, Стефенс решил покинуть Пинос.

Можно представить, как терзался при этом американец: знать, что где-то рядом под землей лежат сокровища, — и быть вынужденным отказаться от их поисков! Его отчасти утешил лоцман Фернандо, с которым он успел подружиться. Кубинец рассказал Стефенсу занятную историю о другом островке в Карибском море неподалеку от Ямайки — Кайо-Авалосе, также служившем пристанищем пиратам. На протяжении долгих лет на нем жил американец по фамилии Броун, выстроивший себе бунгало и добывавший пропитание охотой и рыбной ловлей. На Кайо-Авалос его

привела «подлинная пиратская карта». Как это часто случалось, на месте выяснилось, что большинство указанных в ней ориентиров исчезло. Сохранились лишь две пушки, лежавшие близ берега на отмели, которые были хорошо видны при отливе. Эти пушки соприкасались стволами, образуя подобие стрелы, направленной острием внутрь острова, на плоский утес. Там, наверху, были высечены цифры и лицо, обращенное в сторону лагуны. Броун долго ломал голову над этой загадкой и в конце концов пришел к выводу: лицо означает, что пиратские сокровища захоронены на дне, цифры же означают расстояние от берега. Он решил отгородить лагуну от моря дамбой, а затем осушить ее. Несколько лет отшельник занимался возведением дамбы, но, так и не закончив ее, умер в 1925 году.

По словам Фернандеса, его отец сам видел загадочные пушки. Но ни он, ни Броун не придали значения тому, что дула у них залиты цементом. Через десять лет после смерти американца Кайо-Авалос посетили какие-то кладоискатели. Дождавшись отлива, они проломили цементные пробки в стволах пушек. Оказалось, что обе набиты золотыми монетами и драгоценностями! Судя по историческим хроникам, так поступал со своей добычей пират Лафит. Если бы Броун изучил первоисточники, прежде чем отправляться на поиски клада, он наверняка бы нашел его…

Впрочем, и это было еще не все. Если верить лоцману, в детстве он не раз бывал с отцом на Кайо-Авалосе. Однажды, играя в песке на берегу лагуны, Фернандес откопал чугунное ядро, от которого вниз уходила цепь. Мальчик позвал своего отца и дядю, рыбачивших неподалеку. Те взялись за лопаты и выкопали несколько досок с выжженными на них словами «Двенадцать апостолов» — очевидно, названием пиратского судна. Под досками показалась залитая смолой крышка большого котла, к ручке которого был прикреплен конец цепи с ядром. Воодушевленные находкой, они принялись лихорадочно рыть дальше. Но тут начался прилив, и яма стала быстро заполняться водой.

Выбравшись наверх, отец и дядя попробовали тянуть за цепь. В этот момент стены ямы обвалились, и оба по горло погрузились в жидкую песчаную кашу. Туда же сползла и цепь с ядром. Времени, чтобы попытаться достать ее, уже не было. Оставалось только одно: спасаться самим. С трудом они кое-как выкарабкались из ямы-ловушки, отказавшись от мысли вызволить клад. Впоследствии отец с дядей, бывало, поговаривали о том, чтобы отправиться на остров, но все откладывали экспедицию, потому что на раскопки ушло бы много времени, а обоим нужно было каждодневно добывать хлеб насущный для своих многочисленных семейств.

Рассказ лоцмана, согласившегося за приличное вознаграждение показать скрывавший пиратские сокровища песчаный пляж, заставил Стефенса изменить планы. Он поспешил в Кингстон, где, не торгуясь, купил все необходимое для предстоящих работ: бензиновый движок, два насоса для откачивания воды и песка, доски и сборную арматуру для крепления стенок шахты. К Кайо-Авалосу его судно подошло уже на исходе дня. Из-за мелководья пришлось встать на якорь в трехстах метрах от берега. Однако нетерпение Стефенса было так велико, что он уговорил лоцмана, не дожидаясь утра, спустить шлюпку и отправиться на разведку. Когда с последними лучами солнца они высадились в заветном месте на берег, в

глаза им сразу бросилась окруженная высокими отвалами огромная яма, наполненная водой.

И все же у Стефенса еще теплилась надежда. Утром он перевез на остров технику и принялся откачивать воду. Когда ее уровень понизился на четыре фута, кладоискатель пустил в ход длинный шест, которым нащупал в глубине что-то твердое. Оба насоса опять заработали на полную мощность. Не прошло и получаса, как из воды показался деревянный щит из свежих досок с большим квадратным окном посередине. Стефенсу было достаточно одного взгляда, чтобы понять: его опередили. Подозревать лоцмана в обмане нелепо. Фернандес не знал, что его отец или дядя раскрыли кому-то семейную тайну. Ну а дальше свою роль сыграл слепой случай… Стефенс прекрасно понимал все это, но разочарование было так велико, что он навсегда потерял интерес к пиратским кладам.

И все-таки, по крайней мере однажды, Пинос оправдал свое название «Острова сокровищ». Уже в 1950-е годы американец Уиккер, дотошно изучивший не один десяток пиратских грамот и карт, решил попытать счастья у подводного рифа в пяти милях от Пиноса. Это место заслужило у флибустьеров мрачную славу «кладбища кораблей»: слишком много судов затонуло там во время шторма. «Если каждое десятое, пусть даже сотое, судно имело на борту ценный груз, шансы найти его не так уж малы», — считал Уиккер. Его команда, вышедшая в море из Майами на быстроходном катере, состояла из четырех человек: его самого, сына Билла, механика Лавстоуна, в прошлом офицера береговой охраны, и лоцмана, кубинца Себастьяна, который был опытным водолазом, много раз участвовал в подобных экспедициях.

Переход от Флориды к Пиносу прошел без приключений. Но, когда они были уже у цели, погода испортилась. Сильный ветер поднял крутую волну. Тем не менее девятнадцатилетний Билл, прекрасный пловец, и Себастьян уговорили Уиккера отпустить их для предварительного осмотра района предстоящих поисков. Захватив маски и дыхательные трубки, они на надувной лодке направились к подводному рифу, над которым кипели буруны и взлетали фонтаны брызг. С замиранием сердца отец следил в бинокль за тем, как сын и лоцман приближаются к линии прибоя. Огромные пенные валы то вздымали крохотное суденышко высоко на гребень, то швыряли в глубокую пропасть между ними. Он уже жалел, что поддался их уговорам. Несмотря на искусство гребцов, лодка каждую секунду грозила перевернуться. И тогда… О том, что может случиться, страшно было даже подумать.

Впрочем, Билл и Себастьян и не думали возвращаться. Напротив, они подошли к самому рифу и, чего-то выжидая, отчаянно старались удержаться на одном месте. Рискованный план стал понятен Уиккеру только тогда, когда лодка была подхвачена высоченным «девятым валом»: смельчаки решили проскользнуть на нем над рифом!

Им повезло лишь наполовину. Волна действительно перенесла через подводный барьер. Но, поскольку коралловая гряда срезала подошву водяной горы, та, рухнув, перевернула лодку. Прошло несколько минут, прежде чем Уиккер разглядел в кипящей белой пене оранжевый поплавок с вцепившимися в него людьми. Внезапно Билл отделился от лодки и скрылся под водой. Вынырнув, он торжествующе поднял руку и помахал

чем-то, зажатым в кулаке. Было ясно: это «что-то», конечно, не простой коралл.

Когда Билл поднялся на катер и протянул отцу кусок коралла с вросшим в него золотым браслетом, Уиккер убедился, что не зря копался в архивах: в акватории за рифом на дне лежали старинные сокровища!

Четыре дня американцы переживали непогоду под защитой мыса. И лишь на пятый день, когда шторм начал стихать, Уиккеру удалось провести катер узким извилистым проходом между подводными камнями за линию рифов и встать там на якорь. Поиски было решено вести по двое, чтобы страховать друг друга от нападения акул. Первыми под воду спустились Билл и Себастьян. Оставшиеся на катере Уиккер и Лавстоун с нетерпением ожидали их возвращения. Впоследствии Уиккер утверждал, будто бы с самого начала был уверен в успехе. Однако, когда через два часа Билл и Себастьян подплыли к катеру с пустыми руками, лицо руководителя экспедиции, по свидетельству Лавстоуна, вытянулось.

— Па, надевайте быстрее акваланги. Нужно вам кое-что показать, — с каким-то озабоченно-огорченным видом позвал Билл.

— Что там? — не на шутку встревожился отец.

— Сами увидите, — сердито буркнул Себастьян.

Подождав, пока Уиккер и Лавстоун спрыгнут в воду, кубинец поплыл впереди, показывая путь, а Билл с подводным ружьем замыкал цепочку аквалангистов. Себастьян остановился над небольшой прогалиной в коралловых зарослях и ткнул ружьем вниз. Ошеломленные Уиккер и Лавстоун не могли поверить своим глазам: на дне, среди разросшихся кораллов, стоял железный сундук с откинутой крышкой, в котором лежали желтые бруски. «Неужели золото?» — мелькнула у обоих одна и та же мысль.

Да, это было золотые слитки! К тому же в сундуке обнаружились еще и старинные золотые украшения. К вечеру сокровища доставили на катер. На следующий день аквалангисты приступили к тщательному осмотру участка вокруг сундука. Работали втроем. Пока двое осторожно пробирались по дну между ветвистыми кораллами, третий с подводным ружьем плавал над ними, охраняя от акул и прочих незваных гостей. К счастью, пока продолжались поиски, никто не беспокоил кладоискателей. Тем более что прочесывание подводных зарослей оказалось не напрасным: удалось найти немало драгоценных браслетов, ожерелий, брошей, по большей части вросших в кораллы. Одну из таких находок Уиккер позднее передал в музей.

Вообще же Уиккер и его спутники предпочли держать язык за зубами относительно подробностей своей экспедиции. В частности, осталась в тайне стоимость поднятых сокровищ. Это послужило пищей для самых фантастических слухов. Например, кое-кто из газетчиков писал, будто бы американцы обнаружили у побережья Пиноса чуть ли не штабеля цинковых ящиков с золотом и драгоценностями, причем поднята только часть, а еще больше осталось на дне. Подтекст был ясен: не упускайте шанс разбогатеть. Ведь не зря Стивенсон назвал Пинос «Островом сокровищ»…

Клады Генри Моргана

Клады Генри Моргана давно стали, что называется, «притчей во языцех» — кто только не отметился на этом благодатном поприще! Журналисты, романисты, кинематографисты, авантюристы — все приложили свои усилия к созданию таинственного ореола вокруг сокровищ знаменитого пирата. И хотя до сих пор не обнаружено ни одного сколько-нибудь крупного клада, зарытого знаменитым буканьером, легенды о его скрытых богатствах не дают спокойно спать искателям сокровищ вот уже третье столетие.

Сегодня дебри и прибрежные районы Панамы — Мекка для предприимчивого кладоискателя. Здесь открывают рудники драгоценных камней, в сухих руслах рек обнаруживают золотые жилы. Здесь археологи во время раскопок наталкиваются на древнюю глиняную посуду и бесценные золотые украшения. Многие из этих изделий захоронены едва ли не по всей территории Панамы. Если верить легендам, немало здесь и пиратских кладов. Некоторые из них еще ждут своего открытия, а вот некоторые, как говорят, давно уже найдены!

По сообщениям местной прессы, два бывших американских солдата, служивших когда-то в Зоне Панамского канала, сумели обеспечить себе безбедную старость. В 1997 году они вернулись в Панаму, чтобы в пещере у реки Чагрес, что приблизительно в 40 километрах севернее города Форт-Клейтон, обнаружить большой клад, зарытый в XVII веке, похоже, самим Генри Морганом. Парадоксально, но обнаружить клад им помогла старая пиратская карта, купленная у какого-то рыночного торговца, который и сам то, похоже, не знал, что она подлинная. Кроме золотых дублонов, отчеканенных в Лиме (Перу), тайник оказался полон золотых и серебряных украшений, различных по весу и величине. Поскольку пиратская добыча была найдена в зоне, находящейся под юрисдикцией США, сокровище передали американскому правительству, а нашедшие получили свою положенную долю, оказавшуюся немалой.

Вообще, если вести разговор о кладах Генри Моргана, то здесь пальму первенства держит легендарный остров Кокос, расположенный в экваториальной части Тихого океана, в 500 км от берегов Коста-Рики. Если собрать воедино все легенды, то получится, что в недрах этого острова хранится пиратских сокровищ чуть ли не на миллиард долларов! В течение нескольких столетий, прежде чем остров попал под юрисдикцию Коста-Рики, остров Кокос был излюбленным местом отдыха морских разбойников, которые орудовали в Тихом и Атлантическом океанах. Энтузиасты утверждают, что в недрах острова — в естественных гротах, пещерах, подземных тайниках — до сих пор таятся золотые слитки и разнообразные произведения ювелирного искусства. С середины XIX века на остров Кокос было снаряжено более 300 экспедиций, пытавшихся отыскать сокровища. В период с 1935 по 1940 год на острове трижды побывал президент США Франклин Рузвельт, но, в отличие от искателей золота, он ловил здесь рыбу и наслаждался красивыми ландшафтами. В то время пока президент отдыхал, его охрана и помощники излазали в поисках сокровищ весь остров и, конечно же, ничего не нашли.

Самым серьезным и настойчивым кладоискателем считается немец Август Гисслер. Он прибыл на Кокос в 1889 году и в течение 20 лет исследовал каждый клочок земли острова. Правительство Коста-Рики

даже пожаловало ему за упорство право основать там колонию. Однако колония просуществовала 20 лет и распалась из-за слабой связи с материком. Но и Гисслер не нашел ничего более ценного, чем десяток старинных испанских монет.

Получается, что несметные сокровища острова Кокос так никто и не нашел. Или… никто не признался, что нашел их?

Кроме острова Кокос есть еще Каймановы острова, расположенные к северо-западу от Ямайки. Морган неоднократно посещал их до и после своих пиратских рейдов, чтобы запастись продовольствием или отсидеться в какой-нибудь пещере. По мнению многих исследователей, именно там он мог захоронить часть награбленных драгоценностей. На одном из островов у него был свой дом. Известно также, что Морган неоднократно находил пристанище на острове Пинос (Хувентуд), расположенном в 65 километрах к югу от побережья Кубы и как две капли воды похожем на остров сокровищ из знаменитого романа Стивенсона. Очень возможно, что и там король буканьеров мог спрятать часть награбленного…

Относительно недавно американский кладоискатель Грегори Брукс начал поиск «сокровищ Генри Моргана» на Гаити. Его команда арендовала списанный катер береговой охраны, оборудованный самыми современными приборами для проведения подводных работ. Кладоискателем Брукс стал совершенно случайно. В 1984 году вместе с женой Кэтрин и несколькими друзьями он нырял с аквалангом у побережья Гаити. В предпоследний день отпуска к всеобщей радости Брукс поднял со дна три серебряных слитка. Этот день он считает поворотным во всей своей жизни.

В течение последующих четырех лет Брукс перерыл гору книг по истории Эспаньолы (Гаити) и испанских колоний в Америке. Он узнал, что не менее тысячи судов затонули в XVII веке у берегов Гаити и Доминиканской Республики. Во второй раз Брукс возвратился на Гаити в 1988 году с двумя друзьями и металлодетектором. В океане, недалеко от побережья, им удалось обнаружить район, над которым детектор вел себя очень активно. Вернувшись в США, они тщательно разработали план действий и, уладив все формальности с гаитянскими и американскими должностными лицами, через два года снова вернулись на Гаити. Вскоре Бруксу и его друзьям удалось поднять целую коллекцию старинного французского фарфора, разбросанного в районе предполагаемого кораблекрушения. Затем там были подняты два британских орудия, отлитых примерно между 1650 и 1699 годами. Исторические документы указывают, что только два судна могли затонуть в этом районе в то время: фрегат «Оксфорд», принадлежащий пирату Моргану, и «Джамайка мерчент» — корабль, на котором приплыл сюда все тот же Морган, чтобы попытаться отыскать остатки «Оксфорда».

Известно, что вскоре после разграбления Портобельо Морган стал готовиться к новой акции. Он бросил клич всем, желавшим служить под его началом, собраться у Коровьего острова, куда прибыл сам в январе 1669 года. Здесь, на фрегате «Оксфорд», он дал для офицеров банкет. Когда веселье было в самом разгаре, корабль взорвался. Предположительно, от неосторожного обращения с огнем у порохового склада. Лишь немногим — и Моргану в том числе — удалось спастись. По мнению Брукса, если бы на корабле не было ничего ценного, король пиратов никогда бы не стал

возвращаться на место гибели судна. Брукс уверен, что на «Оксфорде» находилась часть сокровищ, награбленных буканьерами в Портобельо.

Сегодня Брукс полон оптимизма и собирается оплачивать проект с помощью своих спонсоров, поддержкой которых уже заручился. Естественно, он надеется на прибыль — поднятие «Оксфорда» сулит миллионы долларов. Однако, по мнению скептиков, не стоит раньше времени будоражить мир преждевременными заявлениями, поскольку голое умозаключение может оказаться весьма опрометчивым.

Секрет Оленьего острова, или Сундук капитана Кидда

Очередное собрание морского общества в американском городе Нью-Лондон (штат Коннектикут) проходило в обстановке строгой секретности. Повод для этого был, поскольку дело касалось сокровища, разгадать тайну которого, похоже, под силу лишь Шерлоку Холмсу…

Среди старинных морских реликвий, любезно подаренных морскому обществу семейством Хаскелл, имелась переплетенная в кожу большая бухгалтерская книга. В прошлом она принадлежала Натану Хаскеллу; в ней он подробнейшим образом фиксировал все расходы, которые могли представлять хоть какой-нибудь интерес. Книга эта превратилась в хронологию едва ли не всей его жизни, но ни одна из записей не была столь интересна, как конверт, вложенный между страницами, в котором содержались подробности одной истории, начавшейся… 300 лет назад.

Когда речь идет о кладе, дело, конечно, не может обойтись без пиратов. Так в этой истории все началось с капитана Уильяма Кидда — алчного флибустьера, стяжавшего весьма дурную славу. Известно, что незадолго до своей смерти на виселице, в 1695 году, Кидд припрятал награбленные драгоценности. Сокровища хранились в некоей неприметной пещере, как говорил сам Кидд — на острове Гарднерс, расположенном к востоку от Лонг-Айленда, а по другим сведениям — на Оленьем острове, расположенном в одном из заливов реки Пенобскот (побережье штата Мэн). Позже этот клад, стоивший целое состояние, по слухам, неисповедимыми путями попал в руки известному мультимиллионеру Джону Джекобу Астору.

Эта история, возможно, никогда бы не получила огласки, если бы не одно обстоятельство: остров Олений еще в 1699 году был передан в собственность некоему мистеру Олмстеду, как упоминалось в бумагах, «в награду за спасение жизни индейского вождя». Позже правительство Соединенных Штатов Америки подтвердило подлинность документа, и потомки того Олмстеда долгое время проживали на острове, пока не продали его семейству Хаскелл. А Фредерик Олмстед — кстати, дизайнер знаменитого Центрального парка в Нью-Йорке — в 1901 году стал автором документа, обнаруженного в старой бухгалтерской книге НатанаХаскелла…

За десять лет до этого, в 1892 году, в результате бури и сильного шторма замаскированный вход в пещеру, расположенную на берегу острова, размыло до основания. Дети Олмстедов, давно облюбовавшие живописные окрестности в качестве площадки для игр, из любопытства забрались внутрь открывшейся пещеры. Там, в глубине коридора, на окаменевшем полу они нашли какие-то следы, вызвавшие у них немалое любопытство. Похоже, ребята выболтали «страшную тайну», и она стала известна взрослым. Осмотрев место, Олмстеды пришли к выводу, что это

не что иное, как следы от сундука или ящика. Никто в этом не сомневался, поскольку на твердом глиняном полу можно было легко различить даже отпечатки замков и оковки.

Потрясенный увиденным, Фредерик Олмстед, обладавший богатой фантазией и острым аналитическим умом, решил во что бы то ни стало найти ответы хотя бы на два вопроса: что это был за сундук и когда он исчез?

Олмстед был хорошо знаком с местным фольклором. Поэтому ему не составило особого труда вспомнить одну давнюю историю, оказавшуюся напрямую связанной с предметом его изысканий.

В 1801 году Олмстеды сдали в аренду небольшой участок земли около той самой пещеры некоему трапперу — охотнику за пушниной, по имени Жак Картье. Тот прибыл из ниоткуда, жил просто и не причинял хозяевам острова никаких хлопот. И вдруг — о чудо! — Картье разбогател. Разбогател чуть ли не в один день и начал сорить деньгами направо и налево, что, разумеется, не могло не заинтересовать окружающих. В один прекрасный день он сжег свою лачугу и исчез так же внезапно, как и появился. Среди руин его сгоревшей хижины нашли обрывки бумаги, на которых можно было разобрать слова «в глубокой тайне» и «Джон Джекоб Астор»…

Вспомнив эту историю, Фредерик Олмстед попытался соединить все концы воедино. Он начал с поисков в семейных бумагах, потом добился доступа к местным архивам. Его кропотливая работа дала свои плоды: проведя прямо-таки детективное расследование, Олмстед смог установить связь между сокровищами Кидда, исчезновением Картье и огромным состоянием Джона Астора. О последнем стоит рассказать подробнее.

Как и Картье, Астор поначалу торговал пушниной, только с гораздо большим размахом, нежели французский траппер, с которым у него, очевидно, имелись общие дела. В Нью-Йорке он основал собственное предприятие и держал деньги в Манхэттенском банке. Из банковских отчетов видно, что вклады Астора с самого начала его карьеры были весьма скромными, пока в 1801 году на его счету вдруг не появились сотни тысяч долларов! Фредерику Олмстеду удалось найти копии платежек, по которым со счета Астора выписывались чеки на имя… Жака Картье!

Олмстед предположил, что именно Картье обнаружил сундук и вытащил его из пещеры. Может быть, он сделал это в одиночку, а может — еще с кем-нибудь. Но прочные замки и запоры не поддались, и это скорее всего вынудило Картье изменить планы: траппер отказался от сундука, но не от денег. Недалекий охотник, похоже, продал находку своему компаньону — хитрецу Астору, — возможно, так и не узнав, что же было внутри.

Предлагая сундук Астору, Картье полагал, что тем самым сорвет куш, заломив немалую цену. Трудно сказать, на что рассчитывал Астор и что побуждало его покупать «кота в мешке». Вероятно, он что-то слышал о сокровищах капитана Кидда. Как уж он договорился с Картье — неизвестно, но факт остается фактом: Картье получил деньги, Астор — сундук.

Вскоре Олмстед обнаружил другие источники, на подлинность которых вполне можно было положиться. Из них он узнал, что именно в тот

период времени Астор начал вести дела с Лондоном, точнее — со Стилерсами, едва ли не самыми богатыми в мире торговцами драгоценными камнями и металлами. Если учесть, что компаньонами Стилерсов всегда оказывались очень солидные люди, такое совпадение не могло быть случайным. Подробно изучив списки драгоценностей, приобретенных Стилерсами у Астора, Олмстед среди прочего обратил внимание на фантастическую стоимость уникального жемчужного браслета. Отыскав его нынешнего владельца, Олмстед смог даже получить браслет для экспертизы и установил, что изначально драгоценность принадлежала… некоей леди Данмур, числившейся среди пассажиров судна, ограбленного капитаном Киддом в 1695 году!

Вооружившись всеми доказательствами, Фредерик Олмстед подал иск в суд, подвергнув сомнению законность огромного состояния Астора. Если бы ему удалось убедить фемиду в том, что сундук добыт на территории частного владения, находка стала бы собственностью семейства Олмстедов. Адвокат Олмстедов Уильям В. Эверетт согласился помочь и вместе с Фредериком Олмстедом составил тот самый документ, что позже обнаружился в бухгалтерской книге Натана Хаскелла. Но где же находится заветный сундук?

Фредерик Олмстед пошел по самому простому пути: он поместил в газете «Нью-Йорк трибьюн» объявление, в котором просил всех, кому что-либо известно о подробно описанном предмете, указать его местоположение. За возвращение этой «фамильной сентиментальной вещицы» было обещано вознаграждение.

На объявление не сразу, но откликнулись. В течение месяца Олмстед вел переговоры с дилерами компании «Бронсон-Таттл» из Коннектикута, сборщиками отходов и различного лома. Они сообщили, что у них есть то, что ему нужно. Сундук, в котором теперь хранился какой-то хлам, они получили от так называемых ликвидаторов из фирмы «Джонс энд Ко». Эти предприимчивые ребята занимались тем, что по заказам богатых клиентов демонтировали старые постройки. Они, в свою очередь, рассказали Олмстеду, что нашли сундук, когда разбирали старый особняк Асторов (!), переехавших в новое поместье.

Фредерик Олмстед не поленился отвезти находку в пещеру и водрузил ее на старое место. Сундук встал, как влитой — именно там, откуда его унесли сто лет назад! Олмстед смог по достоинству оценить и запоры, хотя и давно взломанные с помощью специальных инструментов, но имевшие весьма сложную конструкцию. Действительно, орудуя одним топором, Картье никогда бы не смог открыть сундук, потому ему и понадобилась помощь, за которой он — и это почти доказано — обратился к Астору.

Казалось бы, все факты налицо, но… Судебная тяжба Олмстедов с наследниками Астора ни к чему не привела. По неизвестным причинам дело закрыли, а документ, повествующий об этих удивительных событиях, пролежал в бухгалтерской книге почти сто лет. Кому понадобилось все это скрывать? Может, Олмстедам и Асторам просто удалось договориться и скрыть всю правду, нежелательную для обеих сторон? Заслуживает внимание еще один факт: в 1930 году Марианна Олмстед неожиданно заявила прессе, что дело было «сфабриковано» ее отцом просто скуки

ради. Получается, что заседания суда, гонорары адвокатам и прочие издержки — всего-навсего развлечение? Что ж, у богатых свои причуды. Может быть, дело обстояло именно так, хотя в это не очень-то верится… Впрочем, история эта не окончена. Есть основания надеяться, что в будущем обнаружатся новые документы или свидетельства, либо проливающие свет, либо опровергающие все, о чем здесь рассказывалось.

Тайна Утеса Персе

Вряд ли где на земном шаре можно найти более недоступное место, чем утес Персе у восточного побережья полуострова Гаспе в Канаде. И, согласно давней легенде, именно здесь, на самой вершине утеса, спрятан сундук с сокровищами пирата Дюваля…

Во всей Канаде для скалолазов едва ли сыщется другой такой «крепкий орешек», как утес Персе, похожий на торчащий из воды орлиный коготь. И все же вот уже двести лет, подобно магниту, он притягивает к себе охотников за кладами. Десятки смельчаков старались взобраться на него, но все были вынуждены отступить. Персе действительно неприступен. С трех сторон его окружают подводные камни и скалы, закрывающие подход к утесу. С четвертой — вертикальная стенка, ближе к вершине переходящая в нависающий над водой огромный выступ.

Большинство попыток покорить Персе заканчивалось трагически. Причем больше всего погибших приходится именно на этот единственно возможный путь к вершине: скалолазы срывались, пытаясь преодолеть стенку с отрицательным наклоном, когда до цели было, что называется, рукой подать. Чтобы положить конец бессмысленной гибели людей, парламент провинции Квебек принял специальный закон, запрещающий восхождения на утес Персе и налагающий немалый штраф на нарушителей.

И все же паломничество к утесу не прекращается. Каждый год с приходом весны, когда на юг тянутся караваны гусей, в окрестностях утеса появляются небольшие группы с палатками и надувными лодками. И хотя все они выдают себя за охотников или любителей рыбной ловли, местные жители лишь скептически посмеиваются: слишком уж красноречивы их битком набитые рюкзаки с веревками, крючьями и другим альпинистским снаряжением. Да и свои лагеря они стараются разбить обязательно поближе к вожделенному утесу.

Скалолазы идут на приступ Персе вовсе не из спортивного азарта. Их манят сокровища пирата Дюваля. В отличие от Кидда, Моргана, Черной Бороды и других знаменитых флибустьеров он не был звездой первой величины среди членов «свободного братства», промышлявших морским разбоем у берегов Америки. И если его имя вошло в историю пиратства, то обязан этим Дюваль исключительно незаурядной выдумке, которую он проявил, припрятывая награбленные богатства.

Если верить преданиям, когда английские военные фрегаты блокировали шлюп Дюваля у полуострова Гаспе, пират решил укрыть сундук с золотом и драгоценными камнями в одной из расселин на вершине утеса Персе. Проводник-индеец показал пиратам, как вскарабкаться на небольшую площадку на скале, высившейся рядом. Оттуда один из пиратов принялся обстреливать из мушкета вершину утеса пулями, к которым был прикреплен прочный линь. Наконец после множества неудачных попыток одна из них все же перелетела через утес и повисла в нескольких десятках

футов над водой. Каким-то образом пираты ухитрились зацепить болтающийся конец линя. Дальше дело пошло проще. К концу привязали толстый канат и тоже протащили через зазубренный выступ у вершины. Кто-то из матросов взобрался по канату наверх, с помощью поднятых туда талей втащил сундук с драгоценностями и спрятал его в расселине. Но Дюваль на этом не успокоился. Чтобы обезопасить свои сокровища, он приказал подтянуть на скальную площадку, откуда был заброшен линь, бочку пороха и взорвал ее. Вместе со скалой взрыв обрушил и изрядный кусок утеса, образовав тот самый непреодолимый выступ, что позднее стоил жизни многим скалолазам, пытавшимся добраться до клада капитана Дюваля…

Конечно, любая легенда, пусть даже самая правдоподобная, не смогла бы столько лет подогревать интерес кладоискателей к неприступному утесу. Дело в другом. Еще в XIX веке богатый канадец по имени Кингсли загорелся идеей подтвердить или опровергнуть саму возможность существования пиратского клада на вершине Персе. Поскольку никаких достоверных документов на сей счет не сохранилось, Кингсли обратился за помощью к геологам. За большое вознаграждение он пригласил двух видных специалистов и попросил их дать заключение: является ли злополучный выступ у вершины результатом естественных геологических процессов или же он образовался в результате взрыва?

Геологи провели на Гаспе около месяца, обследовали все окрестные скалы и утесы, собрали массу образцов горных пород. Затем засели за расчеты. Именно их выводы до сих пор не дают покоя кладоискателям. Утес действительно имеет необычную для здешних мест конфигурацию, поскольку его верхняя часть под острым углом выступает над остальным массивом. Если бы когда-то часть монолита откололась под влиянием погодных условий или по иным природным причинам, то трещина скорее всего прошла бы от основания до вершины без крутого излома. Следовательно, весьма вероятно, что разлом был вызван взрывом!

Ничего более определенного геологи сказать не могли. Но и этого оказалось достаточно, чтобы существование клада на утесе Персе стало считаться «научно подтвержденным» фактом. В наши дни охотники за ним неоднократно пытались использовать вертолеты, однако оказалось, что и этот путь исключен. Иглоподобная вершина не дает вертолету возможности зависнуть над утесом, чтобы спустить на тросе поисковиков. Если же попытаться произвести десантирование с большой высоты, то постоянно дующие там сильные ветры наверняка разобьют смельчака об острые скальные выступы. Так: что до сих пор никто не может ответить, соответствует ли истине заманчивая легенда о кладе капитана Дюваля.

«Острова сокровищ»

Если верить преданиям, Сейшельские острова прямо-таки напичканы пиратскими кладами. В 1975 году почтовое ведомство Сейшел даже выпустило марку, на которой изображены пираты, закапывающие в землю кованый сундук с драгоценностями…

История и подвиги пиратов Карибского моря и Атлантики описаны достаточно полно. Пиратам же Индийского океана повезло куда меньше. Между тем Мадагаскар, Маврикий, Реюньон, Сейшелы и другие, более мелкие острова западной части Индийского океана долгие годы служили

пристанищем морских разбойников — причем вовсе не легендарных, а вполне реальных. Это о них писал маврикийский историк XIX века Элизе Льенар: «…они грабили суда, перехватывая скот и провиант, который с Мадагаскара поставлялся на Маврикий и Реюньон. Они высаживались на этих двух островах, сжигали там поселения, убивая их обитателей. Голландцы, владевшие тогда Маврикием, были доведены до крайности, лишены пищи, и, возможно, именно частые нашествия этих бандитов и послужили причиной того, что они покинули навсегда Маврикий в 1712 году».

Заходили пираты и на Родригес, Фаркуар, Агалегу, Альдабру, Амирантские острова, которые позже других были освоены европейцами. Но дольше и активнее всего они использовали в качестве своей базы Сейшелы. Этот архипелаг, по существу, стал последним «пиратским раем» на земле. Изолированность, малочисленность населения, множество удобных бухт, где можно укрыться от шторма или погони, здоровый климат, источники пресной воды, изобилие пищи и древесины для починки судов — все это привлекало на Сейшельские острова множество морских разбойников.

В бухте главного города и порта Сейшел — Виктории, лежит крошечный островок Одуля. Его название напоминает о том, что в самом конце XVIII века Сейшелы стали базой знаменитого пирата Жана-Франсуа Одуля. Сюда, в гавань Виктории, Одуль приводил на починку свой небольшой, быстрый корабль. Вплоть до начала XIX века его «Аполлон» был грозой всех, кроме французских, судов на огромном пространстве от берегов Африки до Явы. Он избороздил всю западную часть Индийского океана, и немало мест в этом районе ныне носит его имя. Даже на пустынном атолле Альдабра существует мыс Одуль-Пойнт.

Рассказывают, что Одуль был кем-то вроде морского Робин Гуда и однажды даже вернул захваченные сокровища англичанину, с которым подружился после того, как взял его в плен. Между делом Одуль занимался и работорговлей. Он показался сейшельским колонистам достаточно респектабельной и уважаемой фигурой, и они избрали его мировым судьей. На этом посту прославленный пират провел остаток своих лет и почил в судейском звании. Кто бы мог предсказать ему такую судьбу в те лихие времена, когда на своих кораблях «Аполлон» и «Оливетт» он терроризировал английские суда!

На старом кладбище Виктории среди фамильных склепов первых колонистов находится могила этого знаменитого французского корсара. На могильном камне изображен корабль Одуля с надписью:

«Здесь лежит Жан-Франсуа Одуль,
бывший капитан корсаров.
Родился 15 июня 1765 года.
Умер 10 января 1835 года».

И приписка:

«Он был справедлив».

Потомки Жана-Франсуа Одуля до сих пор живут на Сейшелах.

Одуль и другие французские пираты награбили немало ценностей на британских торговых судах, бороздивших Индийский океан. С 1793 по 1797 год 2266 британских торговых судов было захвачено корсарами, а

стоимость награбленных ценностей составила 3 миллиона фунтов стерлингов. Говорят, что часть своей добычи Одуль в буквальном смысле унес с собой в могилу, завещав похоронить золото вместе со своим бренным телом. Но островитяне ни за какие сокровища не желают тревожить костей старого пирата.

Одуль не однажды едва не оказывался в руках англичан, но всякий раз ускользал от расправы. Ему невероятно везло. Так, 16 мая 1794 года четыре британских корабля под командованием капитана Генри Ньюкама вошли в Порт-Рояль, как называлась тогда Виктория. В гавани в тот момент находился бриг Одуля «Оливетт». Шансов на спасение у пирата практически не было, но ему все-таки удалось ускользнуть…

Неудивительно, что на Сейшелах бытует масса преданий о зарытых пиратских сокровищах. Все местные легенды о пиратах и кладах связаны со следами пребывания на островах пиратов. Эти следы были обнаружены переселенцами, появившимися на архипелаге в середине XVIII века. И нет такого островка или бухточки, которые не имели бы собственной легенды. Анс-Фурбан (Пиратская бухта), на южном берегу острова Маэ, Кот-д'Ор (Золотой берег) на северо-востоке острова Прален, далеко не случайно были названы так первыми европейскими колонистами…

Особенно богат преданиями остров Фрегат. Здесь пираты в свое время обосновались, видимо, надолго: они даже устроили наблюдательный пункт, откуда следили за появлением на горизонте военных кораблей. Вот что писал Элизе Льенар после посещения Фрегата в августе 1838 года: «Мне показали яму, вырытую незадолго до моего приезда, — в ней был огромный сундук, наполненный посудой различных стран, голландские пики, ножи, боевые топоры, сабли, испанские пиастры — все это почти полностью заржавевшее от времени». На Фрегате Льенар видел также засыпанные землей и заросшие лианами остатки укреплений, построенных пиратами. В этом месте, по словам Льенара, в 1812 году были найдены портупея для сабли и золотой эполет. В хорошую погоду в полумиле от берега можно было увидеть остов большого корабля, лежащего на дне. А на скале, обращенной к заливу, поселенцы нашли какие-то таинственные изображения, в которых распознали зашифрованные надписи, но смысла их разгадать не смогли…

У бухты Гранд-Анс первые колонисты, обосновавшиеся здесь во второй половине XVIII века, обнаружили остатки жилищ, а в другом месте — деревянную мачту и платформу: некое подобие наблюдательного поста или командного мостика. Там же, на берегу моря, среди кораллового песка, были обнаружены три могилы, в которых нашли рукоятки шпаг, отделанные кожей, и множество человеческих костей. Элизе Льенар сделал вывод, что пираты жили здесь несколько лет. Опасаясь, что их застигнут на море, они закопали часть своих сокровищ на острове. «Но все же, немного позже оказавшись в руках правосудия, они понесли заслуженное наказание за свои преступления — все, кроме одного, помилованного по причине юного возраста. От него-то и узнали о кладах: умирая, он передал одному из своих друзей записку, содержащую описания мест, где были спрятаны сокровища, — пишет Льенар. И добавляет: — Я видел эту записку и не сомневаюсь в ее подлинности».

На острове Муайен, что лежит у внешнего рейда Виктории, по местные преданиям покоится клад стоимостью 30 миллионов фунтов стерлингов. Почему его никто так и не поднял, если о нем всем известно? Клад заколдован, считают местные жители.

Другой остров в группе Сейшельских — Силуэт — тоже сохраняет стойкую репутацию острова сокровищ. Фактом остается пока только то, что с него вывозили копру, но копра — это не так романтично, как золото, которое вполне могло быть здесь зарыто, когда пираты кренговали, чистили и смолили свои суда в этих неглубоких водах. Один старый африканец, бывший раб, дожил до 1920-х годов. Он утверждал, будто знает, где именно на Силуэте находится пиратский тайник. Однако это был упрямый и своенравный старик. После первой неудачной попытки договориться с ним он отказался вести кого-либо к заветному месту. Говорят, одному богатому землевладельцу удалось все же соблазнить бывшего раба и тот повел его к тайнику. Они обогнули на лодке неприступную скалистую часть острова и уже было собрались высадиться на берег, как вдруг африканец заметил, что за ними следят. Он испугался, вернулся к своей лодке и с тех пор не верил уже больше никому.

Большой знаток Сейшельских островов Джулиан Мокфорд немало времени потратил на проверку легенд о кладах, зарытых на архипелаге. Ему показывали золотые кольца, найденные неподалеку от города Виктория (остров Маэ), а также несколько старинных монет, обнаруженных в песке. Жители острова с глубокой убежденностью толкуют о таящихся в песке золотых дублонах и драгоценностях. Но они убеждены, что счастливчики, нашедшие клады, никогда не распространяются об этом и продают свои находки осторожно, не спеша, с помощью умеющих хранить тайну индийских и арабских моряков.

На Маэ до сих пор ходят слухи, что состояния как минимум двух местных семейств появились благодаря найденным кувшинам, наполненным золотыми монетами: одного на острове Терезы, а другого около женского монастыря Святой Елизаветы в Виктории. Но находок, которые бы стали достоянием гласности, очень мало. Единственным официально зафиксированным найденным кладом была находка в 1911 году на острове Астов 107 серебряных монет, нескольких вилок и ложек, двух пряжек от башмаков и боцманского свистка.

Пока же целенаправленные поиски кладов на Сейшелах результатов не дали, но это еще ни о чем не говорит. Уильям Лоринг Эсперанс Бешерель занимался поисками пиратских сокровищ более десяти лет. Поиски кладов начал еще его отец. Но, в отличие от своего отца, который работал вручную, Бешерель нанял десять человек с отбойными молотками, динамитом, мощными насосами, дизельными и электромоторами. Он ежемесячно тратил на поиски 450 фунтов стерлингов, и, как признался одному журналисту, чем дальше продвигалось его дело, тем больше денег оно требовало. Чтобы как-то покрыть свои непомерные расходы, Бешерель стал брать в пай всех желающих. И они находились, — впрочем, это совсем не удивительно: он обещал 1000 процентов прибыли.

В 1973 году в вырытом им гигантском котловане шириной 45 и глубиной 15 метров Бешерель нашел остатки каменных сооружений,

по-видимому, действительно возведенных пиратами. Однако Бешерель считал, что это не руины, а выложенная из камней карта с указанием подлинного места, где спрятаны сокровища. При раскопках был найден скелет, по мнению Бешереля, — раба-мальгаша, помогавшего зарывать клад и затем убитого, потому что он был ненужным свидетелем. Прервать свои поиски Бешерелю пришлось не потому, что он разуверился в успехе, а, как это обычно бывает, по чисто финансовым причинам. Впрочем, он был уверен, что его потомки, разбогатев, продолжат фамильное дело…

Завещание Оливье Левассера

Пожалуй, нет такого острова в западной части Индийского океана, с которым не были бы связаны легенды о пиратских сокровищах. Мадагаскар, Сент-Мари, Маврикий, Реюньон, Сейшелы, Коморы, острова Родригес, Фаркуар, Альдабра и Амиранты — всюду что-нибудь напоминает о присутствии здесь в свое время пиратов. И немудрено — пиратство в западной части Индийского океана имеет давнюю историю. Еще в 1508 году пират по имени Мондрагон впервые захватил португальское торговое судно у побережья Мозамбика. В двадцатые годы XVIII века в этом регионе действовали три знаменитейших пирата: Эдвард Ингленд, Джон Тейлор и Оливье Левассер, больше известный под прозвищами Ля Бюз (Обжора) и Ля Бюф (Сарыч).

Карьера Левассера началась в 1715 году. Французское правительство поручило ему грабить — в пользу французской казны — испанские суда в Атлантике. Однако очень скоро Левассер вышел из подчинения морского министерства и на собственный страх и риск отправился искать счастье в Индийский океан и примкнул к действовавшим здесь пиратским шайкам.

13 апреля 1721 года Джон Тейлор на корабле «Виктори» и Левассер на «Кассандре» встретили у берегов острова Реюньон португальское судно «Вьерж дю Кап», сильно поврежденное штормом. Большинство пушек португальцы сбросили за борт, пытаясь спасти терпящее бедствие судно, так что захватить его пиратам не составило труда. К своему восторгу, они обнаружили, что корабль представлял собой настоящую плавучую сокровищницу! На его борту были золотые и серебряные слитки, сундуки с золотыми монетами, жемчуга, бочонки с алмазами, целые километры шелка…

Левассер и Тейлор по-братски поделили добычу. О ее неслыханных размерах свидетельствует хотя бы такой факт, что каждый из членов команды обоих пиратских кораблей получил по пять тысяч золотых гиней и по сорок два алмаза. Южноафриканский писатель Т. Балпин утверждает, что «награбленное Левассером было одной из самых больших добыч в истории пиратства».

В дальнейшем Левассер избрал своей базой остров Сент-Мари и время от времени выходил отсюда на поиски добычи. В начале 1730 года во время очередного такого рейса корабль Левассера вступил в бой с французским военным судном «Медуза». После упорного сражения пиратское судно было захвачено, а предводителя пиратов в кандалах доставили на Реюньон. Суд был коротким, и 17 июля 1730 года Левассера повесили. Согласно легенде, когда Левассеру уже накидывали на шею петлю, он вытащил из кармана листок бумаги, испещренный непонятными

значками, и со словами: «Найдете мои сокровища, если сможете это прочесть!» — бросил его в толпу.

Поступок этот был вполне в характере Левассера, однако неизвестно, была ли это всего лишь издевка над будущими кладоискателями, или же он задал им подлинную головоломку. Неизвестно также, произошла ли эта история на самом деле, либо она является всего лишь красивой легендой: так, по мнению некоторых исследователей, Левассер был повешен не на городской площади, а на корабельной рее, так что толпы зевак вокруг попросту не могло быть. Однако другие исследователи оспаривают это мнение: на реях были повешены только рядовые члены команды, а сам Левассер был казнен на берегу.

С записки, брошенной Левассером в толпу перед казнью, были сделаны копии, которые со временем разошлись по всему свету во множестве экземпляров. Текст записки оказался зашифрован. И с тех пор немало исследователей ломали себе головы над этой таинственной криптограммой.

Но где все-таки спрятаны сокровища Оливье Левассера, стоимость которых сегодня оценивают в сто миллионов британских фунтов? По мнению одних, их следует искать на острове Сент-Мари, по мнению других — на Сейшельских островах. Многие считают, что Левассер закопал свои несметные сокровища на песчаном берегу в местечке Бель-Омбр, расположенном на главном острове Сейшельского архипелага Маэ. Одним из самых ревностных сторонников этой гипотезы в течение многих дет был англичанин Реджинальд Херберт Круз-Уилкинс.

Бывший английский офицер, комиссованный в 1941 году по ранению, он несколько лет прожил в Кении, став профессиональным охотником, а в 1948 году поехал на три недели отдыхать на Сейшелы. Здесь Круз-Уилкинс встретил норвежского китобоя, двадцать лет искавшего клад Левассера. В его распоряжении имелась копия той самой криптограммы, которая якобы таила в себе разгадку тайны пиратского сокровища. Круз-Уилкинс из любопытства снял копию с криптограммы, хранившейся у норвежца, а позднее случайно рассказал о ней местной жительнице Шарль Сави из Бель-Омбр. Каково же было его удивление, когда мадам Сави показала ему еще восемь документов, относящихся к этой теме, которые были собственноручно скопированы ею в архивах Маврикия!

Так Круз-Уилкинс узнал, что мадам Сави и ее супруг ищут сокровища Левассера уже с 1923 года — по ночам, тайком, при свете фонаря и с помощью обычной лопаты. Им удалось обнаружить на прибрежных скалах какие-то странные знаки, явно сделанные рукой человека, — изображения собак, змей, черепах, лошадей и людей. Подобные знаки, как оказалось, были найдены и на скалах в некоторых других местах на острове Маэ. Супруги Сави не сомневались, что они были оставлены в свое время пиратами, и считали, что они содержат указание на место, где спрятаны сокровища. Однако в итоге лопаты увлеченной кладоискательством четы извлекли из земли не золото, а останки человека, зарытого прямо в прибрежном песке. Супруги Сави решили, что это пираты убрали ненужного свидетеля.

Документы, хранившиеся у Сави, включали карты, письма (одно на немецком, второе — на ломаном французском) и другие бумаги, на одной из которых были изображены четыре таинственных знака. Все говорило о том, что эти знаки как-то соотносятся с загадочными изображениями на скалах. Круз-Уилкинс, тщательно исследовав документы, решил вложить в поиски сокровищ имевшиеся у него двести фунтов. А первые же предпринятые им расследования убедили его: эти сокровища принадлежат Оливье Левассеру, и искать их надо на побережье Бель-Омбр.

Круз-Уилкинс отправился в Найроби и организовал там синдикат по поиску клада Оливье Левассера. Нанятые рабочие приступили к раскопкам. Вскоре им удалось откопать грубо вырубленные в скале ступени лестницы — о которой, кстати, упоминалось в одном из документов, — ведущей, по всей видимости, из подземной пещеры к нагромождению скал, господствующих на подходе к песчаному берегу Бель-Омбр. На стенах лестницы тоже были высечены какие-то изображения, но вход в пещеру оказался завален: либо громада скал просто осела за прошедшие века, либо Левассер специально подстроил это, чтобы затруднить доступ к сокровищам.

Это открытие только подогрело энтузиазм Круз-Уилкинса. В последующие двадцать лет он вложил в поиски десять тысяч фунтов стерлингов собственных сбережений и двадцать четыре тысячи фунтов, собранные синдикатом. Его рабочим пришлось переместить семьсот тонн скального грунта. Побережье Бель-Омбр было изрыто траншеями и туннелями, проложенными ниже уровня моря, а вокруг них были возведены бетонные стены, чтобы защитить от волн оборудование для откачки воды.

Круз-Уилкинс не сомневался, что нашел пещеру, в которой были спрятаны сокровища. Но чтобы добраться до нее, была проделана огромная и опасная инженерная работа. Прежде всего пришлось соорудить большую дамбу, чтобы место раскопов не заливало море. Левассер надежно защитил свой клад: сокровища охраняли скала и вода одновременно. Подобраться к пещере можно было только с севера — со всех других сторон это было крайне опасно, так как хитроумный пират расставил здесь множество ловушек. Однажды огромная скала начала сползать вниз и едва не раздавила кладоискателей. В результате поисков Круз-Уилкинс обнаружил ряд новых изображений на скалах, лезвие шпаги, палки, торчащие вертикально из пола пещеры, французскую монету начала XVIII века, кремневый пистолет, резные статуэтки, кувшин для вина XVII века. Рядом на берегу кладоискатели обнаружили пушку, часть спускового устройства мушкета и английскую монету времен Карла I (1625–1649).

Круз-Уилкинс не сомневался, что сокровища, помещенные в три сундука, каждый размером 3 х 7 футов, находятся где-то рядом — рукой подать, однако на этом все его находки и окончились. Средства у экспедиции кончились, а желающих вкладывать новые деньги в это предприятие больше не нашлось. Тем не менее отставной британский офицер стал живой достопримечательностью Сейшел, а около места его грандиозных раскопок открылся ресторан «Корсар». Сегодня в Бель-Омбр до сих пор сохранились остатки бетонных стен, возведенных, чтобы вести работы ниже уровня моря.

Шарль де Ларонсьер, бывший хранитель Национальной библиотеки в Париже, в своей книге «Таинственный пират», посвященной Левассеру, излагает свою версию расшифровки текста записки, брошенной пиратом в толпу перед казнью, и загадочных знаков на сейшельских скалах. Он пишет: «Находка его сокровищ послужит в один прекрасный день эпилогом этой истории. За склонами скал, которые скрывают богатства, начались раскопки…» Стоит добавить, что с тех пор как были написаны эти строки, прошло шестьдесят лет. И пока что результата нет…

Тайна острова Сент-Мари

Остров Сент-Мари, расположенный на восточном побережье Мадагаскара, флибустьеры облюбовали еще в XVII столетии. В конце XVII — начале XVIII века его посещали тысячи морских разбойников. Именно это обстоятельство привлекало и продолжает привлекать на остров десятки кладоискателей. Здесь уже образовалось своеобразное братство, под стать пиратскому. На берегах многочисленных бухточек и заливов то тут, то там можно повстречать бомжеватого вида личностей, которые, перекидываясь друг с другом фразами на английском, французском, голландском, итальянском или шведском языках, с остервенением копают песок. Более зажиточные кладоискатели держатся солидней: нанимают рабочих, используют современные средства металлопоиска, их палатки напоминают не то полевой штаб, не то сельскую библиотеку: они буквально завалены картами, старинными книгами, микрофильмами, на которых пересняты редкие документы и статьи со штампами Библиотеки конгресса США и Британского музея…

В XVII веке Индийский океан пересекли маршруты кораблей, отправлявшихся из Европы в Индию. Нагрузившись сказочными богатствами этой далекой экзотической страны, они возвращались тем же маршрутом — в обход мыса Доброй Надежды. Неудивительно, что юго-западная часть Индийского океана вскоре приобрела огромную популярность у пиратов. Здесь имелось все, что было необходимо для морского разбоя: богатая добыча и масса удобных мест для базирования.

Одним из этих мест стал остров Сент-Мари. Известно, что во второй половине XVII столетия его буквально наводняли пираты. Морской разбой здесь был поставлен на такую широкую ногу, что на Сент-Мари даже приезжали коммерческие агенты из Европы и североамериканских колоний Великобритании. Они скупали награбленное пиратами добро, а также брали на хранение у них золото и драгоценные камни. Возглавляла этот бизнес компания «Филипп Брос». В 1691 году она послала на Мадагаскар своего агента Адама Балдриджа.

Одним из самых громких среди имен здешних пиратов было имя «счастливчика» Генри Эйвери. Он начал заниматься морским разбоем еще в свою бытность в Новом Свете. У берегов Перу Эйвери поднял бунт на военном корабле «Карл II», овладел им и ушел в африканские воды. Там он разграбил португальский поселок на одном из островов Зеленого мыса, в Гвинейском заливе взял на абордаж три английских корабля, доверху нагруженных слоновой костью, серебром, золотом и драгоценными камнями. Окрыленный успехом, молодой пират направился на остров Сент-Мари. Сначала ветераны этой твердыни флибустьеров встретили неизвестного им выскочку в штыки. Однако вскоре его щедрость и отвага

многим заткнули рот, и Эйвери сделался главой мадагаскарских пиратов. Он плавал не только в Индийском океане, но и в Красном море и Персидском заливе, где нападал на богатые арабские и индийские суда.

Одна из таких операций помогла Эйвери оставить свое имя в анналах истории. В начале 1690-х годов он захватил корабль Великого Могола. На этом корабле из Мекки возвращались высшие сановники императорского двора, сопровождавшие дочь всесильного правителя Индии. Эйвери женился на ней, оставив себе в качестве приданого огромный корабль Великого Могола, а также найденные на нем полмиллиона фунтов. Но где эти сокровища? Известно, что в 1696 году Эйвери перебрался в Америку, а затем в Англию, где его в конце концов повесили. Но своих сокровищ с Мадагаскара он не увез: припрятал на случай, если придется бежать назад. С тех пор эти сокровища не дают покоя не одному поколению кладоискателей…

Другой легендарный клад острова Сент-Мари связан с именем знаменитого капитана Кидда. О нем рассказывают, что он был сказочно богат, хотя никто так и не может внятно объяснить, откуда взялось это богатство. Как раз в те годы, когда Эйвери уже начинал подумывать о том, чтобы удалиться на покой, в Англии был образован синдикат, создатели которого решили погреть руки на обширных доходах флибустьеров острова Сент-Мари. Среди основателей этого синдиката были верхи английской аристократии — лорд Орфорд, первый лорд Адмиралтейства, лорд Белламонт — губернатор Нью-Йорка, лорд-канцлер Сомэр, государственный секретарь лорд Родней, министр юстиции лорд Шрусбери и многие другие лидеры партии вигов. Понятно, что сами они не могли быть замешаны в темных делах, поэтому от их имени действовал капитан Кидд. Ему был выделен корабль «Эдвенчериз», команда отборных головорезов, и выдана королевская грамота, дававшая Кидду право пускать ко дну любое судно под флагом Франции, а также нападать на любой пиратский корабль. За каждого пойманного пирата Кидду было обещано лордами по пятьдесят, а за голову их главарей, Эйвери и Тью, — по пятьсот фунтов.

Прибыв к берегам острова Сент-Мари, Кидд очень быстро убедился, что головы старых пиратов, покоящиеся на их крепких плечах, приносят ему куда больше дохода, чем то, что обещали за них лорды. Потеряв всякий интерес к делу, которое ему доверили создатели синдиката, и выведав многие секреты о богатствах, спрятанных в земле острова Сент-Мари, Кидд начал избегать сражений с пиратами в океане. Пристав к мадагаскарскому берегу, он подговорил одного из местных вождей напасть на форт, построенный Адамом Балдриджем, находившимся в это время в Америке, а сам направился на Лаккадивские острова. Разграбив их, Кидд возвратился на остров Сент-Мари. Здесь он отыскал и похитил клад, о котором ему рассказал старый пират Тью (Тью потом долго проклинал Кидда, обвиняя его в том, что тот лишил его всего), а затем организовал карательную экспедицию против исполнявшего его волю вождя, избавившись тем самым от ненужного свидетеля. Когда Адам Балдридж возвратился на Сент-Мари, все выглядело так, будто бы клад был похищен аборигенами…

Между тем хозяевам Кидда все больше не нравилось его поведение. Чтобы «реабилитировать» себя в глазах лордов, Кидд в первый и

последний раз за свою каперскую карьеру напал на судно «Кедахский торговец». Но добычи на нем оказалось всего на тридцать тысяч фунтов. Оставив пришедший в негодность «Эдвенчериз» и пересев на «Кедахского торговца», Кидд отправился на поиски новых жертв. Он надеялся на королевскую грамоту, но она уже не помогала: агенты Ост-Индской компании, которой пираты наносили огромный материальный урон, отказались снабжать его припасами и отправили в Лондон донесение о якобы огромной добыче, присвоенной Киддом.

Партия тори использовала дело Кидда для того, чтобы дискредитировать вигов, и лорды из синдиката лишили пирата своей поддержки. Ради общественного спокойствия Кидд был принесен в жертву и приговорен к виселице. Существует предание, что, покидая Мадагаскар и зная, как его встретят лорды, Кидд не стал брать с собой мешки с награбленным золотом на сумму восемьсот тысяч фунтов. Он закопал их где-то на побережье острова Сент-Мари. По этому поводу в английском парламенте даже устраивалось целое расследование, инициированное депутатами от партии тори. Расследование это, впрочем, так и не дало никаких результатов. Как и многолетние поиски кладоискателей на острове Сент-Мари…

«ЗОЛОТО МАККЕННЫ» И ИЖЕ С НИМ
Сокровища найденные и… забытые?

История, рассказанная в старом американском вестерне «Золото Маккенны» с Грегори Пеком в главной роли, кажется, не оставила равнодушным никого: герои фильма искали несметно богатую золотую жилу, скрытую в затерявшемся в горах Аризоны каньоне, которому суждено было оказаться разрушенным природными силами, вызванными проклятием старого апача — хранителя сокровищ. Сюжет этого фильма навеян многочисленными легендами о сказочно богатых золотых жилах и серебряных рудниках, затерянных на просторах штатов Юта и Аризона, Колорадо и Нью-Мексико. Драгоценные металлы здесь начали добывать еще в доколумбовы времена. Согласно одному из преданий, где-то на юге штата Юта или в Аризоне укрыты сокровища ацтеков, спасенные от конкистадоров Кортеса. Но основная часть легенд связана с теми временами, когда испанцы, утвердившиеся в Новом Свете, в поисках золота и серебра обратили свой взор на земли, лежащие к северу от реки Рио-Гранде. Три века спустя по их следам двинулись американские пионеры, осваивавшие новые территории Дикого Запада. Почти повсеместно им встречались старые заброшенные рудники. Из уст в уста передавались рассказы о несметных богатствах в старых копях, о сокровищах тайных шахт, о богатейших золотых жилах, когда-то разрабатывавшихся, а теперь забытых, — тайну их знают лишь старики-индейцы… Так рождались легенды.

…2 сентября 1539 года монах-францисканец Маркос де Ниса вернулся в Куликан из дальнего шестимесячного похода в неизвестность. Уже много позже стало ясным, что его экспедиция принесла немало пользы испанской короне, но все ее реальное значение оказалось затуманено странным поступком монаха: явившись к вице-королю Новой Испании, Маркос де Ниса сообщил, что самолично видел легендарную Сиволу — «Город Золота».

Само собой разумеется, это сообщение вызвало большое волнение. Нашлось немало горячих голов, готовых немедленно отправиться на поиски Сиволы. Одну из первых партий, отправившихся на север, возглавил Мельчор Диас. Во главе отряда из 15 человек он, как полагают, сумел добраться до реки Тисон (штат Колорадо). Возможно, Диаса и его спутников ожидала судьба множества других авантюристов, очертя голову помчавшихся на север на поиски сокровищ и канувших в безвестность, однако вслед за этим на северный берег реки Рио-Гранде переправилась самая большая экспедиция из числа тех, что когда-либо отправлялись в неисследованные области Североамериканского континента.

Этот отряд возглавил Франсиско Васкес Коронадо, губернатор Новой Галисии. Испанский король Карл I уполномочил его отыскать таинственный «Город Золота». В случае успеха Коронадо мог рассчитывать на славу и почести, сопоставимые с теми, что выпали на долю Кортеса и Писарро. 23 февраля 1540 года экспедиция Коронадо выступила из селения Компостела. В ее составе насчитывалось 250 конных и 62 пеших испанских солдата, около 700 индейцев — погонщиков и носильщиков, сотни вьючных лошадей и около тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Проводником при Коронадо состоял отец Маркос де Ниса. Он очень неохотно отправился в поход — лишь потому, что ему приказали это сделать. Вероятно, у него были причины для этой неохоты…

Отряд Коронадо шел на север путем, уже проложенным до этого экспедицией Кабеса де Вака, отцом Маркосом, Мельчором Диасом и многочисленными партиями искателей приключений, на свой страх и риск отправившихся на поиски «Города Золота». Испанцы далеко углубились в пределы гористой и пустынной области, ныне носящей название Аризона, и на реке Хила повстречали отряд Мельчора Диаса. Диас поспешил присоединиться к Коронадо, и вместе они отправились на север, в страну индейцев зуни. Именно там, по словам отца Маркоса, должен находиться «Город Золота». Однако Коронадо нашел здесь лишь скопление жалких лачуг из самана и камня. Индейцы встретили испанцев враждебно: камнями и стрелами. Коронадо был легко ранен в голову. В отместку испанцы напали на деревню и захватили ее, убив много индейцев. Как бы то ни было, ни здесь, ни в других селениях индейцев зуни (оказавшихся еще более жалкими, чем первое) отряду Коронадо не удалось найти ничего из того, что так красочно описывал в своем отчете отец Маркос.

Только духовный сан защитил незадачливого монаха от расправы, но он не мог защитить его от презрения и Насмешек. Коронадо, искренне опасаясь за жизнь отца Маркоса, отправил его назад в Мексику с неутешительным сообщением для вице-короля: никакого «Города Золота» нет. В итоге бедняга попал в немилость и был назначен служить на маленькую испанскую заставу в пустыне, где и умер в 1558 году, проведя все эти годы в отчаянной нищете.

Между тем Коронадо упорно продолжал искать золото. Он без конца расспрашивал о нем индейцев, но в ответ слышал одно: у них золота нет, но вот дальше к северу и особенно к западу — в Тусайяне, можно найти много желтого металла. Коронадо расположился в одном из селений зуни и отправил на север отряд Педро Товара, состоящий из 20 человек.

Ему предстояло отыскать Тусайян и его сокровища.

Товар достиг Тусайяна в июле 1540 года. Здесь также не оказалось никаких «золотых городов», но местные жители рассказали ему о богатой стране, лежащей дальше к северу. Там, на берегах большого озера Копалья, жили индейцы племени юта, добывавшие золото и серебро из многочисленных рудников в горах. Эта страна называлась Тегуайо.

25 августа Товар вернулся в страну зуни и рассказал испанцам, что Тусайян — земля живописная, пейзажи прекрасные, но никакого золота там нет. Зато дальше на север, говорят, лежит золотая страна…

Коронадо решил не терять времени впустую. По его приказу капитан Карденас во главе отряда из 25 человек отправился на поиски Тегуайо, имея строгое предписание: идти на север ровно 80 дней, раньше срока ни в коем, случае не возвращаться, и искать не прекрасные пейзажи, а золото. 25 дней отряд Карденаса пробирался через пустынную гористую страну, страдая от нестерпимого зноя и жажды. Наконец, на 26-й день испанцы вышли к большой реке. Переправиться через нее не было никакой возможности…

Историки до сих пор расходятся во мнениях относительно того, какую реку обнаружил Карденас. Одни убеждены, что это Литтл-Колорадо, другие говорят, что это была река Сан-Хуан. Как бы то ни было, все сходятся в одном: Карденас, вероятно, стал первым европейцем, достигшим границ современного штата Юта. Так далеко еще не забирался никто!

К тому времени, когда Карденас вернулся в страну зуни, индейцы уже были на грани восстания из-за злоупотреблений, которым они подвергались со стороны испанцев. Коронадо приказал схватить в качестве заложников 200 индейцев и сжечь их, полагая, что эта расправа послужит уроком для других. Это, однако, вызвало обратный эффект: индейцы восстали. Испанцы были атакованы со всех сторон, но сумели отбиться. При этом погибло много индейцев. Слухи о жестокости белых пришельцев быстро облетели все окрестные земли. С этого момента экспедиция Коронадо была обречена на провал. Куда бы он ни являлся в поисках золота, везде его ждал один и тот же прием: стремясь побыстрее избавиться от алчного и жестокого завоевателя, индейцы говорили ему, что «страна золота» лежит где-то дальше — на севере, или на северо-востоке, или на востоке… Коронадо, как маньяк, рыскал по всему юго-западу Северной Америки, пересек Нью-Мексико, Техас, Оклахому, достиг равнин Канзаса и, так ничего и не найдя, весной 1542 года вынужден был повернуть обратно.

После возвращения в Мексику Коронадо был арестован. Хотя обвинения против него в конечном счете были признаны ложными, имя его осталось покрыто позором. Он умер в опале и был похоронен в церкви Санто-Доминго в Мехико — столице Мексики. Лишь много позже стало ясно, что Коронадо за два года своего похода открыл для Испании больше территорий, чем Римская империя сумела присоединить за пять столетий. И земли эти вопреки первым обескураживающим результатам оказались вовсе не бедными!

В 1581 году фра Бернардино Бельтран и дон Антонио Эспехо исследовали север и запад Тусайяна и нашли богатые залежи серебра и

меди на реке Верде в Аризоне. В Нью-Мексико экспедиция обнаружила сказочно богатую серебряную шахту. Эта шахта — Эль-Мина дель Тиро, «Шахта шахт» — будет исправно пополнять королевскую казну на протяжении всего последующего столетия, а потом исчезнет навсегда…

Открытия Эспехо и Бельтрана наделали много шума. На поиски богатых золотых и серебряных шахт немедленно двинулись десятки партий. Пик поисковых экспедиций приходится на первую половину XVII столетия. Священник Алонсо Бенавидес исследовал северные области на протяжении пяти лет — с 1625 по 1630 год, и в итоге нашел «очень большое сокровище в виде шахт, исключительно богатых золотом и серебром, а также россыпи прекрасных гранатовых камней». К середине XVII столетия на всем огромном пространстве от Калифорнии до Техаса уже работали сотни шахт, где добывалось серебро и золото. Согнанные на принудительные работы индейцы умирали в этих шахтах тысячами. Долго зревшее возмущение, наконец, прорвалось: неведомо откуда явился лидер, а вместе с ним — надежда на избавление от рабства.

Как звали этого таинственного вождя, так и осталось загадкой. Он именовал себя просто Папой. Казалось, он одновременно ухитрялся быть в нескольких местах, всюду убеждая индейцев разных племен восстать против испанцев. Папа верил сам и сумел убедить своих последователей, что находится в прямом контакте с богом Кецалькоатлем, и поэтому повстанцы просто не могут потерпеть неудачу.

Назревали грозные события. В 1677 году монах Хуан Франсиско написал отчаянное письмо вице-королю, умоляя его воспрепятствовать массовым злоупотреблениям на шахтах и предупреждая, что последствия восстания будут ужасны. Вице-король остался глух к этим мольбам. В 1679 году Хуан Франсиско отправился в Мехико, чтобы обратить внимание архиепископа на тяжелое положение индейцев-шахтеров. В ответ он услышал, что помощь индейцам повлечет за собой «бесполезные расходы». Вскоре на одной из шахт Нью-Мексико произошел обвал, около 100 индейцев погибли. Эта трагедия переполнила чашу терпения шахтеров.

Восстание началось в Таосе 10 августа 1680 года. Тысячи испанцев — солдат, владельцев шахт, торговцев, представителей духовенства — были убиты. Более 400 испанцев погибли в городах Чама и Абике. Испанцев убивали на шахтах и в миссиях, расположенных в отдаленных горах. Немногие уцелевшие собрались в столице провинции — городе Санта-Фе, но даже здесь они не могли чувствовать себя в безопасности. 2500 индейцев окружили город. К губернатору Отерману явился индейский посланец и протянул ему два флага: белый и красный: «Если вы выберете белый флаг, то будете должны немедленно оставить нашу страну. Если выберете красный флаг, то никто из вас не останется в живых». Отерман выбрал белый флаг…

Вся территория к северу от Рио-Гранде была очищена от испанцев. Индейцы искренне надеялись, что завоеватели больше не вернутся. Они предприняли большие усилия, чтобы уничтожить то, чем так дорожили белые пришельцы: золотые и серебряные шахты. Многие из подземных разработок были затоплены, другие завалены камнями и бревнами. Входы в туннели забивали огромными глыбами, засыпали землей и щебнем. Испанские миссии были разрушены до основания — так, что от них не

осталось никакого следа. Драгоценная утварь и другие церковные сокровища были большей частью брошены в затопленные шахты или захоронены в разных местах. До сих пор об этих пропавших сокровищах рассказывают немало легенд…

Между тем испанский король Карл II вовсе не собирался терять богатые серебром и золотом колонии. Он назначил Диего Хосе Варгаса генерал-капитаном Новой Мексики и поручил ему подавить индейское восстание и вернуть короне утраченные земли. Варгас прибыл в Эль-Пасо в феврале 1691 года. Здесь он нашел королевскую армию в таком плачевном состоянии, что потребовалось почти два года, чтобы подготовить ее к походу. 21 августа 1692 года Варгас во главе своей армии, наконец, двинулся на север. На всем пути испанцы встречали только развалины. Бывшая столица провинции, город Санта-Фе, куда Варгас вступил 12 сентября, тоже лежала в руинах. Единственным неповрежденным — хотя и полностью разграбленным — зданием оставался дворец губернатора. Санта-Фе испанцы заняли без боя, но далее к северу армия Варгаса столкнулась с ожесточенным сопротивлением. Даже погода обратилась против испанцев: в горах стояли немилосердные холода, 21 солдат замерз до смерти. Тем не менее Варгасу удалось сломить сопротивление индейцев и захватить в плен несколько сотен активных участников восстания. 70 из них были повешены на центральной площади в Санта-Фе. Правда, испанцам понадобилось еще 2 года, чтобы окончательно усмирить мятеж и восстановить разрушенные города Таос, Чаму и Абике.

К концу 1694 года было восстановлено и большинство серебряных шахт. Однако некоторые ранее разрабатывавшиеся жилы так и не были найдены: индейцы так хорошо постарались скрыть их, что даже самые тщательные поиски ни к чему не привели. Как бы то ни было, к началу XVIII столетия шахты Аризоны и Нью-Мексико уже работали на полную мощность.

Спустя полтора века после мексиканско-американской войны 1846–1848 годов вся бывшая территория Новой Мексики отошла к США. К тому времени добыча серебра здесь уже пришла в упадок, многие шахты были заброшены, и разработкой рудных залежей и золотых жил занимались в основном частные старатели. Говорят, даже в это время ежегодно на юг уходили караваны мулов, груженных серебряной рудой. Потом армия США надежно перекрыла границу по Рио-Гранде, и рудники опустели. Тайну серебряных и золотых копей помнили только старики индейцы. Именно от них американские старатели, появившиеся здесь в середине XIX столетия, получили сведения о заброшенных испанских рудниках, где в старину добывалось, по слухам, несметное количество драгоценного металла…

Одна такая шахта находилась в местности, известной под названием Серебряные Луга. Ее искали еще первые американские поселенцы в этой области. Однако найти эту таинственную шахту, подучившую название «Серебряная леди», удалось только… в начале 1990-х годов! За засыпанным и тщательно замаскированным входом лежали полуистлевшие кожаные мешки с серебряной рудой и ржавые железные инструменты. Анализ проб показал, что руда из этой шахты отличается на редкость высоким содержанием серебра и золота — как и

говорили древние легенды.

Но если «Серебряная леди» в итоге была все-таки найдена, то десятки других старых испанских шахт до сих пор продолжают числиться в розыске. Рассказывают, например, о заброшенном золотом руднике, находящемся где-то в горном массиве Лайтнинг-Ридж. Работать сюда испанцы пригнали большую партию индейцев навахо — считалось, что навахо и пайюты более «выгодная» рабочая сила, чем упрямые и гордые индейцы юта. Однако даже «покорные» навахо в итоге взбунтовались против жестокой эксплуатации. Владельцы шахты были убиты, все следы горных разработок уничтожены. В последующие годы никому так и не удалось отыскать этот рудник. Лишь в 1980-е годы местный лесник во время очередного объезда своих владений случайно нашел маленький слиток золота размером приблизительно 1 х 3 дюйма. Последующие поиски дали более весомый результат: был найден слиток драгоценного металла весом более чем пять фунтов! Анализ показал, что он на 47 % состоит из золота, на 45 % — из серебра и на 5 % из меди. Иными словами, этот слиток явно представляет собой продукт промежуточной переплавки, которая обычно производилась прямо на руднике или где-то поблизости от него. Другой находкой стал небольшой бронзовый колокольчик диаметром около 4 дюймов — такие колокольчики обычно использовались в испанских миссиях. Означает ли все это, что заветный золотой рудник находится где-то поблизости?

Тут стоит вспомнить странную историю, произошедшую с двумя старателями — Уилфордом Бинджели и Биллом Нанли. В ноябре 1931 года оба они входили в состав лесной команды, занимавшейся борьбой с жуком-короедом, напавшим на леса в районе горного хребта Лайтнинг-Ридж. В один из холодных дней, оставив лагерь в районе Холодного Ключа, они поднялись в горы и там совершенно неожиданно наткнулись на присыпанные землей старые гнилые бревна, закрывавшие вход в какое-то подземелье. Устроив небольшой лаз, Бинджели и Нанли пробрались внутрь и оказались в давно заброшенной шахте. Она уходила в глубь горного массива под углом приблизительно шестьдесят градусов, следуя за многоцветной кварцевой жилой. Билл Нанли был опытным старателем, и для него не составило никакого труда определить: жила золотоносна, и золота здесь очень и очень много! Захватив с собой несколько образцов горной породы, Бинджели и Нанли выбрались на поверхность. В лагерь они пришли как раз вовремя: погода стала совсем плохой, надвигался снежный буран, и их товарищи уже складывали пожитки, готовясь сняться с места.

Следующей весной Бинджели и Нанли вернулись в горы. Они без проблем нашли следы лагеря у Холодного Ключа, повторили свой путь в горы, нашли даже место, где завтракали в прошлом году… Единственное, чего они не могли найти — это старой шахты. Она словно сквозь землю провалилась (если это сравнение вообще можно употребить в применении к шахтам). Бинджели и Нанли обшарили всю область, даже искали шахту по другую сторону горного хребта, и, в конце концов, решили, что шахту просто завалило оползнями. Надо же было как-то объяснить ее загадочное «исчезновение»!

Позже Нанли ушел куда-то на юг штата Юта, а Бинджели занялся собственным бизнесом, разрабатывая гравий в карьерах. Однако мысль о «золотой шахте» не давала ему покоя. Собрав небольшую команду из собственных рабочих, он раз за разом принялся прочесывать склоны хребта Лайтнинг-Ридж в надежде отыскать заветную шахту. Дело кончилось тем, что однажды к Бинджели явились несколько индейцев юта. В частной беседе они более чем настойчиво попросили его прекратить свои поиски и больше никогда не появляться в горах Лайтнинг-Ридж. Они также порекомендовали ему — если он хочет жить, конечно — не рассказывать эту историю своим знакомым. Тем не менее слухи о находке Бинджели и Нанли в последующие годы распространились по округе, и предпринималось немало попыток отыскать таинственную «золотую шахту». В ходе этих поисков было обнаружено несколько выработанных старых рудников, но местонахождение той самой шахты с кварцевой жилой до сих пор остается загадкой.

Проклятье золотых рудников

Прежде чем рискнуть отправиться на поиски затерянных золотых рудников, что разбросаны по территории штата Юта, стоит хорошенько подумать. Кроме нехватки кислорода, постоянной угрозы обвалов и нападений со стороны диких животных, использующих шахты для укрытия, существуют и проклятья индейцев, и множество мрачных историй, напрямую связанных с испанским золотом…

Три столетия назад на золотых рудниках, расположенных на территории нынешней Юты, работали индейцы. Алчные испанцы согнали их сюда, чтобы осуществить свою давнюю мечту, будоражившую их воображение еще со времен Кортеса, — завладеть всеми сокровищами Нового Света.

Испанцы появились на территории Юты еще в 1667 году — гораздо раньше тех переселенцев, что считаются предками нынешнего поколения американцев, легендами о которых столь богат их фольклор. Среди знаков на стенах каньонов, оставленных, по всей видимости, монахами-иезуитами, видны символы в виде креста. Первоначально многие думали, что это — индейские иероглифы и пиктографы. На самом деле ими оказались указатели-ориентиры вдоль легендарной Испанской тропы, которая когда-то вела из Мексики к горам Уинта и дальше. Тропа была главным путем сообщения между Мексикой и укрепленными пунктами испанцев в западных горах, представляющих собой религиозные форпосты, что подтверждают многочисленные изображения крестов, вырезанное на деревьях или нацарапанные на камнях на протяжении всего пути. Испанцы присутствовали здесь до начала XIX века, когда переполненные мексиканские обозы, доверху набитые, как поговаривают, золотом, стали отправляться куда-то за горы Уинта. И сегодня на отвесной скале, расположенной южнее старого форта Робиду, можно встретить испанские надписи типа «d. Julien» или «16 Mat 1836».

Кроме знаков на скалах и деревьях, в горных районах штата Юта были сделаны и другие, не менее волнующие находки испанского происхождения. Там обнаружили пушки, ядра и мечи — подтверждение того, что по тропе двигались не только монахи, но и солдаты. А как же иначе — золотые жилы надо охранять!

По всей видимости, самое древнее из найденных орудий изображено на обложке книги Джорджа А. Томпсона «Исчезнувшие следы. Затерянные шахты Роудиса и другие скрытые сокровища восхитительных ютских гор», вышедшей в США несколько лет назад. На стволе бронзового орудия видна дата: 1517 год. Найдены были и другие орудия, включая большую пушку, в настоящее время выставленную на учебном манеже национальной гвардии в Солт-Лейк-Сити. Орудие было отлито в Испании, в городе Севилье, еще в октябре 1776 года, а обнаружено — в окрестностях горной долины Камас, в штате Юта, спустя два века. Историки полагают, что пушка использовалась для охраны испанских золотых рудников, расположенных на востоке долины Камас.

Конечно, орудия и другие найденные свидетельства — убедительное доказательство испанского присутствия, но для некоторых гораздо важнее не это, а золотые рудники, оставленные конкистадорами.

До 1800 года здесь мало кто слышал об испанском золоте. И все же поселенцы понимали, что они не были первыми белыми в этом районе, поскольку повсюду оставались руины каменных домов, фортов, рисунки и множество других свидетельств. Но то, что именно тут сокрыты несметные природные богатства, погребенные в заброшенных шахтах, пока им оставалось неведомо.

Точное местонахождение шахт знали только индейцы, да и то потому, что когда-то использовались испанцами в качестве рабской силы. Предполагается, что после многих лет неволи индейцы восстали, убив многих ненавистных им испанцев. Индейцы возвратили золото в слитках туда, откуда оно было взято: в землю, засыпав и замуровав его в шахтах. Клубок тайн вокруг рудников начал распутываться лишь тогда, когда краснокожие сами рассказали о золоте белым.

Одним из первых, кто понял, что на самом деле могут скрывать заброшенные рудники, был Томас Роудис, ближайший помощник главы мормонской церкви Брайема Янга. Того самого Янга, который привел «святых последнего дня» на Дальний Запад. В 1847 году в районе Большого Соленого озера, в местах обитания индейского племени юта, Брайем Янг основал колонию мормонов. Очевидно, индейцы тоже признали в нем религиозного лидера, ибо вождь Валкара поведал Янгу о каком-то тайнике золота в горах Уинта. Так или иначе, но Янг решил передать золото церкви. Чтобы переправить его из тайного индейского места в Солт-Лейк-Сити, где находился центр колонии, нужен был верный человек. Им стал Томас Роудис.

Тайник оказался заброшенной испанской шахтой, полной золотых самородков. Сами индейцы даже не подошли к ней, поскольку золото было проклято их предками, вернувшими его земле. Но для Роудиса, не слишком обремененного индейскими проклятиями, особого труда не составило извлечь один из больших слитков и погрузить его в фуру. По свидетельствам современников, на первую поездку туда и обратно Роудису хватило двух недель, после чего он возвратился с шестьюдесятью фунтами чистого золота.

Еще много лет Роудис беспрепятственно продолжал поставлять золото мормонской церкви. А после 1887 года он обнаружил другие шахты,

расположенные уже не на индейских землях. С тех пор интерес к испанскому золоту сильно возрос, поскольку народ в округе быстренько смекнул, что неведомый тайник индейцев юта — далеко не единственный источник мормонского золота.

Как только Роудис обнаружил еще несколько золотых рудников в горах Уинта, на поиски удачи отправились местные кладоискатели. В окрестностях долины Хибер они отыскали другие шахты, а заодно и свою долю золота. Одним из старейших жителей долины, обнаружившим испанские рудники, был Аарон Дэниелс. Он с самого начала осел в долине Хибер в той области, которая теперь носит его имя. В честь удачливого пионера были названы каньон и ручей. Кроме того что Дэниелс прославился как золотоискатель и исследователь гор Уинта, он был известен еще как друг Роудиса и нескольких других старателей, ухитрившихся кое-что отыскать.

В упомянутой книге «Исчезнувшие следы» Джордж А. Томпсон рассказывает еще об одном эпизоде. В 1896 году некие Билл Безерс и Генри Борен обнаружили скальный обломок с рисунками, а вскоре — полузасыпанный шахтный тоннель. 12 февраля 1897 года местная газета в очередном выпуске опубликовала подробную статью о том, что и как нашли Безерс и Борен. В ней упоминалось, что в долине еще за восемь или десять лет до прибытия первых белых (около 1849 года) в окрестных горах существовали золотые и серебряные рудники, разработки которых вели мексиканцы. Последние времени даром не теряли, регулярно отправляя домой целые обозы из вьючных мулов, нагруженных тяжелым золотом, добытым из шахт. Один старик мексиканец рассказал, что шахты находились приблизительно в тридцати милях от большого озера, известного сегодня как озеро Юта. Рассказал он и о том, как однажды шахты окружили индейцы, как они вывели рабочих, жаждая расправиться с ними, и действительно многих убили. Лишь нескольким мексиканцам удалось спастись. Из их уст позже и услышали историю о сокровищах, скрытых в проклятом старом руднике. Именно на этот рудник натолкнулись Безерс с Бореном.

На одной из вершин хребта Уосатч Безерс и Борен показали автору той статьи замаскированный тоннель, который вел на двадцать пять футов внутрь твердой скалы и был когда-то золотоносной жилой. Этот тоннель оба золотоискателя расчищали на досуге в течение года. Позже они обнаружили новое ответвление. И вот, к моменту посещения журналиста, Безерс и Борен нашли еще один рукав. Все эти тоннели были заполнены рыхлой глиной и камнем, но расчистить их с помощью лопат не представляло особого труда, что доказывало только одно: тоннели были засыпаны. Очень возможно, что именно из них в свое время мексиканцы пополняли свои кладовые. Другое обстоятельство, на которое нельзя было не обратить внимания, — большой гранитный камень, торчавший у подножий гор перпендикулярно земле примерно в полумиле от места разведки.

Он весь был покрыт странными иероглифами и рисунками, высеченными ударным инструментом. Камень имел форму клина, пять футов в высоту и четыре в ширину. Смысл рисунков на нем могли понять только те, кому они принадлежали. Одна из фигур — человек с

раскинутыми в удивлении руками, другая — нечто напоминающее вьючного мула или осла, третья — серп луны… Целый ряд изображений, различимых довольно четко. Расшифровать их значение так никому и не удалось.

Безерс и Борен утверждали, что эти иероглифы есть не что иное, как ориентиры для людей, работавших на руднике, которые при долгом отсутствии могли забыть точное местонахождение своей шахты. Странно, но нигде не были найдены останки мексиканцев, убитых, по рассказам, индейцами. Поиски продолжались, но в прессе о тоннелях больше не упоминалось. По местным слухам, семейство Безерсов и в наши дни знает место, где расположены неисследованные до конца старые шахты.

Само собой разумеется, поиск многообещающих шахт отнюдь не был ограничен районом долины Хибер. Та же «Уосатч вейв», местная газета, писала в 1895 году: «Весьма любопытные шахты найдены в горах недалеко от Камас-Кинкса. О восьми таких шахтах, открытых в трех милях восточнее Камаса, заявили на прошлой неделе трое энтузиастов, пожелавших остаться неизвестными. Хочется верить, что их открытия обещают в будущем сенсационные находки». Сенсационных находок не последовало. А может, о них просто не заявляли?

Ясно, что поиски кладов, особенно золотых, — дело нешуточное, а зачастую — опасное. Для некоторых кладоискателей поиски закончились трагически. Как только в Юте прослышали об испанских рудниках, тотчас возникло множество историй о нашедших свою смерть старателях. Говорили, что это мстили индейцы, защищавшие священные места. Хотя наверняка не обошлось и без «бледнолицых братьев», сводящих счеты друг с другом. «Теперь золота стало чуточку больше…» Помните?

Но увы, трагические события не прекратились и после того, как канула в лету кровавая эпоха колонизации диких земель. В 1939 году золотоискатель по фамилии Бабкок был убит индейцами неподалеку от старой шахты у ручья Поул, впадающего в реку Уинта. По всей видимости, эта бонанса, а ныне шахта Бабкока, оказалось еще не до конца выпотрошенной. Официально после того инцидента шахту закрыли, но работы на ней продолжались до 1986 года, когда во время взрыва при невыясненных обстоятельствах погиб некий Уоллес Муир…

В книге Джорджа А. Томпсона приведен и более свежий пример, когда один из жителей Солт-Лейк-Сити рассказал свою мрачноватую историю: во время поисков заброшенного рудника в районе реки Рок-Крик, на индейской территории, жестокие потомки краснокожих отрубили ему три пальца на руке. В 1990 году в американской печати промелькнуло сообщение о том, что по кладоискателям, копающимся недалеко от источника Фарм-Крик, кто-то открыл огонь из винтовок. Кто же? Индейцы, не желающие допускать белых к своим тайнам? А может, «бледнолицые братья»?

Проходя по краю каньона, нависшего над Змеиным ручьем, неподалеку от хребта Уосатч, и сегодня сверху можно видеть заброшенные шахты. Только вырыты они уже не испанцами, хотя все равно привлекают внимание — здесь орудуют современные золотоискатели. Они частенько промывают в лотках воду Змеиного ручья, не забывая заглянуть и на соседний источник, легендарный ручей Дэниелса. А окрестные каньоны? А Парк-Сити? Да что там! Шахт в округе немало… А еще больше историй о

скрытых в них богатствах.

Тайна «Шахты шахт»

После знаменитого восстания индейцев пуэбло в 1680 году, распространившегося на всю Новую Мексику, многие древние шахты отошли в область легенд. Фольклор юго-запада США до сих пор изобилует рассказами о неправдоподобно богатых забытых шахтах и потерянных сокровищах. Одно из центральных мест в этих рассказах занимает легендарная «Шахта шахт» — Эль-Мина дель Тиро.

Первые слухи о ней принесли люди Франсиско Васкеса Коронадо. В 1540 году, идя долиной реки Галистео, Коронадо услышал от местных индейцев рассказ о богатых залежах серебра и бирюзы, расположенных где-то поблизости. Индейцы давно разрабатывали эти богатейшие копи, и испанцы смогли самолично убедиться в этом: на всем пути через долину им встречались следы старых горных разработок. Главная рудная жила, по слухам, находилась где-то в горах. Люди Коронадо не смогли отыскать ее: их гнал вперед призрак «золотого города» Сиволы. Индейцы пуэбло, недовольные жадностью и жестокостью испанцев, старались как можно быстрее отделаться от пришельцев и охотно рассказывали им всякие небылицы о «золотых городах», якобы лежащих где-то дальше на северо-востоке. Так что экспедиция Коронадо прошла в непосредственной близости от шахты Эль-Мина дель Тиро, и тайна «Шахты шахт» так и осталась нераскрытой. До времени.

В 1580 году фра Бернардино Бельтран получил разрешение отправиться на север, в совершенно неизвестные и не нанесенные на карты области Новой Мексики, чтобы отыскать и спасти двух священников, отставших от экспедиции Родригеса. Вместе с ним в путь отправился богатый промышленник из Санта-Барбары по имени Антонио Эспехо. В сущности, экспедиция Бельтрана и Эспехо была призвана стать спасательной миссией, но на практике это вылилось в геологоразведочную экспедицию, искавшую новые золотые и серебряные копи.

В 1581 году фра Бернардино Бельтран и дон Антонио Эспехо, сопровождаемые 14 солдатами, исследовали север и запад Тусайяна и нашли богатые залежи серебра и меди на реке Верде в Аризоне. Индейцы также показали Эспехо богатую серебряную жилу (возле современного города Прескотт, Аризона). Затем маленькая экспедиция отправилась в западную часть современного штата Нью-Мексико, где обнаружила древнюю индейскую серебряную шахту, разрабатывавшуюся уже много лет. Дон Эспехо был потрясен ее богатством: «Я своими собственными руками извлек из нее руду… Она очень богата и содержат много серебра». Эта и была легендарная Эль-Мина дель Тиро, «Шахта шахт».

Испанцы осмотрели выработку и пришли в удивление от масштабов ведущихся здесь обширных работ. Добывать серебряную руду здесь было весьма рискованно: жила уходила в глубь горного массива под очень крутым углом, постоянно изгибаясь и меняя направление. В одних местах шахтерам приходилось спускаться в отвесные колодцы, в других — пробивать узкие отверстия под названием «лаз для койота». Протиснуться в такую щель мог только человек очень маленького роста или подросток. Тем не менее на поверхность извлекалось немалое количество серебра и золота.

Эспехо и Бельтран возвратились в Мексику в 1583 году. Сделанные ими открытия наделали много шума. Их появление в Чиуауа — тогдашней столице Северной Мексики, с мешком самородков и рудных образцов, вызвали настоящий фурор. В своем письме вице-королю Эспехо сообщил, что Новая Мексика изобилует серебром и золотом, и сведения, полученные в свое время экспедицией Коронадо, в общем и целом соответствуют действительности: «Новая Мексика очень богата, и я привез оттуда с собой образцы руды, чтобы доказать это». Эспехо подал прошение на имя испанского короля, стремясь получить право на разработки богатейших месторождений Новой Мексики, но в этом ему было отказано. Вместо него король уполномочил разрабатывать сокровища северных земель Хуана Оньяте, богатого шахтовладельца из мексиканского города Сакатекас. Горя желанием во что бы то ни стало заполучить эту концессию, Оньяте даже согласился на собственные средства снарядить экспедицию, оплатить жалованье и экипировку королевских солдат и все расходы на изготовление и доставку шести орудий, двух дюжин кольчуг и двух дюжин аркебуз.

На то, чтобы подготовить это масштабное предприятие, Оньяте потребовалось несколько лет. Лишь 26 января 1598 года прекрасно снаряженная экспедиция, в составе которой было 130 солдат, восемь священников и несколько десятков рабов-индейцев, возглавляемая Хуаном Оньяте, вышла из Санта-Барбары и двинулась на север. Экспедицию сопровождали 83 фургона и огромное стадо, насчитывавшее 7000 голов рогатого скота. Многие из его солдат взяли с собой свои семейства и имущество, поскольку предполагалось, что экспедиция будет основывать по дороге колонии и миссии. Первой из них стала миссия Сан-Габриель (ныне вошедшая в черту города Санта-Фе). Она стала «столицей» Оньяте, базой для его дальнейших действий.

Со всех сторон до испанцев доходили слухи о богатых индейских шахтах и серебряных жилах. В селении Сан-Маркос, расположенном в северной части долины реки Галистео, Оньяте рассказали о находящихся неподалеку обширных залежах серебра и бирюзы, давно разрабатываемых индейцами. На поиски был отправлен капитан Маркос Фарфан в сопровождении шести индейцев-проводников. «Они нашли шахту глубиной три стадии, откуда индейцы извлекали руды для украшения тел и для окраски своих тканей, — писал Хуан Оньяте. — В шахте имелись коричневая, черная, синяя и зеленая руды. Синяя была настолько яркой, что мне показалось, что это бирюза… Мне сказали, что это серебро — лучшее в мире». Пробы показали, что найденная руда содержит 11 унций золота и серебра на квинтал (220 унций на тонну). Так была поставлена точка в истории поисков «Шахты шахт»…

На протяжении без малого ста лет Эль-Мина дель Тиро исправно снабжала королевскую казну серебром и золотом. Впрочем, выгоду от нее получал не только король. В 1660-х годах ходили упорные слухи, что шахтой — через подставных лиц — владеет не кто иной, как сам губернатор Новой Мексики дон Хочен Кодальос-и-Робаль. Тысячи горняков-индейцев сложили свои головы в недрах «Шахты шахт»: работать здесь приходилось в неимоверно тяжелых условиях. Вертикальные

колодцы шахты были настолько глубоки, что нижние уровни почти постоянно затапливались водой. Работы не прекращались день и ночь. Шахтеры работали при свете факелов, порой стоя по колено, а то и по пояс в воде. То и дело случались обвалы. На смену погибшим в шахту спускали новых бедолаг…

Говорят, что роковой обвал, погубивший более 100 человек и ставший непосредственным поводом к восстанию 1680 года, произошел именно на шахте Эль-Мина дель Тиро. Как бы то ни было, именно 1680 год стал последним в истории «Шахты шахт». По одной версии, повстанцы затопили шахту, по другой — взорвали и засыпали вход в нее. Под землей остались огромные запасы неотгруженного серебра и сама богатейшая жила…

Испанцы больше не смогли отыскать шахту. После 1692 года, когда земли Новой Мексики вернулись под власть испанской короны, «Шахту шахт» пытались найти многие. В ходе этих поисков были найдены некоторые другие «пропавшие» шахты, но судьба Эль-Мина цель Тиро так и осталась загадкой. Говорят, что она располагалась в окрестностях селения Серильос, в пределах «получасовой поездки на муле» от него. В этих местах частенько можно встретить поросшие кактусами большие груды камней. Под одной из этих насыпей, возможно, и таится вход в легендарную «Шахту шахт»…

Серебро иезуитов

Старинное предание, бытующее в штате Аризона, повествует о таинственной серебряной шахте «Непорочное Зачатие» (исп. «La Purisma Concepcion»), когда-то принадлежавшей миссионерам из ордена иезуитов. Этот сказочно богатый рудник, однажды найденный, позже, подобно шахте Эль-Мина дель Тиро, был потерян и стал еще одной легендой этих мест.

Политика испанского правительства в Новом Свете ставила целью обратить аборигенов-язычников в христианскую веру и подчинить их государственной организации. В рамках этой задачи действовали и миссионеры-иезуиты — члены ордена Братства Иисусова, созданного в 1540 году. Для обращения индейцев в христианскую веру и организации хозяйственной деятельности отцы-иезуиты организовывали земледельческие колонии, где «язычников обращали в истинную веру и приучали их к цивилизованной жизни».

Иезуитская миссия в Тумакакори на юге Аризоны была основана в 1691 году. Здешние земли были малопригодны для земледелия, зато недра были богаты драгоценными металлами. Испанская система «энкомьенды» позволяла любому испанцу использовать для своих нужд индейцев в качестве рабочей силы, так что вскоре под контролем миссий уже находилось множество шахт, где добывались серебро и золото. А в 1736 году была обнаружена просто неправдоподобно богатая жила: взятые пробы показали, что руда здесь содержит 50 % серебра и одну пятую часть золота. Новая шахта получила название «Непорочное Зачатие».

Согласно королевскому указу 1592 года, пятая часть доходов от всех шахт Нового Света — так называемая «королевская пятина» — должна была отчисляться в пользу испанской короны. Понятно, что владельцы шахт не очень-то стремились раскрывать истинные объемы добычи и предпринимали немалые усилия, чтобы скрыть часть доходов.

Очень часто бывало так, что хозяева рудников втайне копили добытое серебро и золото, ожидая удобного случая, чтобы беспошлинно переправить драгоценный металл в Европу.

Хозяйственная деятельность иезуитских миссионеров в Аризоне мало в чем отходила от негласных правил, принятых в ту пору. На их рудниках трудились местные индейцы — главным образом пимас. Порабощенный испанцами, этот гордый народ не раз брался за оружие. Первый раз индейцы пимас восстали в 1695 году, но это восстание было жестоко подавлено. В 1750 году индейцы во главе с Луисом Оакписагуа (одно время он служил в испанской колониальной администрации) восстали снова. Шахтерские поселки и иезуитские миссии были разграблены и сожжены, те из миссионеров и испанских переселенцев, кто не был убит, бежали. Слухи о восстании достигли отцов из миссии Тумакакори гораздо раньше, чем повстанцы явились сюда, так что у миссионеров имелось достаточно времени, чтобы распорядиться своими сокровищами. Накопленные и утаенные от фискальных органов драгоценные металлы, а также подготовленное к отправке в Испанию серебро были сложены в шахту «Непорочное Зачатие», а вход в шахту опечатан и завален камнями. Однако спастись отцы не успели: миссия была захвачена повстанцами и сожжена, миссионеры убиты.

В 1752 году восстание закончилось. Многие из сожженных и разрушенных миссий начали восстанавливаться. Испанцы вернулись в Тумакакори в 1754 году, рудники заработали вновь. Но отыскать шахту «Непорочное Зачатие» так и не удалось: в ее тайну был посвящен лишь ограниченный круг людей, и все эти люди погибли…

Растущее могущество ордена иезуитов пугало его противников, и в 1767 году они добились прекращения его деятельности. Испанский король конфисковал владения иезуитов в Новом Свете, отцам пришлось отправиться в Европу без надежды вернуться назад. История с шахтой «Непорочное Зачатие», вероятно, так бы и канула в Лету, если бы не американские старатели, в середине XIX столетия пришедшие на горные плато Аризоны в поисках золота и серебра.

Вскоре после окончания мексиканско-американской войны 1846–1848 годов один старатель из Тубака предпринял несколько поездок в горы Пахаритос и Эль-Руидо, каждый раз возвращаясь с богатым уловом серебра. Другой старатель — владелец салуна в городе Ногалес — также искал драгоценные металлы в горах Пахаритос и Эль-Руидо. Пробыв в отлучке около шести недель, он вернулся с увесистым мешком серебра и рассказал, что нашел его на перевале между Пахаритос и Эль-Руидо. Это серебро якобы было рассеяно прямо на поверхности, что, по-видимому, явилось результатом выветривания горных пород. Так это или не так — уже никто никогда не узнает: не в меру удачливый старатель был найден мертвым наутро следующего дня.

Несколько лет спустя после окончания Первой мировой войны в районе того самого перевала работали два старателя. Пока один из них, прервав поиски, отправился по каким-то делам в расположенный неподалеку город Тусон, другой в это время натолкнулся на подозрительную груду камней, явно искусственного происхождения. Разбросав камни и проделав лаз, старатель оказался в старом туннеле

протяженностью приблизительно 400 футов. С карбидной лампой в руке он двинулся вглубь. То тут, то там в стороны отходили боковые галереи. Вдоль одной из стен туннеля стояли какие-то штабели: при ближайшем рассмотрении оказалось, что это ящики, наполненные серебряной рудой. Здесь было не менее 30 тонн руды!

Осмотрев туннель, старатель решил до возвращения товарища оставить пока все как есть и выбрался наверх. Следующий день он посвятил исследованию горного каньона, через который пролегала дорога к перевалу. Пробираясь через заросли кустарника, он неожиданно натолкнулся на маленькую полуразрушенную часовню. Ее руины мрачно высились в центре небольшой полянки. По всей видимости, это была «виста» — одна из тех маленьких капелл для горняков, которые обычно сооружались вблизи от входа в шахту. Старатель сфотографировал развалины и провес в этом месте довольно беспокойную ночь, а наутро вернулся в главный лагерь. Его партнер долго не мог поверить в этот изобилующий фантастическими подробностями рассказ и удостоверился в нем лишь после того, как сам побывал в таинственной шахте.

Старатели запечатлели увиденное на фотопленку и взяли с собой образец найденной в шахте руды, чтобы сдать его в Тусоне на анализ. Однако на обратном пути из шахты их настигла буря, вызвавшая мощный сель. Потоки грязи с горных склонов буквально смели лагерь старателей, один из них погиб вместе с захваченным в туннеле образцом руды. Тело его так и не удалось отыскать. Второй старатель остался жив. Уцелела и драгоценная фотопленка, на которой были запечатлены разрушенная часовня, вход в таинственный туннель и даже грозовые облака, собиравшиеся над головами старателей в тот момент, когда они выбирались из заброшенной шахты. Сама шахта оказалась скрытой под селевыми наносами…

Удивительное дело: таинственная «La Purisma Concepcion» не найдена до сих пор, несмотря ни на сохранившиеся фотографии и показания оставшегося в живых старателя, ни на найденные в архивах прямые указания на местонахождение шахты. Согласно старым испанским документам, шахта «Непорочное Зачатие» расположена в четырех лигах (12 миль) к югу от миссии Тумакакори и в трех лигах от другой шахты, принадлежавшей отцам-иезуитам, — Гуадалупе. Дорога к заветному руднику ведет через перевал Лос-Ханос на юг, затем через другой перевал — Агуа-Ондо. Шахта расположена к востоку от перевала. Здесь в горной породе пробит туннель протяженностью 300 варас (835 футов). Устье туннеля закрывает дверь, окованная медью и запертая на большой железный замок. Над входом в туннель долотом вырублена надпись: «La Purisma Concepcion». На расстоянии приблизительно 200 варас от входа в туннель на стене высечен крест. Он отмечает начало бокового туннеля длиной 100 варас, который ответвляется от главного туннеля в западном направлении. Здесь, на расстоянии пятидесяти варас от устья туннеля, горняки-индейцы нашли в начале XVIII столетия целые глыбы самородного серебра, весящие от 25 до 250 фунтов…

Поиски легендарной шахты до сих пор не принесли успеха, хотя едва ли не ежегодно к горе Эль-Руидо отправляются десятки старателей. Они не теряют надежды когда-нибудь отыскать заветный туннель, под

сводами которого громоздятся ящики с «серебром иезуитов».

Наследство Якоба Вальтца

25 октября 1891 года в доме Джулии Томас в Финиксе (Аризона) умер некий Якоб Вальтц — уроженец Германии, долгие годы занимавшийся старательством и исходивший, кажется, весь юго-запад США. После его смерти под кроватью усопшего было найдено золото — много, очень много золотых самородков. Где отыскал это сокровище старый старатель? Это осталось неизвестным. Тайну происхождения золота Якоб Вальтц унес с собой в могилу. Осталась лишь легенда о потерянной «шахте Немца»…

Многие годы спустя исследователи смогли по архивным документам установить, что Якоб Вальтц — лицо абсолютно историческое. Он родился в Обершвандорфе (Вюртемберг, Германия) около 1810 года (дата рождения установлена приблизительно, так как церковные метрики не сохранились). В 1845 году Вальтц эмигрировал в Америку. Сперва он прибыл в Нью-Йорк, а оттуда, привлеченный известиями о начавшейся «золотой лихорадке», отправился на поиски золота в Северную Каролину и Джорджию. Первым делом Вальтц направил свои стопы в Медоу-Крик (Северная Каролина). Подобно многим другим иностранцам, он оказался дезинформирован относительно богатств этого края: все золотые россыпи к тому времени уже были выбраны местными старателями. Тогда Вальтц перебрался в Дони (Джорджия) в надежде найти работу или — чем черт не шутит? — наткнуться на золотоносную жилу. Потерпев, однако, фиаско и здесь, он отправился в Натчез (штат Миссисипи). Неудачи в Северной Каролине и в Джорджии ясно показали Вальтцу: для получения права на самостоятельную добычу золота он должен стать американским гражданином. Поэтому 12 ноября 1848 года Вальтц подает в суд графства Натчез заявление о своем намерении стать гражданином Соединенных Штатов Америки.

В 1850 году Вальтц уезжает на золотые прииски Калифорнии. Проработав одиннадцать лет в качестве простого горняка, он 19 июля 1861 года получает, наконец, заветное американское гражданство. И в 1863 году Вальтц — «шахтер, уроженец Германии, 53 лет», как говорится в одном из документов тех лет — отправляется в Аризону, в горы Брэдшоу. Отправляется как старатель-одиночка, на свой страх и риск.

Четыре года Вальтц провел в горах Брэдшоу, заслужив прозвище «горного отшельника». В 1868 году он перебрался в долину Солт-Ривер и зарегистрировал здесь ферму на собственное имя, расположенную на 160 акрах земли на северном берегу Солт-Ривер. Отсюда Вальтц в течение последующих восемнадцати лет ежегодно отправлялся в горы, в только одному ему известное место. По всей округе поползли слухи о том, что немцу удалось отыскать тайник с золотом, припрятанным мексиканскими старателями где-то в горном массиве Суперстайшен. Другие говорили, что Вальтц напал на сказочно богатую золотую жилу. Эти слухи обрели вполне материальное воплощение после того, как после смерти старателя под его кроватью было обнаружено настоящее сокровище…

Первым искателем «шахты Немца» стала его квартирная хозяйка, Джулия Томас. Она своими глазами видела тусклое мерцание груды желтого металла, извлеченного из-под кровати Вальтца, и это зрелище пробудило в ней неутолимую страсть к золотоискательству. Вместе с

отважной женщиной в горы отправились два немца-иммигранта — братья Рейнхарт и Херман Петраш. Напрасно проблуждав в горах несколько недель, троица вернулась ни с чем. Решив получить хоть какую-то выгоду от сокровищ своего покойного постояльца, Джулия Томас пошла на подлог: она изготовила несколько карт с обозначением на них «золотых рудников» и выгодно продала их. Этот товар не нуждался в особой рекламе: оборотистая хозяйка шепнула каждому из покупателей, что эту «единственную в мире» карту ей вручил слабеющей рукой сам Якоб Вальтц, лежа на смертном одре… Когда распродажа завершилась, Джулия Томас пожалела, что «единственных в мире карт» она изготовила явно в недостаточном количестве.

Много позже историки сошлись во мнении, что история с потерянной «шахтой Немца» начинается с Джулии Томас. В сентябре 1892 года она дала обширное интервью свободному журналисту Пьерпонту Бикнеллу, рассказав о своем удивительном постояльце и своих собственных поисках потерянной шахты, предпринятых ею совместно с братьями Петраш. Ирония судьбы! То, что не смогла сделать эта экзальтированная троица, сумели сделать другие, более опытные старатели: в ноябре 1892 года в тех местах, где побывала Джулия Томас с братьями-золотоискателями, была обнаружена богатая золотая жила «Черная Королева», а в апреле 1893 года там же была найдена не менее богатая «Шахта Мамонта», давшая в следующие три года золота в слитках приблизительно на три миллиона долларов.

Эти открытия тем не менее лишь подтвердили правоту рассказов о потерянной «шахте Немца»: ведь если в горах Суперстайшен найдено реальное золото, то почему бы не предположить, что Вальтц тоже набрел на золотую жилу и тайно от всех разрабатывал ее на протяжении двух десятилетий? Этой гипотезе ничто не противоречило. Поэтому статья Бикнелла, появившаяся в «Сан-Франциско кроникл» 13 января 1895 года, вызвала повышенный интерес: в ней со слов Джулии Томас назывались ориентиры, по которым можно было попытаться отыскать «шахту Немца»: скала «Игла Ткача» и пик Эль-Сомбреро, расположенные в восточной части горного массива Суперстайшен. Приводились в статье и загадочные слова Якоба Вальтца, сказанные им на смертном одре: «Моя шахта находится там, где никому в голову не придет искать золото… Чтобы найти ее, вы должны пройти через коровник… От моей шахты вы можете видеть тропу войны, но с тропы войны вы не можете увидеть мою шахту… Когда солнце заходит, его лучи освещают вход в мою шахту… Тропа, ведущая к шахте, имеет одну хитрость. Шахта расположена в узком каньоне, вытянувшемся на север. Тропу, ведущую к ней, закрывает высокая скала».

С тех пор как были опубликованы эти строки, тысячи старателей отправлялись на поиски «шахты Немца». Утверждают, что именно эта легенда легла в основу фильма «Золото Маккенны». Подсчитано, что за истекшее столетие 137 раз звучали утверждения, что «шахта Немца» найдена. Но она так и не найдена до сих пор. Систематически прочесать 244 квадратных мили дикого скалистого ландшафта, изрезанного каньонами, — задача не из легких. Современные геологи считают, что из-за отсутствия надежных геологических свидетельств трудно предположить, чтобы такая богатая золотая жила вообще могла существовать в этих

вулканических горах, однако не зря Вальтц говорил, что его шахта «находится там, где никому в голову не придет искать золото»…

В 1940-х годах была высказана версия, согласно которой Якоб Вальтц нашел не золотую жилу, а тайник, где было спрятано золото, добытое мексиканскими старателями в начале XIX столетия. Позже эти старатели были убиты апачами, и тайна спрятанного золота осталась нераскрытой. В пользу этой гипотезы говорит то обстоятельство, что золото, извлеченное из-под кровати Вальтца, было на удивление чистым, как будто прошло предварительную обработку. Согласно другой версии, Вальтц натолкнулся на одну из старых испанских шахт, заброшенных после событий 1680 года. И первая, и вторая версии остаются недоказанными. Как, впрочем, и версия о существовании «шахты Немца». И хотя старатели и охотники за сокровищами продолжают свои поиски в этой обширной дикой местности, строгие правила, принятые в последние десятилетия, существенно ограничили их деятельность: ровно в полночь 31 декабря 1983 года отдел сельского хозяйства министерства экономики США закрыл область гор Суперстайшен для всех видов геологоразведочных работ.

Криптограммы Бейла

…К началу 1885 года Джеймс Б. Уорд был готов признать свое поражение и отказаться от попыток разгадать таинственные криптограммы. Двадцать лет упорной работы принесли весьма ограниченные успехи, и шансов решить эту сложнейшую проблему до конца жизни у него, кажется, не было никаких. После долгих раздумий Уорд решил сделать эту известную только ему одному тайну достоянием широкой публики: вдруг кому-нибудь все же удастся добиться успеха! Так в 1855 году в Линчбурге (штат Вирджиния) вышла в свет небольшая брошюра с очень длинным названием: «Бумаги Бейла, содержащие подлинные сведения относительно сокровища, захороненного в 1819 и 1821 гг. около Буфордса в графстве Бедфорд, Вирджиния, и которое никогда не было найдено».

В этой брошюре Уорд рассказал странную историю, ставшую ему известной двадцать лет назад от некоего Роберта Морриса, владельца гостиницы в Линчбурге. В 1817 году человек по имени Томас Джефферсон Бейл во главе партии из тридцати человек — выходцев из западных штатов США — отправился в северную часть Нью-Мексико охотиться на бизонов. Где-то там Бейл и его товарищи наткнулись на богатую золотую жилу. Охота, разумеется, тут же была забыта, и охотники превратились в старателей. К 1819 году они накопили немалые запасы золота. Но что делать с ним в этой пустынной местности, где в любой момент можно столкнуться с апачами или бандитами? Согласно «Бумагам Бейла», «…вопрос переправки нашего богатства в более безопасное место обсуждался часто. Было нежелательно хранить такое большое количество золота в таком диком и неспокойном месте, где обладание им могло бы подвергнуть опасности наши жизни. Скрывать же его там было бессмысленно, поскольку под принуждением любой из нас в любое время мог указать место тайника».

В итоге старатели решили переправить золото фургоном в Вирджинию. За два рейса они сумели доставить 2921 фунт золота и 5100 фунтов серебра. До поры до времени сокровище было схоронено в

железных горшках на глубине приблизительно шесть футов ниже уровня земли, в секретном подвале, грубо выложенном камнем. Своим доверенным лицом, как говорится в «Бумагах…», группа Бейла избрала Роберта Морриса из Линчбурга. Отправляясь на запад за третьей и последней частью груза, Бейл отдал Моррису запаянную металлическую коробку и строго-настрого заказал: вскрыть эту коробку можно только спустя десять лет и лишь в том случае, если за это время никто из партии Бейла не вернется в Линчбург.

Честный Моррис безуспешно прождал старателей даже не десять лет, а целых двадцать три года. Когда окончательно стало ясно, что Бейл и его люди не вернутся никогда — вероятно, они сложили свои головы в горах Нью-Мексико, — Моррис вскрыл таинственную коробку. В ней он нашел запечатанный пакет, а в пакете — три криптограммы и письмо, кратко разъясняющее смысл этого «послания потомкам». Криптограммы содержали секретную информацию о том, где зарыта первая часть сокровища Бейла. Используя содержащиеся в сопроводительном письме ключи, Моррис должен был расшифровать эти криптограммы, отыскать сокровище и распределить золото и серебро среди прямых потомков старателей по мужской линии, ежели таковые найдутся.

Каждая криптограмма состояла из ряда чисел, насчитывавших от одной до трех цифр. Однако сколько Моррис ни тряс конверт, сколько ни перечитывал письмо, сколько ни вертел жестяную коробку — никаких обещанных ключей к шифру он не нашел. Что делать? На свой страх и риск Моррис попытался дешифровать таинственные криптограммы, но это ему не удалось. В 1863 году, приблизительно за год до своей смерти, он посвятил в тайну Джеймса Б. Уорда. И… совершенно случайно Уорду удалось разгадать тайну криптограммы № 2! Ключом к ней оказался текст Декларации независимости США, а текст криптограммы представлял собой список содержимого тайника, оставленного Бейлом и его товарищами. В такой случае две другие криптограммы, по-видимому, содержат информацию о местоположении тайника и список людей, входивших в группу Бейла, наследников которых предстоит отыскать. Однако несмотря на все попытки, Уорд так и не смог расшифровать две эти криптограммы.

В 1885 году Уорд, по его собственным словам, «решил раз и навсегда отвязаться от этого дела, и снять со своих плеч груз ответственности перед покойным г-ном Моррисом… Для этого я не нашел лучшего способа, как обнародовать тайну».

После выхода в свет брошюры Уорда множество людей пыталось расшифровать таинственные криптограммы. Большинству энтузиастов это сделать так и не удалось. Другие после многих попыток в итоге сумели получить более или менее связные тексты, но почему-то все эти варианты дешифровок кардинально разнились между собой, а попытки отыскать на их основании сокровища всякий раз приводили к плачевным результатам. Наконец, третьи, махнув на тексты рукой, попросту принялись перекапывать землю в штате Вирджиния, надеясь найти сокровище «методом тыка». Для отыскания клада Бейла использовались ясновидящие, лозоходцы, наконец, бульдозеры… Соблазн был велик: в 1982 году один журналист подсчитал, что современная стоимость сокровища может составлять 30 миллионов долларов.

В 1968 году даже была основана ассоциация «Шифр Бейла». Эта группа надеялась, объединив свои ресурсы и таланты, разрешить, наконец, загадку таинственных криптограмм. Много сил было потрачено на поиски документов, способных пролить свет на судьбу Бейла и его товарищей, и текстов, которые могли бы служить как ключи для дешифровки криптограмм № 1 и 3 подобно тому, как Декларация независимости послужила ключом для дешифровки криптограммы № 2. Усилия ассоциации в этом направлении оказались напрасными, зато совершенно неожиданно перед исследователями открылся другой путь.

Насколько достоверны «Бумаги Бейла» и кто является их истинным автором? Без ответа на этот вопрос все дальнейшие поиски не имеют смысла. Исследователи искали следы Томаса Джефферсона Бейла в архивах, но не нашли никаких подтверждений тому, что человек с таким именем существовал в Вирджинии в начале XIX столетия. Также нет никаких документов, подтверждающих факт ухода в конце 1810-х годов партии охотников или старателей из Вирджинии на запад — в Нью-Мексико или Калифорнию. Наконец, установлено, что оригинала «Бумаг Бейла» — то есть подлинных текстов криптограмм и сопроводительного письма к ним — не существует. Еще в 1880-х годах Уорд сообщил, что они якобы погибли в пожаре. Резонно напрашивается вопрос: а не является ли вся эта история мистификацией?

Исследователи обратили внимание на ряд мелких погрешностей, содержащихся в брошюре Уорда: несоответствие дат, наличие неологизмов, не характерных для языка, на котором говорили в Америке 1820-х годов, несовпадение названий… Например, в письме Бейла, традиционно датируемом 1822 годом, в описании бегущего стада бизонов употреблено слово «stampede» — «паническое бегство». Однако это слово (от испанского «estampida») вошло в лексикон американцев не ранее 1844 года, двадцатью двумя годами позже.

Если «Бумаги Бейла» — мистификация, то кто мог быть ее автором? Очевидно, сам Бейл (если он существовал), Моррис и Уорд. Именно на последнего указывают большинство скептиков. Лексический анализ текста брошюры, изданной Уордом, показал, что все тексты в ней (включая тексты «писем Бейла») написаны скорее всего одним-единственным человеком, наиболее вероятно — Уордом. Причем в отличие от Бейла, историчность фигуры Уорда не вызывает никаких сомнений.

Чем вдохновлялся Уорд, сочиняя эту историю? Некоторые исследователи указывают на повесть Эдгара По «Золотой жук», где присутствуют сходные детали сюжета. Другим источником могла послужить легенда, бытующая в штате Кентукки: она рассказывает о человеке фамилии Свифт, обнаружившем серебряную шахту, и эта шахта до сих пор считается потерянной.

Но если «Бумаги Бейла» — всего-навсего вымысел, то что содержат две нерасшифрованные криптограммы? Или они просто представляют собой случайный набор чисел? Однако компьютерный анализ криптограмм, проведенный В 1971 году, показал, что между числами имеются циклические соответствия, которые нельзя считать случайными, и что в обоих случаях криптограммы представляют собой текст, кодированный тем

же самым способом, что и криптограмма № 2. Только ключ (или ключи) к этому шифру следует искать не в Декларации независимости, а в каких-то других текстах…

О чем могут поведать нам нерасшифрованные сообщения? Рассказать о месте, где зарыто сокровище? Или… подтвердить, что вся эта история является досужей выдумкой Уорда? Мы не узнаем этого до тех пор, пока кто-нибудь не расшифрует, наконец, загадочные «криптограммы Бейла».

ЗАГАДКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Загадка «золотого чемодана»

В сентябре 1941 года, спасая наиболее важные экспонаты и документы от фашистов, директор Керченского историко-археологического музея Ю. Марти и инструктор горкома Ф. Иваненкова вывезли 19 ящиков, в числе которых был их чемодан со всем золотым запасом музея, в Армавир. Однако летом 1942 года война докатилась и до Кубани. Фашисты подступали к городу, поэтому было решено переправить «золотой чемодан» в более отдаленную часть Кубани — в станицу Спокойную, где ценности были переданы в местное отделение Госбанка. 27 августа 1942 года управляющий Спокойненским отделением Госбанка Я. Лобода сдал на хранение в штаб Спокойненского партизанского отряда так называемый «золотой чемодан» с ценностями Керченского музея. На этом все достоверные сведения о дальнейшей судьбе сокровищ Керченского музея обрывались. «Золотой чемодан» загадочным образом бесследно исчез. Лишь сегодня благодаря исследователю этой загадочной истории Андрею Адерехину мы имеем возможность рассказать, что произошло дальше.

Какие ценности находились в «золотом чемодане»? Из официальной описи предметов следует, что они были аккуратно рассортированы по 15 коробкам: византийские монеты червонного золота; золотые боспорские монеты греческого и римского времени; золотые подвески — в виде грифона, с изображением конного и пешего скифов, головок бычков, львенка… Всего в «золотом чемодане» было около 800 предметов, историческую и художественную ценность которых деньгами не измерить…

13 сентября отряд начал поход из Спокойненских лесов к перевалу. 17 сентября партизаны остановились на стоянку для перестройки повозок. Здесь и обнаружилась пропажа чемодана.

Остановка для перестройки повозок произошла у подножия горы Беден. В архивных материалах сохранился рассказ бойца отряда Н. Черноголового о том, как была обнаружена пропажа «золотого чемодана»:

«…Бывший боец отряда Магдычев Григорий Иванович на привале под горой Большой Беден погнал в яр поить закрепленных за Ним пару волов. И там, в яру, обнаружил раскрытый чемодан, пустой, с остатками некоторых вещей, не представляющих никакой ценности и названия которых никому не известны. Так, например, он из яру принес металлическую вещь — зигзагообразную, цвета бронзы, весом граммов 700–800. И кому-то из бойцов показал ее и сказал, где он ее взял…» Дошло до Смирнова, командира отряда, приказавшего обыскать Магдычева и изъять у него «зигзагообразную вещь». Других людей Смирнов обыскивать не разрешил, убеждая всех, что чемодан с ценностями похитил Магдычев.

Как вспоминал Н. Черноголовый, расследование на том было закончено, а Смирнов возненавидел Магдычева, создавая ему невыносимые условия для пребывания в отряде. Позже Магдычева расстреляли фашисты…

Трудно понять ненависть Смирнова, который вообще-то должен был провести в отряде нормальное расследование. Ведь предметы из «золотого чемодана» буквально замелькали в руках партизан. Вот лишь некоторые из собранных уже в основном в 1944 году свидетельств.

М. Шульженко, медсестра партизанского отряда: «…Примерно 17 сентября 1942 года мы увидели, что по дороге валялось много ярлыков какого-то исторического музея. Мы посчитали, что его эвакуировали и разбиты ценности, но их мы не находили. Я только нашла золоченый крест, облепленный красной медью, а в середине стекло… Я не помню сейчас, куда его дела».

Боец Н. Сысоев: «В сентябре 1942 года во время ремонта повозки я нашел две маленькие монеты исторической давности. На одной монете выгравирована какая-то голова… Я их долго носил в кармане, а затем где-то потерял».

Следует прямо сказать, не тревожа памяти павших и памяти оставшихся в живых партизан Спокойненского отряда, в абсолютном большинстве своем (всего в отряде было 110 человек) ушедших в леса воевать, а не отсиживаться, что причиной многих их бед было то, что командовать ими взялись местные партийные и советские «князьки», думавшие только о себе. 18 марта 1943 года, когда немцы уже были изгнаны, бывший комиссар партизанского отряда, а теперь уже 1-й секретарь Спокойненского РК ВКП(б) И. Мальков и бывший замначальника снабжения отряда, ставший председателем Спокойненского райисполкома, М. Федоров оставили уникальный акт. В нем они как очевидцы свидетельствовали о том, что все ценности и документы отделения Госбанка, в том числе «золотой чемодан» и 40 тысяч рублей, были сожжены в лесу «вследствие невозможности эвакуировать… т. к. путь следования был перерезан вражескими войсками».

Расследование этого и других фактов началось лишь в сентябре 1943 года. Довольно быстро выяснилась фиктивность акта. Так, один из очевидцев показал, что при роспуске отряда были сожжены только банковские документы и марки, а вот «золотой чемодан» и деньги не уничтожались. В июле 1943 года Федоров обратился к главбуху отделения Госбанка с просьбой заменить большую сумму денег, которые якобы промокли в кармане и пришли в негодность. При обмене оказалось, что эти деньги из числа тех самых 40 000 рублей, которые были сданы на хранение в отряд и потом «сожжены»…

Началом проявления интересов органов госбезопасности к «золотому чемодану» можно считать сентябрь 1943 года, когда «разрабатывалась» бывший кассир партизанского отряда И. Гульницкая, 1905 года рождения. Однако интерес этот был косвенным. Гульницкая прежде всего подозревалась в измене Родине, пособничестве оккупантам. 29 марта 1944 года она была арестована, но 30 октября того же года освобождена из-под стражи, поскольку выдвинутое обвинение доказано не было.

Немного о судьбах других партизан. Н. Смирнов был пойман полицией и расстрелян. Погиб от рук фашистов управляющий Спокойненским отделением Госбанка Я. Лобода, погибли и многие партизаны отряда. И. Мальков был снят с должности 1-го секретаря Спокойненского РК ВКП(б) и позже работал директором свиноводческого совхоза в Ленинградской районе Кубани. М. Федоров скорее всего тоже был отстранен от должности, но что с ним случилось дальше, выяснить не удалось…

2 января 1944 года инспектор А. Щербатюк обращается к наркому просвещения Крымской АССР Гавриленко с запиской, в которой жалуется на пассивность кубанцев в поисках пропавших музейных ценностей. «Председатель Армгоррайисполкома т. Малых очень пристрастно относится ко всей этой истории с чемоданом, он, например, старался меня убедить, что это мелочь, у вас пропал весь Крым, у меня Армавир, а вы будете морочить голову и разыскивать какой-то чемодан…» Тем не менее кое-какие усилия по поиску пропавших сокровищ по свежим следам все же предпринимались. Органы госбезопасности Кубани разослали по ряду регионов ориентировки с копиями описи содержимого «золотогочемодана».

Однако ни в те времена, ни за все минувшие годы ни один предмет из сокровищ Керченского музея так и не «всплыл» ни в нашей стране, ни за рубежом. Историческая и художественная ценность этих раритетов столь очевидна и многократно описана в мире, что полная «тишина» оставляет надежды — основная часть содержимого «золотого чемодана» до сих пор где-то спрятана…

От всего чемодана пока остались 2 монеты, найденные при обыске у Гульницкой. Экспертная комиссия установила, что обе монеты были чеканены в античном городе Пантикапее (располагавшемся на месте нынешней Керчи) и могли принадлежать Керченскому музею. По мнению Гульницкой, ценности Керченского музея были похищены командованием Спокойненского партизанского отряда. Действительно, вся совокупность фактов четко свидетельствует о том, что «золотой чемодан» был действительно разграблен в самом партизанском отряде. Грабитель или грабители, вероятно, закопали основную часть похищенного в лесу (продолжать переход в отряде с ценностями было опасно) где-то близ горы Беден, рассчитывая вернуться за сокровищами. Но впоследствии вор или воры, возможно, оказались убиты или арестованы, и так и не смогли вернуться за похищенным…

В пользу такой версии развития обстоятельств говорят и некоторые события уже наших дней. В 1991 году управление КГБ по Краснодарскому краю получило данные о том, что в Санкт-Петербурге, возможно, проживают дети комиссара одного из партизанских отрядов Армавирского куста Соколова Николая Петровича, который погиб в бою при выходе из окружения. Уже после войны вдова Соколова (имя ее неизвестно) приезжала из Ленинграда с двумя сыновьями, одного из которых зовут Виктором, на место гибели мужа. Вдове передали вещи погибшего, среди которых была и карта с нанесенными отметками партизанских баз-тайников… Увы, но в ответе из Санкт-Петербурга сообщалось, что, по данным центрального адресного бюро, Соколов Николай Петрович или Соколов Виктор Николаевич не значатся прописанными или уехавшими из

города. Скорее всего, имена, сообщенные из Краснодара, оказались неточны. Но, как бы то ни было, нельзя исключить вероятность того, что основная часть «золотого чемодана» все же попала в один из партизанских тайников.

Что таится на дне озера Топлиц?

Австрия по праву считается Меккой европейского туризма. Она соперничает в этом отношении с Францией, Италией и Испанией, притягивая к себе массу путешественников, жаждущих познакомиться с горными пейзажами этой страны, ее городами с богатым историческим прошлым, памятниками архитектуры. Живописный район Зальцкаммергут привлекает определенную категорию «туристов». Речь идет о довольно необычных визитерах: это все больше бодрые весельчаки крепкого сложения, которых влекут на путь приключений всяческие загадки, тайные общества и секретные экспедиции. Целью этих людей является горное озеро Топлиц, расположенное между горными вершинами высотой от 2000 до 3000 метров в 15 километрах к северо-востоку от курорта Бад-Аусзее. Его темные и глубокие воды завораживают, не давая покоя вот уже не одному поколению авантюристов. Это озеро укрывает, как говорят, одно из самых значительных из известных в мире сокровищ, вокруг которого тесно переплелись война, политика и оккультизм…

Эта легенда о нем берет свое начало в последних днях Второй мировой. Отступившие на юг, в горные районы Австрии, гитлеровские войска контролировали лишь небольшие участки территории, а нацистские главари тем временем принимали меры для спасения богатств рейха. Этот озерный край, окруженный труднопреодолимыми отвесными скалами, стал последним прибежищем многих высокопоставленных эсэсовцев. В первые майские дни 1945 года здесь скрывались Эрнст Кальтенбруннер — шеф Главного управления имперской безопасности, и начальник еврейского отдела РСХА Адольф Эйхман. Историки до сих пор точно не знают, сколько золота, денег и тайных бумаг они привезли с собой в багаже и какая часть этих сокровищ была опущена в ящиках на дно Топлицзее…

Район Аусзее стал одним из последних бастионов германского сопротивления; именно вокруг этого города, по замыслу нацистов, должны были быть оборудованы основные тайники для сокрытия сокровищ Третьего рейха. Еще в конце 1944 года фюрер сделал такое пророческое признание своим наиболее доверенным лицам:

«В конце концов мы будем побеждены. Англия отказывается от перемирия. Черчилль будет нести главную ответственность перед будущими поколениями за разгром Запада. В будущей войне Европа будет уничтожена за один день; если наш народ уцелеет, ему нужно будет восстановить свет цивилизации и объединить западную элиту. Я хочу оставить богатое наследство для будущего великого рейха».

В соответствии с пожеланиями Гитлера была разработана обширная программа, согласно которой значительная часть богатств Третьего рейха должна была быть укрыта в надежных местах. Продвижение союзников было стремительным, и действовать необходимо было быстро. В апреле 1945 года, всего за несколько дней до окончательного разгрома гитлеровцев, около тысячи грузовиков, предназначенных для транспортировки награбленных богатств, именуемых «национальным

достоянием», направились к секретным местам назначения…

В какую сумму можно оценить сокровища Третьего рейха? По самым приблизительным подсчетам, на конец войны их размер мог составлять около 500 миллиардов золотых франков, из них половина — в виде вкладов в Германском банке, вторая половина — в виде драгоценностей, слитков драгоценных металлов, драгоценных камней и награбленных предметов культа и роскоши, и, наконец, значительного количества произведений искусства. Часть спрятанных гитлеровцами сокровищ не обнаружена до сих пор. Но то, что было найдено и возвращено после войны, позволяет представить их значимость.

В мае 1945 года из самого крупного тайника в Альт-Аусзее со дна соляной шахты было извлечено сокровищ на сто миллиардов марок. Добавим к этому сокровища главы секретных служб Кальтенбруннера, закопанные в саду виллы Керри и оцененные в миллиард марок. Следует также упомянуть самое ценное собрание произведений искусства, обнаруженное в замке Нойшванштайн в Фуссене, включающее в себя картины из французских коллекций Ротшильда и Штерна: полотна художников-примитивистов, одно полотно Фрагонара, одна картина Броуэра, произведения Шардена и других знаменитых художников; сокровища из Кенигзее в окрестностях Берхтесгадена (Верхняя Бавария); сто тонн золота, спрятанные в соляной шахте Мекерс юго-западнее Готы; сокровища барона Гельмута фон Гиммеля, лейтенанта, служащего при Мартине Бормане, загадочным образом оказавшиеся в подвалах архиепископского дворца в Зальцбурге в 1946 году…

К этим открытиям надлежит добавить и то, которое было сделано в зацементированных подвалах замка Фельденштайн близ Нюрнберга, куда маршал Геринг спрятал свои личные богатства: 36 массивных золотых подсвечников, серебряную ванну, живописные полотна знаменитых художников, ящики старинного коньяка…

В 1945 году американская разведка арестовала вызвавшего у нее подозрения немца и нашла у него следующий перечень, который был снабжен пометками генерала СС Фрелиха и подписан им:

«166 250 000 швейцарских франков
299 018 300 в американских банкнотах
31 351 250 000 в слитках золота
2 949 100 в бриллиантах
93 450 000 в коллекционных марках и предметах искусства
5 425 000 000 в наркотиках».

В какой валюте зашифрованы эти миллиарды и миллионы — в марках, фунтах, долларах или франках? Никто этого не знает. В то же время известно, что 19 миллиардов франков были зарыты на альпийских лугах в Блаа-Альме Адольфом Эйхманом, который в 1960 году был захвачен израильтянами, приговорен к смерти и казнен. Известно и то, что два больших чемодана с золотом были зарыты в 1945 году под контролем шефа СС Савада на гумне в Фестено, деревушке, находящейся недалеко от Фуши. Полагают, что где-то здесь в скотобойне под бетонным полом скрыт тайник, содержащий валюту и драгоценности бывшего министра иностранных дел Риббентропа. Но основные тайники рассеяны в горах, близ Гаштайна, Зальцбурга и особенно в Зальцкаммергуте, где находится

озеро Топлиц…

В 1945 году «тысячелетний» рейх рухнул. И на поиски спрятанных нацистами сокровищ ринулись толпы кладоискателей, среди которых было немало бывших солдат и офицеров вермахта. Пресса подогревала ажиотаж: так, в одной из газет был опубликован рассказ бывшего лейтенанта по имени Франц Готтлих, участвовавшего в операциях по сокрытию сокровищ, который впервые сообщил о сокровищах, спрятанных нацистами близ озера Топлиц.

«Русские заключенные зарыли у озера 30 ящиков, наполненных золотом, редкими драгоценными камнями и предметами роскоши… Я знаю это, потому что был там».

Спустя всего несколько дней после своего признания Готтлих исчез при загадочных обстоятельствах. А его брат, взявшийся за расследование дела, получил таинственное послание, в котором ему без обиняков рекомендовалось прекратить ворошить эту историю…

В июле и августе 1959 года на озере Топлиц работала американская экспедиция. При содействии ФБР и при помощи команды немецких специалистов, оснащенных великолепной техникой — ультразвуковыми зондами и телекамерами, американцы принялись методично обследовать дно озера. Несмотря на толстый слой ила, затрудняющий работы, на глубине 70–80 метров им удалось обнаружить 16 ящиков. Радость открытия, к сожалению, сразу же сменилась удивлением и разочарованием: в большей части ящиков лежали лишь кипы фальшивых денежных знаков… Там было десять миллиардов франков! Мастерски сфабрикованные на эсэсовском спецпредприятии «Унтернемен Бернхардт» опытными фальшивомонетчиками, доставленными из всех немецких тюрем, эти фальшивые банкноты были главным козырем в так называемой «операции Бернхардта», ставящей своей целью разрушить экономику союзников.

Такое огромное количество фальшивых денег не было бы столь обескураживающим для исследователей, если бы не существовало свидетельства австрийского участника Сопротивления Альбрехта Гайсвинклера, который во время войны действовал в этом районе и который утверждал, что в озере находятся настоящие слитки драгоценных металлов.

Четыре года спустя австрийское министерство внутренних дел направило в район озера новую группу водолазов, и те подняли со дна еще несколько ящиков, в которых, согласно официальному сообщению, тоже находились фальшивые ассигнации, но каких-либо архивов с материалами и документами не было. Однако в том же 1963 году Симон Визенталь направил письмо главе австрийского МВД, в котором выразил уверенность, «что в Топлицзее находятся документы, сообщающие о перемещении германских капиталов, включая так называемый список держателей вкладов». По словам Визенталя, эти капиталы предназначались для строительства «четвертого рейха».

Попытки отыскать сокровища на дне озера Топлиц продолжались. 6 октября 1963 года во время этих поисков погиб 19-летний немец Альфред Эгнер, специалист по подводному плаванию. Эгнер был не первой жертвой проклятого сокровища: до него в водах Топлица или в его окрестностях

погибла добрая дюжина искателей приключений…

…Поздней осенью 1999 года в уединенное кафе на берегу озера Топлиц вошел мужчина лет 45. Он говорил по-английски и представился тренером по кикбоксингу. Поинтересовавшись, можно ли тренироваться рядом на лесной опушке, и получив утвердительный ответ, он удалился.

Хозяин кафе Альбрехт Сиен уже давно ничему не удивлялся. Все послевоенные годы к альпийскому озеру приезжали и приезжают любопытные иностранцы. Чего они тут только не находили: мины, ржавые авиабомбы… Ореол тайны, витавшей над озером, привлекал искателей приключений и… кормил владельца прибрежного кафе.

Вскоре выяснилось, что «тренер по кикбоксингу» на самом деле хочет заняться поисками нацистских документов, якобы лежащих на дне озера. Вслед за ним должна была прибыть группа водолазов для осмотра дна озера, глубина которого достигает 103 метров. Спонсорами экспедиции были названы американская телекомпания Си-би-эс и Лос-Анджелесский центр Симона Визенталя. Их цель — поиск материалов и документов времен Второй мировой войны.

Представитель Си-би-эс в этом проекте Билл Оуэнс («тренер по кикбоксингу») полагал, что шансы на успех составляют «пятьдесят на пятьдесят». Однако большинство австрийских журналистов были уверены в том, что американцы со своим проектом немного опоздали. Еще недавно в близлежащем городке Альт-Аусзее жил тот, кто мог бы им точно сказать, имеют ли смысл их поиски или нет: бывший оберштурмбаннфюрер СС Вильгельм Хеттль. Он находился рядом с Эрнстом Кальтенбруннером в конце войны и встречался с Эйхманом еще до того, как тот ушел в подполье. Незадолго до смерти Хеттль сказал, что после него здесь не останется никого из прежде многочисленной общины эсэсовских ветеранов, переживших войну. Когда же речь заходила о «сумасшедших кладоискателях», верящих в то, что в Топлицзее есть нечто более существенное, чем рыба и фальшивые деньги, Хеттль лишь презрительно улыбался.

Тем не менее, если на дне озера действительно обнаружатся новые документы, которые помогут найти награбленное эсэсовцами золото, то этот успех будет очень кстати, так как Центр Визенталя опубликовал недавно имена 50 тысяч жертв нацистских преследований в Австрии и предложил им подать судебные иски с требованием выплаты компенсаций. Кроме того, он потребовал от Швейцарии раскрыть номера 1600 банковских счетов, через которые нацисты оприходовали награбленное. А время не терпит: люди, пережившие войну, уже состарились.

Но главное, вероятно, находится в другом месте: тайники, содержащие сотни миллиардов золотых франков, могут быть обнаружены в окрестностях маленького городка Аусзее, который географически находится примерно в 60 километрах по прямой линии от Зальцбурга к юго-западу от двух горных озер и который пересекает небольшая речушка, приток Трауна…

«Золото Бреслау»

Январь 1945 года. Столица Нижней Силезии Вроцлав (нем. Бреслау) лихорадочно готовится к обороне. Красная армия, прорвав немецкий фронт на Висле, шла на запад со скоростью урагана. В коридорах вроцлавских

банков, административных зданий, армейских штабов и полицейских управлений день и ночь идет спешная подготовка к эвакуации. В водонепроницаемые ящики пакуются банковские депозиты, ценные бумаги, произведения искусства, музейные собрания, техническая документация, партийные, полицейские, армейские документы, разведывательные материалы. Большинство функционеров Третьего рейха уже ясно понимало, что конец не за горами. Только немногочисленные фанатики верили в бредни Гитлера о «чудо-оружии» — «Wunderwaffe» — и в битву до победного конца. Реалисты мыслили более рационально: часть ящиков следует эвакуировать в Германию, а остальные надежно укрыть на территории Нижней Силезии. Если русские что-то и найдут, все равно все сокровища им не достанутся. Транспорт для эвакуации есть, рабочей силы — узников концлагерей — более чем достаточно. Единственная проблема — быстрые темпы советского наступления.

Поздним январским вечером колонна грузовиков, нагруженных ящиками без маркировки, двинулась в направлении железнодорожных пакгаузов. Здесь, на дальних путях товарной станции Бреслау, ее уже ждала партия пленных, согнанных из лагерей, которые под охраной полицейских и надзором нескольких офицеров быстро перегрузили ящики в железнодорожное вагоны. Поезд двинулся на юго-запад и спустя два часа остановился в тупике на станции Мирославицы, где его ожидала другая команда военнопленных под охраной эсэсовцев. Здесь ящики были перегружены на грузовики. После окончания перегрузки колонна двинулась на юго-запад, в направлении горного массива Судет. Помимо узников и охраны ее сопровождала группа высших офицеров СС и СД, а также несколько офицеров инженерных войск. Эти последние неслучайно оказались в составе конвоя: все без исключения они были саперами.

Автоколонна углубилась в лес. После многочасовой езды в темноте, по бездорожью, машины остановились на поляне, плотно оцепленной отрядом эсэсовцев. Неподалеку в склоне горы темнел въезд в широкую штольню, где мог свободно уместиться большой грузовик. Повинуясь командам регулировщиков, автомобили один за одним начали уходить вглубь темного коридора. Технические специалисты обеспечили грузовики всем необходимым так, как будто они предназначались для гаражного хранения: бензобаки заполнены до отказа, машины в любую минуту готовы к выезду. Теперь к работе приступают минеры. Они закладывают целую сеть зарядов, каждый из которых рассчитан на неустранимость. Только лицо посвященное может разминировать это минное поле. Чужой сапер или случайный искатель сокровищ, задев взрыватель, мгновенно уничтожит всю штольню вместе с укрытыми в ней грузовиками.

Пока минеры возятся в глубине штольни с зарядами, на поверхности звучат несколько торопливых, коротких очередей из пулемета — это эсэсовцы кончают узников концлагеря, работавших над устройством штольни. Вторая группа минеров завершает подготовку зарядов снаружи, чтобы взрывами завалить вход в подземелье. Всю работу должны закончить специалисты по маскировке. Солдаты группами отправляются к дороге, где их должны подобрать грузовики, идущие во Вроцлав: фронт приближается очень быстро, на счету каждый человек с ружьем…

Спустя несколько лет после войны тщательные поиски, проведенные в лагерях для немецких военнопленных, не дадут никаких результатов: ни один из солдат, участвовавших в укрывании таинственных ящиков, так никогда и не был найден живым. Может быть, все они полегли в боях за Бреслау? А может быть… почили в безымянных братских могилах, расстрелянные своими «камрадами» из СС? Как бы то ни было, организаторы этой акции достигли своей цели: легендарное «золото Бреслау» до сих пор принадлежит к числу величайших загадок Третьего рейха…

Что такое «золото Бреслау»? Под этим общим названием понимается достояние немецких государственных учреждений и населения Нижней Силезии, собранное, согласно изданному в 1944 году распоряжению министерства финансов Германий, для хранения в бункерах «крепости Бреслау», а затем вывезенное в неизвестном направлении. Часть этих сокровищ попала в руки польских властей и частей Красной армии. Другая часть не найдена до сих пор. Время от времени в Польше, Германии и других странах объявлялись оставшиеся в живых свидетели тех событий — одним из них, например, был расстрелянный эсэсовцами саперный офицер, который, однако, не только выжил, но и дал кое-какие показания. Однако эти свидетели вскоре либо исчезали или умирали при не вполне ясных обстоятельствах, либо умолкали и отказывались от своих показаний, словно бы кем-то устрашенные. Большей частью эти люди являлись бывшими офицерами или чиновниками, которым по долгу службы приходилось прямо или косвенно участвовать в акциях по укрытию «золота Бреслау». Полученная от них информация противоречива, большая ее часть не подтверждается, так что все наиболее интригующие вопросы остаются без ответа…

Но почему именно Нижняя Силезия была избрана местом укрытия сокровищ Третьего рейха?

Территория Силезии находилась в составе Пруссии со времен III раздела Речи Посполитой (1795 г.). По условиям Версальского договора Верхняя Силезия, известная своими угольными копями, вернулась в состав Польши… Нижняя Силезия осталась в составе Германии. Основным населением этого региона были немцы, преданные идеям нацизма, готовые защищать «немецкость» своей земли. На протяжении почти 150 лет все отрасли здешней промышленности, предприятия и шахты оставались в руках немецких предпринимателей. До 1945 года богатые семейства Нижней Силезии накопили огромные сокровища, собранные в стенах многочисленных дворцов и замков. Этот регион служил родным домом для многих известнейших аристократических фамилий, подчас связанных родством с правящими монархическими династиями Европы. В годы Второй мировой войны богатства, накопленные на протяжении трех поколений, увеличились за счет «трофеев», вывезенных немцами из оккупированных стран. Нижняя Силезия стала настоящей сокровищницей Третьего рейха.

В 1944 году, когда стало ясно, что судьба войны предрешена, немцы озаботились дальнейшей судьбой этих сокровищ. Считалось весьма вероятным, что будущий мирный договор будет подписан приблизительно на тех же условиях, как это имело место после Первой мировой войны. Подписанный в 1919 году Версальский договор налагал на Германию

высокую контрибуцию, но не покушался на богатства, находившиеся в руках частных лиц. Это положение, кстати, защищала Гаагская конвенция 1907 года. Ничто не указывало на то, что Германия утратит Нижнесилезский регион. Разведка доносила, что, согласно решениям «Большой тройки» в Тегеране и Ялте, послевоенная граница Германии пройдет по Одеру (польск. Одре) и Нейсе (польск. Нысе). В германских правящих кругах считалось, что речь в этих документах идет о верхнем течении Одера и его левом притоке Нысе-Клодзкой, делящем Силезию на Верхнюю и Нижнюю. Однако, к отчаянию немцев, оказалось, что в реальности в соглашениях говорится о Нысе-Лужицкой — левом притоке Одера, расположенном… в 200 км к западу!

Именно в этом географическом недоразумении следует искать ответ на вопрос: почему именно в Нижней Силезии была укрыта значительная часть сокровищ Третьего рейха. Вплоть до капитуляции Германии считалось, что эти клады благополучно переживут наступление Красной армии и после окончания военных действий вернутся к своим хозяевам. Подтверждением тому служит факт, что большая часть сокровищ, реквизированных польскими властями после войны, даже не была как следует укрыта. Целые собрания произведений искусства находили в подвалах церквей, замков, дворцов, в бункерах и заброшенных штольнях. Похоже, их владельцы стремились не спрятать свои сокровища поглубже, а лишь максимально обезопасить их от военных действий. Владельцы нижнесилезских богатств, убегая от надвигавшихся «орд с Востока», не забывали оставить своим слугам и доверенным лицам точные и подробные указания, связанные с опекой над оставшимся имуществом. Однако в ту минуту, когда Германия подписала акт капитуляции и оказалось, что граница Польши отныне проходит по Нысе-Лужицкой, судьба нижнесилезских богатств была решена. Согласно одному из первых распоряжений Временного правительства народной Польши, они были объявлены собственностью государства.

Другим обстоятельством, связанным с превращением Нижней Силезии в «сокровищницу Третьего рейха», стал факт быстрого приближения фронта. Немцы оказались не готовы к такому обороту дел: ведь всего за несколько месяцев до этого линия фронта пролегала в глубине территории СССР. Быстро приготовить надежные убежища оказалось достаточно трудным делом, зато эвакуация произведений искусства вглубь Германии давала возможность и время решить их дальнейшую судьбу. Такое мнение высказал нижнесилезский музейный хранитель и реставратор Гюнтер Грундманн, что, однако, не понравилось властям. Грундманна объявили «пораженцем» и отправили на строительство укреплений. Только в конце 1944 года, в связи с быстрым наступлением советских войск, было решено приступить к эвакуации и укрытию сокровищ, однако во многих случаях оказалось, что это невозможно в связи с нехваткой транспорта и времени. Возглавить эту работу было поручено Гюнтеру Грундманну, о чем он и рассказывает в своих записках.

Перед Грундманном стояла почти непосильная задача по спасению и сохранению ценных художественных, музыкальных, научных, этнографических коллекций, происходящих из силезских музеев, научных

институтов, театров, архивов, церквей и частных собраний. Кроме того, в 1944 году гитлеровские власти, опасаясь авианалетов союзников на Берлин, отправили часть ценностей из Берлина в Силезию, поэтому среди силезских собраний оказались и ряд ценнейших берлинских коллекций. Наряду с этим во Вроцлаве были собраны произведения искусства, награбленные немцами в польский музеях, галереях и костелах. Наконец, предстояло спрятать в тайниках депозиты силезских банков, документы гестапо и СС, техническую документацию и т. п. Последним занимались в основном чины СС и абвера, но в силу обстоятельств Грундманну приходилось взаимодействовать и с ними.

Музейному хранителю удалось организовать на территории Нижней Силезии ни много ни мало — около 80 тайников. Большинство из них располагалось в частных имениях и замках, другие — в выработанных штольнях в предгорьях Судет. Летом 1945 года польские власти на основании документов, обнаруженных в канцелярии Грундманна, сумели обнаружить все эти тайники, однако извлеченные из них произведения искусства составили лишь часть «сокровищ Бреслау». Где находится сегодня золото силезских банков? Где спрятаны сокровища СС? Ответы на эти вопросы до сих пор остаются открытыми…

Предвоенный Вроцлав был крупным оживленным городом. Начавшаяся в 1939 году Вторая мировая война внесла в его облик множество изменений: началось строительство новых фабрик и объектов, с ними связанных, строительство новых укреплений и перестройка старых и т. д. Всю документацию, связанную с подземными и тайными объектами, строившимися для нужд VII военного округа и Нижнесилезского округа люфтваффе, разрабатывала и хранила строительная инспекция СС «Ост», штаб-квартира которой располагалась во Вроцлаве. Ее деятельность до сих пор окутана легендами. Рассказывают о том, что на рубеже 1930–1940-х годов под Вроцлавом был выстроен второй город, состоящий из подземных фабрик, многоярусных складов, подземных госпиталей, бункеров и густой сети туннелей, приспособленных даже для железнодорожного сообщения. Именно с этим обстоятельством связано второе, неофициальное название города: «Festung Breslau» — «крепости Бреслау» — и то необыкновенно упорное сопротивление, которое немцы оказали частям Красной армии. Оборона Бреслау стала символом гитлеровской «тотальной войны». Ожесточенные бои за город велись на протяжении 80 суток. Когда сражения уже шли на улицах Берлина, Вроцлав, оставшийся в глубоком тылу советских войск, еще продолжал оказывать ожесточенное сопротивление! Гарнизон «крепости Бреслау» сложил оружие только 6 мая 1945 года — за два дня до капитуляции Германии.

Столица Нижней Силезии была досконально подготовлена к обороне. Ее многочисленный гарнизон состоял из отборный частей, усиленных двумя полками парашютистов. Вокруг города была сооружена линия железобетонных огневых точек и целая система полевых укреплений, противотанковых рвов, минных полей. Для гражданского населения во дворах, парках и подвалах были устроены бомбоубежища и укрытия, многие из которых сохранились до наших дней. Кроме того, в городе были собраны огромные материально-технические ресурсы, а самое главное — имелась постоянная возможность производить военную

продукцию. Где хранились эти запасы, где производилась продукция? Как утверждают легенды — в огромных подземельях «второго города», большая часть которых не найдена до сих пор. Не исключено, что именно там спрятано и «золото Бреслау»…

Что скрывают эти подземелья и существуют ли они вообще? В попытках разгадать эту тайну энтузиасты потратили немало времени и сил. Переломным оказался 1992 год, когда было открыто подземелье под Главным вокзалом. Об этом подземелье известно было давно: легенды утверждали, что оно имело три уровня и соединялось с целой системой подземных железнодорожных коммуникаций — своеобразным «метро». Обнаружить удалось только один уровень, состоящий из главного коридора и серии боковых помещений, в каждом из которых могло поместиться от 30 до 50 человек. Попадали в главный коридор по лестнице, ведущей из зала ожидания вокзала, или непосредственно с площади, расположенной перед вокзалом. Всего в этом подземелье могло укрыться около 1000 человек, однако это число кажется слишком малым — принимая во внимание то, что вроцлавский вокзал являлся крупным железнодорожным узлом и здесь всегда скапливалось много людей. К этому стоит добавить жителей окрестных домов и железнодорожников. Может быть, под вокзалом действительно есть еще два уровня, пока не обнаруженных? Ведь рассказывают же легенды о подземных железнодорожных путях, перронах, складах… Впрочем, такое гигантское строительство было бы очень трудно сохранить в тайне.

Другим объектом, привлекающим внимание искателей сокровищ Третьего рейха, является подземный госпиталь в районе Грюнвальдского дворца. Известно, что на этом месте в дни осады Бреслау располагался полевой аэродром, построенный уже во время боев за город. Где-то под этим аэродромом якобы скрывался подземный госпиталь на несколько сот коек, вместе со всей материально-технической и лечебной базой. Сообщения некоторых свидетелей указывают на существование подобного объекта, но память, как известно, ненадежна. Правда, кажется странным, что во время строительства Грюнвальдского дворца никаких следов подземного госпиталя не было обнаружено. И насколько разумно было размещать госпиталь под полевым аэродромом или в его окрестностях? Однако в 1947 году польским властям удалось отыскать в Щецине бывшего коменданта подземного объекта под Грюнвальдским дворцом, который дал устные показания о его местонахождении, вместимости (он имел два уровня), входах и въездах. В последние дни осады лифтовые шахты, ведущие в госпиталь, были взорваны, так что эвакуировать оттуда удалось только легкораненых. Этот комендант обещал все показать на месте, и его должны были доставить во Вроцлав, но в последний момент он был убит неизвестными.

Обширное подземелье существовало между Центральным универмагом и Оперой. В сентябре 1945 года в этом районе был обстрелян патруль милиции, однако погоня не смогла выйти на след стрелявших — они как сквозь землю провалились. Зато был найден вход в обширное подземелье, оснащенное электрогенераторами, с водо- и газонепроницаемыми бронированными дверями, большими запасами продовольствия, кухней и даже с подземной пекарней. Позже по

распоряжению военных это подземелье было засыпано. Очевидно, оно служило убежищем членам «вервольфа» — глубоко законспирированной террористической организации, оставленной гитлеровцами на территории, занятой союзниками. На «вервольф» была возложена и охрана тайников с сокровищами Третьего рейха.

Одно из наиболее таинственных мест Вроцлава — Олимпийский стадион. Уже многие годы оно привлекает интерес поисковиков. Стадион был построен в 1926–1928 годах, а в 1936 году его начали перестраивать — якобы в связи с Берлинской олимпиадой 1936 года. Однако на нем не было проведено ни одного состязания! Зато руководил перестройкой стадиона не кто иной, как Рихард Конвяж (1883–1960) — несмотря на польскую фамилию, немец и убежденный нацист. Этот архитектор построил во Вроцлаве — как перед войной, так и в годы войны — множество военных объектов и бункеров, а работы выполняла фирма, специализировавшаяся на подземных работах. Странное совпадение, не правда ли?

Кстати, первоначально стадион назывался не Олимпийским, а носил имя Германа Геринга, и менее всего напоминал спортивный объект. Вплоть до конца войны его тщательно охраняли военные посты и войти на территорию стадиона можно было только по именному пропуску. Во время войны на территории стадиона была проложена узкоколейка, а на оставшемся свободном пространстве была устроена взлетно-посадочная полоса, которую могли использовать транспортные самолеты средней величины. В ходе перестройки стадиона в конце 1930-х годов на месте прежней Олимпийской аллеи вырос… длинный земляной вал, на который, по оценкам, пошло 38 тыс. кубометров земли. При этом совершенно непонятно, для чего он служил, и откуда на стадионе взялось такое количество земли, которой раньше там не было?

В ходе перестройки была также надстроена часовая башня. По легенде, именно в этой башне, а также в схроне на территории расположенного рядом со стадионом парка и в бетонном бункере на земляном валу (он сохранился до наших дней) располагались входы в огромное подземелье под стадионом. Главный вход находился в часовой башне, где была устроена лифтовая шахта.

В непосредственной близости от башни в 1970-х годах велись работы, связанные с прокладкой тепловых коммуникаций. В их ходе рабочие натолкнулись на широкую трубу, заложенную неглубоко от поверхности земли, рядом с которой тянулся телефонный провод. Этот провод рабочие случайно перерубили, однако это никак не сказалось на работе вроцлавских телефонных сетей: никто не пожаловался на то, что у него перестал работать телефон. Провод был явно проложен задолго до 1970-х годов и вел он… к часовой башне. Другой его конец доходил до старой котельной и исчезал в ее стене. Никто, к сожалению, так и не поинтересовался, что это за труба и что это за провод.

Не менее интересен и парк, окружающий стадион. До конца 1950-х годов здесь еще сохранялись следы полигона ПВО, существовавшего при немцах. В одной его части находилась большая бетонная плита неизвестного происхождения (найти ее сегодня не удается), на которой когда-то высилась конструкция, напоминавшая печную трубу. К этой плите вела широкая подъездная дорога, следы которой видны до сих пор. В парке

также находился один из предполагаемых входов в подземелье под стадионом — на этом месте сегодня небольшое озерко. По-видимому, этот вход был кем-то затоплен.

Между часовой башней и Одрой находится еще один странный объект. Его назначение угадывается с трудом — от него остался только фундамент. Один из свидетелей утверждает, что объект представлял собой некое гидротехническое сооружение — что-то вроде насосной станции или станции водоочистки. Если это правда, то для чего на стадионе понадобилось очищать стоки?

Польский музеевед Станислав Деркач в первые годы после войны работал в составе комиссии, занимавшейся поисками художественных сокровищ, укрытых немцами. Одна из жительниц Вроцлава рассказала ему, что ее муж во время войны работал на подземном объекте, находившемся под стадионом. По ее словам, на глубине 40 метров располагалось обширное подземное хранилище, куда можно было попасть с помощью лифта, находившегося в часовой башне. Во время исследования территории вокруг стадиона был обнаружен бункер и устье лифтовой шахты, к сожалению, засыпанной. Деркач вспоминает также об одноэтажном домике поблизости, в котором своими глазами видел приведенное в негодность оборудование: агрегаты, машины, провода неизвестного назначения. Неподалеку от ворот стадиона можно было еще видеть остатки разрушенного входа в подземелье. Во время войны тут часто видели немецких солдат, входящих и выходящих в бункер. После войны бункер был взорван, потом его остатки были разобраны. В разговоре с послевоенным директором стадиона — молодым офицером — Деркач рассказал ему о своих подозрениях. Офицер заинтересовался этим рассказом, пытался найти засыпанный вход, но погиб в результате несчастного случая.

Анджей Скжипчак, после войны работавший главным энергетиком стадиона, имел возможность узнать о подземельях от сына главного строителя объекта, Р. Конвяжа. Согласно этой информации, помещения для комендатуры стадиона действительно были устроены под землей. Скжипчак пытался найти эти помещения, но безуспешно. Однако во время поисков он наткнулся под футбольным полем на силовые кабели, ведущие в глубь земли.

Лех Голембевский служил в городском штабе гражданской обороны. Ему было поручено проверить слухи, окружающие стадион, и организовать изыскательские работы в часовой башне. После нескольких часов бурения бур наткнулся на слой железобетона толщиной 1,2 м. Под ним находился… слой песка — что очень удивительно, поскольку в других местах на такой глубине песок не встречается. Ходят слухи, что после войны были также обнаружены несколько подземных входов, залитых водой. Рассказывают еще, что после войны во Вроцлаве появлялись какие-то немцы, которые за очень большие деньги искали информацию о подземельях, якобы находящихся под стадионом, на глубине 30–40 м под футбольным полем. Согласно одной из наиболее популярных версий, в этих подземельях располагался огромный склад военных запасов, согласно другой версии — секретный военный завод. Безусловно, что стадион сам по себе не являлся военным объектом, но он мог служить неплохим камуфляжем для

располагавшегося под ним обширного подземного сооружения. В послевоенный период главной заботой властей было восстановление разрушенного на 70 % города, а не разгадка тайн Третьего рейха. Сегодня эта тема приобретает все большую популярность. При помощи местных энтузиастов, много лет занимающихся этой темой, начались работы по поиску ответов на волнующие загадки подземного Вроцлава.

Нет, однако, сомнения в том, что тайники с «золотом Бреслау» располагались не столько в черте города, сколько за его пределами. Известно, что власти рейха организовали на территории Нижней Силезии несколько крупных военных заводов, о которых до сих пор ходят самые темные слухи. С одним из этих предприятий, расположенным в небольшом городке Пеховицы (нем. Пелерсдорф), связана легенда о «золотом поезде».

В годы войны в Пеховицах действовал крупный военный завод, производивший, в частности, морские мины и торпеды. Судя по тому, что к нему была проложена специальная железнодорожная ветка, объемы продукции были немаленькие. Часть производственных мощностей располагалась под землей — в этих местах сохранилось множество старых горных выработок. Возможно, именно поэтому Гитлер и его ближайшие советники на секретном совещании в июне 1944 года указали на Пелерсдорф как на одно из мест укрытия сокровищ Третьего рейха. Старые штольни под горой Собес были расширены, забетонированы и подготовлены к приему ценных грузов, устроены системы вентиляции, дренажа, разработана схема минирования туннелей. 7 ноября 1944 года на территорию завода в Пеховицах прибыл поезд, до краев наполненный сокровищами, — слитки золота, драгоценности, произведения искусства. По преимуществу это были банковские депозиты, собрания музеев и художественных галерей. Здесь находились три вагона с имуществом Германа Геринга, эвакуированного из Восточной Пруссии, три вагона с имуществом Эриха Коха — гитлеровского наместника Украины, несколько вагонов с золотом и ценными бумагами, принадлежавшими вроцлавским банкам.

Руководителем операции был генерал Штайнке. За 24 часа большая группа узников концлагерей уложила 400 метров рельсового пути, ведущего в глубь горы. Поезд медленно въехал в широкую штольню и скрылся из виду. Тотчас вслед за этим временные рельсы были разобраны, вход в туннель взорван, все его следы засыпаны. Финальным актом этой драмы стал расстрел узников, работавших на строительстве и разборке подъездного пути.

Слухи о том, что под горой Собес (633 м над уровнем моря) находится обширное подземелье, где гитлеровцы укрыли часть сокровищ Третьего рейха, в том числе и «золото Бреслау», появились в польской печати в середине 1990-х годов. В ходе горячих обсуждений и скептики, и энтузиасты пришли к ряду общих выводов: под горой Собес, очевидно, действительно находится подземный объект, вероятно, производственного характера. Здесь до сих пор хорошо сохранились следы построенной когда-то дренажной системы. Эта система могла относиться к какому-то комплексу, которого нет снаружи горы, и, следовательно, он должен находиться внутри. Правда, в недрах горы существуют старые горные выработки, и система могла служить для их дренирования. Однако почему

строители устроили ее такой разветвленной, не ограничивающейся ближайшими окрестностями шахты? В настоящее время в некоторые штольни можно войти, однако ничто не указывает на то, что они имели какую-то связь с предполагаемым подземным объектом.

В 1998 году экспедиция, работавшая на горе Собес, исследовала ее недра георадаром, магнитометром и другими высокотехнологичными приборами. Заключительным этапом стало бурение. Во время бурения в местах, где, согласно показаниям свидетелей и результатам приборных исследований, могли находиться засыпанные въезды, бур поднял, помимо скального грунта, бетон. В один момент бур наткнулся на такое сопротивление, что земля, на которой стояли люди, начала дрожать. Такая ситуация повторялась несколько раз. В итоге экспедиции удалось подтвердить существование подземного комплекса под горой Собес, но никаких признаков «золотого поезда» обнаружено не было. Не исключено, что в недрах горы во времена нацистов действительно находилась подземная фабрика, устроенная на основе существовавших там старых горных выработок, но вот историю с «золотым поездом», похоже, следует отнести к области легенд.

Одна из наиболее загадочных историй, связанных с «золотом Бреслау», — дело бывшего немецкого капитана Герберта Клозе. В 1944 году он был офицером полицай-президиума во Вроцлаве. Арестованный в 1953 году польской службой безопасности, Клозе признался, что лично участвовал в укрывании золота из нижнесилезских банков. Согласно версии Клозе, дело происходило следующим образом.

В ноябре 1944 года он вместе со штандартенфюрером СС Олленхауэром по заданию командования занимался поиском мест, пригодных для организации тайников. Приблизительно 20 ноября, спускаясь со склонов горы Снежка — главной вершины Судет, они, наконец, нашли подходящее с их точки зрения место. В середине декабря 1944 года (приблизительно 15-го числа) Клозе получил от Олленхауэра приказ подготовить к эвакуации 23 ящика с золотом и документами вроцлавского полицай-президиума. Под руководством Клозе эти ящики были вывезены на аэродром и там погружены на борт транспортного самолета. Самолет поднялся в воздух, однако в окрестностях Вроцлава был обстрелян советскими истребителями и получил ряд повреждений. Чтобы избежать катастрофы, летчики были вынуждены повернуть назад. На аэродроме часть ящиков была выгружена — поврежденный самолет из-за перегрузки мог попросту не добраться до места назначения, другая часть осталась на борту. Выгруженные ящики с золотом снова оказались в подвалах полицай-президиума. Впрочем, ненадолго.

Ранним утром от здания полицай-президиума отправился небольшой конвой, состоявший из 3–4 грузовиков и одного легкового автомобиля. Начальником конвоя был Олленхауэр, его помощниками — Клозе и обер-лейтенант Альфред Зайферт, а в кузовах грузовиков лежали те самые ящики с золотом — около 1,5 тонны. Конвой отправился на юго-запад, к предгорьям Судет. В курортном поселке Карпач ящики были перегружены на сани, офицеры сели на коней. Олленхауэр зачем-то отобрал оружие у Клозе и Зайферта. Отряд двинулся в направлении горного приюта «Самотня». К сожалению, конечной цели путешествия

Клозе не достиг: где-то в районе «Самотни» он упал с коня и на некоторое время потерял память. В связи с этим он не смог принять участие в конечной фазе операции.

Много лет спустя сильно постаревший капитан Клозе не раз давал интервью журналистам и даже выступал по вроцлавскому телевидению. Сравнивая показания Клозе, данные им на следствии, и его выступления перед журналистами, исследователи тайн Третьего рейха пришли к выводу, что капитан либо врет, либо действительно не помнит того, что с ним происходило в 1945 году. В беседах с журналистами Клозе охотно подтверждал то, что невольно «подсказывали» ему в задаваемых вопросах интервьюеры, и понять ход его мысли можно было далеко не всегда. Выступая на телевидении, Клозе подтвердил, что принимал участие в акции по укрыванию «золота Бреслау» где-то в окрестностях горы Снежка. По его словам, это происходило на рубеже октября — ноября 1944 года. Однако из протокола допроса Клозе от 7 февраля 1953 года следует, что впервые эта задача была поставлена перед ним только 15 ноября 1944 года. Первый день Клозе и Олленхауэр провели в окрестностях Вроцлава, потом искали подходящие места вдоль дороги, идущей на Ленчицу, потом повернули к предгорьям Судет и добрались до Снежки, где, наконец, нашли подходящее место. На следующий день они вернулись в окрестности Вроцлава, и где-то там Клозе упал с коня и подучил контузию, от которой лечился более двух недель. В протоколе другого допроса записано: «Во время объезда окрестностей Вроцлава я упал с коня, сломал руку и лежал в госпитале. Выйдя из госпиталя, я встретил обер-лейтенанта Альфреда Зайферта, который рассказал мне, что около Снежки укрыто золото».

По всей видимости, Клозе пытался скрыть правду о золоте и своем участии в этой акции. Из одних его показаний вытекает, что он вообще не принимал участия в укрывании золота, из других — что принимал, но места укрытия не знает, так как не добрался до него. Похоже, на допросах Клозе сознался только в том, в чем хотел. Между тем польские контрразведчики подозревали бывшего капитана в том, что он знает гораздо больше, чем говорит. В телепередаче Клозе старался представить себя как простого офицера вермахта, разоруженного Олленхауэром из-за недоверия к нему, и утверждал, что не знал истинных целей операции. Однако в документах следственного дела говорится: «Материалы дела свидетельствуют, что по линии абвера, подчиненного в то время СС, Клозе был назначен шефом диверсионно-саботажной группы» (иными словами — «вервольфа»). Не исключено, что в действительности Клозе являлся доверенным офицером СС, посвященным в тайну «золота Бреслау».

Не подлежит сомнению, что Клозе был под Снежкой вместе с Олленхауэром в ноябре 1944 года во время рекогносцировки, что он и подтвердил на допросе 7 февраля 1953 года: «От Елени-Гуры мы отправились к Чеплицам, а оттуда по направлению к Снежке. Пока было можно, ехали на автомобиле, потом шли пешком. Поднялись на гору, потом спускались, вниз, и Олленхауэр показывал места, которые с его точки зрения лучше всего подходят для устройства тайников. Места эти я мог бы и сегодня показать». Из этого вытекает, что Клозе знал места, выбранные Олленхауэром.

По словам Клозе, они ехали, пока было можно, а потом шли пешком вдоль линии канатной дороги в направлении вершины Снежки, из чего следует, что они могли оставить машину в долине Золотого ручья, который течет через ущелье под названием Белый Яр. Этот район известен обильными зимними снегопадами, и многие места, в том числе плато на склонах Снежки, в это время года недоступны даже для конных запряжек, а единственная мощеная дорога, ведущая на плато, проходима только на нижнем участке. Несомненно, что в таких условиях Олленхауэр не мог позволить, чтобы сани с золотом застряли где-то в снежных заносах или попали под лавину. Если бы акция имела место в середине зимы, как это следовало из первых признаний Клозе, то из мест возможного укрытия золота следовало бы сразу исключить территории, опасные с точки зрения схода лавин. Однако в своем телевизионном выступлении Клозе уже утверждал, что это была не зима, а осень.

Из телевизионного интервью Клозе неожиданно выплыл еще один интересный факт. Бывший капитан рассказал, что грузовики они оставили около водопада и оттуда вместе с Олленхауэром отправились в горы на конях. В чем состояла цель этой конной разведки? Можно предположить, что офицеры отправились вверх по Белому Яру, чтобы удостовериться, пригодна ли дорога, ведущая через ущелья, для движения саней. Эта дорога была построена в начале XIX века и служила для транспортировки руды с действовавших там в течение короткого времени шахт. Уже много десятилетий ею не пользуются, дорога загромождена скальными обломками и подняться по ней наверх с тяжелым грузом на санях достаточно проблематично. Подняться в верхнюю часть Белого Яра мешало большое количество снега. Следовательно, пройти далее середины ущелья сани не могли.

Следует также иметь в виду, что зимний день короток, и у группы Олленхауэра имелось в распоряжении всего-навсего несколько световых часов. Транспорт с золотом отошел от здания полицай-президиума во Вроцлаве рано утром. Из-за трудных условий на зимних дорогах, запруженных войсками и беженцами, колонне автомобилей потребовалось по крайней мере три часа, чтобы пройти 140 км от Вроцлава до Карпача. Далее предстояло перегрузить ящики с грузовиков на сани, доставить их на место, спрятать груз в тайник, замаскировать его и вернуться. Из этого следует, что высоко в горы группа Олленхауэра попросту не могла подняться, и клад спрятан где-то в нижней части Белого Яра.

В пользу этой версии говорит и тот факт, что в районе Белого Яра в 1827–1832 годах функционировала шахта. Разработки велись двумя стволами («Густав» и «Хайнрих»), каждый глубиной около 40 м, и двумя штольнями. Одна — «Святая Барбара» — имела длину около 60 м, другая, без названия, была значительно короче. Эта шахта — идеальное место для тайника. Протяженность ее разработок позволяет свободно разместить груз, причем вместе с санями (из старых планов следует, что высота штолен достигала около 2 м). Условия шахты гарантировали сохранность ценных бумаг немецких банков и документов полиции.

Главная проблема — найти вход в шахту, который, по-видимому, был завален взрывом. Группы поисковиков неоднократно прочесывали этот район, но безрезультатно. Скептики говорят, что еще в 1950-х годах золото

могло быть тайно вывезено властями ПНР на основании указаний Клозе. Оптимисты утверждают, что это не так: еще в 1980-х годах поиски в этом районе вела специальная оперативная группа, состоявшая из офицеров инженерных войск. Наконец, относительно недавно группа энтузиастов выступила с заявлением, что искомый вход в шахту ими найден, и разгадка тайны «золота Вроцлава (Бреслау)» — только вопрос времени. Что ж, подождем…

Загадочный груз

В феврале 1945 года в Северной Италии, в долине альпийской реки Тикосы двигалась колонна немецких военных грузовиков. Машины с трудом преодолевали горную дорогу — в кузовах явно везли что-то очень тяжелое. Необычной была и охрана колонны: впереди двигались два танка и бронетранспортер, за ними следовал грузовик, битком набитый вооруженными эсэсовцами, а замыкал колонну еще одинбронетранспортер.

Оберштурмбаннфюрер СС барон Руди де Магистрис задремал в теплой кабине грузовика. Разбудили его выстрелы и крики:

— Партизаны!..

Сон как рукой сняло. Руди выскочил из кабины и бросился к кювету, на ходу вытаскивая из кобуры парабеллум. Но воспользоваться оружием он не успел. Здоровенный итальянец в обмотках подбежал к Руди, и последнее, что успел увидеть отпрыск знатной саксонской фамилии, — это занесенный над ним кованый приклад карабина.

Когда Руди очнулся, бой уже закончился. Преодолевая подступающую тошноту, офицер подполз к краю кювета и увидел лежащие вдоль дороги трупы эсэсовцев. Еще он увидел, как партизаны быстро перегружают ящики из машин на откуда-то взявшиеся телеги. Перед тем как потерять сознание, Руди услышал таинственное слово, которое повторяли партизаны:

— Баргальи!.. Баргальи!..

Так началась история с исчезновением нацистского золота в горах Северной Италии. Вернее, эта история началась намного раньше. И все таинственные события, случившиеся в горной итальянской деревушке Баргальи во время войны и после нее, — только одна из глав кровавой саги о нацистских богатствах, бесследно исчезнувших вместе с отступавшими фашистами. А богатства эти были поистине несметные: еще в середине 1930-х годов Гитлер поручил Мартину Борману построить специальные секретные хранилища, куда стекалось бы награбленное золото со всей Европы. Достаточно сказать, что только из России в Германию ежемесячно приходило до полусотни набитых ценностями эшелонов! Регулярно строились новые хранилища, столь же регулярно пополнялась и нацистская партийная касса. Борман старался вовсю: он даже заставил швейцарских банкиров открыть номера счетов уничтоженных нацистами людей и вложил эти деньги в партийную кассу. Разумеется, не забывали нацисты и о своих интересах. Так, командующий «люфтваффе» Герман Геринг, получив возможность направлять эшелоны с картинами и прочими художественными ценностями из Парижа прямиком в свой замок под Берлином, в одночасье стал очень богатым человеком. Правда, иногда кто-нибудь из завидовавших Герингу высших чинов рейха (например, «честный служака» Геббельс) ехидно интересовался:

— Послушай, Герман, зачем тебе столько золота и картин?

Геринг лишь улыбался в ответ:

— А разве я стараюсь для себя? Вот закончится война, я построю в Линце художественную галерею и подарю ее рейху!..

Подарить Геринг ничего никому не успел — все награбленное им навсегда исчезло после смерти «летающего маршала».

На начало 1945 г. общая стоимость всех похищенных и официально «оприходованных» нацистами ценностей составила около 15 млрд. фунтов стерлингов. К тому времени, когда советская, американская и английская авиация начала «утюжить» немецкие города, часть награбленной добычи надежно спрятали в соляных шахтах под Альт-Аусси в Австрии. В одном из монастырей Чехословакии и в баварском замке Нойшванштайн не менее надежно были скрыты сказочные запасы бриллиантов. Только из банков Германии эвакуировали и припрятали в заранее заготовленных «схронах» золотых слитков на 70 млрд. долларов США в ценах 1945 года. Сегодня это золото тянет на триллионы…

В декабре 1944 года Гитлер приказал забрать из Центрального банка Рима 120 т золота. Приказ был выполнен: конфискованное у Италии золото с немецкой педантичностью пересчитали, тщательно упаковали в деревянные ящики, погрузили в машины и отправили в Германию. Во главе охраняемой отборными частями СС колонны стоял оберштурмбаннфюрер СС барон Руди де Магистрис. Когда колонна выезжала из Рима, итальянский военный оркестр по требованию немцев исполнил что-то из Вивальди…

В долине Тикосы колонну с золотом перехватили итальянские партизаны, большинство из которых были уроженцами деревни Баргальи. Перебив эсэсовскую охрану, итальянцы перегрузили золото на подводы и ушли, не подозревая, что один из эсэсовцев чудом остался жив. С тех пор о судьбе этого золота ничего не известно. А в Баргальи начались таинственные убийства.

Первой жертвой охватившей Баргальи золотой лихорадки стал полицейский Кармине Скотти, которому поручили расследовать дело об исчезновении трофеев. Через несколько дней после начала расследования его изуродованное тело нашли на окраине деревни. Перед смертью полицейского подвергли чудовищным пыткам и заживо зажарили на вертеле…

Еще через два месяца, в апреле 1945 года, четверо партизан, участвовавших в налете на немецкую золотую колонну, были расстреляны из пулемета. Говорили, что их казнили за предательство, но кого предали эти несчастные, осталось тайной. За несколько послевоенных лет, до 1950 г., в деревне Баргальи при невыясненных обстоятельствах погибли 13 человек. Все они так или иначе были причастны к нападению на немецкую колонну…

Пятидесятые годы прошли спокойно, и многим в Баргальи стало казаться, что давняя история с золотом канула в Лету. Но в декабре 1961 года 72-летний могильщик Джузеппе Муссо свалился с моста в ров и раскроил себе череп. Ровно через 8 лет, в декабре 1969 года, в собственном доме была до смерти забита 64-летняя Мария Валетто.

В ноябре 1972 года на пустынной ночной улице обнаружили изуродованный труп 76-летнего Джероламо Канобио. За пару часов до этого его видели в местной таверне: пьяный Джероламо хвастался, что знает, где закопано нацистское золото…

В марте 1974 года кто-то камнем разбил голову 74-летней Джулии Вичаве. А 27 июля 1974 года поздно вечером постучались в дом местного парикмахера Сальваторе Ленарди. 78-летний старик открыл дверь и через секунду упал, обливаясь кровью: пули, выпущенные из двустволки, снесли ему полчерепа.

В марте 1976 года 54-летнего Пьетро Чеваско нашли в лесу повешенным. В июне 1978 года 69-летний Карло Спаллароза погиб странной смертью: сначала он сломал себе позвоночник, «упав» со скалы, а потом кто-то отрубил ему голову. Это была двадцать первая жертва «Чудовища из Баргальи», к тому времени убившего семнадцать мужчин и четырех женщин. Все они когда-то были партизанами.

В 1974 году в этой истории неожиданно появился новый персонаж. Звали ее баронесса Анита де Магистрис. Старушка поселилась на вилле в окрестностях Баргальи, часто приезжала в деревню и о чем-то подолгу беседовала со стариками. Местные называли ее баронессой и, надо сказать, уважали: пожилая синьора аккуратно посещала церковь и даже стала руководить церковным хором. Но главное — баронесса была вдовой Руди де Магистриса, который в феврале 1945 года возглавлял нацистскую золотую колонну. Тогда барон остался жив и, видимо, позже рассказал жене о судьбе пропавшего золота. После смерти мужа Анита де Магистрис переселилась поближе к Баргальи. О дальнейших планах настырной баронессы теперь, увы, никто никогда не узнает: в июле 1983 года она стала жертвой нападения неизвестного преступника, ударившего ее дубинкой по голове. Таинственного убийцу из Баргальи так и не нашли. Возможно, это дело рук кого-то из бывших партизан, знавшего тайну нацистского золота. Не исключено, что старик действовал не один, а с кем-то из родственников (сыновьями, внуками или племянниками), с которыми он поделился своей страшной тайной. Но вот что любопытно: Баргальи до войны была беднейшей деревней в округе, а в мирные времена сразу стала самой богатой. Видимо, трудолюбивые люди живут в этой горной итальянской деревушке…

Тайна золота усташей

Шли последние дни войны. Под ударами частей Народно-освободительной армии Югославии и Красной армии остатки разгромленных германских войск и их союзников — хорватских усташей и домобранов — поспешно отступали в Австрию.

В начале мая 1945 года остатки небольшого подразделения домобранов (армии созданного в апреле 1941 года Независимого хорватского государства), которым командовал капитан Августин Гавран, вышли к полотну железной дороги неподалеку от словенского города Целье. На рельсах стоял длинный, в 35 вагонов, эшелон, на открытых платформах которого стояли орудия и пулеметы. Судя по форме солдат, суетившихся вокруг эшелона это была какая-то зенитная воинская часть усташей — хорватских эсэсовцев. Поезд только что подорвался на

партизанской мине, и паровоз и два головных вагона, изуродованные взрывом, валялись под откосом.

Усташей было более сотни. Одни из них находились в боевом охранении, другие окапывались на поросшем травой лугу между железнодорожной линией и шоссе, а третья группа на расстоянии четырех-пяти метров от шоссе копала глубокую яму шириной около метра. Из двух закрытых вагонов усташи выносили и складывали в яму светло-серые алюминиевые ящики, ярко блестевшие на солнце. Ящики имели длину около 80 сантиметров и ширину около 20 сантиметров. Сложив ящики в яму, солдаты закопали ее и тщательно замаскировали, ликвидировав все следы…

Что же было в этих ящиках?

«Усташский полковник, командир части, сказал мне, что поезд вез золотой запас и государственные деньги, которые должны были быть использованы для финансирования усташского движения в эмиграции».

Это сенсационное заявление Августин Гавран, 82-летний житель Загреба, сделал в 1997 году, тем самым нарушив молчание, длившееся более полувека. Бывший домобранский капитан уже не помнит сколько было всего ящиков с драгоценностями, помнит только, что они находились в двух вагонах, были сложены в три ряда и занимали пространство от пола до потолка.

После сообщения Гаврана средства массовой информации Словении и Хорватии охватила «золотая лихорадка». Действительно, во время войны в казну усташского Независимого хорватского государства (НХГ) поступило немалое количество золота и различных драгоценностей, в основном награбленного у евреев и конфискованного во время «акций устрашения». Нередко жертвы усташей пытались откупиться от своих палачей драгоценностями чтобы спасти жизнь, однако случалось, что их все равно отправляли на тот свет. В 1945 году части руководителей НХГ удалось эмигрировать из страны, а вместе с ними исчезло и «золото усташей»…

Признания Гаврана пролили первый луч света на тайну «золота усташей». Постепенно стали появляться новые подробности. Бывший капитан припомнил, например, такую деталь: неподалеку от ямы с таинственными ящиками тогда же были похоронены погибшие от взрыва партизанской мины машинист паровоза, кочегар, один офицер-усташ и еще какой-то человек — кто именно, Гавран уже забыл. Зато он хорошо помнит, как полковник, командир усташей, сказал ему тогда, что эшелон должен был идти через Марибор, но вынужден был свернуть на Целье, так как появились слухи о том, что вблизи Марибора видели советские танки.

В поисках свидетельств и подтверждений слов Гаврана кладоискатели и журналисты немедленно кинулись в Целье. Место, указанное Гавраном, было тщательно осмотрено, но определить, где находится клад, не удалось. После опроса местного населения появились новые свидетельства. Рассказ жительницы села Прожинска Васа Антонии Гаешек почти дословно совпал с рассказом домобранского капитана, кроме одного: она не видела ящиков с золотом. Впрочем, даже если они и были, окрестные жители не могли бы их увидеть, так как усташи, которые три дня простояли в их селе, разгружая вагоны, никого не подпускали к

подорванному поезду, огородя его заграждением из веревок. Действительно, взрыв партизанской мины уничтожил паровоз и два вагона, в результате чего, по словам крестьян, погибли машинист и два солдата, которых усташи и похоронили где-то около железнодорожной линии. Некоторые жители Прожинской Васы знали о том, что партизаны заминировали железнодорожный путь, и заблаговременно ушли в лес, чтобы обезопасить себя от возможных неприятностей.

Старожилы припомнили и тот факт, что позднее территория вдоль железной дороги в этом месте была засыпана шлаком. Впрочем, среди местного населения бытовало мнение, что усташи заминировали сокровища, поэтому никто не рисковал искать яму с таинственными ящиками.

Тем не менее поиски продолжаются. Правда, высказываются опасения, что в случае, если рассказ Гаврана окажется истиной и сокровища будут найдены, то это может вызвать трения между Хорватией и Словенией. По мнению хорватской прессы, клад является государственным достоянием Хорватии и принадлежит хорватскому народу. Хотя чего делить шкуру неубитого медведя…

Призрак «японского золота»

Пока в Европе энтузиасты ищут следы «нацистского золота», на другом конце света, в Юго-Восточной Азии, ведутся не менее интенсивные поиски «японского золота», легенды о котором рассказывают на Филиппинах и Тайване, в Индонезии и Вьетнаме…

Имя легендарного японского генерала Томоюки Ямаситы, прозванного «Тигром Малайи», со времен Второй мировой войны прочно связано с загадочным «кладом Ямаситы», вот уже полвека будоражащим воображение искателей приключений.

Его звали «Тигром Малайи» за коварство и агрессивность, проявленные при оккупации британских колоний в Индокитае. Ямасита, чья блестящая операция по захвату Сингапура вошла в военные учебники, в годы войны был фактическим правителем всех захваченных Японией территорий Юго-Восточной Азии. Огромный поток реквизированных японцами сокровищ из буддийских монастырей, подвалов сингапурских торговых контор и гонконгских банков, лавок филиппинских торговцев, сокровищниц бирманских и малайских правителей стекался в подвалы «Форта Сантьяго» в Маниле на Филиппинах, где располагался штаб генерала Ямаситы. Отсюда сокровища должны быть отправлены в Токио.

В конце войны Ямасита был командующим императорскими силами на Филиппинах. Помимо значительного количества золота, поступившего из Японии для нужд филиппинского гарнизона, в распоряжении Ямаситы находились награбленные на оккупированных территориях золото и драгоценности, которые уже ожидали отправки в Японию, когда американцы внезапно высадились на Филиппинах и, поддерживаемые отрядами филиппинских повстанцев, начали стремительно наступать на Манилу.

Эвакуировать сокровища уже не было возможности, и Ямасита приказал спрятать награбленные на захваченных территориях запасы золота и других ценностей — всего на сумму от 20 до 100 млрд. долларов.

Сокровища были укрыты примерно в 170 местах на всей территории Филиппин. Часть золота была размещена в специально сооруженных для этой цели глубоких шахтах в труднодоступных районах Филиппин. Принимавшие участие в захоронении сокровищ военнопленные и местные рабочие были расстреляны.

С той поры «сокровища Ямаситы» стали голубой мечтой тысяч кладоискателей, которые вот уже полвека с завидной целеустремленностью прочесывают джунгли Филиппин. И хотя время от времени звучат голоса скептиков, реальность не дает однозначного ответа на загадку японского генерала.

К тому же нашелся живой свидетель тех дней — 84-летний бывший майор военной разведки императорской армии Микио Мацунобэ, который, по его словам, сам закапывал ценности в джунглях под огнем наступавших американских войск. Мацунобэ утверждает, что не менее 10 тысяч золотых монет весом 35,3 грамма каждая были доставлены им лично в конце войны из Японии в распоряжение генералы Томоюки Ямаситы. Однако сразу же после этого американцы высадились на острове Лусон, что помешало потратить привезенные деньги. Командование отступавших японских войск приказало частично закопать золото в районе города Багио, а частично распределило по отдельным подразделениям. Во время отчаянных, безнадежных последних боев японцы пытались прятать эти монеты в скалах, в наспех отрытых ямах.

По мнению отставного майора, уже после войны многие мелкие «самодельные» клады, зарытые в последние дни боев, были найдены американцами и местными жителями. Сам Мацунобэ еще в 1950-х годах пытался отыскать золото, однако потерпел неудачу, поскольку плохо помнил место, где оно было закопано.

По мнению Мацунобэ, золото генерала Ямаситы действительно было спрятано японской армией на Филиппинах, однако его было несравнимо меньше, чем утверждают поклонники этой захватывающей легенды. Всего, полагает бывший майор, японцы могли спрятать на Филиппинах от 2 до 6 тонн золота.

В 1988 году в полузасыпанных подземных ходах под старинной крепостью «Форт Сантьяго» в Маниле, где в годы войны располагался штаб императорских войск, работала группа кладоискателей во главе с отставным офицером американских частей особого назначения («зеленые береты») Чарльзом Макдугаллом. Как утверждал Макдугалл, в подземельях форта Ямасита приказал спрятать часть находившегося под его контролем золота на сумму до 7 миллиардов долларов. Однако поиски закончились неудачно: внезапный обвал заживо похоронил в подземных лабиринтах крепости двух искателей сокровищ.

Некоторый свет на судьбу сокровищ Ямаситы пролили интервью вдовы бывшего президента Филиппин Фердинанда Маркоса и нескольких в прошлом высокопоставленных чиновников администрации Маркоса. Как рассказал в одном из интервью бывший губернатор провинции Кирино Орландо Дулай, на протяжении всего периода правления Маркоса под непосредственным контролем президента велись интенсивные поиски «кладов Ямаситы», и за двадцать лет своего правления Маркосу удалось обнаружить около трети всех запрятанных сокровищ. В обстановке

сверхсекретности золото и ценности вывозились за рубеж, где поступали на личные счета Маркоса в иностранных банках. Этим объясняется феноменальное богатство семьи Маркос. Дулай утверждает, что в начале 1970-х годов самолично видел, как извлеченные из тайника драгоценности, среди которых были золотые слитки, драгоценные камни и золотые статуэтки Будды, были извлечены из шахты и погружены на три грузовика. «Извлекались сокровища в основном ночью, под охраной филиппинских военнослужащих и под надзором нескольких японцев — офицеров императорской армии», — отметил бывший губернатор. По его словам, Маркос иногда лично присутствовал при извлечении кладов.

Вдова Маркоса Имельда прямо заявляла, что золото Ямаситы — источник огромного состояния ее семьи. По ее словам, Фердинанд Маркос наткнулся на захоронения сокровищ еще в конце войны, когда руководил партизанским отрядом, действовавшим в глухом горном районе Филиппин. Еще до своего избрания на пост президента Маркос занимался бизнесом с драгоценностями, но держал свои дела в секрете, поскольку размеры найденных им сокровищ были «астрономическими».

Бывшая «первая леди» Филиппин рассказала, что когда она впервые обнаружила в доме золотые слитки, то приняла их за «какие-то кирпичи» (слитки были покрыты слоем свинца) и выбросила их на помойку. Она сообщила также, что Маркос хранил золото в тайниках, устроенных в стенах его дома.

Однако филиппинские власти скептически отнеслись к рассказам Имельды — они посчитали, что вдова Маркоса просто попыталась таким образом с помощью таинственного золота объяснить происхождение семейного состояния и отвести предъявленные ей обвинения в том, что в течение 20 лет она помогала покойному супругу «искать сокровища» в государственной казне. Судебные власти Филиппин давно обвиняют семейство Маркос в расхищении государственных средств на сумму около 5 млрд. долларов. По мнению главного прокурора Филиппин Франсиско Чавеса, миф о «сокровищах Ямаситы» используется только для того, чтобы «скрыть совершенно явный случай коррупции и мошенничества против филиппинского народа».

Между тем следы «золота Ямаситы» всплыли… в Нью-Йорке. Летом 1991 года окружной апелляционный суд Манхэттена принял к производству иск гражданина Филиппин Роджера Роксаса к холдинговым компаниям в Нью-Йорке, принадлежавшим покойному филиппинскому диктатору Фердинанду Маркосу. Истец требовал выплатить ему возмещение за сокровища, отобранные у него при правлении Маркоса.

По словам Роксаса, подручные диктатора отняли найденную им в 1971 году большую статую Будды из чистого золота. Он утверждает, что статуя являлась частью обнаруженного им клада золотых слитков и драгоценных камней, награбленных и спрятанных японскими военными во время оккупации Филиппин в ходе Второй мировой войны. Оказавшись в тюрьме, Роксас под пытками рассказал, где находится клад. На вырученные от его продажи средства супруги Маркос скупили в Нью-Йорке и Европе несколько компаний, владеющих недвижимостью.

Так «клад Ямаситы» найден? Скорее всего — да, но не весь. Напомним, что золото японского генерала было размещено более чем в 170

точках на всей территории Филиппин и вряд ли все тайные хранилища удалось обнаружить. Поиски «клада Ямаситы» продолжаются, и периодически появляются сведения о новых находках — впрочем, не все они подтверждаются…

Последний всплеск интереса к «сокровищам Ямаситы» случился в феврале 1995 года. Как сообщили информационные агентства, на севере Филиппин в 500 километрах от Манилы в море на 20-метровой глубине был обнаружен упакованный в пластик огромный полусферический слиток платины весом около двух тонн.

Сообщение вызвало панику на международном рынке драгоценных металлов. Резко пошли вниз цены на биржах в Нью-Йорке и Гонконге. Однако вскоре выяснилось, что паника была преждевременной: экспертиза показала, что платина составляет всего около 0,0005 процента от общего веса загадочной полусферы и на филиппинском рынке металлолома за нее можно выручить лишь 500 долларов. Как предполагают эксперты, это всего-навсего подводная часть причала.

Странную «железку» обнаружил в море и принял ее за платину некий японец, именующий себя «сыном соратника генерала Ямаситы». Он возглавлял одну из многочисленных команд кладоискателей, охотящихся за сокровищами Ямаситы. Однако в группе кладоискателей начались распри из-за находки, и загадочную полусферу забрал себе один филиппинский бизнесмен, не пожелавший делиться с товарищами. Оскорбленный японец донес на коллегу в Национальное бюро расследований (НБР) Филиппин, которое конфисковало находку и передало ее на экспертизу. Именно заявление директора НБР Эпимако Веласко вызвало ажиотаж на биржах.

Несмотря на отрицательный результат экспертизы, на Филиппинах поговаривали, что это всего-навсего ловкий ход, предпринятый НБР, чтобы сбить интерес к кладу Ямаситы и не будоражить ситуацию на биржах. Как бы то ни было, в истории с золотом «Тигра Малайи» по-прежнему никакой ясности нет.

Но не только Филиппины привлекают искателей «японского золота». Интенсивные поиски сокровищ, награбленных японскими оккупантами в странах Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны, ведутся и на островах Ару, что в восточной части Индонезийского архипелага. Как полагают, именно там незадолго до капитуляции Японии были спрятаны несметные богатства, в том числе золотые слитки, бриллианты и украшения из драгоценных камней и металлов на миллионы долларов, которые командование японских оккупационных войск рассчитывало использовать в будущем для закупок оружия. Группы охотников за сокровищами ведут поиски ценностей с использованием современной электронной аппаратуры. Однако пока нет никаких свидетельств о том, что сокровища найдены.

Кладоискатели давно и безуспешно ведут поиски золотой статуи японского императора времен Второй мировой войны на острове Серам, расположенном в группе Молуккских островов, на востоке Индонезийского архипелага. Полагают, что статуя использовалась во время религиозных ритуалов для поднятия боевого духа японских оккупационных войск, которые были сосредоточены на острове Серам для вторжения в

Австралию. В 1990 году искателям сокровищ удалось обнаружить один из ходов в потайной тоннель, где, по некоторым данным, золотая статуя императора была спрятана незадолго до капитуляции Японии. Однако раскопки были прерваны, так как оползень завалил вход в туннель.

Несомненно, что легенды о «японском золоте» имеют под собой реальную почву и какие-то находки, очевидно, были сделаны. Поэтому поток кладоискателей, обшаривающих леса и горы индонезийских и филиппинских островов, не иссякает. Время от времени мир облетает очередная «сенсация», лопается как мыльный пузырь, и снова вокруг поисков «японского золота» наступает тишина. До следующей сенсации…

Охота за «Восходящим солнцем»

В начале Второй мировой войны гитлеровская Германия поставляла в Японию военную технику и приборы: радарные установки, торпеды, бомбардировочные прицелы. Взамен немцы получали от своего дальневосточного союзника стратегическое сырье: вольфрам, олово, каучук для военной промышленности, а также опиум для фармацевтической промышленности. Эти грузы шли через СССР по Транссибирской магистрали протяженностью более 9 тыс. км. Но после того как Германия напала на Советский Союз, для этих перевозок остался лишь длинный морской путь — 22 тыс. км.

Немцы маскировали свои караваны под чужие, якобы принадлежавшие нейтральным государствам. Но такая маскировка не помогала, и к началу 1944 года Германия потеряла половину своих транспортных судов. Гораздо эффективнее оказалось использование для дальних трансокеанских рейсов подводного флота.

В годы Второй мировой войны японские судостроители наладили серийный выпуск транспортных подводных лодок, которые были на 30 м длиннее обычных боевых субмарин. Эти гиганты без дозаправки преодолевали расстояние в 34 тыс. км. Субмарины стали в буквальной смысле связующим звеном между странами «оси», при помощи которого они вели интенсивный обмен стратегическими материалами и технологиями.

В разгар войны Германия все острее стала ощущать нехватку некоторых видов промышленного сырья. В 1943 году положение было уже почти катастрофическим. Японии же как воздух были нужны последние разработки немецких специалистов. Благодаря транспортным подводным лодкам союзникам удалось наладить взаимовыгодный «бартер»: в обмен на немецкое «ноу-хау» японцы поставляли в Германию сырье — прежде всего каучук и металлы.

В марте 1944 года военно-морскую базу Куре (остров Хонсю) тайно покинула подводная лодка «I-52». После остановки в Сингапуре, где на борт был принят груз каучука и олова, субмарина пересекла Индийский океан, обогнула мыс Доброй Надежды и продолжила плавание в Атлантике. На борту подлодки находилось почти 300 т груза (в том числе 2,8 т опиума и 54 т каучука), полный боекомплект, 95 человек личного состава и 14 инженеров — специалистов по оптическим технологиям. Во французском порту Лорьян японскую подлодку дожидалась немецкая субмарина со «встречным» грузом на борту. Немцы приготовили для своих союзников радарные установки, вакуумные приборы, шарикоподшипники и,

возможно, окись урана для ядерных исследований.

Американская разведка знала об этой операции абсолютно все. Ни японцы, ни немцы не догадывались, что союзникам уже давно удалось расшифровать секретные коды, при помощи которых велись все передачи в эфире, так или иначе связанные с «бартером». Так что, когда «I-52» отправилась в рейс, ни маршрут следования, ни содержимое грузовых отсеков японской лодки не были тайной для союзного командования. И уже вскоре после отплытия из Куре навстречу «I-52» из Норфолка (штат Вирджиния) вышла оперативно-тактическая группа военных кораблей во главе с авианосцем «Будж». Приказ, полученный командиром перед самым выходом в море, был более чем кратким: перехватить и уничтожить лодку. Поскольку у японцев поход «I-52» проходил под кодовым обозначением «Операция „Восходящее солнце“», союзники окрестили свой контрвыпад «Охотой за „Восходящим солнцем“».

В ночь с 23 на 24 июня лодка «I-52» в полном соответствии с намеченным планом встретилась посреди Атлантики с немецкой субмариной «U-530». С помощью немцев японским подводникам предстояло пополнить изрядно истощившиеся запасы воды и продовольствия. Кроме того, немецкие специалисты должны были установить на борту японской лодки, а затем настроить радары, что позволило бы ей практически беспрепятственно пройти через Бискайский залив — один из самых опасных участков маршрута.

Трое немецких моряков подошли на шлюпке к «I-52», передали радар и вернулись. После этого немецкая подлодка сразу начала погружение. До сих пор неизвестно, почему японцы не последовали ее примеру: огромная туша японской субмарины безмятежно возвышалась над мелкой рябью океана. Это была роковая ошибка.

Американские корабли прибыли в этот квадрат на два дня раньше и уже поджидали свою жертву. Над местом встречи подлодок патрулировали четыре самолета, которые засекли «I-52» и сбросили осветительные ракеты на парашютах и буй с гидролокатором. На лодке пробили тревогу, прозвучала команда «Срочное погружение», но было уже поздно. «Мы засекли лодку, сбросили пару бомб, зафиксировали попадание и то, как она пошла ко дну», — рассказывал позднее командир американской эскадрильи капитан Джесси Тэйлор. На следующий день нефтяное пятно на поверхности океана показывало место гибели субмарины. Американцы выловили из воды 1350 кг каучука…

В 1990 году, когда многие документы военных лет были рассекречены, американский исследователь Пол Тайдуэлл отыскал в Вашингтонском архиве документы, относящиеся к судьбе подводной лодки «I-52»: сообщения разведки, выписки из судовых журналов и расшифрованные тексты радиоперехватов. Из документов следовало, что на борту подлодки имелось, среди прочего груза, около двух тонн золота: 146 слитков, упакованных в металлические ящики. Драгоценный металл предназначался для разрабатывавшихся в то время в Германии оптических технологий (потому-то среди пассажиров лодки была и группа японских специалистов-оптиков, командированных в Германию для обмена опытом с немецкими коллегами).

У Тайдуэлла — профессионального историка и не менее профессионального ныряльщика — уже имелся скромный опыт поиска подводных сокровищ: несколькими годами раньше он нашел неподалеку от берегов Флориды несколько старинных испанских золотых монет. Заинтересовавшись историей затонувшей субмарины, он на протяжении следующих пяти лет кропотливо работал в архивах разных стран. С помощью американских, японских, немецких данных он сумел в мельчайших подробностях восстановить маршрут подводной лодки «I-52», вплоть до момента ее роковой встречи с американским бомбардировщиком. И, тщательно взвесив все «за» и «против», пришел к выводу: лодку можно найти!

Надо сказать, что до этого немало весьма квалифицированных экспертов, включая людей из военно-морского ведомства, брались за поиски «I-52», но так ничего и не нашли. Однако расчеты Тайдуэлла выглядели более чем убедительно, и это сломило скепсис потенциальных спонсоров. Энтузиасту удалось собрать около миллиона долларов на организацию экспедиции и заручиться поддержкой нескольких крупных компаний. Неоценимую помощь оказали специалисты фирмы «Меридиан сайенс инк.». Внимательно изучив все добытые Тайдуэллом данные, они скорректировали гипотетический курс подлодки «I-52» и уточнили, где именно может находиться затонувшая субмарина. Расхождение с координатами, которые показали в свое время военные эксперты, оказалось весьма значительным: целых 32 километра!

Для поисков подводной лодки Тайдуэлл арендовал российское океанографическое судно треста «Южморгеология». В апреле 1995 года экспедиция вышла в море, держа курс на точку, расположенную примерно в 1600 км от островов Зеленого мыса. Район поисков общей площадью в 500 кв. км был условно разбит на квадраты. Судно прочесывало их один за другим, прощупывая дно сонаром. Имевшееся на борту оборудование позволяло одновременно «захватывать» по тысяче метров по обе стороны от корабля. Но проходил день за днем, а лодка оставалась недосягаемой — всякий раз многообещающее пятно на экране сонара оказывалось всего лишь еще одной «неровностью рельефа»…

Подходила к концу пятая неделя экспедиции. Перерасход первоначально запланированной сметы составил к тому моменту 250 000 долларов. Топливо было на исходе. Тайдуэлл уже склонялся к мысли, что с поисками, пожалуй, пора заканчивать. Утром 2 мая он решил, что даст самому себе и всей команде еще один шанс. И два часа спустя стало очевидно: исследователи достигли своей цели!

На этот раз ошибки быть не могло — на очередной распечатке данных сонара появились вполне узнаваемые очертания «I-52». Все еще не веря собственной удаче, исследователи более детально «прощупали» найденный объект, после чего опустили на глубину 5100 м камеру с дистанционным управлением. Да, это была она — затонувшая полвека назад «I-52», с более чем явными следами точного попадания! При этом она стояла совершенно прямо. «Как будто не на дне морском, а на приколе в доке», — скажет потом Тайдуэлл.

Эксперты из «Меридиан сайенс» не подвели: лодку обнаружили менее чем в километре от того места, которое они указали. Такая

погрешность, по морским меркам — сущий пустяк. Впрочем, как заметил один из специалистов компании Дэвид Уайатт, дело здесь не только в их филигранной работе, но и в невероятном везении. «Лодка села на более-менее ровном участке дна, неподалеку от откоса. Окажись она где-нибудь в другом месте — не исключено, что мы так ничего и не нашли бы».

Тайдуэлл начал готовиться к подъему ценного груза. Для выполнения такой сложной операции ему потребовалось заполучить российский корабль «Академик Мстислав Келдыш», который успешно работал на месте гибели «Титаника». 8 ноября судно, оснащенное двумя глубоководными аппаратами «Мир», вышло из Лас-Пальмаса, что на острове Гран-Канария. Оборудование аппаратов не позволяло обследовать лодку изнутри, но Тайдуэлл полагал, что слитки лежат вокруг корпуса, развороченного взрывами.

2 мая 1995 года «Келдыш» достиг точки, расположенной в 2400 км от побережья Африки, и с его борта спустили на глубину 5100 м оба «Мира». Через четыре часа от начала погружения Тайдуэлл и его помощники разглядели на дне причудливо громоздившиеся металлические обломки и ящики. Носовую часть субмарины разнесло взрывом, позади рубки зияла огромная пробоина, но открытый входной люк не имел видимых повреждений. Корма уцелела и даже не покрылась донными отложениями.

С помощью роботов-манипуляторов ящики удалось поднять на поверхность. Тайдуэлл вскрывал их в своей каюте, без посторонних глаз, и позже заявил, что во всех ящиках находится опиум. Большинство членов экспедиции не поверили боссу. Люди Тайдуэлла открыто роптали, но работу не бросили и добросовестно обшарили большой участок дна вокруг лодки. Однако вместо золота всякий раз поднимали олово.

Каждое погружение «Мира» обходилось инвесторам в 25 тыс. долларов, и они начали терять терпение. Наконец команда Тайдуэлла добралась до металлических слитков под днищем лодки. Они высыпались из грузового отсека, устроенного с внешней стороны корпуса ради экономии места внутри лодки. Под водой эти аккуратные брусочки выглядели многообещающе. Но на поверку оказалось, что и это олово…

Проникнуть внутрь корпуса оказалось невозможным. В итоге экспедиция закончилась провалом и принесла ее участникам одни долги. Но Тайдуэлл уверен, что две тонны золота по-прежнему ждут искателей приключений в одном из грузовых отсеков «I-52»…

…И КЛАДЫ СОВСЕМ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ

Легенда о стране Эльдорадо

Туземцы сотнями сходились на берега глубокого черного озера, лежавшего на высоте 2700 метров над уровнем моря, в жерле потухшего вулкана. Вскоре началась торжественная церемония, и индейцы притихли, наблюдая, как жрецы снимают с правителя одежды, обмазывают его обнаженное тело глиной и осыпают золотым песком. Спустя несколько минут правитель превратился в Эльдорадо — Золотого человека, и его подвели к бальсовому плоту, на котором уже ждали четыре вождя. Нагруженный подношениями в виде золотых изделий и изумрудов, плот медленно скользнул к середине озера. Громкая музыка и пение стихли.

Вожди опустили подношения в воды озера, и следом с плота спрыгнул правитель. Когда он снова показался на поверхности, золотого кокона на его теле уже не было. Со склонов гор опять грянула музыка…

Хуан Родригес — испанец, столь ярко описавший эту сцену, не был ее очевидцем. В 1636 году, когда он создавал свою хронику, обряд Золотого человека уже отошел в прошлое, да и неизвестно, отправляли ли его вообще когда-нибудь. За сто лет до описываемых событий испанские конкистадоры в поисках легендарных индейских сокровищ вторглись на взгорья современной Колумбии…

Относительная легкость, с которой Эрнан Кортес покорил в 1521 году империю ацтеков в Мексике, а Франсиско Писарро 12 лет спустя поставил на колени инков, возбудила аппетиты других искателей приключений. В 1536 году около девяти сотен конкистадоров в сопровождении туземных носильщиков выступили из поседения Санта-Марта, расположенного на северо-восточном побережье Колумбии. Экспедиция должна была пройти вверх по течению реки Магдалена, добраться до ее истоков, попытаться отыскать новый путь через Анды в Перу и, если повезет, открыть еще одну туземную империю, которую можно было бы подвергнуть грабежу. Предводителем этого похода стал суровый и набожный помощник губернатора провинции, тридцатишестилетний стряпчий из Гранады Гонсало Хименес де Кесада.

Одиннадцать месяцев он и его люди терпели неимоверные лишения, прорубая себе путь сквозь непроходимые заросли, преодолевая топи, бредя по пояс в воде по местности, кишевшей ядовитыми змеями, аллигаторами и ягуарами. Туземцы, прячась в зарослях, осыпали их дождем отравленных стрел. Испанцы голодали, страдали от лихорадки, умирали один за другим… Наконец, Хименес де Кесада принял решение повернуть назад.

Неожиданно его отряд — в нем оставалось менее двух сотен человек — оказался на плато Кундинамарка. Перед ошеломленными испанцами лежали ухоженные кукурузные и картофельные поля и аккуратные хижины богатых, судя по всему, деревень. Доносился мелодичный перезвон колеблемых ветром тонких золотых пластин, висевших над дверьми. Конкистадорам, по их собственному признанию, еще никогда не доводилось слышать столь сладостной музыки. После долгих мытарств они, наконец, достигли заветной цели!

Это была земля индейцев чибча. Испугавшись чужаков, и в особенности их лошадей, которые в Новом Свете были неизвестны, многие туземцы предпочли уклониться от знакомства с пришельцами и покинули свои селения. Но оставшиеся приветствовали европейцев как сошедших с неба богов. Они предложили им пищу, женщин, а главное — столь желанное конкистадорами золото. Этот металл не считался у чибча какой-то особой ценностью. Они выменивали его у соседних племен на изумруды и соль, которых в здешних местах было вдоволь. О стоимости золота туземцы не имели ни малейшего понятия, но ценили его за блеск и плавкость, позволявшую индейским мастерам делать тонкие украшения, утварь и культовые предметы.

Дружеские дары не удовлетворили алчность конкистадоров. Дубинки и копья чибча не могли сдержать захватчиков, вооруженных изрыгающими пламень орудиями, и спустя несколько месяцев Хименес де

Кесада подчинил себе весь здешний край, потеряв при этом всего одного солдата. Но испанцам не сразу удалось узнать, откуда чибча получают золото. Прошло немало времени, прежде чем один старый индеец поведал им тайну Эльдорадо, Золотого человека. Чтобы добыть несметные сокровища, говорил он, надо идти на восток, к горным твердыням, за которыми притаилось озеро Гуатавита. Именно там один из вождей ежегодно передает богам подношения индейцев, опуская в воды озера золото и изумруды, а потом, покрыв свое тело золотым песком, ныряет в озеро сам, чтобы присовокупить свой дар к пожертвованиям соплеменников…

Правда? Легенда? Уловка, призванная отвлечь захватчиков от разграбления родной страны? Как бы то ни было, эта история произвела на европейцев огромное впечатление. Эльдорадо вошел в историю конкисты и вскоре превратился из Золотого человека в страну Эльдорадо — предмет вожделения сонма золотоискателей, страну сказочных сокровищ.

Прежде чем повести своих людей на поиски Эльдорадо, Хименес де Кесада решил вернуться в Санта-Марту и утвердиться на посту губернатора покоренной им страны, которую он назвал Новой Гранадой. Но в феврале 1539 года в горы пришла весть о новой экспедиции, приближавшейся с северо-востока к только что основанной Хименесом столице Новой Гранады — городу Санта-Фе-де-Богота. Ее возглавлял немец по имени Николас Федерманн, который действовал по поручению торгового дома «Вельзер» из Аугсбурга. В знак признательности за денежную помощь при выборах императора Священной Римской империи король Испании Карл отдал дому «Вельзер» свою заморскую провинцию Венесуэла. В поисках еще «свободного» туземного царства Федерманн выступил из прибрежного поселения Коро спустя несколько месяцев после того, как экспедиция Хименеса де Кесада покинула Санта-Марту. Немцу не повезло: два с лишним года он искал проход через горный хребет на плато Кундинамарка, и когда его отряд встретился с Кесадой, он насчитывал лишь 160 изможденных, полумертвых от голода и почти голых людей.

Кесада встретил нежданных конкурентов настороженно, но предложил им еду и одежду, потому что надеялся на их помощь во время вторжения в Эльдорадо. Пока он ломал голову, как лучше использовать немцев, пришла весть о приближении с юго-запада еще одного отряда, возглавляемого Себастьяном де Бельалькасаром, ближайшим помощником Франсиско Писарро.

Бельалькасар шел по пятам остатков армии инков, отступавших на север. По пути он основал город Кито (ныне столица Эквадора). Ему тоже рассказали о баснословных богатствах, спрятанных во внутренних районах страны. Бельалькасар прибыл в Санта-Фе-де-Богота с отрядом хорошо экипированных и вооруженных всадников и примкнул к экспедиции Кесады. По невероятному совпадению, в каждом из трех отрядов было по 166 человек. Между их предводителями начался спор о преимущественном праве на предстоящие завоевания. Не достигнув соглашения, все трое отправились в Испанию, чтобы изложить свои претензии королю. Экспедиция в Эльдорадо была отложена на неопределенный срок…

Первым, кто предпринял попытку достать со дна озера Гуатавита лежащие там сокровища, был Эрнан Перес де Кесада, брат завоевателя

Новой Гранады. В сухой сезон 1540 года он велел своим людям сделать из тыкв ковши и вычерпать из озера всю воду. За три месяца трудов ему и впрямь удалось понизить уровень воды приблизительно на три с половиной метра и извлечь на свет более трех тысяч мелких золотых изделий, но добраться до середины озера, где предположительно лежала львиная доля сокровищ, испанцы не сумели.

Сорок лет спустя была предпринята еще более дерзкая попытка осушить озеро. Некий купец из Боготы нанял несколько тысяч туземцев, чтобы прорыть отводной канал в толще одного из холмов. Когда работа была сделана, уровень воды понизился на 20 метров. На обнажившемся участке дна был найден изумруд размером с яйцо и множество золотых безделушек, но этой добычи не хватило даже на оплату издержек. Позже один искатель сокровищ тоже попытался прорыть туннель, но был вынужден отказаться от этой затеи, когда свод обвалился и почти все его рабочие погибли.

Однако легенда об Эльдорадо оказалась живучей и даже привлекла внимание немецкого естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта, посетившего Колумбию в составе научной экспедиции в начале XIX века. Хотя его интерес к сокровищам был чисто теоретическим, Гумбольдт подсчитал, что воды озера Гуатавита, возможно, скрывают золото На сумму 300 миллионов долларов. Ученый исходил из предположения, что за сто лет в обряде приношения даров приняли участие 100 тысяч человек, и каждый из них бросил в озеро хотя бы пять золотых предметов.

Последняя попытка осушить озеро была предпринята в 1912 году, когда британские кладоискатели привезли на его берег громадные насосы. Им удалось откачать почти всю воду, но мягкий ил на дне озера тотчас засасывал всякого, кто отваживался спуститься в котловину. На другой день ил высох и сделался твердым, как бетон. Затратив на предприятие 160 тысяч долларов, британцы извлекли из озера золотые украшения на сумму лишь 10 тысяч. А в 1965 году колумбийское правительство объявило озеро Гуатавита национальным историческим заповедником и положило конец всем попыткам добраться до его дна…

В 1541 году, спустя пять лет после начала похода Бельалькасара, Гонсало Писарро, брат покорителя Перу, покинул Кито и тоже пустился на поиски Эльдорадо. Вскоре к Писарро присоединился другой конкистадор, Франсиско де Орельяна. Когда экспедиция преодолела Анды, спутники расстались. Писарро вернулся в Кито, а Орельяна пошел на восток, спускаясь по широкой реке, которая привела его в конце концов на побережье Атлантики. По пути он набрел на туземное племя, женщины которого владели луком и стрелами лучше, чем мужчины. Вспоминая древнегреческую легенду о воительницах-амазонках, Орельяна назвал эту реку Амазонкой.

По следам Писарро и Орельяны позже не раз отправлялись другие авантюристы, которые расширили зону поиска Эльдорадо до устьев Амазонки и Ориноко. Одним из самых упорных искателей был Антонио де Беррио. Подобно своим предшественникам, он был убежден, что предмет поисков лежит на дне одного из высокогорных озер, но гораздо восточнее — в горах Гвианы, куда якобы отступили побежденные инки и где они основали легендарный город Маноа, улицы которого, по слухам, была

вымощены золотыми плитами.

За 11 лет, с 1584 по 1595 год, Беррио трижды возглавлял экспедиции в Гвиану. Во время третьего похода он добрался до острова Тринидад, где повстречал знаменитого английского авантюриста сэра Уолтера Рэли. Англичанин подпоил Беррио, выведал у него тайну Эльдорадо и, вернувшись на родину, написал восторженный отчет о царстве Золотого человека. Рэли пылко утверждал, что Эльдорадо куда богаче Перу. Однако его книга не возбудила особого интереса, а собственная попытка Рэли отыскать Эльдорадо завершилась неудачей.

Более четырехсот лет легенда о стране Эльдорадо будоражила воображение золотоискателей. Никто из них, разумеется, не отыскал ни озера с золотым дном, ни города с золотыми мостовыми. Максимум, что они находили, — это причудливые золотые украшения индейцев, не отвечавшие европейским понятиям о тонкости вкуса. Поэтому большую часть этих изделий попросту переплавляли, а слитки отправляли в Европу. То немногое, что сохранилось в первозданном виде, сейчас хранится в музеях.

Сколько ни рыскали европейцы по горам, сельве и прериям Южной Америки, они так и не смогли отыскать таинственную страну Золотого человека. Правда, в результате этих поисков удалось составить подробные карты почти всего континента. Жажда золота помогала искателям сокровищ выносить чудовищные тяготы и лишения, приспосабливаться к суровым погодным условиям, выживать среди недружелюбно настроенных туземцев. Индейцы никак не могли взять в толк — почему белые пришельцы так жаждут заполучить эти блестящие безделушки, предназначенные для украшения домов и святилищ? От холода они не спасают, голод не утоляют, удовольствия не доставляют… Это повергало индейцев в полную растерянность. Зато европейцы слишком хорошо знали цену золоту и оттого с такой легкостью поверили в чудесную страну Золотого человека, который если и существовал когда-либо вообще, то сгинул задолго до того, как они принялись разыскивать его…

Кудеяровы Клады

…В один из погожих апрельских дней 1881 года в Петербурге, на Литейном проспекте, над дверью ювелирной лавки брякнул колокольчик. Полноватый хозяин лавки, с седой бородкой клинышком, вышел навстречу посетителю. В дверях стоял черноусый плотный человек, явно провинциал, с небольшим свертком в руках.

— Что вам угодно? — поинтересовался ювелир.

— Я слышал, вы покупаете старинные драгоценности, — неуверенно проговорил вошедший.

— Вы хотите мне что-то предложить?

— Да… Вот, извольте взглянуть.

Посетитель положил сверток на прилавок и развернул его. Ювелир ахнул. На прилавке лежали массивный чеканный золотой ковш старинной работы, украшенный самоцветными камнями, и несколько золотых и серебряных перстней с эмалью, рубинами и бирюзой.

— Это же очень древние вещи, — полувопросительно-полуутвердительно произнес ювелир, взглянув на посетителя поверх стекол пенсне.

— Да. Это вещи из клада, который нашли на моей земле. Я помещик, из Курской губернии, у меня там небольшая земляная дача, двести десятин с лишком. Говорят, это золото Кудеяра…

Золото Кудеяра… Воистину, из всех легенд о «зачарованных кладах» это самая большая загадка, неразрешенная до сих пор. Здесь неясно все. Кто такой Кудеяр? Когда и где он жил? Сколько у него было сокровищ и где они? Где и как окончил он свою разбойную жизнь? Нет ни одного достоверного свидетельства, ни одного достоверного документа, ничего нет. Только легенды и многочисленные, рассеянные от Днепра до Волги, Кудеяровы «городки», овраги, курганы, камни, леса, урочища… И — клады. Клады, полные несметных сокровищ, которые до сих пор таятся где-то на всем пространстве бывшего Дикого поля…

Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан.

Разбойник Кудеяр принадлежит к одним из самых популярных персонажей фольклора. Легенды о нем записаны во всех южных и центральных губерниях России, от Смоленской до Саратовской:

«А то еще был Кудеяр — этот где-где не разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску — везде побывал, везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю, да все с проклятиями: страшный колдун был. И какою поганой силой владел: раскинет на берегу речки, озера, так какого ручья, раскинет полушубок или свиту и ляжет спать; одним глазом спит, другим сторожит: нет ли погони где; правый глаз заснул — левый сторожит, а там левый спит, правый сторожит — так вперемену; а как завидит где сыщиков, вскочит на ноги, бросит на воду полушубок, на чем спал, и станет тот полушубок не полушубок, а лодка с веслами; сядет Кудеяр в ту лодку — поминай как звали… Так и издох своей смертью — никак изловить его не могли, как там ни старались».

Это только одно из кратких жизнеописаний Кудеяра, бытовавших в народной среде. Какой же реальный исторический персонаж скрывается за этим именем? На этот счет уже высказано множество гипотез, но, увы, ни одна из них не проливает свет на тайну Кудеяра.

Когда жил Кудеяр? Здесь мнения в основном совпадают: в середине XVI века. Он был современником Ивана Грозного. Это отчасти подтверждается документами. Так, в 1640 году, в ответ на запрос из Москвы, тульский воевода писал, что ему про Кудеяра «сказывали давно старые люди, лет с 40 назад».

Большинство историков согласны и с тем, что имя Кудеяр (Худояр) — татарского происхождения. У Карамзина упоминается крымский мурза Кудояр, который в 1509 году очень грубо обошелся с русским послом Морозовым, назвав его «холопом». С тем же именем известны послы крымский и астраханский. Но, как нередко бывало в древности, от татар это имя могло быть усвоено и русскими.

Многие легенды прямо называют Кудеяра татарином. По преданиям, записанным в Саратовской и Воронежской губерниях, Кудеяр был татарином, знавшим русский язык, человеком огромного роста. Он был баскаком — ханским сборщиком податей. Разграбив подмосковные селения и с большим богатством возвращаясь в Орду, в Саратовские степи, Кудеяр по дороге решил скрыть от хана взятую дань и поселился в Воронежских землях, где стал промышлять разбоем. Здесь он женился на русской девушке — редкой красавице, которую увез силой.

В Рязанской и некоторых местностях Воронежской губернии рассказывали, что Кудеяр — опальный опричник, который отбивал скот у местных жителей, грабил и убивал московских купцов. А в Севском уезде Орловской губернии Кудеяра вообще считали не человеком, а нечистым духом-«кладовиком», который стережет заговоренные клады.

В исторических документах, относящихся к временам Ивана Грозного, упоминается сын боярский белевец Кудеяр Тишенков, изменник, перебежавший к крымскому хану и помогавший ему овладеть в 1571 году Москвой. Затем Кудеяр Тишенков ушел с татарами в Крым. Беседуя с крымским послом два года спустя, Иван Грозный сетовал на то, что хану удалось взять Москву с помощью бояр-изменников и «разбойника Кудеяра Тишенкова», который навел татар на Москву. Однако ничто не свидетельствует о том, что Кудеяр Тишенков и является тем самым легендарным разбойником Кудеяром.

Весьма популярна увлекательная гипотеза о том, что Кудеяр — не кто иной, как старший брат Ивана Грозного, претендент на русский престол. Основанием для подобных утверждений послужили следующие исторические события.

Первая жена великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Грозного, Соломония Сабурова была бездетна. После долгих ухищрений стало ясно, что наследников у князя не будет. Тогда Соломония Сабурова, в нарушение всех церковных канонов, была насильно пострижена в монастырь, а князь вторично женился — на Елене Глинской, которая родила ему двух сыновей — Ивана и Георгия (Юрий). Меж тем у монахини Соломонии Сабуровой, заточенной в монастыре… тоже родился сын! Новорожденный вскоре же умер и был погребен в Суздальском Покровском монастыре. Однако раскопки его могилы в 1934 году показали, что похоронена была кукла в одежде мальчика. Существует предположение, что ребенка скрыли, опасаясь убийц, подсылаемых второй женой — Еленой Глинской, и тайно переправили к крымскому хану. Там он вырос и под татарским именем Кудеяр явился на Русь как претендент на престол. Не добившись успеха, Кудеяр занялся разбоем.

Как можно заметить, почти все перечисленные гипотезы связывают Кудеяра с Крымским ханством. А места, где, по преданиям, разбойничал Кудеяр, несмотря на свою географическую разбросанность, объединены одним общим свойством: здесь проходили древние торговые и посольские пути из Крыма в Московскую Русь. На этих дорогах разбойники выслеживали богатую добычу, а затем прятали ее в потайных местах, около своих станов и городищ.

Кудеяровых городков, где, по преданию, зарыты разбойничьи клады, известно в Южной России около сотни. Особенно много таких «городков» находилось в пределах Воронежской губернии — уездах Воронежском, Задонском, Землянском, Бобровском, Коротоякском и Павловском. Так, в Шиповом лесу у села Ливенки в Павловском уезде находились остатки «логова» Кудеяра, включавшего дом, кладовые и конюшни. С этим местом связано множество легенд о разбойных дедах страшного атамана. Укромное место под названием Кудеяров лог указывали в Задонском уезде, в 6 верстах от села Белоколодского, по дороге на Липецк. Этот глубокий овраг окружен крутыми, почти отвесными стенами, что делало его надежным убежищем. Рядом находится лощина, называемая «Мертвушкой», — по преданию, здесь Кудеяр казнил взятых в плен купцов.

Явно сделанное человеческими руками насыпное городище под названием «Кудеяров притон» было известно в Бобровском уезде. Городище в виде большого четырехугольника, окопанного валами и рвом, со всех сторон окружено болотами и кустарником. По преданию, здесь находилась первая ставка Кудеяра.

В Липецкой области, на Дону, напротив села Долгого, возвышается гора, именуемая Черным Яром или Городком. На ней лежит очень большой камень синеватого цвета. По преданию, здесь находилась Кудеярова крепость. Лежащий на горе камень считали заколдованной, окаменевшей лошадью Кудеяра, получившей синеватый цвет оттого, что она была опалена огнем. Рассказывают, что Кудеяр вместе со своими соратниками Волдырем и разбойницей Анной, укрываясь в донских лесах, грабил караваны купцов, шедших по вниз по Дону. Донские казаки, заинтересованные в безопасности торгового пути, ополчились против Кудеяра. Сначала они разгромили ставки Волдыря и Анны, затем добрались до пристанища Кудеяра. Долго осаждали они крепость Кудеяра, затем догадались обложить ее хворостом и зажечь со всех сторон. Тогда Кудеяр зарыл все свои сокровища в землю, поставил над ними свою любимую лошадь, обратив ее в камень, чтобы она не сгорела, а сам бежал в лес. Но казаки погнались за ним, хитростью взяли в плен, сковали и бросили с Черного Яра в Дон.

Неподалеку, в бывшем Пронском уезде, близ сел Чулково и Абакумово, находится урочище Каменные Крестцы. По преданию, здесь находилась одна из главных ставок Кудеяра. Рассказывают, что в XVIII веке здесь нашли камень с именем Кудеяра.

На реке Неруч, в Орловской губернии, в трех верстах от села Затишье, есть две «ямы Кудеяра» — по три сажени глубиной, соединенные подземным ходом с рекой Неруч. Здесь, по преданию, скрывался Кудеяр. Множество кладов Кудеяра связано с Брянскими лесами и вообще со всей лесной частью бывшей Орловской губернии.

В Тульской и Калужской губерниях рассказывали о кладах Кудеяра, зарытых в различных «колодцах», «верхах», «ярах», а кое-где сохранялись и «кладовые записи» на Кудеяровы клады. Одной из таких записей в конце XIX века владел монах Оптиной пустыни, после смерти которого рукопись попала в монастырскую библиотеку. В ней содержались обширные сведения о кладах, зарытых Кудеяром в окрестностях Козельска и Лихвина

(ныне Чекалин).

В качестве одного из мест, где положены клады Кудеяра, рукопись называла Чертово городище или Шутову гору — таинственное лесное урочище в 18 верстах от монастыря Оптина пустынь, неподалеку от старинной дороги из Козельска в Лихвин, на которой так удобно было грабить проезжающих купцов…

…На заросшем лесом высоком бугре, господствующем над окружающей местностью, почти на самой его вершине тремя отвесными стенами поднимается из земли громадная глыба сероватого песчаника, изборожденная многочисленными трещинами и поросшая мхом. Из-за этих четких граней городище иногда называли еще «Гранный Холм». Четвертая сторона городища, полуразрушенная временем и заросшая травой, почти сровнялась с площадкой на вершине бугра, образуя «двор» Чертова городища. По преданию, здесь находился «замок» Кудеяра, построенный для него нечистой силой. Будто бы за одну ночь бесы соорудили на площадке городища двухэтажный каменный дом, ворота, выкопали пруд… Однако постройку закончить до рассвета не успели — прокричал петух, и нечистая сила разбежалась, бросив постройку неоконченной. И, по рассказам свидетелей, еще долгое время спустя, вплоть до начала 1800-х годов, на городище можно было видеть недостроенное здание — «памятник бесовской архитектуры», которое затем начало быстро разрушаться.

Следы выкопанного «бесами» пруда указывали еще в 1880-х годах, а многочисленные каменные обломки, разбросанные вокруг городища, свидетельствуют как будто о каких-то постройках, некогда бывших здесь. А на одном из камней, лежавших у подножия городища, еще сто лет назад явственно был виден след «лапы» нечистого.

В толще песчаника, из которого сложено городище, скрывается несколько пещер. В главной пещере, называемой «входом в нижний этаж», могло свободно разместиться несколько человек. Из нее два узких лаза уходят в глубь горы…

Рассказывают, что строившая замок нечистая сила сберегает теперь зарытые на городище и в окрестных оврагах и лесных урочищах клады Кудеяра. А по ночам на городище появляется привидение дочери Кудеяра Любуши, проклятой отцом и навеки заточенной в недрах Чертова городища. Будто выходит она на гору, садится на камни и плачет, просит: «Тяжко мне! Дайте мне крест!» В прежнее времена монахи Оптиной пустыни дважды устанавливали на городище крест. Неподалеку от городища находится Кудеяров колодезь, в котором укрыты, по преданию, «12 бочек золота».

Очень интересны свидетельства о Кудеяровом городке на горе Богатырке (Крутце), что в Саратовской губернии. Здесь, в развалинах землянки, в которой, по преданию, жил Кудеяр, были найдены человеческие кости, кинжалы, наконечники пик, бердыши, фрагменты кольчуг, татарские монеты, кольца, перстни и т. д. Подобные находки неизменно будили интерес к легендарным кладам Кудеяра, и охотников найти их было великое множество…

Особенный интерес вызывало у кладоискателей Кудеярово городище, расположенное в дебрях Усманского леса. Оно окружено

высоким валом со следами ворот и окопано широким рвом. Когда-то, в 1840-х годах, одной из крестьянок села Студенки посчастливилось найти здесь массивный золотой старинный перстень. С той поры каждую весну в Усманский лес регулярно устремлялись полчища кладоискателей со всех окрестных мест, изрывших лес ямами и траншеями. Говорили, что сокровища укрыты на дне находящегося поблизости Чистого озера. Один помещик даже пытался спустить озеро через специально прорытый канал, но дело не пошло. Много было разговоров о будто бы найденном в лесу сундуке, который «ушел в землю», находили и всякую мелочь — но вот главные сокровища Кудеяра так до сих пор не обнаружены.

А вот в других местах кладоискателям везло больше. Нельзя сказать, чтобы находки кладов были массовыми, но известны, по крайней мере, четыре случая, когда клады серебряных монет и немногочисленных золотых предметов были найдены именно в «Кудеяровых» урочищах. Принадлежали ли эти клады легендарному разбойнику? Неизвестно. Да и вообще, трудно поверить, что один человек мог «населить собой» огромные пространства степи. Давно уже высказывается мнение, что под именем Кудеяра могло скрываться несколько разных людей — как под именем царевича Дмитрия или Петра III. А может быть, из личного имени какого-нибудь выдающегося русского или татарского разбойника имя «Кудеяр» превратилось в нарицательное имя для всякого предводителя разбойничьей шайки, стало синонимом слова «разбойник». Поэтому так разнятся версии о происхождении, жизни и смерти Кудеяра. Поэтому так много у нас кудеяров — уж в чем, в чем, а в разбойниках на Руси испокон веку недостатка не было. И уже в конце XVIII столетия начали слагаться легенды о том, как «в старые-старые годы в Спасских местах проживали семь братьев-кудеяров»…

Призрак разинских сокровищ

«Он много кладов закопал — казну свою хоронил. О тех кладах и посейчас слух идет, да все те клады заговорены. Немало было охотников взять их, но никто не может похвастаться удачей — не даются разинские клады. То незадачливого кладоискателя отбросит ветром за несколько верст, а то покажется клад, да уйдет глубже в землю, и сколько ни копай — не докопаешься. Сторожат разинские клады черти, а заговорены те клады на головы: на место, где клад зарыт, надо принести двенадцать голов, шесть женских и шесть мужских».

Так или приблизительно так рассказывали в народе о легендарных кладах Степана Разина. Правду в этих рассказах настолько невозможно отделить от вымысла, что многие исследователи отказывались вообще принимать их всерьез. Это во многом справедливо, особенно если понимать «клады Разина» как «настоящие» золото и серебро. Но легенды о кладах Разина прежде всего подчеркивают, что Разин был «колдун», «еретик», могучий чародей. А, как мы помним, в фольклоре клад — это не просто деньги или ценности, но и магическая «сила». Вот и верили в народе, что Стенька прятал свою «силу» в виде зачарованных кладов. Это подтверждает и бытующее в народных преданиях убеждение, что Стенька клал свои клады не с тем, чтобы взять их обратно, а потому, что некому было их передать на сбережение — не было достойного человека. Если такой человек найдется, то ему и достанутся сокровища Разина. А от

недостойных людей разинские клады заговорены крепкими заклятьями.

Есть поверье, что по ночам Разин стережет свои клады, являясь скачущим на белом коне или плывущим по Волге в ладье с шелковыми парусами.

Стенька Разин еретик,
Днем в могиле лежит,
Ночью телеса наводятся —
По свету ходит,
Поклажи свои сторожит.

Самый большой клад Разина, по преданию, укрыт близ села Шатрашаны Буинского уезда Симбирской губернии. Этот клад — «всем кладам отец». Говорили, что на эти сокровища можно купить всю Симбирскую губернию. Около села за рекой тянется земляной вал, в этом валу вырыта пещера — «выход», частично обвалившаяся. В глубине пещеры, за железной дверью, хранится сорок пудов золота и множество сундуков с жемчугами. Здесь также стоит икона Божьей Матери, а перед ней горит неугасимая лампада. Кто отыщет список этой иконы, тот отроет и клад, а кто станет рыть клад без этой иконы, тот тотчас же и уснет. При рытье ударит двенадцать громов, явится всякое войско, и конное, и пешее, и будут всякие привидения, только бояться этого не надо. Этот зачарованный клад неоднократно пытались добыть с помощью знахарей-«ворожцов».

А в четырех верстах от села Труслейки, говорят, Разин в подземном срубе спрятал клад в 104 миллиона рублей золотом. Там находится жестяная таблица, прибитая к матице из черного дуба. В выходе стоит стол, на столе лежит Евангельская книга, тут же стоит и блюдо, а на блюде лежит Камень-самосвет, весом в полтора фунта, и Камень невидимый. В углу выхода поставлены сорок два ружья, вокруг них — медная шпоночка, блестящая, как золото. В выходе же стоит часовня, а в ней находится Крест Животворящий да Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый. Перед их иконами горит большая неугасимая свеча. В кладу положено двойное золото, серебро — все крестовики, жемчуг и медные деньги, все с конями. Около клада стоит пристав-черт и никому не дает денег. Кто возьмет этот клад, тому построить собор-церковь и поставить в ней Животворящий Крест, находящийся в часовне, а икону Арсидимы Божьей Матери отнести в Соловецкий монастырь. Камень же самосвет и Камень Невидимый отослать к царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а в карман не класть. От Невидимого камня много пользы: если царь обойдет с ним всю Россию, то она сделается невидимой для неприятеля. Есть поверье, что если кто начинает копать этот клад, то из-под земли слышит слабый женский голос: «Не усиляйся, раб Божий, своей силой поднять казну! Найди разрыв-траву и выручи Божью Матерь из неволи, и тогда всему твоему роду и породью будет царствие небесное».

А около села Стемаса под Алатырем, в крутом овраге, зарыл Стенька двенадцать бочек золота. Стерегут его двенадцать чертей с ружьями, а чтобы взять этот клад, надо из рук этих чертей принять и выпить «ведро соплей с харкотиной»…

А в горе близ Сенгилея, под названием Шиловская шишка, устроил Стенька, как рассказывают, подвал, а в нем на цепях четыре бочки золота, сторожит их большой медведь…

И таких рассказов бытовало по всему Поволжью, от Астрахани до Жигулей, десятки, а может быть, и сотни. Рассказывали и про затопленную лодку с серебром; про сундук, что полон драгоценного платья, а сверху, как жар, горит икона, а заклята та поклажа на 300 лет; про 12 нош (ноша — мера веса, которую способен зараз унести на себе бурлак или крючник) серебра в чугуне, зарыт в горе, покрыт железным листом. Рассказывали и про две бочки серебра, зарытых у села Промзино Городище в Алатырском уезде — один мужичок взялся их отыскать, копал-копал, и дошел уже до каменной плиты, которая те бочки покрывала, да тут вдруг видит — идет прямо на него войско с ружьями, солдаты в него целятся… Побросал все лопаты-скребки кладоискатель, да бежать! Утром вернулся на то место, смотрит — нет ни скребка, ни лопаты. А вот если бы не струсил, то клад бы ему достался.

Стенькино колдовство пытались преодолевать и с помощью «ворожцов»-знахарей. К примеру, в селе Кувай под Алатырем Разин, по легенде, оставил в одном из курганов большой клад. И вот в 1840-х годах появился в селе некий человек, пришел он, как сам говорил, из степей, от «Каспинского» моря. У этого человека были старинные письма от «товарищей Стеньки Разина», и в этих письмах говорилось, что в Кувае, в урочище Городок, сокрыт клад: «Под этим курганом зарыто множество золота и серебра; одних наших братских денег положено в кладу до 10 тысяч золотых, а атамановой казны и не перечесть, над этим кладом висит на золотой цепи икона Богородицы в золотой ризе». Немедленно из кувайских мужиков составилось товарищество желающих искать сокровища, а для преодоления разинских чар был вызван ворожец из города Корсуня — большой мастер, «у которого все клады были наперечет». Знахарь, прибыв в село, принялся гадать: пошептал над водой, посмотрел на дно чашки и сказал: «Весь Кувай стоит на кладах!» Ворожца повели на место предполагаемого клада. «Третьим глазом» он зорко таращился по сторонам и то и дело вскрикивал.

— Смотри-ка, смотри-ка — денег-то, денег тьма какая! Весь Кувай в огнях — как жар горит! Это золото и серебро в кладах горит!

Но мужики, сколько ни пялили глаза — ничего не видели. Пришли на место, стали копать. На глубине трех сажен наткнулись на крышку медного котла. Ворожец кинулся в яму и котел тащит, а мужики заспорили — как клад делить. Клад меж тем стал в землю уходить — никакое колдовство не помогает! Так и ушел. Ворожец из ямы вылез, ругается:

— Что ж вы, — говорит, — не добыв клада, делить его вздумали? А теперь он наружу выйдет лет через пять или через десять.

В преданиях клады Разина имеют три общих черты: они непременно заговорены (ведь Разин, говорят, сильным колдуном был!), укрыты с применением сложных подземных инженерных сооружений (каменные подвалы с железными дверями, многокомнатные подземелья и т. п.) и содержат просто-таки баснословные сокровища. Дыма без огня не бывает, но здесь и то, и другое, и третье вызывает явные сомнения и заставляет

критически отнестись к самому факту существования разинских кладов.

Но в основе этих легенд лежит один исторический факт. История разинских кладов начинается от Фрола Разина, Степанова брата.

Во время казни мятежников, когда потащили их на плаху, перепуганный до жалости к себе Фрол крикнул: «Государево слово и дело за мной!» Степан успел рявкнуть: «Молчи, собака!» Но тут палач отсек ему голову. А Фрола снова поволокли на допрос. Он под пыткой показал, что «были у моего брата воровские письма, присланные откуда ни на есть, и эти всякие бумаги он зарыл в землю… собрал их в денежный кувшин, засмолил и зарыл в землю на острове на Дону, на урочище Прорва под вербою, а эта верба посередине крива, а около ней густые вербы; а около острова будет версты две или три». Кроме того, рассказал Фрол, брат его «награбил зело много добра всякого», а после разгрома восстания увез с собой на Кагальник «сундук с рухлядью». В числе этой «рухляди» был некий «костяной город, образцом сделан будто Цареград».

Фрола повезли со стрельцами на Дон. Пять лет он искал там клады, водил стрельцов по разным урочищам, утверждая, что не может найти приметный большой камень, пещеру или дерево. Надоело это властям, привезли его обратно в Москву и голову ссекли. Правда, есть свидетельства, что Фрола приговорили к вечному заточению.

С тех пор клады Разина пытаются найти на протяжении трехсот лет. В центре внимания кладоискателей прежде всего находились многочисленные урочища на Дону и Волге, связанные с именем Разина. Одним из таких мест считалось городище Увек в 12 верстах от Саратова. Некогда здесь располагался золотоордынский город. Один из заросших лесом оврагов вблизи Увека называют «Стенькиным оврагом», в котором находилась «Стенькина пещера». Пещера эта обвалилась еще в середине XIX столетия. Из нее шел подземный ход на вершину горы, откуда открывался вид на Волгу и Саратов. Было видно на 12 верст вокруг. В 1860-е годы овраг и остатки пещеры осматривал историк В. Крестовский. Он обнаружил остатки кирпичной облицовки стен пещеры, золотоордынские монеты, предметы периода Золотой Орды.

А сколько гуляло по рукам «кладовых записей» на разинские клады! В конце 1893 года масштабные поиски кладов Разина в Лукояновском уезде Нижегородской губернии вел некто Ящеров. Он основывался на попавшей в его руки фантастической «кладовой записи». Против потуг Ящерова с аргументированной критикой выступили члены Нижегородской ученой архивной комиссии, однако авантюристу удалось получить разрешение на раскопки от Императорской Археологической комиссии. Пока суд да дело, настала зима и поиски были отложены. В ожидании раскопок, как водится, история стала раздуваться прессой — сенсация, однако! Кладоискатель меж тем не спешил приняться за дело и, погревшись немного в лучах славы, исчез в неизвестном направлении…

Старинные клады Словакии

Почти каждый средневековый замок неизменно окутан легендами, немалую долю которые занимают легенды о кладах. Не стали исключением и старинные замки Словакии.

На юго-западе Словакии, у самой ее границы с Австрией и Венгрией, лежит лесистый горный массив Малые Карпаты. Здесь на одной

из горных вершин находятся живописные развалины замка Острый Камень. Когда-то ой вместе с соседними замками — Смоленице и Корлатка — обеспечивал безопасность торговых путей через Карпаты в Моравию. До наших дней сохранились предания о семи дубовых сундуках, наполненных золотыми дукатами и укрытых в подземельях замка. На протяжении веков многие пытались отыскать эти сокровища, но, согласно той же легенде, на клад было наложено заклятие, и все, кто начинал поиски, заболевали и быстро умирали. А кроме того, та часть подземелья, где находятся сундуки с золотом, еще в давние времена обрушилась, обломки засыпали клад, и он стал еще более недоступным. Но наверняка найдутся настойчивые, энергичные и изобретательные люди, которые сумеют пробиться сквозь руины обрушившихся сводов подземелья и против которых окажется бессильным древнее заклятие. Вот они-то и доберутся до сокровищ Острого Камня. Если, конечно, эти сокровища действительно существуют…

Замок Корлатка, согласно древним хроникам, с 1041 года принадлежал знатному роду Абовцев. Потом некоторое время замком владел орден немецких рыцарей, которому венгерский король Матьяш Корвин в 1485 году продал его за 6000 золотых талеров. Ныне от замка остались лишь живописные руины, под которыми, как гласит молва, находится подземный коридор, оканчивающийся глубоким колодцем, заполненным несметными сокровищами. Но добыть их сможет лишь тот, кто в ночь праздника Ивана Купалы отыщет цветок папоротника.

Неподалеку от города Ружомберока на вершине крутой горы массива Малый Хоч когда-то гордо возвышался величественный замок Ликава. По преданию, его построили на рубеже XII–XIII веков тамплиеры (храмовники), члены духовно-рыцарского ордена Храма Соломона. Первое письменное упоминание о Ликаве относится к 1312 году. Сейчас и от этого замка остались одни развалины. Среди местных жителей ходит легенда, согласно которой в темные, безлунные ночи здесь появляется призрак в длинном черном плаще с надвинутым на лоб капюшоном. В руках он держит кирку и лопату. Многие связывают это явление с преданием о том, что во время очередной междоусобицы владелец замка вместе со своим верным слугой закопал под одной из башен все фамильные драгоценности. После этого он убил слугу, окропив тайник его кровью — в качестве заклятия, охраняющего клад от любых посягательств…

В отличие от предыдущих замок, стоящий на берегу реки Ваг и возвышающийся над городом Тренчин, хорошо сохранился. В конце XIII века он принадлежал одному из самых могущественных венгерских вельмож тех времен, Мате Чаку, ставшему в 1296 году палатином (наместником князя) и постепенно скопившему огромное состояние. С тех далеких времен сохранилась легенда, что в одном из подземелий Тренчинского замка покоится тело Мате Чака вместе с его неисчислимыми сокровищами. Известно, что эту гробницу-сокровищницу вырубали в монолитной скале в течение четырех лет, а каменные глыбы, извлеченные при этом из недр горы, использовали для постройки новой башни замка. Хоронили своего сеньора верные рыцари-вассалы, и среди них — кастелян (комендант) замка, капитан Ладислав Омодеевский. Спустя годы он, уже перед смертью, рассказал, что проникнуть в подземелье, где погребен владелец замка вместе со своими сокровищами, практически невозможно.

Тщательно замаскированный вход ведет в наклонный тоннель, уходящий в глубь скалы. В конце тоннеля на глухой стене нарисована фреска, изображающая сцену возвращения Святого семейства с младенцем Иисусом из Египта. Если нажать на глаза Иисуса, открывается вход в подземную залу, где стоят большие медные котлы и железные бочки, заполненные золотыми монетами, отчеканенными во времена королей Андрея III и Отокара Пшемысла. Именно такими монетами Мате Чак выплачивал жалование королевским солдатам, составлявшим гарнизоны в его городах и замках.

Немало легенд ходит о замке Пустый Град. Согласно одной из них, в этом замке были укрыты колоссальные сокровища, которые до сих пор стережет таинственный монах. Чтобы нагонять страх на людей, он может принимать различные обличия. Очередная фантазия? Однако достоверно известно, что 10 августа 1899 года основателя Словацкого общества музеев Андрея Кмета привели к человеку, который за много лет до этого во время вспашки поля поблизости от Пустого Града выкопал из земли глиняную чашу, похожую на литургический церковный сосуд. В момент встречи с Кметом это был уже беспомощный, тяжело больной старик, с трудом отвечавший на вопросы. Из ею отрывочных фраз следовало, что он знал человека, который однажды в руинах замка отыскал проход, ведущий в подвалы, сумел проникнуть в помещение, загороженное решеткой, и увидел там много ценных предметов. Но когда этот человек доставал из сундука серебряную чашу прекрасной работы, перед ним внезапно возник таинственный «красный монах», перепугавший его до смерти.

Другой музейный работник, Петер Петр, в мае 1926 года услышал рассказ о том, как за сто лет до этого некая крестьянка из деревни Репиште пошла за весенними грибами на гору, на вершине которой находились развалины Пустого Града. Там, примерно в 50 метрах от остатков оборонительной стены, она увидела вход, ведущий в подземелья замка. Дело было как раз в Страстную Пятницу, накануне Пасхи, когда, согласно поверьям, все злые силы, стерегущие клады, теряют свою власть над ними. Словом, крестьянка проникла в подвал с сокровищами и набрала их столько, сколько смогла унести. Когда она вышла наружу, то увидела рядом с собой неизвестно откуда взявшуюся собачонку, которая, не отставая, побежала за ней следом. Крестьянка благополучно дошла до своего дома с неожиданно попавшим к ней в руки богатством. Но, едва переступив порог, она замертво рухнула на пол…

Словакия — это преимущественно горная страна с извилистыми дорогами и тропами, тянущимися по краям пропастей и огибающими отвесные скалы, с узкими ущельями и крутыми перевалами, с многочисленными пещерами. В Средние века здесь процветал разбойный промысел. А где разбойники, там и клады. До наших дней дошло огромное количество сведений о подобных кладах, укрытых в разных частях страны.

Одним из самых знаменитых разбойников легенды называют Яноша, или Яносика. Кладов, разумеется, он зарыл больше всех: большой ларец с драгоценностями в пещере на перевале Лаховы Лаз неподалеку от Зволина, сундук, полный золотых и серебряных монет в глубоком колодце на окраине Прешова… В пещере на горе Олтарно, что в 15 километрах от Кленовца, Яношек во главе своей ватаги сразился с жившими там

вурдалаками, а после победы завладел их огромными сокровищами, которые лежат там в надежном тайнике до сих пор. Этот клад можно отыскать только один раз в году — в Страстную Пятницу, но как только нашедший пытается его взять, с вершины горы начинают сыпаться камни, а в самой пещере поднимается настоящая вьюга…

Нечистая сила зорко сторожит заклятые клады. Рассказывают, что в первой половине XIX века в Братиславу из саксонского города Мариенбурга переехал некий Хельвиг, который привез с собой старинное руководство по поискам кладов и обезвреживанию злых сил, охраняющих эти клады. Вскоре он женился и стал жить вместе с женой у ее родителей на улице Шендорфской. Хельвиг работал столяром в расположенной при доме мастерской, а все свободное время посвящал подготовке к поискам сокровищ, которые, согласно имевшимся у него точным сведениям, были закопаны у перекрестка дорог за городком Червоный Кжиж. Так прошло почти 15 лет. Когда подготовка была наконец завершена, Хельвиг послал на поиски клада своего помощника Габеняра, но тот вернулся ни с чем. После этого Хельвиг решил, что отправится на поиски вместе со своим сыном, и пригласил в напарники Яна Хамелика, который жил неподалеку, на улице Высокой.

13 марта 1837 года Хельвиг, его 14-летний сын Ондрей и Ян Хамелик двинулись в путь. Своим родным они сказали, что идут работать в одну из соседних деревень. Они легко нашли нужный перекресток, к которому с одной стороны выходил сад на участке, принадлежащем местному судье Шаритцеру, а с другой примыкала общая могила людей, умерших в прошлые времена от моровой язвы. По всем признакам, клад находился именно в ней! Трое суток неутомимые кладоискатели раскапывали могилу, и чем дольше они копали, тем меньше оставалось у них надежд на успех. В итоге неудача обернулась трагедией: около полудня 17 марта начальнику братиславской гражданской гвардии, капитану Криштофу Пауэру, передали сообщение судьи Шаритцера о том, что в погребе, находящемся в его саду, были обнаружены три трупа.

Капитан в сопровождении двух офицеров сразу выехал на место происшествия. В погребе стоял сильный запах дыма и гари, а на полу, рядом с остатками костра, лежали обгоревшие тела трех мужчин, а вокруг валялись странные предметы: книги с текстами заклинаний против злых духов, свечи, пучок сухой травы, несколько кусков мела, измерительная рулетка немецкого производства, медные пластинки с загадочными иероглифами, металлическое распятие. Трупы опознали в морге городской больницы на основе найденных рядом с ними упомянутых предметов. На титульном листе одной из книг было написано имя владельца — Хельвиг… В протоколе, подписанном тремя врачами, указано, что смерть людей наступила вследствие отравления угарным газом. Кроме того, в момент смерти все трое находились в состоянии алкогольного опьянения, что, по-видимому, и послужило главной причиной трагедии.

Наследство Гетмана Полуботка

В конце 1907 года профессор А. И. Рубец разослал по всей России письма однотипного содержания, в которых извещал своих адресатов, что потомки бывшего гетмана Украины Павла Леонтьевича Полуботка приглашаются к 15 января 1908 года в город Стародуб Черниговского уезда

на конференцию, которая должна, во-первых, уточнить списочный состав и генеалогическую связь всех ныне живущий потомков гетмана, могущих претендовать на его наследство, и, во-вторых, выработать организационные меры по истребованию этого наследства из Великобритании. Участников съезда просили захватить с собой по 50 рублей для покрытия организационных расходов…

Известный музыковед, композитор, профессор Петербургской консерватории Александр Иванович Рубец, собиратель украинского музыкального фольклора, друг Чайковского, Римского-Корсакова, Стасова, Репина, Поленова и вообще многих знаменитых деятелей русского и украинского искусства конца XIX века, в течение более чем сорока лет был одержим идеей изъять из Английского банка фантастическую сумму наследства гетмана Полуботка. Рубец заразил этим намерением многих видных людей своего времени, потомков гетмана, среди которых были представители знатных дворянских родов: князья Кочубеи, граф Капнист, граф Ф. И. Сологуб, дворянское семейство Немировичей — родня писателя Василия Ивановича и реформатора театра Владимира Ивановича Немировича-Данченко и другие. В 1895 году А. И. Рубец ослеп и уехал из Петербурга в свое родовое имение в Стародубе, где открыл и содержал за свой счет художественные школы: музыкальную и рисовальную.

Трудно сказать определенно, когда и как возникла эта легенда о сокровищах Полуботка. Первые слухи о них появились в 1827 году, когда газета «Сенатские новости» впервые сделала попытку выявить наследников гетмана Полуботка, поместив об этом объявление на своих страницах. После этого в течение всего XIX века в газетах несколько раз появлялись сообщения и заметки о фантастическом, огромном наследстве гетмана. А. И. Рубец проделал гигантскую работу по выявлению всех имен потомков гетмана и их адресов, а затем проявил и неменьшую энергию по созыву их всех на предстоящую конференцию. В знак уважения к патриарху инициативная группа решила провести ее в Стародубе, чтобы избавить старого слепого человека от трудностей поездки в другой город.

Что же узнали на съезде в Стародубе потомки гетмана Полуботка?

Как рассказывает легенда, однажды летом 1720 года в Архангельск прибыли откуда-то издалека четыре путешественника — трое молодых богатырей и пожилой дядька-наставник. Они явились в двух возках, запряженных двумя четверками хороших, сытых лошадей. Возки были аккуратные, сами хозяева их были одеты хотя и скромно, но добротно и производили впечатление состоятельных купцов. Так они и представились любопытному трактирщику, заявив, что намерены произвести закупку соленой рыбы. У всех за кушаками были большие пистолеты, казалось бы, не очень нужные мирным купцам. Потом выяснилось, что один из молодых людей — хозяин, двое других — его слуги, а пожилой дядька — приказчик. У всех были длинные казацкие чубы на бритых головах, и, видимо, они явились из Малороссии, как тогда называлась Украина.

Сразу же по приезде пожилой казак начал какие-то переговоры со шкипером английской шхуны, прибывшей для скупки рыбы и пеньки, которые, видимо, привели к согласию, так как вскоре в одну из ночей английская шхуна ушла в море с казаками на борту. Шкипер видел, что они внесли вместе со своими вещами какой-то небольшой, но, вероятно,

тяжелый бочонок, подвешенный на крепких ремнях: его с трудом несли на этих ремнях двое молодых казаков.

Через десять дней не вполне спокойного плавания, в течение которых наших степных богатырей изрядно помотало, шхуна причалила к берегам Англии. Шкипер направил ее по Темзе прямо в Лондон. Путешественники остались на судне и начали вторую серию переговоров со шкипером. Так как, постоянно наезжая в Архангельск, он научился немного говорить по-русски, они предложили ему взять на себя обязанности переводчика. Казаки не скупились, и шкипер охотно согласился; один из слуг ушел вместе с ним на берег и вскоре явился с двумя каретами.

Молодой хозяин и слуга отправились вместе со шкипером в одной из карет в Ост-Индскую компанию. Это еще более укрепило уверенность шкипера в том, что его пассажиры — богатые купцы. Приказчик со вторым слугой остались на судне оберегать свой груз.

В Ост-Индской компании молодой казак сообщил, что он, Яков Полуботок, по поручению и от имени своего отца, малороссийского казацкого бунчужного Павла Полуботка (в ту пору он еще не был гетманом), желал бы сделать вклад в сумме 200 тысяч рублей золотом. Договоренность была достигнута очень быстро.

Ост-Индская компания была в то время крупнейшим банковским учреждением Великобритании. Развитие колониальной экспансии в Индии требовало много денег, и компания охотно приняла вклад из условия четыре процента в год с нарастанием суммы из года в год за счет дивидендов. Вклад был положен на неопределенный срок, до истребования его или самим Павлом Полуботком, или лицами, им назначенными, или, в крайнем случае, наследниками указанных лиц. В связи с этим было оговорено, что на вклад не распространяется положение о «конфискациях за давностью».

Молодой хозяин вернулся на шхуну, и теперь уже две кареты отправились в банк. В первой ехал Яков Полуботок с телохранителем и драгоценным бочонком, во второй — приказчик, шкипер и второй казак. Гости переоделись в богатое казацкое платье и украсили себя дорогим оружием.

Покончив в один день с деловой процедурой и передав деньги в банк, казаки щедро расплатились со шкипером и предупредили его не распространяться о деле, в котором ему пришлось участвовать, намекнув, что в его интересах лучше молчать: если возникнет ненужная молва, то они будут знать, от кого она исходит, и тогда, уже в Архангельске, со шкипером может приключиться беда. (Вид этих людей был лучшим свидетельством серьезности их обещания, и поэтому вся история с внесением денег гетмана в Ост-Индский банк дошла до потомков в самом схематическом виде, лишенной ряда весьма важных деталей.)

Казаки отправились со шкипером обратно в Архангельск. И здесь им пришлось применить много ловкости, чтобы избежать внимания местного воеводы и его приставов. Видимо, это удалось, потому что Петр I так ничего и не узнал о поездке казаков в Лондон.

Кто же был Павел Полуботок и почему возникла эта легенда?

Его отец, полковник Леонтий Артемьевич Полуботок, был человеком большой силы и храбрости — он воевал рядом с прославленным Богданом

Хмельницким, командуя Переяславским полком, затем успешно служил при преемнике Хмельницкого — гетмане Самойловиче, был дружен с ним и даже женил своего сына Павла на племяннице Самойловича.

В 1667 году на Украину вернулся 23-летний Иван Мазепа, «шлифовавшийся» при дворе польского короля. Он довольно быстро стал батуринским полковником. Вскоре Мазепа оклеветал гетмана Самойловича, который был сослан в Сибирь. Став гетманом, Мазепа настроил Петра I против Полуботков, и только благодаря знатности и авторитету их рода Петр I вынужден был утвердить в 1705 году Павла Полуботка черниговским полковником. Было ему тогда 45 лет. После «полтавской виктории» Полуботок, оказавшись в выгодном положении оклеветанного, выдвинул свою кандидатуру на пост гетмана. Но Петр предпочел стародубского полковника Ивана Скоропадского, выразившись о Полуботке так: «Этот уж больно хитер, он может и Мазепе уравняться». Но все же назначил Павла Полуботка бунчужным.

Полуботок стал во главе украинской оппозиции Петру. Понимая, что положение его шатко и в любой момент может появиться необходимость бежать от царской кары, он и переправил в Англию свой золотой запас — 200 тысяч рублей. Дальнейшая история взаимоотношений Петра I и Павла Полуботка кончилась заточением последнего в Петропавловскую крепость, где он и умер в 1724 году.

По мысли инициаторов Стародубской конференции, за годы с 1720 по 1908-й капитал, отданный в рост из расчета четыре процента годового дохода, должен был возрасти в… 1062 раза. Таким образом, наследство гетмана Полуботка было исчислено примерно в 213 миллионов рублей! В 1908 году цена на золото равнялась около 90 копеек за грамм. Следовательно, речь шла почти о 240 тоннах золота!

Вот как описывали газеты конференцию, на которую съехались 350 «наследников».

«Г. Стародуб. 15 января состоялся грандиозный съезд наследников гетмана Полуботка. С разных концов Государства Российского: из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Полтавы, Хабаровска, Читы, Уфы, Одессы, Херсона, Донской области, Саратова, Кронштадта и даже из Галиции. „Какая смесь племен, наречий, состояний!“… Стародуб — мирный захудалый уездный городок — в своих летописях не запомнит такого стечения приезжих.

Проф. А. И. Рубец обратился к собранию с речью, в которой уверял, что вклад гетмана Полуботка в Английском банке действительно есть, что сведения эти получены им от лица, заслуживающего полного доверия. На просьбу назвать это лицо г. Рубец объяснил, что оно служит юрисконсультом в Английском банке, что сначала это лицо было русским подданным, а затем перешло в подданные Английской державы…

Нашлись ораторы. Одни из них поведали собранию давно известные из газет слухи о том, что по донесениям английских консулов никаких капиталов Полуботка в Лондоне нет, что всемогущий Меншиков, а позднее Потемкин-Таврический обращались в Английский банк за капиталом Полуботка от имени русского правительства на том будто бы основании, что капиталы эти не личная собственность Полуботка, а суть деньги войсковые, — но они оба получили отказ; другие говорили о том, что в 40-х

годах XIX столетия в Россию действительно приезжали английские агенты для разыскания наследников Полуботка… Приезжали к помещикам, где их хорошо угощали, и на том подобные визиты кончались…

После этого начались дебаты: одни предлагали обратиться непосредственно к Государю Императору; другие — к английским адвокатам… Г-н Пржевальский рекомендовал заключить русским адвокатам сделку с их лондонскими коллегами и таким путем добиться истины — есть ли миллионы Полуботка в Английском банке… Одна наследница начала делить наследство между присутствующими… Из Москвы наехали шулера в надежде поживиться.

После долгих прений собрание постановило: для обсуждения мер к отысканию наследства, если таковое существует, избрать комиссию из 25 лиц… Можно ожидать, что процесс о фантастическом наследстве, если расследование только приведет к нему, станет самым значительным событием времени, невиданным по масштабам судебным делом за всю историю гражданского права».

Но вот отшумела стародубская конференция, гости разъехались по всей стране, и комиссия принялась за работу. Прежде всего надо было установить, не миф ли вся история вклада гетмана Полуботка. Делегация, выбранная для поездки в Англию, должна была выведать основные вехи истории вклада. Чем закончилось это намерение, неизвестно. Впрочем, по другим сведениям, один из членов комиссии, И. Кулябко-Корецкий, пробыв в Англии несколько лет, вернулся в Россию накануне Первой мировой войны с довольно положительной информацией, ставшей известной заинтересованным лицам из числа наследников гетмана. Что же касается официальной информации, то известно, что в начале 1908 года российское консульство в Лондоне по поручению II департамента Министерства иностранных дел внимательно изучило вопрос о «золоте Полуботка». Им были получены сведения о всех невостребованных вкладах в Английском банке за последние 200 лет (Ост-Индская компания, куда были вложены средства Полуботка, закончила свое существование в 1857 году, следовательно, вклад, если он существует, должен находиться у ее преемников). Выяснилось, что вся общая сумма таких вкладов значительно меньше предполагаемого «вклада Полуботка». Советская Инюрколлегия в 1958 году через своих английских коллег также пыталась разыскать активы Полуботка в Английском банке и в казначействе Великобритании, но все попытки остались безрезультатными.

Слухи о легендарном золоте Полуботка вновь всплыли в начале 1990-х годов. Авторы запроса, прозвучавшего в парламенте независимой Украины, уверенно заявляли, что золотой вклад, хранящийся в Лондонском банке, гетман П. Л. Полуботок завещал Украине, когда она обретет самостоятельность. Они же сделали перерасчет вклада за 270 лет и пришли к выводу, что Англия должна вернуть Украине 16 миллиардов фунтов стерлингов или такое же примерно количество триллионов долларов! Восторженная пресса тут же подсчитала, что каждый гражданин Украинской Республики на за что ни про что получит по 300 тысяч долларов, что позволит ему жить припеваючи на одни лишь проценты от этой суммы. Тема «сокровищ Полуботка» несколько месяцев не сходила со страниц прессы, по мотивам легенды был снят художественный фильм, а

депутаты Верховной Рады требовали от правительства во что бы то ни стало добиться от Великобритании возвращения «национального богатства» (некоторые из инициаторов этой шумихи, в частности поэт Владимир Цибулько, позже признались, что «золото Полуботка» стало для них удачным агитационным ходом). Специальная комиссия выезжала на поиски сокровищ Полуботка в Лондон, но англичане вежливо ответили, что никакого вклада покойного гетмана у них нет. Впрочем, это успокоило далеко не всех: время от времени в Украине вновь звучат утверждения, что вся британская экономика до сих пор живет исключительно на «гроші Полуботка» (гм… вообще-то два бочонка золота — это плевок по сравнению с тем, что Британия в свое время выкачала из своих колоний), и вдобавок, из-за происков «коварной Москвы», Украина в принципе не может претендовать на золото гетмана, поскольку Советский Союз еще в 1986 году отказался от всех финансовых претензий к Великобритании… Ничего не поделаешь: миф, как известно, не умирает никогда, а передается из уст в уста из поколения в поколение. Главное: создать этот миф…

Между прочим, народные предания утверждают, что перед тем как отправиться в Санкт-Петербург, гетман Полуботок зарыл свое золото где-то в Украине, в одному ему известных местах. Народная молва указывала несколько таких мест. Говорили, например, что клад Полуботка зарыт в селе Подставках Полтавской губернии, на месте бывшей усадьбы помещика А. А. Савицкого. Может быть, и лежит там этот клад до сих пор, дожидаясь своего часа?

«Сорок миллиардов» на дне бухты Виго?

Шел 1702 год. Уже два года длилась Война за испанское наследство, начавшаяся после смерти Карла II — последнего короля из династии испанских Габсбургов. Французский король Людовик XIV не преминул воспользоваться этим обстоятельством, выдвинув в качестве кандидата на испанский престол своего внука Филиппа Анжуйского. Однако его притязания осложнили и без того напряженную международную обстановку. Вокруг испанского трона столкнулись интересы двух мощных группировок: с одной стороны стояли Англия и Голландия, с другой — Франция и Испания. Началась война.

Для содержания армий, сражавшихся по всей Европе, существовал неистощимый источник средств — серебро и золото Нового Света. Главная трудность заключалась лишь в том, что располагался он далеко. Однако каждый год в путь через океан отправлялся «Золотой флот», собиравший ежегодную дань с американских колоний. На море свирепствовали английские пираты, и нагруженным драгоценным металлом галеонам приходилось идти через Атлантику под усиленной охраной военных кораблей.

В декабре 1701 года французское правительство поручило адмиралу Франсуа Луи Русселе де Шато-Рено сопровождать до Испании 19 галеонов адмирала Мануэля де Веласко. Им предстояло доставить в Европу совершенно фантастическое количество золота и серебра: трехлетний плод работы перуанских и мексиканских рудников, а также менее ценный груз в виде индиго, кошенили, дерева, пряностей, кож, табака и т. п. Шато-Рено принял под свое командование 23 военных корабля. Обе эскадры соединились в порту Гаваны в августе 1702 года и,

не теряя ни минуты, снялись с якорей.

Уже в пути стало известно, что испанский порт Кадис блокирован англичанами. Шато-Рено и Веласко пришлось срочно менять курс и идти к северному побережью Испании. 22 сентября они вошли в залив Виго — южную часть Галисийской бухты. Этот залив, протянувшийся на 1500 м в длину и на 500 м в ширину, сужаясь, переходит в пролив Ранде, а затем, снова расширяясь, образует бухту Сан-Симон, расположенную против небольшого городка Редондела. Бухта Сан-Симон, защищенная двумя малыми фортами, сооруженными высоко на скалистых утесах, может служить надежным убежищем, но в случае прямой атаки легко превращается в самую настоящую ловушку для флота. Впрочем, у Шато-Рено и Веласко выбора не было. Начинался период осенних штормов, и им во что бы то ни стало требовалась спокойная гавань.

Здравый смысл подсказывал, что необходимо побыстрее разгрузить корабли и увезти сокровища подальше от побережья. Но этому воспротивились банкиры из Кадиса, которым принадлежала большая часть груза, а кроме того, между французами и испанцами начались трения. Шато-Рено настаивал на том, чтобы соединенная эскадра вышла в море и взяла курс на Брест; но испанцы категорически отказались от этого предложения. Их легко понять: на борту галеонов находилось 3400 тонн золота, и, доверив французам охрану такого несметного количества драгоценного металла, испанцам следовало держать ухо востро. Конечно, Франция — союзница, ее лояльность не вызывает сомнений. Но искушение слишком велико, и там, где речь заходит о больших деньгах, слово «честность» часто превращается в пустой звук… Словом, прошло немало дней, прежде чем адмирал Веласко сумел наконец принять твердое решение и начать разгрузку галеонов. Между тем вокруг происходили события, о которых в Виго еще никто ничего не знал.

Адмирал Джордж Рук, командовавший англо-голландскими морскими силами, потерпел сокрушительное поражение близ Кадиса. Тем не менее британское адмиралтейство приказало Руку продолжать борьбу. По чистой случайности адмиралу стало известно, что в бухте Виго стоит франко-испанский флот, прибывший из Америки. Рук взял курс на Виго.

Ранним утром 22 октября 1702 года армада из 150 кораблей подошла к берегам Галисии. Четыре тысячи английских и голландских солдат под командованием герцога Ормонда высадились на сушу. На следующий день начался штурм фортов, защищающих подходы к заливу. Бой длился почти три часа, на исходе которых защитникам фортов пришлось сдаться. Эта операция позволила кораблям Рука подойти вплотную к узкому горлу Ранде, через которую проходила оборонительная линия, удерживаемая французами. С обеих сторон полетели пушечные ядра, поднимая клубы дыма и огня. Однако силы были слишком неравны. Семнадцать французских кораблей пошли ко дну, а остальные шесть взяты на абордаж. Теперь между англо-голландской армадой и груженными золотом галеонами не оставалось никаких преград. С попутным западным ветром пройти оставшиеся две мили — какой пустяк!

Увы, радость англичан вскоре сменилась изумлением, а вслед за тем бессильной яростью: испанские корабли один за другим начали… уходить под воду! Это адмирал Веласко, видя поражение французов,

распорядился затопить корабли, чтобы золото не досталось врагу. Золото и серебро — около 3000 тонн — осталось лежать на дне бухты Виго…

Уже много позже было установлено, что англичане захватили на испанских судах груз серебра стоимостью 14 000 фунтов стерлингов (в легендах эта сумма выросла до пяти миллионов), а основная часть сокровищ — около 3 миллионов фунтов — была благополучно разгружена и отправлена вглубь Испании еще накануне сражения. Однако уже в первые дни после гибели испанского флота родилась легенда, что главные сокровища пошли на дно вместе с кораблями адмирала Веласко. Много лет спустя даже появились душераздирающие подробности: якобы галисийские рыбаки, охваченные патриотизмом, забрасывали тонущие корабли с драгоценным грузом огромными камнями, дабы враги не смогли поднять со дна моря сокровища, принадлежащие трудовому народу Испании…

Легенда о сокровищах бухты Виго, несомненно, родилась в первые же часы после сражения, а может быть, даже еще до него: английские и голландские моряки шли в бой в полной уверенности, что им предстоит взять на абордаж пришедшие из Нового Света галеоны, трюмы которых битком набиты золотом и серебром. Флот адмирала Веласко действительно доставил к берегам Испании груз золота и серебра, да только находился ли этот груз на борту испанских кораблей к 23 сентября 1702 года — вот вопрос…

Первые попытки отыскать сокровища бухты Виго были предприняты в июле 1738 года. Французская экспедиция во главе с Александром Губертом сумела поднять со дна бухты галеон «Тохо» водоизмещением 1200 тонн, но его трюмы оказались пусты. Неудачей окончились все четырнадцать экспедиций, побывавших в бухте Виго в XVIII–XX веках. И хотя легенда о «сорока миллиардах долларов на дне бухты Виго» продолжает время от времени всплывать то тут, то там, авторитетные специалисты уверены, что эти «сорок миллиардов» следует считать одним из самых сомнительных подводных кладов. Легче предположить, что золото со дна бухты Виго поднял легендарный капитан Немо со своими друзьями — как написал о том в своем знаменитом романе Жюль Верн…

Пугачевское золото

В начале 1840-х годов два молодых человека, братья Александр и Степан Гусевы, поехали из своего хутора Гусевского в Оренбург и по дороге остановились ночевать в деревне Синегорке. Когда они выпрягли лошадей и зашли в хату, то увидели лежащую на печи сморщенную старушку, слепую. Старушка по говору узнала, что Гусевы «мосоли» («мосолями» называли потомков крепостных заводчика Мосолова) и спросила:

— Вы не из Каноникольского?

— Нет, мы из хутора Гусевского.

— Это на Малом Ику, возле устья речушки Ямашлы?

— Верно! Откуда, бабуся, знаешь?

— Я в молодые годы с Пугачевым ходила, была у него кухаркой. Когда по дороге на Иргизлу за нами гнались сакмарские казаки, Пугачев приказал закопать на левом берегу Ямашлы, возле устья, золото. Много ведь золота отнял у бар. Оно, чай, и теперь в земле лежит.

Слух о том, что где-то в Синегорке живет некая Прасковья, столетняя старуха, которая в молодости ходила с Пугачевым, ходили по

округе давно, поэтому братья отнеслись к рассказу старухи с полным доверием. Вернулись братья Гусевы домой. Старший, Александр Петрович (он был уже женат и не жил в отцовском доме), когда все домашние заснули, пошел ночью к устью речки Ямашлы и после упорных поисков отыскал там корчагу золота. Перепрятав ее в укромное местечко, он не сказал об этом никому ни слова.

Через несколько дней младший брат Степан вспомнил в разговоре с отцом про пугачевский клад. Отец удивился: «Почему ж сразу не сказал?» Пошли на берег речушки, копали, копали, но ничего не выкопали. А Александр Петрович, забрав себе клад, отделился от отца и стал заниматься лесным промыслом. Сплавлял лес. Купил себе много земли. Две мельницы построил — в Шагрызе и в Кузьминовке. А сына его, старика уже, в 1930 году раскулачили. Многие помнят, сколько золота тогда отняли у этого кулака. Первейший ведь в здешних местах богач был! На пугачевском кладе нажился.

Легенд о кладах Емельяна Пугачева бытует, пожалуй, не меньше, чем легенд о «разинских кладах». В отличие от последних, клады Пугачева часто имеют под собой, как кажется, гораздо более реальную почву и, по разным свидетельствам, действительно где-то, когда-то, кем-то были найдены.

Множество «кладовых записей» и легенд было связано с пугачевским кладом близ бывшей крепости Рассыпной под Оренбургом, в Диковой балке. По рассказам местных жителей, этот клад был выкопан еще в середине прошлого столетия: «Здесь у нас, возле Рассыпной, есть балка Дикого. Там беглые и дикие люди скрывались. И вот однажды утром пронеслась молва: „Клад, клад вырыли!“ И пошли все смотреть. Здесь была открыта яма. Старики говорили — это, мол, уральцы (т. е. уральские казаки) вырыли. У них каким-то родом осталась запись Пугачева, и они знали, что где зарыто, они приезжали к нам. Здесь в лесу еще была береза. Под ней много зарыто золота. Но найти ее, березу, они не смогли. А тот клад в Диковой балке — факт, при мне был».

Еще один пугачевский клад, по рассказам, закрыт на берегу речки Ящурки, впадающей в Урал. По преданию, деньги зарывались в воловьих шкурах, от Ящурки по течению вправо в сторону на 20–30 метров. Этот берег впоследствии намыло или отмыло, а сама речка лет сто назад пересохла. В окрестностях Татищева, в озеро Банна, разбитые царскими войсками пугачевцы при отступлении поспешно скатывали бочки с медными и серебряными деньгами. Есть свидетельства, что вскоре, лет через пятнадцать — двадцать, часть этих бочек была обнаружена и извлечена.

А в двадцатых годах XIX столетия, в морозный декабрьский день, к одному из внуков смотрителя Златоустовского завода постучалась вечером старушка-нищая, с посохом и мешком на спине.

— Что тебе, бабушка? — окликнули ее из окошка.

— Пустите, милые, переночевать, Бога для…

— Заходи.

Старушка, которой пошел уже восьмой десяток, переночевала, но на утро оказалась так ослабевшею, что не могла сдвинуться с печи.

— Да куда ж, ты, бабушка, идешь?

— А вот, милые, так и бреду, пока добрых людей не найду, которые приютят меня.

— Значит, ты безродная?

— Никого, миленькие, нет, ни родной души не осталось.

— И не знаешь, где родилась?

— Я, милые, заводская, с Авзяно-Петровских заводов… Мои-то все померли… Вот я и хожу по чужим людям.

— Коли так, старушка, то оставайся у нас.

— Спасибо вам, болезные, за вашу ласку ко мне!

Старушка пожила с полгода и приготовилась умирать. Уже на смертном одре она позвала хозяйку дома и сказала:

— Слушай, Ивановна! Мне жить недолго, день, два… Грешница я была великая… Едва ли простит меня Господь… Ведь я была полюбовницей пугачевского атамана… Он захватил меня на заводе да силой и увез с собой… Когда нас разбили на Урале, мы бежали через Сатку. Ехали в кибитке и везли большой сундук… Ночью приехали к реке Ай… Мой-то и говорит мне: «Акулина! Дело нашего „батюшки“ обернулось плохо… Этот сундук полон серебра да золота. Давай его зароем здесь». Вытащили мы сундук, нашли на берегу два дуба, вырыли под ним яму топором… положили в нее клад и завалили землей да каменьями… «Кто из нас останется в живых, — сказал мой-то, — тот и попользуется всем добром»… А место приметное: два дуба здесь и три дуба на том берегу… Потом сели мы на лошадей и переправились вброд… Конец, знамо, был плохой… моего-то убили в драке, а я попала в Оренбург… Так с тех пор и не была у клада… Думала уж с тем и в могилу лечь… Да хочу наградить тебя за любовь ко мне, старухе… А лежит сундук вправо от дороги в тридцати шагах…

Старушка скоро умерла, клад же, если только он был зарыт, продолжает лежать на прежнем месте. За добычей его надо было ехать за сто верст, расстояние для того времени, когда по дорогам рыскали беглые крепостные, заводские и ссыльные из Сибири, — огромное, сопряженное с немалыми опасностями. Кроме того, дорога через Ай менялась много раз, и искателям зарытого сокровища пришлось бы исследовать весь берег на протяжении, может быть, сотни-другой сажен.

Предания о кладе Пугачева рассказывают и в Пензенской области. Где-то здесь, в каком-то из сел по дороге от Саранска в Пензу, в избе священника местной церкви якобы гостил отступавший от Саранска Емельян Пугачев. Отсюда, преследуемый царскими войсками, он двинулся дальше, при этом закопав в землю часть своей казны. Были известны и внешние приметы места захоронения клада, но еще сто лет назад местность в том месте распахали.

Приведенные рассказы — самые достоверные из многочисленных легенд о «пугачевских кладах». В остальных фигурируют «амбары» и «лодки» с золотом и самоцветными камнями, нечистая сила, светящиеся в темноте лошади и прочие, очень увлекательные, но вряд ли правдоподобные сюжеты.

Пропавшие сокровища Марии-Антуанетты

4 января 1790 года «Телемак» вошел в устье Сены почти с убранными парусами. На реке было волнение. К вечеру небо заволокло тучами, ветер усилился. Стоя на мостике, капитан Андре Каминю всматривался в огни ночного порта в Кийбеф, желая лишь одного — отдыха. Заскрежетали якорные цепи, и судно остановилось, покачиваясь на волнах. К его борту поспешила пришвартоваться таможенная шлюпка, и черные фигуры таможенников в плащах появились на палубе. Каминю встречал их у трапа.

— Я бы попросил вас, господа, побыстрее провести досмотр. Команда устала.

— Я думаю, капитан, что досмотр мы отложим до утра, — отвечали таможенники. — Время позднее, да и зюйд-вест набирает силу…

Но утром им было встретиться не суждено. Через несколько часов штормовой ветер погнал тяжелые морские волны в Сену. Схлестнувшись с быстрым течением реки, они образовали мощные водовороты. «Телемак» сорвало с якоря, и спустя четверть часа он исчез в пучине. Команде удалось спастись — до берега было недалеко…

В те дни гибель брига привлекла внимание разве что чиновников морского министерства, занесших это событие в свой реестр. В Париже назревала революция. Спустя два года кучка депутатов парламента, опираясь на парижских люмпенов, насильственным путем свергла монархию. В январе 1793-го был обезглавлен король Людовик XVI, несколько позже — Мария-Антуанетта. После смерти королевы в Париже стали упорно распространяться слухи о сказочных сокровищах, которые королевская семья якобы пыталась тайно вывезти в Англию. Газеты писали, что в конце 1789 года Мария-Антуанетта доверила переправить в Лондон свои драгоценности… капитану брига «Телемак» Андре Каминю!

Этот моряк в прошлом якобы уже не раз выполнял деликатные поручения королевы. На этот раз по ее указанию золотая посуда, кубки, наполненные алмазами и рубинами кожаные мешки, а также два с половиной миллиона золотых луидоров под охраной офицеров королевской гвардии будто бы были тайно доставлены в Руан, где стоял «Телемак». Сюда же были привезены и сокровища нескольких аристократических семейств и аббатств. В газетах утверждалось, что в Руане в подвалах замка одного из приближенных короля золото и серебро укладывали в специально изготовленные бочонки. Их заливали дегтем и грузили на «Телемак»…

Вскоре эти слухи подхватила и английская пресса. В лондонских газетах появились сообщения бывших матросов и офицеров «Телемака», подтвердивших факт погрузки на судне сокровищ французской королевской семьи. Господа, захватившие власть в Париже, очень оживились: они-то считали, что уже разграбили всю королевскую казну, а тут, кажется, представился случай поживиться еще! «Революционный трибунал» немедленно приступил к расследованию всех обстоятельств дела.

Допросили бывшего исповедника короля, который признался, что однажды стал свидетелем разговора Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Речь шла о каком-то судне, на котором следуют отправить сокровища в Англию. Следователям удалось разыскать и некоего бондаря: по его

словам, осенью 1789 года он получил от незнакомого господина заказ на изготовление нескольких десятков бочонков. Заказчик пояснил, что они предназначаются для отправки в Англию партии дегтя. В конце декабря этот господин выкупил заказ, а спустя несколько дней бондарь наблюдал, как в порту его бочонки грузились на бриг «Телемак». Наконец, таможенные чиновники в Кийбефе вспомнили, что в тот памятный январский вечер почти одновременно с «Телемаком» в порт вошла еще одна шхуна. А утром, уже после гибели брига, во время досмотра они обнаружили на ней спрятанное среди товаров столовое серебро с гербом королевской семьи. Его конфисковали, но расследования проводить не стали.

Полученные трибуналом данные заставили сильно чесаться ладони «честных граждан», стоявших в ту пору во главе Французской республики. По их приказу в устье Сены из Шербура в Кийбеф были срочно отправлены группа инженеров и более трехсот рабочих и матросов, чтобы поднять затонувший бриг. Вскоре поисковой партии удалось обнаружить на дне некое судно, но никто не мог сказать точно, «Телемак» это или нет, поскольку этот участок реки в разное время стал кладбищем для многих кораблей. Подъем затонувшего корабля осуществить не удалось. Через три месяца бесплодных работ экспедиция вернулась в Шербур.

Бурные события рубежа XVIII–XIX веков на время заслонили тайну «Телемака». Когда в 1815 году во Франции была восстановлена королевская власть, Людовик XVIII проявил большой интерес к этой теме: он полагал, что вправе рассчитывать на возвращение французской короне законно принадлежавших ей сокровищ. Король распорядился отыскать и поднять «Телемак». Вновь из Шербура в Кийбеф выехала экспедиция. Но через несколько месяцев и она прекратила работы, не добившись результатов.

Упорный интерес властей к этой теме принес свои плоды: теперь во Франции уже никто не сомневался, что затонувший «Телемак» представляет собой хранилище несметных богатств французских королей. Компании и частные лица наперебой предлагали правительству свои услуги по поднятию судна. В августе 1837 года морское министерство Франции выдало инженерной компании из Гавра «Магри и Дэвид» лицензию на подъем «Телемака». Ей разрешалось в течение трех лет производить необходимые работы. В случае успеха пятую часть найденных сокровищ получили бы предприниматели, при этом десять процентов они обязаны были пожертвовать в фонд моряков-инвалидов.

Но три года усилий не принесли желаемого результата. К 65 тысячам франков затраченного капитала прибавились многочисленные долги, и после некоторых колебаний глава фирмы Магри отказался от участия в предприятии. Его компаньон Дэвид проявил бóльшую настойчивость. Набрав в нескольких банках кредитов, он продлил срок действия лицензии еще на три года и привлек к работе молодого английского инженера Тейлора. Тот и возглавил операцию по подъему судна. Тейлор намеревался поднять «Телемак», используя силу прилива. С помощью различных приспособлений корпус затонувшего судна обвивался множеством цепей. При отливе их концы закреплялись на целой флотилии плоскодонных лодок. Предполагалось, что прилив поднимет лодки и вместе

с ними вырвет из илистого дна «Телемак». Но первые опыты окончились неудачей. Цепи лопались, словно нити, а бриг оставался на месте. В августе 1841 года Дэвид официально заявил о прекращении работ.

Однако Тейлор не успокоился. Он обивал пороги редакций газет, выступал на собраниях акционеров крупных и мелких компаний и уверял всех, что необходимо продолжить дело. Тейлор ссылался на вырезки из старых газет, выписки из следственного дела трибунала, нотариально заверенные свидетельства очевидцев и описания эффективных технических проектов подъема судна. Наконец спустя год после краха фирмы «Магри и Дэвид» Тейлору удалось собрать капитал в 200 тысяч франков и приступить к осуществлению замысла. Он увеличил количество плоскодонных лодок, заказал более мощные цепи и сконструировал новые крепежные устройства. Но все попытки поднять «Телемак» заканчивались одним — вниз по течению Сены плыли останки лодок с оборванными цепями, а вместе с ними уплывали деньги компании. Акционеры требовали прекратить финансирование безнадежного предприятия и представить отчет о проделанной работе.

Спустя некоторое время Тейлор сидел за большим столом, за которым разместились озабоченные акционеры различных компаний, финансировавших предприятие инженера. Без лишних слов Тейлор развернул лондонскую газету и с волнением зачитал напечатанную в ней небольшую заметку. В ней сообщалось, что подданные Ее Величества английской королевы Виктор Хьюго и его сын требуют своей доли наследства от сокровищ, находившихся на борту «Телемака», поскольку они являются единственными родственниками одного из аббатов, чьи драгоценности были погружены на бриг. На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Все молча воззрились на инженера. А тот, не давая никому опомниться, выложил на стол несколько золотых луидоров: «Их нашли рабочие на мелководье!»

Последний довод оказался для акционеров самым убедительным. Работы решено было продолжить. Однако ряд акционеров, в глубине души которых крылись глубокие сомнения в словах Тейлора, постарались привлечь к проверке их достоверности частных детективов. Вскрылись удивительные вещи: так, оказалось, что граждане Великобритании Виктор Хьюго и его сын никаких родственных связей во Франции не имели и не имеют. Но зато они хорошо знакомы с родственниками Тейлора, которые и побеспокоились о помещении необходимой заметки в газете. Детективы также установили, что золотые монеты эпохи Людовика XVI скупались инженером у антикваров на деньги компании…

Назревал крупный скандал. Чувствуя его приближение, в декабре 1843 года Тейлор скрылся, оставив 28 тысяч франков неуплаченных долгов. Эта нашумевшая авантюра надолго охладила пыл любителей легкой наживы. В течение следующих 90 лет никаких попыток поднять «Телемак» не предпринималось. Лишь в 1933 году в парижских газетах вновь появились сообщения, что к сокровищам затонувшего брига проявляют интерес многие французские и иностранные фирмы. Спустя два года морское министерство Франции объявило, что фирмы могут представлять официальные прошения на работы по подъему «Телемака». Изучив материальные и технические возможности предпринимателей,

министерство выдаст лицензию самому достойному претенденту.

В мае 1938 года заветную лицензию получило Французское общество морских предприятий. Спустя месяц водолазы уже обшаривали дно Сены. Вскоре они обнаружили глубоко засевшее в ил старинное судно, корпус которого обвивали ржавые цепи. Найденные поблизости корабельный колокол с буквой «Т» и пять медных канделябров XVIII века подтвердили — именно это судно и пытался поднять Тейлор.

В сентябре из Парижа в Кийбеф отправился эшелон с оборудованием и снаряжением. Мощные помпы на плавучих кранах уже к концу года очистили судно от засосавшего его грунта. В начале апреля к нему подвели понтоны, и бриг был поднят. В тот день сотни фотокорреспондентов, журналистов, ученых и просто зевак толпились на набережной Кийбефа, чтобы своими глазами увидеть столь знаменательное событие. На французской бирже упала цена на золото, ювелиры предвкушали аукционы драгоценностей из сокровищ королевской семьи…

4 апреля эксперты приступили к работе. Вскрывались бочонки, исследовались металлические предметы, взламывались сундуки, но… ни одной золотой монеты, ни одного ювелирного изделия обнаружено не было.

Когда первое чувство растерянности прошло, наступила пора версий и самых различных предположений. Вспомнили вдруг, что в этом районе Сены несколько лет назад неизвестная фирма вела водолазные работы, и, возможно, тогда и «обчистили» судно. Многие засомневались в том, что поднятый корабль является бригом «Телемак». Высказывалось также соображение, что сокровища на самом деле погрузили на другое судно, а слухи о «Телемаке» распространяли умышленно, дабы скрыть истинное положение дел. Как было на самом деле, пожалуй, уже никто не узнает…

Сказки острова кокос

Крошечный — четыре мили в длину, две в ширину — остров Кокос, расположенный в трехстах милях от Галапагосского архипелага, буквально затерялся среди бескрайних просторов Тихого океана. Трудно сказать, по каким причинам именно его молва назначила на роль главного «острова сокровищ» нашей планеты. Скорее всего, причин тому было несколько. Но, как бы то ни было, молва осталась молвой: никаких ценностей на острове Кокос никогда не было найдено, хотя за последние полтора столетия здесь побывало более пятисот (!) различных экспедиций.

Впервые о Кокосе заговорили в 40-х годах XIX века, когда всю Америку облетел слух, что именно здесь спрятаны так называемые «сокровища Лимы». Их история уникальна даже для того времени, когда людей трудно было удивить самыми фантастическими приключениями.

7 сентября 1820 года в перуанском порту Кальяо на шхуну «Дорогая Мэри» было погружено огромное количество драгоценностей: золотые слитки и усыпанные брильянтами распятия, сабли, эфесы которых переливались драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, тяжелые платиновые браслеты с рубинами и изумрудами, огромные золотые сосуды, золотая и серебряная утварь из многочисленных церквей Лимы. Особенно выделялась отлитая из чистого золота, почти двухметровая статуя Пресвятой Девы Марии с Младенцем на руках.

Все эти сокровища предстояло переправить в Испанию, поскольку к столице вице-королевства подходила повстанческая армия генерала Сан-Мартина. Но капитан шхуны Томпсон сговорился с командой: ночью часовые, охранявшие ценности, были перебиты, а «Дорогая Мэри» ушла из Кальяо. На четвертый день плавания она достигла острова Кокос. Раньше Томпсон никогда здесь не бывал, лишь слышал, что он необитаем и что встретить на острове можно только ядовитых змей да полчища москитов. Лучшего места, чтобы спрятать сокровища, не придумать!

Однако осуществить задуманное оказалось не так-то просто. С моря Кокос выглядел неприступной темно-зеленой скалой. Из белой пены прибоя, словно крепостные стены, вставали отвесные береговые обрывы. Томпсон долго кружил вокруг острова, прежде чем рискнул зайти в одну из двух бухт под названием Чатам. Три дня ушло на то, чтобы переправить со шхуны на берег многие тонны драгоценностей и укрыть их в недрах острова. Когда работа была уже закончена и «Дорогая Мэри» готовилась к выходу в море, в бухту ворвался испанский фрегат. После короткой схватки беглецы сдались. Всю команду «Дорогой Мэри», кроме капитана и штурмана, испанцы вздернули на реях, а двоих главарей мятежа оставили в живых с расчетом, что под пытками те выдадут место, где спрятаны сокровища.

Пленников заковали в кандалы и бросили в канатный ящик. Фрегат снялся с якоря и взял курс на Панаму. Вскоре штурман, заболевший на Кокосе желтой лихорадкой, умер. А Томпсону по прибытии в порт удалось каким-то чудом бежать. Впоследствии бывший капитан поселился на Ньюфаундленде, где прожил двадцать лет. И все эти годы его не оставляла надежда вернуться на Кокос и забрать клад.

Эта надежда была близка к осуществлению, когда Томпсон познакомился с капитаном английского брига Джоном Киттингом, готовившимся выйти в плавание от берегов Ньюфаундленда в Вест-Индию. В обмен на тайну клада Киттинг согласился отправиться с ним на Кокос. Во время перехода к Веракрусу Томпсон слег. Перед смертью он передал Киттингу карту острова, на которой крестом было помечено место, где зарыты сокровища, а также сообщил направление и расстояние от последнего ориентира до потайного входа в «золотую» пещеру.

Перед Киттингом встала дилемма: поделиться тайной с командой или же действовать в одиночку. После долгих размышлений он выбрал третий вариант — пригласил в компаньоны своего старого приятеля капитана Боуга: вдвоем они смогут удержать матросов в повиновении! За многомесячное плавание вокруг мыса Горн, когда бриг трепали жестокие штормы или держал в своих цепких объятиях мертвый штиль, Киттинг не раз подумывал, не отказаться ли от сомнительной затеи, но успевшая завладеть им одержимость — эта неизбежная болезнь всех кладоискателей — неизменно брала верх.

Наконец, судно подошло к острову Кокос. Первыми на берег были отпущены матросы, истосковавшиеся по твердой земле. Лишь на следующий день туда под видом охоты сошли капитаны. По карте они быстро отыскали потайной ход и оказались в пещере, среди сказочных богатств Лимы… И тут ими овладел страх: если команда узнает о сокровищах, она наверняка взбунтуется и потребует своей доли! Поэтому

из осторожности Киттинг и Боуг ограничились тем, что набили карманы драгоценными камнями и вернулись на судно. На следующее утро они повторили вылазку. Спустя день — опять…

Странное поведение капитанов вызвало у матросов подозрение. На кого можно охотиться на этом Богом забытом крошечном клочке суши, где водятся только ядовитые змеи, ящерицы, пауки, крылатые муравьи, а воздух звенит от москитов?

Матросы решили выяснить истинную цель их вылазок и тайком отправились за капитанами. Но те заметили слежку и изменили маршрут. К сожалению, это не помогло. Когда к вечеру Киттинг и Боуг взошли на палубу брига, их окружила разъяренная толпа матросов. Предъявив своему капитану мешочек с брильянтами, обнаруженный в его каюте, они поставили ультиматум: или клад будет разделен на всех «по справедливости», или… На размышление командиру дали десять часов. Однако ночью пленникам удалось бежать. Они отвязали шлюпку, доплыли до берега и спрятались в зарослях. Поиски беглецов и клада продолжались целую неделю. Потом, никого и ничего не обнаружив, матросы поделили между собой бриллианты из капитанской каюты, подняли паруса и покинули остров.

Через месяц к Кокосу подошло американское китобойное судно, чтобы запастись свежей водой. Когда моряки высадились на берег, их встретил истощенный, обросший бородой человеке безумным блеском в глазах. Это был Киттинг. Он рассказал, что его команда, намереваясь заняться пиратским ремеслом, подняла мятеж, захватила бриг, а его высадила на берег и оставила на острове умирать голодной смертью. О своем компаньоне Боуге капитан ничего не сказал (говорят, что Киттинг убил его в пещере при дележе клада).

Вместе с китобоями Киттинг вернулся на Ньюфаундленд. По слухам, ему удалось тайком провезти с собой горсть драгоценных камней. Тем самым капитан обеспечил себя до конца жизни! Умирая, Киттинг поведал тайну клада своему другу Фицджеральду и передал ему секретную карту, но тот, не имея средств, так и не сумел организовать экспедицию за сокровищами.

В конце концов тайна острова Кокос получила в Америке огласку, и туда потянулись охотники за золотом. Впрочем, все, кто искал «золотую пещеру», так и уезжали с Кокоса ни с чем. «Карта Томпсона» подвела всех без исключения искателей сокровищ! Возможно, перед смертью Киттинг подменил ее, чтобы запутать будущих претендентов на «сокровища Лимы». А может быть, это сделал уже после его смерти Фицджеральд. Со временем развелось великое множество «карт Томпсона», ловкие дельцы даже нажили целые капиталы на их продаже. Причем на одних копиях пещера была обозначена у горы в глубине острова; на других — на самом берегу, среди высоких скал; на третьих место клада указывалось не в пещере, а под землей… С годами история с «золотом Лимы» и «картой Томпсона» стала восприниматься просто как увлекательная легенда. И вот, когда интерес к «Острову сокровищ» почти угас, появились слухи, что на Кокосе есть еще один клад, зарытый знаменитым пиратом Бенито Бонито, вошедшим в историю под прозвищем Кровавый Меч…

Все началось с приезда в Сан-Франциско из Австралии некоего Джона Уэлча с женой Мэри, которая рассказывала всем, будто бы когда-то была подругой Кровавого Меча. В интервью репортерам скандальной хроники она заявила, что 33 года назад, когда ей только минуло восемнадцать лет, ее похитил в Панаме Бенито Бонито — пират, чье имя вселяло ужас в сердца всех, кто жил в тех «страшных местах». Причем Бенито Бонито, по ее словам, был не испанцем и не португальцем, а англичанином, и настоящее его имя Александр Грэхем — тот самый Грэхем, что в Трафальгарском сражении командовал бригом «Девоншир» и покрыл себя неувядаемой славой, лавры которой в полной мере пожал адмирал Нельсон. Поскольку при раздаче наград Грэхема обошли, он смертельно обиделся и самовольно отправился в Вест-Индию — «охотиться на флибустьеров». Однако, выйдя в открытое море, герой объявил команде, что сам решил стать пиратом. Большая часть матросов предпочла остаться с ним, а тех, кто отказался, высадили на берег при заходе на Азорские острова.

Близ мексиканского порта Акапулько Грэхем, взявший себе новое имя Бенито Бонито, встретил пять испанских судов и, не раздумывая, атаковал их. Три были потоплены огнем пушек «Девоншира», два захвачены в жестоком абордажном бою. Правда, бриг Кровавого Меча тоже получил множество пробоин. Тогда Бенито Бонито со своим экипажем перебрался на галеон «Релампаго», перебив всю его команду.

Добыча пиратов была огромной. «Релампаго» взял курс на остров Кокос. Там, в бухте Уэйфер, сокровища выгрузили на берег. Затем по приказу Бенито Бонито матросы вырыли шахту, со дна которой десятиметровый коридор вел в подземную пещеру. В ней и было спрятано захваченное у испанцев золото. Кровавый Меч вышел в море на очередную охоту. И опять ему сопутствовала удача. Через полгода он вернулся на Кокос с новой добычей, не меньше первой.

Третий рейд Бонито, в который он взял и Мэри, оказался последним. Два испанских фрегата настигли «Релампаго» у берегов Коста-Рики и загнали его на отмель. Пираты были схвачены. Зная, что его ждет, Грэхем передал Мэри план местности с указанием, где спрятаны сокровища. В тот же день на глазах юной красавицы королевские эмиссары повесили Бонито вместе с двадцатью тремя его сообщниками. Тех из его шайки, кто раскаялся, включая Мэри, привезли в Лондон. Королевский суд заменил им смертную казнь каторгой. Мэри сослали в Тасманию. Там-то она и вышла замуж за Джона Уэлча. Он сумел хорошо заработать в годы австралийской «золотой лихорадки» и приехал в Сан-Франциско состоятельным человеком…

Репортеры бульварных газет гроздьями вешались на Мэри Уэлч, требуя от нее новых подробностей этой романтической (равно как и фантастической) истории. Самое удивительное, что несколько богатых предпринимателей, начитавшись газет, поверили в рассказы Мэри Уэлч и согласились финансировать поисковую экспедицию на остров Кокос. Был даже создан синдикат по поиску сокровищ.

В начале 1854 года из Сан-Франциско к берегам далекого острова отправился пароход «Фрэнсис Эл Стил», на борту которого находилась бывшая подруга пирата и несколько десятков охотников за сокровищами.

Высадившись на остров и осмотрев берег, Мэри Уэлч заявила, что не может точно определить, где должен быть вход в пещеру, поскольку за тридцать четыре года местность сильно изменилась. Тогда начали искать клад по предполагаемым ориентирам. Прорыли больше десятка тоннелей, множество шахт-колодцев, но так ничего и не обнаружили. Экспедиция с пустыми руками вернулась в Сан-Франциско. Синдикат кладоискателей лопнул, однако Мэри Уэлч сумела выгодно продать «пиратскую карту» и довольно безбедно дожила свой век в Калифорнии.

Новый ажиотаж вокруг острова Кокос, распространившийся уже не только на Америку, но и на Европу, вызвал немец Август Гисслер. В 1894 году он подписал с правительством Коста-Рики соглашение о предоставлении ему права на колонизацию острова. При этом Гисслер заявил, что намерен разыскать третий, дотоле никому еще не известный клад острова — сокровища инков. По его сведениям, инки перевезли сюда часть храмовых сокровищ, которые им удалось спасти от «алчных конкистадоров». В случае успеха половина найденных ценностей переходила в казну Коста-Рики.

Совершенно невозможно понять, чем, собственно говоря, руководствовался почтенный бюргер, затевая эту историю. Как бы то ни было, Август Гисслер действовал с чисто немецкой педантичностью. Он прибыл на Кокос вместе с женой. Построил дом, развел огород, наладил ловлю и заготовку впрок рыбы. Потом приступил к поиску клада по заранее намеченному плану: копал в ста различных местах, пока его заступ не упирался в скалу. Человек он был неторопливый и упорный, о чем свидетельствует хотя бы то, что Гисслер добровольно занимался этим каторжным трудом… целых двадцать лет!

На двадцать первом году поисков ему наконец повезло: под штыком лопаты блеснул золотой испанский дублон чеканки 1788 года. Однако именно эта находка убедила трудолюбивого немца, что все его усилия пропали зря: никаких кладов на острове нет, а золотая монета скорее всего представляет собой случайную находку и могла выпасть из чьего угодно кармана (ясно только, что не кармана инкского жреца). Супруга кладоискателя не перенесла этот удар. Сам Август Гисслер в конце 1914 года покинул Кокос на американском пароходе, доставившем очередную партию охотников за сокровищами. Перед отплытием немец продал им налаженное за долгие годы хозяйство и искренне старался убедить американцев не тратить зря силы и время: ведь кроме него за двадцать лет на острове побывало немало кладоискателей, в том числе большая англо-французская экспедиция, и все тоже уезжали ни с чем. Увы, вновь прибывшие не вняли доброму совету старожила и остались на Кокосе. Правда, их энтузиазма хватило всего на полгода…

В 1926 году на острове появился знаменитый автомобильный гонщик Малькольм Кэмпбелл с пресловутой «картой Томпсона» в руках. Надеясь добраться до «сокровищ Лимы», он вложил в экспедицию сорок тысяч фунтов стерлингов. Однако уже через месяц самонадеянный искатель сокровищ покинул Кокос — естественно, с пустыми руками. Тем не менее паломничество на остров не прекращалось. Некоторые кладоискатели побывали там по нескольку раз. Так, некто Форбс, фермер-цитрусовод из штата Калифорния, предпринял пять попыток

отыскать «сокровища Лимы». Изучив по документам свою родословную, он установил, что Томпсон приходится ему прадедом, поэтому достоверность хранившейся в семье Форбсов карты острова с пометкой, где зарыт клад, не вызывала у фермера сомнений. И лишь пятая и последняя экспедиция на Кокос в 1950 году убедила цитрусовода в том, что он сделал непростительную глупость, продав свою ферму в расчете на наследство предка.

Трижды — и всякий раз безрезультатно — пытал счастье англичанин Альберт Эдвардс. По возвращении из последней экспедиции в 1953 году он заявил газетчикам: «Я рад хотя бы тому, что остался жив. Ведь далеко не всем так повезло. Одних настигла смерть в бурунах при попытке высадиться на берег, другие пали от рук убийц, третьи умерли от укусов ядовитых змей или стали жертвами тропической лихорадки».

Одним из первых, кто усомнился в достоверности легенды о «сокровищах Лимы», был американец Гарри Ризберг. Вместе с историками Лимского университета он тщательно изучил ход событий, связанных с освобождением генералом Сан-Мартином Аргентины, Чили и Перу от испанского владычества. Оказалось, что ни в одном из архивов нет письменных свидетельств вывоза ценностей из Лимы и погрузки их на какое-либо судно в порту Кальяо. Действительно, в момент наступления армии повстанцев знать и представители высшего духовенства бежали из столицы, но историки не нашли никаких подтверждений тому, что они намеревались отправить свои ценности в Испанию.

Чтобы не оставалось сомнений, Ризберг отправился в Лиму. В кафедральном соборе, в нише над алтарем, он увидел… ту самую золотую статую Девы Марии, которую, согласно преданиям, закопали на острове Кокос! Целая и невредимая, она стояла с Младенцем Христом на руках в окружении двенадцати золотых апостолов. Один из служителей собора заверил американца, что с момента основания храма статуя из него не выносилась и что армия Сан-Мартина не покушалась на нее.

Не менее тщательную проверку истории с «сокровищами Лимы» провел британский вице-консул в столице Перу Стенли Фордхэм. По его просьбе был собран обширный материал, который ясно свидетельствовал о том, что никогда каких-либо кораблей, тем более за похищенными ценностями, на Кокос не посылалось.

Но, может быть, существует хотя бы клад пирата Бенито Бонито? Увы, в рассказе Мэри Уэлч слишком много неувязок, чтобы ему можно было поверить. Достаточно сопоставить две даты: по словам Мэри Уэлч, Грэхем-Бонито якобы стал пиратом вскоре после Трафальгарской битвы — то есть в 1805 году. А юную красавицу он похитил, когда ей исполнилось восемнадцать лет, — в 1820 году, причем это произошло якобы в начале его пиратской карьеры! Следовательно, сенсационное интервью авантюристки было не более чем вымысел. Во всяком случае, английские историки так и не смогли разыскать в британских архивах судебное дело по процессу подружки Кровавого Меча и доставленных в Лондон других членов экипажа «Девоншира». Более того, ни в одном документе, относящемся к делу пирата Александра Грэхема, имя Мэри не упоминается. Так что клад Бенито Бонито столь же призрачен, как «сокровища Лимы»…

Американский проповедник Сидней Смит сказал однажды: «Есть люди, в которых невозможно внедрить новые идеи, кроме как с помощью хирургической операции. Но если вы однажды вгоните в них какую-нибудь идею, то уже не сможете извлечь ее оттуда без хирургической операции». Слепая вера в самые нелепые, в самые идиотские мифы — характерная особенность людей, которые не хотят думать. «Ладно, пусть „сокровища Лимы“ и клад Кровавого Меча не более чем вымысел, — долдонят они, — но ведь на Кокосе зарывали свое золото знаменитые флибустьеры Уильям Дампир, Эдвард Дэвис, Генри Морган!» И опять едут на злополучный остров. Причем помимо разочарований некоторые находят там свойконец…

…Летом 1962 года с костариканского сейнера, занимавшегося ловлей тунца в Тихом океане, заметили столб дыма, поднимающийся над островом Кокос. Это был явно сигнал бедствия. Действительно, от острова сразу же отчалила надувная лодка, в которой, как удалось разглядеть в бинокль, отчаянно греб веслами оборванный, похожий на скелет человек. Едва рыбаки подняли его на палубу, как он потерял сознание. Когда беднягу привели в чувство, его первыми словами было: «Они все погибли!»

Спасенным оказался француз Робер Верн, известный спелеолог, не раз ходивший в опасные экспедиции с группой знаменитого исследователя вулканов Гаруна Тазиева. Что же произошло?

За три месяца до этого он с двумя товарищами — журналистом Жаном Портеллем и писателем Клодом Шарлье, широко разрекламировав свои планы поиска пиратского клада, прибыл на Кокос. Путешественники рассчитывали, что если они и не найдут на острове сокровищ, то по возвращении во Францию издадут книгу о своих приключениях и выступят с серией рассказов по радио и телевидению. Но их затея обернулась трагедией.

Вот некоторые выдержки из дневника Верна:

…«В пятницу мы поплыли в бухту Чатам осмотреть выходящий в море грот. День был серым и унылым, большие волны плевались брызгами и пеной, разбиваясь о рифы. Посмотрев на них, Клод сказал: „Может, лучше подождем, пока успокоится…“ Лодка была нагружена доверху. Все же мы благополучно вышли из бухты и стали огибать мыс, держась подальше от берега, чтобы нас не бросило на рифы. Не знаю почему, но я поглядел на мыс и сказал: „Если что-нибудь случится, надо плыть туда“.

Нас здорово болтало. Вдруг мотор чихнул и заглох. Я закричал: „Быстрей за весла!“ Но они оказались придавлены палаткой. Набежавшая сбоку волна опрокинула лодку. Я услышал чей-то крик. Следующая волна подхватила меня и швырнула на камни. Я цепляюсь за скользкую поверхность и ползу, ползу вверх. Вылезаю, сорвав ногти и в кровь ободрав ладони. Оглядываюсь: „Жан! Клод!“ Ответа нет. Только грохот волн. Мне делается страшно, особенно за Жана: ведь он едва держится на воде. Снова кричу им — бесполезно.

Огромная волна чуть не смывает меня. Нашу лодчонку выбросило чуть подальше, метрах в пятидесяти. Может, они выбрались на берег с другой стороны мыса? Лезу наверх, не обращая внимания на ссадины и синяки. Рубашки на мне нет, все вещи утонули. На берегу никого нет. Туча крылатых муравьев облепила меня со всех сторон. Помню, я долго кричал, плакал. Несколько раз срывался с камней. В лагерь добрался глубокой

ночью. Пусто. Все кончено: они погибли. Я вытащил бутылку со спиртом, пил, потом лил на искусанное тело».

Верн остался один. Два месяца он каждый день до рези в глазах вглядывался в горизонт. Один раз видел какое-то судно, но оно скрылось раньше, чем Верн успел зажечь облитое бензином походное снаряжение. Последние дни француз был на грани безумия…

Число кладоискателей, встретивших смерть на острове Кокос, уже перевалило за сотню, и нельзя поручиться, что этот скорбный список не будет возрастать. Миражи «острова сокровищ» по-прежнему манят за собой уже N-дцатое поколение кладоискателей…

Легенда о «Черном Принце»

Эта легенда родилась еще в XIX столетии, но свои окончательные очертания обрела в далеком 1923 году. В один из холодных зимних дней в ОГПУ пришел инженер В. С. Языков, всем своим видом напоминавший сумасшедшего изобретателя — худой, в длинном, не по сезону легком пальто, из-под которого выглядывали поношенные штиблеты, в широкополой шляпе, натянутой на уши, с ветхим портфелем под мышкой. В этом портфеле лежала канцелярская папка с исписанными листами — доказательство существования клада, что покоится на дне Черного моря со времен Крымской войны. Языков упорно собирал сведения о нем аж с 1908 года…

…В начале Крымской войны английское правительство зафрахтовало для перевозки войск и амуниции в Крым свыше 200 торговых судов, принадлежащих различным частным компаниям. Среди них был и фрегат «Принц-регент» — один из первых в мире железных винтовых пароходов. 8 ноября 1854 года в составе английского каравана он прибыл на рейд Балаклавы. Через несколько дней над Крымом пронесся ураган невиданной силы. «Принц» лишился якорей. Капитан приказал рубить рангоут, чтобы меньше кренило. Такелаж, упавший за борт, намотало на винт, и судно понесло на скалы. Через несколько минут «Принц» оказался на дне — вместе с грузом медикаментов, снаряжением на сотни тысяч долларов, первым полевым электрическим телеграфом и подводным аппаратом, предназначенным для расчистки входа в Балаклавскую бухту. Позже появился слух, что на борту «Принца» находились и немалые денежные средства.

Чем дальше отдалялась дата гибели «Принца», тем ярче разгоралась легенда о золоте, хранившемся в его трюмах. Лондонская «Таймс» сперва сообщила, что пароход затонул с 500 тысячами франков, которые якобы предназначались для уплаты жалованья английским солдатам и морякам, затем сумма увеличилась до пяти миллионов фунтов стерлингов. Количество золота и серебра росло почти в геометрической прогрессии. В конце XIX века уже говорили о сокровищах, которые оценивались в 60 миллионов швейцарских франков (особенности соотношений валют того времени не позволяют объективно оценить стоимость клада). А с годами людская молва даже переиначила название корабля: так вместо «Принца» появился «Черный Принц».

Слух о затонувших сокровищах сразу взбудоражил общественность. Уже в первые годы после заключения мирного договора начались поиски останков «Принца». В 1875 году французские ныряльщики буквально

просеяли через сито дно Балаклавской бухты, нашли около двадцати затонувших судов, но «Принца» среди них не было. В 1901 году пришла очередь итальянцев. Экспедицию возглавил изобретатель глубоководного скафандра Джузеппе Рестуччи. Через несколько дней итальянским водолазам удалось найти корпус большого корабля. Они подняли со дна якорь, подзорную трубу, винтовки, куски железной и деревянной обшивки, но никакого золота не нашли. Итальянцы покинули бухту в 1903 году, но через два года вернулись, чтобы продолжить поиски в другом месте. Они обнаружили еще один затонувший корабль, но золота на нем опять не оказалось.

Первая мировая, а затем Гражданская войны надолго остановили поиски сокровищ. В 1922 году один ныряльщик-любитель достал со дна моря у входа в Балаклавскую бухту несколько золотых монет. Так снова возник интерес к золоту «Принца». Как всегда в таком деле, не обошлось без предложений, поступивших от буйных сумасшедших, обративших избытки скопившейся у них энергии в сферу изобретательства и рационализации. Некий энтузиаст из Феодосии, выступая в местной печати, уверял, что «Принц» лежит на дне самой бухты, и для того чтобы добыть сокровища, надо перегородить бухту плотиной, а воду откачать, после чего золото можно будет вывозить тачками.

Мысль о богатствах, скрытых под водой, не давала покоя и Инженеру В. С. Языкову. Он объединил свои аналитические способности с талантом другого инженера — Е. Г. Даниленко, изобретателя подводного аппарата. Отчаявшись найти понимание у местных властей, уставших от бесконечных «изобретателей и рационализаторов», они в конце концов решились пойти в ОГПУ — к самому Дзержинскому.

Всесильный шеф тайной полиции с большим интересом отнесся к идее инженера Языкова. Органы ГПУ уже имели опыт работы по поиску сокровищ в послереволюционной России. Однако в проекте Языкова Дзержинского больше всего заинтересовало не столько мифическое золото «Принца», сколько вполне реальная возможность начать серьезные подводные работы по подъему судов, затонувших в годы Первой мировой и Гражданской войн. Десятки кораблей — настоящий склад дефицитного по тем временам металла — буквально усеяли морское дно вдоль побережья Черного и Балтийского морей. Только в Черном море их насчитывалось более трехсот пятидесяти единиц! Ну и конечно, если при этом водолазам удастся найти какие-то ценности, молодая республика Советов не будет против этого возражать… Так было положено начало Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН).

В марте 1923 года ЭПРОН начала свою деятельность. Специально для нее по проекту Е. Г. Даниленко был создан глубоководный аппарат, который имел «механическую руку», был оборудован прожектором, телефоном и системой аварийного подъема. Экипаж аппарата состоял из трех человек, воздух подавался по гибкому шлангу. Один из участников экспедиции, К. А. Павловский, вспоминал впоследствии: «Нас было около тридцати, первых эпроновцев, а в распоряжении экспедиции — испытанный снаряд Даниленко, баржа „Болиндер“ с лебедкой и буксирный катер. Нам казалось, что найти „Принца“ будет не так уж трудно: он был единственным железным судном, погибшим в том урагане

5 Эта уверенность участников экспедиции, увы, была безосновательной: в том памятном шторме, помимо «Принца», погибло еще одно судно с металлическим корпусом, совершенно однотипное с «Принцем»: «Язон». . Подходы к Балаклавской бухте были разбиты на квадраты, и начались поиски. Дно моря было сплошным кладбищем деревянных кораблей. Поначалу мы проходили мимо остатков из мореного дуба, цепей, якорей, мачтовых поковок, но кто-то предложил заняться попутно подъемом всего ценного, что встречалось на пути. В конце концов операции эти настолько развились, что понадобилось увеличить число водолазов и образовать специальную подъемную группу».

Прошли весна, лето и осень 1924 года. Все погружения были безрезультатны. За два месяца работ водолазы подняли на поверхность сотни кусков железа различной формы, части обшивки борта с иллюминаторами, несколько ручных гранат и неразорвавшихся бомб, медные обручи от бочек, фрагменты паровой машины и так далее. И никакого намека на золото…

К тому времени проект инженера Языкова уже обошелся государственной казне почти в 150 тысяч рублей. В Балаклаву приехали ревизоры — в кожаных куртках, с маузерами. Часть руководства ЭПРОНа надолго отправилась в северные районы страны — на лесоповал. Дальнейшая деятельность по поиску золота «Принца» была признана нецелесообразной, и все усилия ЭПРОНа с этого времени были обращены на подъем затонувших судов со дна морей и рек.

А что же с золотом «Принца»?

Последней его искала японская фирма «Синкай когиоесио лимитед». Ее представители обратились с ходатайством к советскому правительству о разрешении работ по поиску сокровищ «Принца» и предлагали не только погасить затраты, произведенные ЭПРОНом, но и поделить ожидаемую прибыль (миллион рублей золотом) пополам.

Японцы приступили к работе летом 1927 года. Взорвав массу подводных скал, промыв и просеяв через сито тысячи тонн песка, истратив около трехсот тысяч долларов, фирма подняла со дна Балаклавской бухты несколько вилок и ложек белого металла, подковы, саперные лопатки, лошадиные кости, офицерскую саблю, амбарный замок, галошу с датой выпуска «1848 год» и… семь золотых монет времен Крымской войны с изображением профиля английской королевы Виктории. После этого энтузиазм искателей сокровищ значительно уменьшился. Впрочем, неорганизованные ныряльщики, желающие разбогатеть, продолжают обшаривать дно Балаклавской бухты, но об их успехах пока ничего не слышно.

Где же оно, золото «Принца»?

В этой истории обращает на себя внимание один характерный момент: сокровища «Принца» искали все кому не лень: русские, французы, итальянцы, японцы, даже, говорят, немцы и норвежцы. Кроме… кроме тех, кому, собственно говоря, это золото принадлежит по закону: англичан. Британское правительство с редкостным хладнокровием отнеслось к потере «астрономической» суммы, якобы находившейся на борту «Принца», и все последующие годы оставалось безучастным наблюдателем в истории поисков сокровищ. Интересно, почему? Не потому ли, что англичанам, в отличие от всех других, был отлично известен истинный характер груза,

отправившегося на дно Балаклавской бухты вместе со злосчастным «Принцем»? Кстати, список товаров, находившийся на борту «Принца», вовсе не является секретным: он был опубликован еще 16 декабря 1854 года на страницах лондонской газеты «Иллюстрейтед Лондон ньюз»: «36 700 пар шерстяных носков, 53 000 шерстяных рубах, 2500 постовых тулупов, 16 000 простынь, 3750 одеял, 150 000 спальных мешков, 100 000 шерстяных рубашек, 90 000 пар фланелевых кальсон, 40 000 одеял, 40 000 непромокаемых шапок, 40 000 меховых пальто, 120 000 пар сапог». Безусловно, все это имущество стоило немалых денег, но от экспедиции, отправленной в Балаклавскую бухту на поиски бесславно погибших фланелевых кальсон, вряд ли можно было бы ожидать успеха…

«Золото Колчака»

Легендарный «золотой запас Российской империи», не то пропавший, не то похищенный какими-то злокозненными персонажами в годы Гражданской войны, в просторечии получил название «золото Колчака». Предание относит рождение этой легенды к 1919 году, когда Красная армия с боями вступила в Сибирь. Один за другим пали Омск, Новосибирск, Барнаул…

В арьергарде отступавшей колчаковской армии шел 21-й пехотный полк, старшим писарем в котором служил фельдфебель Карл Пуррок, эстонец по происхождению. В конце октября, когда полк находился в районе станции Тайга, над ним нависла угроза окружения. Положение мог спасти только быстрый отход. Но мешал едва тащившийся обоз — более сотни подвод с боеприпасами, провиантом, амуницией, седлами и прочим войсковым имуществом. Ездовые безжалостно нахлестывали лошадей, но измученные клячи падали от усталости. И тогда командовавший арьергардом полковник Жвачин решил… закопать все ненужное имущество (почему не бросить? Ведь никакого смысла прятать старые седла не было!). Он отделил часть обоза и лично отвел его верст на пять в сторону от тракта, где на лесной поляне были вырыты четыре больших ямы. Под его наблюдением ездовые сложили в них поклажу с подвод. В самую крайнюю к лесу опустили ящики со снарядами, присыпали землей, а сверху положили убитую лошадь — если кто-то начнет копать, то наверняка бросит, наткнувшись на нее. Все ямы тщательно заровняли и забросали валежником. После этого полковник приказал обозникам догонять часть, а сам с ординарцем ускакал вперед.

Когда ящики закапывали, полковник Жвачин крикнул Пурроку: «Запишите: пятая линия от просеки вправо». «Когда я уходил, — позже рассказывал Пуррок, — то заметил, что мы закопали ящики между трех пихт, а на них была повалена береза».

О том, что произошло дальше, Карл Пуррок рассказывал по-разному. По одной версии, буквально через несколько часов на них наткнулись красные, завязался бой. Сперва убили одного солдата, потом другого, а на следующий день всех остальных окружили и взяли в плен. Пуррок назвался крестьянином, которого колчаковцы якобы насильно мобилизовали вместе с лошадью, и вскоре был отпущен домой.

Согласно второй версии, полковник Жвачин будто бы взял Пуррока с собой, чтобы тот записал приметы поляны с закопанным войсковым имуществом и в конце процедуры захоронения забрал у него список. Когда

же писарь вместе с обозниками догонял ушедший вперед полк, их окружили казаки из конвойной сотни и всех перестреляли за то, что они якобы хотели уйти к красным. Сам Пуррок был тяжело ранен. Но, когда казаки умчались, бросив у дороги трупы расстрелянных, он собрал последние силы и дополз до заимки, где хозяева взялись лечить его. Отлежавшись, писарь в мае 1920 года выехал на родину, в Эстонию…

А летом 1931 года в Москве неожиданно объявились два эстонских туриста, воспылавших желанием познакомиться с «достижениями» Страны Советов. Правда, для этого они избрали весьма необычный маршрут: вместо того чтобы осматривать столицу, эстонцы отправились в сибирскую глухомань. В действительности целью их поездки было «золото Колчака».

Следы золотого запаса Российской империи — 26 ящиков с золотыми слитками и монетами — оборвались в 1920 году после расстрела «Верховного правителя России» адмирала А. В. Колчака. По результатам проведенного ЧК расследования выяснилось, что золотой запас Российской империи адмирал передал японцам в качестве оплаты военных поставок, а те вывезли его за границу. Однако Карл Пуррок был убежден, что это не так: будучи старшим писарем полка, он имел доступ к некоей секретной документации и потому утверждал, что в 26 ящиках «со снарядами», закопанных близ станции Тайга, на самом деле находилось золото: в восьми ящиках — монеты, а в остальных — слитки. Именно поэтому полковник Жвачин приказал ничего не подозревавшим казакам ликвидировать как «потенциальных дезертиров» всех причастных к захоронению «золотого клада». И все-таки один свидетель — Карл Пуррок — остался жив.

В 1930 году он поделился этой тайной со своим родственником, инженером Аугустом Лехтом. Тот сразу загорелся идеей добыть «золото Колчака». В итоге летом следующего года оба эстонца оказались в Сибири, в окрестностях станции Тайга. Однако их ждало разочарование: местность настолько изменилась, что бывший писарь не мог узнать ее. Там, где в 1919 году стоял густой лес, теперь поднимались лишь редкая молодая поросль да кустарник. Все приметы, которые запомнил Пуррок, исчезли. Бывший фельдфебель не помнил, была ли поляна, на которой закопали ящики с золотом, естественной или же вырубкой. Правда, в первый же день кладоискатели выкопали какие-то гнилые подошвы от сапог, которые вполне могли быть частью спрятанной амуниции, но это ни о чем не говорило. Впрочем, неудачная поездка имела определенный результат: кладоискатели убедились, что тайком на почти открытой местности клад добыть невозможно.

Все предвоенные годы Пуррок и Лехт настойчиво добивались разрешения возобновить поиски, и в конце концов им при поддержке берлинского адвоката Кайзера удалось подписать договор, согласно которому в случае успеха советская казна получала 75 процентов золота, а поисковики — остальные 25 процентов. Однако лишь после того как в июне 1940 года некие «трудящиеся Эстонии» свергли законное правительство и оккупированная советскими войсками страна «добровольно» вошла в состав СССР, дело сдвинулось с мертвой точки. На Пуррока и Лехта обратили внимание в НКВД. Руководство тайной полиции запросило мнение экспертов относительно того, насколько можно доверять

«фантазиям» некого Пуррока о будто бы зарытых в Сибири сокровищах. Эксперты затребовали архивы из Сибири, изучили показания эстонца и пришли к выводу, что речь действительно может идти о золоте из государственного запаса Российской империи. Эти выводы были доложены замнаркома внутренних дел, комиссару госбезопасности Кобулову. Ознакомившись с ними, он наложил резолюцию: «Вызовите Пуррока в Москву вместе с оперативным работником. Направьте на место поиска золота совместно с начальником УНКВД». 9 июня 1941 года Пуррок вместе с двумя оперативниками выехал в Сибирь.

Когда группа прибыла на место, оказалось, что Пуррок совершенно не понимает, где он, и не помнит, как разворачивались события в далеком 1919 году. «Эстонец подавлен, волнуется, плачет. Мы чувствуем, что он совершенно дезориентирован и не знает, что делать», — записал в своем дневнике один из оперативников. Местные жители — знатоки тайги — сильно расходились с Пурроком в определении маршрута отступления колчаковской армии. С большим трудом, по рассказам старожилов, оперативникам удалось составить «Примерную схему тракта с таежными дорогами, где проходила отступающая армия Колчака». Пуррок оказался совершенно бесполезен. Оперативники уже решили начать собственное расследование, но тут пришло известие о начале войны. Поиски были прекращены. Виновника всей этой истории Карла Пуррока отправили в Бутырку и завели уголовное дело по обвинению в «обманных действиях, причинивших ущерб государству». 4 декабря было подписано обвинительное заключение: «Обвиняется в том, что с целью пробраться в Москву и др. города Союза ССР неоднократно подавал заявления генеральному консулу СССР о том, что будто им в 1919 году при отступлении армии Колчака зарыто около 50 пудов золота, однако местонахождение клада не указал, явно злоупотребив доверием». Приговор: пять лет ИТЛ по статье 169 ч. 2 УК РСФСР (мошенничество). В 1942 году зэк Пуррок умер.

В последующие годы несколько раз предпринимались попытки вернуться к поискам «золота Колчака», но в конце концов вся эта история была признана нереальной. Действительно, каким образом золотой запас Российской империи мог оказаться в обозе заштатного пехотного полка, находящегося в арьергарде колчаковской армии — то есть там, где золото имело наибольшие шансы достаться врагу? Вообще говоря, при любой эвакуации используется иная практика: сначала вывозится самое ценное, потом уходят главные силы армии, за ними следует арьергард. 26 ящиков с золотом по тем временам стоили в несколько раз дороже, чем весь 21-й пехотный полк! Так что статья 169 ч. 2 УК РСФСР — пожалуй, самый закономерный итог этой фантастической истории…

Где-то в монгольской степи…

Вот уже более 80 лет идут разговоры об одном из самых легендарных кладов времен Гражданской войны — пропавшей казне Азиатской дивизии барона Унгерна. Молва утверждает, что эти несметные сокровища зарыты где-то в монгольской степи. Однако неоднократно выезжавшие туда экспедиции так и не смогли их разыскать…

Начало этой истории относится к лету 1917 года, когда генерал-майор Роман Федорович Унгерн фон Штернберг отбыл из

Петрограда в Забайкалье в качестве эмиссара Керенского. Обратно барон не вернулся. Он стал сподвижником атамана Сибирского казачьего войска Г. М. Семенова, преемника адмирала Колчака, расстрелянного в двадцатом году по постановлению Иркутского ревкома. Вскоре атаман, разбитый Красной армией, бежал в Маньчжурию. Но получивший чин генерал-лейтенанта Унгерн продолжал борьбу.

В начале зимы 1920 года Азиатская дивизия, сформированная им из казаков, монголов и бурятов, вторглась в оккупированную китайцами Внешнюю Монголию. Пока растянувшаяся на многие километры армия — конница, пехота, артиллерия, обозы — медленно продвигалась по безводной желтой степи, сам он во главе передового отряда вышел к монгольской столице Урге.

В бинокль Унгерн жадно вглядывался в затейливое кружево кровли дацана Узун-хурэ. Он верил, что с взятием Урги начнется осуществление его грандиозного плана: создать собственную империю, которая будет простираться от Тибета до тунгусской тайги, поднять против красных дикие полчища азиатов, стать новым Чингисханом. Будучи дальновидным политиком, барон Унгерн даже принял буддизм, пройдя церемонию посвящения в одном из монастырей. Правду говоря, обряд не доставил ему большого удовольствия, поскольку тамошний настоятель заставил барона как сына Будды побрататься, испив из одной пиалы с другим сыном Будды — прокаженным, чьи руки были покрыты отвратительной коростой. Впрочем, большая политика требует жертв. Зато, когда Унгерн освободил императора Богдо-гэгэна из китайского плена и после захвата Урги вернул тому власть над всей Монголией, в Узун-хурэ благодарный правитель пожаловал генералу титул вана, а вместе с ним четыре высшие привилегии: право иметь желтые поводья на лошади, носить такого же цвета халат и сапоги, ездить в зеленом паланкине и прикалывать к фуражке трехочковое павлинье перо. Желтый цвет — это солнце. Зеленый — земля, пробуждающаяся весенняя степь. Три очка в радужных перьях означают третью степень земного могущества — власть, имеющую третий глаз, чтобы читать в душах людей. Пятую привилегию «Облаченный в желтое, Направляющий свой путь желтым», как витиевато назвал Унгерна император, присвоил сам себе: забирать в казну своей Азиатской дивизии все отбитое у китайцев золото. В числе других трофеев туда попала и метровая статуя Будды из чистого золота.

Впрочем, даже не она представляла главную ценность в легендарном кладе барона-буддиста. Когда позднее ЧК вело розыск казны Азиатской дивизии, ее сотрудники установили интересные факты. Из сохранившихся финансовых документов следовало (взятые в плен штабные офицеры Унгерна подтверждали это на допросах), что касса дивизии действительно располагала огромными суммами как в денежной наличности — в основном в золотых монетах русской чеканки и в китайских, серебряных, — так и в драгоценных камнях. Эти деньги предназначались на текущие нужды и выплату жалованья. Но значительно большую часть наличности составляла контрибуция, собранная с монголов китайцами якобы за неуплату долгов купцам и ростовщикам из Поднебесной, в сумме около 15 миллионов рублей в царских золотых. Их Унгерн считал своим личным капиталом, которым мог распоряжаться по

собственному усмотрению.

Но вернемся в 1921 год. Как это ни парадоксально, взятие Урги стало предвестником конца генерала Унгерна. Для осуществления своего стратегического плана он решил совершить марш на север: поднять казачьи станицы, провести мобилизацию в бурятских улусах, выгнать красных из Верхнеудинска, дойти до Читы и договориться с японцами. Затем повернуть коней на юг, разгромить китайцев, занять тибетские монастыри и договориться с англичанами. После этого барон намеревался поднять свой бунчук среди развалин Каракорума, древней столицы монголов, и воздвигнуть на этом месте столицу своей будущей империи.

Сначала Унгерну сопутствовал успех. Тесня красных, его конники захватили улус Цежей, станицу Атамано-Николаевскую, вышли на Мысовский тракт. 31 июля Унгерн увидел вдали заросшие камышом низкие берега Гусиного озера — до Верхнеудинска оставалось восемьдесят верст.

Дальше начались неудачи. Против Азиатской дивизии были брошены регулярные части Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Под станицей Келтуринской они наголову разбили колонну генерала Резухина, поспешно отступившего на юг. Еще раньше бежали от Маймачена монгольские чахары Баяр-гуна. А через неделю и сам Унгерн, столкнувшийся в ночном бою с частями Народно-революционной армии и партизанами, ушел обратно в Монголию, куда за ним последовал экспедиционный корпус 5-й армии. Началось безостановочное преследование изрядно потрепанной Азиатской дивизии.

Конники Унгерна текли по степи, как весенний поток по горному склону, обходя улусы, где могла поджидать их засада, и опять сливаясь вместе в безопасных ложбинах. Кони вконец отощали: когда в последний раз с боем уходили от Щетинкина, их невозможно было перевести в галоп. До предела измотанные люди засыпали в седлах прямо на ходу. На самом Унгерне эта бесконечная скачка никак не сказывалась. Он был по-прежнему неутомим и быстр в движениях. Лишь отросла мягкая светло-рыжая бородка, выглядевшая на обугленном солнцем лице какой-то ненастоящей, словно сделанный из пакли артистический парик, да почернел от грязи его неизменный монгольский халат с русскими генеральскими погонами.

Как профессиональный военный, Унгерн прекрасно понимал, что на сей раз задуманный освободительный поход против красных не удался. Значит, сейчас главное уйти от погони и сберечь казну, чтобы потом было на что снарядить новое войско: закупить оружие и боеприпасы, продовольствие, лошадей, фураж, выплатить жалование солдатам. То, что дивизионную кассу нужно надежно спрятать, не вызывало сомнений. Вопрос только в том, кому доверить столь ответственную миссию.

Унгерну вспомнилась слышанная от монголов назидательная легенда. Когда Бог сотворил мир, он сначала сделал человека с душой черной, как ворон. Потом подумал, что это нехорошо: с такой душой человек пойдет прямо в ад. Сломал его, сделал другого с душой белой, как лебедь. Подумал, подумал — опять нехорошо. Как такой человек будет резать барашков? С голоду умрет. Опять сломал, третьего сделал. Дал ему душу пеструю, как сорока. От него все люди пошли. У одних много черных перьев, у других — белых. У его казаков оперение было слишком черным,

чтобы доверить им золото. У монгольских чахаров — слишком белым. Остаются буряты.

Унгерн вызвал к себе подъесаула Ергонова, бурята, командовавшего эскадроном его личного конвоя, и долго его инструктировал. Поставленная генералом задача была очень трудной, если вообще выполнимой. Предстояло доставить в Хайлар, а оттуда поездом в Харбин 24 ящика, в каждом из которых было три с половиной пуда золотых монет, а также обитый железом семипудовый сундук барона. В случае явной опасности захвата дивизионной казны красными ее следовало надежно укрыть. Для этого Унгерн указал на карте несколько подходящих мест на пути следования. Ночью, взяв с собой 16 верных солдат-бурятов, Ергонов незаметно покинул лагерь. Позднее нашлись свидетели, видевшие в одном из бурятских улусов маленький отряд конников, сопровождавших тяжело нагруженные арбы. Грязные, усталые, некоторые с окровавленными повязками, они не остановились там на дневку, а лишь насильно взяли 38 свежих лошадей и проследовали дальше на запад…

Ночью барона Унгерна покинули последние казаки. А чахары, посоветовавшись, под утро связали своего вана, бросили его поперек седла и не спеша поехали навстречу красным всадникам 35-го кавполка. Унгерна увезли в Иркутск, а затем отправили в Новониколаевск. Там за него взялись чекисты. То угрозами и побоями, то обещаниями сохранить жизнь они добивались, чтобы пленник указал место, где спрятал «несметные сокровища». Но Унгерн молчал. Поняв, что этот орешек им не по зубам — ни за что не расколется, верный офицерской чести, не будет просить пощады, чекисты передали белого генерала в Сибирский ревтрибунал, который приговорил его к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу. 15 сентября 1921 года председатель Сибирской ЧК Иван Павлуновский собственноручно привел приговор в исполнение.

Между тем в самой Монголии из-за «клада Унгерна» произошел форменный скандал. Его предыстория такова.

В 1920 году после взятия красными Иркутска и разгрома Колчака родился план распространения большевистского контроля на Монголию. Идея была проста: если советских лидеров не устраивало правительство какой-нибудь соседней страны, сколачивалось еще одно — «революционное», а затем в ситуации искусственно созданного двоевластия никого не представляющие самозванцы, якобы «выражая волю трудового народа», призывали себе на помощь Красную армию. Этот прием ранее был успешно использован на Украине и в Грузии. Теперь пришла очередь Монголии.

В конце февраля 1921 года стараниями Сибирского бюро ЦК РКП(б) в Кяхту были доставлены несколько групп едва знакомых друг с другом монголов. 13 марта эти заговорщики объявили о создании Временного народного правительства, в которое от имени народа назначили сами себя. После этого 21 июня на территорию суверенной Монголии вступили регулярные части Красной армии. 6 июля они взяли Ургу. В тот же день туда пожаловало Временное народное правительство, возглавляемое типографским наборщиком Дамидины Сухэ. Через четыре дня после настоящей драки из-за министерских постов было объявлено, что отныне оно не временное, а постоянное. А на следующее утро монгольский народ

узнал, что у него есть «великий вождь Сухэ-батор» и что под его руководством в стране произошла революция.

Казалось бы, московский сценарий был разыгран как по нотам. Но вскоре возникли непредвиденные осложнения. В свое время Сухэ-батору и его команде было обещано, что, как только удастся захватить полевую кассу Азиатской дивизии, часть денег будет передана монгольскому правительству «на обзаведение». И вот новоиспеченный министр финансов Данзан, выждав некоторое время, решил напомнить командованию советского экспедиционного корпуса: Урга взята, имущество унгерновских войск в руках победителей, но обещанных денег монгольское правительство до сих пор так и не получило. В ответ, к своему неудовольствию, Данзан услышал, что трофеи действительно захвачены большие, однако с золотом придется подождать: произошла досадная осечка. Ставка делалась на то, что будет отбита казна Унгерна, но она исчезла, неизвестно когда и каким образом. Ведутся поиски, к сожалению, пока безрезультатно.

Данзан воспринял ту новость с недоверием и начал собственное расследование. Его итоги оказались неутешительными. Удалось установить, что место захоронения ценностей могло быть известно лишь самому Унгерну да двум десяткам преданных ему людей. Барона большевики пустили в расход, а никого из его доверенных лиц разыскать не смогли.

По меньшей мере с десяток не афишировавшихся их организаторами экспедиций монгольских, советских и совместных — занимались в разное время поисками «клада Унгерна». С китайской стороны границы в районе озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол тоже колесили по степи вольные кладоискатели из числа русских эмигрантов. Однако успехом никто похвастаться так и не смог. Выходит, казна Азиатской дивизии окончательно утеряна?

Антоний-Фердинанд Оссендовский, польский «литератор, путешественник, ученый», как значилось на его визитной карточке, взял на себя смелость утверждать обратное. В жизни этого человека было много самых невероятных приключений. В мае 1920 года он совершил поездку через всю Монголию и был гостем Унгерна. Перед расставанием, по словам Оссендовского, барон вручил ему мешочек с золотыми монетами достоинством 5 и 10 рублей. Эти деньги поляк должен был передать жене Унгерна, проживавшей в то время в Пекине. Позднее Оссендовский описал это путешествие в своих мемуарах. Там можно, в частности, прочесть о посещении вместе с Унгерном Гандана — священного города буддистских монахов-лам. Причем барон в присутствии поляка якобы вручил настоятелю завещание и план тайника, в котором спрятаны полторы тонны золота. В завещании было сказано, что, если в течение пятидесяти лет не объявятся законные наследники, все золото должно быть употреблено на распространение ламаизма.

Что же касается места захоронения клада, то есть свидетельства очевидцев любопытного случая, героем которого был Оссендовский. Однажды на Рождество, будучи гостем у своего тестя, известного польского кардиолога Ягельского, под влиянием винных паров «путешественник» сделал неожиданное признание. Подойдя вдруг к

книжному шкафу и скользнув глазами по корешкам, он взял с полки книжку своих мемуаров.

— Здесь, на странице 104-й, — важно заявил Оссендовский, — помещена фотография того места, где ждут своего владельца огромные ценности. Эту фотографию я сделал сам. Где именно? Скажу так: где-то у истоков Амура.

Конечно, к сообщению «литератора, путешественника, ученого» можно относиться по-разному. Но многое из того, что он рассказывает об Унгерне и своем пребывании в гостях у командира Азиатской дивизии, в основном соответствует действительности. Убедиться в этом можно, сравнив тот или иной эпизод из его книги с соответствующими фрагментами из воспоминаний других участников тех же событий.

Вторым источником сведений о «кладе Унгерна» является Камиль Гижицкий, уроженец Галиции, которому довелось служить при штабе Азиатской дивизии. До этого он воевал против красных сначала как легионер Отдельного Чехословацкого корпуса, а затем в рядах сформированной в Новониколаевске 5-й польской Сибирской дивизии генерала Чумы. Гижицкий пользовался полным доверием Унгерна, поручавшего ему ответственные задания, требовавшие изобретательности и умения держать язык за зубами. После разгрома Азиатской дивизии он счастливо избежал плена и в конце концов вернулся в Польшу, где в 1929 году во Львове вышла книга его воспоминаний «По Урянхаю и Монголии».

Гижицкий прямо ничего не говорит о местонахождении клада. Лишь как бы между прочим он высказывает предположение о том, что искать клад следует вблизи озера Буир-Нур, в одной из бесчисленных, заполненных илом и жидкой глиной лощин, которые монголы называют «лагами». Распорядиться, чтобы золото было зарыто в земле, Унгерн не мог, утверждает Гижицкий — генерал чтил ламаистские обычаи, которые запрещают копать землю, считающуюся святой. Автор воспоминаний отмечает, что барон даже носил сапоги с загнутыми кверху носами, дабы ненароком не нарушить ламаистского запрета.

Наконец, есть еще и третий источник сведений о кладе — Казимеж Гроховский. По специальности горный инженер, он долгое время занимался разведкой месторождений золота в южной части Барги, вел геологические исследования на востоке Монголии. После октябрьского переворота осел в Харбине, где в 1920-е годы стал директором гимназии, в которой учились дети поляков, эмигрировавших из большевистской России. Тогда же начал собирать всевозможные материалы о поляках на Дальнем Востоке, на основе которых написал книжку, изданную в 1928 году в Харбине.

На основании рассказов лиц, хорошо знавших командира Азиатской дивизии, Гроховский пишет, что, в связи с неудачным началом похода на север, первое, что счел необходимым предпринять Унгерн, так это отправить дивизионную кассу из района боевых действий в безопасное место на востоке. После нескольких дней пути маленькая группа солдат, сопровождавшая ценности, наткнулась на отряд красных. Завязалась перестрелка. Унгерновцы поняли, что исполнение приказа барона зависит от быстроты их коней, и постарались оторваться от красных. Однако погоня настигала. И вот примерно в 160 километрах к югу от Хайлара посовещавшись, они решили закопать золото. На слегка всхолмленной

равнине, поросшей редкими кустами, нашли небольшую лощину в которой и спрятали его…

Если собрать все эти скупые сведения воедино, то площадь района вероятного захоронения «золотого клада Унгерна» составит около 600 квадратных километров. На первый взгляд кажется, что найти его там, пожалуй, потруднее, чем иголку в стоге сена. Однако при использовании современной техники, в частности, новейших магнитометров для съемки с воздуха, эта задача вполне может быть решена. При одном условии: если клад там есть. Как известно, очень трудно искать черную кошку в темной комнате…